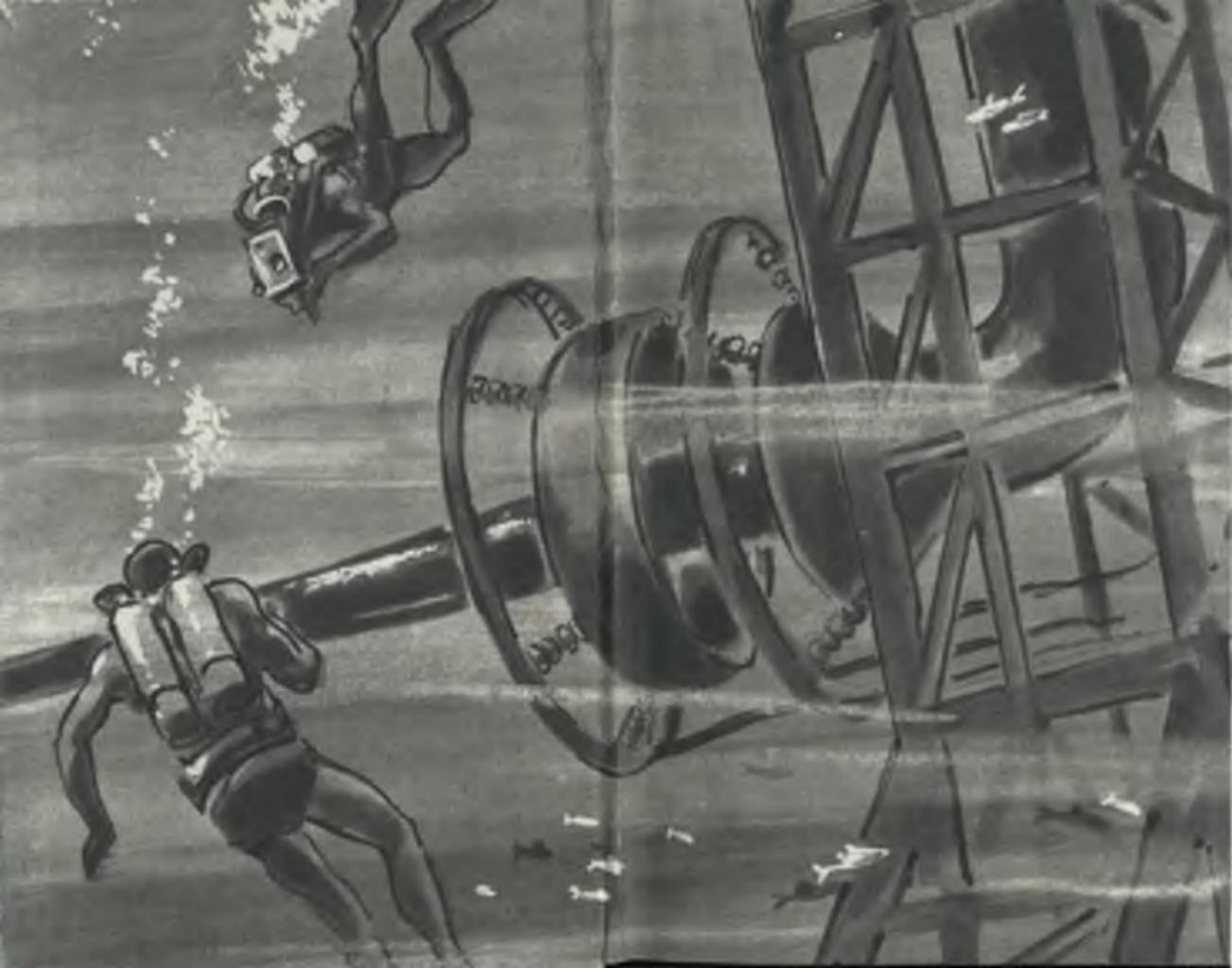

ЕВОЙСКУНСКИЙ. И. ЛУКОДЬЯНОВ
**ЭКИПАЖ
«МЕКОНГА»**

ДЕТГИЗ · 1960

*Я умру, если не увижу
Каспийское море.*

А. ГУМБОЛЬДТ

БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

МОСКВА ~ 1962

Е. Войсунский, И. Лукодьянов

ЭКИПАЖ «МЕКОНГА»

КНИГА

*о новейших фантастических
открытиях
и старинных происшествиях,
о тайнах Вещества
и о многих приключениях
на суше и на море*

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР

P2

B65

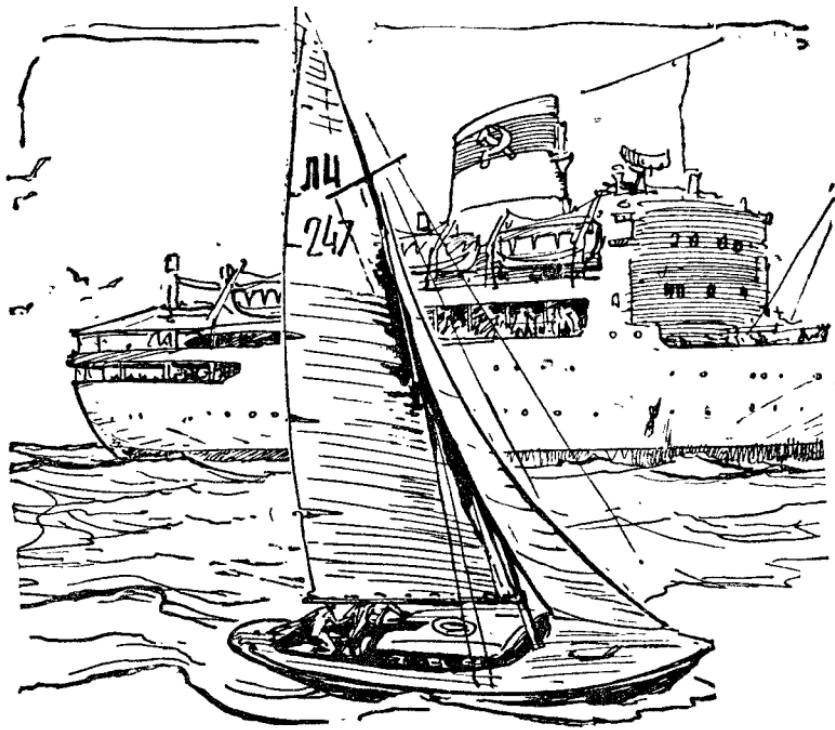
Рисунки В. Высоцкого

Часть первая

РТУТНОЕ СЕРДЦЕ

Чтобы воздействовать на неведомое вещество, которое вы хотите подчинить неведомой силе, мы должны сначала изучить это вещество.

О. Бальзак, «Шагреневая кожа»

*Глава первая,
повествующая о странном событии на борту теплохода
„Узбекистан“.*

— Знаете, не надо кораблекрушений.
Пусть будет без кораблекрушения. Так
будет занимательнее. Правильно?

*И. Ильф, Е. Петров, «Как создавался
Робинзон»*

Приятно начать приключенческий роман с кораблекрушения. Допустим, так:

«Раздался страшный скрежет, и трехмачтовый барк «Аретуза», шедший с грузом копры с Новых Гебрид, резко накренился. Бушующие волны перекатывались через...» — и так далее.

Преодолев столь естественное искушение, авторы решили иным образом начать свое правдивое повествование.

ние. Однако, желая во всем следовать хорошему тону, они торжественно обещают устроить в ходе дальнейших событий небольшое кораблекрушение.

А теперь — к делу.

Итак, в один прекрасный летний день теплоход «Узбекистан» шел по Каспийскому морю, приближаясь к крупному приморскому городу. Время было послеобеденное, прогулочная палуба пустовала. Лишь двое сидели в шезлонгах, защищенных тентом от палящего солнца: мужчина в клетчатом костюме зеленоватого цвета и пожилая дама в пенсне, углубившаяся в томик «Военных приключений».

Не будем тревожить пожилую даму. Давайте поближе познакомимся с Николаем Илларионовичем Опрытиным, которому предстоит сыграть немаловажную роль в нашем повествовании.

Это подтянутый сухощавый человек лет под сорок. У него энергичное лицо с высоким лбом, переходящим в тщательно замаскированную лысину, с тонкими губами и костистым подбородком. Гладко выбритые щеки и запах тройного одеколона создают впечатление, будто он только что вышел из парикмахерской.

Николай Илларионович не имел пагубной привычки спать после обеда. Развалясь в шезлонге, он смотрел на широкую пенную дорожку за кормой теплохода. Справа тянулся берег — желтовато-серая полоска над синей водой, — и уже был виден длинный холмистый остров, прикрывавший вход в бухту.

Опрытин подумал о том, что каких-нибудь двадцать лет назад этот остров был куда меньше. А впереди, почти по курсу теплохода, — Опрытин знал это — из воды торчат каменные стены древнего караван-сарайя; лет двадцать назад они были скрыты под водой. Когда-то здесь стоял большой торговый город. Море, медленно поднимаясь, заставило людей покинуть его и отступить к новым берегам.

На протяжении многих веков море наступало и отступало, его уровень часто менялся, причем амплитуда колебаний уровня доходила до восьмидесяти метров. А в последнее время древнее Хозарское море сильно обмелело. Потому и вылезли из воды стены караван-сарайя, а остров, лежащий при входе в бухту, разросся в длину и ширину.

Вода уходила. И люди не захотели мириться с этим. Так возникла труднейшая проблема повышения уровня Каспия. Предлагали прежде всего отрезать от моря залив Кара-Богаз-Гол, где жаркое солнце пустыни ежегодно испаряет четырнадцать кубических километров воды. Родился смелый проект поворота северных рек в Каспийское море — проект «КВП»: воды Камы, Вычегды и Печоры должны были, по этому проекту, перевалить старые водоразделы и, устремившись на юг, через Волгу напоить Каспийское море.

Но если отрезать Кара-Богаз-Гол, повернуть северные реки и добавить к их водам воды Аму-Дары, то даже и тогда уровень моря поднимется до нужной высоты — на три метра — только к будущему веку.

Так долго ждать нельзя. Ведь, в сущности, требуется в течение одного года добавить в Каспий всего одну тысячу кубических километров воды.

Легко сказать: всего! Чтобы перекачать, например, из Черного моря в Каспийское такое количество воды за год, понадобилось бы несколько тысяч самых мощных насосов, а чтобы снабдить их энергией, — электростанция мощностью в десятки миллионов киловатт.

Кандидат технических наук Опрятин хорошо знал эти цифры, потому что работал в Институте физики моря. Как раз сейчас в институте разрабатывали новый проект повышения уровня Каспия, с учетом последних достижений отечественной науки. Предстояла большая, интересная работа, и Опрятину был поручен один из самых ответственных ее участков.

Итак, теплоход «Узбекистан» шел по Каспийскому морю, которое хотя и обмелело, но не до такой степени, чтобы по нему не могли плавать теплоходы. Медленно приближался город, вставший над синей бухтой, — уже можно было без бинокля различить заводские трубы и тонкий чертежик телевизионной антенны.

Прогулочная палуба понемногу наполнилась пассажирами. Здесь было много отпускников, возвращавшихся из поездки по Волге. Они наперебой вспоминали шлюзы и каналы, храм Димитрия-на-крови, домик Кашириных и дружно сходились на том, что камышинский закат солнца куда красивее, чем восход того же светила над Казанью.

Несколько знатоков морского дела, облокотившись на

поручни, наблюдали за белой яхтой, которую догонял теплоход. Они обсуждали ее достоинства и спорили, к какому классу она относится: к «драконам» или «звездникам». Впрочем, некий обладатель бинокля установил, что это «сорокапятка»¹.

Парни и девушки в голубых майках с белыми номерами на спине беспрерывно фотографировали друг друга.

Был здесь и мужчина атлетического сложения, в полосатой рубашке навыпуск. Он чинно прогуливался под руку со своей дородной супругой и время от времени давал молодым фотографам советы относительно выдержки и диафрагмы.

— Как жаль, что отпуск кончился, правда, Толя? — произнес высокий женский голос за спиной у Опрытина.

— Хорошо, что кончился, — ответил голос, показавшийся Опрытину знакомым. — Сколько времени потеряно!

Николай Илларионович оглянулся и увидел молодую изящную блондинку в красном сарафане. Рядом с ней неторопливо шел мужчина средних лет в измятом чесучевом костюме. У него было крупное полное лицо с припухшими веками и буйная грива каштановых волос.

Они остановились у борта, неподалеку от шезлонга Опрытина, и о чем-то заговорили между собой.

Опрытин встал, одернул пиджак и подошел к ним.

— Добрый день, товарищ Бенедиктов, — сказал он негромко.

Чесучовый костюм вскинул на Опрытина не очень приветливый взгляд.

— А,уважаемый рецензент! — проговорил он. От него пахло коньяком.

— Заметил вас еще за обедом, в ресторане, — продолжал Николай Илларионович, — но не решился побесконтакт... Опрытин, — представился он спутнице Бенедиктова, вежливо наклонив голову.

— Матвеева, — ответила блондинка. — Слышала о вас.

Опрытин улыбнулся уголками губ:

— Не сомневаюсь. Отзывы были, конечно, не слишком лестные.

Он сказал это полууточнительно-полуутвердительно, и блондинка в ответ только слегка пожала плечами.

¹ Яхта с площадью парусов в 45 квадратных метров.

Солнце освещало ее лицо, карие глаза казались теплыми и прозрачными. И в то же время было в этих глазах что-то невеселое.

— Вы тоже ездили по Волге? — спросила она.

— Нет. Я сел на теплоход сегодня ночью в Дербенте. Ездил туда в командировку. Кстати, любопытное происшествие случилось со мной в этом Дербенте...

Опрытин посмотрел на Бенедиктова. Тот стоял со скучающим видом, не выказывая ни малейшего интереса к любопытному происшествию.

«Они изволят сердиться, — подумал Опрытин. — Злопамятный тип, однако...»

Прошлой весной редакция научного журнала предложила Опрытину дать с энергетической точки зрения рецензию на статью некоего биофизика Бенедиктова. Статья была примечательная. Вначале в ней шла речь об ионофорезе — явлении, известном еще с 1807 года, когда московский профессор Рейсс открыл, что капли одной жидкости могут проходить сквозь другую. Автор статьи разбирал это явление с позиций современной физики: взаимопроникание связано с наличием свободных зарядов — ионов — на границе жидкостей, то есть на границе двух противоположно заряженных полей. Ионофорез широко применяется в медицине: ионизированные жидкые лекарства вводятся сквозь кожу больного без ее повреждения.

Далее автор статьи излагал свои наблюдения над рыбами, имеющими электрические органы. Он приводил интересные сведения об этих живых генераторах. К примеру, электрический скат *Torpedinidae* дает 300 вольт при восьми амперах. Электрический угорь *Electrophorus Electricus* — до 600 вольт. Рыбы семейства *Gymnarchus* дают незначительное напряжение, но способны к локации: они посыпают около 300 импульсов в секунду. Автор утверждал: рыбы, являясь наиболее сильными энергоснителями из живых существ, создают вокруг себя электрическое поле, и под его действием окружающая вода проходит через их наружные покровы внутрь организма. Он вживлял в тело рыб контакты и измерял разность потенциалов кожи и внутренних органов. И пришел к выводу, что в известных электростатических условиях жидкость диффундирует, проникает сквозь живые ткани. В статье выдвигалась гипотеза: будто бы скоро станет

возможно подвергнуть рыб особому облучению и сделать их проницаемыми и проницающими в нужных зонах. Чтобы они свободно проникали, например, сквозь бетонные плотины на реках.

Опрытин написал рецензию, в которой отдавал должное интересным опытам с рыбами, но высмеял — впрочем, вполне вежливо — фантастическую гипотезу о проницаемости. В редакции его познакомили с автором статьи, Бенедиктовым. Произошел короткий разговор. Бенедиктов не пожелал согласиться с доводами Опрытина, назвал рецензию «узколобой», а свою статью вовсе забрал из редакции, заявив, что не хочет ее публиковать.

С тех пор прошло три с лишним месяца. И вот они встретились снова — автор статьи и рецензент.

— Зря вы на меня тогда обиделись, товарищ Бенедиктов, — мягко сказал Опрытин. — В вашей статье было много интересного, и я, если помните, отметил...

— Я не обижусь, — прервал его Бенедиктов. — Просто считаю, что вы... м-м... не совсем компетентны в вопросе о биотоках.

Опрытин вытащил носовой платок, промакнул потный лоб.

— Не будем спорить, — сказал он сдержанно. — Вы разбираетесь лучше в одном, я — в другом. Не так ли?

— Вот и занимались бы своим делом. А в мое...

— Толя!.. — Блондинка предостерегающе тронула мужа за рукав.

«Напрасно я затеял разговор, — подумал Опрытин. — Он слишком возбужден...»

— Успокойтесь, — сказал он, — я не собираюсь вмешиваться в ваши дела. Надеюсь, вы и сами поймете, что гипотеза ваша беспочвенна. От ионофореза до взаимной проницаемости тел бесконечно далеко. До свиданья.

Опрытин с достоинством повернулся, но не успел сделать и двух шагов.

— Послушайте! — окликнул его Бенедиктов. — Хотите, покажу вам проницаемость?

— Толя, перестань! — сказала блондинка. — Прошу тебя...

Бенедиктов отмахнулся.

— Смотрите! — Он сунул руку за пазуху и вдруг выхватил нож.

Опрытин невольно сделал шаг назад.

— Эй, гражданин! — Атлет в полосатой рубахе быстро подошел к Бенедиктову. — Вы чего безобразничаете? Что за шутки с ножиком?

Бенедиктов не обратил на него внимания.

— Вот вам проницаемость! — С этими словами он задрал на левой руке рукав и полоснул ее ножом.

Кто-то из пассажиров ахнул. Вокруг стала собираться толпа.

— Видали? — Бенедиктов еще раз всадил нож в руку.

Узкое лезвие с дымчатым узором легко прошло насквозь, не оставив на руке ни царапины.

Толпа оторопела.

Бенедиктов засмеялся и хотел было спрятать нож, но тут к нему снова подступил атлет.

— А ну, давай сюда! — сказал он. — Я тебе покажу, как людей пугать.

Он схватился за лезвие ножа и почувствовал, что зажал в кулаке пустоту...

— Прочь! — крикнул Бенедиктов.

Но атлет вывернул ему руку, и нож упал на палубу в опасной близости к борту. Сразу несколько человек бросились к нему...

В следующий миг из самой гущи свалки вынырнул красный сарафан и, мелькнув под поручнями бортового ограждения, полетел с шестиметровой высоты в воду.

— Человек за бортом! — закричал кто-то.

Плюхнулись в воду спасательные круги. Заскрипели тали щлюпбалок. Теплоход начал описывать циркуляцию, возвращаясь к месту падения человека. Но этот маневр был уже не нужен. Белая яхта, которая оказалась в сотне метров от теплохода, сделала бешеный поворот фордевинд, накренилась и, чертя по воде концом гротагика, понеслась к мелькавшей в волнах голове.

Все увидели, как высокий загорелый парень кинулся с яхты в воду, и через несколько минут сарафан уже плавал на борту маленького суденышка.

«Узбекистан» подошел к яхте с подветра.

— Помощь нужна? — крикнул с мостика вахтенный помощник.

— Не надо! — донесся снизу женский голос. — Меня довезут.

Пассажиры взволнованно обсуждали происшествие, нацеливались на яхту фотоаппаратами. Бенедиктов,

белый как молоко, стоял в сторонке, вцепившись в поручни, и смотрел за борт.

Опрытин оглядел палубу и убедился, что ножа нет. Подняв голову, он встретил пристальный взгляд атлета.

— Интересный ножик, — сказал атлет. — Жаль, рыбам достался.

Опрытин отвернулся и посмотрел на яхту.

Там все было в порядке. Загорелый яхтсмен сидел на руле. Другой парень, с красной косынкой на голове, вился у мачты. Он быстро перебрал руками, и на мачту взлетел красный сарафан, поднятый на спинакерфале, — очевидно, для просушки.

Обладательница сарафана скрывалась в каюте.

Яхта отставала. Оттуда доносились песня. Слова амбулаторных плакатов чередовались в ней с популярными рекламными текстами, и все это пелось на разудалый мотив:

Когда на стройке кончается смена,
Эх, я под душ становлюсь непременно
Моюсь водой, закаляюсь водой —
Бодрый всегда и всегда молодой!
Пейте пиво заводов «Главпива»
Курите сигары «Главтабака»...

Глава вторая,

в которой читателю предлагается совершить прогулку на яхте вместе с главными героями нашего повествования

Затем он сходил на набережную Железного лома, чтобы подобрать новый клинок к своей шпаге.

А. Дюма, «Три мушкетера»

Теперь нам придется перенестись во времени на несколько часов назад, а в пространстве — с палубы «Узбекистана» на толкучий рынок большого приморского города.

По случаю воскресенья рынок был так густо наполнен людьми, что его можно было смело уподобить плотному веществу, элементы которого находятся в непрерывном движении. Продавцы и покупатели, обладая противоположными по знаку зарядами спроса и предложения, тя-

готели друг к другу, преодолевая противодействующие силы расхождений в ценах.

Сдержаные возгласы продавцов, лихие выкрики мороженщиц, разноязыкий говор, яркие краски модных товаров, сложная смесь запахов пота, одеколона и мясокомбинатских пирожков обрушивались лавиной на органы чувств.

К толкучке быстрым шагом приближались двое долговязых молодых людей. Один из них, белобрысый светлоглазый парень в тенниске огненных тонов и брюках цвета «беж», взглянул на часы и сказал:

— Четверть девятого. Валька, наверное, уже ждет на яхт-клубе.

— Подождет. В крайнем случае получишь вздрючку, — отозвался второй парень.

У него было крутолобое, скуластое лицо и шапка темных волос; серые глаза смотрели спокойно и чуточку насмешливо; из-под засученных рукавов белой рубашки торчали длинные и крепкие волосатые руки.

Молодые люди с ходу врезались в толпу у ворот и попытались, подобно жестким гамма-квантам, проскочить сквозь нее прямолинейно, но на первых же метрах их скорость заметно снизилась.

Они остановились возле киоска с газированной водой. За киоском высились ворота с черно-золотой табличкой:

РЫНОК РЕАЛИЗАЦИИ
НЕНУЖНЫХ
НАСЕЛЕНИЮ ВЕЩЕЙ

— Странное дело, — заметил Юра (так звали парня в тенниске): — на одних вывесках «продажа», на других — «реализация». Почему такой разнобой, а, Колька?

— Реализация, — вдумчиво сказал Николай, — приведение к реальности... Когда-то этим делом идеалист Платон занимался, а теперь — торговая сеть.

— Значит, есть еще идеалисты в торговой сети! — Юра захочотал и протянул Николаю ладонь, и тот, смеясь, хлопнул по ней.

— Налейте нам, пожалуйста, водички, — обратился Николай к молоденькой продавщице.

Юра залпом выпил стакан, поставил его на мокрый прилавок и спросил:

— Девушка, а вы реализуете или продаете воду?

— Воду мы отпускаем, — серьезно ответила продавщица. — Воду, хлеб, мясо, картошку — это все отпускают. А готовое платье — продают. Есть, конечно, другие вещи — их реализуют. Вот у вокзала — видели? — «Реализация головных уборов».

— Здорово! — восхитился Юра. — Как вы только не запутаетесь?.. Налейте еще.

Он мелкими глотками пил воду и перешучивался с девушкой, пока Николай не взял его решительно за руку и не уволок прочь.

Друзья прошли под аркой ворот и миновали вернисаж картин, писанных на крафт-бумаге, клеенке и полимерном пластикате. Такие картины можно видеть только на толкучих рынках. Преобладал один сюжет: толстые розово-фиолетовые красавицы, лежащие на поверхности ярко-синей воды. Каждой красавице придавалася ослепительно белый лебедь.

— Ну и ну! — сказал Юра, останавливаясь перед одним из полотен. — Какое богатство красок!

— Леда и лебедь, — бросил Николай. — Классический сюжет.

— Эта толстая дама — спартанская красавица Лeda? — Юре стало смешно. — Мама Елены Прекрасной и Клитемнестры? Теща царей Менелая и Агамемнона?

— А ты посмотри, как она лежит, — начал было Николай.

Но тут к ним подошел седоватый загорелый человек лет сорока с лишком. У него были мягкие щеки, крупные роговые очки, круглый животик.

— Нехорошо, — сказал он тихо. — Очень нехорошо.

Молодые инженеры разом обернулись.

— Борис Иванович! — воскликнул Юра.

Это был Борис Иванович Привалов, руководитель отдела, в котором они работали.

— Нехорошо, — повторил Привалов. — Нашли, на что глазеть!

— А вы посмотрите, Борис Иванович, — сказал Николай. — Дама лежит на воде и не тонет. Как на диване.

— Гм! — Привалов всмотрелся в фиолетовую красавицу. — Действительно. Сверхмощное поверхностное натяжение воды.

Юра сказал:

— Если иголку смазать маслом, она тоже лежит на воде. Еще в школе такой опыт делали.

— А вы, собственно, что здесь ищете? — спросил Привалов. — Не картину же покупать пришли?

— Мы были на яхт-клубе, — объяснил Юра. — Стали прибирать яхту, смотрим — на стаксель-фале надо менять блочок. Поискали в шкиперской — ничего хорошего. Боцман Мехти рассердился и говорит: «Разборчивый стал, как болонский собачка. Не нравится — иди на толкучку, там ищи». Вот и пришлось бежать сюда. А вы что здесь делаете, Борис Иванович?

Привалов огляделся по сторонам:

— Да так... Ничего особенного.

— Борис Иванович, а можно искусственно усилить поверхностное натяжение? — спросил Николай.

— Усилить?

— Да. — Николай ткнул пальцем в синюю поверхность воды на картине. — Чтобы как здесь — лечь на воду и лежать.

— А зачем?

— Не знаю. — Николай пожал плечами. — Просто пришло в голову.

Привалов снова оглянулся.

— Вопрос интересный, — сказал он, помолчав немножко. — Но прежде всего надо задать другой: что такое поверхность вообще?

Он посмотрел сквозь очки сначала на Николая, а потом на Юру. И начал: уравновешенность внутренних сил внешними... Энергия, направленная внутрь... Двойной электрический слой... Борис Иванович любил поговорить о научных проблемах. Если его «заводили», он мог рассказывать сколько угодно.

Возле них стали собираться прохожие: то один остановится послушать, то другой.

— Борис! — раздался вдруг взволнованный женский голос. — Куда ты задевался?

Привалов запнулся на полуслове.

— Я здесь, Оля, — сказал он круглицей полной женщины, которая протиснулась к нему сквозь толпу.

— Прямо наказание! — тихо сказала она, разводя руками. — Вдруг исчез куда-то... Целую толпу собрал...

— Извини, Оля. — Борис Иванович смущенно снял очки и протер их. — Понимаешь, встретил сотрудников...

— Я вижу. — Женщина кинула гневный взгляд на картину. — Стоишь тут и глазеешь на эту гадость!

— Доброе утро, Ольга Михайловна, — сказал Юра, сердечно улыбаясь. — Это мы виноваты, честное слово...

— Здравствуйте, — сухо ответила женщина. — Идем, Борис. Я видела в одном месте босоножки, как раз твой номер. Если их уже не продали, конечно.

Привалов с грустью кивнул сотрудникам и двинулся за женой. Но, не пройдя и нескольких шагов, он вдруг остановился и присел на корточки перед грудой металлического старья.

— Молодежь! — позвал он. — Идите-ка сюда. Вы блок искали? Вот подходящий.

Николай взял блок, осмотрел, сказал:

— Пойдет.

— Борис! — позвала Ольга Михайловна.

— Сейчас. — Привалов, сидя на корточках и подняв очки на лоб, разглядывал ржавый металлический брускок, постукивал по нему ногтем.

Николай расплатился за блок. Ржавый брускок продавец отдал в придачу, махнув на него рукой. Привалов завернул его в обрывок газеты и сунул в карман.

— Зачем вам эта железяка? — спросил Юра.

— Понравилась. Ну, сиамские близнецы, до свиданья.

— Борис Иванович, — сказал Николай, понизив голос, — мы хотим выйти в море на яхте. Думаем настройплощадку заглянуть.

— А! Это идея. — Привалов оживился. — Прекрасная идея! Я как раз собирался... Одну минуточку.

Он подошел к жене и тихо заговорил с ней.

— Ну нет! — возмутилась Ольга Михайловна. — В кой веки вытащила тебя сюда! Какой может быть трубопровод в воскресенье? Все люди отдыхают.

— Там по воскресеньям работают, потому что лучше с электроэнергии...

— Борис, ты опять хочешь остаться без босоножек? Я все магазины обегала, нигде нет сорок пятого номера! Только здесь можно...

— Не нужны мне босоножки, — твердо заявил При-

валов. — Обойдусь. В общем, Оля, извини и не сердись... Я пошел. Вернусь к обеду.

Ольга Михайловна вздохнула и укоризненно посмотрела ему вслед.

Покинув рынок, Привалов и его молодые сотрудники сели в троллейбус и минут через двадцать добрались до яхт-клуба.

На краю бона сидела черноволосая девушка в белой блузке и пестрой юбке. Она болтала загорелыми ногами и читала книгу.

Увидев ее, Юра быстрее зашагал по решетчатой палубе бона.

— Валя-Валентина, привет! — крикнул он.

Девушка захлопнула книгу и легко вскочила на ноги. Лицо у нее было смуглое, нежно округленное — и сердитое.

— Безобразие! — сказала она, снимая защитные очки и строго глядя на Юру. — Договорились на восемь, а уже десятый час.

— У нас было срочное задание от Мехти, — объяснил Юра. — Борис Иванович, вы знакомы? Это Валя.

— Очень рад, — сказал Привалов, пожимая Валину руку. — Я знаком с вами по телефону. Ведь это вы звоните Юрию Тимофеевичу?

— Да, — заулыбалась Валя. — Но, может быть, не только я?

— Можешь не сомневаться, — заверил ее Николай. — Полгорода звонит. Главным образом девушки.

Привалов усмехнулся:

— Ну-ну, не преувеличивайте, Коля.

— А что? — сказал Юра. — К чему скрывать: я популярен.

Валя засмеялась и ущипнула его за руку.

Они спустились на белую яхту, причаленную к бону. На ее бортах красовалось название — «Меконг»..

Почему каспийская яхта носила название великой реки, на протяжении четырех с половиной тысяч километров несущей свои воды через Китай, Бирму, Лаос, Таиланд, Камбоджу и Вьетнам?

Яхтсмены — любители звучных названий. Их не удовлетворяют избитые «Финиш», «Старт» и «Ураган». Им больше по душе «Вега», «Орион», «Арктур» или новомодное «Спутник».

Бывший командир белой яхты дал ей звонкое имя «Меконий», которое, как ему казалось, имеет отношение к греческой мифологии. На следующий день его встретили непонятными намеками и не совсем приличными шутками. Он заглянул в энциклопедию, узнал, что слово это действительно греческое, но совсем не мифологическое, и больше на яхт-клубе не появлялся.

Яхта досталась после него Николаю и Юре. Будучи рационалистами, они не стали ломать голову над новым названием, а переделали только конец старого, превратив неприличный «Меконий» в могучий «Меконг».

...Блочок на стаксель-фале уже заменен новым, и «Меконг», накренившись на правый борт, идет полным бакштагом, пересекая широкий залив.

— Шкоты на утки! — скомандовал Николай. Здесь он был командир.

Привалов формально входил — уже второй год — в экипаж «Меконга». Но была у Бориса Ивановича могущая страсть — в выходной день поваляться дома с книжечкой на диване. Вот почему он не слишком часто появлялся на яхт-клубе, хоть и любил парусный спорт.

Закрепив стаксель-шкот, Привалов растянулся на горячих досках палубы. Хорошо было лежать, ни о чем не думая, подставив голую спину солнцу, и смотреть, как уплывает, уплывает город с его шумом и вечными заботами, и слушать, как перешучиваются парни и смеется девушка.

Хорошо бы ни о чем не думать... Но в голову упорно лезли мысли о трубопроводе.

Уже немало времени прошло, с тех пор как в «НИИ-Транснефти» — институте, в котором работал Привалов, — родился смелый проект прокладки подводного трубопровода с материка до Нефтяных Рифов — знаменитого нефтепромысла в открытом море. Пока что оттуда нефть доставляли танкерами.

Проект был таков: намотать на гигантское колесо, лежащее в воде у берега, сорокакилометровую «нитку» десятидюймовых труб, а потом буксировать эту «нитку», разматывая ее с колеса, прямо до Нефтяных Рифов.

Приваловский проект многим казался рискованным, но все же был принят.

Последнюю неделю Привалов был очень занят в институте и ни разу не смог съездить на строительную пло-

щадку. Весьма кстати подвернулись сегодня ребята со своей яхтой.

...Легкий северный ветерок тянулся с берега, яхта шла ровно, плавно покачиваясь. Свесив голову, Привалов задумчиво смотрел, как вода двумя упругими бурунами с силой обтекала белую обшивку. Казалось, будто яхта не режет, а только прогибает зеркало воды.

Вода сопротивляется. Натяжение поверхности...

Странная мысль вдруг пришла Привалову в голову.

Он приподнялся на локтях и, щурясь, посмотрел на Николая, сидевшего на руле.

— Вот что, — медленно сказал Привалов: — усиленное поверхностное натяжение жидкости может заменить трубу.

— Не понял, Борис Иванович, — сказал Николай.

А Юра, который сидел с Валей на другом борту, высунул из-под стакселя голову в красной косынке и с любопытством уставился на шефа.

— Не поняли? — Привалов потянулся к своим брюкам и вытащил портсигар. — Возьмите подводный нефтепровод, — продолжал он, закурив. — Перекачиваемая жидкость отделена от моря стенкой трубы, так? Теперь: усиливаем поверхностное натяжение жидкости. Нефть будет удерживаться в струе как бы пленкой собственной натянутой поверхности. Труба станет ненужной. Теперь понятно?

— Черт возьми! — сказал Николай. — Беструбный трубопровод... А как вы усилите натяжение?

Но Привалов лег на спину, зажмурился и сказал:

— Впрочем, все это фантастика.

— Фантастика?

— Да. У поверхности особые свойства. Никто не умеет ими управлять. Выкиньте из головы. Вздор.

Привалов умолк и до самого конца пути не сказал больше ни слова.

Яхта обогнула желтый язык мыса и пошла к берегу. В ста метрах от него пришлось стать на якорь: подойти ближе не позволяла осадка. Привалов из-под ладони внимательно оглядел песчаный пляж, на котором виднелись какие-то сооружения, огороженные колючей проволокой:

— Как в пустыне, — проворчал он. Затем снял очки, прыгнул за борт и неторопливыми саженками поплыл к берегу.

Юра и Николай тоже кинулись в воду и поплыли на перегонки.

Выйдя на пляж, все трое огляделись.

В берег врезалась небольшая бухточка, обработанная плавучим экскаватором до точной круглой формы. В бухточке лежало колесо диаметром больше двухсот метров; его двойной обод был сварен из труб. Втулкой колеса служили десятиметровые кольца, тоже сваренные из труб. В центре торчал куст свай. Обод соединялся с втулкой множеством тросов. Казалось, что в прозрачной воде бухты лежит гигантское велосипедное колесо.

Трубы были подобраны таким образом, что все сооружение ничего не весило в воде.

На колесо было навернуто несколько километров готового, сваренного и покрытого антикоррозийной изоляцией трубопровода. Конец «нитки» тянулся по роликовой дорожке к автоматической контактно-сварочной машине. От обода колеса на берег шел трос, прикрепленный к крюку трактора: после приварки очередной трубы трактор, подтягивая трос, слегка поворачивал огромное колесо, освобождая на сварочной машине место для следующей трубы.

Возле машины на стеллажах лежали трубы, покрытые изоляцией, дальше — штабеля неизолированных труб, над которыми уныло свесил шею автокран. В стороне стояли под навесом трансформаторы, к ним шагала временная линия электропередачи. Были тут и котлы для варки битума, и чего только еще не было! Не хватало одного: людей.

Впрочем, неподалеку от сварочного автомата стоял грузовик, и несколько человек затащивали на него что-то тяжелое.

Привалов быстро пошел к грузовику, молодые инженеры последовали за ним. Но путь преградил человек в форменной фуражке, выцветшей майке и брюках, засущенных по колено. Ноги его были босы, за плечами болталась винтовка.

— А ну, давай назад! — закричал он. — Не видишь — проволока?

— Мы из «НИИТранснефти», — сказал Привалов.

— Это автор проекта трубопровода, — добавил Юра. — Не узнаешь? Мы же сто раз сюда приезжали, правда пешим путем и в штанах.

Охранник недоверчиво посмотрел на автора проекта, чью грузноватую фигуру украшали только синие трусы.

Тут подошел один из хлопотавших возле грузовика — человек в синей спецовке, из всех карманов которой торчали бумажки.

— Здравствуйте, товарищ Привалов, — сказал он. — В чем дело?

— Вот именно, в чем дело? — резко сказал Привалов. — Почему прекращены работы?

— Есть указание форсировать другой объект.

— Чье указание?

— У меня одно начальство — СМУ.

— Вы что же, намерены снять площадку?

— Пока снимаю компрессор. Мне за простой денег не дают.

— А вы знаете, что за срыв срока по трубопроводу вас по головке не погладят? — с холодным бешенством сказал Борис Иванович.

— Мне не привыкать, — невозмутимо ответил прораб. — Я вас, Борис Иванович, давно знаю. Вашей книгой о трубопроводах пользуюсь. Нравится мне ваш проект, но у меня положение такое: мне прикажут — я завтра это колесо автогеном порежу. Хотя знаю, что интереснее этой стройки у меня не было.

Он повернулся и пошел, увязая в песке, к грузовику.

Привалов близоруко щурился ему вслед.

— Третьего дня, — доверительно сказал вдруг охранник. — Третьего дня приезжали на ЗИЛе. Вокруг колеса ходили, головами качали... Нá, закури, белобрысый. — Он протянул Юре папиросы. — Мне-то что, я давно в должности, всего навидался. Только как трубы на колесо накручивают, первый раз вижу.

— Ты, мушкетер, с нами дружбу заимей, — сказал Юра, — тогда и не такое еще увидишь.

Было уже далеко за полдень, когда яхта пустилась в обратный путь.

Николай полулежал рядом с Приваловым, зажав в руке стакель-шкот, и задумчиво смотрел на большой белый теплоход, который нагонял яхту. Юра теперь сидел на руле, а Валя примостилась возле него.

— Юрик, — сказала она шепотом, — а у Коли... Он встречается с кем-нибудь?

— А ты спроси у него самого.

— Что ты! — Валя засмеялась. — Он такой серьезный, я его побаиваюсь. — Немного погодя она добавила: — Помнишь Зину, мою подругу? Давай познакомим их.

— Лучше не надо, — сказал Юра. — Он очень требовательный.

— Подумаешь! — Валя надулась и замолчала.

Юра затянул песню, и Николай подхватил ее. Слова для песен они придумывали сами или просто распевали какие-нибудь стихи на популярный мотив.

Между тем теплоход поравнялся с «Меконгом». Экипаж яхты обратил внимание на толпу пассажиров под тентом прогулочной палубы.

— Драка там, что ли? — сказал Николай, всматриваясь в беспокойную людскую массу, столпившуюся на палубе. — Смотрите!

С высокого борта теплохода сорвалась тонкая фигура в красном и полетела в воду.

— Поворот фордевинд! — крикнул Николай.

Юра навалился на румпель. Завижили блоки, и гро-та-гик перебросился на другой борт, описав широкую дугу. Яхта мгновенно развернулась и полетела к теплоходу, до рубки уйдя правым бортом в воду. Корпус задрожал, зазвенели штаги.

— Держи, Валя! Ногами упирайся! — Николай передал девушке стаксель-шкот и, сильно оттолкнувшись, прыгнул в воду.

*Г л а в а т р е тъя,
в которой Опрытин сообщает Привалову одни сведения
и попутно выведывает другие*

— Полагаю — ты не надеялся найти здесь епископа. Однако почему эти кости так странно лежат?

И действительно, скелет лежал в неестественной позе.

P. Стивенсон, «Остров сокровищ»

К концу занятий в кабинет Привалова зашел его старый друг, Павел Степанович Колтухов, главный инженер «НИИТранснефти».

— Ну, Борис, — сказал он, присаживаясь к столу и

вытягивая длинные ноги, — уладили: завтра возобновляются работы на стройплощадке.

— Слава те господи! — Привалов откинулся на спинку стула. — Руки пооборвал бы этим экономистам! Тоже мудрецы! Подают докладную, будто выгоднее возить нефть танкерами, чем качать по трубопроводу. А возвратные рейсы порожняком — это экономисты не учитывают? А приемка и выпуск балластной воды? А число штормовых дней на Каспии?

Колтухов согласно кивал лысой головой. Затем он вставил в рот папиросу и остренько взглянул на Привалова из-под мохнатых бровей:

— Ты меня в преимущество трубопровода не убеждай — сам знаю. Ты мне скажи: куда будем вести первую нитку?

— В проекте два варианта. Я предлагаю — к северной эстакаде.

— А Маркарян уверяет, что лучше к восточной. Позвони ему, пусть зайдет.

Вошел инженер Маркарян, маленький, подвижной, небритый.

— Вот что, голубчики, — сказал Колтухов, окутываясь дымом. — Посмотрел я ваши варианты и вижу: равнозначные они. Технически и экономически. Вы что же, не можете между собой договориться? Нянька нужна? Наставница?

— С этим упрямым человеком разве договоришься? — проворчал Привалов.

— Ты упрямый! — Маркарян вскочил со стула, забегал по кабинету. — Я сколько раз тебе говорил: восточная эстакада...

— Сядь! — махнул ему рукой Колтухов. — Про Буриданова осла слышали? Который не знал, какую из двух одинаковых охапок сена выбрать и подох с голоду. Так я вам не Буриданов осел. — Он вытащил из кармана двадцатикопеечную монету.

— Так нельзя, Павел Степанович, — запротестовал Маркарян.

— Можно. Практическое приложение теории вероятности. Чистейшая кибернетика, только без электроники. «Орел» — восточный вариант, «решка» — северный.

— Это, полагаю, не серьезно? — сказал Привалов.

— Тебе не нравится уличная терминология? Ладно,

применим термины Монетного двора. Не «орел» и «решка», а «аверс» и «реверс».

Колтухов раскрутил монету, она зажужжала по настольному стеклу и упала.

— Принят вариант Маркаряна, — объявил Колтухов.

Маркарян радостно хохотнул, потер руки и вышел.

— Нелогичное решение! — сердито сказал Привалов.

— В этом его ценность, — возразил Колтухов. — Задачу выбора из двух равных не может решить только электронно-счетная машина. А человек может. Способность к нелогичным решениям, когда нет решения логичного, — в этом, если хочешь, преимущество человечьего мозга над электронным.

Он подошел к большой карте Каспийского моря, висевшей на стене, и немного постоял перед ней.

— Сорок километров труб, — проговорил он. — Да еще три нитки — это сто шестьдесят. А на очереди Транскаспийский трубопровод — еще триста километров... Устилаем дно Каспия металлом.

— Миллионами рублей, — добавил Привалов, тоже подходя к карте. — Двадцатый век на дворе, а мы, как в первом, без труб не умеем транспортировать жидкость.

Колтухов пожевал губами, спросил:

— Последнюю статью Аршавина прочел?

— Не успел. Но про его работу знаю. Предлагает буксировать нефть через море в огромных мешках из тонкой пленки. Конечно, выгоднее танкерных перевозок.

— Ты прочти статью, — посоветовал Колтухов. — Аршавин разработал, понимаешь, целую теорию автоматического приспособления длины мешка к длине волны. Энергия на преодоление трения о воду черпается из энергии самой волны. Занятная штука. — Колтухов налил из графина стакан воды и выпил; кадык на его худой, морщинистой шее ходил при этом вверх-вниз, как поршень в цилиндре. — Так вот, — продолжал он, — для аршавинских мешков нужна очень прочная и тонкая пластмассовая пленка.

— Ну, это по твоей части, — сказал Привалов.

— Набросал я, Борис, статейку на этот счет. Кое-какие соображения о пленке. Зайди вечерком — почитаю.

— Пластмассовая пленка — та же труба, — задумчиво проговорил Привалов. — Принципиально ничего нового...

— Ничего нового? — Колтухов явительно хмыкнул. — А ты что нового предлагаешь?

— Засела у меня в голове одна мыслишка, — признался Борис Иванович. — Из области физики поверхности. Любая поверхность обладает энергией, так? Представь себе, что будет найден способ управлять этой энергией для изменения свойств поверхностного натяжения...

— Постой. Есть вещества, которые прекрасно воздействуют на поверхность; их так и называют: ПАВ — поверхностно-активные вещества. Моющие средства, разжижающие...

— ПАВы уменьшают натяжение, — возразил Привалов, — а я имею в виду усиление. Такое усиление, чтобы, скажем, нефтяная струя держалась... ну, что ли, в коже собственной поверхности...

— Где это ты подхватил такую идею?

Привалов улыбнулся:

— На толкучке. — Он коротко рассказал о разговоре с молодыми инженерами.

— Старый фантазер! — Колтухов засмеялся дребезжащим смешком. — Молодежь сбиваешь с толку. Поменьше бы читал на ночь Жюля Верна.

— Ладно, ладно.

— Не тот уже возраст, Борис.

— Возраст? При чем тут возраст? Я читаю и перечитываю то, что мне нравится. Жюль Верн меня освежает.

Зазвонил телефон. Привалов снял трубку.

— Да... Здравствуйте... Пожалуйста, заходите. — Он положил трубку. — Опрятин из «Физики моря» звонил.

— А, старый знакомый, — сказал Колтухов. — Часто у тебя бывает?

— Нет. Я чаще встречаюсь с изыскателями из «Физики моря», они нам трассу помогают выбрать.

Колтухов посмотрел в окно. Институт физики моря был расположен на другой стороне улицы. Из его широкого подъезда вышел сухощавый человек в соломенной шляпе и быстро пересек улицу.

— Торопится сосед, — сказал Колтухов. — Дельный мужик, говорят. Могу поручиться, что он с детских лет не беспокоил Жюля Верна... Войдите! — крикнул он, услыхав стук в дверь.

Вошел Опрытин, снял шляпу, поздоровался.

— Как здоровье, Павел Степанович? — сказал он, приглаживая жидкие волосы. — Давно вас не видал. Что поделываете?

— А ничего такого. — Колтухов любил в разговорах с посторонними прикинуться этаким простоватым, как он сам выражался, «воронежским мужичком»; он и в самом деле происходил из воронежских крестьян. — Хожу вот, руковожу... Споры всякие разрешаю, если кто не может двум свиньям корм разделить...

Опрытин вежливо улыбнулся.

— А как ваши смолы и пластмассы? — спросил он. — Все увлекаетесь?

— Какое там! — Колтухов развел руками. — Руководство много отнимает времени. Верно, есть у меня чуланчик — мешалка там, термостатики, пресс... Иногда поймаю в коридоре кого из молодежи за неслужебными разговорами — ну, тут уж изволь, голубчик, отправляйся в чулан, отпрессуй пару образчиков из пластмассы. В виде наказания. А то ведь, знаете, от смол какой запах непрекрасный... А с вами, говорят, приключение было? — спросил он неожиданно.

— Какое приключение? — Опрытин насторожился.

— Директор ваш рассказывал. Ездил, говорит, мой Опрытин в Дербент, в какую-то яму угодил, командировку пришлось продлить.

— Да. — Тень сбежала с лица Опрытина. — Была маленькая неприятность...

— Ну ладно, — сказал Колтухов, взглянув на часы, — не буду вам мешать.

Он кивнул и неторопливо пошел к двери, ставя длинные ноги носками внутрь.

Здесь будет уместно рассказать о дербентском приключении Николая Илларионовича.

В Дербент, древний город Железных Ворот, некогда охранявший самое узкое место караванного пути между горами и морем, Опрытин ездил, чтобы осмотреть остатки старинных крепостных стен и уточнить сведения о древнем уровне моря. Неведомые мастера сложили когда-то эти стены из корытообразно выдолбленных огромных камней, залитых для тяжести свинцом; камни

прикрепляли к надутому воздухом бурдюку и вплавь буксировали туда, где искусные водолазы выкладывали подводную часть стен.

В последний день командировки Опрятин забрел в древнюю каменолому на пустынном берегу. Оступившись, он попал ногой в расселину — и вдруг камень под ногой ушел вниз. С оборвавшимся от страха сердцем он пролетел несколько метров и плюхнулся в жидкую грязь.

Опрятин встал, отышался. Только что над головой было синее жаркое небо, а теперь со всех сторон обступила затхлая мгла... Он вытащил ручной фонарик. Дрожащий желтый лучик прошелся по замшелым сырьим стенам.

Опрятин понял, что провалился в подземный ход, соединявший когда-то крепость Чарын-кале с морем. Об этом ходе сохранились легенды, но сам он до сих пор не был найден.

Луч света скользнул вниз... Опрятин всегда умел владеть собой, но при виде останков человека его охватил ужас. Ноги сами понесли его прочь... Он попал в холодную лужу, это его отрезвило. Бежать бессмысленно. Да и от кого?

Он заставил себя вернуться к трупу и осмотреть его.

Это был человек небольшого роста, в рваном городском костюме. Видно, провалился бедняга в проклятое подземелье и был придавлен камнями... Опрятин еще посветил вокруг. Возле трупа лежал полуистлевший мешок. Опрятин пихнул его ногой, и оттуда вывалился пистолет.

«Немецкий парабеллум, — подумал Николай Илларионович. — Странно...»

Он решительно разворотил остатки мешка и увидел портативную радио, несколько плиток взрывчатки, позеленевшие патроны. Из грязи торчал металлический баллон с гофрированным шлангом — очевидно, акваланг.

Типичное снаряжение диверсанта...

Он снова посветил на человека. В разорванном вороте рубахи что-то блеснуло. Опрятин всмотрелся: это было маленько распятие, а рядом с ним — толстая железная пластинка на блестящей цепочке. Какие-то буквы были вырезаны на пластинке. Опрятин протер ее куском мешковины и прочел:

«AMDG».

Ниже шли буквы помельче, тоже латинские.

Совсем странно... Только католик может таскать на себе распятие...

Сколько же он пролежал здесь, в подземелье? Но черт с ним. Он-то, Опрытин, не собирается составить ему компанию...

Николай Илларионович поднял пистолет. С сомнением покачал головой. Потом потянул большим и указательным пальцем за боковые пуговки. Коленчатые рычаги затвора углом поднялись кверху и с сухим треском вернулись на место. Парабеллум был в исправности.

Опрытин выстрелил в светлевшее над головой «окошко» — дыру, образованную провалившейся каменной плитой. Подземелье наполнилось гулом. И снова — тишина.

Текли минуты, а может быть, часы. Опрытин стрелял, подземелье гудело, как разбуженный вулкан, но ни звука не доносилось с поверхности. Расстреляв все патроны, Опрытин, тяжело дыша, прислонился к мокрой стене. Отчаяние охватило его...

Вдруг он услышал встревоженные голоса там, наверху. Опрытин закричал. Он кричал, срывая голос и задыхаясь от смрада и пороховой гари. Отверстие закрылось: чья-то голова заслонила свет.

— Кто стрелял? — спросили сверху.

Прошло еще какое-то время, и вот наконец спустили веревку и вытащили Опрытина наверх.

Пришлось отложить отъезд, давать показания представителям местных властей, подписывать акты.

А терять время Опрытин не любил.

Две головы склонились над розовым листом светокопии: Николай и Юра сверяли отметки глубин на плане трассы трубопровода.

Молодой лаборант Валерик Горбачевский, взглянув на часы, подошел к зеркалу и принялся расправлять свои черные бачки и усыки. Зимой Валерик три недели преболел гриппом и за это время отрастил бакенбарды, которые придали его круглому мальчишескому лицу нагловатый вид. В отделе эти бачки называли «осложнением после гриппа».

Опрыгин заставил себя вернуться к трупу..

Расчесывая усики крошечным гребешком, Валерик напевал песенку о некоем Чико, который приехал из Пуэрто-Рико.

— Друг мой Валерий, — ласково сказал Юра, — где, по твоему мнению, находится Пуэрто-Рико?

— Да знаю я! — Лаборант дернул плечом.

— Кажется, недалеко от Мадагаскара?

— Кажется, — неуверенно подтвердил Валерик.

Инженеры засмеялись.

— Вот видишь, друг мой, сколь пагубно... — начал было Юра, но тут зазвонил телефон, и он снял трубку. — Николай, тебя шеф вызывает. Захвати план трассы и отметки.

Николай, прыгая через две ступеньки, поднялся этажом выше и вошел в кабинет Привалова. Там сидел неизвестный сухощавый человек в зеленоватом костюме. Он внимательно посмотрел на Николая, слегка кивнул и назвал себя:

— Опрытин.

Николай тоже представился и сел напротив Опрытина.

— Так вот, Николай Сергеевич, — Привалов посмотрел на него сквозь очки, — товарищ Опрытин — наш сосед из Института физики моря. Он сообщил мне интересные сведения, которые нам придется взять в расчет. Э-э... — Борис Иванович поднял очки на лоб и нагнулся над листом с трассой трубопровода. — Вот мель, где мы собираемся взрывать грунт.

Опрытин посмотрел и сказал:

— Излишне.

— Но мы заглубляем трубопровод, — возразил Николай, — исходя из перспективного понижения уровня моря.

— Видите ли, — сказал Опрытин, закидывая ногу на ногу и приглядываясь к Николаю, — я уже сообщил вашему руководителю: года через три уровень моря подымется. Следовательно, не стоит загублять трассу.

— У вас точные данные?

Опрытин усмехнулся:

— Точнее, чем у меня, вы ни у кого не найдете.

Привалов откинулся на спинку стула, и очки его сами собой опустились на переносце.

— Ну-с, — сказал он, потирая лоб, — ничего не поделаешь, придется пересмотреть отметки. Прошу вас, Ни-

колай Сергеевич, завтра же сходите в Институт физики моря. Можно будет, Николай Илларионович?

— Пожалуйста, — кивнул Опрытин. — Во второй половине дня.

— Вот и отлично. Вы не представляете себе, сколько нервов выматывает у нас трубопровод. Чересчур осторожные люди тормозят работу. В прошлое воскресенье мы были на площадке и... А, да что говорить.

— Понимаю, — сочувственно сказал Опрытин. — Кстати, Борис Иванович, я не знал, что вы увлекаетесь парусным спортом.

— А что?

— Я видел вас в воскресенье на красивой белой яхте.

— Позвольте, откуда вы видели?

— С теплохода «Узбекистан».

— Вон что, — сказал Привалов. — Как же вы уронили с теплохода женщину?

Тонкие губы Опрытина чуть растянулись в улыбке.

— Лично я не ронял, — ответил он. — Был какой-то скандал. Столкнули ее за борт в свалке или сама она свалилась, право, не знаю. Кажется, в руках у нее был какой-то металлический предмет.

— Металлический предмет? — Привалов взглянул на Николая. — Вы видели что-нибудь, когда вытаскивали ее из воды?

— Кроме пряжек на босоножках, ничего металлического не видел.

— Ну, бог с ней. — Опрытин встал. — Между прочим, Борис Иванович, то место любопытно не только спасением утопающей. Я заметил там пузыри на поверхности воды. Не газовыделение ли?

— Вполне возможно. Сообщите нефтеразведчикам.

— Как я сообщу, не зная точно места? Это же не суши, где есть ориентиры.

— Помнится мне, — сказал Николай, — что в тот момент прямо по курсу у нас была телевизионная вышка, а на правом траверзе — холодильник. Восемнадцатый буй фарватера был метрах в ста к северу. Этих ориентиров вполне достаточно.

— Благодарю, — сказал Опрытин. — Итак, я жду вас завтра.

Он попрощался и ушел.

Николай принялся складывать светокопии.

Глава четвертая

Про каплю, имеющую каплевидную форму

Привычка вместе быть день каждый неразлучно
Связала детскою нас дружбой; но потом
Он съехал...

А. Грибоедов, «Горе от ума»

Они вышли из института и зашагали по улице, залившей ярким солнцем.

— Ух, жарища! — вздохнул Юра. — Зачем вызывал тебя шеф?

Николай коротко рассказал.

— Интересно, каким образом они собираются поднять уровень моря? — Не дождавшись ответа, Юра заглянул в лицо друга: — Ты о чем задумался, старик?

— Юрка, — сказал Николай, — как ты думаешь, почему она упала с теплохода?

Юра ухмыльнулся:

— Вот оно что! Бойся женщин, которые падают с теплоходов. На твоем месте я бы не спасал их.

— Довольно звонить! — буркнул Николай и ускорил шаг.

Не то чтобы он много думал об этой женщине в красном сарафане, но что-то в ее лице, темноглазом и узком, обрамленном белокурыми волосами, вызывало в нем смутную тревогу. Как будто он уже видел когда-то это лицо.

Странная, в общем, женщина. Когда он, Николай, подплыл к ней, то не увидел ни тени испуга на ее лице. Она, только что свалившаяся с порядочной высоты, выдохнула по всем правилам — в воду, одновременно носом и ртом — и быстро сказала: «Не надо меня спасать, я хорошо плаваю». Тут подошла яхта. Юра так круто привелся к ветру, что правый борт лежал на воде и ему, Николаю, даже не пришлось помочь незнакомке взобраться на яхту. Потом она вежливо поблагодарила, обращаясь не то к Борису Ивановичу, не то к мачте, встряхнула обеими руками мокрые волосы и скрылась в каюте. Валя вынесла для просушки ее сарафан. А когда подошли к яхт-клубу, незнакомка ловко прыгнула на бон и сказала: «Не беспокойтесь, я доберусь домой сама». Ее сарафан мельк-

нул среди деревьев Приморского бульвара и исчез. Вот и все...

Друзья свернули с людной улицы в тихий переулок, который назывался «Бондарный». На узеньком тротуаре, в чахлой тени акаций, сидели на табуретках два старичка в бараньих шапках и с яростным стуком играли в игру, известную на Западе под названием «трик-трак», а на Востоке — под названием «нарды», — древнюю игру, сочетающую умение переставлять шашки со случайностью — количеством выпавших очков.

— Здравствуйте, дядя Зульгэдар и дядя Патвакан! — громко сказал Юра.

Бараньи шапки враз кивнули.

— Зайдешь? — спросил Николай, останавливаясь возле арки, которая вела в глубину двора.

— А почитать что-нибудь дашь?

— Есть «Улица ангела» Пристли.

— К чертям ангелов!

— Есть «Шерпы и снежный человек».

— Снежный человек? Другое дело. Для такой погоды — в самый раз...

Они вошли во двор и пересекли его по диагонали.

Это был старый двор их детства. Двухэтажный дом опоясывал его застекленными галереями. На второй этаж вела открытая лестница, поддерживаемая зелеными железными столбами, по которым было так удобно и приятно съезжать вниз. В подвале можно было искать клады и прятаться от погони, отстреливаясь из лука. Узкий и крутой лаз вел на крышу, и оттуда, с высоты крепостной стены, велось наблюдение за коварными команчами, которые в любую минуту могли выйти на тропу войны. С многочисленных бельевых веревок свешивались разноцветные флаги белья и паруса простинь...

Старый добрый двор! Двор-прерия. Двор-фрегат.

Здесь они родились и выросли, Юра Костюков и Коля Потапкин. Здесь они придумывали свои первые игры и прочли свои первые книжки. Они носились по двору, стреляли из лука и накидывали лассо на фикусы, выставленные для поливки, и не раз их хватала цепкими пальцами за ухо старая ворчливая Тараканша, владелица фикусов (ее настоящая фамилия была Тер-Авакян).

А на первом этаже жил моряк. Мальчишки с почтением взирали на его черную фуражку с золотым «крабом» и золотые, с изломом нашивки на рукавах. Он плавал на пароходе и подолгу не бывал дома. А дома у него были живая черепаха и дочка — худенькая веснушчатая девочка с желтыми косичками.

Девчонок в индейские игры Юра и Коля не допускали, но для дочери моряка сделали исключение. Желтая Рысь (такую ей дали кличку) умела быстро бегать, перелезать через лестничные перила и съезжать по столбам вниз. Она не ревела, когда ее дергали за косы, а смело кидалась в драку, царапалась ногтями и тонким голосом кричала: «Полундра!» Вообще девчонка внесла в их игры немало морских словечек, заимствованных из папиного лексикона. Двор-прерия постепенно превращался в двор-фрегат. Теперь подвал назывался крюйт-камерой, балкон на втором этаже — капитанским мостиком, лестница — трапом.

Иногда Желтая Рысь показывала фокус. Она втягивала живот под ребра и не дыша стояла так минуту и даже больше. Это внушало уважение. Ни один мальчишка с их двора не был способен на такую штуку.

В квартире моряка, кроме черепахи, были и другие интересные вещи. На одной стене висел настоящий морской кортик, на другой — барометр. Рысь иногда подходила к барометру, стучала по нему пальцем и говорила: «Падает. Будет шторм». На письменном столе, рядом с бронзовым чернильным прибором, всегда лежали два металлических бруска. На них были вырезаны какие-то замысловатые буквы. Рысь сообщила мальчишкам, что бруски очень ценные. Почему они такие ценные, она и сама не знала, но буквы, вырезанные на брусках, определенно хранили тайну. Рысь и мальчишки решили, что когда-нибудь обязательно докопаются до этой тайны.

Ранней весной 1941 года моряк уезжал вместе со своей семьей в Ленинград. Коля перерисовал из книги «Сказки Пушкина» картинку: к пристани подходит старинный корабль с огромным выгнутым парусом; на парусе — изображение солнца; с пристани люди в длинных кафтанах палят из пушек. Рисунок он подарил Желтой Рыси на прощанье. Им не было тогда и девяти лет.

Вскоре в квартиру моряка въехал новый жилец — молодой человек атлетического сложения. У него был голу-

бой мотоцикл, на котором он иногда катал дворовых мальчишек. Кроме того, он учил их приемам классической борьбы. В комнате у дяди Вовы — так звали атлета — красовалась цирковая афиша. Дядя Вова был изображен на ней, среди других артистов, очень красивым и мускулистым, с грудью колесом, в черном трико.

Когда началась война, дядя Вова забил свою дверь гвоздями и ушел воевать. Колин отец, мастер вагоноремонтного завода, тоже был мобилизован. Отцу Юры, инженеру нефтеперерабатывающего завода, дали «броню», да он и не смог бы воевать, так как был невероятно близорук.

Теперь мальчишки играли в разведчиков и партизан. Жилось им трудно, особенно Коле и его матери, день и ночь работавшей в госпитале. Она была медицинской сестрой. Отец Коли не вернулся с войны — он погиб на днепровской переправе.

Закончив семилетку, Коля заявил матери, что теперь будет работать. Мать убеждала продолжать учение, но он был упрям. Юрин отец устроил Колю у себя на заводе, в ремонтном цехе, учеником слесаря, и заставил его поступить в вечернюю школу.

Вскоре Юриному отцу дали квартиру в новом доме. Двор совсем опустел, но теперь у Коли и времени-то для игр не оставалось.

Юра считал, что обижен судьбой, заставившей его всю войну корпеть над учебниками, вместо того чтобы драться с фашистами. А тут еще Колька задается и тычет под нос руки, плохо отмытые от масла и металлической пыли. Так или иначе, после восьмого класса Юра очутился в том же цехе, где работал Николай. Они вместе окончили вечернюю школу и поступили в институт на вечернее отделение.

Вскоре после окончания институтского курса молодые инженеры стали работать в «НИИТранснефти», в отделе, которым руководил Привалов.

Друзья пересекли двор, прошли мимо фикусов, выставленных для поливки, и стали подниматься по лестнице. Двое мальчишек, размахивая деревянными пистолетами и возбужденно крича, обогнали их, перемахнули через перила и съехали вниз по столбам.

— Видал? — Юра проводил мальчишеск любопытным взглядом. — До чего похоже!

Через застекленную галерею они прошли в комнату. Здесь было прохладно. Над письменным столом Николая громоздились полки с книгами. В углу стоял, как цапля на одной ноге, фотоувеличитель.

Юра взял со стола самодельное ружье для подводной стрельбы, осмотрел его.

— Пружина туговата.

— В самый раз, — сказал Николай. — Слабее нельзя.

— Давай заканчивай к воскресенью. Постреляем.

— В воскресенье гонки. Забыл?

— А, верно! — Юра бросился на койку и блаженно потянулся. — Летний план выполнен, а, Колька? — Он стал загибать пальцы на руке. — Акваланг сделали. Цветную фотопленку освоили. Ружье почти готово. Скоро я свой магнитофон закончу. — Он поцокал языком. — Зверь, а не магнитофон будет. Увеселительный агрегат.

— Юрка, — сказал Николай, вытаскивая из ящика стола листки, испещренные эскизами и расчетами, — посмотри-ка, что я набросал.

Юра взглянул на листки.

— Какие-то груши. — Он протяжно зевнул. — Убери, Неохота вникать.

— Ты послушай сперва. Помнишь разговор о поверхностном натяжении? Шеф интересную мысль кинул.

— Шеф велел ее из головы выкинуть.

Николай разозлился:

— Кретин! С тобой невозможно стало говорить на серьезные темы! Одна Валечка у тебя в голове!

— Сам кретин, — благодушно отозвался Юра. — Ну ладно. Излагай.

Николай включил вентилятор.

— Ответь, — сказал он, закуривая: — какую форму имеет жидкость?

Юра вскинул брови:

— Форму сосуда, в который она налита. Об этом догадывались еще первобытные люди...

— Обожди. Теперь берем каплю. Что удерживает жидкость в капле? Натяжение поверхности. Без всякого сосуда. Идеальная форма минимальной поверхности — шар. Но капля не круглая: земное тяготение придает ей грушевидную форму.

— Каплевидную, — поправил Юра.

— Именно. Слушай дальше...

Но тут в дверь постучали. В комнату вошел крупный, атлетически сложенный мужчина в белой майке и синих пижамных брюках. У него было щекастое лицо, мощная нижняя челюсть и веселый рыжеватый хохолок на макушке. Из-под майки выпирали мускулы, несколько заплывшие жиром.

— Наконец-то поймал! — сказал атлет густым хрипловатым голосом. — Где ты шляешься, Коля? Никогда дома нету! — Он сел на стул, и стул жалобно заскрипел под его тяжестью.

— Чего тебе, дядя Вова? — спросил Николай.

— По научной части пришел. Вот. — Атлет протянул Николаю листок бумаги. — Силомер хочу сделать, новой конструкции. Здесь все нарисовано. Ты мне силу пружины рассчитай. И размеры...

— Срочно нужно?

— А чего тянуть? Ты науки знаешь, у тебя на линейке быстро получается.

— Завтра, дядя Вова. Хорошо?

— Ладно, потерплю, — согласился Вова. — Теперь еще дело есть. Акваланг дашь? На пару дней.

— Акваланг? — переспросил Николай.

— Не бойся, ничего я ему не сделаю, — сказал атлет, заметив его колебания. — Я потом снова заряжу баллоны воздухом.

— Ладно, бери.

Вова взял из рук Николая акваланг, маску, пояс с грузами, осмотрел их и щелкнул языком:

— Вещь! Ну, спасибо.

— Ты когда приехал? — спросил Николай. — Уезжал ведь куда-то?

— В воскресенье приехал. Между прочим, видел я, как ты девицу вытащил из воды. Ловкач! — Гора мускулов затряслась от смеха.

— Черт побери, весь город, кажется, видел! — сказал Николай.

— А что? — насторожился Вова. — Еще кто видел?

— Целый теплоход видел. Ты разве тоже был на «Узбекистане»?

— Ну, на теплоход-то я плевал, — неопределенно сказал Вова и, кивнув, вышел из комнаты.

— Надоел со своими силомерами! — проворчал Николай. — Так слушай дальше...

Тут он заметил, что Юра спит, мерно дыша и свесив с койки длинные ноги. Николай потряс его за плечо — Юра дернулся ногой и, не открывая глаз, рукой отпихнулся от друга.

— Сейчас же проснись! — заорал Николай. — Душу вытряхну!

Юра открыл глаза.

— Я, кажется, немного вздремнул, — сказал он, дружелюбно улыбаясь.

— Мне тоже показалось. Слезь с койки.

— Мне так удобней. Да ты излагай дальше. Мы остановились на том, что капля имеет каплевидную форму. Очень интересно.

— Иронизируешь, скотина?

— Нисколько.

— Ну, слушай. Размер капли зависит от величины поверхностного натяжения. Для воды оно составляет... — Николай заглянул в свои записи. — Для воды поверхностное натяжение — семьдесят два и восемь десятых эрга на квадратный сантиметр. Для спирта — двадцать два с мелочью...

— А ртуть? — спросил Юра.

— Ртуть? Сейчас. — Николай достал с полки толстый справочник и перелистал его. — Ртуть... Ого! Четыреста семьдесят эргов. Вот это натяжение!

— Оно еще увеличится, если через ртуть ток пропускать. Помнишь, мы читали про старинный опыт — «ртутное сердце»?

— Верно! Молодец, что напомнил, Юрка! Это то, что нужно...

— Не стоит благодарности. — Юра сделал рукой царственный жест.

— Насчет ртути еще подумаем, — сказал Николай. — Теперь такая мысль. Ты видел, как во время дождя вода бежит по провисшим проводам?

— Видел. Захватывающее зрелище.

— Она бежит струйкой каплевидного сечения, — продолжал Николай. — Представь, что провод мы заменили каким-то энергетическим лучом. Луч создает поле. Поле усиливает поверхностное натяжение, сечение струи увеличится...

— Чего тебе, дядя Вова? — спросил Николай.

— Не трогай поля, старик. По части поля мы с тобой малограмотны.

— А мы в дебри не полезем. Нужен только генератор высокой частоты.

— Дай-ка твои бумажки, — сказал Юра, помолчав. — Это что за схема?

Николай подсел к нему на койку и начал объяснять:

— Смотри. Протянем проволоку. Наклонно. Сверху пустим воду, внизу банку подставим. Зная время и количество воды, подсчитаем скорость. Определим сечение капли, вычислим поверхностное натяжение. Это для начала. Потом окружим проволоку спиралью...

— Понятно: резонансная схема, наложенные частоты... — Юра соскочил с койки. — Таси проволоку!

В серых глазах Николая мелькнула улыбка. Юрку надо только раскачать, а дальше — лавинообразное проявление энергии...

Юра снянул с себя рубашку, рывком головы отбросил со лба мягкие белобрысые волосы и вытащил из кармана отвертку. Отвертка была не простая: еще в студенческие времена Юра сделал для нее наборную рукоятку из цветной пластмассы, а внутри рукоятки поместил неоновую лампочку-индикатор. Он никогда не расставался с любимой отверткой. Подобно мечу Роланда, она имела собственное имя — «Дюрандаль».

— Сейчас немножко распорошим твой приемник, — сказал Юра. — Не бойся, только входной контур используем. И гетеродин. — Он повалил радиоприемник набок и начал вывертывать болты крепления шасси. — Выпустим ему кишки наружу... Чего ты стоишь, Колька? Иди на галерею, растяни проволоку.

Он бойко орудовал отверткой, приговаривая:

— Кто-то из великих сказал — истинный экспериментатор поставит любой опыт, имея три щепки, кусок резины, стеклянную трубку и немножко собственной слюны...

Через час, когда пришла с работы мать Николая, Вера Алексеевна, эксперимент был в полном разгаре.

— Мама, не задень проволоку, — предупредил Николай.

Вера Алексеевна осторожно обошла проволоку и недобritoльно посмотрела на лужу воды на полу галереи.

— Опять мастерская! — сказала она. — Вы, конечно, не обедали? Кончайте, буду вас кормить.

— После!

Вера Алексеевна прошла в комнату. Она давно привыкла к тому, что галерея была то механической мастерской, то площадкой для настольного тенниса, а когда Юра притаскивал гитару, то и эстрадой. Это была хорошая, удобная галерея, вполне достойная великих дел, которые должны были в ней произойти. Только — не сегодня,

Г л а в а п ят а я,
в которой читатель ближе познакомится с Бенедиктовым,
а также узнает некоторые подробности биографии Вовы

*Идите и гладьте —
Гладьте сухих и черных кошек!*

В. М а я к о в с к и й, «Владимир Маяковский»

Бенедиктов включил электромотор. Зашуршала ременная передача, и стеклянный диск электростатической машины начал вращаться. Потрескивали голубые искорки.

Бенедиктов заглянул в круглый аквариум, обмотанный проволокой, а поверх нее — спиралью из толстой медной трубы. Над аквариумом параллельно поверхности воды был подведен медный диск. Зеленоватую воду аквариума чертила в разных направлениях мелкая рыбешка. В стороне стояли еще два-три аквариума.

Поглядывая на стрелки приборов, Бенедиктов покрутил рукоятки лампового генератора. Потом, медленно вращая рукоятку винта, приблизил к воде медный диск.

Рыбки вдруг начали останавливаться. Они будто засыпали на ходу, носами к стенкам аквариума. Бенедиктов взглянул на часы, тяжело опустился в кресло, прикрыл глаза припухшими веками.

— Ты уже в сотый раз ставишь этот опыт, — сказала Рита; она сидела в углу дивана, закинув ногу на ногу.

— И в тысячный поставлю, — ответил Бенедиктов.

В комнате было полутемно. Пыльные лучи солнца пробивались сквозь штору, закрывавшую широкую бал-

конную дверь. Черный кот сидел у ног Риты и щурился на рыбок в аквариуме.

— Толя, — негромко сказала женщина, — мне кажется, нужно бросить эти опыты. Ты взвалил на себя непосильную ношу.

— В этом виновата ты и твой проклятый нож.

— Да, я знаю... Мне так хотелось, чтобы ты... Чтобы о тебе — во всех газетах, и вообще... Но теперь я вижу, ты только губишь здоровье. Эти твои нервные вспышки...

— Поздно. Я не брошу работу.

Они помолчали. Потрескивало электричество. Спали рыбки в аквариуме.

— Послушай, Толя, — сказала Рита, подавшись вперед, — почему ты упорно ставишь опыты на живой материи? Ведь тот старинный результат был получен на иероглифической.

— Сама знаешь: живая материя дает мне то, чего не может дать деревяшка или кусок металла, — биотоки.

— Но теперь, когда нож... Разве ты сможешь продолжать работу без ножа?

— Не знаю. Нож все время нужен. — Бенедиктов помолчал немного. — Ты сама видела, как он упал за борт? Может, его схватил кто-нибудь в свалке?

— Я же говорила тебе: он упал за борт. Я прыгнула сразу, но... Разве найдешь? Нож утонул.

— Угораздило же меня!.. — Бенедиктов яростно поскреб лохматую голову. — Ладно. — Он встал и подошел к аквариуму.

Кто-то позвонил у двери. Рита вышла открыть. На лестничной площадке стоял рослый здоровяк в синей спецовке и кепке, надвинутой на глаза.

— Монтер из горсети, — деловито сказал он. — Разрешите проверить проводку.

— Пожалуйста. — Рита впустила монтера в коридор. — Вот счетчик.

Монтер выкрутил пробки, осмотрел их и строго сказал:

— Пробочки у вас с жучками, гражданка. Менять нужно.

— Рита! — крикнул из кабинета Бенедиктов. — Почему ток выключили?

— Сейчас! Вворачивайте пробки, — скомандовала Рита. — Побыстрее.

— Побыстрее и оштрафовать можно, — проворчал монтер, однако же пробки ввернул. — Это у вас кухня?

Он пошел по квартире, задрав голову и осматривая проводку. Войдя в первую комнату, прислушался, спросил:

— Мотор, что ли, работает? Разрешение есть?

— Рита! — нетерпеливо позвал Бенедиктов.

— Подождите минутку, — сказала Рита монтеру и побежала в кабинет.

Монтер слышал, как она объясняла, в чем дело.

— Ну и черт с ним, пусть смотрит, — сказал мужской голос. — Приготовь несколько формочек для парафина.

Монтер подошел к полуоткрытой двери кабинета, прислушался.

— Возьми эту рыбку, — услышал он тот же мужской голос.

— Ай! — вскрикнула женщина.

Монтер заглянул в дверь и увидел, как женщина выронила что-то из рук. Тут же к ней подскочил большой черный кот...

— Брысь! — крикнул Бенедиктов.

Монтер отпрянул от двери. Черный кот, окруженный роем голубых искр и отчаянно мяукая, выскочил из кабинета. Шерсть его стояла дыбом, искры трещали. Кот ошалело метнулся монтеру под ноги, получил пинок и крупными скачками помчался в коридор.

Монтеру стало не по себе.

— Пронька подумал, что я для него кинула, — смеясь, сказала Рита и вышла из кабинета. — Вы кончили осматривать? — спросила она.

Бенедиктов вышел вслед за ней и уставился на монтера.

— Кто вы такой? — сказал он встревоженно. — Что вам надо?

— Штрафовать надо... за такие штуки... — хрипло буркнул монтер, глубже надвигая кепку.

Он быстро пошел к выходу и с силой захлопнул за собой дверь.

Вова Бугров с юных лет отличался незаурядной физической силой и, уразумев это, не слишком усердствовал в науках.

После седьмого класса он решил, что с него достаточно, и с размаху кинулся в бурные житейские волны, не будучи оснащен ни логарифмами, ни биномом Ньютона.

Некоторое время Вова работал в морской нефтеразведке, мотористом на катере. Однако вскоре в нем пробудился дух стяжательства. Юный моторист стал совершать дальние рейсы на один из необитаемых островков. Там он собирал яйца морских птиц и сбывал их на базаре. Однажды диспетчер подстерег Вову после очередного похода. Моторист и не пытался оправдываться: рейс был на редкость удачным — катер, набитый яйцами, говорил сам за себя. Кинув на яйца прощальный взгляд, Вова высыпался и пошел в контору получать расчет.

С тех пор он никогда не работал больше под знаком табельного учета.

Знакомый киномеханик снабжал его кадрами из кинолент, и Вова печатал и продавал открытки популярных актрис и актеров. Попутно он где-то добывал этикетки номерных грузинских вин и, войдя в контакт с двумя-тремя продавцами, украшал этикетками бутылки с дешевыми низкосортными винами.

На этикетках Вова чуть было не попался и решил переменить род занятий. Через некоторое время на арене городского цирка появился новый борец со звонкой фамилией Ринальдо. Именно в это время он поселился в доме, где жили Коля и Юра, и обзавелся голубым мотоциклом. Это была золотая пора афиш, тур-де-тетов и шумной славы среди городских мальчишек.

Началась война, и Вова был призван в армию. Недолго провоевав, он после ранения остался в полевом госпитале в качестве шофера. До самого конца войны он крутил барабанку и дослужился до старшего сержанта.

После демобилизации Вова возвратился в родной город и поселился в своей старой квартире в Бондарном переулке, где еще висела над кроватью пожелтевшая цирковая афиша.

Вскоре в квартире появилась Клавдия Семеновна, дородная женщина с решительными манерами. Она запрятала афишу в нижний ящик комода, разложила повсюду подушечки с вышивкой и коврики, а у дверей повесила картонку с надписью: «Ремонт капроновых чулок».

Военкомат направил Вову на работу в автоинспекцию, но там он прослужил недолго. Раздобыв справку об инвалидности, он занялся домашним производством пружинных силомеров для артели инвалидов. Это невинное занятие служило прикрытием для других, куда более предосудительных. Вова спекулировал обувью, тканями, граммофонными пластинками.

Если какое-нибудь большое учреждение переезжало с места на место, Вова немедленно сколачивал артель грузчиков и сам умело перетаскивал несгораемые шкафы. Он любил таскать тяжести. В эти волнующие минуты он на-чисто забывал про справку об инвалидности.

Вова любил разнообразие. Он был одним из организаторов «международной игры молодежи». Помните? Простаки получали письма и высыпали в указанный адрес пять рублей, да еще вовлекали своих знакомых, так как в письмах было сказано, будто бы «игра» основана на геометрической прогрессии и каждый участник, вложив пятерку, в течение трех месяцев обязательно получит 6725 рублей.

Из других игр Вова больше всего любил футбол. Ему ничего не стоило слетать в Москву на выдающийся матч и вечерним самолетом вернуться обратно. Вообще, надо сказать, Вова был не жаден и легко тратил деньги. Он берег здоровье, избегал спиртных напитков и каждый год выезжал с женой на курорт. Отдыхая и развлекаясь, он подрабатывал при этом моментальной фотографией.

На «Узбекистане» Вова возвращался из увеселительной поездки по Волге. Увидев загадочный нож Бенедиктова, он смекнул, что, показывая фокусы с таким ножиком, можно недурно заработать. Когда нож исчез, Вова хорошенько приметил место падения женщины в красном сарафане. Прямо с пристани он отправился на такси вслед за машиной, увозившей биофизика, и узнал таким образом, где тот живет.

Несколько дней Вова колебался: узнает его Бенедиктов или нет, если он нанесет ему визит под личиной водопроводчика или монтера. У него были основания полагать, что, узнав его, Бенедиктов не кинется с радостными криками к нему в объятия. Но Вове позарез нужно было выяснить, что случилось с ножом: уцелел он или затонул. И, будучи человеком нахальным, он решил идти на пролом.

...Он вышел из подъезда и зашагал к остановке.

«Зря время потерял, — хмуро думал Вова. — Ни черта не узнал про ножик. Только с котом познакомился...»

И, вспомнив черного кота, обсыпанного искрами, он со злостью сплюнул.

Вова не знал, что кошки обладают хорошими электрическими свойствами. Правда, серьезным источником электричества они служить не могут: подсчитано, что для получения пустяковой мощности в 15 ватт надо одновременно гладить полтора миллиарда кошек.

«А может, не зря я сходил? — продолжал размышлять Вова уже в троллейбусе. — Этот... хозяин кота... не в духе он был. Ругался, на жену кричал... Утонул, наверное, ножик, потому и нервничает гражданин. Ясное дело, утонул. Эх, не схватил вовремя!.. За ручку надо было хватать... Ладно, поищем на морском дне. Уж больно занятый он, ножик этот самый...»

И, развалившись на сиденье, Вова размечтался о неслыханном аттракционе. Вот он приезжает в небольшой городок. По заборам — афиши. На афишах — он, Вова, в красном... нет, в зеленом халате. На голове — чалма, горло проткнуто ножом. Надпись: «Знаменитый факир...» Фамилию потом придумаем. Вечером клуб битком набит. Он, Вова, выходит на сцену в зеленом... нет, в черном халате...

Надо у соседа акваланг взять и понырять как следует в том месте. Ила там нет, чистый песок. Поищем!

Вова сбил кепку на затылок и подмигнул своему отражению в стекле.

*Глава шестая,
совсем короткая, потому что в ней Опрятин берет
быка за рога*

*...И перестанем размазывать белую кашу
по чистому столу.*

И. Бабель, «Одесские рассказы»

Теперь, читатель, заглянем в одну из лабораторий Института биологии.

Это большая, светлая комната, заставленная стенами и термостатами. На белых столах — электроизме-

рительная аппаратура, микроскопы, колбы и батареи пробирок с цветными жидкостями. И повсюду — белые кубики парафиновых блоков с залитыми в них препаратами для гистологических исследований.

Опрытин открыл дверь лаборатории и сразу увидел Бенедиктова. Грузный, взлохмаченный, биофизик стоял возле стенда, окруженного толстой медной спиралью, и расстегивал ремешки, на которых висела подопытная собачка — белая, в рыжих пятнах. Выйдя из стенда, она отряхнулась и неприязненно обнюхала ноги экспериментатора.

Опрытин подошел, поздоровался.

— Что вам угодно? — сухо спросил Бенедиктов.

— Я к вам по делу. Нужна небольшая консультация по поводу рыбного хозяйства.

— Обратитесь к кому-нибудь другому. — Бенедиктов отвернулся.

— Я сожалею о нашей ссоре на теплоходе, — негромко сказал Опрытин. — Я готов взять свои слова обратно, товарищ Бенедиктов.

Биофизик помолчал. Затем он мотнул головой на стеклянную загородку в глубине лаборатории, бросил отрывистое: «Прошу».

Они сели друг против друга у стола, заваленного бумагами и кубиками парафиновых блоков.

— Видите ли, — начал Опрытин, — мы работаем над проблемой поднятия уровня Каспия. Намечаются широкие опыты. В море появится ионизированная вода. Так вот: как отразится это на самочувствии рыбы?

Бенедиктов откашлялся и ничего не ответил.

— Разумеется, наш институт официально свяжется с вами, — продолжал Опрытин, не спуская взгляда с лица Бенедиктова, — но я хотел бы, так сказать, предварительно...

— Каковы показатели ионизации? — спросил Бенедиктов, придвигая к себе спиртовку, на которой стояла никелированная ванночка.

Завязался скучноватый разговор. Бенедиктов отвечал нехотя, односложно. Он кашлял, ерзая на стуле, глаза у него были красные, неспокойные.

Вдруг Бенедиктов встал и, пробормотав извинение, вышел из кабинета. Опрытин рассеянно оглядел стол, потрогал парафиновые кубики. Внимание его привлекла пу-

стая стеклянная ампула с отломанным кончиком. Он прочел синюю латинскую надпись, и его тонкие губы слегка покривились в усмешке.

Вернулся Бенедиктов. Его будто подменили: теперь он выглядел свежим, бодрым, глаза его блестели.

— Продолжайте, — бросил он, подходя к столу. — Я вас слушаю.

— Послушайте, — тихо сказал Опрытин, — вы пробовали намагничивать этот нож?

Бенедиктов так и замер на месте. Бледно-голубые глаза гостя в упор, не мигая, смотрели на него. Биофизику стало не по себе.

— А вам какое дело? — пробормотал он.

Несколько мгновений длился молчаливый поединок, потом Бенедиктов не выдержал, отвел взгляд.

— Сядьте, — сказал Опрытин. — Я спрашиваю не из пустого любопытства. Я много думал о вашем ноже и кое о чем догадываюсь. Так намагничивается нож или нет?

— Ну, допустим, намагничивается. Дальше что?

— Это очень важно, Анатолий Петрович. Не смотрите, пожалуйста, на меня волком. Я хочу помочь вам.

— Вы мне не нужны.

Опрытин пропустил это мимо ушей.

— Электрическое сопротивление ножа вы измеряли? — спросил он. — В качестве сердечника электромагнита испытывали?

Нет, этого Бенедиктов не делал.

— На вольтову дугу пробовали?

Бенедиктов задумчиво покачал головой.

— С химическими веществами нож вступает в реакцию?

Он сыпал вопросы, Бенедиктов нехотя отвечал. Конечно, он не делал и половины тех опытов, о которых спрашивал незваный контролер.

— Так, так... — Опрытин погладил себя по жидким волосам. — Должен сказать вам, милейший Анатолий Петрович, что вы пошли по неправильному пути. — Он взглянул на столик, на котором стоял микротом — прибор с тяжелым и острым, как бритва, ножом для тончайших срезов препаратов. — И техническая оснастка у вас неподходящая. Или дома занимаетесь? На живой материи?

— Это мое дело, — проворчал Бенедиктов, — каким путем идти...

— Разумеется. — Опрытин побарабанил пальцами по столу. — Вы биолог, я физик. Не кажется ли вам, что вместе мы быстрее придем к цели?

Бенедиктов молчал.

— Я не посягаю на ваши лавры. Я пришел к вам как помощник. Меня интересует только научный результат. — Опрытин испытующе смотрел на Бенедиктова. — Итак?

Биофизик отвернулся к окну.

— Черт бы вас побрал! — сказал он глухо.

*Г л а в а с е д ь м а я,
п о в е с т в у ю щ а я о п а р у с н ы х г о н к а х , к о т о р ы е п р и в е л и г е р о е в
и м е н н о т у д а , к у д а п о ж е л а л и а в т о р ы*

*Шлифованный обломок янтаря,
В моей руке он потеплел и ожила,
И в нем плавает холодная заря
Тех дней, когда Земля была моложе.*

А. Л е б е д е в , «Янтарь»

Ранним воскресным утром Николай Потапкин, помахивая чемоданчиком, сбежал по лестнице во двор. Рукава его белой рубашки были высоко закатаны, ворот распахнут во всю ширь, обнажая коричневую грудь. Николай поглядел на безоблачное небо, покачал головой. Его окружили мальчишки, играющие во дворе.

— Дядя Коля, вы на гонки? — спросил вихрастый подросток лет двенадцати.

— Ага.

— А ветра совсем нет.

— Сводка обещала слабый до умеренного, — сказал чернявый, смуглый мальчик.

— Жди! Про погоду всегда ошибаются, — возразил вихрастый. — Дядя Коля, мы выучили все, что вы объясняли. Курсы и повороты. Проверьте!

— Некогда, ребята.

— Проверьте, дядя Коля! — закричали мальчишки. Николай посмотрел на часы.

— Ладно, — сдался он. — Только не галдите, соседей перебудите. Алька, сделай ветер.

Вихрастый Алька побежал в дальний угол двора и мелом провел на асфальте большую стрелу. Это был «ветер», вернее — направление ветра.

— Иди ко мне курсом фордевинд, — скомандовал Николай. — Стой, сперва скажи, что такое фордевинд.

— Когда ветер дует в корму, — отчеканил Алька. Глаза его азартно блестели.

— Ну, давай.

Алька прижал одну руку к боку, а другую широко отставил в сторону и побежал к Николаю, оглядываясь и проверяя, точно ли стрела «ветра» направлена ему в «корму».

— Теперь пройди бакштагом. Шурик, что такое бакштаг?

— Это когда ветер сзади, но не совсем с кормы, а немножко сбоку, — скороговоркой ответил чернявый мальчик.

— А каким галсом идет Алька?

— Левым.

Действительно, «ветер» был направлен на Альку слева, а сам он бежал, откинув в сторону правую руку, изображавшую парус.

— Значит, как Алька идет?

— Бакштаг левого галса.

— Хорошо, — сказал Николай. — Теперь ты, Генка. Что такое курс галфвинд?¹

— Это когда ветер дует поперек дороги, — тоном первого ученика ответил паренек с круглой, наголо остриженной головой.

— Верно. Теперь так: ветер прямо на нас, а тебе надо в тот конец двора. Против ветра. Каким курсом пойдешь?

— Бейдевинд! — крикнул Алька, подбегая к Николаю.

— Ты молчи, старина. Не тебя спрашиваю.

— Я сам знаю, — обиженно сказал Генка. — Бейдевинд — это когда ветер спереди, только, конечно, не прямо в нос, а немножко сбоку.

И Генка, откинув правую руку, пошел через двор наискось, под углом к «ветру». Дойдя до стены, он повернулся, прижал правую руку, откинул левую и снова пошел

¹ Г а л ф в и н д — по-голландски буквально: полветра.

под углом к «ветру». Сделав несколько таких зигзагов и дойдя до стрелы, он оглянулся на Николая:

— Правильно, дядя Коля?

— Ничего не скажешь. А как называются повороты, которые ты делал?

— Оверштаг! — выкрикнул Генка, боясь, что Алька его опять опередит. — Я пересекал носом линию ветра. Я выбирался против ветра... это... в лавировку!

— Молодец, Генка! — усмехнулся Николай. — Только помните, ребята: оверштаг при малой скорости не всегда выходит. Это поворот хоть и медленный, но зато безопасный. А если надо быстро повернуть?

— Поворот фордевинд! — наперебой закричали мальчишки.

— Правильно. Шурик, покажи.

Чернявый мальчик побежал боком к «ветру», потом, не останавливаясь, повернулся, оказавшись спиной к «ветру». При этом он резким взмахом сменил руку, изображая парус, перекинувшийся с борта на борт.

— Так, — сказал Николай. — А если сильный ветер и рулевой зазевается, вместо поворота фордевинд что получится?

— Поворот оверкиль, — сказал Алька. — Вот так... — Он стал на руки и ловко перекувырнулся.

Мальчики засмеялись и тоже принялись кувыркаться.

— Ну, хватит, — смеясь, сказал Николай. — Молодцы, ребята! Усвоили. Будете яхтсменами.

Он быстро пошел по переулку. Под акацией, несмотря на ранний час, уже сидели со своими нарядами два старика в бараньих шапках. Они бормотали, как заклинание, древние слова счета выпавших очков: пянджу́чáр, дуба́рá, шеш-и-беш, и со стуком передвигали шашки.

А ветра все не было. Между тем на сегодня были назначены классные гонки для швертботов «М-20», яхт «звездного» класса и яхт класса «Л-4»¹.

Николай ступил на борд яхт-клуба. Он не увидел обычного предгоночного оживления. Правда, команды легких «эмок» и «звездников» возились на яхтах, прича-

¹ Швертбот — легкая яхта с выдвижным стальным килем — швертом. «Шверт» — по-немецки — «меч»; на старинных яхтах выдвижные кили были мечевидными и опускались через швертовый колодец вертикально. Теперь шверты имеют форму сектора. Яхты «звездного» класса и класса «Л-4» — килевые яхты.

ленных к бону. Они еще надеялись: для них достаточно даже маленького ветерка.

Новички твердили «семь заповедей гонщика», каждая из которых начинается словами: «Если не уверен в своем праве — уступай». Уступай, будучи обгоняющим и будучи наветренным, уступай, идя левым галсом, уступай, уступай... Ты можешь прийти к вожделенному финишу первым, но штрафные очки по «протестам» отбросят тебя назад. Мало быть хорошим мореходом на хорошо настроенной яхте — надо тонко знать правила парусных соревнований и комментарии к ним, которые по своей сложности не уступают комментариям к священному писанию.

Экипажи яхт класса «Л-4» отчаялись дождаться ветра, подходящего для их крупных судов. Собравшись в кают-компании яхт-клуба у телевизора, они с увлечением смотрели утреннюю передачу «для самых маленьких».

А вот и Юра. Он сидел на краю бона в одних плавках, обхватив длинными руками колени, и унылым ямщицким голосом напевал «Бродягу».

Николай подошел к нему, сел рядом и с полуслова включился в «Бродягу». Они пели, пока боцман Мехти не высунулся из шкиперской и не крикнул им свирепо:

— Где находишься? Тебе здесь Евгений Онегин или яхт-клуб?

— Зря ты отдал Вове акваланг, — сказал Юра немногого погодя. — Понырять бы сейчас.

— Если гонки отменят, поедем ко мне. Попробуем изменить шаг спирали. Слыши, Юрка?

— Слыши, но не поеду.

— Почему? — Николай посмотрел на друга. — Ах, ну да, Валечка. Понятно.

— Валечка ни при чем.

— Так какого же дьявола...

— Ничего у нас не получится, Колька. Поверхность вещества — дело темное. Если мировые ученые не знают, как с ней обращаться, то где уж нам...

— Не хочешь — не надо. Обойдусь без тебя.

— Не обойдешься. Я хоть в электронике кое-что смыслю, а ты — слабачок.

— Все равно не брошу, — упрямко сказал Николай. — Должно быть поле, в котором натяжение поверхности усилится.

— «Поле»! — насмешливо подхватил Юра. — «О по-ле, кто тебя усеял мертвыми костями?»

Подошел Привалов.

— Доброе утро, мальчики, — сказал он. — Зря я, ка-жется, приехал. Не отменены гонки?

— Пока нет, — ответил Юра. — Ждем. Садитесь, Бо-рис Иванович.

Они сидели втроем, свесив ноги с бока, и солнце жа-рило их спины, и ветра все не было и не было.

— Борис Иванович, — сказал Николай решительным баском, — помните разговор о поверхностном натяжении?

— Ну? — Привалов поблескал на него стеклами очков.

— Так вот... — И Николай коротко рассказал про опыт с водой и проволокой, и про спираль, и про поле, которое должно же существовать...

Привалов выслушал все это, щурясь и морщась, а по-том сказал:

— Кустарщина... Без солидной подготовки за такие дела не берутся. Есть книга — «Физика и химия поверхно-сти». Автор — Адам. Могу дать почитать, если хотите... А вообще, — добавил он, помолчав, — у нас своих забот хватает. На очереди огромная работа: Транскаспийский нефтепровод.

— Уже который год говорят о Транскаспийском! — сказал Юра. — Мы уж и верить перестали.

— Напрасно... Вчера не успел спросить вас, Коля: были вы у Опрытина в институте?

— Был. А мог бы и не ходить: у них подготовлена ин-формация насчет повышения уровня моря. Для всех за-интересованных организаций. На днях и мы получим.

— Что видели там интересного?

— Ничего особенного. По-моему, они собирают круп-ную электростатическую установку.

— Вон как! Электростатика... — Привалов задумался.

— Давно пройденный этап, — заметил Юра. — Дофа-радеевские дела.

— Слишком категорично, — сказал Привалов. — Оно конечно, после Фарадея наука отвернулась от электро-статики и прочно занялась электромагнетизмом. Но вот теперь снова вспомнили об электростатике, и оказалось, что старушка еще может сослужить службу. Диалектиче-ская спираль развития...

Миллионы лет пролежали под землей куски янтаря — окаменелой смолы хвойных деревьев третичного периода, — прежде чем, пройдя долгий и сложный путь межплеменного обмена, попали с хмурых балтийских берегов в солнечную Элладу.

Древние греки очень ценили глубокую прозрачность и теплый желтоватый цвет электрона — так назвали они янтарь. От этого слова они произвели красивое женское имя «Электра», то есть «Янтарная», — имя, прославленное в античных трагедиях. Но не только красотой и прозрачностью привлекал янтарь внимание греков. Один из семи мудрецов, прославивших древнюю Грецию, Фалес из Милета, упорно пытался разгадать, почему кусок янтаря, натертый шерстью, притягивает к себе соломинки и пушинки так же, как магнит притягивает железные опилки.

Что за неведомая сила таилась в янтаре? Позднее ученые обнаружили, что не только янтарь обладает этим свойством. Но в память первооткрытия Уильям Гильберт в 1600 году увековечил янтарь-электрон в названии, которое он дал неведомой силе: электричество.

Это было статическое электричество — возникающее при трении.

Люди искали способы применения новой силы. Появились громоздкие электростатические машины. В 1785 году некий Ван-Марум построил для Гаарлемского музея машину с двумя дисками диаметром 1,65 метра. Она давала искру длиной в 610 миллиметров. В Парижском музее искусств и ремесел хранится машина с диском диаметром в 1,85 метра; в Лондонском политехническом институте — машина более чем с двухметровым диском, которая приводилась в действие от паровой машины.

Однако широкого практического применения электростатические генераторы не получили: они, правда, давали высокое напряжение, но сила тока была слишком мала, чтобы производить полезную работу. Впрочем, история техники сохранила любопытные сведения о попытках использования электростатики. В 1795 году испанский инженер Сальва построил пятидесятикилометровую телеграфную линию между Мадридом и Аранхуэсом. В телеграфе было столько же проводов, сколько букв в испанском алфавите; каждый провод оканчивался шариком. Заряд от электростатической машины передавался по

проводу и притягивал к шарику бумажку с наименованием буквы, подвешенную на нитке. И этот телеграф работал!

Паровые машины надолго отбросили электричество на обочину дороги познания. Но вот появились химические источники электричества — они давали значительную силу тока при небольшом напряжении. Тогда-то сын лондонского кузнеца Майкл Фарадей воодушевился великой идеей единства сил природы. Он поставил перед собой задачу: раскрыть связь между электричеством и химическими процессами, между электричеством и магнетизмом.

Электромагнетизм! Сколько чудес, связанных с этим явлением, открылось людям! В проволоке, движущейся между полюсами магнита, сама собой возникала таинственная электродвижущая сила — возникала без трения, без химического воздействия. Первые электромагниты Фарадея — железные стержни, покрытые лаком, на которые навивалось несколько витков голой медной проволоки, — превращали неуловимую электрическую силу в привычную механическую. До практического использования оставался один шаг...

Этот шаг сделал в 1831 году американский физик Джозеф Генри, именем которого впоследствии была названа единица самоиндукции.

Генри задумал создать электромагнит с большим количеством витков. Первым в мире он изолировал медную проволоку, обмотав ее шелковыми нитками. Эффект многовиткового индуктора был колоссален. Появился первый бытовой прибор — электрический звонок, который без изменений служит нам до сих пор.

Через пять лет после открытия Генри русский ученый Павел Львович Шиллинг уже испытывал в Петербурге первый в мире электромагнитный телеграф. Прошло еще два года — и вот сентябрьским днем 1838 года по Неве промчался катер с электрическим двигателем Якоби.

А вскоре московская фабрика галуна и металлической канители для золотого шитья на мундирах освоила новый вид продукции — изолированный провод (впоследствии на базе этой фабрики вырос кабельный завод «Электропровод»).

Электромагнетизм начал свое победное шествие. В царстве электромоторов старая электростатическая

машина была забыта почти начисто. Ее загнали в шкафы школьных физических кабинетов.

Но вот начался грозный век атомной техники. Для штурма атомного ядра потребовались высочайшие напряжения, и электростатические генераторы были извлечены из могильного склепа. Наивный стеклянный диск, оклеенный станиолевыми лепестками, вырос в огромные колонны генераторов Ван-де-Граафа — неизменных спутников ускорителей заряженных частиц.

Так электростатика восстал из праха. Она оказалась мощным средством для проникновения в глубь вещества.

← Товарищи! — Юра вскочил на ноги. — Товарищи, ветер!

И вправду, легкий южный ветер моряна прошелся над бухтой, расправил флаг главного судьи, зашелестел в ветвях деревьев Приморского бульвара.

Раздался мелодичный звон рынды, и на мачту взлетел флаг класса «М».

— Швертам готовиться! — возбужденно сказал Юра. — Если еще на балл раздует — и кильям можно будет гоняться. Пошли на яхту!

После швертботов стартовали яхты «звездного» класса — маленькие, легкие, с огромной парусностью: для них ветра хватало.

А через полчаса ветер набрал силы, и настала очередь класса «Л-4». Частая рында возвестила, что до старта осталось пять минут.

Ах, эта предстартовая пятиминутка! Надо всячески изощряться, чтобы в конце пятой минуты быть поближе к старту, но не выскочить раньше времени.

Четыре удара рынды — осталось четыре минуты. Три, две, одна — и частая дробь разрешила старт. Яхты, выбираясь в лавировку против ветра, вышли на первую часть пятнадцатимильной дистанции.

Парусные гонки! Упругой ветровой силой налиты полотнища, и вздрагивают шкоты, зажатые в крепких ладонях, и вода говорит, говорит под гулким днищем, и все вокруг синее и золотое от солнца.

Футбол — всегда на виду у тысяч зрителей. Иное дело — парусные гонки. Массовый зритель может увидеть только старт и финиш, но самое главное — редкое по кра-

соте и напряженности зрелище того, что происходит на дистанции, — ему недоступно. Если вы хотите по-настоящему оценить всю прелест парусных гонок, сделайтесь их участником, другого способа нет.

Еще в 1718 году, за два года до создания английского яхт-клуба в Корке, Петр Первый организовал первый в мире яхт-клуб — «Невскую флотилию». Сто сорок одно судно было раздано «служилым людям разного ранга» с характерным для Петра живописным приказом: «На тех судах ничего тяжелого, а именно кирпичу, извести, дров и прочего, от чего может маратца, не возить... ибо сии суды даны, дабы их употребляли, как на сухом пути кареты и коляски, а не как навозные телеги...»

К поворотному знаку «Меконг» выбрался одним из первых. Обогнув знак, пошли выгодным курсом — галфвинд, вполветра, — и Николай стал «дожимать» яхту, идущую впереди. «Меконг» приблизился к противнику параллельным курсом с наветра и завязал с ним ожесточенный лувинг-матч.

Давно ушли в вечность морские бои времен Ушакова и Нельсона, но многие их приемы еще живут в тактике парусных гонок, в частности — лувинг.

...Фрегат догоняет врага с наветра. Дюйм за дюймом, фут за футом громада его парусов заслоняет противника, «отнимает ветер». У противника обвисают паруса, он не может маневрировать, ему не уйти от абордажа.

Короткая команда: «Марсели и крюйсель — на стеньгу!»

Паруса разворачиваются так, что ветер наваливает фрегат на противника.

В пушечных палубах — крики, топот. Залп всех орудий подветренного борта обрушивается на врага. Заброшены абордажные крючья. Интрепель — в одной руке, кортик — в зубах, тяжелые пистолеты — за поясом, и, хватаясь свободной рукой за что попало, разъяренные бойцы прыгают на вражескую палубу...

Но противник не позволит так просто отнять у себя ветер. Как только вы станете его догонять, он начнет приводиться к ветру, чтобы стать поперек вашего невооруженного носа, угрожая всеми бортовыми пушками. Это и есть лувинг — мера против обгона с наветра.

Вам приходится тоже привестись к ветру, но вы терьете при этом скорость, а противник снова уваливает на старый курс, и все повторяется снова и снова...

«Меконг» жал противника, противник лувинговал, и команды обеих яхт в азарте забыли об остальных участниках гонок. И, когда «Меконг» вырвался наконец вперед, почти все другие яхты, обогнав их, уже огибали второй знак и выходили на фордевинд, поднимая белые «пузыри» огромных овальных спинакеров — специальных парусов для прямого курса.

— Препятствие на курсе! — крикнул Юра, привстав на одно колено и взглядываясь вперед. — Две шлюпки по носу стоят без хода!

«Меконг», покачиваясь, сближался с двумя шлюпками. В одной из них — моторном катере — сидел человек в соломенной шляпе. Оттуда доносился звук работающего мотора, но катер не двигался с места.

Вторая шлюпка, стоявшая поодаль, была пуста.

— Эй, на моторке! — заорал Юра, пёргибаясь через борт. — Дорогу!

Но человек в соломенной шляпе не слышал. Он встал, прошел на корму катера и резко взмахнул рукой, будто отгоняя кого-то, хотя вокруг никого не было видно. Потом быстро взглянул на приближающуюся яхту и снова отвернулся. Моторка резко качнулась, и тогда он сердито закричал, и до ушей экипажа «Меконга» донеслось:

— Прекратите, или я...

В этот момент произошла неприятность. Иногда можно поверить, что природа активно враждебна человеку. Иначе — чем объяснить, что ветер «издыхает» в середине воскресного дня, в самый разгар парусных гонок?..

Паруса заполоскали и безжизненно обвисли. Пробегав еще немного по инерции, «Меконг» остановился в полукабельтова¹ от моторки.

— Всё! Команде загорать, — сказал Юра. — Сплещной кабак сегодня, а не гонки!

¹ Кабельтова — одна десятая морской мили, 185 метров.

Посвистывая, он поскреб ногтями гик, потом бросил за борт десять копеек, но и эти освященные столетиями средства не вызвали ветра.

— Прошу засвидетельствовать: я сделал все, что мог, — официальным тоном сказал Юра. И, растянувшись на баке, заунывно запел:

Речка движется и не движется,
Хуже не было в жизни дня.
Неудобно мне громко высказать
То, что на сердце у меня...

*Г л а в а восьмая,
в которой Вова опять рассердился на электричество,
но успокоился, подумав о зернистой икре*

Кто сыщет во тьме глубины
Мой кубок и с ним возвратится безбедно,
Тому он и будет наградой победной.

Ф. Шиллер, «Кубок»

Николай поглядел на далекий берег, на вписанный в голубое небо бруск холодильника и сказал негромко:

— А ведь это то самое место, где мы женщину подобрали. Помните?

— Нет, — сказал Юра, — мы не помним. И место не то. И женщины никакой не было.

Николай скосил глаз на друга и ничего не ответил.

— Надо бы нам, товарищи, четвертого человека в команду, — проговорил Привалов. — Одному на стакселе и бакштагах трудно работать. Потому и отстали.

— Валерка Горбачевский набивался однажды, — сказал Николай. — Взять его, что ли?

Вдруг стало очень тихо: на катере остановился мотор. Оттуда донеслись обрывки странного разговора:

— ...Первый сюда пришел... Все, что найду, мое.

— Глупости! Море принадлежит не вам, а всем...

— А вот я тебе покажу, кому принадлежит...

Моторка снова закачалась, человек в соломенной шляпе замахал руками.

— С кем он там разговаривает? — Николай внимательно посмотрел на моторку. Затем привнес из каюты бинокль и навел на соломенную шляпу. — Так и есть! Чувствую, что знакомый голос. Борис Иванович, это Опрытин.

— Передайте ему привет, — проворчал Привалов.

— Ах, черт! — воскликнул Николай. — Юрка, ты говорил о нашем акваланге — на, полюбуйся на него.

Юра взял бинокль и отчетливо увидел крупную голову Вовы, торчащую из воды рядом с бортом моторки. Мaska была сдвинута на лоб, рука атлета лежала на транцевой доске моторки.

— Верно. — Юрка опустил бинокль. — Акваланг в опасности. По-моему, они хотят утопить друг друга.

— Хотел бы я знать, что они тут делают, — сказал Николай. — Борис Иванович, вы не возражаете, если я немного поплаваю?

— Только недолго. Ветер может вот-вот...

— Я недолго. — Николай бросился в воду и поплыл к моторке.

Привалов закурил и, щуря глаз, выпустил дым из ноздрей.

— А ну-ка, Юрка, расскажите еще раз о ваших опытах, — негромко сказал он.

В то утро Опрытин больше часа провозился на маленькой пристани Института физики моря. На борту одного из институтских катеров он закрепил вышку с тонким кабелем, на конце которого помещался сильный электромагнит.

Бенедиков сказал, что нож намагничивается. Если так, он, Опрытин, найдет его. Глупо, что нож затонул. Ну и сцену устроил Бенедиков на борту теплохода! Николай Илларионович вспомнил стеклянную ампулу на столе Бенедиктова. Наркотиками пользуется. Видно, делает себе укольчики...

Впрочем, без сцены на теплоходе он, Опрытин, не узнал бы о существовании таинственного ножа. Капля здравого смысла на бочку бессмыслицы...

Опрытин закончил снаряжать катер, завел мотор и вышел из бухты.

Море лениво, мягко колыхалось под горячим августовским солнцем.

Покачивался на воде красный конус фарватерного буя с крупной белой цифрой «18». Телевизионная мачта — по корме, холодильник — на левом траверзе... Пожалуй, надо взять немного правее.

Так. Вот это место. Где-то здесь жена Бенедиктова упала в воду вслед за ножом. Интересная, надо признать, женщина. Случайно упала или прыгнула?

В двух десятках метров от опрятинской моторки покачивалась пустая шлюпка. Где же ее владелец? Утонул, что ли? Или, может, шлюпку оторвало от пристани и вынесло из бухты? Ладно. Опрятин переключил муфту, и катер остановился. Мотор теперь работал не на винт, а на генератор, к которому был подключен кабель с электромагнитом. Кабель, разматываясь с вышки, пошел в воду. Посмотрим, клюнет ли рыбка...

Это был электромагнитный подводный щуп, соединенный с ультразвуковым локатором. Изгибы зеленой линии на экране осциллографа позволяли судить о форме металлических предметов, лежащих на дне. В случае надобности можно было включить электромагнит и захватить предмет, если он, конечно, не диамагнитен.

Подгребая веслом, Опрятин потихоньку «утюжил» вдоль и поперек заветное место.

Несколько раз прибор поднимал ложную тревогу, и электромагнит приносил со дна то ржавую консервную банку, то болт. Но Опрятин не отчаялся: на чистом песчаном дне ничего не пропадет. Побольше терпения, и рыба клюнет...

Вдруг кабель сильно дернулся. Что еще за новость?

На поверхности показались пузырьки, потом высунулась чья-то здоровенная рушица, а вслед за ней голова в маске. Гофрированный шланг шел от маски к заспинным баллонам.

Ныряльщик закрыл вентиль акваланга, сдвинул маску на лоб, и взгляду Опрятина открылась щекастая физиономия с мощной нижней челюстью. Опрятин узнал его сразу: этот человек пытался тогда, на «Узбекистане», отнять у Бенедиктова нож. Ясно, зачем он здесь. Встреча не из приятных...

Пока ныряльщик отплевывался и отряхивался в воде, Опрятин решил перейти в наступление.

— Эй, вы! — крикнул он. — Какого черта вы дергаете мой кабель?

— Сейчас узнаешь! — сказал Вова тоном, не предвещавшим добрых отношений.

Он подплыл к катеру, ухватился рукой за транцевую доску и обрушил на Опрытина такой поток сквернословия, что у физика заныли зубы. Сущность Вовиного монолога сводилась к тому, что порядочным людям уже и нырнуть нельзя для своего удовольствия, потому что «всякие» (Вова широко развел это определение) так и норовят устроить пакость.

А случилось вот что. Вова вел «круговой поиск» по всем правилам. Поставив шлюпку на якорь, он нырнул. К якорю он привязал десятиметровую веревку, размеченную узлами-мусингами через каждые два метра. Держась за свободный конец веревки, он поплыл по кругу, зорко взглядываясь в плотный песчаный грунт. Затем ухватился за ближайший узел и описал новый круг, в обратную сторону. Так он плавал по концентричным, уменьшающимся окружностям, пока не обследовал самым тщательным образом двадцатиметровый участок дна. Потом всплыл на поверхность, перевел шлюпку метров на двадцать в сторону и терпеливо повторил круговой поиск на новом месте.

Запас воздуха был израсходован почти наполовину, когда Вова увидел черный цилиндр, подвешенный на кабеле и медленно перемещавшийся по дну. Подплыв, он взялся за цилиндр рукой и дернул его в том месте, где был прикреплен кабель.

В тот же миг его пронизал удар тока. Вова с трудом оторвал руку и, взбешенный, полуздохшийся, вынырнул на поверхность, чтобы свести счеты с оскорбителем.

В последнее время Вове не везло с электричеством.

— Сматывай удочки, — кричал Вова, — пока я не переверну твою тарахтелку, понятно?

Опрытин не хотел скандала. Тем более что к катеру приближалась какая-то яхта. Он прошел в корму и сказал умиротворяющее:

— Послушайте, гражданин, я же не знал, что вы здесь купаетесь...

— А шлюпку ты видел? Еще оправдывается, сволочь нехорошая! — не унимался Вова.

— Ну, довольно! — Опрытин разозлился и попробовал отодрать Вовину руку от транца.

Но не тут-то было: Вова так тряхнул моторку, что Опрытин свалился на кормовое сиденье.

— Прекратите! — крикнул физик. — Или я дам ход и полосну вас винтом!

Они препирались еще несколько минут. Потом Опрытин замолчал. «Так нельзя, — подумал он. — Надо как-то иначе отвязаться от этого болвана». Он остановил мотор, мельком взглянул на яхту с обвисшими парусами и решительно сказал:

— Я знаю, что вы ищете. Но учтите: с вашим аквалангом вы эту штуку не найдете.

Вова озадаченно замигал.

— Дурака нашел? — прохрипел он. — Давай-ка убрайся отсюда! Я первый сюда пришел, понятно? Все, что найду, мое.

— Глупости. Море принадлежит не вам, а всем.

— А вот я тебе покажу, кому принадлежит...

Он снова тряхнул катер. Опрытин замахал руками, стараясь удержать равновесие.

— Хорошо, — сказал он, с трудом удерживаясь от искушения хватить собеседника по голове шлюпочным якорем, лежащим под ногами. — Я уйду. Но учтите: ножа вы не увидите, как своих ушей. Это я вам говорю как ученый.

Его слова произвели на Вову некоторое впечатление: в науку Вова верил.

— А вы тоже ищете ножик? — спросил он почти ми-ролюбиво.

— Вот это другой разговор, — одобрил Опрытин. — Да, я ищу его. А если не найду, то сам сделаю такой же.

Вова высыпался и задумчиво посмотрел на соломенную шляпу.

— Я человек грубый, — сказал он. — Может, я не совсем выразился к вам...

Опрытин усмехнулся.

Около ста метров отделяло яхту от опрятинской моторки, и Николай быстро прошел это расстояние бесшумным брашсом.

Подплывая, он ясно услышал, как Вова сказал Опрытина:

— Я хочу сказать за ножик. Мне, кроме ножика, ничего не надо. Я,уважаемый, для науки могу с личным интересом не посчитаться.

— Это хорошо, что вы бескорыстный человек, — сказал Опрытин.

— Да уж какой есть, — заскромничал Вова. — А на остров часто придется мотаться?

— Не очень.

— Там недалеко рыбный промысел, — заметил Вова. — Икру можно брать по дешевке... — Он замолчал, вычисляя в уме будущую прибыль.

Тут Опрытин оглянулся и увидел подплывающего Николая. Он снял темные очки, взгляделся...

— Это вы? — сказал он с приятной улыбкой. — Какая неожиданная встреча!

— Здорово, — сказал Вова, тоже узнав Николая. — Ты откуда свалился?

— С яхты. — Николай взялся рукой за спасательный леер, идущий вдоль борта моторки. — Здравствуйте. Ветра нет, вот и решил искупаться...

Наступило неловкое молчание.

— Ну, я пошел к себе, — сказал Вова, оттолкнувшись от катера. — Тебе акваланг сейчас отдать?

— Нет, — ответил Николай, — дома отдашь.

Вова поплыл к своей шлюпке.

— Вы знаете этого мужчину? — спросил Опрытин.

— Он живет в нашем доме. — Николай внимательно смотрел на генератор, на круглое донышко катодной трубки осциллографа, на вышку с уходящим в воду кабелем.

— Позавидуешь вам, — сказал Опрытин, улыбаясь. — Милое дело парусный спорт. А мне, как видите, и по воскресеньям приходится заниматься кое-какими изысканиями.

— Вижу, — кивнул Николай, лихорадочно ссображая, что за кабель размотан с вышку. — Ну, будьте здоровы. Мне пора.

Он оттолкнулся от моторки и поплыл к яхте. Если бы он знал, при каких обстоятельствах придется ему еще раз держаться за леер этой моторки!

Тут Опрыгин оглянулся и увидел подплывающего Николая.

Г л а в а д е в я т а я ,
в которой Привалов терпит поражение по трем пунктам,
но зато приобретает нового союзника

Разве ты не знаешь, как строят высокие
минареты? Очень просто: копают колодец
нужной глубины, обкладывают его камнем,
а потом выворачивают наизнанку.

М о л л а Н а с р е д д и н

С колесом дело пошло хорошо. На днях буксирное судно, размотав «катушку», дотянуло первую нитку трубопровода до Нефтяных Рифов. Сегодня закончили пропарочную опрессовку.

Возвращались под вечер. Серая «Победа» ходко шла по шоссе, среди зеленого разлива виноградников, за которыми громоздился лес нефтяных вышек.

Привалов развалился на заднем сиденье, отдохшая после двухсуточной напряженной работы. Рядом с ним сидел главный инженер института Колтухов. Он дремал, зажав в пальцах дымящуюся папиросу, просыпался, чтобы сделать затяжку, и снова занавешивал глаза густыми седыми бровями.

Николай вел машину. Юра, сидя рядом, просматривал черновые записи протоколов испытания.

— Гора с плеч! — вздохнул Привалов. — Надеюсь, с остальными нитками строители справятся без нас. — Он взглянул на Колтухова: — Спишь, Павел Степанович?

Колтухов открыл глаза. Некоторое время он сонно смотрел на багровый закат, заштрихованный ажурным переплетом вышек. Виноградники остались позади, «Победа» шла теперь по промысловой территории. Тут и там станки-качалки отбивали вечные свои поклоны. Остро пахло нефтью.

— Готовься взвалить на плечи новую гору, — проговорил Колтухов.

— Ты хочешь сказать... Постой, ведь не утверждено еще.

— Вчера я получил телеграфное разрешение. — Колтухов снял белую фуражку и заботливо осмотрел ее. Затем вытащил платок и вытер окольш фуражки с внутренней стороны.

— Чего ж ты... — начал было Привалов.

— Не хотел тебе говорить, пока не кончишь опресовку, — перебил его главный инженер. — У тебя подготовлено задание для изыскателей?

— Да.

— Вот и хорошо. Завтра будет совещание.

Молодые инженеры, сидя впереди, так и навострили уши. Они многозначительно переглянулись. Юра обернулся, спросил с любезной улыбкой:

— Простите, Павел Степаныч, вы говорили о Транс-каспийском трубопроводе?

— В свое время узнаете, товарищ Костюков.

— Павел Степанович! — взмолился Юра. — Это бесчеловечно! Мы с Потапкиным не доживем до утра!

— Вот народ! — усмехнулся Колтухов. — Ладно, успокойтесь: вы оба в списке исполнителей.

Юра в восторге ударил Николая ногой. Тот на мгновение оторвал руку от баранки, показал ему кулак.

Машина проскочила небольшой поселок и помчалась дальше по серой ленте шоссе.

— Как у вас дела, друзья? — негромко спросил Привалов. — Прочли Адама?

— С трудом, — ответил Николай. — Не клеится у нас, Борис Иванович. Думаем теперь с ртутью повозиться.

Остальную часть пути до города ехали молча. На углу улицы Тружеников Моря молодые люди вышли. Привалов пересел за руль и с большой скоростью погнал машину к институту.

— Слушай, Борис, — сказал Колтухов, — сам ты фантазируешь — это полбеды, тебя уж ничто не исправит, но парням-то зачем голову морочишь?

— Никто им голову не морочит, — ответил Привалов. — Они на свой страх и риск затеяли опыты без достаточной теоретической подготовки. Я им дал кое-что почитать. Кое-что посоветовал. Вот и все.

— А почему Потапкин околачивается в отделе автоматики, житья никому не дает?

— По-твоему, это отражается на выполнении служебных обязанностей?

— Этого еще не хватало! — ворчливо сказал Колтухов. — Просто не стоит забивать голову беспочвенными фантазиями.

— А ты не фантазируешь? Сидишь, как алхимик,

в своем чулане и варишь смолы между двумя совещаниями!

— Я делом занимаюсь: улучшаю изоляцию для трубопроводов.

— Положим, так. Но это уже сделано. Ты какие-то новые пахучие составчики готовишь. Люди зажимают нос, когда проходят мимо твоей берлоги под лестницей.

Колтухов ухмыльнулся.

— Помню, был такой случай со смолой, — сказал он. — В двадцать третьем году, я тогда в депо работал, бросили нас на лесозаготовки. И вот...

— Я твои случаи, Павел Степанович, знаю наизусть, — перебил его Привалов. — Ты эти случаи пускаешь в ход, когда боишься проговориться. Знаю я тебя, старый лис!

Колтухов тихонько засмеялся. Он считал себя великим хитрецом и любил, когда это признавали.

— Ну ладно, — сказал он, вставляя в рот новую папиросу. — Расскажу тебе про свою фантазию. Она у меня хорошая, не то что твоя... Как мы защищаем наши трубы и вообще стальные сооружения в море от коррозии? Покрываем их изоляцией. Дорогое дело и не всегда надежное: если в изоляции попадаются трещинки, то коррозия активизируется и разъедает сталь еще сильнее. Ну, сам знаешь. Другой способ — электрозащита. Тоже дорого и канительно: тяни линию, подводи к трубопроводу положительный заряд... Так вот, задумал я, братец ты мой, приготовить такую пластмассу, чтоб она служила изоляцией и в то же время имела электростатический заряд...

— Недурно придумано, — сказал Привалов. — Но моя фантазия все-таки лучше. Никаких труб, никакой изоляции...

— А! — Колтухов коротко махнул рукой. — В тебе, Борис, прочно сидит студент-первокурсник.

«Победа» въехала в институтский двор.

— Не знаешь, — сказал Привалов, вылезая из машины, — стариk Бахтияр в городе сейчас?

— Кажется, в городе. А что?

— Думаю сходить к нему.

— Правильно, — одобрил Колтухов. — Сходи. Пусть окатит тебя холодным душем.

...Они сидели на балконе и пили чай. Помешивая ложечкой в стакане, Багбанлы задумчиво смотрел на россыпь городских огней, полукольцом окружавших бухту.

Член-корреспондент Академии наук Бахтияр Халилович Багбанлы, ученый с большой эрудицией и умелыми руками экспериментатора, двадцать лет назад был любимым институтским преподавателем Привалова. Многие его бывшие ученики и теперь захаживали к нему. Старик выслушивал их, консультировал, давал советы. Он всех помнил и запросто называл на «ты» и по имени. Бывшие же ученики, обращаясь к нему, называли его «Бахтияр-мюэллим», что означало: учитель Бахтияр.

У старика была крупная седая голова и черные брови. Серебряные усики лепились под крючковатым носом.

Вдруг он скосил на Привалова хитрый карий глаз, сказал:

— Слушал тебя, сынок, и ничего не понял. Слова твои смутны, как сон верблюда. Скажи толком: чего ты хочешь?

Привалов хорошо знал резкую манеру старого ученого и поэтому спокойно проглотил «верблюда».

— Попробую по порядку, — сказал он и отпил из своего стакана. — Мы приступаем к проектированию Транс-каспийского подводного трубопровода.

Багбанлы кивнул.

— Но ведь трубопровод — не цель, а средство, — продолжал Привалов. — Цель — систематическая доставка нефти, верно?

— Так. Чем же плох трубопровод?

— Он не плох. Но каково назначение труб? Отделить перекачиваемую нефть от окружающей среды...

— Прекрасно сформулировано.

— Не смейтесь, Бахтияр-мюэллим. В технике транспортировки нефти через море и вообще жидкости через жидкость наблюдается застой мышления. Чем наши трубопроводы отличаются от древних? Прочностью труб, мощностью насосов. Принципиально — ничего нового. Конечно, трубопровод — это лучше, чем танкерная перевозка нефти: дешевле и море не загрязняет. Но понимаете...

— Понимаю: тебе не нравятся трубы. Чем ты хочешь их заменить?

— Вот что пришло мне на ум. — Привалов залпом допил чай и отодвинул стакан. — Я вспомнил опыт Пла-

то. Возьмем масло с удельным весом, равным удельному весу воды, и выльем его в воду. Поверхность масла будет стремиться под действием поверхностного натяжения к минимуму и примет форму шара, верно? А что, если усилить поверхностное натяжение так, чтобы оно действовало не по трем осям, а по двум? Тогда одно сечение масла будет представлять собой круг, а другое... В общем, масло примет форму цилиндра. Сама поверхность масла или, скажем, нефти как бы станет трубой...

Багбанлы усмехнулся, покачал головой:

— Ловко придумал. Труба без труб, значит? Даешь?

— Даешь, — увлеченно продолжал Привалов, — надо иметь поле. Представьте себе подводный энергетический луч, пропущенный по трассе. Определенная частота создаст поле, в котором нефтепродукт вытянется вдоль луча. Понимаете? Сплошная струя нефти сквозь воду, от западного берега моря до восточного...

— Так, — сказал Багбанлы. — Ты объяснил, как устроен паровоз. Теперь объясни, как он поедет без лошадей. Что заставит двигаться нефтяную струю?

— Может быть, сама энергия луча?.. Ведь движется в магнитном поле проводник, если пересекает силовые линии... Я еще ничего не знаю, Бахтияр Халилович. Я излагаю голый принцип.

— Голый и беззащитный, — добавил Багбанлы.

Помолчали с минуту. Привалов вытащил папиросы, закурил, беспокойно поглядывая на ученого.

— Ты ждешь моего ответа, сынок, — сказал наконец Бахтияр Халилович. — Сейчас я тебя разгромлю по трем пунктам. Первое. От западного берега моря до восточного примерно триста километров. Значит, грубо говоря, три градуса. А радиус Земли — шесть тысяч километров. Так?

— Ну, так.

— Теперь решим задачу для седьмого класса: радиус — шесть тысяч километров, центральный угол — три градуса. Чему равна стрелка дуги?

Привалов вынул из кармана маленькую счетную линейку.

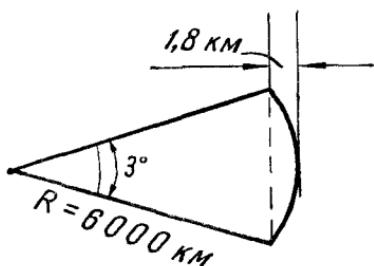
— Один и восемь десятых километра, — сказал он, передернув движок и визир. — А к чему это?

Старый ученый удовлетворенно откинулся на спинку стула и затрясся от смеха.

— Значит, сынок, придерживаясь мнения, что Земля плоская? Может, она на трех китах смонтирована?

— Не пойму, отчего вы развеселились, Бахтияр-мюэллим.

— Смотри. — Багбанлы вынул авторучку и быстро набросал на папиросной коробке чертеж:

— Стрелка трехградусной дуги — почти два километра, — продолжал он. — Наибольшая глубина Каспия — около одного километра. Источником твоего луча, а точнее — направленного поля, могут служить только колебания, распространяющиеся по прямой. Значит, твой луч, не пройдя и половины пути, упрется в дно.

— Ах, дьявольщина! — воскликнул Привалов. — В самом деле, забыл, что Земля круглая!

— Ничего, бывает... Это знаешь, как однажды спросили верблюда, почему у него шея кривая. «А что у меня прямое?» — ответил верблюд.

— А если придать полю свойство отклоняться под действием земной гравитации? — сказал Привалов, помолчав. — Тогда луч пойдет по кривой. Ведь, по Эйнштейну, при высоких энергиях пространство искривляется...

— Ты легкомысленно относишься, Борис, к земному тяготению. Его природа еще недостаточно изучена. Кое-кто считает, что гравитация — процесс, стоящий вне времени. Полагают, что поле тяготения имеет энергию прерывистого порядка, квантовую, что существуют некие гравитоны — элементарные частицы тяготения. Но не будем отвлекаться. Переходим ко второму пункту. — Багбанлы встал и принялся расхаживать по балкону. — Ты говорил о поверхностном натяжении и ожидаешь, что в ответ старый Бахтияр уладит твой слух стройной концепцией. Не надейся, сынок. Поверхность вещества —

одна из основных загадок современной физики. Видишь ли, поверхностное натяжение жидкости — зона проявления особых свойств, присущих поверхности. Натяжение вызывает силы, всегда направленные внутрь. Чай в этом стакане напряжен. Его поверхность и сверху и на границах с дном и стенками давит внутрь с силой более десяти тонн на квадратный сантиметр. Поэтому жидкости трудно сжимаемы. Еще недавно считали их вообще несжимаемыми. А твердые тела... Когда мы разрезаем ножом кусок глины, мы разобщаем целые миры и образуем новые поверхности. При этом высвобождается какая-то энергия...

Старый ученый остановился и через приоткрытую дверь заглянул в комнату. Там серебристо мерцал в темноте экран телевизора, перед ним сидели несколько женщин и детей.

— Что же все-таки находится под поверхностью? — спросил Привалов.

— Не знаю, сынок. И никто пока не знает. Как проникнешь под нее? Соскреби поверхность — под ней тотчас образуется новая граница вещества. Граница, на которой межатомные силы, скрепляющие элементы вещества, вступают во взаимодействие с окружающей средой и уравновешиваются особым образом. Почему? Еще не знаем. Но если мы познаем явление, то рано или поздно добираемся до сущности — ведь явление без сущности невозможно. Вот когда узнаем сущность, тогда и сможем использовать колossalную силу, скрытую в поверхности.

— Значит, сейчас еще рано? — печально сказал Привалов.

Старый ученый не ответил. Стоя на пороге комнаты, он смотрел на экран телевизора.

— А третий пункт? — спросил Привалов.

— Иди-ка сюда, Борис. Посмотрим телевизор.

Привалов встал, взглянул на часы:

— Поздно уже. Пойду, Бахтияр Халилович. Извините, что отнял у вас время...

— Э, брось. Иди сюда, говорю. Картина старая, но есть там один эпизодик... Сейчас его покажут.

Он взял Привалова за локоть и повел в комнату.

Борис Иванович сразу узнал фильм: «Плата за страх».

...Грузовики везут нитроглицерин. Огромный камень, свалившийся с горы, загородил дорогу. Камень решили

взорвать. В нем выдолбили шпур. Но как налить туда грозную жидкость, которая взрывается даже от взвалтывания?

Затаив дыхание, человек смачивает нитроглицерином стебель пальмового листа. Потом вставляет его в шпур и пускает сверху струйку нитроглицерина. Струйка обволакивает смоченный стебель и спокойно стекает по нему...

Багбанлы потянул Привалова за рукав, и они вернулись на балкон.

— Видел, как поверхностное натяжение работает? — спросил ученый.

— Африканцы таким же способом переливают воду в скорлупу страусового яйца. Ливингстон об этом писал, — сказал Привалов. — А у Жюля Верна — помните? — чтобы успокоить волнение, с корабля выливали в воду китовый жир. — Борис Иванович снова воодушевился. — А теперь знаете как поступают в морской практике? Вывешивают за борт брезентовые мешки, набитые пенькой и залитые маслом. В мешках проколоты дырки, и масло стекает по борту в воду...

— Что и говорить, огромная сила, — задумчиво сказал Багбанлы. — Может показаться невероятным: масляная пленка толщиной в одну молекулу гасит колоссальную энергию волны... — Он опять прошелся по балкону, заложив руки в карманы. — Но Шулейкин в «Физике моря» приводит пример: громадная кинетическая энергия курьерского поезда при внезапном торможении поглощается тончайшим поверхностным слоем соприкасания колес и тормозных колодок — и это не кажется невероятным...

Привалов не спускал глаз с ученого, напряженно слушал.

— Допустим, — говорил тот, — нам удастся усилить натяжение поверхности и...

— Согласны, Бахтияр-мюэллим? — почти закричал Привалов.

— Не торопись. Я допускаю возможность. Но только в принципе, а не в действительности.

— Почему?

— Потому что твоя нефтяная «колбаса» — если удастся ее создать, — двигаясь в толще воды, встретит огромное сопротивление. Трение, голубчик! Оно тоже одно из свойств поверхности. Поверхностные слои отстанут от

внутренних, и струя расплывается. Вот тебе мой третий пункт.

— Прекрасно, — сказал Привалов. — Значит, добавляется еще одна задача: снизить трение.

Багбанлы повалился на стул и долго, с удовольствием смеялся.

— Ты молодец, Борис! — сказал он, вытирая платком глаза. — Тебе ни трение, ни земное тяготение нипочем. Даже вешество ты готов вывернуть наизнанку...

— Пойду, Бахтияр Халилович, — со вздохом сказал Привалов. — Спасибо за консультацию.

— Знаешь что? — Старый ученый пристально посмотрел на него. — Бери меня в компанию. Попробуем из любопытства — чем черт не шутит? Только уговор: не зарываться. Думаем только над принципиальным обоснованием идеи, не более!

*Глава двадцатая,
в которой описывается опыт, не совсем подходящий
для квартирных условий*

Собственно говоря, каждому эксперименту сопутствует своя великая минута, только она проходит прежде, чем успеешь ее заметить.

М. Уилсон, «Живи с молнией»

— Рита, — сказал Бенедиков, — ты уверена, что нож тогда упал за борт?

— Да.

— Совершенно уверена?

— Ну, знаешь... — Рита отложила книгу и встала с дивана.

— Не сердись, — сказал Бенедиков. — Понимаешь, нож искали там... ну, в том месте... и не нашли.

— Легче найти иголку в стоге сена.

— Ты переменилась в последнее время. Стала относиться к моей работе... гм... не так, как раньше... Поэтому я и спросил.

— Нет, Толя, это ты переменился. Ты просто перестал замечать меня. Я очень, очень прошу: брось эти опыты. Они совсем изведут тебя. Они уже встали между нами...

Вспомни, как было нам хорошо до этой злосчастной находки.

— Да, — сказал Бенедиктов. — В самом деле, было хорошо...

— Ведь правда? — с надеждой спросила она.

Бенедиктов посмотрел на часы:

— Сейчас ко мне придет один человек. Мы будем работать вместе.

Рита тряхнула головой и молча вышла из кабинета.

Несколько лет назад Анатолий Петрович Бенедиктов, преподававший тогда в университете, влюбился в веселую, своюнравную студентку биологического факультета.

Незадолго перед этим он с блеском защитил диссертацию об электрических токах в живом организме и опубликовал интересное исследование об электрических рыбах, которое вызвало длительную дискуссию среди биологов.

Однажды во время лекции Бенедиктов заметил, что несколько студенток, хихикая и перешептываясь, передают друг другу какой-то листок. Он быстро подошел к ним, и, прежде чем девушки опомнились, листок был у него в руках. Он посмотрел и нахмурился. Там был изображен он сам, Бенедиктов. Взлохмаченный, коренастый, довольно похожий, но снабженный рыбьим хвостом на манер русалки, он дирижировал трезубцем, а вокруг плясали рыбы. Под рисунком было несколько строчек, набросанных тонким, легким почерком:

Очень странные результаты изучения реликтов:

Не потомок обезьяны наш лохматый Бенедиктов.

Он — гибрид, соединенье электрического сома

С дикобразом. Вот обида для исходной хромосомы!

Он не физик, не биолог, он не рыба и не мясо,

Он — электроихтиолог¹ промежуточного класса!

— Чье произведение? — спросил он, обведя сердитым взглядом притихшую аудиторию.

Поднялась тоненькая белокурая девушка и, смело глядя на Бенедиктова карими глазами, любезно сообщила:

¹ Ихтиология — раздел зоологии: изучение рыб.

— Мое.

Не сказала, а именно любезно сообщила.

— Благодарю вас, — медленно, немного в нос сказал Бенедиктов, сунул рисунок в карман и принялся дочитывать лекцию.

Потом, когда они поженились, Бенедиктов признался Рите, что в тот момент, когда она сказала «мое», он вдруг ощутил, будто его горячей волной окатило...

В том же году Рита окончила университет и стала преподавать биологию в школе, а Бенедиктову дали лабораторию в научно-исследовательском институте. Он продолжал увлеченно работать, исследуя биотоки. Молодые супруги жили весело. Ходили в кино и театры, вместе читали книги и спорили о них, и дом их всегда был открыт для многочисленных друзей.

Полгода назад Бенедиктов получил квартиру в новом доме, и тут при переезде произошло странное событие, с которого и начались все беды.

Решено было старый хлам не тащить в новую квартиру, и поэтому Бенедиктов запротестовал, когда Рита сунула в чемодан старенькую цветочную вазу с искрощенными краями и потемневший от времени железный бруск.

— Рита, ты нарушаешь уговор. Выбрось-ка эту дредебедень!

Вазу Рита выбросила, но с бруском расстаться не пожелала, заявив, что это семейная реликвия.

— Матвеевские реликвии, — засмеялся Анатолий Петрович. Он взял бруск, повертел его в руках, встряхнул...

Из боковой стенки бруска вдруг высунулся клинок ножа.

Не веря своим глазам, Бенедиктов оторопело уставился на узкое лезвие. Оно было покрыто тонким прозрачным слоем жира, сквозь который проступал серебристый дымчатый узор. Бенедиктов несмело тронул лезвие рукой — рука прошла, как сквозь пустоту, испытав странное ощущение: будто ее коснулось мгновенное теплое дуновение...

Бенедиктов огляделся. Комната, раскрытые чемоданы на стульях, тахта, шкаф... Все было обыденно, прочно, привычно...

Он провел ладонью по глазам.

Бенедиктов держал в руке брускок, как гремучую змею.

Клинок ножа торчал из бруска.
Нож был и в то же время не был...

— Что с тобой? — встревоженно спросила Рита.

Она подошла, взглянула на брускок. Глаза ее широко распахнулись...

Нет, она ничего не знала. Одно только знала: с бруском связано какое-то странное семейное предание о далеком предке, побывавшем в Индии. Отец всю жизнь хранил у себя брускок, а теперь она хранит, вот и все. Никогда никому не приходило в голову, что в бруске может что-то лежать...

Бенедиков держал в руке брускок, как гремучую змею. Медленно сжал в кулаке лезвие. Пальцы сомкнулись. Пустота...

Рита вдруг встрепенулась:

— Подожди... Был еще один такой брускочек. Совсем ржавый. Под комодом лежал, вместо ножки... — Она побежала в комнату матери, потом вернулась, сказала растерянно: — Выбросили... Вчера старый хлам выбрасывали, и его тоже...

Первые минуты изумления прошли. Бенедиков тщательно осмотрел брускок. На одной из его сторон были выгравированы какие-то буквы. В два ряда. Между рядами — нечто вроде изображения короны, а может, просто пятнышко ржавчины. Бенедиков заметил тончайшую линию, опоясывающую лицевую сторону бруска. Значит, это не цельный брускок, а ящичек с крышкой. Крышка сидит на шипах, она хорошо пригнана и зачеканена...

После долгой возни Бенедиков снял крышку. В ящичке лежал нож. Ручка его была плотно обмотана сукном. Видно, со временем сукно слежалось, обмотка ослабла, и при встряхивании лезвие высунулось наружу...

Бенедиков потрогал красивую рукоятку из пожелтевшей слоновой кости. Рукоятка была обычная: ее можно было держать. Хвостовик клинка, должно быть, тоже был «нормальный»: иначе он не смог бы держаться в рукоятке.

А вот лезвие...

Оно свободно проникало сквозь все, не оставляя ни малейших следов. Будто из воздуха соткано...

Бенедиков вонзил нож в стол. Что за черт! Дерево сопротивлялось, нож застрял. Еще раз — наискось — полоснул стол, теперь клинок прошел свободно...

До глубокой ночи Бенедиктов пробовал нож о разные предметы. Ему стало ясно: по всем направлениям нож свободно проникает сквозь любое вещество — по всем, кроме одного: строго вертикального. Если вонзать нож вертикально, сверху вниз, то он вел себя, как обыкновенный, только немного легче вонзался. Снизу вверх он проходил беспрепятственно сквозь любой предмет.

Это особенно изумляло.

Минута, в которую они впервые увидели загадочный нож, легла резким водоразделом в их жизни.

Бенедиктов решил во что бы то ни стало докопаться до разгадки тайны.

— Проницаемость! Понимаешь, Рита? Проницаемость вещества — вот задача. Ты считаешь, этот нож хранился в вашей семье более двухсот лет? Ну, если еще тогда сумели сделать его проницаемым, то уж нам с тобой...

Дух захватывало от величественных картин свободно управляемого человеком Измененного Вещества — картин, которые Анатолий Петрович рисовал своей жене. И Рита тоже увлеклась. Она помогала Бенедиктову. Готовила опыты, вела дневник экспериментов, оберегала рабочие часы Бенедиктова от покушений друзей и знакомых. Постепенно друзья перестали их навещать.

— Не беда, Рита, — говорил Анатолий Петрович. — Как только я закончу работу, вот увидишь — от друзей отбоя не будет.

Шли недели, месяцы. Кабинет Бенедиктова превратился в маленькую лабораторию. Все чаще и чаще Анатолий Петрович засиживался там до утра. Обессиленный, засыпал в кресле, но через час вскакивал, снова набрасывался на работу. Однако от цели был далек почти так же, как в тот момент, когда впервые увидел нож. Он стал нетерпелив, раздражителен, даже груб. В поведении его Рита стала замечать странности: подавленное, угрюмое настроение резко сменялось бодростью и поразительной работоспособностью, он мог работать сутками без отдыха. Затем опять наступала апатия.

Рита встревожилась. Она уже понимала, что Анатолий Петрович взвалил на себя ношу, которая одному человеку не под силу. Но, когда она заговорила о том, чтобы сообщить о находке в Академию наук, последовала такая вспышка ярости, что она замолчала. С трудом

удалось ей уговорить мужа взять отпуск и совершить поездку по Волге.

Мы уже видели, каким печальным эпизодом завершилась эта поездка. Бенедиктову лучше не стало.

В передней прозвенел звонок. Бенедиктов пошел открывать, но Рита опередила его. Вошел Опрытин — подтянутый, свежевыбранный, в щеголеватом сером костюме. Склонив аккуратный зачес, он притронулся холодными губами к руке Риты. Осведомился о здоровье.

— Мое здоровье в полном порядке, — очень внятно сказала Рита. — До свиданья.

— Постой, ты куда? — спросил Бенедиктов.

— В кино.

Щелкнул замок, мужчины остались одни.

— Тем лучше, — буркнул Бенедиктов и повел гостя в кабинет.

Опрытин критически оглядел оборудование.

— Так, так, — сказал он. — Электростатическая машина — правильно. А это — ваш ламповый генератор, о котором вы рассказывали?

Он снял пиджак и, высоко вздернув брюки на коленях, развалился в кресле. Бенедиктов сел напротив.

— Анатолий Петрович, прежде всего расскажите, пожалуйста, подробно о ноже.

Он внимательно выслушал рассказ Бенедиктова.

— Индийские чудеса... Если бы не видел, не поверил бы, — сказал он. — Значит, проницаемость лезвия кончается возле ручки?

— Да, какая-то переходная зона — шесть миллиметров. Я снимал ручку. Хвостовик ножа — это обыкновенная сталь.

— Кстати: вы взвешивали металлическую часть ножа?

— Вес нормальный, соответствует объему.

— Очень интересный факт. Значит, в гравитационном поле ведет себя как обычное вещество...

— Да. И еще одна удивительная зависимость от гравитационного поля: вертикально вниз он колол почти как обыкновенный нож. Только меньше усилия требовалось, вот и вся разница.

— Вот как! Верно, по вертикали вниз действует толь-

ко одна сила — земное тяготение... — Опрытин задумался.

— По-моему, — сказал Бенедиктов, — в ноже каким-то образом изменены межатомные, а может быть, и внутриатомные связи. Я убежден, что разгадку мы быстрее найдем через свойства живого организма. Жизненный процесс связан с выделением энергии в разных формах — в волновой форме, в форме биотоков...

Он подошел к круглому аквариуму с проволочной обмоткой, принялся объяснять. Опрытин не дал ему договорить до конца.

— Понятно, Анатолий Петрович, — вежливо сказал он. — Вы помещаете рыбок между обкладками конденсатора, в колебательный контур. Ищете резонанса с их собственной, рыбьей, биоэлектрической частотой, так?

— Именно.

— Разрешите взглянуть на ваши записи. — Опрытин полистал тетрадь. — Бессистемно работаете, коллега. Смутное впечатление от записей. Так не пойдет. Нам нужна система.

— Знаем, знаем, — сказал Бенедиктов. — Рабочий «А» берет в руку «Б» лопату «В» и подходит к куче «Г». Знаем вашу систему.

Опрытин пропустил это мимо ушей.

— Итак, — сказал он, — что мы имеем в качестве исходных данных? Нож из проницаемого материала. Да и то — увы! — утерян... Говорите, предок имел отношение к Индии? Двести лет с лишком? Что ж, опустимся на уровень того времени. Искать там, среди лейденских банок... О структуре вещества только догадывались... Очевидно, набрали случайно. В ноже изменены межатомные связи, вы правы. Как же была преодолена энергия внутренних связей вещества? Вот вопрос... Если бы нож был у нас в руках... Кстати, вы говорили, что нож лежал в железном ящичке. Он-то хоть сохранился?

Бенедиктов вынул из шкафа ящичек, похожий на пенал, и протянул Опрытину.

Опрытин взглянул и...

— Ах, черт! — воскликнул он, вскакивая. — Те же буквы...

На крышке была гравировка:

«AMDG».

Ниже — изображение маленькой короны, еще ниже — буквы помельче:

«J d M».

Опрытин прошелся по кабинету. Шаги его звучали четко, как удары молотка.

— Что случилось? — спросил Бенедиктов, поворачивая голову вслед за Опрытиным. — Чего вы всполошились?

— Нет, ничего. — Опрытин уселся в кресло и снова принял разглядывать ящичек. — Что означают эти буквы?

— Верхние четыре — начальные буквы девиза иезуитов. Забыл, что именно. Нижние три — неизвестно, что означают. Вряд ли это имеет отношение к научной проблеме.

Опрытин погрузился в раздумье.

— Вот что, — вдруг рассердился Бенедиктов: — если вы пришли для того, чтобы глубокомысленно молчать, то...

— Не торопитесь, Анатолий Петрович. Характерец у вас... — Он положил ящичек на стол и поднялся. — Ну ладно. Давайте, чтобы не терять времени, поставим начальный опыт. Когда вы в тот раз описали ваш генератор, мне пришла в голову одна идеяка. Вам завезли сегодня чемодан с приборами?

— Завезли. Между прочим: не вы ли присыпали ко мне раньше этого типа со зверской рожей? Под видом монтера.

— Что вы, Анатолий Петрович? Это мой лаборант. Весьма полезный и, я бы сказал, приятный мужчина. Надеюсь, вы измените свое отношение к нему... Помогите мне убрать аквариум. А столик — сюда, ближе к генератору.

Опрытин принял собирать аппаратуру.

— Может быть, вы предварительно посвятите меня? — сказал Бенедиктов.

— Безусловно. Я предлагаю начать с минимальной поверхности — с острия.

Опрытин раскрыл футляр и вынул металлическую державку, снаженную длинной, хорошо отполированной иглой.

— Конечно, — сказал он, — кончику этой иглы далеко до пчелиного жала. Жало имеет острие, закругленное на конце радиусом в одну миллионную часть миллиметра. Приложите к такому острию силу всего в один миллиграмм, и давление его кончика на прокалываемое вещество составит около трехсот тонн на квадратный сантиметр. Представляете себе? А стальная игла в руках человека дает укол с давлением около четырех тонн. Впрочем, в иглах вы, кажется, разбираетесь...

— Что это значит? — хмуро сказал Бенедиктов.

— Виноват, просто к слову пришлось. — Опрытин устремил на биофизика немигающий взгляд. — Итак: с кончиком иглы нам легче справиться, чем с крупной массой вещества, согласны?

Он коротко изложил методику опыта.

На столике, под бинокулярной лупой, была собрана установка. Державка с иглой теперь помещалась в струбцине с микрометрическим винтом так, что острие иглы было подведено к стальному кубику. Все это помещалось в спирали между параллельными обкладками и было заключено в толстостенный стеклянный сосуд. Маленький моторчик через ряд зубчатых передач мог очень медленно вращать микрометрический винт, упирая острие иглы в кубик. В стекло были впаяны выводы проводов, соединяющих установку с электростатической машиной и генератором Бенедиктова.

— Посмотрим, на что годится ваш генератор, — сказал Опрытин. — Ну, начали. Попробуем воздействовать электрическим полем на внутренние связи вещества этого кубика.

Бенедиктов включил мотор, и диск электростатической машины с тихим жужжанием завертелся.

— Генератор! — скомандовал Опрытин.

Щелкнул тумблер. В стеклянном сосуде моторчик медленно-медленно вращал микрометрический винт, подводя острие иглы к кубику.

Опрытин и Бенедиктов прильнули к стеклам бинокуляра.

Звякнул звоночек: острие вошло в контакт с кубиком. Включились самописцы. Острие продолжало двигаться, вонзаясь в металл. Но чувствительные приборы не показали усилия... Игла входила в стальной кубик, не встречая сопротивления!

Это длилось один момент.

В следующий миг какая-то сила отбросила Опрытина и Бенедиктова к стене. Стеклянная камера со звоном разлетелась вдребезги...

Бенедиктов огляделся. Он был ошеломлен. Не померещилось ли ему это?..

Опрытин поднимался с пола. Лицо его было бледно, со лба стекала тонкая струйка крови. Он взглянул на Бенедиктова — и вдруг засмеялся, закинув голову и выпятив костистый подбородок.

«Тронулся, что ли?» — тревожно подумал Анатолий Петрович.

— Кубик! — хрюпнуло сказал Опрытин, оборвав смех.

Они кинулись искать кубик и нашли его вместе с обломком струбцины в углу. Положили под микроскоп. Ни малейшего следа от иглы... Но лента самописца — беспристрастная свидетельница — говорила, что игла вошла в сталь на целых три микрона...

Ученые сели в кресла друг против друга. Помолчали. Потом Бенедиктов спросил:

— Что... что вы думаете об этом?

— Я думаю... Это была великая минута. — Голос Опрытина теперь звучал спокойно, но что-то отчужденное появилось в глазах. — На мгновение мы добились проницаемости. Мы ослабили связи вещества в кубике... Но силы, которые создают эти связи, высвободились... И вот — отталкивание...

Он долго молчал. Потом заговорил уже совсем спокойно:

— Мы в начале пути, Анатолий Петрович. Однако в квартирных условиях мы ничего, кроме скандалов с домоуправлением, не добьемся. Вторгаться в структуру вещества, знаете ли... Может и не так бабахнуть. Нужно собрать крупную установку. С генератором Ван-деграфа. Без него не обойтись. Нам предстоит множество опытов.

— Что вы предлагаете?

— Есть у меня одна возможность поработать уединенно. Но вы, к сожалению, не состоите у нас в штате... — Опрытин помолчал, потом сказал в упор: — Вам нужно перейти в наш институт.

Г л а в а о д и нн а д ц а т а я
Про „ртутное сердце“ и про Кошку, Которая Гуляет
Сама по Себе

*Нет на свете собаки нежнее и ласковее
бульдога. Но на вид этого не скажешь.*

Дж. К. Джером, «Мое знакомство с бульдогами»

Шумный людской поток выносит Риту из кинотеатра. Вокруг громко обмениваются впечатлениями, смеются, острят. Все возмутительно счастливы.

А Рите не с кем даже словом перемолвиться. Медленно идет она по аллее Приморского бульвара, мимо фонтанов, подсвеченных цветными лампами, мимо скамеек, на которых тесно сидят парочки.

Тоскливо у Риты на душе.

Первый раз в жизни она одна пошла в кино. Ей кажется, что встречные смотрят на нее с недоумением и жалостью. Ну и пусть! Да, все гуляют парами или компаниями, а она гуляет одна. Ей так нравится.

Нравится?

Нет, себя не обманешь...

Почему-то вспомнилась читанная в детстве киплинговская сказка о Кошке, Которая Гуляла Сама по Себе...

Рита выходит с бульвара на улицу, залитую резким светом ртутных фонарей. Шуршат по асфальту покрышки автомобилей.

Киоск с водой.

Лоток с мороженым.

Троллейбусная остановка.

Высекая на перекрестке искры из проводов, приближается троллейбус. К нему бежит, смеясь, стайка девушек на тоненьких каблучках.

Рита взглянула на часы. Без пяти минут десять. Ехать домой? А зачем? Слушать, как в кабинете гудят голоса мужа и его гостя? Пойти их чаем с инжировым вареньем? Ну нет!

Она идет обратно на бульвар. Идет мимо темных скамеек, на которых, в тени деревьев, обнимаются парочки, и мимо пустых скамеек, освещенных фонарями. Она садится на пустую скамейку под старой акацией; рядом высится фонарь — длинноногий вечерний страж.

Прямо перед Ритой — черное стекло бухты. На смутно обозначенном горизонте мигают огоньки — то красный, то белый. А если посмотреть вправо, можно увидеть скучно освещенный бар яхт-клуба и призрачные силуэты яхт, слегка покачивающиеся на воде.

Господи, до чего же одиноко!

По аллее идет группа парней. Громко переговариваются, дымят сигаретами, смеются. Поравнявшись с Ритой, они весело переглядываются и садятся на ее скамейку — двое с одной стороны, трое с другой. Парень в ярко-красной рубашке и черных брючках ставит между собой и Ритой патефон.

— Не помешаю? — спрашивает он, с улыбкой глядя на Риту.

Рита молчит. Встать и уйти? Эти мальчишки подумают, что она их боится. А она нисколечко не боится. Противно просто.

— Что, Валерик, не отвечают тебе? — дурашливым тягучим голосом говорит курносый парень, сидящий по другую сторону от Риты.

— Не отвечают...

— Да ты, наверное, невежливый.

— Я вежливый... — Обладатель патефона прыскает в кулак. — Девушка, — говорит он с какой-то отчаянной решимостью, — можно с вами познакомиться?

Рита сердито смотрит на его нагловатое лицо, обрамленное черными бачками.

— Не хотят знакомиться, Валерик? — спрашивает тот же дурашливый голос.

— Не хотят! — отрезает Рита. — Идите, идите своей дорогой.

— А что, посидеть уже нельзя на бульваре? — говорит курносый парень. — Мы, может, пришли свежим воздухом подышать.

Он откидывается на спинку скамьи, вытягивает ноги и начинает громко дышать. Его дружки тоже с шумом втягивают и выпускают воздух.

Рита встает. Парни тотчас вскакивают. И в этот момент возле них останавливается большой рыжий пес, пробегавший мимо. Он тихонько рычит...

— Рекс! — слышится басовитый голос. — Назад!

Быстрым шагом подходит высокий парень в белой рубашке с распахнутым воротом, с ремешком в руке.

Он изумленно смотрит на Риту, потом переводит взгляд на молодого человека с патефоном.

— Горбачевский? — говорит он недоуменно. — Вы что тут делаете?

Уже несколько дней Николай и Юра возились с ртутью. В маленькой застекленной галерее в Бондарном переулке они собирали «ртутное сердце» — стационарный прибор для демонстрации усиления поверхностного натяжения под действием электрического тока.

Прибор был собран на одной чашечке лабораторных весов. В этой чашечке, залитой проводящим ток раствором, лежала крупная капля ртути. К ней был подведен винт с иглой — так, чтобы кончик иглы касался ртути. Ртутная капля через проводящую жидкость соединялась с анодом аккумуляторной батареи, а игла — с катодом.

На второй чашке стояли уравновешивающие гирьки.

При пропускании тока поверхностное натяжение усиливалось, капля ртути сжималась и отрывалась от иглы. Цепь размыкалась, и капля, расплываясь, снова касалась иглы.

Она беспрерывно пульсировала — «ртутное сердце» билось.

Молодые инженеры пытались воздействовать на «ртутное сердце» высокой частотой. Для этого они окружили прибор спиралью, включенной в колебательный контур лампового генератора. Они полагали, что при какой-то частоте колебаний натяжение поверхности ртути резко возрастет и так сожмет каплю, что она вообще перестанет касаться иглы. Тогда, добавляя ртуть, по увеличению веса капли можно будет судить об увеличении поверхностного натяжения.

Они меняли форму спирали, пробовали разные частоты — ничего не получалось. «Ртутное сердце» спокойно и ровно пульсировало, как и при обычном пропускании тока, без спирали.

— Ни черта не выходит, — говорил Юра, выключая ток. — Зря только время убиваем.

— Может, весы недостаточно чувствительные? Да вай купим аналитические.

— Э! — Юра недовольно поморщился. — Уж лучше

самим сделать пьезоэлектрические весы. У меня где-то есть схема...

В тот вечер Николай терпеливо повторял опыт в разных вариантах. Вдруг он услышал повизгивание и шорох: будто кто-то царапал дверь когтями. Он открыл дверь и впустил в галерею крупного пса бульдожьей породы, с рыжей полосатой шкурой, похожей на тигровую. В зубах пес держал книгу, обернутую газетой.

— Рекс! Здорово, собакевич. — Николай отобрал у пса книгу и потрепал его по гладкой теплой голове.

Пес лизнул ему руку и бешено завилял обрубком хвоста.

У Рекса было два хозяина, но жил он у Юры, так как у Николая было тесновато. Собаке часто приходилось выполнять роль посыльного. Вот и сейчас Рекс прибежал с поручением: Юра возвращал «Шерпов и снежного человека».

Николай угостил Рекса колбасой и снова занялся «рутным сердцем».

Стемнело. Со двора неслись звуки радиолы: это внизу, в своей квартире, Вова проигрывал любимые пластинки.

Николай встал и накрыл весы с «рутным сердцем» старым деревянным колпаком от швейной машины. С хрустом потянулся.

Не дается в руки поверхностное натяжение...

Дьявол с ним. Надо пройтись по бульвару. Проветриться. Заодно и Рекса отвести к Юрке...

— Горбачевский? — недоуменно говорит Николай. — Вы что тут делаете?

Парень с патефоном смущен.

— Ничего... — бормочет он. — Гуляем просто...

— А вам какое дело? — хорохорится курносый парень, подступая к Николаю.

Но Валерик Горбачёвский хватает своего приятеля за локоть и, что-то шепча ему на ухо, уводит прочь. Остальные парни тоже уходят.

— Они... приставали к вам? — стесненно спрашивает Николай, накручивая ремешок на палец.

Только теперь Рита узнала его. Холодно глядя на Николая снизу вверх, она говорит:

— Вы упорно появляетесь в роли спасителя. Я в этом не нуждаюсь.

Тряхнув головой, она направляется к выходу с бульвара. Рекс бежит рядом с ней. Рита останавливается, треплет пса по голове.

— Странно, — говорит Николай, подходя ближе. — Рекс обычно не идет к чужим.

— Хорошая собачка. — Рита обеими руками берет Рекса за морду. — Прямо тигр.

— Это боксер. Тигровый бульдог... У него немного испорченная порода — морда удлинена, видите?

— Он красивее бульдогов. — Рита выпрямляется, смотрит на Николая: — Этот мальчик с патефоном — он ваш знакомый?

— Валерик Горбачевский? Он мой лаборант.

Свет фонаря падает на Риту, на ее золотистые волосы, на узкое лицо с нежным подбородком и темными печальными глазами.

Николай не может оторвать взгляд от Ритиного лица. Десятки вопросов вертятся у него на языке. Кто она такая? Каким образом свалилась тогда за борт? И что за странный интерес к месту ее падения: ведь Опрытин явно искал там что-то, у него на моторке был поисковый прибор. И Вова нырял там с аквалангом. Что они ищут?.. И почему все время кажется, будто он уже видел когда-то эту девушку?..

— Веселые у вас лаборанты, — насмешливо говорит Рита.

Круго повернувшись, она идет к троллейбусной остановке. Идет мимо фонтанов, подсвеченных цветными лампами. Мимо пустых скамеек и мимо скамеек, занятых парочками. Идет одна.

Кошка, Гуляющая Сама по Себе...

Николай долго глядит ей вслед. Потом подзывает Рекса и, широко шагая, продолжает свой путь.

Юра открывает дверь. Он в одних трусах, в руке у него отвертка «Дюрандаль».

— Здравствуйте, люди и собаки! — провозглашает он и ведет Николая в свою комнату, заваленную книгами и завешанную географическими картами.

На столе громоздится нечто, напоминающее электрополотер. Это знаменитый «сверхмагнитофон», с которым Юра возится вот уже третий месяц.

— Смотри, Колька. Я вытащил из него кое-что, и теперь...

Юра показывает Николаю почти готовые пьезоэлектрические весы и объясняет, что он придумал для упрощения схемы. Николай слушает и не слушает. Он дымит сигаретой, рассеянно стряхивая пепел в жестянку с шурупами.

— Юрка, — говорит он вдруг, прервав друга на полуслове, — я только что встретил ту, которая с теплохода прыгнула...

— Шут с ней. Теперь смотри: от кварцевой пластинки выводы идут...

Но Николай снова перебивает его:

— На месте ее падения что-то ищут. Опрытин ищет. И Вова.

Юра смотрит на друга, глубокомысленно почесывая «Дюрандалем» затылок.

— Может, они ищут затонувший город Шергии-Юнан?¹

— Не дури, Юрка! К ней на бульваре приставали какие-то парни. Среди них знаешь кто был? Наш Горбачевский.

— Валерка?

— Да. Завтра поговорю с ним.

— Не надо. Ты не умеешь вести воспитательные разговоры. Я сам поговорю.

— Понимаешь, — задумчиво продолжает Николай, — у нее такое лицо... Все время кажется, будто я ее где-то видел раньше...

Юра явно настроен на другую волну. Он подбрасывает и ловит отвертку, а потом говорит с дружелюбной интонацией в голосе:

— Как же ты не узнал свою двоюродную тетку из Астрахани?

Николай раздраженно тычет окурок в жестянку и идет к двери.

— Жизнерадостная дубина! — бросает он на ходу.

Медленно идет он по вечерним улицам. Смутно и тревожно у него на душе.

¹ Шергии-Юнан — полулегендарный город, ушедший под воду; его искали в последний раз летом 1960 года.

Г л а в а д в е н а д ц а т а я ,
повествующая о находке, которая вынуждает авторов
закончить первую часть и совершить экскурс в начало
позапрошлого века

...Ибо распечатывание таких сосудов входит в круг моих обязанностей.

В. Гюго, «Человек, который смеется»

Грязный бруск, приобретенный Приваловым на толкучке, больше двух недель провалялся на яхт-клубе, в рундуке, на дверце которого была выведена по трафарету аккуратная надпись «Меконг». Не то чтобы Борис Иванович забыл о нем — просто руки не доходили. С тех пор как в институте заговорили о Трансакаспийском нефтепроводе, Борис Иванович потерял всякий покой. Неотступно стояло перед ним странное и заманчивое видение: мощная струя нефти, идущая через море...

Надо было хоть немного отвлечься от беспокойных дум, от вычислений, уводивших в область фантастики. У Привалова было испытанное средство охлаждения разгоряченной мысли: послесарничать, повозиться с инструментом и металлом. А если при этом случался собеседник, готовый выслушать его, Бориса Ивановича, дифирамбы слесарному искусству, то это было все равно что дом отдыха.

Итак, однажды после работы Привалов заехал на яхт-клуб, завернул бруск в газету и привез его домой. После обеда он приладил к кухонному столику тисочки и, мурлыча себе под нос песенку о хорошем настроении, разложил инструмент.

Перед работой он поскреб ногтями кусок мыла — старый способ, каким культурные металлисты предупреждают появление под ногтями траурной каймы.

— Не найдется ли у нас немного керосину? — спросил он жену.

Ольга Михайловна, мывшая посуду, обернулась к нему.

— Где-то был, — сказала она. — Помнишь, ты приносил, когда красил двери.

— Да-да, я кисть еще отмывал. Поищи, пожалуйста.

Борис Иванович смочил тряпичку керосином и принялся тщательно обтирать бруск.

— Любопытно, — говорил он при этом, — как техника меняет привычные понятия. Раньше керосин — он назывался тогда фотогеном — был почти неизвестен в быту. Потом он стал известен всем, включая грудных младенцев. Керосиновые лампы, примусы, керосинки «Гретц»... А теперь городские дети могут услышать это слово только в школе или — попав в реактивную авиацию... Электричество и газ! А когда-нибудь и эти слова перестанут быть ходовыми — как ты думаешь?

Ольга Михайловна ответила не совсем по существу:

— Я же просила тащить домой поменьше дряни! Зачем тебе эта грязная железка?

Привалов тем временем зажал брускок в тиски и принялся срезать острым шабером толстый слой ржавчины, размоченной керосином.

— Это не железка, — сказал он. — Я уже как-то говорил тебе, что железо в чистом виде встречается редко. В основном оно бывает в виде сплава с углеродом, который называется сталью. А железо, феррум, — это элемент, оно только в лабораториях бывает в чистом виде. И, кстати, оно почти не ржавеет. А эта штуковина ржавая — значит, стальная.

— Позволь, а как же нержавеющая сталь?

— Это, видишь ли, название условное. В некоторых марках нержавеющей стали железа меньше, чем хрома и никеля.

— Чего только не узнаешь на старости лет! — вздохнула Ольга Михайловна, вытирая тарелку. Глаза ее смеялись. — Борис, — сказала она немного погодя, — давай пойдем в кино. В «Повторном фильме» идет «Колдунья». Все ее видели, кроме нас с тобой.

— В принципе я не против «Колдуньи», — ответствовал Привалов, орудуя шабером. — Ты же знаешь, я всегда стоял горой за ведьм, волхвов и леших. Но, прежде чем приобщиться к оккультным наукам, я очень хочу заглянуть в этот ящичек.

— Ты скажешь! — засмеялась Ольга Михайловна. — Постой, но разве он пустотелый?

— В том-то и штука, — радостно откликнулся поклонник волхвов. — Понимаешь, он слишком легок для своего размера — я это еще на толкучке заметил, когда взял в руки. Но никаких стыков на стенках не видно. Вот мне и стало интересно, как он сделан.

Привалов отложил шабер. Блестящая поверхность металла обнажилась почти повсюду, только в углублениях темнела ржавчина.

Молотком он постучал по углам и по середине.

— Явно пустотелая штука, — сказал он и потряс ящичек около уха. — Никакого звука. Или там ничего нет, или что-нибудь плотно набито.

— Борис, ты поосторожнее, — забеспокоилась вдруг жена. — Может быть, это неразорвавшаяся мина?

— Ну что ты! Я не вижу ни одного отверстия для взрывателя или предохранителя. И, судя по вмятинам и забоинам, этой штукой пользовались как подставкой: на ней рубили и сверлили. Если б что и было, она бы давно взорвалась.

— А вдруг она замедленного действия?

Борис Иванович ухмыльнулся:

— Ты напоминаешь мне бабушку из «Детства» Толстого. Помнишь? Она не пожелала выслушать объяснение, что дробь не порох.

— Благодарю за сравнение!

— Да ты не сердись. Понимаешь, ящичек сделан очень давно, тогда не было механизмов замедления. Вообще говоря, я бы мог взять его завтра в институт и между делом легко разобраться, даже не вскрывая его. Можно измерить толщину его стенок ультразвуковым толщемером. Можно взять конвертик с фотопленкой, ампулу с чем-нибудь радиоактивным — мезоторием, например, — и просветить ящичек гамма-лучами. По снимку можно было бы, вероятно, понять, есть ли что внутри.

— Вот и сделай так, — сказала Ольга Михайловна, убирая посуду в шкафчик.

— Э-э, нет! — Привалов зажег газовую горелку. — Старые способы тоже нельзя забывать. Помнишь, у Козьмы Пруткова: и при железных дорогах надо сохранять двуокись.

— А еще у него же сказано: если у тебя есть фонтан — заткни его, — язвительно заметила жена.

— Верно, — миролюбиво сказал Привалов. — Мы в расчете за бабушку.

С этими словами он поставил на газ сковородку и положил на нее ящичек.

— Теперь ты будешь его поджаривать?

— Очистительная сила огня! — Борис Иванович перевернул ящичек на другой бок. — Сейчас мы ему прогреем старые ревматизмы... И хорошее настроение не покинет больше нас...

Напевая, он высыпал на блюдечко немного зубного порошка, размешал его с водой и, смочив в растворе трялку, стал водить ею по стенкам ящичка. Мел, шипя, быстро высыпал на горячем металле. Ящичек стал чисто белым, лишь слегка проступали в углублениях пятна ржавчины.

— А дальше что? — спросила жена, с любопытством наблюдавшая за этими манипуляциями.

— А вот смотри.

Привалов смочил сухую тряпочку керосином и стал отжимать ее на ящичек. Желтые капли, падая на меловую поверхность, мгновенно расходились, пропитывая ее.

— Видишь? Вот тебе старые методы дефектоскопии.

На всех гранях ящичка проступили четкие, тонкие, будто иглой процарапанные линии, образовавшие строгий геометрический узор.

Подняв очки на лоб, Привалов любовно разглядывал стыковые линии.

— Понятно, — говорил он. — Ящик собран, как деревянный, на шипах, под «ласточкин хвост». Края, очевидно, зачеканены, а потом все зашлифовано. Керосин на меловом слое всегда покажет щель, самую тонкую...

— Надеюсь, ты не сейчас будешь его вскрывать?

— Ах да, «Колдунья»... — Привалов поспешно прибрыл со стола и пошел умываться.

— Знаешь, — донесся его голос из ванной комнаты, — надо бы завести в доме телевизор.

— Нет уж, извини. Тогда тебя совсем из дома не вытащишь. У меня на этот счет твердые взгляды.

— Ну-ну... — Привалов вышел из ванной, вытирая руки. — Это очень старый ящичек, Оля. Соединения на шипах характерны для тех времен, когда в технике преобладало дерево и «деревянная технология» переносилась на металл. Мы теперь считаем, что получить точные размеры на дереве невозможно. А в восемнадцатом веке, в начале, Вильгельм де Геннин в своем описании

сибирских и уральских заводов писал, что «железо не есть дерево и сделать его ровно, яко стругом строганное, не можно». Этот самый де Геннин...

— А ты мог бы одновременно говорить и одеваться? — мягко спросила Ольга Михайловна. — Удивительно, сколько детского в мужских характерах...

Они вышли из дома. Привалов с удовольствием вдохнул прохладный воздух вечера. После возни с металлом и инструментом он чувствовал себя отдохнувшим, освещенным.

— Борис, — сказала Ольга Михайловна, взяв мужа под руку, — мне кажется, что твое увлечение старой техникой — дело не очень-то современное.

— С чего ты взяла, что я увлекаюсь старой техникой?

— Ты очень любишь рассказывать о ней. И при этом у тебя оживление какое-то особенное... Ведь ты работаешь в новых отраслях техники, ты же не историк и не археолог.

— Ты не совсем права, — задумчиво сказал он. — Просто я считаю полезным знать, как это делалось раньше. Раньше тоже не дураки жили... А кроме того, Оля, в технике иногда бывают вполне закономерные, с точки зрения диалектики, случаи возврата по спирали к чему-нибудь старому. В новом качестве и в новых условиях.

Они свернули на многолюдную, залитую огнями улицу.

— Возьми любой музей, Оля, — продолжал Привалов. — Тебя не поражал огромный контраст между качеством старых орудий труда и качеством произведений этих орудий?

— Нет, — призналась Ольга Михайловна.

— Конечно, ты, как заведующая детской библиотекой, далека от этого... Но помнишь, в Эрмитаже мы осматривали зал средневекового оружия?

— Это где конные рыцари с копьями?

— Вот-вот. Каждая вещь там — произведение искусства. Какая тщательная отделка, сколько блестящей выдумки в каждой детали! Скажу тебе откровенно: если бы мне, инженеру двадцатого века, поручили спроектировать завод по выпуску рыцарских доспехов, я бы сел в калошу, хотя располагаю такими технологиче-

скими приемами, о которых наши предки и мечтать не смели.

— Чем же они это делали?

— Чем делали? — переспросил он. — В Эрмитаже есть комплект слесарного и токарного инструмента, принадлежавшего Петру Первому. Инструмент царский — значит, хороший, он ведь толк в инструменте знал. Но какое это все тяжелое, грубое и нестойкое, с современной точки зрения! Нынешний хороший слесарь не смог бы работать этим ужасным инструментом.

— Не забывай, что производительность труда была тогда ничтожная, а условия труда адские, — заметила Ольга Михайловна.

— Конечно, так. Но какие были золотые руки и головы! И ведь наша-то техника без них, средневековых умельцев, не могла бы дойти до уровня сегодняшнего дня. Вот почему я отношусь к старой технике с уважением. Ее из потока истории не выкинешь, как и слово из песни... А что касается слесарного ремесла — гарантирую, что и при самом высоком развитии автоматики, через тысячу лет, хороших слесарей будут уважать еще больше, чем теперь!

Рабочий день подходил к концу. В лабораторию вошел Привалов.

— Вы помните, товарищи, — начал он с порога, — помните грязный бруск, который я нашел тогда на толкучке? Вот он в очищенном виде.

— Да он на шипах, — сказал Николай, повернувшись ящичек в руках. — При царе Горохе сделан.

— Давайте-ка вскроем его. — Привалов подошел к верстаку и вставил ящичек в челюсти тисков.

Юра живо притащил молоток и крейцмессель и стал вырубать зачеканенный зигзагообразный стык.

— Там что-нибудь есть внутри? — спросил Валерик.

— Вы идите, Горбачевский, — сухо сказал Николай. — Обойдемся без вас.

Юный лаборант дернул плечом и пошел к двери.

Когда вся зачеканка была вырублена, Привалов наставил на стык крышки зубило и начал осторожно постукивать по нему молотком. С каждым ударом шипы все больше расходились. Одна сторона ящичка наискось

поднималась. Удар, еще удар... Стенка ящичка, подпрыгнув, со стуком упала на пол. Три головы враз склонились над раскрытым ящичком. Там лежала какая-то белая трубка. Юра нетерпеливо запустил пальцы в ящичек, но Привалов отвел его руку. Он осторожно развернул ткань, под которой оказалась свернутая в трубку пачка тонкой, но плотной желтоватой бумаги.

— Обертка чем-то пропитана, — сказал он. — Наверное, воск.

Бумага была исписана мелким, ровным почерком. Буквы почти не сцеплялись между собой.

— Не по-русски! — воскликнул Юра.

Привалов поднял очки на лоб и взгляделся в рукопись.

— Черные чернила... Бумажки не в нашем веке писаны, теперь чернила из чернильного орешка не делают... Судя по начертанию букв, гусиным пером писали... И, между прочим, по-русски, хотя орфография не теперешняя. Сразу не прочтешь, придется постепенно...

— Вот это да! — с восторгом сказал Юра. — Старинная рукопись! Знаете что, Борис Иванович? Надо Валю попросить прочесть. Она ведь филолог, аспирантствует по старорусской письменности.

— Завещание, что ли? — пробормотал Привалов.

И он медленно, с трудом осваиваясь с непривычным начертанием букв, прочел вслух:

— «Лета 1762, януария второго дня начал я сие писание, дабы старшему моему сыну, любезному Александру, заповедать помыслы свои. Здоровьем скорбя, а паче телесной скорби презлыми нравами сего времени уязвлен — опасаюсь, дождусь ли твоего, сын мой, возвращения от чужих краев.

Младость свою я в бедах и трудах и странствиях аки Омиров Улисс провел, в зрелости же службою от дома часто отзываем, мало времени с тобою, Александр, виделся. А как ты в службу пошел, я же по выходе в абшид¹ сиднем в доме сижу, то тебя мало вижу и совсем.

А ныне в ожидании смертного часа избрал я время для заповедания тебе дела моего, о коем многое помыш-

¹ Абшид (нем.) — полная отставка, уход на пенсию.

лял, но в том не успел, и на тебя уповаю, как ты в науках зело силен.

Посему опишу в пунктах, начав издавна, дабы чего не упустить. Первое: в царствование блаженного и вечно-достойных памяти великого государя императора Петра Алексеевича был я отправлен по его ордеру с некою комиссию¹ в преславный город Париж...»

¹ Комиссия — тогда означало: поручение.

Часть вторая

ФЛОТА ПОРУЧИК ФЕДОР МАТВЕЕВ

*Многих людей города посетил и
обычаи видел, много и сердцем
скорбел на морях, о спасенье
заботясь.*

*Жизни своей и возврате в отчиз-
ну...*

Гомер, «Одиссея»

Г л а в а п е р с а я

Короли и мушкетеры, кареты и автомобили. — Славный мастер Жанто получает срочный заказ. — „Русский царь оказывает мне честь?“ — Флота поручик Федор Матвеев. — „Каспийское море, сколько где широко, ставьте на карту“

И тот, кто создал укрепленья Кроншлота,
Чьи руки в мозолях, что крепче камней,
Он делал водителей Русского флота
Из барски ленивых и косных парней.

А. Лебедев. «Компасный зал»

Было раннее утро. Первые лучи солнца тронули мокрые после ночных дождя черепичные крыши, лужи на немощеных улицах, зажгли бриллиантовым блеском крупные капли воды на листьях боярышника, что рос по обочинам. Первые дымы потянулись из труб и кухонь Сент-Антуана — ремесленного предместья Парижа.

Нахальные парижские воробы задирали жаворонков, залетавших с соседних полей и мешавших воробьям проводить обычное исследование навоза у ворот заведения придворного каретного мастера Жанто.

Во дворе заведения уже вовсю гудели кузнечные горны. Дробный перестук ручников перемежался звонкими ударами кувалд. В столярке жужжал токарный станок, рубанки с шипением снимали шелковистую стружку. Из малярного сарайя слышалась песня полировщиков, которые усердно терли бока карет и дверцы со знаменитейшими гербами Франции. У колодца гремели ведра.

Под навесами стояли кареты старого фасона, присланые для переделки осей по новоизобретенной системе славного мастера Жанто.

Семейство Жанто издавна занималось каретным делом, снабжая экипажами королевский двор и знатнейших вельмож. Жанто помнил, как еще при жизни отца, больше тридцати лет назад, в их заведении делали карету, предназначавшуюся в подарок от короля знаменитому шевалье д'Артаньяну по случаю назначения его маршалом Франции. Правда, д'Артаньян не успел получить ни кареты, ни маршальского жезла, потому что был неожиданно убит в 1683 году, при осаде голландской крепости Маастрихт.

Недавно Жанто довелось прочесть новую книгу господина Сандро, который обработал и опубликовал «Мемуары господина д'Артаньяна, капитан-лейтенанта первой роты королевских мушкетеров, содержащие множество частных и секретных вещей, происходивших в царствование Людовика Великолепного». Жанто с удовольствием читал мемуары старого знакомого, не раз покупавшего в кредит лошадей у его отца...

Д'Артаньян, его друзья и враги запомнились нам скакувшими на боевых конях. Коней убивали вражеские пули, они падали от изнеможения в лихих погонях, и двадцать лет спустя и еще десять лет спустя отважные мушкетеры всегда были озабочены приобретением новых коней: их покупали, выигрывали в кости, получали в подарок от вельмож и любовниц.

Дослужившись до больших чинов, д'Артаньян, возможно, разъезжал иногда в карете, но вообще-то эки-

паж в основном предназначался для дам и престарелых вельмож. И король и вся знать делали огромные концы верхом; люди в то время с детства смыкались с седлом.

Карета XVII века в сочетании с дорогами того же века представляла собой нечто среднее между бетономешалкой и камнедробилкой. Задняя ось с большими колесами закреплялась наглухо, а передняя, с колесами поменьше, имела в середине поворотный шкворень. Спереди и позади возвышались подпорки для толстых кожаных ремней, на которых подвешивался кузов кареты. Рессоры еще не были известны.

Это сооружение богато украшалось резьбой и позолотой, а внутри обивалось подушками, обтянутыми тисненой испанской кожей, прославившей город Кордову, или толстым, чудовищной прочности лионским шелком, вытканным вручную. Но, несмотря на подушки, находится внутри кареты, бешено несущейся по ухабам, вряд ли было приятно. Поэтому все предпочитали поездку верхом, даже король.

Однако в ряде случаев этикет делал поездку в карете обязательной. Нередко карета опрокидывалась на крутом повороте, и надменный Людовик XIII оказывался на четвереньках — совершенно как Павел Иванович Чичиков, вываленный из своей знаменитой брички на обратном пути от Манилова.

Упираясь ладонями в холодную осеннюю грязь, король поднимался. Он оглядывал испорченные кружевые манжеты и разодраные шелковые чулки. Подковленные банты носили на себе неоспоримое доказательство того, что королевский кучер не сбился с дороги, по которой недавно проходили лошади, отличавшиеся прекрасным пищевариением.

Король оглашал окрестности словами, невозможными для современного французского языка. Выражения свидетельствовали о его близком родстве с Генрихом IV, доныне не превзойденным, как утверждают историки, в искусстве кратко и сильно выражаться.

Сопровождавшие короля придворные — хранитель королевской трости, двое наблюдателей за ночной посудой его величества и прочие не менее важные лица, получавшие по двадцать тысяч ливров в год, — наперебой выражали сочувствие, соревнуясь в изяществе высказываний. Королевский кучер, по древней традиции, чесал

за ухом, короля обтирали, сажали в другую карету, и всё. Что поделаешь, случай обыкновенный. Король, приехав домой, съедал любимое блюдо — яичницу из фаршированных яиц стоимостью в полтораста ливров (что равнялось годовому жалованью подмастерья) — и забывал о происшествии.

Эти случаи повторялись до тех пор, пока славный мастер Жанто не сделал важное изобретение. Он отказался от поворота передней оси вокруг центрального шкворня. Он закрепил ее неподвижно, а на ее концах укрепил кулаки со шкворнями, на которых сидели коротенькие поворотные полуоси с колесами. Посредством двух кронштейнов с шарнирами и одной тяги полуоси соединялись друг с другом, образуя систему, именуемую до сих пор трапецией Жанто.

Теперь на самых крутых поворотах опорная база колесного хода оставалась постоянной, и последующие Людовики понемногу отвыкали от высказываний в духе Генриха IV; мужественный язык французского средневековья потерял немало сочных выражений.

В дальнейшем, для того чтобы человеческая речь не лишилась укрепляющих элементов, люди изобрели автомобиль. Карбюратор и топливный насос, склонные к засорению, исполненная тайн и коварства система зажигания и масса других приятных особенностей постепенно восстанавливают во всех языках мира исчезнувшую было крепость выражений на транспорте.

На заре своей юности автомобиль опрокидывался не реже, чем старинные кареты, потому что первые автомобилестроители отказались от трапеции Жанто и делали переднюю ось автомобиля цельной, поворачивающейся на центральном шкворне.

Лишь в 1878 году один из потомков Жанто применил трапецию к автомобилю. После этого автомобиль опрокидывается лишь в исключительных случаях.

Теперь многие знают, что такое «трапеция Жанто», но мало кому известно, кто носил это славное имя.

Толстяк Жанто сидел у дверей кузницы и пробовал напильником только что закаленные полуоси.

— Ты перекалил их, старая оглобля! — ворчал он на длинного сухопарого Кабюша. — И вдобавок пережег.

— В самый раз, хозяин, — почтительно заметил Ка-
бюш.

— Расскажи это кюре в воскресенье, а не мне!

— С чего вы взяли, что перекалил?

— Твердые очень, напильник не берет. А окалина какая толстая! Ведь они точеные, чистенькие попали в твои медвежьи лапы!

— Твердые лучше, хозяин: долго не прутятся, даже если плохо будут смазывать.

— А, затвердил свое! Слишком твердое — слишком хрупкое. Надо меру знать, тряпичная твоя голова!

Топот копыт заставил Жанто прервать воркотню. В ворота въехал на прекрасном гнедом коне молодой дворянин. Осмотревшись, он подъехал к кузнице и остановился перед почтительно поднявшимся Жанто.

Всаднику было лет двадцать пять. Одет он был изящно и со вкусом. Перо на шляпе соразмерное: достаточно длинное, чтобы придать владельцу достоинство, но не настолько, чтобы говорить о бахвальстве.

Опытный глаз Жанто заметил, что шпага и шпоры у всадника заграничные. Окинув быстрым взглядом одежду и снаряжение незнакомца, Жанто посмотрел на его открытое, очень загорелое лицо, на его светло-русые волосы, свободно выбивавшиеся из-под шляпы.

— Скажите, почтенный, — спросил всадник, — где можно увидеть господина Жанто?

Королевский мастер быстро прикинул в уме: кем мог быть ранний посетитель? Выговаривает звуки «эр» и «эн» твердо, но на южанина или испанца не похож: светлые волосы, синие глаза, прямой нос...

Загорелое лицо не пристало знатному дворянину, но одет изящно, конь богато убран. Приехал без слуг, в ранний час, — дьявол знает, что за птица! Но смотрит твердо — военный взгляд, хотя рожа у мальчишки добродушнейшая...

— С разрешения вашей светлости, это я сам. — На всякий случай Жанто наградил гостя титулом. — С вашего разрешения, уже шестьдесят два года. Чем могу служить вашей светлости?

Всадник легко спрыгнул с коня.

— Лейтенант флота русского царя Федор Матвеев, — представился он. — Имею к вам дело по поручению его величества.

— Русский царь оказывает мне честь? Прошу, господин лейтенант, простите мой вид. Пожалуйте в дом.

— Погода хороша, не хочется под крышу, — сказал Матвеев. — Если кто-нибудь присмотрит за моей лошадью, я с удовольствием посижу с вами здесь.

— Тысячу извинений, господин лейтенант! Эй, Ленуар, Гридо, где вы, бездельники? Возьмите коня господина лейтенанта!

Матвеев подобрал с земли напильник и полуось, по-пробовал твердость стали.

— И верно, пересушена сталь, — сказал он по-русски.

Жанто с любопытством смотрел на дворянина, не погнушавшегося взять в руки напильник.

— Позвольте попробовать? — спросил Матвеев.

— Все, что угодно, господин лейтенант!

Матвеев вошел в кузницу, огляделся, кивнул вежливо ухмылявшемуся Кабюшу. Положил полуось на наковальню, подсунув под один конец кусок железа. Взял кувалду, примерился взглядом, размахнулся в три четверти круга...

Со звоном полуось разлетелась пополам.

— Так и есть, перекалил, чтоб тебе не иметь отпущения грехов! — завопил Жанто на Кабюша.

Матвеев вышел во двор, уселся на чурбачок и принял внимательно разглядывать мелкозернистый блестящий излом.

— Напрасно ругаете кузнеца, почтенный Жанто, — сказал он. — Такие вещи надо делать иначе. Вы берете слишком твердую сталь. Советую, берите доброе мягкое железо, цементируйте его в муфеле с молотым скотским рогом, а потом калите. Тогда оно будет в сердцевине мягкое, не ломкое, а снаружи будет крепкая каленая корка. Такая вещь не сломается от удара и не скоро сотрется. А чтобы не было окалины, в закалочную воду добавьте немножко купоросного масла.

Изумленный Жанто рассыпался в благодарностях. Никак не ожидал он от блестящего офицера таких сведений, хотя много слышал о северном царе, которыйставил себе в заслугу знание ремесел.

— Не угодно ли все же в дом, господин лейтенант? Разрешите угостить вас молодым аржантейльским вином из моего погреба.

Осмотревшись, он подъехал к кузнице...

Сидя за на^крытым столом, Федор толковал гостеприимному хозяину, что нужно сделать карету добрую и красивую, с богатой отделкой, потому что его величество Пьер Премье желает преподнести ее в дар весьма высокопоставленному лицу.

Жанто, видя, что гость не кичлив и смыслит в мастерстве, держался теперь свободнее.

— Не утонут ли мои изящные колеса в ваших снегах? — спросил он, улыбаясь. — И какие оглобли сделать под упряжку белых медведей?

Матвеев усмехнулся.

— Надоели мне здешние сказки! — сказал он. — Как узнают, что я русский, идут спросы про снега да белых медведей. Я, господин Жанто, белого медведя лишь выделанную шкуру видел, издалека привезенную, а самого зверя, извините, не доводилось. Снега у нас в иных местах выпадает немало, однако есть места, где куда теплее, чем у вас.

Жанто закивал головой, подлил гостю вина из кувшина.

— Прошу извинить за любопытство, господин лейтенант: не русское ли солнце покрыло загаром ваше приятное лицо, или, быть может, в дальних южных морях вы подвергались сей неприятности?

— Это сделало солнце Каспийского моря, — ответил Федор.

— Но Каспийское море — это... гм... татары, Персия.

— Почему же только Персия? Есть у нас Астрахань и Гурьев...

— Сказочные места, — со вздохом сказал Жанто. — А нельзя ли узнать, кому предназначена карета, которую я буду делать с великим прилежанием, чтобы угодить столь знатному заказчику?

— Того я, сударь, не ведаю. Мне дан государев ордер, вы принимаете заказ — больше мы с вами и знать не должны. Поговорим лучше, сколько это займет времени и во что обойдется.

Флота поручик Федор Матвеев, происходивший из небогатого боярского рода, прошел ту же школу, что и многие дворянские недоросли, по воле беспокойного царя оторванные от безмятежной деревенской жизни и

брошенные в водоворот событий, быстро сменявших друг друга в то малоспокойное время.

Навигацкая школа в Москве, учение плотинному делу, колесному и корабельному строению в Голландии, потом Марсельская Людовика XIV морская школа, артиллерийская практика в Париже, бессонная работа на верфях нового холодного города Санкт-Петербургра превратили неграмотного увальня, любителя голубиной игры и церковного пения, в подобранныго морского офицера, разбиравшегося в чужих языках, привыкшего к постоянному бездомовью, еде не вовремя, ко сну где попало.

Куда только не посыпала этих новых для России молодых людей неукротимая воля небывалого на Руси царя!

Побывал Федор Матвеев и за Каменным поясом, строил плотины и фабричные водяные колеса. Побывал на пороховых заводах. В шведскую кампанию не раз призывали его в действующий флот как толкового корабельного артиллериста.

Матвеев нисколько не удивился, получив ордер о назначении в каспийскую гидрографическую экспедицию. Удивляться в ту пору было некогда, больше сами других удивляли.

С Балтийского моря Федор приехал в Астрахань, а в ушах его еще было тugo заложено от грохота пушечного боя, еще не зажила как следует рана в правом плече от шведской фальконетной пули.

Странной казалась тишина. Вместо серых вод и хмурого неба Балтики — зеленая вода, синее небо, желтые пески берегов, и над всем этим — беспощадно палящее южное солнце.

Каспийской экспедицией командовал князь Бекович-Черкасский.

В числе прочих пунктов царская инструкция предписывала:

«Прилежно усматривать гаванов и рек, и какие суда могут приставать; также скампавеями можно ль ходить и спасаться во время шторму... и где косы подводные, и камни, и прочее, осматривать и верно ставить на карту. Также крюйсовать через море и какие острова или мели найдут. Также море, сколько где широко, ставьте на карту...»

Матвеев с увлечением «ставил на карту» незнакомое море.

Необжитые пустынные берега хранили древнюю тайну. Где-то там, за желтыми песками, за спаленной солнцем землей, лежала сказочная Индия...

Еще не знал Матвеев, что экспедиция князя Бековича имеет особое, тайное поручение. Кое-что начал понимать лишь тогда, когда был послан со срочным донесением к государю, а тот неожиданно направил его в Париж с повелением закупить первого рода карету и, неусыпно оную охраняя, доставить в город Астрахань...

Глава вторая

Путь в Индию лежит через Хиву. — Куда течет Аму-Дарья? —
Туркмен Ходжа Нефес. — Князь Бекович-Черкасский. — Зеленые
воды и желтые пески. — „Мы об Индии зело
помышляем“. — Государев ордер и особая миссия
поручика Кохина

В берег бьет волна
Пенной индевью...
Корабли плавят,
Будто в Индию...

С. Есенин,
«Песнь о великом походе»

Рассеялась пороховая гарь над скалами Гангута, и стало ясно: близится победоносный конец долгой войны со шведами.

Но пусто было в государевой казне. Все чаще поглядывал Петр на карту, примеривался взглядом к обширным землям на юго-восточной границе рождающейся империи. Карта была смутная — одно беспокойство, а не карта...

Давно уже задумывался Петр о том, чтобы сыскать кратчайший торговый путь в Индию. Наслышен был много о чудесах индийской земли, о невиданных ее богатствах; перечитывал писание Афанасия Никитина о хождении за три моря, донесения подьячего Шапкина, посланного в 1675 году царем Алексеем в Индию, но до

нее не дошедшего, а также доношения Семена Малень-
кого в 1695 году пробравшегося в Индию через персид-
ские земли.

Индийские товары шли в Европу через персидских и
арабских купцов. Теми же путями шел обратный поток
европейских товаров. Между тем, размышил Петр, са-
мой природой определено, чтобы Россия стала посрел-
ником в торговле Европы с Азией.

На пути в Индию лежали Хивинское и Бухарское
ханства. Неспокойно было в ханствах — дрались между
собой тамошние властители. Еще в 1700 году хивинский
хан Шах-Нияз сам просил Петра о принятии в русское
подданство — желал с помощью белого царя упрочить
свой пошатнувшийся трон. Теперь в Хиве сидит но-
вый хан, Ширгазы. Что за человек, надолго ли утвер-
дился?

Всё загадка в том жарком краю...

Или вот еще: старые карты показывают, что река
Аму-Дарья стекает в Каспийское море, в залив Красных
Вод.

Упоминал о том грек Геродот, писали арабские исто-
рики. В XV веке табаристанский историк Захир-ад-Дин
Меръаши писал, что, когда осенью 1392 года Тимур за-
воеовал Мазандеран — персидскую землю, что лежит у
южного берега Каспия, — сверженный правитель со сво-
им семейством сел на корабль, морем прошел до устья
Джейхуна, то есть Аму-Дарьи, и, поднявшись вверх по
реке, достиг Хорезма.

Ныне же, по слухам, ушла изменчивая река от Кас-
пия. Сказывают, что хивинские властители заперли реке
дорогу земляной плотиной и повернули ее воды в Араль-
ское море.

Что же это за река — Аму, Бычья река, Оксус древних
римлян, Джейхун арабов?

Князь Гагарин, сибирский генерал-губернатор, доно-
сит, что ведомо-де ему, князю, стало, будто в Малой Бу-
харе, при городе Еркети, есть золотой песок. Не врет ли
князь, дабы отвлечь государя от несметного своего во-
ровства?

Весной 1714 года в Санкт-Петербург приехал турк-
менский старшина Ходжа Нефес. Петр выслушал его со
вниманием, а наговорил Ходжа немало. Про Аму-Дарью
сказал, что верно, отвели ее хивинцы плотиной от Хазар-

ского моря. Хан Ширгазы люто враждует с непокорными беками, рубит головы, — как бы и его голова не слетела... Золотой песок не только у Еркети — есть и поближе, на самой Аму-Дарье-реке.

Снова — в который раз! — встали заманчивые картины. Ведь истоки Аму-Дары — где-то в Индии. И ежели ее опять в Каспий повернуть да владеть ее берегами или, по крайней мере, быть в любви да дружбе с тамошними властителями, то шли бы индийские богатые товары по той реке до Каспия, а там — морем до Астрахани, а там — Волгой... И все — минута персидских купцов. И были бы те товары дешевле, и выгода для российской казны была бы немалая.

Да еще золотой песок...

Все это хорошо проверить надо, разведать, верных людей послать!

Петр не терпел промедлений. В начале мая того же 1714 года дал сенату указ: князя Бековича-Черкасского, поручика гвардии Преображенского полка, отправить с нужным числом людей к Каспийскому морю «для присыку устья Аму-Дары-реки». Через несколько дней, 19 мая, дополнил указ: «Его, Бековича, послать в Хиву, а потом ехать ему в Бухару к хану, сыскав какое дело торговое, а дело настоящее — проводить про город Иркеть...»

Князь Александр Бекович-Черкасский до восприятия святого крещения звался Девлет-Кизден-Мирза. Был он родом из кабардинских владетелей. Мальчишкой он был украден ногайцами, а во время осады Азова войсками Василия Голицына попал к русским. Юного черкеса взял к себе в дом брат Василия, Борис Голицын, один из воспитателей Петра. В 1707 году был Бекович послан за границу для обучения, а вскоре породнился с князем Борисом — женился на его дочери, княжне Марфе. Вступив в службу в Преображенский полк, Бекович стал на виду у царя. На этого сильного и мужественного, по тому времени хорошо образованного, знающего Восток человека Петр возложил труднейшую задачу — разведать путь в Индию...

Бековичу представили Ходжу Нефеса. О многом говорил князь с туркменом и во многом ему поверил. Взял его с собой в экспедицию.

В августе 1714 года Бекович выехал через Казань в Астрахань. В Казани князь принял под начало более полутора тысяч солдат при девятнадцати пушках.

7 ноября экспедиция отплыла из Астрахани в Гурьев на двадцати семи стругах и двух шхунах — отплыла и едва не погибла в самом своем начале. Злая осенняя буря разметала по морю легкие волжские суденышки. Лишь в начале декабря возвратилась истрепанная флотилия обратно в Астрахань, так и не дойдя до Гурьева.

Пришло зимовать.

25 апреля 1715 года, добавив около двадцати новых судов, экспедиция снова отплыла из Астрахани.

Флагманская шхуна, выйдя из теснин волжской дельты на морской простор, накренилась, чертя руслами по зеленой воде, и заговорила под килем каспийская волна.

Задумчивый, молчаливый стоял Бекович на шканцах, с наветренной стороны.

Было князю в ту пору немногим больше тридцати лет. Тяжкая ответственность навалилась на плечи молодого командующего. Столько людей, столько кораблей под его началом... Немало израсходовано денег на экспедицию: 30 638 рублей отпустила государева казна, а в казне — знал Бекович — было не густо. (По тем временам сумма была очень большая. Скажем для примера, что на железоделательных заводах тогда полагался оклад жалованья: мастерам — по 60, а чернорабочим — по 18 рублей в год.)

Молча глядел князь в зеленый простор, не ведая, что ждет его за пустынными берегами, за горячими сыпучими песками...

До поздней осени «крюйсова» флотилия вдоль восточных берегов Каспия. Побывали у Гурьева и у длинного песчаного мыса Тюб-Караган. Обогнули полуостров Мангышлак и долго плыли к югу, кладя на карту и подробно описывая незнакомые, нежилые берега. Сумасшедшее палило солнце, гнила в бочках взятая в Гурьеве вода, томила людей жажда, а еще пуще — тоска по далекой России, по лесной прохладе, по дымку родной избы...

Прошли мимо прорвы в берегу, в которую с шумом рвалась морская вода. — то был таинственный Кара-

Бугаз, накрытый, как шапкой, темным куполом испарений.

Потом шли вдоль длинной, опасной для мореходов подводной косы (и сейчас она называется банкой Бековича). Обогнув ее, вошли в залив Красные Воды, спавший мертвым сном среди горячих песков и холмов.

Здесь встретили высланных из Тюб-Карагана посуху разведчиков — Федорова, Званского и туркмена Ходжу Нефеса. Еле добрали они с верблюжьим караваном до залива Красных Вод — погибли бы в песках, если бы не туркмен. Грязные, оборванные, припали разведчики к тухлой воде, долго пили. Потом рассказали князю: видели в песках земляной вал, и местные люди говорили, что вал этот — от плотины, что когда-то заставила Амударью повернуть к Аралу. От того вала до самого залива Красных Вод тянется в песках долина невеликая Узбой, старое русло Аму-Дарьи...

Осенью флотилия вернулась в Астрахань. Год прошел с того первого, неудачного выхода в море. А что сделано? Ни в Хиву, ни в Бухару не попали. Про золото не узнали. Подтвердили только, что ушла Аму-Дарья и русло ее высохло. Верно, положили на карту берега Каспия.

Экспедиция оказалась малой и плохо снаряженной для дальнего и опасного сухого пути.

После зеленых вод и слепящего солнца — две с половиной тысячи верст по снежным российским просторам...

Князь Бекович ехал к царю — для личного доклада. Немало поколесил по Прибалтике, разыскивая военную ставку Петра.

Петр принял князя в бывшем герцогском дворце, в Либаве. Принял, сверх ожидания, ласково; угощал, спрашивал про всякую малость.

— За карту спасибо, князь. Отныне без страха наши корабли по тем местам ходить смогут. Что на Дарьуреку не пошел, не виню; по нужде иного не мочно было. А за карту поздравляю тебя гвардии капитаном!

Бекович почтительно поклонился.

Петр, помолчав, продолжал:

— Но на том я от тебя, князь, не отстану. Отдохни два дни и получишь новый ордер. Людей да снаряжения дам тебе поболе, а ты мне доведи до конца ту азиатскую акцию. Главное твое дело — путь на Индию сыскать, а мы об Индии зело помышляем!

Разговор шел в палате, где толклись военные люди начальных чинов. Хлопали двери, вбегали гонцы с бумагами. Жарко пылал камин, бросая красноватые отсветы на лица. За высокими стрельчатыми окнами туманился непогожий февральский день.

— Пойдешь в Хиву посольством, с дарами для хана богатыми. Особливую комиссию на поручика Кожина возлагаю. Дошел до Хивы, сего поручика, князь, отпра-вишишь далее в Индию...

— Кожин... — пробормотал Бекович.

— Не по духу тебе Кожин, князюшка?

— Не смею судить ордера вашего, ваше величество, но зело строптив сей офицер.

— Не в сsem дело, князь, — сказал Петр, помрач-нев. — Ведаю вас всех, кто на благо российское служит. А на то дело не петиметра, сиречь вертопраха, посыпать потребно. Знаю, горяч и строптив Кожин, если затро-нут, да зато и не растеряется в том авантюрионе воя-же. Сойдись с ним, да худородством его не кори. Не все мои ближние высокородны, а иным более до-веряю.

14 февраля 1716 года Бекович получил новый ордер. Велено было князю Бековичу-Черкасскому «ехать к хану Хивинскому послом, а путь иметь подле той Аму-Дарыи-реки и осмотреть прилежно течение оной реки, также и плотину, ежели возможно оную воду паки обратить в старый ток, к тому же противе устья запереть, которые идут в Оральское море, и сыскать, сколько к той работе потребно людей...»

Петру было известно, что ханские троны в Средней Азии ненадежны: местные князьки часто свергали ханов и занимали их место. Поэтому Бековичу было предло-жено «хана Хивинского склонить к верности и поддан-ству, обещая наследственное владение оному, для чего предоставлять ему гвардию к его службе, и чтоб он за то радел в наших интересах...»

Будучи экономным хозяином, Петр в своей инструк-

ции указывал: «Гвардии дать ему, хану, сколько пристойно, но чтоб они были на его плате...» В крайнем случае допускалось эту предоставленную хану гвардию «год на своем жаловании оставить, а впредь, чтобы он платил...»

Затем предполагалось взяться за бухарского хана: «не мочно ль его, хотя не в подданство (ежели того нельзя сделать), но в дружбу привести таким же манером, ибо и там также ханы бедствуют от подданных».

Из Хивы следовало отправить отряд на Сыр-Дарью — проверить слухи о золотых песках.

Особая миссия возлагалась на поручика Кожина. По прибытии в Хиву надлежало «поручику Кожину передеться купчиною, придать ему, Кожину, двух добрых людей, и чтоб они были не стары... и просить у хивинского хана судов и на них отпустить того купчина по Аму-Дарье-реке в Индию, наказав, чтобы изъехал ее, пока суды могут идти, и оттоль бы ехал в Индию, примечая реки и озера и описывая водяной и сухой путь, а особенно водяной к Индии, тою или другими реками, и возвратиться из Индии тем же путем или ежели услышит в Индии еще лучшей путь к Каспийскому морю, то оным возвратиться и описать...»

С такой инструкцией Бекович выехал обратно в Астрахань.

А через полтора месяца неугомонный царь, вспомнив о пополнении кунсткамеры, отправил собственноручное письмо:

«Поручику Кожину где обретается.

Г. Кожин, когда будешь в Остиндин у Магола, купи довольноное число пытиц больших всяких, а именно струсов, казеариусов и прочих, также малых всяких родов, так же зверей всяких же родов, привези с собой бежено.

Из Данциха в 31 день марта Петр. 1716 г.»

Сенатским указом состав экспедиции был увеличен до 6100 человек. Сюда вошли три пехотных полка, два драгунских отряда, два казачьих полка, морская и строительная команды. При отряде были фортификаторы для строительства крепостей, подьячие, переводчики, лекари и аптекари.

И все это носило название посольства...

Глава третья

Старые друзья встречаются. — „Лойдем с тобой в Индию“.— Строптивый поручик Кожин вступает в пререкания с князем Бековичем. —

„А в Хиве собрано войско...“ — Тяжелые предчувствия. — Кожин бежит в Петербург

А мне мерещился Индийский океан. Тихо колышется парусник. Море недвижно, будущее бесконечное, сияющее. Когда-то подует ветер? Когда-то придем ко двору Великого Могола?

В. с. Иванов. «Мы идем в Индию»

Федор Матвеев, только что возвратившийся в Астрахань из парижского вояжа, сидел у себя, когда вошел невысокий, коренастый, дочерна загорелый офицер.

— Саша! — Матвеев вскочил, обнял давнего приятеля, однокашника по Навигацкой школе, Александра Кожина. — Рад тебя видеть, хоть ты и черен ликом стал, аки первый арап.

Кожин, насмешливо прищурив глаз, оглядел Федора, изящно одетого, завитого по последнему парижскому манеру.

— Наездился по Европам? — сказал он. — Ишь кудельки выложил! Сразу видно, что вдалеке был от наших непотребных дел.

Поручик Кожин не таясь осуждал действия князя Бековича.

Началось с того, что в Тюб-Карагане Бекович решил заложить крепость и оставить гарнизон, хотя это не предусматривалось инструкцией. Он считал, что Тюб-Караган, откуда шла старая караванная дорога в Хиву, нужно покрепче держать в руках.

Тут и произошла первая стычка Кожина с Бековичем. Кожин яро возражал против закладки крепости в том гиблом месте, где нет ни воды, ни конского корму. Князь пренебрег возражениями, велел строить крепость.

Оттуда же, из Тюб-Карагана, Бекович отправил в Хиву разведчиков — боярских детей Воронина да Алексея Святого. Они должны были убедить хана Ширгазы, что посольство идет к нему с миром. Святой вез особые подарки для Колумбая, родственника Ширгазы, пользовавшегося, по слухам, большим влиянием на хана.

Потом флотилия отбыла в Красные Воды. Здесь надлежало по инструкции закладывать крепость. Но и тут строптивый Кожин открыто осуждал выбор места для крепости. Отношения его с князем совсем испортились.

Из глины и лёсса строили солдаты глиняные домики, возводили стены, рыли колодцы. И могилы приходилось копать; многие не выдерживали непривычного климата, дурной воды, укусов ядовитых тварей.

В феврале Бекович вернулся в Астрахань. Подготовка к походу заканчивалась. Князь ожидал вестей от посланных в Хиву разведчиков, но тут в Астрахань прискакал гонец от калмыцкого Аюк-хана. Хан доносил астраханскому коменданту Чирикову, что «тамошни бухарцы, касак, каракалпак, хивинцы собираются вместе и хотят на служивых людей ить боем, и как бы худа не было». Гонец добавил от себя, что хивинцы уже хотят брать красноводскую крепость...

Тяжелые предчувствия одолевали поручика Кожина. Он метался в тесной горенке по скрипучим половицам, ругательски ругал князя.

— Нам, худородным, — говорил Кожин, — сколь тяжко служба достается! Нами содеянное, хотя бы иройство Гераклово, ни за что почитается, а их, хоть и ничтожное, превозносится...

— Напрасно, Саша, беснушься, — сказал Матвеев. — Сим неправды не изживешь. Да и не все твои речи истинны: ведь государь-то тебя перед прочими отличает. Какое доверие тебе оказано секретным ордером, о коем ты мне рассказывал. — Синими глазами поглядел он на низкое оконце, за которым угасал день, и мечтательно добавил: — Вот бы и мне с тобой в Индию...

— Ты и пойдешь, — неожиданно сказал Кожин. — В этом хоть я волен — себе полулучка избрать...

— Что ж ты не сразу сказал! — радостно воскликнул Федор и снова кинулся обнимать Кожина.

Но Кожину было не до восторгов. Отстранил Федора, опять зашатал из угла в угол.

— Государь-то мне доверяет, а они, псы высокородные, завидуют. Вот дойдем мы с тобой до Индии, если живота в пути не лишимся, вернемся — Бековичу за наставный чин выйдет. Еще к акции не приступлено, а сколь-

ко людей поморили... — Вдруг остановился Кожин, хлопнув по столу ладонью. — Будя о сем. Развлеки, Федя, рассказки, как карету довез?

— Ох, Саша, не спрашивай! Сколько мук с ней принял, не приведи господь!

— Еще чем Ширгазы-хан за твою карету отплатит, — мрачно заметил Кожин. — Пока здесь чешемся да тянемся, он уже на нас войско собирает...

На консилии, собранной Бековичем для обсуждения доноса Аюк-хана, Кожин не выдержал и вступил с Бековичем в крупные пререкания.

Низкая комната с мелкостекольчатыми окнами в астраханском кремле была битком набита начальными чинами экспедиции.

— Прошу, поручик, супротив воинского регламенту не дискусничать, — останавливал Бекович Кожина. — Противу государева ордера действий допустить не дозволю.

— А шкуру с себя хивинцам снять, полагаю, позволите? — язвительно спросил Кожин.

— Забываете, сударь, как надлежит со старшинами в чине обходиться, — угрюмо промолвил князь Самонов.

— Дозвольте, князь, когда сикурс ваши понадобится, я оного сам попрошу, — холодно отстранил Самонова Бекович. — Поручик, очевидно, за шкуру мою опасаясь, своею также немало дорожит и не таит перед консилием своих опасений.

Кожин в бешенстве вскочил со стула:

— Я шкурой своей не более иного дорожу! Посудите, князь, себя на место Ширгазы-хана поставьте: донесли бы вам, что идет-де мирное посольство с инфантерией, да с кавалерией, да с артиллерией...

— Войско с нами для охраны посольства и даров отправлено, — пытался успокоить его Званский, недавно назначенный экономом экспедиции.

— Для охраны! От тебя, что ли, охранять? Ты и так уж сукна переполовинил, что хану в подарок назначены! — не помня себя от злости, закричал Кожин.

— Понашение чести! — Званский рванулся к нему, хватаясь за шпагу.

Кожин не сдвинулся с места. Чуть побледнело его загорелое лицо.

— Прошу, государи мои, из субординации не выходить¹ — громко и властно сказал Бекович. — Господин поручик Кожин, соблаговолите, от осуждения, вам по чину не подлежащего, воздержась, кратко мнение свое сказать

Кожин шагнул к князю. На лбу у него выступили капельки пота. Он утер их обшлагом мундира, неожиданно стих и поклонился Бековичу.

— Мнение мое таково, — негромко сказал он — Как знатно в Хиве стало о нашем войске, все надо менять. Нельзя туда с малыми силами, как ныне знаем, что Ширгазы покориться не хочет. Дозвольте, как мне укаzano, поиду сам, с двумя товарищами, переодевшись купчиной, не из Хивы, но отсюда. И про золото разведаю, и в Индию доберусь. А сгипну в тех злых краях — хоть малым числом, а не всем войском. А государю наскорее отписать, что в политиках перемена, что Ширгазы, ранее слабый ныне зело силен стал.

— Довольно слушал я вас, поручик, — прервал его князь. — Ваша акция по государственным пунктам не от Астрахани, но от Хивы начинается

— Так не хотите послушать доброго совета? — не своим голосом закричал Кожин. Он обвел взглядом собрание, потом резко повернулся и выбежал из комнаты, хлопнув дверью.

В комнате повисло тяжелое молчание.

Дверь застрипела, приоткрылась. Заглянул денщик князя.

— Туркмен пришел до вашего сиятельства.

— Впусти.

Вошел высокий человек в полосатом халате, подпоясанном платком, свернутым в жгуг. Длинные космы барабаньей шерсти, свисавшие с огромной папахи-тюльпека, были выстрижены над лбом четырехугольником.

Туркмен быстро оглядел собрание умными черными глазами, поклонился по восточному.

— Кназ Бекович ким ды² — спросил он.

— Мен¹, — коротко ответил князь.

¹ Кто князь Бекович?
— Я (туркм.)

Туркмен пошарил за пазухой и протянул князю грязный, смятый пакет, запечатанный воском.

Писали Воронин и Святой. Когда Воронин явился к хивинскому двору, ему сказали, что хан Ширгазы ушел в поход на Мешхед, велели ждать. Держали при дворце; кормили сытно, но со двора не выпускали. Алексей Святой многими подарками убедил Колумбая содействовать, и хан Ширгазы, вернувшись в Хиву, принял у Воронина подарки и грамоты.

Далее писали разведчики: «А в Хиве нас опасаются и помышляют, что это-де не посол, хотят-де обманом взять Хиву, и за тем нас не отпускают... А в Хиве собрано войско и передовых за тысячу человек уже выслано...»

До утра князь просидел у стола, заваленного картами. Когда свечи оплыли и за мутными оконными стеклами забрезжил рассвет, князь поднялся и открыл окно. Свежий апрельский ветерок, пахнущий морем, ворвался в комнату, и в ясном утреннем свете улеглись тяжелыеочные сомнения.

Князь кликнул денщика, велел подать умывальный прибор. Скинув мундир, с наслаждением умылся.

В полдень, по приказу князя, снова собрались у него офицеры — продолжать консилию.

— Долго не задержу, — отрывисто сказал Бекович. — Думано много, а сделано зело мало. Хоть и опасно сие, как должноствует признаться, однако долг меня обязывает начатое продолжать. Не выйдут политичные сговоры — пойду напрямую: увидит хан нашу силу — смирится. А не смирится — что ж: меч подъявый от оного и погибнет. К тому ж ведомо, что пушек у хана нет.

Он вдруг остановился и обвел глазами присутствующих.

— Где поручик Кожин? — спросил он.

Прошлым вечером Кожин вбежал к Матвееву в сильном волнении.

Федор, полулежа на жесткой походной кровати, перебирал струны лютни, вполголоса напевал французские амурные вирши. Взглянув на друга, Федор вскочил, отложил лютню.

— Что с тобой, Саша? На тебе лица нет! Ужели после консилии не успокоился?

Кожин тяжело опустился на трехногий стул. Облокотился на стол и закрыл лицо руками.

Федор приоткрыл дверь, кликнул денщика. На столе появился штоф травной водки, вяленая астраханская вобла и чеснок в уксусе.

— Поди, Михайло, без тебя справлюсь, — сказал Федор, выпроваживая денщика. Пододвинув стул, подсел к Кожину, обнял его за плечи: — Почто омрачаешься, Саша? Сказывал же я тебе — плюнь на них! Пойдем с тобой на Индию — пускай телам нашим и тяжко будет, зато душою воспарим! Сколь много авантюров испытаем, новых стран да людей изведаем. А вернемся — засядем карты по описям своим в мачтапы класть — то-то приятства будет! А киазь — пес его нюхай, всего до Хивы под его началом терпеть! Давай божествам индийским возлияние сотворим: гляди, какого я припас травнику.

Кожин отнял ладони от лица, посмотрел на уставленный яствами стол, на озабоченное лицо Федора, через силу улыбнулся:

— Легко тебе, Федюша, с таким норовом на свете жить. Все тебе приятство, всякая беда тебе смешлива...

— Ну, за какую честь пить будешь? — спросил Федор.

— За погибель вражескую! — крикнул Кожин.

Торопливо прожевав закуску, Федор говорил:

— Думаешь, мне легко на бесчинства смотреть? Да терплю все ради вольного похода нашего из Хивы на Индию. Потому положил я себе ничего к сердцу не брать. Да вот, с полчаса времени, сорвался. Шел к себе, смотрю — немец Вегнер на матроза моего распаляется: тот ему-де не довольно быстро шапку снял. Да к зубам подбирается. А матроз исправный и к начальным людям чтивый...

— А ты-то? — оживился Кожин.

— Отозвал его и, благо послухов не было, говорю: вы, сударь, забываете, что оный матроз свое отчество по долгу службою охраняет, а вы — не иное, как наемник, благо российский рубль вашего талера подлиннее.

— А он что?

— А он: я-де командирован, дабы вас, русских, учить. А я ему говорю: первое, сударь, извольте по ранжиру стоять, яко вам, подпрапорщику, предо мною, порутчиком, надлежит. А буде замечу, что без дела служителям придиры чинить будете, не донесу по начальству, а просто морду побью.

— И то дело, — сказал Кожин, рассмеявшись. — Слушай, Федя, да, чур, молчок. После консилии князь мне грозился, якобы заарестовать меня сбирается. Опять я с ним лаялся... Не простое это дело, Федя, немало он здесь людей поморил, а теперь остальных к черту в зубы ведет. А около него все собрались шкуры продажные: Званский, да Економов, да его братья черкесы... Знаю, заарестует он меня да напраслины возведет. Только я того ждать не буду. Кибитка у меня запряжена, махнула я, Федя, друг, к государю да и доложу с глазу на глаз: может, удастся войско не сгубить, не отправить в Хиву...

Федор задумался. Потом молча пожал Кожину руку.

О самовольном отъезде Кожина Бекович немедленно, срочно и секретно написал царю, возводя на строптивца всяческие обвинения. А генеральному прокурору Василию Зотову, сыну «всешутейшего князь-папы», написал откровенное: «Порутчик Кожин взбесился не яко человек, но яко бестие...»

Загоняя по дороге лошадей, Кожин примчался в Петербург. Хотел обо всем дожелать царю, добиться изменения планов экспедиции. Еще с дороги писал он царю и генерал-адмиралу Апраксину: «Выступить в поход — значит погубить отряд, так как время упоздано, в степях сильные жары и нет кормов конских; к тому же Хивинцы и Бухарцы примут Русских враждебно».

Но до царя Кожин не добрался. За отлучку от должности и самовольный въезд без надобности в столицу был он задержан.

Судили его военной коллегией, и только много позже, когда ход событий подтвердил, что прав был поручик Кожин, выпустили его.

Никому не ведомо, что сталоось впоследствии с этим человеком.

Глава четвертая

Недоброде начало.—Пески, безводье.—Стычки у Айбугира.—Знамение небес.—Хан Ширгазы принимает в подарок изделие славного мастера Жанто, но прочими подарками недоволен.—

Безрассудный поступок князя Черкасского.—„Ты, собака, изменивший исламу...“—Гибель экспедиции

...А сколько с ним было людей, и что там делалось, и как он сам пропал и людей потерял, тому находится после сея дневные записки в приложениях обстоятельное известие.

«Журнал Петра I. Запись о Бековиче.

В Гурьев стягивались полки, прибывали обозы и пополнения. Туда же отплыл из Астрахани князь Бекович.

Княгиня Марфа Борисовна с детьми провожала его Волгой до моря; за флотилией шел под парусом рыбачий баркас, чтобы отвезти княгиню обратно.

Погода портилась, низовой ветер гнал встрече течению сильную волну. Князь, попрощавшись с женой и детьми, долго смотрел, как убегал, уменьшаясь, белый треугольник паруса.

Клубились тучи над Волгой, выл в снастях порывистый ветер. Тяжелые предчувствия охватили князя.

А вскоре в Гурьев пришла недобрая весть: княгиня с дочками погибла в разбушевавшейся Волге; удалось спасти только мальчика...

На людях князь свое горе не выраживал. Но оторопь взяла бы того, кто подглядел бы невзначай, как сидит он один в своей палатке и смотрит, смотрит в одну точку обреченным взглядом...

Гарнизоны Тюб-Караганской и Красноводской крепостей требовали подкреплений. Из-за нехватки воды, от жары и дурной пищи там пошли многие болезни, и к маю в крепостях осталась в живых лишь половина людей. Пожало было, что сбываются предсказания поручика Кожина...

А людей и здесь, в Гурьеве, не хватало. Князь послал к калмыцкому Аюк-хану, требуя у него людей для своего отряда. Хитрый Аюк-хан не отказал, но прислал всего десяток людей с проводником Манглы-Кашкаем. А сам тайно послал гонца в Хиву, к хану Ширгазы, с доносом о

составе экспедиции. Знал Аюк-хан, что ласкового жеребенка поят молоком две кобылицы...

В конце мая 1717 года Бекович выступил из Гурьева и по новой дороге, знакомой Манглы-Кашкаю, двинулся на восток, к Хиве. Несмотря на пополнение, отряд насчитывал всего 2200 человек.

Дорога вначале оказалась хорошей, вода и корм были в изобилии. Делая километров по пятнадцати в сутки, за неделю караван дошел солончаками до реки Эмбы. Двое суток отдыхали, ладили плоты, переправлялись.

За Эмбой начались пески. За уроцищем Богату вышли на караванную тропу, по ней добрались со многими муками до берегов голубого, не похожего на Каспий, Аральского моря.

Долго тянулись берегом. Во время одной из стоянок, у колодца Чильдан, ночью исчезли люди Аюк-хана. Одни ушли назад, домой, а иные, с вожаком Манглы-Кашкаем, — вперед, к Хиве, с доносом к Ширгазы-хану.

Снова во главе каравана стал Ходжа Нефес. Люди изнывали от жары, от безводья. Пески, пески — конца не видно. Не всегда удавалось в один переход пройти от колодца к колодцу. Медленно двигался отряд навстречу гибели...

Федору Матвееву поход давался трудно. Телом он был крепок, жару переносил лучше иных, но его донимали мрачные предчувствия. Никому не рассказывал Федор о своей последней беседе с Кожиным, но резкие, горечью облитые слова поручика не шли из головы...

Внешне он держался хорошо. Подбадривал усталых, на привалах особым чутьем находил места, где удавалось, вырыв неглубокий колодец, добыть солоноватую воду.

Из-за воды получилось новое столкновение с немцем Вегнером.

После тяжелого безводного перехода отряд добрался как-то до обильного колодца. Матвеев был дежурным по стоянке и следил, чтобы в толпе обезумевших от жажды людей был хоть какой порядок. В первую очередь надо было напоить пехотинцев, больше других истомленных переходом.

Расталкивая лошадиной грудью толпу, Вегнер подъехал к колодцу и соскочил на землю.

— Эй, зольдат! — крикнул он пожилому пехотинцу. — Давай вода! Ливай на моя лошадь, ему жарко!

Солдат с кожаным ведром, только что вытянутым из колодца на волосяном туркменском аркане, сделал было шаг к Вегнеру.

— Назад, Веденеев! — закричал Федор. — Вёлено тебе свою артель поить — сполняй без ослушания!

— Я полагал, поручик, благородный официр должен вода иметь раньше грязный зольдат, — сказал Вегнер.

— Пока пеших не напоят, конным всех званий ждать! — отрезал Федор. — Извольте идти к своему ргименту.

— Ви не моя командир! — заносчиво воскликнул немец. — Ви много себя взял!

Оскользаясь по раскисшей от пролитой воды глине, Федор шагнул к Вегнеру. Увидев его перекошенное от злости лицо, немец вскочил на лошадь, поспешно отехал.

Вечером Федора вызвали к князю: немец нажаловался, что-де поручик Матвеев его, Вегнера, грозился убить до смерти.

Князь выговаривал вяло: видно, делая внушение Федору, думал о чем-то другом, более важном...

Уже недалеко была Хива — считанные дни оставались. Уже отряд добрался до озера Айбугир.

Когда готовили экспедицию, полагали, что Ширгазыхан слаб, боится своих подданных и обрадуется предложению русской военной помощи. Года два назад это было верно; но организация похода затянулась надолго, и теперь, в 1717 году, Ширгазы, жестоко подавивший восстание в ханстве, был силен как никогда. И теперь, когда к Хиве подступал русский отряд, хану захотелось еще раз показать недругам свою силу.

Поэтому однажды утром хивинская конница, размахивая кривыми саблями-клычами и оглашая степь боевыми криками, налетела из-за приозерных бугров на русский лагерь.

Взять налетом не удалось: лагерь был укреплен вагенбургом — ограждением из повозок — и часовые были бдительны. Хивинцам пришлось спешиться и залечь. Пестротрелка продолжалась до вечера, а за ночь отряд укрепил позиции.

С трех сторон лагерь обвели рвом и земляным валом;

сзади была естественная защита — озеро, заросшее густым камышом. Камыш пригодился: из него вязали фанги для укрытия батарей.

Наутро двадцатитысячное войско — десять на одно — под началом самого Ширгазы обложило лагерь.

Двое суток шла осада. Но русские пушки были безотказно, ядер и зелья хватало, вода под рукой — было чем охлаждать раскаленные стволы. Каждый приступ хивинцев сопровождался большими потерями. Хотя отряд Бековича был изнурен тяжелым походом, люди дрались отважно. Теперь, по крайней мере, все было ясно: надо воевать.

Ширгазы понял: силой не взять, надо идти на хитрость. И, к недоумению русских, хивинское войско за ночь исчезло, будто и не было его никогда. В степи воцарилась тишина...

День прошел в напряженном ожидании, а под вечер к лагерю подъехал ханский посол Ишым Ходжа, в дорогом халате, в зеленой чалме, с красной, крашенной хной бородкой. Он почтительно объяснил князю, что нападение было ослушное, без ханского ведома, что хан уже велел за то снять кому следует голову, а князя зовет к себе хан на совет, на мир и любовь.

Бекович послал к хану из своего отряда татарина Усейнова, чтобы передал: едет-де князь царским послом от белого царя с грамотами и многими подарками и что от того посольства будут хану превеликие выгоды.

Ширгазы Усейнова принял, велел передать, что даст ответ, посоветовавшись со своими начальными людьми.

И в самом деле, не обманул — советовался. Решили: напрасно отошли от Айбугира; войска у князя мало, еще рано переходить на хитрость.

И снова у айбугирских укреплений засверкали кривые клинки хивинской конницы, полетели тонкие стрелы и глиняные, облитые свинцом мултучные пули. Снова окутала степь черным пороховым дымом: пушки Бековича, прошедшие школу шведской войны, били пристально.

Отбив хивинцев, опять послал Бекович Усейнова к хану — требовать объяснений в вероломстве.

И опять Ширгазы объявил, что нападали без его, ханского, ведома, что виновные в том нападении уже схвачены и казнены: кто просто смертью, а кто похуже смерти.

Для переговоров к Бековичу выслали Колумбая и Назар Ходжу, людей зело сановных и приятных в обхождении. Послы на все русские предложения дали полное согласие, и на другой день Бекович сам выехал в ханскую ставку для переговоров.

Хан принял князя приветливо, подтвердил все, что днешка обещал Колумбай. Обещал срыть плотины своими людьми, обещал быть царю Петру младшим братом, обещал мир и любовь и на том целовал царскую грамоту.

День был ясный, жаркое солнце палило немилосердно, и вдруг недвижный воздух чуть всколыхнулся, подул легкий ветерок.

Завыли собаки, беспокойно ржали кони, а хивинские бараны, взятые с собой ханским войском для еды, жалобно мекая, жались друг к другу.

На краю солнечного диска появилась черная ущербина, она быстро росла, наползала на солнце... Стемнело. В небе проявились звезды...

Хивинцы забили в бубны и накры, стучали чем можно, чтобы отогнать злых джиннов, покушавшихся сожрать солнце.

Ширгазы встревожился: к добру ли такое знамение небес в час подписания договора с белым царем?

Старый мулла в зеленой чалме, поднявшись на цыпочки, дотянулся козлиной бородкой до заросшего волосами уха огромного Ширгазы, показал скрюченным пальцем на затменное светило, шепнул:

— Видишь ли знамение, великий Победитель?

— Вижу, — недовольно буркнул хан.

— А видишь, что знамение имеет вид двурогой луны?

То значит — слава ислама затмит славу неверных!

Хан успокоился. Когда затмение кончилось, с легким сердцем принял подарки белого царя.

Осмотр подарков продолжался до вечера.

Федор, как и все сопровождавшие князя офицеры, успел смыть с себя пороховую копоть и переодеться в изрядно помятый парадный форменный кафтан. С улыбкой смотрел он, как с большой телеги, запряженной верблюдами, сняли бесформенный куль, обвернутый многими кошмами. Долго разматывали веревки, скреплявшие войлоки, — было веревок сажен с пятьдесят.

Разбросали кошмы, и глазам хивинцев предстала белая с золотом карета — изящное изделие славного масте-

ра Жанто. В стеклах кареты, как в зеркале, отразились синее небо, желтый песок и ярко-полосатые хивинские халаты.

Хан, изменив своей степенности, обошел вокруг кареты. Бекович сделал знак, и Федор открыл дверцы, опустил откидные ступеньки. Ширгазы с любопытством заглянул внутрь и несмело погладил часто стеганные белыешелковые подушки, расшитые золотыми лилиями.

Четыре драгуна подвели четырех серых фрисландских коней в богатой упряжке и запрягли в карету. Хоть кони и исхудали за дорогу от непривычной жары и малого корму, но на хивинцев — страстных лошадников — произвели сильное впечатление. Стойные хивинские и текинские красавцы казались жеребятами рядом с огромными фрисландцами.

— Економов, переведи, — приказал князь и, обратившись к Ширгазы, сказал, указав на Федора: — Сей офицер был государем нарочно во Францию к королю Людовику спосылан, дабы сей дар ханскому величеству поднести. Судите сами, ваше ханское величество, о наших мирных намерениях: стали бы мы, на вас войной идучи, класть такие труды, дабы за тысячи верст сие нежное строение бережно довезть?

Хан выслушал перевод и, подумав, ответил:

— Сомнения в дружбе старшего брата нашего Петра были нам чужды. Прошу предать забвению бывшие огорчения. А молодого юзбashi¹, ездившего за столь богатым даром в далекий Франгистан, мы наградим особо!

Начали смотреть другие подарки — дело пошло хуже. Хан все осматривал с великим вниманием. Щупал и прикидывал на руку штуки тонких цветных сукон.

— Сукна царь посыпал цельные, а за дорогу, видно, поменьше стали, — сказал он вполголоса Колумбаю.

Его подозрительность увеличивалась.

Дары малые и вдобавок драные. «Обманывают, — решил он. — А карета и кони хороши, да не в насмешку ли присланы? Где я буду по нашим пескам ездить в ней?..»

Хан не оказал перед Бековичем подозрений и вместе с ним, конь о конь, двинулся к Хиве. За ними ехала ханская свита, а дальше с песнями шел приободрившийся отряд.

¹ Юзбashi — буквально: стоголовый, то есть командир сотни.

Чуть не доехая Хивы, у речки Порсугань, хан со своим войском расположился лагерем на отдых; неподалеку раскинулись русские палатки. Сам Бекович с князем Самоновым был гостем в ханском шатре.

За ужином хан объяснил Бековичу, что разместить в Хиве весь русский отряд невозможно: не хватит еды, а пока подвезут, пройдет много времени. Конечно, если у князя большие запасы провианта, дело другое...

А с провиантом у Бековича было худо. И хан предложил князю разделить отряд на пять частей и разместить по пяти городам. Обещал хороший корм и жилье. Князю и ближним его предложил гостеприимство в самой Хиве.

Трудно понять, почему Бекович принял это опасное предложение. Может быть, уверился князь в том, что Ширгазы напугался русской артиллерии в схватках у Айбугира. А может быть, был князь в состоянии обреченности, когда не думают...

Решение Бековича офицеры приняли с сомнением. Хотя смутьяна Кожина и не было, многие вспомнили его возбужденные речи.

Федор Матвеев горячился:

— Эх, друг Саша, как в воду смотрел! Не верю я, чтоб у хана припасов кормежных не было. И как князь, сего не проверив, согласился?

В пять сторон от речки Порсугань разошлись с проводниками-хивинцами солдаты, драгуны и пушкари. Долго в горячем, неподвижном воздухе стояла густая пыль, поднятая уходящими отрядами, и медленно затихали вдали звуки походных песен.

Долго стоял Бекович у ханского шатра, глядя вслед уходящим и не обращая внимания на столпившихся вокруг хивинцев.

Скрылись из глаз отряды, улеглась дорожная пыль.

Хан Ширгазы положил руку на плечо Бековича. Князь обернулся.

— Ты, собака, изменивший исламу, продавшийся неверным, — тихо сказал Ширгазы, — ты хотел обмануть меня своими рваными дарами?

Бекович с трудом понимал узбекскую речь. Но эти слова он понял легко: достаточно было взглянуть на лицо Ширгазы.

Хан вытащил из-за пазухи грамоту Петра. Медленно, торжественно разорвал ее пополам, бросил на песок, плюнул, притоптал желтым, с загнутым острым носком сапогом.

Князь сделал шаг назад, схватился за шпагу, но, не вынув из ножен, опустил руку.

Быть может, в этот момент, в предсмертной тоске окидывая мысленным взглядом прошлое, вспомнил он умные, горящие злостью глаза поручика Кожина...

Улыбаясь, переговариваясь между собой, подошли ханские телохранители с обнаженными клычами.

Ширгазы отвернулся и пошел от князя.

— Лицо не портить, — буркнул он, проходя мимо телохранителей...

Отрубленные головы Самонова, Званского, Економова и других старших офицеров были выставлены в Хиве для всеобщего обозрения.

Головы Бековича среди них не было.

По слухам, Ширгазы послал ее в подарок бухарскому хану, но осторожный и дальновидный Абул-Фаиз не принял жуткого подарка, отоспал его обратно.

Как в старой сказке о развязанной метле, пять отрядов были уничтожены, изрублены поодиночке. Часть людей была убита, часть взята в плен и пущена по невольничым рынкам.

Немногие спаслись бегством: кто — во время разгрома отрядов, кто — позже, сумев вырваться из плена. И лишь немногие из этих немногих, преодолев неописуемые лишения и опасности, разными путями добрались до русских рубежей.

Гарнизоны построенных Бековичем крепостей вскоре узнали от окрестных туркменов о гибели основного отряда в Хиве.

В октябре 1717 года гарнизон Красноводской крепости, измученный безводьем и налетами кочевников, отплыл в Астрахань. Их участь напоминает судьбу спутников Одиссея, возвращавшихся на родину из-под стен Илиона.

Суда красноводцев были застигнуты жестокой бурей. Часть судов погибла, а часть занесло к устью Куры, на

противоположный берег моря. Спасшиеся перезимовали там и только весной 1718 года добрались до Астрахани.

Почти одновременно с ними, бросив крепость, вернулись в Астрахань остатки Тюб-Караганского гарнизона.

Казалось, проклятие тяготело над всеми участниками экспедиции князя Бековича...

Г л а в а п я т а я

Беспамятство. — Добрый Садреддин выхаживает Федора Матвеева, а потом продает его кашгарскому купцу. —

„Тебе будет хорошо“. —

Вот она, Индия... — Новый хозяин. —

В доме Лал Чандрг. — Невиданная машина

Они редко попадают в нашу благословенную страну и ценятся за выносливость, ум и силу... Постой, он жив, о хвала Аммону!

И. Ефремов, «На краю Ойкумены»

Федор Матвеев открыл глаза. Он лежал у пыльной дороги, в степи, поросшей верблюжьей колючкой. Застонал, вспомнив события этого страшного дня. Этого или вчерашнего?..

Жгучее солнце стояло прямо над головой, опаляло глаза. В горле тошнота, во всем теле слабость и острая непрекращающаяся боль в правом плече...

Когда Федор снова очнулся, песок, пропитавшийся его кровью, был уже прохладным. Низко над головой нависло черное небо с крупными, яркими звездами. Хотелось пить.

Где-то поблизости возник скрип колес. Скрип колес и монотонная, тягучая, похожая на стон, на жалобу нерусская песня.

«Увидят — добьют... Замучают, — подумал Федор. — В сторонку бы... уползти...»

Резким движением он перекинулся на живот и, вскрикнув от боли, снова — в который раз — потерял сознание.

Несколько раз за ночь он приходил в себя. Видел те же яркие звезды, слышал скрип колес и ту же песню-стон.

Только чувствовал — к прежним ощущениям добавились несильная тряска и острые запахи бараньей шерсти и лошадиного пота.

Узбек-крестьянин подобрал Федора на дороге, уложил на арбу и привез в свой кишлак. Он и его семья заботливо ухаживали за Федором, нехитрыми древними способами залечивали глубокую рану. Была перерублена ключица, но молодая кость срастается быстро. Сначала рану растравляли, не давали затянуться, чтобы легче вышли с гноем мелкие осколки кости.

Потом лихорадка спала, и Федору стало легче. Его начали подкармливать.

Желтый от бараньего жира и красный от мелко накрошеннной моркови рис, перемешанный с кусочками жареной баранины, он запивал бледно-зеленым настоем терпкого кок-чая, изумительно утолявшим жажду.

Молодая сила восстанавливалась с каждым днем.

Но что будет дальше?

Днем и ночью грызла Федора тревога...

Добродушный хозяин жалел молодого русского воина. Но, жалея, прикидывал, какую выгоду можно извлечь из неверного. Оставить его у себя? Он помогал бы ему, Садреддину, в поле; наверное, и ремесло знает какое... Но долго скрывать в доме здоровенного русского парня невозможно: рано или поздно узнают ханские стражники. И тогда пропал Садреддин. Отнимут последнее. И без того от налогов дышать нечем... Можно, конечно, отпустить русского — пусть идет куда хочет. А куда он пойдет?.. Сам на себя сердился Садреддин: не годится правоверному жалеть неверную собаку...

Нет, не для того он выхаживал и кормил русского, чтобы отпустить на все четыре стороны.

И Садреддин сделал по-другому.

В конце лета, запасшись на дорогу едой, он ночью посадил Федора в крытую арбу. Боязливо оглядываясь на спящий кишлак, тронулся в путь.

Садреддин не скрывал своих планов: Федор знал, что добрый узбек везет его на продажу подальше от Хивы.

— Ты пушкарь? — спрашивал по дороге Садреддин чуть ли не в сотый раз.

Федор, уже научившийся немного понимать узбекскую речь, утвердительно кивал.

— А кузнечное дело знаешь?

Опять кивал Федор.

— А грамоту знаешь?

— Вашу не знаю. Знаю свою да иноземную кой-какую.

— Франгыз?

— Это французскую? Знаю.

— А еще?

— Голландскую.

— Галански — кто такие?

— Да не поймешь, раз не знаешь.

И Федор погружался в размышления. Справиться с неповоротливым Садреддином было бы нетрудно. Лошадь, арба, еда — все есть. А что дальше? Куда податься? До Гурьева — верст девятьсот. За месяц на арбе можно добраться, но по дороге ехать опасно, а без дороги, не зная колодцев, пропадешь в песках...

Садреддин отлично понимал это и ехал не торопясь, без опаски.

Был Федор одет в узбекский халат. На голове, обритой Садреддином, русые волосы начинали отрастать, но скрывались под белой чалмой. Лицо загорело. Только синие глаза отличали его от здешних жителей. При остановках в деревнях Садреддин выдавал Федора за глухонемого батрака. Ничего, сходило.

— Ты человек ученый, — втолковывал Федору Садреддин, — всякое ремесло знаешь. Такие люди не пропадают. Попадешь к богатому купцу или к владельцу, тебя кормить хорошо будут. В Индии, говорят, заморские неверные купцы бывают, через них дома узнают, что ты живой. Хозяин выкуп назначит...

Федор горько усмехался.

Через две недели приехали в Бухару. Садреддин выгодно продал Федора заезжему кашгарскому купцу. На полученные деньги накупил бухарских товаров, жалостно попрощался с Федором.

— Ты в мой дом счастье принес, Педыр! Мне за тебя хорошо заплатили. Если с бухарским товаром я живой, не ограбленный вернусь, семья хорошо будет жить. За это тебе, хоть ты неверный, аллах тоже поможет.

Смуглый хитрый кашгарец, уже зная историю Федора, ухмыльнулся в густую черную бороду. Бедный Садреддин, считавший себя теперь, после продажи пленника, богатым человеком, не представлял себе, сколько

стоит сильный молодой человек, знающий военное дело и понимающий в металлах...

Кашгарец вез Федора при своем караване бережно, дал верхового коня — знал, что бежать некуда. И тоже успокаивал, толковал, что такой, как Федор, простым рабом не будет.

Не отказал, дал Федору желтой бумаги, медную чернильницу с цепочкой — вешать к поясу. И по вечерам, на стоянках, Федор, держа в отвыкших пальцах калам — перо из косо срезанной и расщепленной камышинки, — коротко описывал путевые приметы. Еще недавно, в Астрахани, он мечтал, как пойдут они с Кожиным в далекую Индию. А теперь сбылись его мечты, да не так. Не разведчиком он идет, а пленником... Да кто знает, как обернется? Может, и пригодятся записки...

Решил Федор пока выжидать, присматриваться, своей тоски и злости не выказывать.

Недели через три начались горы. Десять дней забирались все выше узкой тропой. Дохнуло морозом. После треклятой жары Федор обрадовался снегу — но и загрустил еще пуще, вспомнив родные снежные просторы.

Наконец, пройдя перевал, спустились в цветущую Кашмирскую долину по речке Гильгит, до впадения ее в великую индийскую реку Инд. Переправились через Инд и спустя несколько недель вошли в большой торговый город Амритсар.

Вот она, значит, Индия. Причудливые строения, неведомые деревья, пестрый базар, меднолицые люди — кто полуголый, кто в белых одеждах... С любопытством смотрел Федор на чужую жизнь.

Кашгарец приодел Федора, дал отдохнуть. Но на постоялом дворе запирал его и приказывал слугам стеречь: не так боялся, что Федор сбежит, как того, что могут украсть.

Однажды кашгарец привел высокого, плотного инду-са, одетого во все белое. Индус внимательно оглядел Федора, улыбнулся, сел, скрестив ноги, на ковер и сделал Федору знак: садись, мол, и ты.

Немало пришлось потом прожить Федору на Востоке, немало усвоил он обычаев, но труднее всего было научиться сидеть на полу по-индийски, уложив пятки на бедра.

— Sprék je de Néerlandse taal? — спросил индус.

Федор, услышав голландский язык, изумился.

— Не бойся за себя, — продолжал индус. — Если все, что про тебя говорит купец, — правда, тебе будет хорошо.

«А, дьявол! — подумал Федор. — Все как говорились — будет тебе хорошо да будет хорошо, пес васнюхай!»

Индус устроил настоящий экзамен. Спрашивал о плотинах и водяных колесах. Поговорили о европейской политике, о шведской войне. С удивлением Федор понял, что перед ним образованный человек. Потом индус заговорил с кашгарцем — уже по-своему. Ни слова не понял Федор, да и так было ясно: торгуются.

Торговались не спеша. Иногда кашгарец, привыкший к базарам, повышал голос в крик, а индус отвечал тихо, но властно. Потом индус размотал широкий пояс, достал малый мешочек и вески с одной чашкой и подвижным по костянистому коромыслу грузиком. Из мешочка извлек два камешка, — они засверкали, заиграли зелеными огоньками. Положил камни в чашечку и, левой рукой держа петлю, правой двинул грузик по коромыслу, уравновесил.

Кашгарец глянул на значок, у которого остановился грузик, бережно взял камни, один за другим посмотрел на свет и, почтительно кланяясь, без слов начал разматывать пояс, прятать самоцветы.

— Видишь, какова твоя цена? — сказал индус по-голландски.

Не понравилась Федору такая высокая оценка. Не знал он толку в драгоценных камнях, но понял, что если и назначат за него выкуп, то немалый. Родные небогаты — где им такое набрать. Государь его видел-то раза два, разве вспомнит? А ежели в иностранную коллегию попадет дело о выкупе, дадут ли?

— Теперь укрепи себя пищей, — сказал Федору индус. — У меня мало времени, а ехать нам не близко.

Караван-сарайный служитель принес плов с бараниной, вроде узбекского, поставил кувшин с холодным питьем. Федор с кашгарцем принялись за еду, а индус встал, отошел к двери.

— Почему он не ест? — тихо спросил Федор.

Кашгарец предостерегающе шикнул.

— Он брахман. Они ничего не едят с другими. И мяса не едят, и еще много чего...

— А кто он? — полюбопытствовал Федор.

— Наверное, большой господин, — неопределенно ответил кашгарец. — Знаю — зовут его Лал Чандр. Он откуда-то из ближних мест, из Пенджаба...

К вечеру крытая повозка Лал Чандра была уже далеко от Амритсара. Обнаженный до пояса возница погонял коней. Лал Чандр сидя дремал, привалившись к ковровой подушке, а Федор, лежа на дне повозки, весь ушел в думы о далекой родине...

Миновали Лахор, спустились берегом реки вниз по течению. Потом свернули на запад и долго ехали пустыней, напоминавшей Приаралье. Переезжали русла пересохших речек; наконец, свернув по берегу одной из них, повозка остановилась перед железными глухими воротами в высокой каменной стене.

Ворота открылись, пропустили повозку и закрылись. Федор, выглянув, не увидел у ворот ни души. Безлюдной была и длинная дорога, что вела через сад с незнакомыми деревьями. В нагретом воздухе стоял дурманный аромат — должно быть, шел он от крупных, ярких цветов.

Повозка остановилась у высокого каменного строения; всюду ниши, а в них — изваяния странных существ.

Лал Чандр неспешно сошел на землю. За ним спрыгнул Федор, размял затекшие ноги. Следом за Лал Чандром прошел узким сводчатым полутемным коридором в прохладный зал. Там стояла большая фигура из полированного камня. Такая статуя Федору и в дурном сне не мыслилась: на невысоком, в три ступени, пьедестале сидела, подвернув под себя ноги, женщина с невиданно прекрасным лицом, слепыми глазами и загадочной, пугающей улыбкой на губах. У нее было шесть рук: две мирно сложены на коленях, две, согнутые в локтях, подняты вверх, и еще две — угрожающие простертые вперед. На ее обнаженном торсе разместились три пары грудей.

Лал Чандр сложил ладони перед лицом и пал ниц перед изваянием, замер надолго.

«Молится, — подумал Федор. — Божество какое-то. Значит, не мусульманское...»

Наконец индус поднялся, трижды поклонился богине. Потом повел Федора в небольшую комнату с голыми каменными стенами, со сводчатым потолком — чисто монастырская келья. Комната была косо освещена солнцем через окно у потолка. В полу был бассейн с водой, видно — проточной. В бассейн спускались гладкие ступени.

— Не знаю, предписывают ли твои боги омовение, — сказал Лал Чандр. — Я прежде прочих дел должен очиститься. Если желаешь, можешь и ты совершить омовение.

Федор живо разделся и с наслаждением погрузился в прохладную воду. Начал шумно плескаться, не замечая недовольного взгляда индуса.

После омовения Лал Чандр провел Федора другим коридором в большой светлый зал. Окна выходили в сад, вместо стекол или слюды были в них затейливые ставни со сквозной резьбой. И здесь была статуя Шестирукой, только поменьше, медная, на высокой мраморной подставке.

Вдоль стен стояли низкие столы, над столами — полки. Все было уставлено стеклянными, глиняными и металлическими сосудами причудливых форм, весами, песочными и водяными часами.

В углу возвышалась печь, из кладки которой выступали изогнутые медные горлышки заделанных туда сосудов.

Одна из стен была облицована плотно пригнанными плитками матово-серого шифера. Она, видимо, служила черной доской, так как была испещрена надписями на небедомом языке, рисунками и схемами.

Но главным, что привлекло внимание Федора, была невиданная машина, стоявшая на возвышении посередине зала, против статуи Шестирукой.

Литые медные стойки, изукрашенные изображениями животных и растений, поддерживали горизонтальный вал, шейки которого лежали на медных колесиках в пол-фута диаметром. Посредине вала был наложен огромный диск из какого-то черного материала. Его покрывали радиально расположенные узкие блестящие (не золотые ли?) пластиинки. На одном конце вала сидел шкив, охваченный круглым плетеным ремнем; оба конца ремня уходили в отверстия, проделанные в полу.

Федор стоял перед машиной, пытаясь понять ее назначение. Нигде не приходилось ему видеть ничего подобного.

Лал Чандр тронул его за плечо.

— Мне нравится, — сказал он, — что, попав сюда, ты забыл о презренной пище. Но человек слаб. Иди туда, — он показал на узкую дверь, — там тебя ждет пища, к ка-

кой ты привык. Потом ты узнаешь свое назначение и не будешь им огорчен.

В соседней маленькой комнате на низком столике Федор нашел блюдо с дымящимся жареным мясом и тушенными овощами; на полу стоял узкогорлый кувшин. Стула не было.

— Придется привыкать, — со вздохом сказал Федор и неловко присел на корточки.

Г л а в а ш е с т а я

Тоска и одиночество. — Назидательные беседы Лал Чандра. —
Боги должны показать непокорным свой гнев. — Машина
молний. — „Кусается твоя богиня...“ — Федор будет
строить водяное колесо. — В заброшенном храме. — Рам Дао
предупреждает

Они тщательно оберегали свои секреты, никого не подпускали к своему делу, набрасывая на него дешевое покрывало таинственности...

К и о, «Фокусы и фокусники»

Томительно тянулись дни в доме Лал Чандра. Федор бродил по пустынным коридорам, заглядывал в прохладные комнаты — нигде ни души. Но знал, что стоит ударить в гулкий бронзовый гонг — и на пороге вырастет безмолвный слуга.

Кормили сытно. Да разве в том радость? Пытался Федор пробраться за ограду, посмотреть, что за местность вокруг, но всегда были заперты ворота. Не убежишь... Да и не покидало Федора скверное ощущение, что кто-то неотступно следит за каждым его шагом.

Длинными вечерами особенно грызла неизбывная тоска. Не раз представлял себе: что делал бы сим часом в родном краю, если б не злая судьбина? Может, командовал бы корабельными канонирами в морской баталии. А то — сидел бы с друзьями-приятелями в австереии за пуншем, за трубкой табаку, за веселым разговором...

За резными ставнями — чужая ночь. Хоть бы собачий брёх услышать!.. Тишина — хоть криком кричи. Хоть руки

на себя накладывай. Изорви грудь криком — не услышит Россия. Далека — за высокими горами, за опаленными песками...

Бешено трясет Федор решетку ставень. Прижимает мокрое от слез лицо к холодному железному узору.

Лал Чандр навещал его почти каждый день. Придет, высокий, прямой, в белой одежде, и заведет туманный разговор о божественном. Федору эти разговоры были тошихоньки. И у себя дома он не бог весть как усердствовал в молитвах. Да и некогда было Федору вникать в тонкости своей религии; полагал он, что с него, военного, хватит и того, что перед сном лоб перекрестит.

Однажды не выдержал, прервал монотонную речь Лал Чандра:

— Довольно с меня сих скучных назиданий. Брал меня для работы — так давай работу.

Лал Чандр улыбнулся одними губами. Глаза, как всегда, смотрели холодно, будто сквозь стенку.

— Ты прав, — молвил он. — Я взял тебя для большой работы. Но, прежде чем приступить к ней, нужно укрепить свой дух.

— Плевал я на твой дух! — сказал Федор по-русски, не найдя подходящих голландских слов.

Лал Чандр помолчал, потом сказал негромко:

— Скоро я приподниму перед тобой покров священной тайны, в которую боги позволяют проникать лишь избранным.

— Что ж, ваши боги другого кого не нашли? — с усмешкой спросил Федор.

— Не говори о богах, которые тебе неведомы. Тайной этой владею лишь я. А ты будешь моим помощником. Как чужестранец, не имеющий здесь друзей и родных, ты не так опасен мне, как иные мои соплеменники.

— Если я узнаю такую тайну, ты не пустишь меня на родину, когда к тому представится случай. Лучше не надо мне твоей тайны!

— У тебя на родине наша тайна будет бесполезна. Она важна и страшна здесь, — уклончиво ответил индус. — Но страшись ее выдать, ибо смерть твой не будет простой.

С этими словами он вышел.

А Федор долго еще стоял в оцепенении. Невеселыми были его думы...

На следующий день вечером Лал Чандр тихо вошел в комнату Федора и присел возле него.

— Какому божеству ты поклонялся в своей стране? — спросил он.

Неожиданность вопроса озадачила Федора. «Верую в святую троицу», — хотел сказать он. Но по-голландски у него получилось:

— Верю святым трем.

— Три бога — Тримурти, — задумчиво сказал Лал Чандр. — А творят ли ваши боги чудеса?

— А как же! Вот в евангелии рассказывается, как Христос, сын божий, превратил воду в вино, как воскресил мертвого Лазаря. В Ветхом завете сказано, как куст горел и не сгорел. — Федор не смог точно выразить по-голландски «неопалимая купина». — Или как Моисей пошел по морю, а вода раздалась и пропустила его...

— А видел ли ты чудо своими глазами?

— Не доводилось.

— Люди и так живут среди чудес, — сказал индус. — Разве не чудо — жизнь, ее зарождение, превращение дитяти в могучего воина, а потом — в дряхлого старика? Или малого зерна — в ветвистое дерево? Или мертвого яйца — в живую птицу? Но люди не понимают, что это чудо, забывают богов, жаждут низменных житейских благ. Что им, — Лал Чандр презрительно указал на дверь, — что им блаженство нирваны! Я довольствуюсь глотком воды и горстью сушеных плодов, а они, дай им волю, будут пожирать тело священного животного — коровы.

— Корову у нас все едят, — заметил Федор.

— А какая пища считается у вас греховной?

— Ну, вот когда пост, никакого мяса нельзя есть.

— Да, все одинаково, — про себя заметил Лал Чандр. — А скажи, когда земные властители нарушают у вас законы первосвященников, постигает их кара?

— Бывало, — ответил Федор. — Раньше патриархи сильнее царей считались.

— А ныне?

— Ну, Петр-то Алексеевич, как на пушки медь понадобилась, колокола с церквей снимал, а святых отцов заставил землю копать, камни таскать на укрепления...

— Он разорял храмы? И его не постиг гнев богов?

— Не дай бог под его гнев попасть.

Лал Чандр снова задумался.

— Теперь пойми меня, юноша, — сказал он. — Если боги не творят чудес, то люди забывают, что должны слепо повиноваться первосвященникам. Но нам не дано знать, почему боги долго не напоминают людям о себе...

— Да ты кто — священник, что ли? — удивился Федор.

— Я лишь нижайший раб богини Кали. Я избран орудием богини, чтобы люди низких каст посредством чудес убеждались в могуществе богов и уверялись, что их удел — повиновение и труд. А властители, увидев чудо, поймут, что должны повиноваться первосвященникам. Ты понял меня, юноша?

— Значит, если бог сам чудо не сотворит, так ты...

— Да. Боги, открывшие мне малую часть своих тайн, могут творить чудеса моими руками. Ибо боги всемогущи!

Федор вдруг засмеялся.

— Твой смех кощунствен, — с достоинством заметил Лал Чандр.

— Да я не про вашего бога, — продолжая смеяться, сказал Федор. — Просто вспомнил: у нас в Навигацкой школе один, из поповских детей, загадку загадывал: если-де бог всемогущ, может ли такой большой камень сотворить, что и сам не поднимет? Вот и ответь. Если создаст, да не поднимет — не всемогущ. А не сможет создать — тоже.

— И святотатец не понес наказания?

— Как не понести! Да не он один, а душ шесть навигаторов наших, и я тоже, попались. Священник, отец Никодим, подслушал. Неделю на хлебе да воде продержали!

— Такая слабость у вас только оттого, что вы поклоняетесь не истинным богам, — возмущенно сказал индус. — Впрочем, ты из касты воинов, и высокие мысли не трогают тебя, как и весь твой род.

— А при чем тут род?

— Раз ты воин, то и весь твой род — воины.

— Вот уж нет. Ни дед, ни отец мой никогда в службе не бывали, да и я не собирался.

— Чем же занимается твой отец?

— Землей. Крестьяне у него пашут, сеют, хлеб собирают.

— Значит, твой отец раджа? Понятно. А послушны ли у вас рабы?

— У нас в деревне вроде послушны. А иначе, бывает, и своевольничают.

— Повелеваю ли ваши боги рабам служить своим господам?

— О том сказано у апостола Павла, что всегда были господа, всегда и рабы были.

— Все то же, — тихо промолвил индус, одобрительно кивнув. — Теперь выслушай: есть у нас злонамеренные люди, они учат крестьян, что надо отнимать землю у повелителей своих, что не нужно слушать священнослужителей...

Федор, подобрав в уме голландское слово, перебил его:

— Бунтовать, значит, подбивают?

— Ты правильно понял, юноша. И ты сам, сын раджи, должен быть на страже: что сегодня у нас, завтра будет у вас.

— Это верно, да вот беда: здесь я и сам-то в рабах!

— Ты раб судьбы, как и все живое. Помысли, похожа ли твоя жизнь на жизнь презренного раба?

— Да как тебе сказать? Домой-то ты меня не пускаешь.

— Со временем ты попадешь на родину. Но я говорю о крестьянах, которым боги предписали навеки возделывать поля господ: нужно ли держать их в повиновении и страхе?

— Если не слушают, то и страх божий нужен.

— Истину сказал. Боги должны показать непокорным свой гнев. Идем со мной, я покажу тебе знаки могущества богов!

Взяв глиняный светильник — сосуд с растительным маслом, похожий на чайник, — из носика которого торчал фитиль, Федор прошел за Лал Чандром в большую комнату, где стояла неведомая машина. Лал Чандр трижды хлопнул ладонями и отдал приказание неслышно появившемуся слуге.

— Смотри!

Огромный черный диск пришел в движение, загудел басовито.

Поскрипывал плетеный ремень, выходящий из-под пола и огибающий шкив.

— Под полом люди крутят его? — спросил Федор.
Лал Чандр кивнул.

Все быстрее крутился диск. Золотые пластиинки на нем слились в тускло сияющее кольцо. Зал наполнился высоким воющим звуком.

Лал Чандр повернул рычаг из черного дерева. Два блестящих бронзовых шара, укрепленных на машине, начали сближаться. Вдруг раздался сухой, прерывистый треск. Между шарами забились голубовато-фиолетовые молнии. Повеяло свежестью, как во время грозы.

Изумленно смотрел Федор, как вспыхивают молнии в полутемном зале. Было жутковато.

Поворотом рычага Лал Чандр развернул шары в стороны. Молнии исчезли.

Лал Чандр указал Федору на медную статую шестирукой богини:

— Отбрась страх перед богиней, обними ее.

— Страшилищу обнимать... — проворчал Федор по-русски.

— Ты боишься?

Федор смело охватил руками медные бедра богини — и тут же, оглушенный и ошеломленный страшным ударом, был неведомой силой отброшен на пол. Из тела богини с треском вырвался пучок молний. Волна свежего запаха ударила в ноздри.

Федор поднялся с пола и крепко выругался.

— Прости, что пошутил, — сказал Лал Чандр, улыбнувшись одними губами. — Но я хотел тебе показать, какую власть над молнией дали мне боги.

Федор почувствовал жжение на левой ладони. Взглянул — у основания большого пальца краснела ранка.

— Кусается твоя богиня, пес еенюхай! — сказал он. Его тряслася непонятная дрожь.

Лал Чандр смазал ранку душистой мазью, боль унялась.

— Теперь ты узнаешь свое назначение, — сказал индус. — Я слышал, что в твоей стране хорошо знают науку о строении водяных колес. Ведома ли она тебе?

Крытая повозка, управляемая тем же полуголым возницей, долго ехала пустынной местностью. Наконец каменистая дорога вывела к берегу небольшой речки.

Лал Чандр сошел на землю, за ним выпрыгнул Федор. Пробираясь сквозь спутанные ветви кустарника, они подошли вплотную к обрывистому берегу. Здесь речка, стиснутая в скалистых берегах, суживалась до нескольких сажен и, пробив себе дорогу между камнями, низвергалась водопадом. Дальше ее течение становилось медленным, спокойным.

Шум водопада не позволял говорить. Лал Чандр повел Федора вниз по берегу. Когда гул воды притих, Лал Чандр спросил:

— Хорошо ли будет поставить здесь водяное колесо?

— Очень хорошо, — ответил Федор. — Только весь ли год есть вода в речке?

— Нет, летом она пересыхает. Но нам она нужна во время дождей, ненадолго. Измерь все, что тебе нужно. Здесь ты будешь строить большое колесо.

Федор огляделся. Недалеко, на другом берегу речки, возвышалось здание с двумя башнями, похожее на храм.

— Сможем ли мы потом подойти к тому храму? — спросил он. — Мне это нужно для измерений.

— Конечно, сможем. Этот храм и послужит местом проявления воли богов.

— Ладно, — сказал Федор. — Пойду возьму диоптр.

Он разыскал в повозке заранее приготовленный прибор. Это была точеная неглубокая деревянная чашка. В двух диаметрально противоположных местах в краях чашки были сделаны еле заметные треугольные вырезы.

Взяв глиняный кувшин и диоптр, Федор пошел к тому месту, куда обрушивалась водопадная струя. Он поставил чашку на плоский камень, набрал в кувшин воды и налил ее в чашку так, чтобы вода не совсем доходила до края. Потом лег на землю и повернул стоявшую перед глазами чашку так, чтобы оба надреза совпали с его зорким лучом, направленным на одну из башен храма. Подливая воды из кувшина и осторожно подпирая круглые бока чашки камешками, он добился того, что вода чуть поднялась выпуклым мениском над краями чашки. Тогда, прикрыв один глаз, он сосредоточил внимание на том, чтобы ближний и дальний края чашки совпали по высоте. Приходилось вытягивать шею, поднимать и опускать голову, опираясь на локти. Когда нужное положение головы было достигнуто, Федор затаив дыхание, чтобы не сбиться с наводки, сосчитал: уровень воды пришел-

ся на шесть рядов каменной кладки ниже окна второго этажа.

Затем он поднялся, потер затекшие локти, вскарабкался по камням наверх, к вершине водопада, и повторил наблюдение.

Запомнив, на какой ряд камней башенной кладки пришелся новый замер, Федор спустился вниз.

Потом они вброд перешли речку и вошли в заброшенный храм.

Впереди шел возница Рам Дас с горящим факелом.

Под старыми сводами заметались летучие мыши, хлопаньем крыльев едва не погасили факел. Пронзительно нахло сыростью, затхлостью.

— Нет ли здесь змей? — спросил Федор.

— В темноте и сырости кобра не водится, — ответил Лал Чандр. — А в жизни нашей волны Шива и Кали.

Коридор вывел их в зал, такой высокий, что свет факела не доставал до верха — стены уходили в темную жуть.

На трехступенном пьедестале возвышалась старая знакомая — богиня Кали. Шестирукая, трехликая, шестигрудая, она стояла гневная, непонятная, готовая к действию. Одно из ее лиц, обращенное к Федору, смотрело со странным выражением — призывающая улыбка сочеталась с угрожающе сдвинутыми бровями — на противоположную сторону зала, где, такой же огромный, четырехликий и четырехрукий, стоял на одной ноге, подняв другую, согнутую в колене, ее супруг — Шива. Он будто собирался пуститься в пляс.

Лал Чандр пал ниц перед грозной богиней.

— Зело прекрасную пару составляете, господа! — вполголоса произнес Федор, чтобы шутливым словом отогнать охвативший его — не от сырости ли? — озноб.

Он оглянулся на Рам Даса. Возница стоял, держа факел. На его лице не отражалось ничего — ни страха, ни молитвенного умиления, — только скука да еще, пожалуй, легкое презрение, с которым этот полуголый раб смотрел на своего господина, Лал Чандра, простертого перед повелительницей жизни и смерти.

Взгляд раба отрезвил Федора. Он снова принял разглядывать богиню — и вдруг вздрогнул.

Со стройной шеи богини свешивалось ожерелье из человеческих черепов.

На пьедестале возвышалась старая знакомая — богиня Кали.

— Что придумали, душегубцы! — невольно вырвалось у Федора.

Рам Дас не знал чужого языка, но по гневному тону понял слова Федора и посмотрел на него долгим взглядом.

Потом Лал Чандр провел Федора через путаницу коридоров к лестнице, ведущей на башню. Здесь было светлее — солнечный свет проникал через полуразрушенные окна.

По выветренным, засыпанным песком ступеням Федор поднялся до девятого этажа. Выглянув в окно, он увидел внизу, у подножья башни, Лал Чандра. Затем Федор вынул из-за пазухи бечевку с привязанным к концу камнем и стал выпускать ее из окна, отсчитывая узелки, навязанные на бечевке через каждый фут. Когда конец бечевки достиг шестого ряда кладки от низа окна второго этажа, Лал Чандр крикнул ему. Тогда, перестав выпускать бечевку, Федор сильно перегнулся в окно и увидел, что замеченный им со второго замера ряд кладки привелся на семьдесят четвертый фут.

«Значит, высота водопада — семьдесят четыре фута, — подумал он. — А до земли сколько?»

Он опять стал выпускать бечевку, пока камень, привязанный к ее концу, не коснулся земли. Оказалось — около девяноста футов.

— Почитай что тринадцать сажен! — воскликнул Федор.

Теперь он забыл обо всем, кроме ожидающей его необычной и интересной работы.

— Эй, Лал Чандр, как я найду дорогу из храма? — крикнул он, снова свесившись в окно.

— Рам Дас ожидает тебя внизу! — ответил тот.

Федор спустился вниз и увидел молчаливого факельщика. Все еще охваченный азартом, он весело хлопнул раба по голому плечу:

— Ну, мужичок, ладное же колесо справим!

Рам Дас молча пошел вперед. Но, сделав несколько шагов, вдруг остановился, огляделся, посветив факелом во все стороны, и знаком подозвал Федора.

— Разумеешь ли ты меня? — спросил он на одном из мусульманских наречий.

— Разумею, — ответил Федор по-узбекски.

— Не радуйся подобно новорожденному теленку.

Знай, что ты проживешь ровно столько, сколько нужно для окончания этой работы. Понял ты меня?

Холодок пробежал по спине Федора.

— А что делать? Куда бежать? — глухо спросил он.

— Сейчас рано. Я найду время для разговора с тобой.

Теперь молчи!

И возница зашагал вперед.

Вскоре они вышли на яркий солнечный свет. Рам Дас бросил в речку догоравший факел. Огонь зашипел и потух.

Лал Чандр ласково улыбнулся Федору.

Глава седьмая

Работа пошла полным ходом. — Седобородый плотник Джонндар и его дочь. — „Это кто ж такие — сикхи?“ — Рассуждение о рае, богах, нирване, факирах, а также о людях, которым все это совершенно не нужно. — Федор Матвеев приходит в смущение

Тут она пустилась рассказывать про рай — и пошла, и пошла, будто бы там ничего не надо — знай прогуливайся целый день с арфой да распевай, и так до скончания века. Мне что-то не понравилось.

М. Тейн, «Приключения Гекльберри Финна»

Странно устроен человек! Верно, иной раз проснется ночью Федор, вспомнит грозные слова Рам Даса — тоскливо сделается на душе. Но при свете дня тревога рассеивалась. Может, русская беспечность брала верх, а скорее — просто увлекся Федор работой.

Сидя за чертежами и расчетами невиданных махин, он напевал то протяжные, то озорные русские песни.

Теперь время шло быстрее. Федор немного выучился говорить по-здесьнему. Лал Чандр часто уезжал к древнему храму: там шла большая работа, храм начали обновлять. А здесь, за высокой оградой, Федор больше не был одинок. Двор был населен мастеровыми — они под руководством Федора готовили части для махин.

Двор превратился в мастерские. Под открытым небом

стояли кузнечные горны и медеплавильная печь. Посреди двора, на твердо утрамбованной земле, как на адмиралтейском плаze, был прочерчен контур гигантского колеса, диаметром в двенадцать сажен.

Иногда и впрямь можно было подумать, что находишься на адмиралтейской верфи или Смольном дворе, если бы не отсутствие привычных для русских мастеровых людей шуток, перебранок и песен.

Плотники заготавливали части колесного обода и водяных ковшей. Стремительное падение воды будет вращать это колесо, отдавая ему свою силу. А колесо должно было эту простую и понятную силу превратить в другую — загадочную, мечущую молнии...

Из лучшего, твердого дерева собирали гигантский обод. Стыки скреплялись медными и железными оковками на плотных заклепках.

Железо было необычное: оно тянулось при ковке, как воск.

— Удивления достойно, сколь мягкое! — изумлялся Федор.

Он не знал, что могущественная каста брахманов Пенджаба велела доставить сюда лучшее, что у них было, — запасы метеоритного железа. Это было именно железо — чистейшее, без примеси углерода, на редкость пластичное. В отличие от стали, оно совершенно не ржавело¹.

Седобородый Джогиндар Сингх, который был у плотников за старшего, подошел к Федору. Они кое-как объяснялись на невероятной смеси узбекских, индийских и голландских слов.

— Скажи, почему ты не даешь нам рисунка — как делать спицы? — спросил старый плотник.

— Спиц не будет, — ответил Федор. — Идем к колесу, я объясню тебе.

Федор решил для этого огромного колеса применить свою выдумку. По его расчету обод вместе с лопастными ковшами должен был весить полторы тысячи пудов. Тяжесть обода была полезна. То, что мы теперь называем

¹ В Дели во дворе мечети Кувваг-уль-Ислам и теперь стоит высокая колонна, отлитая из чистого железа — метеоритного или замородного, которое бывает еще чище. Хотя колонна изготовлена в 1415 году и стоит под открытым небом, ржавчина не тронула ее за пять с лишним веков.

ем маховым моментом, прямо пропорционально весу обода и квадрату его диаметра. Для скрепления обода со ступицей нужны были мощные спицы. Они сильно утяжелили бы колесо, не увеличивая существенно его махового момента.

Поэтому Федор надумал невиданное дело: вместо спиц растянуть между ободом и ступицей канаты — по касательным к окружности ступицы.

Такие ступицы теперь называют тангенциальными, их знает всякий, кто видел велосипедное колесо.

Федор объяснил свою выдумку старому плотнику, восполняя нехватку слов жестами и рисуя схему колеса на песке. Джогиндар Сингх слушал, смотрел на чертежи, хлопал глазами. Вдруг на его суровом, словно из темной бронзы отлитом лице появилась улыбка: понял.

— Хорошо придумано, — сказал он. — Колесо будет тяжелое только в ободе. А разгон какой будет! — Плотник описал круг тяжелым своим кулаком. — У вас на севере так и делают колеса?

— Нет, не видал, чтобы так делали. А придумал — потому что я плавал на кораблях. А там все на канатах растянуто...

Федор не успел договорить: к ним неслышным шагом подошла стройная девушка в голубом покрывале, накинутом наискось и оставлявшем одно плечо открытым. Девушка сказала несколько непонятных слов и убежала, успев окинуть Федора быстрым любопытным взглядом.

— Уже полдень, — сказал Джогиндар Сингх. — Дочь зовет обедать. Не окажешь ли мне честь?

Федор охотно согласился. Ему хотелось посидеть с этим спокойным и понятливым человеком да и на девушку еще разок взглянуть...

Рабочие Лал Чандра жили здесь же, в палатках из грубой ткани, расставленных между деревьями огромного сада. Так как они до окончания работы не имели права выходить за ограду, большинство из них захватило с собой семьи. Каждая семья готовила себе пищу отдельно, на очагах возле палаток.

По дороге Джогиндар Сингх и Федор умылись у большого бассейна с проточной водой.

Когда они вошли в палатку, девушка была там. Увидев Федора, она тихо вскрикнула и бросилась к выходу. Однако через минуту она смело вошла и поставила на

разостланную джутовую дерюжку железный поднос, покрытый черным лаком и расписанный яркими цветами. На подносе возвышался горкой вареный рис, облитый остро пахнущим пряным соусом.

Затем девушка принесла горячие лепешки и узкогорлый медный кувшин с холодной водой, смешанной с кисловатым соком неведомых Федору фруктов. Походка у девушки была легкой, быстрой. Она села около отца, и Федор посмотрел на ее темные удлиненные глаза, на ее смуглые тонкие руки. Она потупила взгляд.

Сингх принял за еду. Федор тоже погрузил пальцы в рис.

— Я думал, что у вас не принято есть на глазах у других людей, — сказал он.

— Так поступают те, кто делит людей на разные джати¹, — ответил старый плотник.

— А ты принадлежишь к какой джати?

— Я сикх. И все, кто работают здесь, тоже сикхи.

— Это кто же такие — сикхи?

Плотник в упор посмотрел на Федора. Потом сказал негромко:

— Мы не делим людей на джати.

— Выходит, вы не признаете брахманов? — удивился Федор.

— Мы не верим в будущее перевоплощение, — уклончиво ответил Джогиндар Сингх.

— Да кто ж вы такие? Уж не мусульмане ли?

— Нет.

Видя, что плотник отвечает неохотно, Федор замолчал. Он ел рис, запивая его водой из кувшина. Косился на девушку, соображая, сколько же ей лет. Решил, что не больше восемнадцати. Только собрался было спросить, как ее зовут, но тут заговорил старый плотник.

— Слушай, иноземец, — сказал он, — я не знаю, как ты попал в Пенджаб, но вижу, что не по своей воле.

— Да уж... — Федор невесело усмехнулся. — Какая там своя воля! Продали, как скотину...

— Не верь Лал Чандру, — продолжал плотник. — Он твой враг. Он наш враг.

— Чего ж вы работаете на него, коли так?

— Работаем, потому что... Слушай. У нас, сикхов, от-

¹ Джати — санскритское слово, которым в Индии обозначается деление, известное у нас в португальском переводе: каста.

няли землю. У нас отняли все. — Злые огоньки мелькнули в глазах Джогиндара. — Но это ненадолго! Сикхи соберут свои силы...

Свет, лившийся через входное отверстие, вдруг заслонился тенью. Федор живо обернулся и увидел Рам Даса.

— Ты нашел подходящее место для таких речей, старик, — насмешливо сказал возница.

— Здесь нет чужих. В саду только наши братья, — спокойно ответил плотник.

— В саду! Весь этот проклятый дом переполнен людьми Лал Чандрой, — промолвил Рам Дас, присаживаясь на корточки.

Федор глянул на хмурое, с резкими чертами лицо возницы, и, как тогда, в храме, его обдало холодком.

— А ты, чужестранец, — сказал Рам Дас, — подобен доверчивому ребенку. Лал Чандр дал тебе хорошую игрушку, и ты забываешь, что смерть близка.

Федор побледнел.

— Что же мне остается делать? Пока я строю колесо, меня не тронут. А когда дойдет до конца, я постою за себя.

— Думаешь, тебя вызовут на единоборство? Ты не знаешь обычая брахманов. Чем умирать без пользы, лучше останься жить и помоги нам! Джогиндар Сингх, вышли дочь из палатки, ей нельзя слушать мужской разговор.

Девушка порывисто прижалась к плечу старика.

— Выйди, Бхарати, — мягко сказал ей плотник. — Посиди у входа и посматривай, не подойдет ли кто чужой.

Индуистская религия очень сложна. Пантеон индуизма переполнен богами, мифология запутана множеством религиозных сект и священных преданий.

Но основной принцип индуизма не отличается от прочих религий; он сводится к весьма примитивному требованию: бедный должен трудиться, выполнять волю господ, довольствоваться тем, что имеет, и не противиться насилию.

Христианская и иудейская религии утешают бедняков возможностью при хорошем поведении попасть в рай,

где не нужны пища и одежда, где не надо трудиться и можно целую вечность наслаждаться лицезрением бога. Нарушение установленных норм обрекает на вечные мучения в специально оборудованном для этого аду.

Католицизм несколько усложняет эту структуру, введя между адом и раем нечто вроде карантина — чистилища.

Древние норманы представляли себе рай соответственно своим обычаям — там, в Валхалле, можно целую вечность охотиться, пировать и драться без вредных последствий: в полдень, перед обедом, все раны заживают.

Неплохие условия для праведников предусмотрены магометанским раем. Там можно хорошо поесть, не испытывая неприятностей перенасыщения. К услугам праведников целый штат прекрасных гурий. А как приятно праведнику, оторвавшись от этих второстепенных удовольствий, подойти к специальному окошку; заглянув туда, он испытает наслаждение высшего порядка — увидит, как в аду мучаются в нестерпимых страданиях его враги.

При жизни — покорность, голод, несправедливость, непосильная работа, зато после смерти — отсутствие забот и еда без пресыщения, вот и вся философская основа всех религий, созданных богатыми для приручения бедных.

Индуистская религия, однако, значительно усложняет эту нехитрую схему.

Прежде всего, мир явлений, природа — не что иное, как «майя» — призрак. Страдания людей призрачны, на самом деле их нет.

Люди разбиты на касты — джати. Кто в какой джати родился, в той и умрет, и так будет с его потомками.

Выше всех стоит каста руководителей ритуала — брахманов. Ниже стоят воины — кшатрии. Под ними — вайши — купцы и ремесленники. Еще ниже — множество каст шудра, из которых нижайшая — парии, неприкасаемые; прикосновение к ним оскверняет. Они допускаются только к самым грязным и тяжелым работам.

Общение между кастами ограничено; это очень удобно, так как не позволяет им объединяться.

И для каждой касты есть свой закон жизни — дхарма. Требования дхармы несложны: довольствоваться

тем, что есть, не искать лучшего. А кроме того — масса ритуальных требований и ограничений.

Несоблюдение дхармы может плохо отразиться на карме человека — возмездии.

После смерти душа перевоплощается в другое тело. Если соблюдал дхарму — получишь хорошую карму: твоя душа перейдет в тело человека высшей касты или в тело могучего слона. Не соблюдал при жизни дхарму — душа твоя попадет в тело червя или черного таракана.

Перевоплощения вечны. Душа все время перебирается из одного тела в другое. И надо во всех перевоплощениях вести себя хорошо, соблюдая не только свою дхарму, но и ахинсу — закон о непричинении зла и о непротивлении злу, — удобный закон для богатых, которые могут, наплевав на него, причинять зло в любых количествах.

Но душе надоедает вечное перевоплощение, постоянная забота о дхарме, карме и ахинсе. Хочется покоя.

Что же, есть и покой — нирвана.

Нирвана — это не развеселый магометанский рай, не шумный и драчливый рай норманнов, не тихий, но скучноватый рай христиан. Нирвана — это высшее блаженство, угасание, полное прекращение надоедливых перевоплощений, избавление от бесконечной цепи страданий, составляющих сущность жизни.

И религия призывает добиваться нирваны путем отказа от материальных благ, подавлением желаний, полной отреченностью от всего мирского.

Для большей доходчивости и простоты принята троица основных богов — Тримурти. Во главе ее — бог-творец Браhma, или Брама, затем бог-хранитель Вишну, слитый с образом Будды¹, и бог — разрушитель и сози-датель, бог жизни и смерти — Шива. К Тримурти иногда добавляется жена Шивы, богиня любви и смерти, — гневная Кали.

Масса религиозных сект бесконечно варьирует индуистский пантеон.

И, как во всех религиях, есть вера в избавителя — грядущего Будду — Матрэйи.

Много богов, много хлопотливых перевоплощений, но ничего для облегчения участия человека при жизни!

¹ В других перевоплощениях Вишну носит имена Рама и Кришна.

Пенджаб — засушливая, полупустынная северо-западная окраина обильной и плодородной Индии. Его населяют суровые и воинственные люди, в тяжелой борьбе с засухой добывающие скучное пропитание для себя и все блага жизни для своих повелителей.

Индия отгорожена от севера могучими горными хребтами. Увенчанные облаками зубчатые стены Гиндукуша и Гималаев преграждают путь холодным потокам воздуха.

Но они не могут преградить дорогу людям — купцам и завоевателям.

Пограничный Пенджаб имел наиболее развитые связи с другими странами и чаще подвергался иноземным вторжениям. Еще в 327 году до нашей эры сюда привел своих усталых воинов Александр Македонский. Позднее вторгались в Пенджаб персы и афганцы.

И именно в Пенджабе, часто видевшем иноземцев — купцов и завоевателей, — возникла община сикхов.

Это была религиозная секта. Сикхи отвергали многообожие и не признавали кастовых различий, отрицали умерщвление плоти, отвергали жрецов, храмы и богослужения. Они желали хорошей жизни без перевоплощений.

Еще в XVII веке эта религиозная община превратилась в военно-политическую организацию, ее духовные вожди — гуру — стали военными вождями. Сикхи отнимали у феодалов земли и раздавали их безземельным крестьянам.

Незадолго до того, как Федор Матвеев попал в эти края, в 1710—1715 годах, в Пенджабе прошло крупное восстание сикхов против субадаров — мусульманских правителей из династии Моголов¹ — и против местных феодалов-раджей. Лишь недавно восстание было потоплено в крови и кончились массовые казни.

Изведав горечь поражения и тяжких потерь, лишившись своих земель, сикхи все же не пали духом. Внешне покорные, они исподволь копили силы для нового бунта.

Смутно было в Пенджабе. Династия Великих Моголов явно клонилась к упадку. Пенджабские раджи, на которых работал Лал Чандр, готовились вырвать власть

¹ Ферганца Бабура, основателя династии, европейцы неправильно называли Монголом, а по тогдашнему произношению — Моголом, и это название династии — Великий Могол — укоренилось в Европе.

из ослабевших рук мусульманских властителей. Но кровавый призрак нового восстания сикхов тревожил раджей и брахманов. И они готовили чудеса. Чудеса, которые должны были отвратить народ от зловредной трезвости учения сикхов, убедить его в могуществе богов и заставить навеки покориться индуистским правителям.

Брахманы давно располагали целым арсеналом чудес, иллюстрирующих силу богов. Чудеса показывали бродячие факиры — люди, отказавшиеся от всего мирского и обладавшие колоссальным опытом фокусников и гипнотизеров. На глазах у людей они причиняли себе мучительные страдания. Они прокалывали тело иглами, становились босыми ногами на горящие угли, давали закапывать себя в землю.

Смысль этого сводился к тому, что человек может преодолеть все земные страдания. Нужно только постичь высшее учение самосовершенствования — «раджа-йога», комплекс высшей психической тренировки. Специальная гимнастика, соединенная с особой системой дыхания, входящая в низшее учение, «хатха-йога», позволяла факирам-йогам удивительно владеть своим телом.

Но суровых панджабцев трудно было удивить старыми, знакомыми фокусами — прокалыванием тела, зачленением змей или даже превращением факира в пальму, вырастающую до небес.

Вот почему Лал Чандр готовил новые чудеса — неслыханные и невиданные.

Было над чем задуматься Федору Матвееву.

Прежде, в отцовской вотчине, он знал, что их семейству принадлежит два десятка крестьянских дворов, что это батюшкины крестьяне. Хотя боярский дом Матвеевых не слишком отличался от крестьянских изб, а пища отличалась от крестьянской, пожалуй, только количеством, все же боярские хоромы освещались не лучиной, а сальными свечами, к расходованию которых, впрочем, матушка относилась зело бережно.

В крошечной церквушке боярское семейство становилось на почетном месте, и отец Пафнутий не упускал случая в молитвах упомянуть болярина Арсения со чады.

Но не в сальных свечах и не в молитвах было дело. Привычным, незыблемым был сам порядок: батюшка

владел мужиками, а мужики пахали, сеяли, жали, молотили и свозили зерно на боярский двор. Так велось от века, иного и быть не могло.

Федор знал, что по соседству есть бояре, до которых им далеко, что владеют они многими вотчинами, живут в каменных хоромах, пьют заморские вина.

Тем не менее Федор был твердо убежден, что принадлежит к какой-то более достойной породе, чем крестьяне.

Потом, на государевой службе, он имел подчиненных, тех же мужиков в солдатских и матросских кафтанах, и тоже твердо знал, что стоит выше их. Будучи от природы незлобным, он всегда старался, чтобы им жилось полегче и посытнее, ругался с сослуживцами, особенно с иноземными, которые презрительно относились к солдатам и считали их скотом.

Но Федор полагал, что хорошего отношения к солдатам, матросам и мастеровым вполне достаточно для того, чтобы все было по-справедливому. Всегда ведь были господа, и всегда были рабы.

Встречались, правда, ему на службе «рабы», которые заставляли его призадуматься. Это были крепостные умельцы-размыслы, самородные инженеры, корабельные мастера, кузнецы, строители. С такими людьми считался и часто советовался сам Петр Алексеевич. Общаясь с ними, Федор чувствовал, что они по своему развитию стоят выше, чем он. Однако внущенное с детства понятие высоты боярского, хотя и захудалого рода всегда брало верх.

Теперь же, на чужой земле, Федор сам был рабом. Верно, не таким, как слуги Лал Чандре, но все же человеком подневольным. И, когда Рам Дас прямо предложил ему стать на сторону сикхов, Федор пришел в сильное смущение.

Он хорошо помнил рассказы своего деда о страшном для бояр бунте Стеньки Разина. Теперь здешние, индийские, мужики тоже замышляли бунт против своих бояр и какого-никакого, а все-таки бога. Неужто же ему, человеку дворянского рода, пристало с бунтовщиками дружбу водить?

Да и Рам Дас хорош: покорным рабом прикидывается, а сам, как уразумел Федор, чуть ли не за главного у этих сикхов.

Оказали доверие: поведали ему, Федору, что готовят

восстание к тому дню, когда брахманы устроят празднество по случаю восстановления разрушенного храма богини Кали. Сказали, что он, Федор, помочь им должен.

Как же это — бунтовщикам помогать?!

Да и не врут ли они, что как Федор кончит работу, так и конец ему? Может, пугают просто?

Пойти к Лал Чандру да и выложить ему все начистоту... Нет уж, язык не повернется...

Господи, и совета не у кого спросить!

Смутно было на душе у Федора.

Глава восьмая

Федор Матвеев получает в подарок нож. — Лирическая интермедия. — Лал Чандр недоволен сметой. — Пахучне снадобья и молнии разной длины. — Шнурок тугов. — „Ты испугался, русский воин?“

Отделкой золотой блестает мой кинжал,
Клинок надежный, без порока;
Булат его хранит таинственный закал —
Наследье бранного Востока.

М. Лермонтов, «Поэт»

Однажды Джогиндар Сингх позвал Федора в кузницу.

— Картар Сарабха хочет сделать тебе подарок, — сказал он.

Кузнец Картар Сарабха широко улыбнулся в черную бороду и сказал:

— Ты научил меня многим полезным вещам, которых я не знал. За это я подарю тебе нож, ибо мужчина не должен быть безоружным. Я буду работать при тебе.

Федор понял, что это большое доверие: от него, чужеземца, не скрывают тайны ремесла.

Кузнец взял пучок коротких, с фут, проволочек и начал перебирать их по одной. Каждую из них он пробовал, сгибая и разгибая.

Федор заметил, что некоторые проволочки были из очень мягкого железа, а другие — из твердой стали, они

сгибались с трудом. Кроме того, проволочки были разными по толщине.

Составив нужный набор и плотно обвязав по концам, Сарабха нагрел в горне середину пучка и ловко, двумя клещами, скрутил его винтом. Затем он снова нагрел пучок и начал осторожно, но быстро проковывать его на наковальне. Под ударами проволочки сваривались вместе, и вскоре пучок превратился в бруск.

Еще несколько нагревов — и кузнец, ударяя в полную силу, быстро отковал заготовку ножа. Федор заметил, что все удары наносились с оттяжкой в разные стороны.

— Завтра перед обедом приходи, будем заканчивать, — сказал кузнец и бросил клащи в колоду с водой.

На другой день Федор увидел в руках у Сарабхи клинок, уже окончательно принявший форму.

— Теперь мы закалим его. — Кузнец бросил кинжал в горн.

Рядом раздалось блеяние. Федор обернулся: Джогиндар Сингх держал за рога крупного барана.

— Это наш сегодняшний обед, — сказал плотник. — Пусть брахманы воротят нос, но сикхи сегодня отведают мяса.

Картар Сарабха короткими клещами вытащил клинок из горна, перехватил поудобнее и всадил раскаленное лезвие в горло барана.

— Смерть дает силу оружию, — торжественно сказал он.

Еще через день Федор получил нож, отшлифованный и вделанный в красивую ручку из слоновой кости. Он посмотрел на лезвие и ахнул. По седовато-голубой стали шли дымчатые, переплетающиеся узоры.

Это был индийский булат «вуц» — сталь, сочетающая высокую твердость с прекрасной вязкостью.

Закалка в теле живого барана вовсе не вызывалась технологической необходимостью, но в те времена, когда сущность термической обработки была неизвестна, процесс закалки связывался с мистическими представлениями. Считали, что закалка холодного оружия должна сопровождаться смертью живого существа.

Во времена крестовых походов особо надежным считалось оружие, закаленное в теле вражеского воина.

Все чаще влекло Федора к палаткам сикхов. Ему нравились эти простые и суровые люди — с ними можно было говорить не таясь, они не морочили голову туманными словами. Вроде не похожи эти самые сикхи на разбойников и воровских людей, думал он. Уж скорее, по правде, Лал Чандр на истинного душегубца смахивает...

Но больше всего Федора тянуло к Бхарати, дочери седобородого плотника. Девушка смеялась, когда Федор пытался разговаривать с ней на диком смешении языков. Она была как-то не по-зданнему весела и жизнерадостна.

Душными вечерами они сидели рядом на краю бассейна, опустив босые ноги в прохладную воду. Федор, забываясь, подолгу говорил ей что-то по-русски, а девушка слушала, склонив черноволосую голову и широко раскрыв глаза. Звуки чужого языка, казалось, зачаровывали ее, как чаруют змею монотонные звуки пунги¹.

Он говорил ей о своей далекой родине, о ее лесах и снегах, о реках, которые делаются зимой белыми и твердыми как камень. Рассказывал о больших кораблях с высокими мачтами и тугими от ветра белыми парусами, о громе пушек у Гангута. И о весенних зеленых лугах говорил он ей, и о звонких жаворонках в голубом поднебесье...

Понимала ли его Бхарати?

Наверное, понимала. Разве в словах дело?

Искоса поглядывала она на Федора. При свете звезд его лицо со вздернутым носом, с закинутыми назад светлыми волосами и русой бородкой, чуть кудрявой и мягкой, казалось ей лицом неведомого северного бога. Она знала, что при свете дня его глаза синие, как вода в океане.

Бывало, Федор спохватывался, умолкал смущенно и переходил на обычную тарабарщину. Тогда она смеялась и болтала смуглыми ногами в воде бассейна. Потом вдруг, присмирев, долго сидела молча. Или принималась рассказывать Федору на западнопенджабском наречии о своей коротенькой жизни, о странствиях с отцом, о зимних муссонах, дующих с суши, и о летних океанских, несущих дожди, о жарких пустынях и ядовитых болотистых джунглях.

¹ Пунга — род дудки.

А Федор, вслушиваясь в полузнакомую речь, в звенящий, высокий голос девушки, глядел на ее удлиненные темные глаза и черные косы, перекинутые за плечи, на ее тонкие и сильные руки...

Лал Чандр почти все время проводил теперь в обновленном храме, по ту сторону пустыни Гхал. Иногда он приезжал домой, и тогда Федор показывал ему все сделанное в его отсутствие.

По привычке, крепко вдолбленной великим государем в удальные головы своих сподвижников, Федор на все работы имел календарное счисление — «какая работа противу которой приуготовлена быть долженствует и в какой день завершение оной иметь надлежит».

Чертежи Федора, выполненные с большим тщанием, резко отличались от грубых эскизов Лал Чандра. Федор строго выдерживал масштаб, потому что в те времена не проставляли размеры. На свободном месте вычерчивалась точная масштабная линейка, как теперь — в нижней части географических карт. При работе размер узнавали, взяв его ножками циркуля и перенеся на масштабную линейку.

К каждому чертежу Федор прилагал подробное «исчисление, сколько чего к строению надлежит», — лесу, меди, железа, канатов...

На этот раз Лал Чандр очень внимательно просматривал представленную Федором смету: сколько леса нужно на постройку желоба для отвода воды от верховья водопада до храма Кали, у которого будет установлено гигантское колесо.

По расчетам Федора желоб должен был пропускать водяной поток шириной в две с половиной сажени и глубиной в сажень.

Предполагалось во время засухи, когда речка пересохнет, перегородить русло немного выше водопада плотиной, пробить правый, скалистый берег тоннелем и через примыкавшую к берегу ложбину желобом на высоких свайных опорах довести воду до храма на расстояние около ста сажен. Здесь вода должна была обрушиваться на огромное колесо и, отдав ему свою силу, стекать затем в речку по канаве, которую рыли уже теперь.

Желоб и свайные опоры Федор запроектировал бре-

венчатыми — не потому, что он был русским инженером и привык пользоваться этим материалом «для завоцкого и плотинного строения», а потому, что желоб из каменной кладки на двенадцатисаженной высоте было бы гораздо труднее закрепить. К тому же он весил бы много больше деревянного и потребовал бы мощных и частых опор.

Да и деревянный желоб таких размеров, наполненный водой, получался не легкий; поэтому опорные сваи надо было ставить не реже чем через каждые две сажени.

На все это требовалось около тысячи трехсаженных бревен толщиной не меньше фута.

Для безлесного Пенджаба это была огромная цифра.

— Правильно ли ты исчислил, юноша? — хмуро спросил Лал Чандр.

— Я цифри и циркульному действию обучался у самого Леонтия Филиппыча Магницкого, — обиженно ответил Федор.

— Не знаю, о ком ты говоришь. — Лал Чандр задумался. — Хорошо, — сказал он, помолчав. — Придется мне поехать к радже Мохинджи. В его владениях, в верховьях реки Рави, есть леса, а где лес — там слоны. Сплавим лес по Рави до наших мест, а потом слоны перевезут его к храму Кали.

— Слоны? — с интересом спросил Федор. — Слоны перевезут лес?

— Заканчивай здесь колесо и приступай к машине молний, — приказал Лал Чандр. — Когда лес будет на месте, переедешь с плотниками к храму, будешь строить желоб.

И Федор приступил к проектированию большой машины молний для храма Кали.

До сих пор он не имел представления о той страшной силе, удар которой однажды ощутил.

На своем веку изведал Федор и сабельного удара и пулевого пробоя. Хорошо помнил, как шведский кнепель — снаряд из двух чугунных полушиарий, соединенных короткой цепью, — перебил на их корабле бык-горден¹ и оборвавшийся гратарей (стопудовое бревно) полетел

¹ Бык-горден — узел крепления реи к мачте.

вниз, круша все на своем пути. Кто-то крикнул: «Фан ундер!»¹ Матросы разбежались по палубе, а он, Федор, не успел отскочить — задело его малость, но и от этой малости рухнул он как подкошенный...

Но пуще прежних потрясений запомнился Федору холод медных бедер богини Кали, треск голубых молний, запах весенней грозы, и будто тысячи иголок вонзились в тело. Мгновенная боль, а потом непонятная дрожь и металлический привкус во рту...

Хорошо понимал Федор: где есть валы да шестерни, никакой бог, хоть и шестирукая Кали, здесь ни при чем. Просто брахман знает что-то, другим неведомое.

Федор уже знал, что загадочная сила рождается от вращения диска и может проходить куда угодно по металлу. Знал, что Лал Чандр умеет копить эту силу в металлических сосудах, наполненных какой-то жидкостью, что медная статуя Кали была внутри пустая и залитая той же жидкостью.

Страстно хотелось Федору проникнуть в тайну брахмана и увезти ее с собой на родину. Еще не зная, как добраться до тайны и как бежать отсюда, он уже задумывался, через кого добиться, чтобы с глазу на глаз доложить государю о неведомой силе...

Иногда во время опытов с машиной молний Лал Чандр зажигал в чаше, стоявшей на медном треножнике, какие-то снадобья; от них шел пахучий дым. При этом Федор помогал брахману сдвигать и раздвигать бронзовые шары машины. От разных снадобий и молний получались разные: то совсем слабые, а то проскачивали между далеко раздвинутыми шарами.

Каждый раз Лал Чандр записывал, при каком курении какой длины получается молния. Терпеливо добивался: что жечь, чтобы молния была подлиннее да поярче. И каждый раз перед тем как попробовать другое снадобье, лабораторию тщательно проветривали пунками — полотнищами на рамках, подвешенных к потолку. Их приводили в движение из-под пола рабы Лал Чандра.

Иногда запах курений напоминал Федору ладан, церковь; казалось, в этом есть что-то от бога. Но запах ладана сменялся иной раз такой вонью, что даже бесстрастный Лал Чандр крутил носом, тушил курильницу и про-

¹ Van onder (голл.) — «Падает вниз!» В наше время превратился в предостерегающий оклик «полуиндра!»

ветривал помещение. Вонь, понятное дело, никак не связывалась с божественным промыслом...

Эта зависимость между курением и силой молний казалась Федору особо таинственной¹.

Все больше убеждался Федор в правоте Рам Даса: злое дело замышлял Лал Чандр. Не науки ради вызывал он молнии, не только во славу многоруких идолов курились его адские снадобья...

Однажды в лабораторию внесли на носилках труп индуза средних лет, худого, но хорошо сложенного.

Около машины молний поставили стол, покрытый тяжелой мраморной плитой. К бронзовым шарам прикрепили два толстых гибких каната, сплетенных из бронзовых проволок. Канаты были обмотаны тонким шелком, пропитанным какой-то смолой, а их свободные концы — впаяны в игольной остроты серебряные наконечники.

По знаку Лал Чандря слуги положили обнаженный труп на черный мрамор стола и неслышно удалились.

Лал Чандр бросил в дымящуюся чашу на треножнике щепотку снадобья. Помещение окуталось зеленоватыми клубами дыма. Остро и пряно запахло.

Брахман взял в руки один из канатов.

— Возьми второй, — велел он Федору, — но опасайся коснуться его обнаженного конца.

Диск машины молний начал вращаться — все быстрее и быстрее. Золотые пластинки слились в один сияющий круг. Комната плотно наполнилась однотонным воем.

Федор обеими руками держал канат, выставив вперед острый наконечник, как багинет перед боем. Лал Чандр стал медленно придвигать к нему острие своего каната.

Треск! Слепящая голубая молния возникла между остриями. Клубы зеленого дыма засветились призрачным светом. Федор стоял неподвижно. Он уже привык к жизни среди молний. Лал Чандр резко отвел в сторону свой наконечник; с треском погасла молния. Не выпуская из рук каната, он подошел к столу и сбросил ткань, покрывавшую лицо мертвеца.

Федор вздрогнул: лицо было страшным, синевато-белым. Между искаженных судорогой губ торчал кончик языка. Стеклянные, широко раскрытые глаза хранили выражение предсмертного ужаса. На шее четко вырисо-

¹ Иногда небольшие примеси некоторых газов к воздуху сильно влияют на длину пробиваемого искрой пространства.

вывалась синяя бороздка — рельефный оттиск плетеного шнурка.

Федор сразу вспомнил рассказы сикхов о страшной секте тугов-душителей. Скрывая под одеждой священный шнурок, туги бродили по дорогам, по темнеющим вечерним улицам городов, подстерегая свои жертвы. Держа шнурок обеими руками за концы, душитель, подкравшись сзади, накидывал его на шею однокого прохожего и быстрым движением делал вокруг шеи полный оборот, а потом, уперевшись ногой в спину жертвы, молниеносно затягивал концы.

Это совершалось для того, чтобы умилостивить гневную богиню Кали.

Но по тем же рассказам Федор знал, что в Пенджабе, где культ страшной Кали не был в почете, туги никогда не показывались.

Владение Лал Чандра было вдалеке от жилых мест, слуги за ограду не выходили. Значит, этот человек, бывший раб Лал Чандра — Федор узнал его, несмотря на искаженное лицо, — не был случайной жертвой фанатика. Он был задушен здесь, внутри высокой ограды, за какое-нибудь нарушение или просто потому, что Лал Чандру понадобился труп...

Федора пронзила страшная мысль: Лал Чандр от него ничего не скрывает, не стесняется показать умерщвленного таким способом человека, которого он, Федор, видел живым еще вчера!

Лал Чандр уже считает его, Федора, обреченным. Когда работы будут закончены, его задушат, как этого несчастного... На мгновение Федору показалось, что его горло перехвачено тонким шнурком. Он судорожно глотнул. Не помня себя шагнул к Лал Чандру.

Брахман вскинул на него тревожный взгляд. Какой-то миг длился безмолвный поединок. Потом Федор овладел собой; отвернулся, глухо спросил: дальше что делать?

Лал Чандр спокойно подошел к трупу, вонзил острие своего наконечника в его смуглое плечо. Приказал:

— Приложи свой наконечник к его ступне.

«Может, ткнуть тебя самого? — пронеслось у Федора в голове. — Да незнамо, будет ли толк. Верно, душители в соседних покоях караулят. Ладно, доберусь до тебя еще!»

Федор молча упер острие наконечника в ступню мертв-

веца — и вдруг, отбросив канат, с криком отскочил в сторону.

Случилось страшное, небывалое: нога мертвеца дернулась, согнулась в колене и резко распрямилась, будто хотела ударить Федора...

Под сводами лаборатории раздался тихий смех Лал Чандра.

— Ты испугался, русский воин? — насмешливо сказал брахман. — Не бойся, он не может причинить зла.

Федор перевел дух. С вызовом взглянул на брахмана, сказал:

— Я человек военный, привык с живым супротивником встречаться. — И прибавил по-русски: — Пес тебя нюхай, тать-душегубец!

И еще целый час он, по указанию Лал Чандра, прикладывал наконечник то к руке, то к ступням мертвеца. Брахман внимательно наблюдал, как пробегают судороги.

А когда Лал Чандр снова уехал, Федор при удобном случае рассказал Джогиндару Сингху о страшном опыте.

— Значит, он уже собирает у себя тугов, — сказал старый плотник. — Ну что ж, туги тоже смертны. Придет час — мы узнаем, угодна ли богине Кали смерть ее жрецов.

Гла в а д в я т а я

Слоны пришли. — Бежать?! А как же Бхарати? — Скомканный листок. — Новые люди в доме Лал Чандра. — Колдовской взгляд. — Федор запел песню. — Вода горит!

*У меня в душе звенит тальянка,
По ночам собачий слышу лай.
Разве ты не хочешь, персиянка,
Увидать далекий, синий край?
С. Е с е н и н, «Персидские мотивы»*

Наступил день переселения в старый храм.

Из железных ворот дома Лал Чандра потянулся длинный караван. Впереди шли восемь слонов, груженных деревянными и металлическими частями водяного колеса и большой машины молний.

Накануне, когда слоны впервые появились во дворе, пришлось изрядно поломать голову: как их выучить.

Федор таких чудных зверей, конечно, никогда еще не видывал. Из книг знал, что слон ростом выше самого высокого дерева. Увидев же воочию, разозлился на сочинителей сих непотребных книг: слоны оказались ростом всего-то в неполные две сажени.

Прибывшие со слонами опытные погонщики-карнаки растолковали Федору, что хоботом слон может поднять и перенести более трехсот пудов, но для дальних перевозок, когда грузы приходится подвешивать по бокам, нельзя выучить больше сорока пудов. Зато с таким грузом слон проходит полтораста верст за день.

Выучили долго. Потом карнаки взгромоздились слонам на шею, вернее — на то место, где голова переходит в туловище. В руках у них были железные анки — короткие копья, — это вместо кнутов.

Слоны двинулись неожиданно легкой рысцой и быстро скрылись в облаке пыли. За ними ехало несколько пароконных повозок с мастеровыми: им нельзя было отставать от слонов, чтобы сразу разгрузить их на месте. В передней повозке ехал Федор с Джогиндаром Сингхом и Бхарати. А сзади, отставая все больше, тряслись неторопливо повозки, запряженные широкорогими быками — гаялами.

На быках везли те материалы, что не к спеху: медлительные гаялы должны были достичь храма лишь на третий сутки, в то время как слонам и конным повозкам потребно было не более двадцати часов.

Вброд переправлялись через многие полувысохшие реки и речушки. Слоны, не любители солнцепека, каждый раз, забираясь в воду, отдыхали и освежались на свой, слоновый манер: набирали полный хобот воды и поливали себе голову и спину.

Федор, забыв о своем первоначальном разочаровании, любовался могучими животными.

— Ну и скотина же! Умная да работящая...

— А у вас совсем нет слонов? — спросила Бхарати.

— У нас нет. — Федор подавил невольный вздох. — Да и господь с ними, со слонами, и без них проживем. Только бы домой попасть...

Джогиндар Сингх покосился на погрустневшего Федора и спросил:

— Есть ли там у тебя родные?

— Как не быть. Есть и батюшка с матушкой, и сестра...

— А жена, дети?

Федор усмехнулся:

— Житье наше военное, всё времени недоставало своим гнездом обзавестись.

— Отец, чужестранец утомлен дорогой, а ты засыпаешь его вопросами, — тихо сказала Бхарати.

Она сидела, отвернувшись от Федора. Он протянул руку, осторожно коснулся ладонью плеча девушки. Плавным движением она отстранилась.

Повозку тряхнуло, колеса застучали по камням: пе-реезжали сильно обмелевшее русло одного из бесчисленных притоков Рави. На том берегу остановились, выпрягли коней, расположились на отдых в тени большого дерева. Неподалеку, ниже по течению, слоны нашли место поглубже: стоя по брюхо в воде, усердно поливали друг другу спину.

Плотник развел костер. Бхарати взялась за дорожную стяжню. Было еще светло, огонь костра казался бледным.

Федор взял сухую ветку, принял обстругивать ее своим ножом. Вдруг старик сказал, понизив голос:

— Если ты смел, то можешь бежать отсюда.

— Бежать?!

Сингх сильно сжал Федору руку повыше локтя:

— Говори тихо, здесь много чужих ушей... Слушай. Речка, на которой стоит храм Кали, впадает в Инд. Если спуститься по Инду на лодке, то за десять дней ты доберешься до моря.

— До моря? — прошептал Федор.

За годы плена он составил себе представление о местности между Индом и Сатледжем, но очень смутно представлял себе ее положение относительно морского побережья.

— Незадолго до впадения в море Инд делится на много ветвей, — продолжал Сингх. — Если ты поплыешь крайней северной ветвью, то выйдешь в море возле деревни Карачи...

Карачи! Федор живо вспомнил карту, которую изучал еще перед походом вместе с Кожиным. Да, да, на той карте значился Карачи. Да и раньше слыхивал Федор

об этом поселении, излюбленном персидскими купцами. Теперь Федор сразу представил себе, где находится.

— Заходят ли туда корабли из европейских земель? — спросил Федор.

— Не знаю. — Старый плотник помолчал, задумавшись. — Но если ты говоришь о воинах, пришедших с далекого запада, то тогда тебе надо держаться южных ветвей Инда, а потом плыть морем вдоль берега на юго-восток. Там есть остров Диу. Его давно захватили португезы и построили там крепость. Знаешь ли ты португезов?

— Подожди, стариик... — Федор крепко потер ладонью лоб.

Он был взволнован. Он мучительно старался припомнить португальские карты, виденные еще во Франции, при обучении морскому хождению. Диу. Диу...

— Но Диу — это где-то очень далеко на юге. Миль полтыщи от Караби...

— Не знаю, как измерить этот путь, — ответил Сингх, — но он не длиннее, чем путь по Инду. Смотри. — Он взял из рук Федора веточку и стал чертить на земле, показывая, как надо плыть вдоль берега.

Федор вскочил, заходил возле костра.

Море! Он словно бы услышал посвист штормового ветра, увидел синюю ширь... Море! Через него лежал единственный путь на родину.

Вдруг он опомнился. Сел, снова принял обстругивать веточку. Сказал потускневшим голосом:

— Спасибо тебе за добрый совет. Да ведь в ореховой скорлупе-то по морю не поплыvешь...

— Слушай! — Сингх придвинулся к нему и зашептал: — Дай мне рисунок, и я построю для тебя какую хочешь лодку. У храма Кали будет много работы, и я обману людей Лал Чандр — они ничего не узнают. — Помолчав, стариик добавил: — Но, прежде чем бежать, ты должен рассказать нам все, что знаешь о чудесах, которые готовит Лал Чандр...

Вскоре караван снова тронулся в путь. Джогиндар Сингх уснул на дне повозки. Федор сидел на козлах и задумчиво смотрел на белую в свете луны дорогу, по которой ходкой рысью бежали отдохнувшие лошади.

Все одно и то же рисовалось его воображению: крепко запалубленный бот с низким парусным вооружением. Не-

пременно надо сделать выдвижной киль — шверт, вроде тех, что на туркменских фелюгах. Тогда никаким шквалом не опрокинет... Господи, неужели близко избавление!..

Вдруг он услышал тихий плач. Обернулся, посмотрел в темную глубину повозки, крытой холщовым навесом. Бхарати! Федору стало стыдно: нечего сказать, хорош, возликовал, как малое дитя, и обо всем позабыл..

Он гладил в темноте ее волосы и плечи, жарко шептал:

— Хорошая моя, да разве я без тебя куда пойду? Ты не бойся, ваши моря теплые, а я мореходец изрядный, сберегу тебя. А доберемся до России — хорошо заживем...

Девушка всхлипнула, подняла заплаканное лицо.

— А как я оставлю отца? — прошептала она.

— Мы и его возьмем! Вот дай час, расскажем ему все, он поймет...

— Нет. — Бхарати грустно покачала головой. — Он никуда не уедет. Он не покинет свой народ. А я его не покину...

Федор подавленно молчал.

— Послушай, — сказала девушка. — А если наши победят, если сикхи будут сами править Пенджабом? Ведь тогда ты сможешь остаться с нами?

Что мог он ей ответить? Что не пристало ему, дворянину, бунтовщикам помогать?.. Вспомнился раб, задущенный шнуром... Разве не добре дело он сделает, если поможет сикхам одолеть злодея Лал Чандр? Ох, и трудная же судьбина выпала тебе, Федор Матвеев!..

На рассвете караван остановился у храма, и Федор спрыгнул с повозки. Голова его была пустой от бессонья, а мысли — путаные и несвязные.

От зари до зари обливались потом рабы Лал Чандр и мастера-сикхи под безжалостным солнцем. На пересохшей речке, чуть выше водопада, забивали сваи под плотину, рубили скалистый берег, чтобы вода, перехваченная плотиной, могла пройти к желобу. В ложбине, что вела к храму, ставили толстые бревна — опоры под желоб. Делали сруб для водяного колеса.

Федор был так занят с утра до ночи, что почти не видел Бхарати, а с Сингхом, кроме как о плотине на

желобе, ни о чем говорить не мог: все время крутились рядом надсмотрщики Лал Чандра.

Однажды вечером Лал Чандр спросил Федора:

— Если мы на несколько дней уедем в мой дом, справится ли без тебя Джогиндар Сингх?

— Управится.

— Тогда с утра расскажи ему все, что надо. Дай ему, как любишь, на каждый день урок — что должны сделать его люди. Готовься — завтра, когда жара спадет, мы тронемся в путь.

Утром Федор передал Сингху несколько эскизов и начал объяснять, что к чему.

Они расположились на мостках, уложенных на свайные опоры будущего желоба. Рядом никого не было.

Перебирая эскизы, Федор хотел порвать один из них, но плотник взял у него скомканный листок и расправил его на колене.

Это был эскиз, сделанный в одну из тоскливых бессонных ночей: палубный бот с выдвижным килем.

— Ни к чему это, — угрюмо сказал Федор. — Не нужна мне лодка. Потому что я люблю твою дочь. А она не может покинуть тебя в такое время...

Джогиндар Сингх закрыл глаза и долго молчал.

— Мы сделаем все, чтобы спасти тебя до праздника, — сказал он наконец. — Но может случиться всякое...

Многое изменилось в доме Лал Чандра. Всюду слонялись незнакомые люди, переговаривались на неведомых наречиях. Это были бродячие факиры — они готовились к празднеству обновления храма, упражнялись: показывали друг другу всякие чудеса. Федора не стеснялись, и он видел, что все это — ловкие фокусы.

Однажды под утро к Чандру прошли трое с тяжелыми узлами. Были они оборванные, исхудальные, обросшие волосами, темные тела — в ссадинах и кровоподтеках.

Рам Дас потом разузнал, что они вернулись с Гималайских гор. Лал Чандр посыпал их во время счастливо-го расположения звезд разложить на высочайших снежных вершинах большие лепешки из драгоценных, редких смол, чтобы приблизить смолу к звездам. И посланцы, страдая от морозов, питаясь скучными запасами, ждали в горах, трепеща от страха перед горными духами и опа-

саясь ужасных снежных людей, у которых шерсть выше пояса растет кверху, а ниже пояса — книзу, а ступни выворочены задом наперед. Из семерых посланцев четверо погибли в пути — в трещинах ледников и пропастях. Больше Рам Дас ничего не узнал. Сказал только, что троих вернувшихся со смолой больше никто не увидит...

А вскоре в доме появился рослый, осанистый брахман в белом. Лал Чандр обращался с ним очень почтительно, а в день появления под каким-то предлогом устал Федора из дома до самого вечера.

Федор заметил, что глаза знатного брахмана обычно были полузакрыты, но, когда он на мгновение приоткрывал их, они поражали какой-то непонятной силой.

Однажды эти глаза остановились на Федоре.

В тот день он по приказанию Лал Чандра протягивал медные жгуты — канаты, обернутые просмоленным шелком, — от машины молний в сад, к бассейну, на краю которого еще недавно Федор и Бхарати сиживали по вечерам.

Канаты надо было подпирать подставками из сухого, пропитанного смолами дерева: Лал Чандр велел, чтобы канаты нигде не ложились на землю.

По обе стороны бассейна возвышались стойки из такого же пропитанного маслом дерева; со стоек в воду опускались медные штанги, к их концам были приделаны медные, гладко отполированные вогнутые зеркала, обращенные под водой друг к другу.

Федор, взобравшись на одну из стоек, прилаживал канат к медному хомуту, укрепленному в верхней части штанги.

Вдруг он почувствовал на себе чей-то упорный взгляд. Оглянулся и увидел знатного гостя Лал Чандра. Брахман, скрестив руки, стоял у края бассейна и смотрел на Федора тяжелым, недобрый взглядом. Федору стало не по себе. Он неловко повернулся, стойка под ним зашаталась, и он, потеряв равновесие, плюхнулся в бассейн.

Вынырнув, он увидел, что брахман все смотрит на него — смотрит с холодным презрением.

Зло разобрало Федора. Вот колдуны проклятые, навязались на его голову! Двумя взмахами он подплыл к краю бассейна, вылез и, решительно скав кулаки, пошел прямо на брахмана. Тот не шевельнулся. Только черные его глаза сузились, стали колючими.

От этого неподвижного взгляда Федор почувствовал странную тяжесть в переносье. Тело вдруг расслабилось, ноги одеревенели, отказались повиноваться. Не было сил отвести взгляд...

Но внезапно гаснущее сознание пронзила мысль: «Одурманили тебя, Федя! Теперь, как куренку, шею свернут!..»

Сделав над собой нечеловеческое усилие, Федор резко тряхнул головой. Забытье, длившееся несколько секунд, исчезло, дурман улетучился, тело снова налилось силой.

Брахман повернулся, быстро зашагал прочь.

Федор понял, что одержал важную победу: значит, он может сопротивляться колдовским взглядам, о которых уже не раз слышал!

Федор по-мальчишески, в два пальца, свистнул вслед брахману и во весь голос затянул озорную песню, сложенную кем-то из питомцев Навигацкой школы:

Навигацкие ребята — питухи
Собиралися у Яузы-реки,
Во кружале, во царевом кабаке,
Они денежки зажали в кулаке.

Они денежки складали на пропой —
Два алтына да деньгу с полуденьгой.
Целовальник — он не хочет им служить,
Не хватает полденьги дождить!

Из дому вышел Лал Чандр и направился к бассейну. Федор нарочно сделал паузу, а когда Лал Чандр подошел, пропел ему прямо в лицо:

Не напоишь — мы разбьем разобъем,
Что не выпьем — по двору разольем,
А напоишь — завтра книги продадим,
Продадим да тебе деньги отдадим!

— Ты поешь песню? — спросил озадаченный Лал Чандр.

— Я и сплясать могу, — весело отозвался Федор. — Не хочешь ли компанию составить, господин Чандр?

Лал Чандр пробормотал что-то, а потом сердито сказал:

Брахман повернулся, быстро зашагал прочь.

— Идем проверим, все ли готово к пробе.

Возле бассейна башней возвышалась огромная бочка, склепанная из листовой меди, диаметром в две сажени, высотой — в добрых пять.

Федор делал эскизы этой башни совсем недавно, в храме Кали, и был по приезде немало удивлен, увидев ее уже готовой. Два дня подряд люди Лал Чандр носили по мосткам воду из бассейна; больше десяти тысяч ведер пришлось влить в ее медную утробу. А потом Лал Чандр, поднявшись на мостки, самолично всыпал в воду несколько мешков каких-то своих снадобий.

С мостика свисала в воду толстая медная цепь. Сама бочка и цепь соединялись с хомутами у бассейна такими же медными, обвитыми шелком канатами.

В стороне стояло малое подобие бочки — медный сосуд. От него отходили две проволоки: одна тянулась вокруг бассейна к противоположной, опущенной в воду штанге, другая, короткая, лежала на краю бассейна, возле второй штанги; под ее обнаженный конец была подложена пропитанная маслом дощечка.

Федор знал, что сила, исходящая из машины молний, свободно идет по металлу куда угодно, а шелк и дерево, пропитанные маслом, не пропускают ее. Масло было не простое: добывали его из какого-то редкого растения. Дерево, пропитанное им, вскоре начинало блестеть, как лакированное.

И еще знал Федор: сила эта охотнее всего тянулась в землю, и от земли особо надо было отделять все металлические части.

Лал Чандр вместе с Федором внимательно осмотрел все соединения. Потом сказал обычным ласковым тоном:

— Ударь в гонг, чтобы привели машину в действие.

К бассейну подошел важный брахман. На Федора он и не взглянул, будто и не испытывал его колдовским взглядом. Лал Чандр почтительно объяснял ему что-то на непонятном Федору языке, и оба они не сводили глаз с поверхности воды в бассейне.

Вода была неспокойна. У одной из штанг она пузиралась и кипела ключом, будто ее подогревали невидимым пламенем. У другой штанги вода бурлила гораздо слабее, но там поднимался легкий, странно пахнущий дымок.

Лал Чандр взял свободный конец проволоки, отходив-

ший от малого сосуда, и, стараясь держаться подальше, поднес его к той штанге, у которой бурлила вода...

Треск, яркая вспышка молнии — и из воды вымахнул огромный огненный столб.

Федор отскочил в сторону. Ошалело смотрел на яркое пламя. Вот огонь стал ниже, но не потух. Рассказал бы кто Федору, что вода горит, — ни в жизнь не поверил бы. А теперь...

— Разорви путь тайной силы, — бросил ему Лал Чандр.

Один из канатов проходил через деревянный станок особого устройства: медный брускок одним концом укреплялся в шарнире, а другим опирался на медную плиту.

Федор потянул за шелковый шнурок — брускок поднялся; на мгновение между ним и медной плитой сверкнула молния.

Вода у штанги тотчас перестала бурлить. Пламя потухло.

— Теперь снова открай дорогу силе, — скомандовал Лал Чандр.

Федор отпустил шнурок, медный брускок упал на плиту. Снова запузырилась, забурлила вода, но пламени больше не было.

Лал Чандр взял глиняный кувшин с душистым маслом, осторожно наклонил его и вылил немного масла в воду, над зеркалом, прикрепленным к штанге.

Мгновенно масло метнулось сквозь воду на другую сторону бассейна. Было видно, как оно, собравшись в шар, остановилось у противоположного зеркала.

Тогда, позвав на помощь Федора, он вместе с ним поднял большой кувшин, в котором было не меньше трех ведер такого же душистого красноватого масла, и сразу вылил его в воду.

Федор отчетливо увидел: масло не расплылось по воде, а ушло под поверхность и длинным жгутом пробежало под водой к противоположному зеркалу. Там теперь собрался порядочный масляный шар.

Лал Чандр взял ковш на длинной ручке и зачерпнул им масло. И тайная сила не поразила его...

Долго сидел Федор в своей комнате и думал обо всем, что довелось сегодня увидеть.

«Дознаться до всего, чего б ни стоило!» — решил он.

Г л а в а д в а с т а я

Федору не спится.— Голоса из башни.— Неизвестный старик и его мучители.— „Чур меня! Оборотень!“ — Нож становится бесплотным. — „Как только ты кончишь работу...“

*Как бешеный подскочил с ножом к ведью-
ме Петро и уже занес было руку...*

Н. В. Гоголь, «Ночь накануне Ивана Купала»

Этой ночью Федору не спалось; лежал с открытыми глазами, в голову лезли видения прошлого.

Надоела чужая земля, до смерти хотелось на родину.

Шестой год шел со времени гибели отряда Бековича, пятый год, как он трудится на Лал Чандра...

«Должно, в воздаяние за полонное терпение, как отъявлюсь к начальству, отпуск удастся вымолить, — думал он. — Отдохнуть бы на тверской прохладе... Батюшка с матушкой, должно, в поминанье меня записали. Панихиды отец Пафнутий служит... Узнать бы, не спасся ли еще кто из наших... Где-то Сашка Кожин, отчаянная голова, — как в воду глядел, все наперед, аки ведун, предсказал...»

Нечего было и думать о сне. Федор, как был в набедренной повязке и легкой рубашке, перешагнул подоконник и вышел на крытую террасу, что тянулась по квадрату внутреннего двора. Здесь было чуть прохладнее, чем в горнице. Федор присел на перила и снова задумался.

«Как же так случилось? Попались, как малые дети, — тоже, задумали хивинцев обмануть! Три года у них под носом собирались, пошли посольством — с войском да с пушками... И как князь согласился войско делить? Может, поврежден в уме был после смерти княгини с дочками... Верно, крепко любил Марфу Борисовну, с того и тронулся. Кто знает?.. Вот и я — как про Бхарати подумало — голова кругом идет...»

Вдруг до Федора донеслись какие-то голоса. Он насторожился, прислушался. Говорили на том непонятном для него наречии, каким Лал Чандр объяснялся с факирами.

Он хорошо различил знакомый ласковый голос Лал Чандра. Иногда его перебивал другой голос — властный,

резкий, угрожающий. Федор сразу припомнил: это голос того брахмана, который сегодня пробовал дурманить его. Федора, колдовским взглядом, а потом был при опыте с водой, огнем и маслом. Видать, знатная в этих местах персона...

Третий голос был Федору незнаком. Он раздавался реже других двух и на все речи брахмана отвечал одной и той же фразой, не меняя тона.

Федор понял, что голоса раздаются из окна верхнего этажа затейливой башни, что возвышалась над центральным залом, над домашним алтарем Кали.

Башня — четырехугольная уступчатая пирамида — была густо украшена скульптурными изображениями слонов, лошадей и многоруких богов. Федор всегда считал эту башню украшением, так как из дома в нее не было хода. Но теперь, среди ночи, в ее окне горел слабый свет, и голоса доносились именно оттуда...

Будто кто подтолкнул Федора. Он перескочил через подоконник к себе в горницу, достал спрятанный в постели нож и заткнул его за набедренную повязку. Потом вернулся на террасу и осмотрелся. В углу двора была прислонена к крыше двухсаженная рейка, размеченная на футы и дюймы, которой он пользовался в эти дни, готовя проводку к бассейну. Он вскарабкался по рейке на плоскую крышу галереи, а оттуда взобрался на крышу дома, повторявшую сводчатые контуры потолков.

Подойдя к башне, Федор призадумался: светящееся окно было не менее как в шести саженях от крыши дома.

А, была не была!..

Хватаясь за выпуклые каменные изображения богов и священных животных, Федор карабкался вверх, с уступа на уступ. В темноте безлунной ночи вряд ли кто разглядел бы его белую рубашку на светлой кладке башни.

Бот и окно. Федор отдохнул немного, а потом поднялся чуть выше, чтобы заглянуть сверху. Так было лучше: если кто и выглядит из окна, так, верно, вниз, а не вверх.

Крепко держась за каменное тело какого-то божества, Федор осторожно заглянул в окно.

Круглая комната была освещена масляной лампой. На устланном коврами полу валялись во множестве цветные подушки.

На подушках перед низеньким столиком, заваленным

бумагами и пергаментами, сидел величавый старик. Его худое, изрезанное морщинами лицо, обрамленное длинными седыми волосами, было бесстрастно.

Перед стариком, спиной к Федору, стояли Лал Чандр и давешний знатный брахман. Теперь уж Лал Чандр не говорил — кричал тонким, злым голосом. Второй брахман тоже вызверился на старика. А тот знай себе спокойно повторяет одни и те же слова...

Между тем Федор с любопытством оглядел комнату. Столы и полки вдоль стен были уставлены всякой посудой и приборами; в углу стояла небольшая машина молний...

Так вот откуда шла мудрость Лал Чандра, догадался Федор. Выходит, не сам он свои «чудеса» придумал, а держит сего никому не ведомого старца взаперти и заставляет его создавать все тайности для своих дел...

И теперь брахманы, видно, нечто тайное выведывали, да старик не соглашался...

Резким движением он поднялся с подушек, высокий, худющий, глянул с презрением из-под густых седых бровей и заговорил. Говорил он спокойно, но, очевидно, что-то неприятное для Лал Чандра и его знатного гостя.

Когда старик встал, что-то блеснуло за его спиной. Федор присмотрелся: из-под пояса старика тянулась тонкая цепочка, конец которой был прикреплен к кольцу, вделанному в стену.

Жалость и гнев овладели Федором. Ворваться бы сейчас в комнату, кинуться на мучителей... Рука невольно потянулась к поясу, нащупала нож...

«Первым того вельможного аспида нежданно удаю, — подумал он. — А с Чандром один на один слажу, пес его нюхай!.. А дальше что? Из дому не выберешься, тут их челяди полно. Поди, и в башне караулят...»

Вельможный индус тихо сказал что-то Лал Чандру. Тот поклонился и вышел через маленькую дверь в сводчатом проеме.

А старик неожиданно прервал на полуслове свою речь и сел на место. Брахман уставил на него пронзительный взгляд, вытянул вперед руку, негромко произнес несколько слов. Старик послушно взял со столика тростниковое перо, обмакнул в чернила и начал медленно писать на пергаментном листе.

«Одурманил старика, как давеча меня хотел, — поду-

мал Федор. — Эх, поддался, горемычный!.. Угрозой не выведали, канальи, так теперь колдовством берут...»

Брахман присел на корточки рядом со стариком и заглядывал в строчки красивой вязи слогового письма «деванагари», где каждый знак означает целый слог, а слова выделяются надстрочными чертами. Изредка он тихо говорил что-то, и старик писал — видно, ответы на его вопросы.

Теперь Федор видел лицо брахмана. Было заметно, как менялось его выражение, когда он вчитывался в письмена, тянувшиеся за острием тростинки. Досада и раздражение явственно отразились на этом лице.

«Ага! — злорадно подумал Федор. — Не то пишет старец, что тебе надобно, тать ночная! Видно, неведомо тебе, какое вопрошение сделать, чтобы истинный ответ получить. Приказывать-то умеешь, да вот беда — не знаешь, что приказать...»

Брахман произнес несколько слов, и старик перестал писать. Теперь он монотонно отвечал на вопросы брахмана. Но, видно, дело пошло еще хуже. Вельможный индус зло выкрикнул что-то и встал.

Короткое приказание — и старик, проведя рукой по глазам, как бы отгоняя сон, очнулся. Он поспешно взглянул на исписанный листок и засмеялся в лицо своему мучителю.

Тогда знатный индус подошел к двери и трижды хлопнул в ладоши. Тотчас вошел рослый факир с кастовым знаком на лбу. Сложив ладони, он поклонился брахману. Потом подошел сзади к старику и, вынув из-за пазухи тонкий шнурок, обвернул его вокруг шеи своей жертвы, старательно продев под седую бороду. Концы шнурка он обмотал вокруг кулаков и, подняв правую ногу, уперся ступней в спину старика...

Кровь бросилась Федору в голову. Больше он ни о чем не думал. Прыгнул на подоконник. Еще прыжок — и его кулак со всего маху, снизу вверх, обрушился на подбородок палача.

Подброшенный страшным ударом, факир ударился головой о каменную стену и без звука свалился навзничь.

Федор обернулся к брахману и, выхватив из-за пояса нож, нанес ему короткий удар в грудь...

Рука Федора вместе с ножом проскочила сквозь грудь индуса, как через воздух. Не встретив сопротивления,

Федор упал, и его тело свободно прошло сквозь тело брахмана. Только слабое теплое дуновение ощущал он... Брахман был бесплотен!..

— А-а-а! — закричал Федор, не помня себя от ужаса. — Чур меня! Оборотень!

А брахман кинулся к двери. Не открывая ее, прошел сквозь толстые, окованные железом доски и исчез...

— Встань, юноша, время дорого, — сказал старик на языке хинди. — Понимаешь ли меня?

Федор, сидя на полу, дико озирался. Его тряслось. Поднес дрожащую руку ко лбу, быстро перекрестился.

— Встань! — властно повторил старик. — Встань и заложи засов.

Федор повиновался, бормоча себе под нос: «Чур меня... Чур меня...»

— Теперь подай мне тот сосуд!

Федор, как во сне, шагнул к полке, снял с нее сосуд из красного стекла, подал старику.

Старик сложил вдвое среднюю часть цепочки и окунул ее в сосуд, из которого пошел едкий дымок.

— Убить верховного жреца — большое благо для народа. Но обычное оружие бессильно. Если мы успеем, ты поймешь... Сейчас я сделаю твой нож пригодным...

Старик вынул цепь из сосуда, осмотрел ее звенья, ставшие совсем тонкими. Сильно рванул. Затем, волоча обрывок цепи, бросился к столу, где стояла машина молний. Соединил ее проволоками с несколькими медными сосудами, быстро переставил какие-то перекрученные серебряные кольца, опутанные проволокой...

— Дай твой нож! — скомандовал он.

Федор стоял, бессмысленно уставясь на машину. Старик схватил его за ворот рубашки, сильно встряхнул:

— Очнись! Очнись! Ты понимаешь меня?

Федор слабо кивнул.

— Дай нож!.. Так. Теперь крути!

Федор завертел ручку машины. Брызнули голубые молнии. Старик ввел лезвие ножа внутрь одного из колец. Вокруг ножа возникло слабое сияние.

— Крути быстрее!

Сияние усилилось и вдруг погасло.

— Довольно! Теперь возьми нож за клинок.

Пальцы Федора прошли сквозь клинок, как будто он был соткан из воздуха... Вскрикнув, Федор отдернул ру-

ку. Спотыкаясь, стал отступать к окну. Пронеси, нечестная сила...

— Я слышал, ты воин, но вижу трусливую женщину! — яростно крикнул старик, и этот окрик заставил Федора опомниться. Он несмело взял нож за рукоятку — она оказалась обыкновенной, твердой. Снова тронул лезвие — рука свободно прошла сквозь него, пока не уперлась ладонью в рукоятку...

— Теперь клинок безвреден для всех людей, — сказал старик, — но для верховного жреца он смертелен.

Со двора донесся гул голосов. Федор выглянул в окно и отшатнулся: двор был полон людей с факелами.

— Слушай! — сказал старик. — Пока я храню свою тайну, жизнь моя вне опасности. Как бы они ни озлоблялись, они не причинят мне вреда, ибо моя смерть для верховного жреца страшнее, чем его собственная. Не первый раз пугают меня удушением. И тебе, пока их замыслы не исполнились, нечего опасаться: ты им нужен, они не могут строить большие сооружения...

За дверью послышались шаги и голоса.

— Запомни, — быстро прошептал старик: — только этим ножом можно поразить верховного жреца. Но сейчас это бесполезно. Ты поразишь его, когда придет нужный час. Спрячь нож за окном, я сумею тебе передать его... Ты понял меня?

— Да...

Федор высунулся в окно и спрятал нож в углублении каменной резьбы. Старик тоже выглянул, нащупал тайник, удовлетворенно кивнул. Потом вернулся на свое место и сел на подушки, прикрыв обрывок цепи.

Внезапно в комнату вошел сквозь запертую дверь верховный жрец. Он окинул Федора ледяным взглядом, сказал на хинди:

— Чужеземец, поднимая на меня руку, ты не ведал, что творил. Только поэтому я тебя прощаю. Ты сможешь искупить вину лишь полным повиновением. А теперь — отвори дверь!

Федор с ужасом смотрел на него. Пересилив страх, подошел к двери, отодвинул засов.

В комнату вошел Лал Чандр, за ним — слуги с факелами. Двое из них по знаку своего господина вынесли неподвижное тело факира.

— Ты не знаешь наших обычаев, юноша, — сдержан-

но проговорил Лал Чандр. — Тебя привела сюда твоя карма. Тебе не должно быть дела до наших забот, которые тебе непонятны...

У Федора все еще тряслись руки. Зло взглянул он на Лал Чандра, хмуро сказал:

— А почто меня в плену держите? Наш государь не в войне с Великим Моголом.

— Я не знаю, кого ты зовешь Великим Моголом, — отвечал Лал Чандр. — Если ты говоришь о том, кто сидит в Дели и дрожит в своем дворце, то он уже не велик и его царство помещается под его ступнями... Как только ты завершишь работу, — продолжал он, — мы щедро наградим тебя и отпустим на родину. А теперь иди в свою комнату.

Так кончилась эта ночь, похожая на дурной сон, — кончилась неожиданно благополучно для Федора.

А на следующий день Лал Чандр увез его обратно в храм Кали.

Глава одиннадцатая

Вода прибывает. — Соглядатай. — Федор слагает вирши. —

Колесо завертелось. — „В тебе нет надобности“. —

Федор взбунтовался. — Снова появляется Рам Дас.

День вчерашний ушел, а завтрашний день — я не знаю, достигну ли я его...

Ибн Хазм, «Ожерелье голубки»

Летняя жара стала спадать. Океанские муссоны несли темные дождевые тучи. В горах, у подножия Гималаев, выпали первые дожди.

Лал Чандр ходил озабоченный, подгонял строителей: нельзя медлить, вот-вот прибудет вода в речке...

Рытье обводного канала заканчивалось. С утра до вечера непрерывно тянулись полуголые люди, несли на головах корзинки с землей. Федор не выдержал: дал Сингху эскиз одноколесной тачки и, когда она была готова, показал ее Лал Чандру.

— Смотри, один человек с тачкой свезет вшестеро больше, чем в корзинке на голове.

— Людей надо вшестеро меньше, — ответил Лал Чандр, — но каждому из них надо сделать такую колес-

ницу. За это придется платить плотникам, а земленосам я ничего не плачу... Но времени мало — пусть будет по-твоему.

Плотина, шлюзовый затвор и желоб были готовы и ожидали только подъема воды в речке.

Водяное колесо тоже ожидало воды. От колеса через отверстие в стене уходили в храм, в помещение, примыкавшее к главному залу, длинные деревянные валы.

Федор рассчитал, что водяное колесо будет делать около четырех оборотов в минуту, а оба параллельных вала, получающих от него движение, будут крутиться в тридцать раз быстрее.

На каждом валу было насажено по десять двухсаженных дисков из дерева, покрытого гладкой, блестящей коркой какой-то редкой смолы. Длина окружности каждого диска составляла примерно шесть с третью сажен. При ста двадцати оборотах в минуту точка на окружности будет пробегать полторы версты в минуту, девяносто верст в час.

Сколько это будет в секунду? Федор быстро прикидывал острой железной палочкой на сухом пальмовом листе, связка которых — индийская записная книжка — всегда висела у него на поясе.

Получилось без малого тринадцать сажен в секунду!

«Не разнесет ли диски?» — подумывал Федор. В то время расчеты на прочность еще не были известны, и люди пользовались опытными модульными соотношениями.

Часть дисков машины молний была снабжена с обеих сторон пластинками из листового золота, по которым скользили щетки из тонкой золотой канители.

Каждый из остальных, не имеющих пластинок дисков проходил между двумя кожаными подушками, наполненными веществом, состава которого Федор не дознался. Рычаги с грузами плотно прижимали подушки к дискам.

В том же помещении, неподалеку от машины, стояло двенадцать огромных медных бочек.

Все это соединялось сложным переплетением канатов, свитых из медной проволоки и надежно обернутых промасленной тканью.

В разных местах канаты прерывались медными засовами с рукоятками из черного дерева. С их помощью можно было перепускать тайную силу куда угодно.

В главном зале храма, перед статуей Кали, в полу был квадратный бассейн, наполненный водой, — сюда были скрытно подведены медные канаты, соединенные с вогнутыми зеркалами.

Федор зарисовал для себя паутину канатов, тщательно пометив, какой конец куда подходил и прикреплялся.

А вода в речке прибывала с каждым днем. Прегражденная плотиной, она заполнила скалистое ущелье и с грохотом низвергалась через открытый водослив.

После памятной ночи за Федором, не таясь, с утра до вечера ходили по пятам два здоровенных факира. Ночью они укладывались у дверей его комнаты при храме. Нечего было и думать рассказать Сингху о том бестелесном брахмане: факиры нагло присаживались рядом на корточки и слушали все, о чем говорилось.

Бестелесный... Не в дурном ли сне привиделся он? Снова и снова вспоминал Федор, как проскочил с ножом сквозь оборотня... Куда ни ступи — всюду нечистая сила в этом проклятом краю. Был Федор не робкого десятка, сколько баталов прошел — ни разу не дрогнул. Но тут... Да кто не окажет конфузии перед нечистой силой? Разве что нехристь, запродавшийся дьяволу...

Вспоминал Федор и другое. Старик в башне... Нож, на глазах у Федора ставший бесплотным, яко воздух... Федор пытался припомнить: как же это было? Он крутил машину молний, а старик сунул нож в какие-то закрученные проволоки... Машина молний была не совсем такая, как у Лал Чандра... Вспоминал, как сквозь туман, странные слова старика: мол, не может верховный жрец без меня обходиться... Как понимать? Уж не сам ли старик сделал того жреца бестелесным?..

И еще вспоминал испуг на лице Бестелесного, когда кинулся на него с ножом. Отчего же было ему пугаться? Может, недавно стал он неуязвимым, не привык еще?..

Кругом шла голова у Федора.

Непременно надо поведать сикхам о чуде. Рам Дас — вот кому все рассказать. Но Лал Чандр устал куда-то своего возницу с поручением...

Эх, зря послушал старика, спрятал тот волшебный нож: надо было тогда пырнуть ножом Бестелесного, а там будь что будет...

С Бхарати виделся Федор не часто. А при встречах — лишнего слова не вымолвишь: соглядатаи торчали рядом, ушастые, нахальные, только что в рот не лезли...

Как-то Бхарати, выйдя вечером к речке, где они иногда встречались, принесла с собой ситар — индийскую лютню с длинным грифом и навязанными ладами.

Она спела ему песню — грустную, протяжную. Странно звучал ее тонкий голос, в самую душу западал.

Федор заинтересовался инструментом. В Хиве, в доме Садреддина, видел он такой ситар, только там играли на нем смычком, а Бхарати щипала струны пальцами.

— А ну я попробую, — сказал он.

Провел пальцами по струнам — непривычный лад. Перестроив ситар, как лютню, он спел девушки несколько русских песен. Она глядела на него темными, широко раскрытыми глазами, улыбалась. Федор обнял ее за плечи, притянул к себе, шепнул:

— Любушка ты моя...

Рядом зашуршало, из-за кустов высунулась лохматая голова. Федор резко встал, плонул факибу под ноги:

— Тыфу, послухи треклятые! Креста на вас нет, пёс вас нюхай!

Ситар он унес к себе в комнату. Долго сидел, скрестив ноги, на подушке, пощипывал струны, складывал и напевал чувствительные вирши:

Аки Венус ты пригожа
И зело с ней лицом схожа,
Зришь судьбу мою злощастну.
Ах, прегорько мне, нещастну!
Был пленен в Хиве ордою,
Ныне ж паки и тобою.
Ах, судьбина прежестока
Крепко держит у Востока...

Вдруг до слуха его донесся мощный рокочущий гул. Федор прислушался. Потом отбросил ситар и выскочил из комнаты. Сторожа, спавшие у дверей, сразу повскакали и побежали следом.

Гул шел от желоба. Федор понял, что водяной затвор поднят и вода устремилась к колесу.

Федор вбежал в главный зал храма. В темноте уверенно нашупал узкую дверь за спиной шестирукой

богини, шагнул в тайное помещение, где стояла машина молний. Увидел то, что ожидал: диски вращались с огромной скоростью, издавая мягкий шипящий звук. Золотые пластинки сливались в круги, отражали красноватый свет масляных ламп. Пахло грозовой свежестью.

У машины возилось человек шесть — все такие, что раньше не встречались Федору. Лал Чандр стоял в стороне и наблюдал. Он не услышал, как вошел Федор.

Обида переполнила Федора. Вот оно как! Сколько трудов положил он на строение этих махин, сколько всякой всячины придумал, а его не позвали даже на пробный пуск колеса. Разве Лал Чандр управился бы без него? Как бы не так! А теперь, когда дело сделано, не удосужился позвать его, Федора, посмотреть машину в работе.

И, начисто забыв обо всем, кроме своей обиды, Федор дернул Лал Чандра за широкий рукав.

Лал Чандр испуганно обернулся.

— Зачем ты явился сюда?

— Почему меня не позвал? — крикнул Федор.

— В тебе нет надобности, когда машина построена. — В голосе Лал Чандра уже не было обычной ласковости.

Федор сгреб брахмана за ворот и затряс его.

— Я тебе не раб, а российского флота поручик! — бешено приговаривал он по-русски, как всегда, когда забывался. — Душу вытряхну вон!..

Лал Чандр закричал. На его гортанный вскрик обернулись люди. Побросав свои дела, накинулись на Федора. Федор яростно отбивался. То один, то другой индус, непривычный к кулачному бою, валился наземь, но тут же вскакивал и снова кидался.

Лал Чандр, пригнувшись, выскочил в низкую дверь. Федор вырвался из цепких рук нападающих, кинулся за ним. Брахман заметался, длинная одежда мешала ему. С минуту, как в детской игре, они кружили вокруг грозной богини, меняя направление.

Замелькали факелы. С полдюжины индусов снова накинулись на Федора. Но он опять вырвался и, прыгнув, поймал Лал Чандра за рукав. С наслаждением с маxу ударил его по скуле. Брахман, кувыркнувшись, свалился в бассейн.

Последнее ощущение — тугое перехваченное горло. Федор захрипел...

Очнулся он у себя в комнате. Голова гудела от боли, ныли суставы рук. Пошатываясь, Федор подошел к двери, рванул...

Дверь была заперта снаружи.

Надежды на освобождение не было.

Дважды в день ему приносили скучную пищу. Люди Лал Чанда сторожили его крепко. Близилась развязка...

Однажды вечером Федор, сидя на полу перед низеньким столиком, при свете масляного светильника разбирал свои заметки. Начал он их писать давно, еще по пути в Индию. Да что толку от этих заметок, если... Федор тоскливо оглядел полутемную сводчатую комнату. Не вырваться отсюда.

Он закрыл глаза, уронил голову в ладони...

Заснуть бы здесь, а проснуться в тесной каюте, услышать скрип переборок, рокотание роульсов под канатами, топот босых ног по палубе, боцманские крики: «Всех наверх, фордевинд ворочать!..» Увидеть в оконце зеленое бескрайнее море и белых чаек...

Вдруг в комнату упал камешек. Федор вздрогнул, вскочил на ноги. Откуда-то сверху донесся неясный шорох. Федор поднял глаза и увидел в полутьме смуглую обнаженную руку, просунувшуюся в вентиляционное отверстие.

«Началось, — подумал он тревожно. — Змей ядовитых через дыру набрасают или ядовитого зелья насыплют...»

— Оэй, Федор! — раздался тихий оклик.

У Федора отлегло от сердца: он узнал голос Рам Даса. Как же он пробрался узким лазом? Кирпичи расковырял, должно быть...

Федор залез на столик и, дотянувшись, пожал мускулистую руку, торчащую из отверстия.

— Подай голос, — сказал невидимый за стеной Рам Дас.

— Да я это, кому здесь еще быть! Слушай, Рам Дас... — И Федор быстро стал рассказывать о случае в башне.

— Как ты сказал? — перебил его Рам Дас. — Брахман бесплотен? Проходит сквозь стены?..

— Да.

— Ты видел это своими глазами?

— Видел...

— Неужели их боги так сильны? — В голосе Рам Да-са Федору послышался страх.

«Все погибло, — подумал Федор в отчаянии. — Одна была надежда — на сикхов. А теперь увидят они на празднике такое чудо — разве устоят?..»

— Слушай, Рам Да! Это еще не все...

И Федор торопливо досказал о том, как старик сделал бесплотным клинок его ножа.

— Ты говоришь, этим ножом можно поразить Бестелесного? — донесся глухой голос Рам Да-са.

— Да! Да! Он у старика за окном. Достань его, Рам Да!

— К нему трудно пробраться, его крепко караулят... Слушай! Я сделаю все, чтобы тебе помочь. Но ты... Будь готов ко всему. Прощай, мне пора!

Глава двенадцатая

**Паломники стекаются к храму Кали. — Празднество нача-
лось. — Колесница Джаггернаута. — Молитвы в храме. —**

Махатма Ананга. — „Пусть чужеземец умрет!“

Конец Бестелесного

*Гой, Малюта, Малюта Скуратович,
Не за свой ты кусь принимаешься,
Ты этим кусом подавишься!*

А. К. Толстой, «Князь Серебряный»

По дорогам шли и ехали люди. С юга, из Гуджрата и Раджпутаны, с севера, от подножия горных хребтов, с востока, из Лахора и Дели, стекались они к безымянному притоку Инда, где совершалось чудо.

В этом краю, где живут вероотступники сикхи, отрицающие богов, боги решили напомнить людям о себе. И богиня любви и смерти, грозная Кали, проявила в заброшенном с давних лет храме невиданную силу...

Так говорили паломникам приветливые люди на перекрестках дорог и в попутных деревнях.

Они раздавали пищу и указывали дорогу. Молитвенно закатив глаза, рассказывали, как некий пандит постиг высшие учения. Отказавшись от тела, он сохранил види-

мость и поэтому получил имя Махатма Ананга — «великая душа без плоти».

Нашептывали у дорожных костров, как Махатма Ананга, собрав верных учеников, через близкую людям Кали просил богов ниспослать согласие на землю, раздираемую смутами.

И боги дали знамение. Когда в храм Кали внесли тело одного из учеников Махатма Ананга, ушедшего из жизни ради высшего знания, — богиня не приняла его смерти.

И вот уже много дней тело праведника лежит у ног властительницы жизни и смерти и трепещет, ибо Кали не принимает его смерти.

Но так как богиня ведет точный счет родившимся — пришедшим из прошлого перевоплощения; и умершим — ушедшим в перевоплощение следующее, то за возврат жизни праведнику ей в жертву должна быть принесена другая жизнь¹.

И уже назначен день жертвоприношения, когда грозная Кали вернет жизнь праведнику и всенародно явит могущество старых богов.

Паломники шли тесными толпами. Отстать было опасно: неуловимое братство тугов-душителей уже послало людей на торжество в честь своей богини.

Толпы народа окружили храм. Ложбина между храмом и берегом речки была густо покрыта палатками и шалашами.

В стороне от всех, ниже по течению речки, расположились неприкасаемые.

Яркое солнце освещало пеструю картину — белые одежды мужчин и цветные покрывала женщин, бронзовые лица и тела, полосатые шатры торговцев и бесчисленные повозки.

Говор, крики, детский плач, рев быков, выкрики торговцев, заунывные звуки пунги — дудочек заклинателей змей — все это слилось в нестройный гул и заглушило рокот воды в желобе.

В храм пока не пускали. Но оттуда доносилась ритуальная музыка, и в его широком преддверии храмовые танцовщицы — девадаси — изгибали в культовых

¹ Человеческие жертвы Кали прекратились лишь в начале XIX века. Мелких животных приносят ей в жертву и в наши дни.

танцах свои гибкие смуглые тела, блестящие от душистого масла.

То и дело из храма выходили брахманы с перевязью из тройного шнура через левое плечо — знаком высшей касты. Они благословляли народ и совершали помазание «белой землей»: смесью из разведенной на рисовой воде пыли, растертого сандалового дерева и помета священного животного — коровы.

Суровым жителям северо-запада раздавали южные редкости — жевательную смесь плодов арековой пальмы, листьев бетеля и жженой устричной скорлупы; эта жвачка глушила голод и окрашивала слону в кроваво-красный цвет.

Раздавали «освободителя грехов» — настой дурмана, освобождающий на время от рассудка и памяти, и «слезы забвения» — приготовленный из мака напиток. Особенно щедро раздавали бханг — напиток из сока нежных верхушек индийской конопли, смешанного с настоем мускатного ореха и гвоздики.

Бродили в толпе смуглые жители Раджпутаны с бородами, зачесанными за уши. Бойкие, верткие торговые люди с юга продавали фрукты, украшения и тайные лекарства: целебную нафту из далекого Бад-кубэ¹ для лечения кожных болезней, толченый носорожий рог — средство от всех болезней, и многое другое.

Тучи мух висели над становищем паломников. Запах душистой мази — нарда — смешивался с запахами пищи, людского и бычьего пота, благовонными курениями, дымом костров и полынным духом наркотиков.

Возбуждение толпы нарастало. Люди требовали чудес.

В полдень из ворот храма выкатили огромную колесницу Джагганахта-Джаггернаута — владыки мира Вишну в воплощении Кришны.

Статуя из дерева, облицованного слоновой костью, ослепительно блестела на солнце. Впрягшиеся в колесницу люди медленно катили ее по каменистой дороге. Они не чувствовали тяжести: дурманные напитки и курения сделали свое дело. Они хрипло выкрикивали молитвы, их глаза лихорадочно блестели.

Толпа бесновалась. Каждый хотел дотронуться до ко-

¹ Бад-кубэ (иранск.) — Баку.

лесницы. Многие, кому не удалось протолкаться к святыне, в исступлении наносили себе раны — кто ножом, кто острым камнем.

И уже кто-то, обезумев, кинулся под огромное колесо, усаженное шипами. За ним второй, третий... Еще... Вокруг — орущие перекошенные рты... Ведь смерть под колесницей Джаггернаута — это немедленное перевоплощение в высшем образе. Пока изнуренное тело крестьянина, обремененного долгами и голодной семьей, корчится в предсмертных судорогах под широким ободом колеса, душа его может перебраться в тело новорожденного младенца в богатом брахманском доме...

Описав круг по границе лагеря, колесница вернулась во двор храма.

Понемногу дикое возбуждение стало спадать. Усталые люди валились с ног, заползали в палатки, в тень повозок. Лагерь паломников на время утих.

Бородатые сикхи в тюрбахах не принимали участия в праздничных безумствах. Они расположились особняком и, казалось, чего-то выжидали. На них, вероотступников, смотрели косо, но, зная, что сикхи не признают ахинсы — непротивления злу, — осторегались и держались подальше.

Вечером вспыхнули огни многочисленных костров. Люди совершали вечерние омовения и варили пищу. Прислужники храма раздавали рис и страшную жидкую смесь опиума с бхангом.

Возбуждение, еще более сильное, чем днем, снова охватило толпу.

В храме ударили бубны. Вышел брахман, объявил, что вход разрешен. Орущая толпа повалила в храм, заполняя гигантский зал и все переходы. Лишь верхние галереи, полукольцом окружавшие зал, были пусты: туда не пускали.

На небольшой площадке между бассейном и статуей Кали двенадцать девадаси склонились перед богиней. Смуглые тела танцовщиц были неподвижны — лишь кисти рук и пальцы в непрерывном движении следовали ритму бубнов.

Сумеречно было в храме. Масляные лампы бросали дрожащие отсветы на зловещие лики богини, на ожерелье из человеческих черепов на ее бронзовой шее, на пояс, изображавший переплетение отрубленных рук. Крас-

новатым блеском светились рубины в ее глазных впадинах.

У ног богини лежало человеческое тело — его очертания смутно рисовались под белым покрывалом.

Вдруг звуки бубнов оборвались. Девадаси, не поворачиваясь к богине спиной, скрылись за боковыми колоннами.

На освободившееся место вышел дородный высокий брахман. Выждал, пока стихнет шум, и сказал звучным голосом:

— Люди, сегодня неприкасаемые удостоятся зреть чудо вместе с вами — такова воля богов. Расступитесь и дайте им, не тронув вас, пройти на верхние галереи. Когда все будет кончено — они уйдут позже вас, и вы не будете осквернены. Расступитесь!

— Махадео! — ахнул кто-то.

Толпа покорно расступилась.

Неприкасаемые, плотно прижав руки к бокам, чтобы занимать меньше места, сдерживая дыхание, шли по освободившемуся проходу к лестнице, ведущей на верхние галереи. Непривычно сытно накормленные, они были опьянены сытостью не меньше, чем бхангом. А то, что они вместе со всеми допущены в храм, было для них уже чудом.

Три девушки обрызгали водой проход, которого касались нечистые ноги неприкасаемых, и забросали его мокрым пометом священной коровы. Затем нежными ладонями, окрашенными хной в огненный цвет, они растерли помет по мокрым каменным плитам и засыпали лепестками роз и цветов чампака¹.

Обряд очищения был окончен, и проход исчез — толпа снова заполнила его.

Огромный храм вместили всех, только груды обуви остались снаружи, во дворе.

Сикхи входили последними и расположились вдоль стен: никто из них не углубился в толпу.

— Братья, не удивляйтесь ничему, что увидят ваши глаза, — возвестил брахман, — и храните спокойствие,

¹ Как говорят путешественники, этот неприятный способ, о котором упоминается еще в отчетах Васко да Гамы, придает деревянным полам долго сохраняющийся блеск. Португальцы, жившие в Гоа, переняли у индусов этот обычай.

ибо каждый имеет свою карму, а боги всемогущи. Вознесем же моления великой Кали, да предстанет она за нас перед Тримурти! Пусть боги явят нам чудеса, чтобы укрепить нашу веру!

В мертвотишине раздался легкий треск. В треножных чашах, окружавших пьедестал богини, внезапно вспыхнуло пламя. Шепот удивления прошел по толпе.

Под звуки бубнов снова выплыли девадаси. Плавно раскачиваясь, они грациозными движениями кистей рук всыпали что-то в огонь.

Из треножников повалил густой благоуханный дым.

Когда танцовщицы скрылись, брахман молитвенно сложил ладони и обернулся к статуе.

— О могущественная, черноликая, попирающая обезглавленных! — заговорил он. — Ты, единственная, кто может предстать за своих детей перед Разрушителем! Ты, противоборствующая темным духам, отрубающая их тянувшиеся руки! Яви нам свою волю, ибо через тебя повелевают нами Созидающий, Охраняющий и Разрушающий! Даруй нам жизнь или благостное перевоплощение!

Гул громовых разрядов заглушил его речь. Из заостренных пальцев грозной богини, из острых сосков ее грудей, из стрельчатых ресниц вырвались ослепительные молнии. Сквозь клубы дыма они ударили в толпу.

Ужас охватил людей. С криками, давя друг друга, бросились они к выходу. Но выход был прегражден: из бронзовых копий, украшавших входную арку, с треском вырывались голубые пучки молний...

Снова загремел голос брахмана:

— Маловерные, чего испугались вы? Не говорил ли я, что вы увидите волю богов?

Молнии потухли. Люди перестали метаться. Теперь они робко жалились друг к другу. Воцарилась тишина. И вдруг в разных местах послышались выкрики:

— Смотрите, люди, он мертв!..

— Смотрите, здесь тоже!..

— Смерть вошла в храм!

Тут и там под ногами толпы лежали трупы пораженных молнией.

— Чего испугались вы, маловерные? — крикнул брах-

ман. — Разве бегство избавит вас от воли богов? Разве смерть из рук Кали не дарует избранным лучшее перевоплощение? Молитесь, просите богиню о ниспослании прозрения!

Насколько позоляла теснота, люди пали ниц, молитвенно сложив ладони.

— А теперь, — продолжал брахман, — смотрите! Сам Махатма Ананга, человек без плоти, явится вам!

И брахман отступил в сторону, сложив ладони перед лицом.

Вздох изумления пронесся по храму: из пьедестала богини, как бы пройдя сквозь него, вышел человек в длинной белой одежде, со сверкающими глазами¹. Он молча простер руки, благословляя паломников, и направился прямо в толпу. Люди расступались перед ним, но Махатма Ананга не нуждался в проходах. Он шел сквозь толпу, сквозь людей — и люди поняли, что он бесплотен. Некоторые пытались схватить полы его одежды, чтобы поцеловать их, но пальцы проходили сквозь ткань, как через воздух.

Вопли благоговейного ужаса раздались под сводами храма. Люди падали, целуя места, к которым прикасалась стопа Бестелесного.

Пройдя сквозь потрясенную толпу, Махатма Ананга поднялся на галерею, набитую неприкасаемыми. Так же молча прошел он сквозь оскверняющие тела париев и снова спустился вниз, к пьедесталу богини.

Властное движение руки. Тишина. Бестелесный заговорил:

— Боги даровали мне освобождение от плоти, угнетающей людей. Я бесплотен и непоражаем оружием. Я не нуждаюсь в пище и питье, но я жив, и дух мой не перевоплощен! Вот что даруют боги тем, кто свято соблюдает свою дхарму. А как живете вы, погрязшие в заботах о своей жалкой оболочке, о своем теле? Горсть риса для вас дороже нирваны!..

¹ Для этого в глаза пускали несколько капель сока растений из семейства пасленовых, содержащих атропин. В Европе еще в те времена дамы, отправляясь на бал, придавали блеск глазам именно таким способом. Поэтому наиболее часто встречающийся вид этого растения называется «прекрасная дама» — «belladonna»; у нас известно под названием «красавка», «сонная одурь», «бешеная вишия»; применяется в медицине.

Он говорил долго. Он гневно осудил тех, кто грядущим перевоплощением начал предпочитать скудные блага этой жизни. Неприкасаемые должны прекратить переход в магометанство и христианство: боги не прощают измены. Вероотступники сикхи не смирились, они хотят завладеть землями, принадлежащими, по воле богов, махараджам. Пусть они, пока не поздно, раскаются и вернутся к древней вере, иначе боги так покарают их и тех маловерных, кто идет за ними, что и следа от них не останется. Ибо долгое терпение богов дошло до предела. Боги разгневаны. Через него, Махатма Ананга, решили они проявить свою волю и наказать непокорных и отступников...

А за стеной, в машинном помещении, томился Федор Матвеев. Он был крепко привязан за руки к кольцам, вделанным в стену.

Мерно крутились, гудели огромные диски. Лал Чандр стоял у смотрового отверстия, наблюдал за ходом событий в зале. Время от времени он, не оборачиваясь, бросал несколько слов, и его помощники, повинуясь командам, передвигали медные засовы — открывали и закрывали путь тайной силе.

По этим переключениям Федор представлял себе, что происходит в храме. Он слышал рев толпы и крики ужаса. Народу показывали чудеса...

Итак, он своими руками воздвиг эти машины, которые испепелят его молниями... Где-то там, в зале, — друзья сикхи. Но что они смогут сделать, затерянные в разъяренной толпе? Да и сами они, увидев чудо, не преклонились ли перед брахманами?..

Двоих факиров подошли к Федору, отвязали его и, схватив под руки, вывели через низкую дверцу в зал.

И вот он стоит лицом к лицу с Бестелесным. А там, за бассейном, море голов, злобные улыбки, ненавидящие глаза...

— Этот жалкий чужеземец хотел лишить меня жизни, — презрительно сказал Бестелесный. — Он не знал, что одни боги могут это сделать. Дайте ему нож, пусть он снова попробует пронзить мое тело.

Глухой рокот прошел по толпе. Один из факиров, ослабившись, протянул Федору нож. Федор оттолк-

нул его руку, и клинок со звоном упал на каменные плиты.

«Эх, если бы мой нож, что у старика спрятан! — тоскливо подумал Федор. — Да уж, видно, не судьба... Читай молитвы, флота поручик...»

Бестелесный крикнул что-то, чего Федор не понял, и толпа ответила ему яростным ревом. В первых рядах потрясали кулаками. Дай волю — прыгнут на него, Федора, вмиг растерзают...

— Снимите покрывало, — приказал брахман.

Теперь все увидели обнаженный человеческий труп, лежавший у бронзовых ног богини.

С треском вырвались молнии из пальцев Кали, и...

Вопль ужаса раздался в храме, и гулкое эхо много-кратно повторило его. Мертвец ожила. Он бился и трепетал у ног грозной богини.

— Смотрите, люди! — закричал Бестелесный. — Богиня не принимает смерти моего лучшего ученика. Он — между жизнью и смертью, время перевоплощения для него еще не настало! Но за возврат его к жизни Кали требует жертвы!

К бассейну подошли один за другим двенадцать рабов. Каждый из них нес на плече кувшин, каждый вылил в воду что-то густое, темное, пахучее.

— Мы принесли тебе в жертву драгоценное масло, — обратился к богине Бестелесный. — Примешь ли эту мирную жертву?

Послышалось глухое клокотание. Вода в бассейне закипела. Масло собралось в темный ком и вдруг длинной струей метнулось сквозь воду к противоположной стенке бассейна, вскинулось вверх фонтаном. Какое-то мгновенье столб масла стоял неподвижно — и вдруг распался, обрызгав толпу душистыми каплями.

— Богине не угодна мирная жертва! — воскликнул Махатма Ананга. — Она благословила ею вас! Ей нужна человеческая жертва! Те из вас, кто принес себя в жертву под колесницей Джаггернаута, и те, кто был избран священными молниями, — все они получили счастливое перевоплощение. Их смерть была для них радостью! А для этого чужеземца смерть страшна, ибо он, далекий от наших богов, получит низшее перевоплощение. Душа его перейдет в тело морского червя, не видящего света, тощащего скалы у берегов!

Федор чувствовал, как тяжелеет Махатма Ананга.

Вода в бассейне забурлила, над ней полыхнуло яркое пламя.

— Смотрите, богиня согласна, вода стала огнем! — закричал Бестелесный. — Пусть чужеземец умрет без пролития крови, как велит закон. Но священный шнур не коснется его шеи, Кали сама даст ему смерть! Уложите его у ног богини, рядом с моим учеником. Пусть все увидят, как богиня, взяв жизнь у одного, даст ее другому!

Федор с тоской оглядел зал. Враждебные, оскаленные лица. Все кончено, Федор Матвеев. Вот уже приближаются факиры... Сейчас схватят...

— Ой, Федор!

Еще не дошел до сознания смысл этого окрика, но вдруг все существо Федора наполнилось грозным ве-сельем.

Жадным взглядом впился в полуутьму задних рядов...

Что-то со свистом пролетело над головами толпы и упало к ногам Федора. Мигом Федор подхватил за рукоятку свой нож и, с наслаждением чувствуя сопротивление разрываемых тканей, вонзил его в грудь Бестелесного.

Кровь окрасила белые одежды Махатма Ананга. Он захрипел, захлебываясь, и упал бы, если б Федор вырвал нож из раны. Но Федор не выпустил рукоятку, пораженный неожиданной мыслью: как упадет Бестелесный? Ведь у него одна опора — подошвы ног... Упадет — прорвалится сквозь землю, а это — чудо, которое все испортит...

Он не слышал криков, не видел, что творится за его спиной... Только чувствовал, как тяжелеет Махатма Ананга, валится набок...

Смерть вернула Бестелесному обычные свойства, и хоть твердо держал Федор руку, проницающий нож скользнул сквозь тело, и, потеряв опору, труп Махатма Ананга с глухим стуком упал на каменные плиты.

Жуткая мгновенная тишина. И сразу — крики ярости и страха...

Расталкивая людей, к пьедесталу прорывались сикхи, на ходу вытаскивая из-под одежды кинжалы и длинные пистолеты...

К Федору подбежал Рам Дас, схватил за руку:

— Беги туда! Скорей!

Г л а в а т р и н а д ц а т а я

На стражне реки. — Федор предает земле тело Джогиндара Сингха. — „Коркедил — зверь водный! — Море! Куда плыть? — Шторм. — „Сберечь ее, сберечь...“ — Звезде нед водой.

*Без компаса и без руля
Нас мчало тайными путями,
Покуда корпус корабля
Не встал, сверкая парусами.*

Э. Б а г р и ц к и й, «Баллада о Виттингтоне»

Федор выпустил румпель из рук: все одно, ни зги не видать. Вокруг черным-черно. Да еще дождь льет не переставая. Воистину, разверзлись хляби небесные...

Могучий поток нес бот, как щепку. Громыхнуло в небе, будто с треском разорвали парус. Изломанно сверкнула молния. В ее мгновенном свете Федор увидел огромную вздувшуюся реку, деревья, вывороченные с корнем, плотную стену дождя.

«Стрежнем несет, быстриной, — подумал он. — Авось до света дотянем. Быстрина все обходит...»

Но, как ни успокаивал себя, было страшновато. При таком разгоне налететь на порог или камень — бот разобьет в прах, костей не соберешь. Ладно еще, что вода сильно поднялась, затопила, должно быть, камни и мели...

Он сидел на корме, стараясь укрыть своим телом Бхарати от дождя. Девушка прижалась головой к его коленям. Ее била дрожь. Федор гладил ее мокрые волосы. Слова не шли. Да и какими словами утешишь?..

Старый плотник Джогиндар Сингх лежал на палубе. Смутно белела его одежда. Сильные руки вытянуты вдоль тела — никогда уж они не возьмутся за топор...

...Тогда, в храме, сикхи пробили себе дорогу сквозь ужаснувшуюся толпу, схватили и взяли под стражу раджей и брахманов. Но Лал Чандра не удалось найти: потайными ходами бежал хитрый брахман. Какие-то вооруженные люди стали окружать храм: видно, брахманы и махараджи держали их неподалеку, на случай неудачи. Во дворе храма, в темных переходах загремели ружья. Сикхи пустили в ход свои кривые ножи.

Рам Дасу удалось вывести Федора незаметно из храма к речке, где его поджидали Сингх и Бхарати. Они побежали берегом, под дождем, спотыкаясь о камни. Вслед ударили выстрелы. Старик вдруг вскрикнул, упал ничком. Федор поднял его, взвалил на спину. Долго пробирались сквозь береговые заросли, пока не вышли к Инду. Там Бхарати разыскала бот, привязанный к камню...

Наконец забрезжил серый рассвет. Река, иссеченная дождем, была мутно-желтая. Бхарати теперь сидела возле отца, неподвижная, окаменевшая от горя. Смотрела на спокойное лицо старика, на его белый тюрбан и седую бороду в пятнах запекшейся крови.

С превеликим трудом пристал Федор к небольшому островку. Прыгнул в воду, вытянул бот на мокрый песок.

В крохотной каюте под палубой он разыскал топор: старый плотник заботливо снарядил бот всем необходимым. В размокшем от дождя грунте вырубил топором могилу, бережно опустил в нее тело Джогиндара Сингха. Сверху, над могилой, сложил груду камней.

Федор не знал, правильно ли поступает, предавая тело старого сикха земле. За время жизни в Индии он наслышался немало о разных похоронных обрядах. Знал, что индуисты предпочитают сжигать трупы, а пепел бросают в воду священных рек. Слышал, что жители гор особо почетным считают «предать тело небу»: переносят труп на вершину горы и оставляют его орлам-стервятникам и грифам.

Каменное лицо Бхарати пугало Федора. Хоть бы слезам волю дала, все легче бы было... Он тронул ее за плечо. Она молча отошла от могилы, молча забралась в бот.

Федор вошел по пояс в воду, приналег, стаскивая бот с песка. Ноги вязли в жидким иле. Он навалился что было силы — бот поддался, заскользил...

Страшный крик Бхарати раздался у него над ухом. Федор вскинул глаза. Девушка, белая от ужаса, указывала рукой в сторону и пронзительно кричала:

— А-а-а-а-а!..

Мигом обернулся Федор и увидел длинное бурое бревно. Оно быстро подплывало к нему и вдруг разинуло чудовищную зубастую пасть.

Он с силой оттолкнулся и перемахнул на палубу бота. Услышал, как лязгнули зубы за его спиной. Не успел перевести дух, как Бхарати бросилась к нему на шею,

спрятала голову у него на груди и залилась слезами. Она плакала неудержимо, ее худенькие плечи дрожали у Федора в руках. Он поднял ее мокре лицо, улыбнулся, сказал по-русски:

— Любушка ты моя!

Она прижалась к нему, зашептала сквозь слезы:

— Ты береги себя... У меня никого больше нет... кроме тебя... Береги себя, слышишь!..

Он снова вывел бот на стрежень реки.

Впервые увидел Федор крокодила. Слыхивал об этих чудищах много. Вспомнил, как когда-то вычитал в «Азбуковнике»: «Коркодил — зверь водный, егда имать человека ясти, тогда плачет и рыдает, а ясти не перестает». Усмехнулся Федор, припомнив страшенную крокодилову пасть: вряд ли эдакое страшилище будет оплакивать свои жертвы...

Лишь на третий день перестал лить дождь. Проглянуло сквозь тучи солнце. А могучая река несла бот все дальше и дальше — к океану.

На ночевку Федор теперь приставал к берегу. Зажигали костер, Бхарати наскоро готовила немудрящую еду.

Старый плотник хорошо позаботился: под баковым настилом был добрый запас овощей, риса и сущеного мяса. Было два глиняных сосуда с маслом, несколько больших, оплетенных прутьями кувшинов с водой. И соль не забыл припасти — три крупных прозрачных куска. Положил кой-какой инструмент, моток конопляных веревок, рыболовные крючки. Даже несколько пороховых ракет было.

Федор смастерили удочки, ловил рыбу — старался экономить припасы. Запасал речную воду, фильтруя ее через покрывало Бхарати, сложенное многократно. Кто знает, что ждет впереди?..

Через неделю Федор заметил, что речной разлив становится шире, а мутная, кофейного цвета вода светлеет с каждым часом. И наступило утро, когда он увидел, что бот почти неподвижен: океанский прилив запер реке выход.

Значит, скоро море! Да и ветер, легкий северный ветер, нес морскую прохладу...

Федор поднял носовой парус, сплетенный из крепких пальмовых листьев. Потом опустил сквозь колодец в воду тяжелый шварт — обшитый медью выдвижной киль —

и подобрал шкоты. С радостью услышал милый сердцу звук заговорившей под днищем воды...

Через несколько часов скорость хода заметно возросла: начался отлив¹.

Вода светлела, становилась голубой, берега раздавались все шире, уходили в дымку. И вот длинная синяя океанская волна приняла бот, качнула, плавно передала другой волне...

Море!

Федор натянул гротафал, и желто-зеленый грот из пальмовой плетенки взлетел до места. Глубоко, освобожденно вздохнул Федор, улыбнулся Бхарати. Девушка залюбовалась им: синеглазый, добрый, веселый бог...

— Теперь куда поплыvем? — спросила она.

Об этом Федор много думал. Вспоминал слова старого Сингха: повернуть вправо — приплывешь в Карачи, там персидские купцы частые гости; влево плыть, на юговосток, — в португальские владения попадешь...

Путь через Персию смущал Федора, хоть был он и ближе. Еще перед хивинским походом слышал Федор, что у Петра Алексеевича нелады с Персией. И позднее в дом Лал Чандра доходили смутные слухи о том, что неспокойно в персидской земле.

Нет, уж лучше плыть другим путем. Португалия — страна далекая, ей резону нет ссориться с российской державой...

И Федор повернулся влево. Когда завиднелся невысокий берег, стал править вдоль него.

Несколько дней плыли спокойно. С севера дул ровный, несильный ветер, и бот, покачиваясь, шел в бакштаг, делая узлов до пяти, как прикинул Федор. Иногда виднелись в море далекие паруса. Зорким глазом Федор определял, что те паруса не европейские. Сближаться с ними остерегался.

Бхарати повеселела на морском просторе. Варила рис и пекла свежевыловленную рыбу на горячей глине небольшого очага, который Федор сложил еще во время одной из стоянок на Инде. Она охотно училась управлять парусами и вскоре уже подменяла Федора, чтобы дать ему соснуть часок-другой.

¹ В районе впадения Инда в океан действуют неправильные, полусуточные приливы.

...По расчетам Федора, они уже были недалеко от Диу, как вдруг ветер стих, а через час задул с востока. Приведясь к ветру, Федор сменил галс и пошел бейдевинд, надеясь приблизиться к берегу в лавировку.

Но ветер усиливался. По морю побежали белые башшки, на высоких волнах запенились кипенные гребни.

Гнулась мачта, доски стонали. Бот лежал на боку, палуба чуть ли не до половины ушла под воду:

— Только жмет, а ходу нет, — пробормотал Федор.

Поворачивать было опасно, но ничего другого не оставалось. Он потравил шкот. Бот выпрямился и увалился под ветер. Федору удалось рассчитать так, что в момент, когда бот стал боком к ветру, он оказался в глубокой впадине между волнами, защитившими его от ветра.

Сильно качнуло — сначала в одну, потом в другую сторону. Палуба на миг скрылась под водой. Бхарати прижалась к Федору.

— Может, вниз спустишься? — спросил он. — Заливает здесь...

Девушка покачала головой:

— С тобой я ничего не боюсь.

— Тогда держись крепче, чтоб не смыло, — трепать нас будет знатно!

Федор знал, что крошечному суденышку пересилить океанский шторм — дело не простое. Но рядом была Бхарати. Она ему доверилась, и он все сделает, чтобы сберечь ее. Да и не впервые штормовать ему: не забыл, как кипело под ним и бесновалось Каспийское море...

Федор споро взялся за дело. Прежде всего закрепил опущенный шварт, чтобы ударом волны его не подняло вверх. Потом наглухо укрепил крышку люка хорошим затяжным узлом: главное — воды не зачерпнуть. С трудом отвязал парус, сложил его и прикрыл им Бхарати.

Теперь бот удирал от шторма «под рангоутом» — при таком ветре голая мачта вполне заменяла парус. Все дальше на запад несло его — вдаль от индийских берегов...

К ночи ветер еще пуще озверел. Стеной шла черная ревущая вода. Бросало бот, как ореховую скорлупу: с волны на волну, вверх-вниз...

Ни о чем больше не думал Федор, только о том, чтобы держать бот поперек волны. Если развернет к волне лагом — враз опрокинет. Счастье еще, что надежно сколо-

тил старый плотник бот по его, Федора, эскизу: незапалубленная лодка без шверта давно бы уж потонула.

Он еще находил в себе силы: сквозь рев моря бросал девушке шутливое слово. А она, клубочком свернувшись у ног его, на дне кокпита, крепко держалась за его колени.

Сберечь ее, сберечь...

Он нашупал моток веревки и велел Бхарати обвязаться, потом обвязался сам. Передал девушке румпель. Пополз на бак: надо было убрать мачту.

Под обвалами воды Федор освободил ванты и, поправливая штаг, уложил мачту на палубу. Вернулся в корму, отышался немножко.

— Теперь помоги мне, будем плавучий якорь ладить...

Придерживая румпель локтем, он с помощью Бхарати сложил вместе мачту, шпринт и гик и крепко связал их. Потом на длинном конце, закрепленном на носу, сбросил тяжелый сверток в воду.

Тотчас бот развернулся носом к ветру. Удерживаемый плавучим якорем, он почти стоял на месте и не оказывал сопротивления шторму. Ветер со страшной силой обтекал его.

Федор открыл люк, крикнул:

— Быстро вниз!

И сам прыгнул вслед за Бхарати. Захлопнул и закрепил крышку люка.

В тесной каюте было темно, но сухо, безветренно...

— А если опрокинет? — тревожно спросила Бхарати. — Мы не успеем выбраться наверх.

— А если и успеем выбраться, легче не будет... У нас говорят: двум смертям не бывать, одной не миновать.

— Разве у вас тоже верят в карму?

— Да нет. — Федор усмехнулся. — Поговорка просто...

Вверх-вниз... Вверх-вниз... Изматывала килевая качка. Время исчезло. Может, ночь прошла? А может, две ночи? Вверх-вниз... Глухие обвалы воды. Стонет палуба.

— Ты спиши, Бхарати?

— Нет.

— Тебе плохо?

— Н-нет.

Федор вдруг завозился в темноте; стукаясь то головой, то коленями, чертыхаясь, он шарил по темной каюте.

— Что ты ищешь?

— Подожди... Сейчас.

Удары кремня об огниво. Посыпались искры — и вот вспыхнула красная точка. Федор раздул трут, зажег сухую кору, припасенную заранее, и с немалым трудом засветил фитиль — растрепанную веревку, торчащую из носика сосуда с растительным маслом.

Слабым светом осветилась каюта.

— Подержи. — Федор передал девушке светильник и быстро приготовил веревочную подвеску.

Теперь светильник висел посреди каюты. Федор осмотрелся. Сверху, через палубу, вода почти не проходила. Он приподнял стлань, опустил руку: воды на дне немногого.

Взглянул на бледное лицо Бхарати.

— Плохо тебе, любушка? Не тошнит?

— Нет, — прошептала она упрямо.

«Истинная жена для моряка», — подумал Федор и обнял девушку.

Закатное солнце светит в спину. Северный ветер гонит ленившую волну. Отбушевал шторм.

Да не все ли равно теперь?..

Федор сидит в корме, упрямо правит на восток. Но берега все не видно. Сколько же дней и ночей мотало их по Аравийскому морю?..

Бхарати лежит у его колен. Утром он влил ей сквозь сжатые запекшиеся губы последние капли воды из кувшина.

Эх, Федор Матвеев! Не судьба тебе, видно, добраться до родины. Для того ты избежал смерти от молнии там, в храме, чтобы принять страшную смерть от безводья...

Бхарати лежит, закрыв глаза. Федор тревожно наклоняется к ней, трогает за голову, прислушивается: дышит ли?

Сберечь ее, сберечь...

Ночь наступает сразу, без сумерек. Яркие, далекие, высыпали на черном небе звезды.

Покачивает. Туманится голова, в сон клонит. Заснуть — уж не проснуться больше...

Страшным усилием заставляет себя Федор стряхнуть сонную одурь.

Звезды и ветер... Левее курса, совсем низко над черной водой, стоит большая красноватая звезда.

Почему так низко? И почему покачивается звезда?
Федор вскакивает, вглядывается... Это корабль!
— Слышишь, Бхарати? Корабль!
И, словно в подтверждение, ветер доносит гитарный
перебор и обрывки песни.

Низкий мужской голос поет на незнакомом языке. Но
он, Федор, знает эту песню!

Скажи, моряк,
Живущий на кораблях,
Разве может сравниться звезда...

Да, он ее знает! Он слышал в Марселе, как распевают
ее испанские и португальские моряки.

Значит, португальский корабль!..
Одним прыжком — в каюту. Расшвыривая все, что по-
падается под руку, ищет пороховую индийскую ракету.
Вот она! Привязывает ее к палке на носу бота. Сбивая в
кровь пальцы, высекает огонь, подносит раздутый трут...
Зашипев, взлетает в ночное небо красная дуга.

Глава четырнадцатая
Возвращение. — „Отправить ево к тому же князю Черкаскому...“ —
Новый город Екатеринбурх. — Встреча в „царской австрии“. — „Коли,
тогда поверю!“ — Электрическая сила. — У Ломоносова. —
Неразгаданная тайна

Электрическая сила есть действиē, вы-
званное легким трением в доступных чувст-
вам телах, которое состоит в силах отталки-
вательных и притягательных, а также в
произведении света и огня.

М. В. Ломоносов, «Теория электрическая,
математическим способом разработанная»

На дворе январский мороз. На стеклах низеньких
окон намерзло изрядно льда. Потрескивают сосновые
бревенчатые стены.

А в горницах тепло. Огромный, во всю стену, стол за-
вален образцами руды, металла и угля, чертежными ин-
струментами, рукописями. Стоят здесь посудины с по-

рошками и жидкостями, в углу — невиданная в здешних местах машина: между двух стоек — лакированный диск с блестящими металлическими пластинками, с ременным приводом и ручкой. На стойках — блестящие медные шары.

В комнате полумрак. Только середина стола освещена двумя свечами в высоких подсвечниках.

Свечи лют желтый свет на седую голову. Скрипит гусиное перо по шероховатой бумаге. Зимние вечера длинны, а Федору Матвееву их не хватает. Не разгадана старая загадка...

Федор подходит к машине, крутит ручку. Тоненькая фиолетовая ниточка разряда с сухим треском вспыхивает между шарами.

Федор опускается в кресло. Сухие, со вздувшимися венами, но еще крепкие руки лежат на подлокотниках. Задумался Федор. Плынут перед мысленным взглядом видения прошлого...

Нелегким было возвращение на родину. После долгого плавания вокруг Африки доставил их португальский фрегат в Лиссабон. Оттуда то морем, то сушей, через многие страны, кое-как, без гроша в кармане, добрались до Петербурга — и не сразу смогли сойти с корабля: Нева, выйдя из берегов, залила город. Говорили, что сам царь разъезжал на шлюпке по затопленным улицам, спасал людей.

Как напугал Бхарати холодный, туманный город, залитый бурлящей водой!

Вскорости — как обухом по голове — известие о смерти государя...

Докладывал Федор куда следует о своем возвращении из плена, но в те дни вельможным людям было не до безвестного поручика: решался вопрос, кому быть на троне.

Каким-то чудом донесение Федора попало к самому Меншикову, и всесильный князь, пробежав две-три строчки, нацарапал, набрызгав пером, резолюцию: «Понеже поручик Матвеев и ранше служил у князя Черкасова, отправить ево в Сибир для службы далше к тому же князю Черкасскому, а денех ему Матвееву за прошлое время расчесть и выдать».

Насилу Федор сообразил, в чем дело: в то время губернатором Сибири был однофамилец, а может, и даль-

ний родич князя Александра Бековича-Черкасского — князь Алексей Черкасский, назначенный после казни Гагарина.

Так как Меншиков не указал, кто должен ему «расчесть и выдать», Федор, видя, что в петербургской суматохе толку не добьешься, решил заехать к родителям, в Захарино, повидаться, а там — отправиться в Сибирь.

Родители Федора не слишком обрадовались, увидав привезенную из-за дальних морей невестку. Между собой осуждали: и длиннолица, и малоутробиста, и темна, аки цыганка, и больно смело себя держит, страху не оказывает. Однако, решив, что служивый сын — отрезанный ломоть, не перечили. В родовой вотчине, в своей же церкви, Бхарати окрестили, нарекли Анной, а отчество дали по крестному отцу, дальнему родичу Матвеевых, — Васильевна.

Денег на дорогу хоть и не густо, а все ж таки дали.

Дорогой Федор узнал, что Черкасский уже не губернатор Сибири: по указу Екатерины Первой он был назначен в астраханские земли на должность «калмыцкого начальника».

Федору посоветовали ехать прямо в новый город Екатеринбурх¹, недавно построенный на реке Исети, к начальнику сибирских и уральских заводов Георгу Вильгельму де Геннину: он-де всех сведущих в горном да плотинном деле людей принимает.

Дождавшись оказии, отправились. Плыли вниз по Волге, потом свернули в Каму. Когда после волжских просторов струг пошел то бечевой, то веслами, а когда и под парусом меж тесных, густо поросших лесом берегов, Бхарати была поражена видом лесного приволья и смолистой прохладой.

У деревни Ягошихи², где недавно был построен новый медеплавильный завод и где в Каму впадает горная река Чусовая, пришлось остановиться: весенние воды еще не сошли и подняться по Чусовой против течения было невозможно.

Оставив речной караван, поехали сухим путем: берегом Сылвы до Кунгура и дальше — через перевал, к новому городу Екатеринбурху.

¹ Ныне Свердловск.

² В 1781 году поселок Ягошиха был переименован в город Пермь.

Во все глаза глядела изумленная Бхарати на горы, покрытые густым хвойным лесом, на бурные реки и тихие голубые озера, на зеленый, в цветочном узоре ковер травы, на каменные осыпи, поросшие по краям смородиной, жимолостью и колючим шиповником.

Город Екатеринбурх был невелик. Постройка его обошлась всего в 53 679 рублей и две копейки. Были здесь две доменные печи, выплавлявшие по три-четыре тонны чугуна в сутки, мастерские, где чугун кричным способом перерабатывался в сталь, кузнечные, якорные и проволочные фабрики. Плотина на реке Исети позволяла копить весенние воды. Водяные колеса приводили в действие мехи для дутья в доменные и кузнечные печи.

Завод и поселок были окружены крепостной стеной.

В обербергамте¹ Федор был хорошо принят и назначен в должность механикуса. Обязанности его по регламенту определялись так: «Надлежит ему знать всякие машины, которые потребны к горным делам, а именно: для выливания воды, для подъема руды и прочего строить и в действо приводить, быть при строении всяких фабрик, ему же и пожарные машины и трубы ведать».

Отвели Федору казенную квартиру в крепости, и началась новая жизнь на новом месте...

Служил Федор исправно, ведал колесное и плотийное дело, ездил по заводам, следил за работами.

Понемногу привязался он к суровому, но знающему и любящему свое дело дс Геннину. Помогал ему завершать затеянный им труд под названием: «Генералом-лейтенантом от артиллерии и кавалером ордена Святого Александра Георгием Вильгельмом де Генниным собранная натуралии и минералии камер в сибирских горных и завоцких дистриктах также через ево о вновь строенных и старых исправленных горных и завоцких строениях и прочих куриозных вещах абрисы».

Бхарати на русских хлебах и прохладе раздобрела и побелела. Растила детей, хлопотала по хозяйству, ставила квасы и наливки, запасала на зиму меды и варенья. По-русски уже говорила изрядно. Когда через несколько лет они с Федором наведались к его родителям, старики приняли ее более благосклонно.

¹ Обербергамт (нем.) — главное управление горнорудной промышленности.

В 1730 году де Геннин был вызван сенатом для составления вместе с берг-коллегией ведомости о состоянии заводов, количестве металла и числе работных заводских людей. Вместе с ним выехал и Федор Матвеев.

Пришлось прожить в Петербурге с год.

Столица застраивалась дворцами вельмож — один другого краше. Вельможи были больше новые, из немцев. И при Петре немцев наезжало в Россию изрядно, но все это были люди, сведущие в военном деле или ремеслах. А теперь Петербург был наводнен шаркунами, проходимцами — им покровительствовал всесильный Бирон, фаворит новой царицы Анны.

В надежде встретить старых сослуживцев частенько заходил Федор в бывшую «царскую» австерию. Когда-то здесь за кружками пива, с глиняными трубками, набитыми табаком-кнастером, сиживали за некрашеными столами бывалые, умелые люди. Рассказывали о далеких морях, редких товарах, диковинных обычаях. Спорили, где лучше строят корабли, как правильнее подбирать медь и олово для пушечного литья, о скампавеях и галиотах, приливах и течениях. Сам Петр Алексеевич захватывал сюда, подолгу говорил с моряками...

Теперь здесь было полно хвастливых щеголей в пудреных париках и с кружевными манжетами, чванливых немцев и старательно подражавших им русских придворных. Забегали сюда нужнейшие по нынешним временам иноземные специалисты — учителя танцев и светского обхождения, с обязательной крошечной скрипичкой — поштеттой — в кармане модного кафана.

Вместо того чтобы степенно, вперемежку с беседой, прихлебывать пиво, пили без меры заморские вина, громко хвастались амурными победами. И еще — обсуждали новые моды: мужчины начали тогда налеплять на лицо черные тафтяные кружочки — мушки. Появился «язык мушек», и щеголи, восхищаясь, затверживали: что означает мушка на подбородке, что — на левой щеке, что — под глазом. С божбой и криками играли в карты; шахматы, издавна привившиеся на Руси, теперь были не в почете: «зело не достает в сей забаве газарду».

Однажды, зайдя в «царскую» австерию, Федор скучал над кружкой пива, потягивая трубку, и вдруг почувствовал на себе чей-то пристальный взгляд. Оглянулся и увидел за соседним столиком высокого загорелого моряка

средних лет. Моряк широко улыбнулся, взял свою кружку и решительно подошел к Федору.

— Точно, поручик Матвеев! Неужто жив, тезка?

— Федор Иваныч! Вот не чаял увидеть!

Это был Федор Иванович Соймонов, гидрограф и картограф, знаменитый (не в свое, а в наше время) исследователь Каспийского моря.

— Да тебя ж хивинцы зарубили! Не верю, чаю — призрак твой, фантом, пиво пьет и табак курит! Как, откуда? Изволь, немедля рассказывай.

— Долго рассказывать, Федор Иваныч... Здесь не по духу мне. Может, пойдем ко мне? Я поблизости, на Острову, квартиру.

Они вышли на улицу, светлую, несмотря на позднее время: стояли белые ночи. В ялике переправились через Неву.

Едучи в столицу надолго, Федор захватил с собой семью. Ему удалось снять хороший домик со всеми угодьями у самой реки.

Бхарати давно уж не видела мужа таким оживленным...

То и дело Федор прерывал свой рассказ, засыпал Соймонова вопросами, но тот не давался:

— Изволь, сударь, как я годами и чином старше, в подчинении быть. Сказывай, что дальше было. Да не опасаешься ли про ту индийскую девицу при супруге своей излагать и не потому ли в рассказе перебиваешься?

Бхарати засмеялась. Федор ласково глянул на нее:

— Видно, ты в российских климах изрядно лицом переменилась, — или гость наш на тебя не довольно пристально глядит?

Соймонов изумленно воззрился на Бхарати:

— Ужели она?..

— Она самая, — подтвердил Федор. — Во святом крещении Анна Васильевна, а по сути — Бхарати Джогиндаровна. Да я, признаться, старым именем ее чаще величаю — привычнее. Верно, Бхарати?

— Диву даюсь! — сказал Соймонов. — Истинно Улиссы препоны претерпел ты, возвращаясь на родину, однако ж с разностию, что Пенелопу свою с собою привез.

— Так-то так, — отозвался Федор, — да все ж таки, подобно Улиссу, горе дома застал.

— Какое? Из свойственников кто?

— Нет, свойственники живы. Но, представь, приехали мы днями перед кончиною государя Петра Алексеевича. А с его кончиною горе настало нам, кто хотел расцвета отечества, и великая радость им, несытым писам, откуда только они на погибель нашу набрались...

— Ох, не говори, Федор Арсеньевич! — вздохнул Соймонов. — Вот приехал я, издать затеял полнейший атлас карт Каспийского моря, и здесь, в столице, натерпелся от них. Ныне их сила, что поделаешь... Выпьем за упокой души Петра Алексеевича!

Выслушав длинный рассказ Федора, Соймонов задумался.

— Гисторию свою ты преизрядно изложил, — сказал он. — И, признаюсь, коли б не супруга твоя, оной гистории участница, — я бы тебе не во всем поверил.

Федор улыбнулся.

— Бхарати! — негромко окликнул он жену и сказал ей что-то на языке хинди.

Она вышла ненадолго в другую комнату и вернулась, неся небольшой сверток. Федор развернул его и взял за костяную рукоятку клинок с дымчатыми узорами.

Соймонов потянулся к ножу:

— Хорош! Истинный булат.

Но Федор отвел его руку:

— Гляди! Тебе первому в России показываю.

И он быстро нанес себе несколько ударов ножом в грудь...

Крик изумления замер у Соймонова на губах. Он вскочил, положил руку на стол ладонью кверху.

— Коли! — сказал он, не сводя глаз с клинка. — Коли сюда, только тогда поверю, что не сплю!

Шли годы.

Де Геннин закончил свои «Абрисы» и преподнес в дар императрице. Анна приняла сей труд благосклонно — и тотчас о нем забыла.

Не знал старый инженер, что труд его жизни будет впервые напечатан и увидит свет ни много ни мало, как через двести лет — в 1934 году, в Москве, — и уж, конечно, не техническую, а чисто историческую ценность представит собою...

Все больше затягивали Федора заводские дела. Густо пошла седина в его русых волосах. Росли дети. Вот уж старший, четырнадцатилетний Александр, названный в честь старого друга Кожина, готовился к отъезду в Петербург, в Шляхетский корпус.

А загадка все не разгадана...

В чужие руки передавать свои опыты не хотелось. Да и кому? Кто поверит? Вот Соймонов: умен мужик, а так и не поверил, счел тот нож за хитрый восточный фокус, даром что в руках сам держал.

Верно, про тайную силу, мечущую молнии, Федор до-знался. Прочтя книги, какие мог достать, узнал, что еще без малого сто лет назад, в 1650 году, бургомистр города Магдебурга Отто фон Герике насаживал на вращающуюся ось гладкий шар из серы и натирал его ладонями, отчего шар начинал светиться и потрескивать.

А в 1709 году англичанин Хаукоби заменил шар из серы стеклянным и тоже получил искры с треском. Про эту машину писал Ломоносов в своем «Слове о пользе стекла»:

Вертясь, стеклянный шар дает удары с блеском,
С громовым сходственным сверканием и треском.

Позже стали вместо натирания ладонями применять кожаные подушки, прижатые к шару пружинами.

Узнал Федор, что еще древние эллины получали искры, натирая суконкой янтарь, и от этого слова «янтарь» — по-гречески «электрон» — пошло мудреное название тайной силы — «электрическая».

Ясное дело: тайная сила в машине молний Лал Чандра была электрической, но разве сравнить ее с безвредными искрами Хаукоби? Дисковая машина Федора давала искры много сильнее, чем шар Хаукоби, но куда ей было до машин Лал Чандра? Как же получал индустрию страшную силу, которая убивала людей, а мертвцев заставляла содрогаться?

Видно, все дело было в искусстве копить электрическую силу в сосудах с жидкостью. Припоминая все, что видел в Индии, Федор без конца проделывал опыты, соединяя с машиной металлические сосуды, подбирая разные жидкости, но толку не было.

И вдруг Федор вычитал ошеломительное известие...

В конце 1745 года один из учеников лейденского ученого Питера Ван-Мушенброка¹ пытался наэлектризовать воду в стеклянной банке...

«Хочу сообщить вам новый и страшный опыт, который советую самим никак не повторять», — писал Ван-Мушенброк парижскому физику Реомюру и сообщал далее, что, когда он взял в левую руку стеклянную банку с наэлектризованной водой, а правой рукой коснулся медного прута, опущенного в воду и соединенного с железным, висящим на двух нитях из голубого шелка, «вдруг моя правая рука была поражена с такой силой, что все тело содрогнулось, как от удара молнии... одним словом, я думал, что мне пришел конец...»

А чуть позже, в 1746 году, аббат Нолле в Версале разрядил лейденскую банку через цепь из ста восьмидесяти гвардейцев, державшихся за руки. «Было курьезно видеть разнообразие жестов и слышать мгновенный крик, исторгаемый неожиданностью у большей части получающих удар...» — писал Нолле о том, что произошло, когда цепь была замкнута.

Затем Нолле в присутствии королевской фамилии удалось ударом электрической искры при разряде лейденской банки умертвить воробья...

Лейденская банка была первым статическим конденсатором. Федор пошел в своих поисках дальше: его машина давала более сильные разряды. Но опыты с металлическими сосудами ни к чему не приводили. А ведь у Лал Чандра были именно металлические сосуды, а не стеклянные. Что же за жидкости применял брахман?..

Как-то, будучи в Петербурге, отправился Федор в де-сиянс-Академию², к Михайле Васильевичу Ломоносову, недавно назначенному профессором химии. О молодом ученом, смело пробившем себе путь в науку сквозь немецкое засилье, был Федор наслышан немало.

— Науки об электричестве, сударь, пока нет, — сказал ему Ломоносов, — но, уповаю, будет. Что ж вам присоветовать? Электрическими опытами у нас ведает господин Рихман, хоть и иноземец, но человек не чваный. Однако и Рихман и я полагаем, что силы электрические,

¹ Мушенброк стал знаменит этим случайным открытием; прибор получил название «лейденской банки». Одновременно с Мушенброком это же открытие сделал Клейст в Померании.

² Академия наук.

получаемые трением, есть те же, что и громовые молнии. И сейчас преинтересные, скажу вам, возможности на пороге обретения находятся.

При помощи Ломоносова Федору удалось побывать в «покоях для электрических опытов» — первой в мире электролаборатории.

Рихман выслушал его с интересом, многое записал. Но вообще-то Ломоносова и Рихмана интересовало систематическое изучение электричества, особенно атмосферного. Ломоносов искал «подлинную электрической силы причину и как ту силу взвесить», — понимал, что без точных количественных показателей наука об электричестве существовать не может.

В 1752 году Федор прочел в «Санкт-Петербургских ведомостях» описание новых опытов Ломоносова и Рихмана с выводами: «Итак, совершенно доказано, что электрическая материя одинакова с громовою материею, и те раскаиваться будут, которые доказать хотят, что обе материи различны», и «не гром и молния причина электрической силы в воздухе, но сама электрическая сила грому и молнии причина».

А в следующем году Рихмана убило молнией при попытке измерить электрическую силу грозовых разрядов.

На Ломоносова посыпались упреки и угрозы.

«Хотели надумать, как божий гнев — грозу — от людей отвести, ан бог и наказал, чтоб неповадно было!» — кричали ненавистники.

До Урала известия о петербургских событиях доходили не скоро, но Федор внимательно следил за ними.

— И смех и грех, — говорил он жене. — Помнишь, как индийские брахманы вызывали молнии, чтобы людей дурачить? А здесь наши брахманы теперь ругаются, что люди хотят узнать природу молний. А дай им в руки ту силу, они себя покажут! Нет, я за благо почитаю, что не открылся никому...

— Бросил бы ты, Федя, свои инвенции, — сказала Бхарати, тревожно глядя на мужа темными удлиненными глазами. — Как господина Рихмана убило, так я совсем покоя лишилась...

— Нет, не брошу, — упрямо сказал Федор. — Если жизни моей не хватит, дети займутся, хоть бы и Александр. Не мы, так они или потомки их до лучшего времени доживут.

Совсем оплыли свечи. Федор берет щипцы, снимает нагар. Потрескивают от мороза бревенчатые стены. В соседнем покое Анна Васильевна тихонько напевает грустную песню — ту самую, что певала когда-то возле храма грозной богини Кали...

Федор закрывает глаза. Плынут воспоминания. Стариk, прикованный в башне... Так и унес, видно, в могилу свою великую тайну — как делать тело бесплотным... Масло, длинным жгутом рванувшееся сквозь воду бассейна... Бестелесный...

Не приснилось ли ему все это?..

Свечи льют желтый свет на седую голову. Поскрипывает гусиное перо.

«Лета 1762, януария двенадцатого дня заканчиваю я сие писание. Полагаю, что надежнее будет тебе по надобности, аще возникнет, в де-сиянс Академию, к господину Ломоносову Михайле Васильевичу обратиться, понеже он к науке российской весьма усерден.

Но завещаю волю свою: берегись, сын мой, чтобы сила сия електрическая не стала достоянием тех несътых псов, кои не о государственной, но лишь о собственной своей пользе помышляют...»

Часто третья

**СУКРУТИНА
В ДВЕ ЧЕТВЕРТИ**

Прости меня, Ньютона! Понятия, созданные тобой, и сейчас еще ведут наше физическое мышление, но сегодня мы уже знаем, что для более глубокого постижения мировых связей мы должны заменить твои понятия другими.

Альберт Эйнштейн

Глава первая

Наши герои высказывают противоречивые суждения о рукописи Матвеева, а Рекс, не имеющий собственного мнения, подыскивает своим хозяевам

Рассказали вам по порядку и по правде всю эту повесть. Оставим теперь это и расскажем о другом...

Из «Книги Марко Поло»

— Ну вот, — сказала Валя, — я разобралась в рукописи и перевела ее, если можно так выразиться, на современный русский язык. Я как раз специализируюсь по восемнадцатому веку, и мне было очень интересно... Так я начну? — Она посмотрела на Привалова.

Борис Иванович кивнул.

Они сидели на веранде маленького домика с неровными белеными стенами и плоской крышей. Зной угасающего летнего дня сочился сквозь узорную листву инжировых деревьев, подступивших к веранде.

Ольга Михайловна, жена Привалова, каждый год снимала эту дачу в приморском селении, неподалеку от города, и здесь проводила отпуск, предпочитая золотой песок здешнего пляжа модным курортам. Борис Иванович каждую субботу приезжал к жене на дачу.

Вот и сегодня приехал в переполненной электричке, да еще привез без предупреждения целый взвод гостей: Юру, Николая, Колтухова и незнакомую Ольге Михайловне черноволосую девушку, по имени Валя. Мало того: привезли с собой огромного пса со свирепой внешностью. Пес вел себя мирно, на хозяйствских кур не обратил никакого внимания; вывалил красный язык и улегся в тени под верандой. Но каждый раз, проходя мимо, Ольга Михайловна поглядывала на него с опаской.

Гости умылись у колодца, поливая друг другу и перешучиваясь. Потом, освеженные, расселились на веранде, и Ольга Михайловна поставила на стол тарелки с виноградом и инжиром.

— Оля, брось хлопотать, потом мы тебе поможем соорудить ужин, — сказал Привалов. — Сядь и послушай одну любопытную историю.

Юра Костюков, сидевший на перилах веранды, сказал нараспев:

— Не лепо ли ны бяшет, братие, начати старыми словесы трудных повестий...

Борис Иванович жестом остановил его.

— Еще я хотела вот что сказать, — продолжала Валя. — Рукопись очень пестрая, типичная для петровской эпохи. Этот Матвеев учился, наверное, до введения Петром гражданского алфавита, поэтому у него часто встречаются буквы, изъятые петровской реформой: иже, омега, пси, кси и другие. Я уж не говорю о множестве тяжелых церковнославянских слов и оборотов. Очевидно, до Матвеева не дошла ломоносовская «Грамматика» 1757 года. И потом: он писал гусиным пером, от этого почерк специфичный. Некоторые места рукописи смутны. Многих технических терминов я просто не поняла. В общем, окончательно, начисто прочесть рукопись — это, конечно, большая и долгая работа...

Инженеры выслушали девушку с уважительным интересом. Валю несколько смущало внимание к ее скромной особе. Особенно стеснял ее Колтухов, его немигающий острый взгляд из-под седых бровей.

Она раскрыла красную папку, осторожно достала рукопись Федора Матвеева, а вслед за ней стопку исписанных на машинке листков. И вздохнула. И начала читать.

Когда Валя закончила, уже стемнело. Легкий вечерний ветерок чуть тронул листья инжировых деревьев. Где-то залаяла собака, и Рекс под верандой отозвался глухим ворчанием.

Минуты две Привалов и его гости сидели молча. Они думали о необыкновенной жизни флота поручика Федора Матвеева, его живой голос так явственно донесся до них из двухвековой глубины... Их взволновала настойчивая попытка этого сильного, мужественного человека разгадать страшную тайну, и они прониклись уважением и сочувствием к нему, не нашедшему поддержки и, очевидно, не ожидавшему ее.

— Что ж, Валя, большое вам спасибо, — негромко сказал Привалов.

Он встал и щелкнул выключателем. Под навесом веранды вспыхнула лампочка без абажура.

— Изумительно интересно! — проговорила Ольга Михайловна. — Я прямо вижу его перед собой. Неужели все это было?

Колтухов хмыкнул, закурил папиросу и с силой выпустил струйку дыма.

— Вся эта писанина, — медленно сказал он, — чистейшая ерунда.

— А по-моему, не ерунда, — возразила Валя, враждебно глядя на пожилого инженера. — Это неподдельный документ восемнадцатого века. Бумага, чернила, лексика...

— Да в этом я не сомневаюсь, — прервал ее Колтухов. — Я допускаю, что ваш Матвеев был в Индии и познакомился там с этим нехорошим человеком Лал Чандром. А вот насчет Бестелесного — брешет. — Колтухов окутался дымом. Помолчав, он продолжал: — Все древние путешественники привиравли. Помните, Лесков о них писал?

— Да, есть у Лескова такой очерк — «Удалецкие скаски», — подтвердила Ольга Михайловна.

— Вот-вот. И Афанасий Никитин наряду с ценным фактическим материалом всякой небывальщины написал. И Марко Поло. Они не только то описывали, что сами видели, но и то, что им рассказывали, тоже за виденное выдавали.

— Может быть, ты и прав, Павел Степанович, — задумчиво сказал Привалов. — Но чудится мне, что за этой рукописью — не хитрая усмешка мистификатора, а человеческий вопль.

— А еще что тебе чудится? — язвительно спросил Колтухов.

Привалов не ответил. Он попросил Валю прочесть по оригиналу то место, когда Матвеев в первый раз бросился с ножом на Бестелесного.

Валя раздельно прочла:

— «А бил я его ножом противу сердца, и не токмо нож, но рука же прошла плоть его, яко воздух, ни мало того знато не было, а он скоро ушел чрез дощаную дверь, оной не открывши, а та дверь не мене двух дюймов, да железом знатно окована...»

— «Удалецкие скаски»! — проворчал Колтухов.

Он взял у Вали рукопись, полистал ее. Затем вынул авторучку и записную книжку и аккуратно переписал из рукописи с десяток строк.

— Мне все ясно! — заявил Юра, спрыгивая с перил. — Факиры загипнотизировали Матвеева. Всю эту историю с Бестелесным и праздником богини Кали ему внущили.

— Зачем? — спросила Валя.

— А черт их знает. Служители культа всегда охмурили трудящихся, как говорил Остап Бендер.

Колтухов засмеялся дребезжащим смешком и одобрительно посмотрел на Юру.

Привалов проснулся на рассвете. Ему было холодно: Колтухов, который спал рядом с ним, на одном матраце, ночью стянул с него одеяло.

Борис Иванович попытался было осторожно подтянуть одеяло на себя, но Колтухов сердито засопел, по-

вернулся на другой бок и подоткнул одеяло себе под спину.

— Эгоист! — пробормотал Привалов.

Он посмотрел в ту сторону веранды, где спали, тоже на одном матраце, Юра и Николай. Ему показалось, что на подушке лишь одна голова — белобрысая, растрепанная. Пошарив на стуле, Привалов нашел очки, надел их, снова посмотрел. Да, спал один Юра, Николая не было.

Привалов на цыпочках прошел по скрипучему полу и спустился во двор. Песок был холодный, длинные тени деревьев лежали на нем. Неяркое раннее солнце освещало угол двора. Там на каменном ограждении колодца сидел Николай, на коленях у него лежала раскрытая красная папка с рукописью.

— Что-то не спится, — сказал он, пожелав Привалову доброго утра. — Юра брыкается во сне, как лошадь.

— Знаю я, почему вам не спится. — Привалов зевнул и сел рядом с Николаем. — Ну, что скажете? Вчера вы помалкивали весь вечер...

— Я думаю о матвеевском ноже. — Николай взглянул на Привалова. — Почему бы нет, Борис Иванович? Почему бы им не набрести случайно на схему установки, которая придавала веществу свойство проницаемости!

— Проницаемость... Это, Коля, вы оставьте. На тогдашнем уровне знаний...

— Но случайно, Борис Иванович!.. Ведь Матвеев явно описывает такую установку — помните, в башне, у прикованного старика? Правда, видел он ее считанные минуты, а описывает очень туманно... Вот послушайте, я нашел это место. — И Николай медленно прочел: — «Тенета дротяные, аки бы Архимедова курвия, суптально из серебра прорезанная, двух четвертей со сукрутиной...» Валя переводит это так: «Паутина проволочная, как бы Архимедова кривая, тонко вырезанная из серебра спиралью в две четверти». Что за «сукрутину в две четверти»? Ведь в эту «сукрутину» старик совал матвеевский нож... Борис Иванович, вот как хотите, а «сукрутину» — это какой-то выходной индуктор высокой частоты!

Привалов улыбнулся, положил руку на колено Николая:

— Туман, Коля, туман... Меня в рукописи интересует другое место: струя масла, бегущая сквозь воду. Помните опыт в бассейне? В этом случае установка описана

довольно ясно: крупные электростатические генераторы, включенные параллельно с электролитными конденсаторами огромной емкости, или, как выражается Матвеев, «медными сосудами для копления тайной силы». Если у них в самом деле масло струей шло сквозь воду, то... ну что ж, иначе не скажешь: значит, они решили вопрос энергетического луча и усиления поверхностного натяжения. Вот только форма отражателей, погруженных в бассейн...

— Форма... — сказал Николай, думая о своем. — Форма индуктора, черт побери...

— Вот что, Коля, — решительно сказал Привалов. — Индусы шли вслепую. А мы вслепую не пойдем. Не восемнадцатый, слава богу, век на дворе. Нам нужна теоретическая база. Я вам говорил о своем разговоре с Багбанлы? Ну вот. Кончайте мудрить со спиралями и вообще кустарничать. Надо собрать одну установку. Понадобится ваша помощь.

Николай кивнул.

— А рукопись? — спросил он.

— Отправим ее в Академию наук.

Николай захлопнул папку и встал.

— Значит, с плеч долой? — угрюмо спросил он и пошел к веранде, длинный, худой, загорелый.

Привалов поглядел ему вслед, пожал плечами.

Между тем проснулся Колтухов — ближайшие окрестности были оповещены об этом событии долгим, надсадным кашлем. Вышли из комнаты Ольга Михайловна и Валя. Долго будили Юру, спавшего крепким младенческим сном.

После завтрака все отправились на пляж. Шли кривыми улочками, меж заборов, сложенных из камня. Чрез заборы свешивались ветви тутовых и инжировых деревьев.

С ними поравнялся пионерский отряд — загорелые мальчики и девочки в белых панамах шагали под резкие звуки горна, под сухой стук барабана.

Юра расчувствовался.

— Колька, — сказал он, — помнишь, как мы с тобой маршировали по этим самым улочкам?

— Ёту, — рассеянно отозвался Николай.

— Ребята, вы не из лагеря нефтяников, случайно? — крикнул Юра, подходя ближе к отряду.

— Нет, — ответил толстый серьезный мальчик. — Мы из лагеря Аптекоуправления.

— Ну, все равно. — Юру понесло. — Сегодня вы управляете аптеками, а завтра будете управлять звездолетами. Пусть бросит в меня камень тот, кто не желает первым высадиться на Марсе. Салют будущим космонавтам!

Пионеры удивленно смотрели на Юру. Подбежала вожатая — невысокая девушка в белой майке и финках.

— Товарищ, в чем дело? — спросила она, строго глядя на Юру снизу вверх.

— Товарищ Вера, он звал нас лететь на Марс, — пожаловался толстый мальчик.

Отряд остановился, барабан и горн умолкли. Пионеры окружили Юру и с любопытством слушали.

— Да, я их звал, товарищ Вера, — сказал Юра. — Конечно, не сию минуту. Но кто будет хорошо знать физику и математику, кто будет делать физзарядку, чтобы получить такие мускулы, как у меня, — тот полетит! — Юра подтянул сжатые кулаки к плечам и поиграл мышцами. — Потому что люди со слабой мускулатурой не смогут носить космический скафандр, — вдохновенно продолжал он, — а люди со слабыми знаниями не смогут управлять звездолетом. Развивайтесь гармонично, как древние греки, которые говорили про некультурного человека: «Он не умеет ни читать, ни плавать». Ведите их на пляж, товарищ Вера! Пусть они плавают и решают задачи, чертя пальцами на песке геометрические фигуры!

— Дядя, запишите меня лететь на Марс, — неожиданно попросила девочка с торчащими косичками.

Юра немного смутился: он не ожидал такого оборота дела.

— И меня запишите! — наперебой закричали пионеры. — И меня тоже!

Вожатая с трудом утихомирила отряд и велела двигаться дальше. На Юру она кинула уничтожающий взгляд и сказала:

— А еще взрослый человек!

Николай усмехнулся:

— Что, Юрка, получил?

Валя была рассержена.

— Ты просто невозможен! — сказала она негромко. — Ведешь себя, как мальчишка.

— А что такого? — оправдывался Юра. — Я сам старый пионер и люблю поговорить с молодежью.

— Устраивать скандалы — вот что ты любишь! С тобой неудобно выйти на улицу!

— Обойдись, пожалуйста, без нотаций. — Юра нахмурился и быстро зашагал вперед.

На пляже было по-воскресному многолюдно. Электропоезда сотнями и тысячами выплескивали из душных вагонов горожан. Под навесами и зонтами уже не было места, белый песок пляжа устилали коричневые тела.

На суше играли в волейбол, на море — в водное поло. Смех, звонкие удары по мячу, удалые мексиканские песенки, срывающиеся из-под игл патефонов, — все это смешивалось с визгом и радостными криками детей, которые плескались возле берега в обнимку с надувными крокодилами и акулами.

Модники и модницы демонстрировали последние модели противосолнечных очков — единственное, чем могли они щеголнуть в этом царстве голых.

Был здесь и замеченный еще в тридцатых годах Ильфом и Петровым дежурный член тайной лиги дураков — человек в полном городском костюме, в шляпе и ботинках, самоотверженно сидевший на раскаленном песке.

Людям было хорошо. Толстое голубое одеяло атмосферы заботливо укрывало их от черного холодного космоса с его вредными излучениями.

Привалов и его друзья расположились у самой воды — здесь песок был не так горяч и ленивые языки волн иногда докатывались до ног.

— Давайте пойдем на эту скалу, — предложила Валя.

Юра не ответил: он дулся. А Николай буркнул:

— Чего там делать, на скале?

Валя сделала гримаску:

— Какие-то вы оба сегодня... тошнотворные...

Она надела синюю резиновую шапочку и пошла к черной, как антрацит, скале, которая торчала из воды возле берега. Осторожно переступая босыми ногами, Валя спустилась на ту часть скалы, которая полого уходила под воду, легла и затянула игру с водой.

Это была хорошая скала. Волны плавно перекатывались через нее. Они подбирались снизу и приподнимали Валю над камнем. Валю забавляло это.

Юра и Николай кинулись в воду и поплыли наперегонки — их загорелые руки, согнутые в локтях, так и мелькали, так и мелькали. Рекс, не любивший купаться, гавкнул несколько раз им вслед, предлагая вернуться, а потом улегся и вывалил язык на добрых полметра.

Ольга Михайловна воткнула в песок зонтик, под ним аккуратно расстелила подстилку и углубилась в книгу.

Колтухов смастерили из газеты треуголку и, водрузив ее на голову, лег рядом с Приваловым.

— Хочу у тебя, Борис, забрать на пару дней кого-нибудь из инженерства, — сказал он.

— Зачем? Смолы варить?

— Хотя бы этого, Костюкова. Вроде бы толковый парень. Разрешишь?

— Бери... Только не в ущерб основной работе.

— Само собой.

— Ты что из рукописи вчера выписывал? — спросил Привалов немного погодя.

— Ищите — и дастся вам, — неопределенно ответил Колтухов.

И принялся убеждать Привалова в необходимости срочного составления сметно-финансового расчета стоимости исследовательских работ по Транскаспийскому трубопроводу. Под его журчащую речь Борис Иванович задремал.

Брызгаясь, выбежали из воды Николай и Юра.

— Борис Иванович, — сказал Юра, с ходу бросаясь на песок, — уймите этого психа! Он меня уверяет, что Матвеев не соврал про Бестелесного.

— Брось! — сердито сказал Николай.

— Но я его сразил на месте, — продолжал Юра. — Я спросил: если этот предшественник Кио в самом деле был проницаем, то почему он не провалился сквозь землю...

Привалов лежал на спине, блаженно зажмурив глаза.

— Ребята, у меня к вам просьба, — сказал он слабым голосом: — не морочьте мне голову.

Солнце щедро поливало пляж горячим золотом. В небе, поблекшем от зноя, недвижно стояли два-три облач-

ка. Донесся гудок электрички. Со станции разливалась по пляжу новая пестрая волна горожан. Они шли вереницей по кромке берега, потные и веселые, и Колтухов ворчал, когда иные из них перешагивали через его сухопарые ноги.

Вдруг один из прохожих остановился, приглядываясь к Колтухову. Рекс вскинул голову и тихонько зарычал.

— Павел Степанович? — сказал прохожий. — Вы или не вы?

Колтухов оглянулся. Над ним стоял Опрытин.

— А, сосед! — Колтухов вяло помахал рукой. — Тоже решили приобщиться к пляжной благодати?

— Невыносимая жара, Павел Степанович. В городе просто нечем дышать.

Николай велел Рексу замолчать. Опрытин, вежливо приподняв соломенную шляпу, поздоровался со всеми. Юра отвесил ему церемонный поклон, отставив ногу назад, и сказал:

— С вашего разрешения — Костюков.

— Очень рад. — Опрытин разделялся и лег рядом с Колтуховым. — Что хорошего, Павел Степанович? — спросил он.

— А ничего хорошего. Вчера вот одну индийскую сказочку читали...

И Колтухов со смешком принялся рассказывать о матвеевской рукописи, выставляя приключения флота пограничника в юмористическом свете.

«Старый болтун! — подумал Привалов. — Впрочем, что ж секрет из этого делать...»

Он снял очки и пошел купаться.

— Борис, далеко не заплывай, — напутствовала его беспокойная Ольга Михайловна.

— Разошелся наш Пал Степанов! — недовольно шепнул Николай Юре.

Юра не ответил. Приподнявшись на локтях, он смотрел на Валю, которая плескалась возле черной скалы.

Опрытин с улыбкой слушал Колтухова. Но, когда тот упомянул — как об анекдоте — о матвеевском ноже, улыбка сбежала с лица Опрытина, а взгляд его стал острым и внимательным.

— Простите, что перебиваю, Павел Степанович. Этот нож... В рукописи сказано, как его сделали проницаемым?

— А, чепуха, — сказал Колтухов. — Сказки для дошкольников. В одно могу поверить: в электростатику. Для восемнадцатого века вещь возможная. Кстати... — Старый хитрец, как ему казалось, ловко перешел на другую тему, ради которой и затеял весь разговор: — Кстати, слышал я, сосед, что у тебя в институте собран мощный электростатический генератор. Верно? Так вот: разреши попользоваться. Часто беспокоить не буду. А?

— Что ж, пожалуйста, — сказал Опрытин. — А для чего вам, собственно?

Но больше ему ничего выведать не удалось: Колтухов пустился в воспоминания своей бурной молодости.

Прибежала Валя. Она стянула с головы резиновую шапочку, распушила черные волосы, подсела к Ольге Михайловне и стала расхваливать скалу.

— Это она, вы говорили, перевела рукопись? — негромко спросил Опрытин у Колтухова.

— Ага. Знакомьтесь.

Опрытин представился Вале.

— Валентина, а дальше как? — спросил он, осторожно пожимая Валину узкую руку.

— Валентина Савельевна, — улыбнулась Валя. Ей понравился любезный тон Опрытина.

— Поздравляю вас с интересной находкой. Шутка ли сказать: оригинальная рукопись петровской эпохи! Вот знаете, Валентина Савельевна...

И Опрытин завязал с Валей оживленный разговор.

Юра искоса посмотрел на них, потом поднялся, кликнул Рекса и пошел на скалу. Николай, движимый чувством солидарности, последовал за ним. Они сели, свесив ноги в воду, переглянулись и затянули унылыми ямщицкими голосами:

Мятё... мяте... мятёлки вязали.

Мятёлки вязали, в Москву отправляли..

— Рекс, а ты чего? — строго сказал Юра.

Пес задрал морду, судорожно зевнул и начал тихо подывывать.

Валя посмотрела на певцов, пожала плечами.

Со скалы неслось заунывное:

В Москву... в Москву... в Москву отправляли,
В Москву отправляли, деньгу зашибали..

Глава вторая,
**в которой Николай и Юра находят эскизы трех ящиков
и клянутся на отвертке „Дюрандаль“ под окнами
Бенедиктовых**

*Дюрандаль мой, сиянье славы,
Меч заветный...*

«Песнь о Роланде»

В углу институтского двора, у стены, почти скрытой айлантами и акациями, стоял громоздкий стенд для вибрационных испытаний труб. Рядом была сколочена беседка. В летние дни, когда требовалось дежурство у стенда, лаборанты обычно устраивались в беседке, а зимой перекочевывали в маленькую кладовушку, дверь которой выходила во двор.

До зимы было еще далеко, и Привалов разрешил Николаю и Юре занять пустующую кладовушку. Молодые инженеры перевезли сюда домашнюю установку с «ртутным сердцем» и пьезоэлектрическими весами. Они обегали все отделы, выпрашивая где вольтметр, где табуретку, где мостик Уитстона. Николай повесил на стенку портрет Менделеева, а Юра притащил откуда-то табличку «Уходя, выключай ток» и привинтил ее к двери.

Затем Юра критически оглядел установку, поцокал языком и сказал:

— Здорово! Такой хаты-лаборатории и у Фарадея не было.

Но, несмотря на это явное преимущество, дела в «хате-лаборатории» шли значительно хуже, чем у Фарадея. Наши друзья создавали вокруг «ртутного сердца» различные комбинации электрических полей. «Сердце» добросовестно пульсировало, но не обнаруживало ни малейшей склонности к усилению поверхностного натяжения ртути.

Однажды вечером в кладовушку зашел Привалов. Он насмешливо щурил глаза за стеклами очков, разглядывая установку и выслушивая объяснения Николая.

— Так, — сказал он, дослушав до конца. — Через сколько лет вы рассчитываете добиться желаемого результата?

— Через сколько лет? — удивленно переспросил Николай.

— Именно. Чтобы перепробовать все мыслимые для данного случая комбинации частот, может не хватить целой жизни. Идти на ощупь — не годится это, друзья. Нужна математическая закономерность.

— Мы хотим сначала найти форму спирали-индуктора. Матвеев не случайно пишет про «сукрутину». Это какой-то индуктор оригинальной формы.

— «Матвеев пишет!» — сердито повторил Привалов. — Вы еще сошлитесь на старика Хоттабыча... Поймите, упрямый человек: если вы будете знать величину требуемой самоиндукции, то рассчитать форму индуктора можно будет без особых затруднений.

— Шеф прав, — заявил Юра, когда Привалов вышел. — Тычемся, как слепые котята.

— Варить смолу интереснее? — язвительно спросил Николай. Ему не нравилось, что Юра в последнее время слишком уж зачастил в колтуховский чуланчик.

— Во всяком случае, полезнее, — возразил Юра. — Конкретное дело: изоляция трубопровода. Скажешь — нет?

Николай ничего не сказал. Но на другой день, в обеденный перерыв, он привел в кладовушку Гусейна Амирова, молодого инженера из отдела автоматики.

Смуглолицый Гусейн, войдя, покрутил длинным носом.

— Почему фенолом пахнет? — спросил он скороговоркой.

— Это оттуда. — Николай кивнул на дощатую перегородку. — За стеной колтуховская смолокурня.

— Смолокурня! — Гусейн вздернул черные брови, отрывисто посмеялся. — Ну, показывай скорей, мне некогда, очередь занял в настольный теннис...

«Ртутное сердце» заинтересовало Гусейна. Он забыл о теннисе и весь перерыв просидел в кладовушке, пробуя генератор на разных частотах.

— Интересная штука, только режим не тот, — сказал он, уходя. — Я подумаю, Коля.

А через час он позвонил Николаю в лабораторию и закричал в трубку:

— Слушай, дорогой, ты неправильно делаешь! Надо пропускать высокую частоту прерывистыми импульсами. Понимаешь? Камертонный прерыватель надо устроить!

И вскоре в кладовушке появился камертон. Электромагнит заставлял непрерывно вибрировать его ножки, и контакты, помещенные на ножках, замыкали и размыкали электрическую цепь. Частоту колебаний регулировали подвижными грузиками, надетыми на ножки камертона¹.

Прерывистые импульсы — это была хорошая идея. И все же никак не удавалось нашупать комбинацию высокой частоты и частоты прерывания, при которой «ртутное сердце», сжатое усилившимся натяжением, перестало бы пульсировать. А может быть, и вовсе не существовало в природе такой частоты?..

Как бы там ни было, а в самый разгар опытов нашим друзьям пришлось расстаться с «хатой-лабораторией».

Вот как это произошло.

Николай и Юра в тот вечер, как обычно, возились с установкой. Перестраивая генератор, они исследовали очередной ряд частот. Дело не ладилось.

Юра с грохотом отодвинул табуретку.

— Как, друзья, вы ни садитесь, — сказал он, — а я Фарадея не годитесь.

— Не годимся, — со вздохом подтвердил Николай и погрозил «ртутному сердцу» кулаком.

Он достал из портфеля красную палку с матвеевской рукописью. Он выпросил ее у Привалова на сегодняшний вечер: завтра рукопись должны были отправить в Москву с препроводительным письмом академика Багбанлы.

— Опять будешь «сукрутину» изучать? — спросил Юра. — Скажи мне толком, старик, чего ты хочешь?

— Наизусть хочу выучить.

— Я серьезно спрашиваю, Колька.

— Ну, сам знаешь: усилить поверхностное натяжение жидкости так, чтобы...

— Да я не про это. — Юра сделал нетерпеливый жест. — Если верить Матвееву, то прикованный старик совал в «сукрутину» его нож, и нож после этого стал проницаемым или... проницающим, что ли... Впрочем, это одно и то же... Неужели ты всерьез думаешь...

¹ Камертонные прерыватели, или, как их еще называют, камертонные генераторы, применяют там, где требуется точная периодичность включений.

— Ничего я не думаю. А хочу одного: найти новую форму индуктора. — Николай начал осторожно перелистывать рукопись. — Ты домой?

Юра взглянул на часы:

— Рано еще.

— Чего ты с Валей не помиришься? Честное слово, как дети.

— Она не звонит. А я характер выдерживаю... Дай-ка мне еще раз последние листочки, где он про Ломоносова пишет.

— Пошли в беседку, — сказал Николай. — Здесь душно.

— Ток выключить?

— Не надо. Пусть на этой частоте полчасика поработает.

Они вышли во двор. Там на вибрационном стенде тряслась мелкой дрожью восьмидюймовая труба со сварным стыком, который проходил длительное испытание на усталостную прочность. В беседке, возле аварийного выключателя, сидел лаборант Валерик Горбачевский. Он читал «Виконта де Бражелона», время от времени поглядывая на стенд.

Благородный, но незаконный сын графа де ла Фер был издавна прикомандирован к вибрационному стенду и хранился в инструментальном ящике на случай длительных дежурств. «Виконт» был изрядно потрепан и замаслен.

Инженеры вошли в беседку.

— Что, служивый, дежуришь? — сказал Юра. — Подвинься-ка.

Они сели за стол рядом с Валерием и углубились в рукопись.

Во дворе было тихо. Мерно жужжал, вращаясь, эксцентричный груз, колебавший трубу на стенде, да слабо шелестели листвой айланты за беседкой.

Валерик отодвинул книгу.

— Юрий Тимофеевич, вы здесь долго будете? — осторожно осведомился он.

— А что?

— Если долго, то, может, отпустите меня?

— На танцы?

— Это мое дело. — Валерик насупился. — Я еще не старик, чтобы дома по вечерам сидеть!

— Пусть идет, — сказал Николай. — Только к девушкам на бульваре не надо приставать.

— Я не приставал, — отрезал Валерик. — Я за всех чуваков не отвечаю.

— Ах, чуваки! — Юра понимающе закивал. — Это некоторые капитана Кука сожрали? Племя, поклоняющееся граммофону?

— Идите, Горбачевский, идите, — сказал Николай.

Валерик решительно прошагал к двери. У порога он обернулся, взглянул на Юру.

— Даже смешно, — бросил он. — Как будто вы не любите танцы!

И вышел из беседки.

— Уел он тебя? — усмехнулся Николай.

— Не токмо уел, но паче того — убил до смерти, как сказал бы Федор Матвеев... Давай возьмем Валерку на яхту. Он давно к нам просится.

— А ну его к черту.

— Ты на него волком смотришь, а зря. Мальчик меняется на глазах. В девятый класс вечерней школы поступил. И вообще — хочет сблизиться с нами, а ты отталкиваешь...

— Я ему не нянька. — Николай включил настольную лампу.

Некоторое время они молча читали.

— Проклятая «сукрутина»!.. — проворчал Николай. Он полез в карман за сигаретами и тут заметил, что Юра рассматривает на свет один из листов рукописи. — Чего ты там нашел, Юрка?

— Да вот посмотри — какие-то эскизы.

Действительно, на чистом обороте последнего листа рукописи виднелись еле заметные рисунки. Графит на рисунках почти стерся, остались только слабые следы бороздок, выдавленных на плотной бумаге острием жесткого карандаша.

Николай наклонил лампу. Теперь свет падал параллельно бумаге, и, подобно тому как ночью в свете автомобильных фар четко вырисовываются неровности дороги, карандашные бороздки выступили яснее.

— Наш ящичек, Колька! Да не один...

Небрежной, но твердой рукой на бумаге были наброшаны один под другим три ящичка и обозначены их размеры. Два эскиза изображали ящички, похожие на тот,

в котором хранилась рукопись Матвеева, на третьем был ящичек иных пропорций — квадратный и плоский.

Под каждым рисунком шла надпись. Кроме того, на всех трех стояли четкие латинские буквы, очевидно подлежащие гравировке:

AMD G.

Ниже была нарисована корона, а еще ниже — буквы помельче:

JdM.

— Постой-ка, на нашей коробке, значит, должны быть эти буквы! — Юра бегом кинулся в лабораторию и вернулся с ящичком. — Ну да, так и есть. В гравировке ржавчина осталась, мы раньше не обратили внимания...

Охваченный исследовательским пылом, он достал из инструментального ящика иглу и принялся расчищать углубления, некогда оставленные на металле гравировальным резцом. Теперь буквы и корона обозначались совершенно отчетливо.

Эти буквы беспокоили Николая. Где-то он их видел раньше. Память у Николая была отличная, и его раздражало, что он никак не может вспомнить...

Взгляд его рассеянно скользнул по открытой книге, оставленной Валериком.

— Фу, черт, какое совпадение! — воскликнул Николай и прочел вслух: — «Оцепеневший Безмо, нагнувшись над его плечом, читал слово за словом: «AMDG»...

Юра, хохотнув, потянул к себе книгу.

— «Ad majorem Dei gloriam» — «к вящей славе господней», — прочел он поясняющую сноска. — Девиз иезуитов! А что такое JdM? В «Бражелоне» этого нет. Задаег нам, однако, загадки флота поручик!

— Подожди, — сказал Николай. — Нужна система.

И он быстро набросал на бумаге:

№№ ящиков по расположению эскизов на листе сверху вниз	Подпись под эскизом	Размеры ящиков в единицах, обозначенных на эскизе		
		Длина	Ширина	Высота
1	La preuve	9	1 3/4	1 3/4
2	La source	9 1/2	2	2
3	La clef de mystère	4	4	1/2

— Толково! — Юра со вкусом потер руками. — Теперь переведем надписи. Позвони Вальке, она хорошо французский знает.

— Придется. — Николай взял листок с табличкой и ушел в лабораторию, к телефону.

Вскоре он вернулся.

— Значит, так, — сказал он. — Первый ящичек, «ля прёв», — это «доказательство». «Ля сурс» означает «источник». «Клеф де мистэр» — «ключ тайны».

— Ишь ты, ключ тайны! — Юра взял штангенциркуль и измерил длину, ширину и высоту железной коробки. Получилось: $257,5 \times 54,2 \times 54,2$ миллиметра.

— Возьми счетную линейку, — сказал он. — Посмотрим, как относятся друг к другу эти размеры. Раздели 257,5 на 54,2.

— Относится, как $9\frac{1}{2} : 2 : 2$, — сказал Николай и взглянул на свою табличку. — Выходит, наш ящичек с рукописью — «источник».

— Ясно! — воскликнул Юра. — Теперь — в каких единицах даны размеры на эскизах? Если 54,2 разделить на 2 — будет 27,1 миллиметра. А английский дюйм — 25,4. Значит...

— Значит — размеры не в английских дюймах, — сказал Николай. — Потом разберемся. А пока систематизируем результаты.

И они составили новую таблицу:

Подпись под эскизом	Размеры ящиков						Примечание	
	В единицах эскизов			В миллиметрах				
	Длина	Ширина	Высота	Длина	Ширина	Высота		
«Доказательство»	9	$1\frac{3}{4}$	$1\frac{3}{4}$	243,9	47,4	47,4	Неизв. где	
«Источник»	$9\frac{1}{2}$	2	2	257,5	54,2	54,2	Наш ящик	
«Ключ тайны»	4	4	$1\frac{1}{2}$	108,4	108,4	13,55	Неизв. где	

— Итак, — сказал Юра, — кто-то заложил рукопись в наш ящичек и заказал еще два — для «доказательства» и «ключа тайны». Очевидно, не Матвеев: вряд ли он

увлекался иезуитскими лозунгами. Кто же? И что запрятано в другие ящики? И где они?

Тут-то и вошел в беседку Колтухов. Он остренько посмотрел из-под мохнатых бровей на молодых инженеров и сказал тихо и даже ласково:

— Вы что же, голубчики, на высокой частоте начали хулиганить?

Николай и Юра удивленно вскинули глаза на Колтухова. Появился в такой поздний час, да еще разговаривает ласковым голосом — не к добру это...

— Что случилось, Павел Степанович? — спросил Юра.

— А вот пойдемте со мной.

И главный инженер повел их в свой чуланчик.

А случилось вот что. Сегодня на одном из заводов для Колтухова приготовили, по его специальному рецепту, немного пластмассового сырья. Смола издавала резкий, противный запах, в автобусе на Колтухова подозрительно косились, но для него самого этот запах был приятнее, чем аромат ландыша.

Дела задержали Колтухова в городе, и только вечером добрался он до института. Он отпер свой чуланчик под лестницей, зажег свет. Затем достал из портфеля бумажный пакет и высыпал из него сухую смолу, напоминающую кукурузные хлопья, на стол, под раструб вентиляционной трубы.

«Пусть полежит здесь до утра, проветрится», — подумал он.

Шагнул было к двери — и вдруг остановился: запах смолы почему-то резко усилился.

«Однако! — Колтухов поморщился. — Аж глаза ест...»

Он подошел к столу, посмотрел. Хлопья сворачивались в трубочки, чернели... Драгоценная смола гибла прямо на глазах...

Колтухов нервно потрогал вентиляционную трубу — холодная. Сунул руку под раструб — в руке возникло нежное тепло, идущее из глубины.

Торопливо пройдя коридором, он вышел во двор и, обогнув угол здания, остановился возле кладовой, прымкавшей к чулану.

Дверь открыта, свет горит. На столе — включенный

ламповый генератор. От камертонного прерывателя идет нежный звон. Портрет Менделеева. А из стенки торчит отросток трубы — той самой вентиляционной трубы, что проходит и сквозь соседний чуланчик...

Все понятно. Вентиляционная труба случайно сыграла роль волновода. Какие-нибудь паразитные излучения высокой частоты — обычные спутники самодельных ламповых генераторов — прошли по трубе и, встретив на выходе кучку смолы, разогрели ее и непоправимо испортили.

Это свойство токов высокой частоты — вызывать проявление тепла в глубине диэлектриков — широко применяют на заводах пластмасс, для сушки древесины, для стерилизации консервов. Нового здесь ничего не было.

Однако эта мысль не принесла Колтухову ни малейшего облегчения. Он посмотрел на табличку «Уходя, выключай ток», сердито хмыкнул и направился к беседке...

Итак, он привел Николая и Юру в свой чуланчик и, не повышая голоса, подробно объяснил, что произошло.

— Павел Степанович, мы же не нарочно, — взмолился Юра. — Мы же не знали...

— А я и не говорю, что нарочно. Вы еще молодые, всего предусмотреть не могли...

— Правильно, — поддакнул Юра. — Мы исправимся, Павел Степанович.

— Вот и хорошо, — ласково сказал Колтухов. — Значит, распределим работу так: Потапкин демонтирует этот ваш «генератор чудес», Костюков сбегает за такси, а я скажу охраннику, что разрешаю вынести имущество. И чтоб через двадцать четыре минуты духу вашего здесь не было.

Спорить с Колтуховым было бессмысленно.

«Изгнание из рая» огорчило наших друзей. Снова галерея в Бондарном переулке превратилась в лабораторию. Впрочем, опыты возобновились не сразу: несколько вечеров Николай и Юра увлеченно занимались расшифровкой загадочных надписей* на трех ящичках.

«AMDG» — эта надпись свидетельствовала о том, что к ящичкам имели прямое отношение иезуиты. Труднее было разобраться в значении букв «JdM».

Неожиданно помогла корона. В публичной библиоте-

ке друзья разыскали старинную книгу по геральдике и определили, что на ящичках была изображена графская корона. Не королевская и не герцогская, а именно графская. Тогда им стало понятно, что «J» и «M» — инициалы некоего графа, а маленькое «d» между ними означает дворянскую приставку «de».

Потом они взялись за литературу о иезуитах...

У Николая и Юры была общая тетрадь под названием «Всякая всячина». Здесь были радиосхемы, фотографические рецепты, обмерочные расчеты яхты, стихи, эскизы акваланга и пружинного ружья, различные сведения о поверхностном натяжении, почерпнутые из книг.

Теперь в тетради появились копии эскизов трех ящиков со следующим обширным комментарием:

«а) Единица измерения, равная 27,1 мм, оказалась старофранцузским дюймом, то есть одной двенадцатой частью парижского фута.

б) Парижский фут и прочие старые меры были отменены во Франции декретом 19 фримера VIII года Республики, то есть 10 декабря 1799 года, ввиду перехода на метрическую систему.

в) Надписи сделаны карандашом со стержнем из молотого графита, смешанного с глиной и подвергнутого закаливанию, то есть современного нам типа. Такие карандаши появились после 1790 года; до тех пор писали свинцовыми штифтами (поэтому немцы называют карандаш «Bleistift»¹) или стержнями из естественно красящих веществ (поэтому французы называют карандаш «сгайон» — от «сгайе» — мел, а мы называем словом, прошедшем от татарского «кара-даш» — черный камень).

В 1790 году чех Гартмут предложил вместо вытакивания карандашного стержня из куска графита делать смеси любой жесткости из молотого графита с глиной.

Тогда же французский ученый Конте предложил технологию заделки пишущего стержня (мины) в дерево. Гартмут основал знаменитую фабрику, известную до сих пор великолепными чертежными карандашами «Coh-i-Noor»².

¹ «Blei» (нем.) — свинец.

² «Кохинор» (правильнее — «ко-и-нур») — название одного из крупнейших в мире алмазов, найденного в Южной Африке. На языке кафров означает «гора света».

Выводы

1. Судя по карандашу, надписи сделаны после 1790 года, а судя по мерам — до введения метрической системы, то есть до 1799 года, но, возможно, и позже, так как метрические меры внедряли довольно долго.

2. Буквы «AMDG» указывают на принадлежность лица, спрятавшего рукопись Матвеева в ящик, к ордену иезуитов. Лицо это имело графский титул и инициалы *JdM*.

3. Ящик найден на территории бывшей Российской империи, откуда иезуиты были изгнаны по указанию Александра I в 1820 году. А в период с 1803 по 1817 год посланником сардинского короля в России был крупнейший иезуитский деятель граф Жозеф де Местр — *Joseph de Mestre*, которому могли принадлежать инициалы «*JdM*». Этот мистик и мракобес вряд ли признавал метрическую систему, введенную богоопротивным Конвентом, но вполне мог воспользоваться новомодным в то время карандашом из молотого графита.

4. Федор Матвеев до 1803 года дожить никак не мог. Между 1803 и 1817 годами могли проживать в деловом возрасте его внук или правнук.

Обобщение

Сведения по электротехнике и ее применению в условиях индийского культа, заключенные в рукописи Матвеева, датированной 2 января 1762 года, в период 1803 — 1817 годов попали к иезуиту де Местру и представляли для него интерес, вероятно связанный с интересами ордена. По неизвестной нам причине де Местр упрятал рукопись в железный ящик, помеченный начальными буквами девиза иезуитов и его инициалами. Этот ящик де Местр назвал «источником», очевидно — источником сведений.

Кроме того, де Местр заказал (или желал заказать) еще два ящика известных нам размеров. Один, почти такой же, как и найденный Б. И. Приваловым, предназначался для «доказательства» неизвестно чего, а последний, плоский, — для «ключа тайны». Возможно, третий ящичек содержал результаты экспериментов по расследованию тайн индийских брахманов, описанных Матвеевым».

Мусорщики долго разглядывали железный ящичек.

Потом они показали тетрадь Привалову.

— Недурно, недурно, — сказал Борис Иванович. — Вполне логично. Но что же дальше?

— Искать другие два ящичка, — ответил Николай. Привалов прищурился:

— Пошлете запрос генералу ордена иезуитов?

— Так далеко не надо. Мы просто пойдем на толкучку.

— На толкучку? — Борис Иванович вопросительно взглянул на Николая. — А! Ну да, конечно. В самом деле, единственная ниточка... Только поторопитесь, я слышал, что на днях толкучка закрывается навсегда.

В сильно поредевших «железных» рядах они разыскали знакомого торговца и, с трудом убедив его в своей лояльности, выяснили, что интересующая их «железяка», в числе других «железяк», была не вполне законным путем получена с приемного пункта металлолома.

Разговор с единственной штатной единицей приемного пункта, проведенный тонко и деликатно, имел следствием знакомство молодых инженеров с бригадой мусоруборочной машины № 92—39. Бригада почему-то приняла инженеров за работников уголовного розыска, Николай и Юра не стали разубеждать.

Мусорщики долго разглядывали железный ящичек, потом долго спорили друг с другом и, наконец, припомнили адрес дома, откуда было выброшено много хлама при переезде жильцов.

Пошли по адресу. Словоохотливая дворничиха сообщила нашим следопытам, что точно, в начале лета переехал отсюда один жилец, Бенедиктов, хламу выбросил чересчур много, а соседи всегда на него жаловались, что из-за него в доме все время электричество портится. Дворничиха и назвала новый адрес Бенедиктова.

Когда дверь открылась, у Николая, как потом рассказывал Юра, напряглись группы мышц, управляющие бегством. Впрочем, Рита, увидев перед собой молодых людей, была поражена не меньше.

Первым опомнился Юра.

— Извините, — сказал он неестественно громко. — Можно видеть товарища Бенедиктова?

— Его нет дома. А в чем дело?

Николай открыл было рот, чтобы ответить, но издал только хриплый звук. Юра поспешил на помощь другу:

— Мы объясним, в чем дело. Только в дверях как-то неудобно...

Рита провела нежданных гостей в комнату.

Юра и Николай быстро осмотрелись.

Комната как комната. Мебель новая, простая и красивая. На столике, рядом с телефоном, — раскрытый журнал. Юра мельком заглянул — журнал был раскрыт на статье: «Вопросы нейросекреторной деятельности ганглиозных клеток гипоталамических ядер у щуки и сазана в связи с сезонным проявлением гонадотропной функции гипофиза».

Сквозь полуоткрытую дверь в соседнюю комнату видны аквариум, многовитковые спирали, термостат, уголок книжного стеллажа...

— Простите, как ваше имя-отчество? — спросил Юра.

— Маргарита Павловна.

— Моя фамилия Костюков, а это мой друг, товарищ Потапкин. — Юра уже вполне освоился с обстановкой. — Вы, вероятно, занимаетесь прыжками в воду? — спросил он любезным тоном.

У Риты обозначилась сердитая складка между бровями.

— Для чего вам понадобился мой муж?

— Скажите, пожалуйста, Маргарита Павловна, были ли у вас в доме металлический бруск или, вернее, ящичек с выгравированными латинскими буквами?

— Латинские буквы? — медленно переспросила она.

— Да. Не очень крупные и скрытые ржавчиной.

Николай прокашлялся и сказал:

— Длина ящичка двести пятьдесят семь миллиметров, ширина...

— Я так не представляю себе, — прервала его Рита. — Покажите руками.

— Вот такой. — Юра провел пальцем по зеленой узорчатой скатерти. — Дело в том, что в ящичке оказалась старинная рукопись.

— Вот как! — Рита ладонью разгладила скатерть, хотя она и без того лежала ровно. — А какое я имею к этому отношение?

— Видите ли, мы случайно нашли ящичек на толкучке, у торговца железным ломом. Эта вещь попала на тол-

кучку из дома на Красноармейской, а там нам сказали, что вы при переезде выбросили много старого хлама. Ведь вы жили раньше на Красноармейской?

Рита не ответила. Она стояла у стола, и электрический свет мягко золотил ее волосы.

— Мы узнали, что должны быть еще два ящичка, — продолжал Юра. — Их содержимое нам неизвестно, но можно предположить, что с научной... или там с исторической точки зрения... — Он вдруг потерял терпение. — В общем, Маргарита Павловна, если тот ящик выброшен вами, то не сможете ли сказать нам, где остальные?

— Еще два? — задумчиво проговорила Рита.

— Да. Еще два.

Вдруг она прямо посмотрела Юре в глаза и твердо сказала:

— Вы ошиблись. Мы действительно переехали с Красноармейской, но никаких ящиков не выбрасывали.

— Очень жаль, — сказал Юра, помолчав. — Извините за беспокойство.

Они сбежали по лестнице и вышли на улицу. Юра схватил Николая за руку.

— Колька, мы не ошиблись! Ей знаком наш ящик, только она не знала, что в нем рукопись. Она думала, что он цельный, потому и выкинула. А теперь жалеет...

Газовые трубы вывески «Гастронома» лили на Юрино лицо зеленоватый свет.

— Если б она ничего не знала, она бы сразу сказала: мол, не морочьте мне голову. А она тянула, выспрашивала. Иезуитка! — воскликнул Юра почти восхищенно.

— Полегче, — проворчал Николай.

— Чего полегче? Она же замужем.

— Она замужем, — повторил Николай, как бы с недоумением вникая в смысл этих слов.

— Ты был дьявольски красноречив, — заметил Юра. — Ты оглушил ее цифрами.

Николай не ответил. Он думал о Маргарите Павловне. Почему все время чудится в ее лице что-то знакомое, очень знакомое?..

Юра потряс его за плечо:

— Очнись, несчастный! Слышишь? Тут что-то есть, говорю тебе. В квартире — лаборатория. Специальность

непонятная. Я не я буду, если не докопаюсь до разгадки! И ты не ты будешь. Верно?

Николай вяло кивнул.

— Давай дадим аннибалову клятву, — не унимался Юра. — За отсутвием меча поклянемся на моем «Дюрандале».

Он вытащил из кармана любимую отвертку, положил ее на широкую ладонь, коснулся рукоятки двумя пальцами другой руки и, вскинув голову и молитвенно закрыв глаза, произнес:

— О «Дюрандаль»! На тебе даю страшную клятву под окнами женщины, прыгающей с теплохода. Клянусь узнать тайну трех ящиков и все такое прочее. Отныне и присно и во веки веков!

Он сунул отвертку Николаю, и тот молча дотронулся до нее.

*Глава третья,
в которой Николаю приходится убеждать Юру в несосто-
тельности учения „раджа-Йога“, чтобы задать ему вопрос
о поверхности Мёбиуса*

*Воду проводят тремя способами: посред-
ством выложенных камчем каналов, или по
свинцовым трубам, или же по трубам из
обожженной глины.*

В и т р у в и й «Десять книг об архитектуре»

В зале 174-й школы было шумно: учебный год только что начался, и школьники не успели еще войти в норму после каникул.

Николай рассеянно огляделся. До него донеслись в шуме голосов некоторые высказывания. Девушка-старшеклассница в первом ряду, вся в мелких кудряшках, сказала соседке:

— Какой длинный! Наверное, здорово играет в баскетбол.

— Он разве профессор? — спросила соседка. — Говорили, профессор будет.

— Я его видел на гонках, он яхтсмен, — раздался авторитетный юношеский басок.

Заведующий учебной частью постучал карандашом о стол.

— Ребята, — сказал завуч, — сейчас инженер Потапкин сделает нам доклад о трубах и трубопроводах. Кстати, товарищ Потапкин учился в нашей школе. Прошу вас, Николай Сергеевич.

Николай чувствовал себя стесненно под обстрелом живых, ожидающих глаз. Девушка с кудряшками не очень тихо прошептала:

— Трубы? Скучища будет! — и сделала гримаску.

Николай строго посмотрел на нее. И начал неожиданно громким голосом:

— Среди планет солнечной системы наилучшие условия для жизни сосредоточены, по-видимому, на Земле: у нас много воды, а вода — это жизнь. Атмосферная оболочка Земли густо насыщена водяными парами. Лишь небольшая часть планеты не покрыта морями и океанами, зато она изборождена многочисленными реками. Наши первобытные предки, обитавшие в пещерах, не пользовались душами, не варили компотов, не мыли мяса и овощей. Они не занимались фотографией и не отдавали в стирку звериных шкур...

Аудитория дружно фыркнула, а завуч с беспокойством взглянул на докладчика.

«На Юркину манеру сбиваюсь, — подумал Николай. — Вот уж верно: с кем поведешься...»

— Вода была им нужна только для питья, — продолжал он, — а для этого человеку требуется не больше литра в сутки. Но без этого ничтожного количества жизнь быстро угасает. Вот почему люди селились только у источников пресной воды. Вся история материальной культуры человечества — это в то же время история роста потребления воды. Только с созданием водопроводной техники человек смог оторваться от рек и озер. Я мог бы немало рассказать о том, как люди научились находить воду под землей и строить колодцы, но, пожалуй, это займет много времени...

Скрипнула дверь. Кто-то тихонько вошел и направился в глубь зала. Николай взглянул — и выронил указку. По проходу шла Маргарита Павловна. На ней было светлое платье, открывавшее до плеч загорелые тонкие руки. Кто-то в третьем ряду подвинулся, она села, посмотрела на Николая. Брови ее взлетели вверх...

Николай поспешил отвел взгляд и приказал себе больше не смотреть в ту сторону.

— Так вот, — сказал он, поднимая указку. — Современный средний житель Земли расходует огромное количество воды. Теперь при проектировании городских водопроводов мы исходим из потребности в воде на хозяйствственно-бытовые нужды около пятисот литров в сутки на человека. Сюда не входит расход воды на промышленность, а он гораздо больше.

Первые водопроводы строились в виде открытых канав и деревянных желобов. Через глубокие ущелья и широкие долины шагали стройные опоры римских акведуков; они несли на себе каналы из мощной каменной кладки. Некоторые из них эксплуатируются до сих пор. Помните у Маяковского: «Как в наши дни вошел водопровод, сработанный еще рабами Рима»? Остатки такого акведука у развалин Карфагена осматривал Густав Флобер и описал их в романе «Саламбо».

Нужда в воде заставила людей изобрести трубы. Античный мир знал водопроводы из бамбуковых стволов, из глиняных обожженных труб, из расколотых, выдолбленных и снова сложенных сосновых стволов. К баням древнего Рима вода подводилась полуметровыми трубами, свернутыми из толстых свинцовых листов. Около двух тысяч лет назад римский архитектор Витрувий уже писал о модуле и калибре свинцовых труб.

Археологи говорят, что в костях древних римлян, найденных при раскопках, обнаружены отложения солей свинца.

Восемьсот лет назад в Новгороде был проложен пятидюймовый водопровод из сверленых древесных стволов. Когда наши археологи, совсем недавно, обнаружили его, по древним трубам еще струилась чистая родниковая вода. Гораздо позже, в 1613 году, город Лондон обогатился таким же деревянным уличным водопроводом. В 1652 году в Америке появился бостонский деревянный водопровод; в Нью-Йорке водопровод был построен только через полтораста лет.

В 1682 году во Франции, при Людовике Четырнадцатом, был впервые уложен водопровод из чугунных труб для снабжения знаменитых фонтанов в Марли. А недавно в Ленинграде был обнаружен хорошо сохранившийся Пулковский водопровод, построенный больше двухсот лет назад из сверленых сосновых стволов.

Любопытно, что мы теперь снова вернулись к дереву,

в новом качестве, и все шире используем фанерные трубы. Вскоре трубопроводы начали применять не только для воды...

Николай чувствовал на себе пристальный взгляд Маргариты Павловны. Как она сюда попала? Может быть, преподает в этой школе? Так и тянет посмотреть на нее. Нет. Ни за что. Взгляд его задержался на школьнице с кудряшками. «Буду смотреть на кудряшки», — решил Николай. Он налил немного воды из графина, сделал глоток и продолжал доклад:

— В восемнадцатом веке известный меценат и проектировщик Петр Шувалов, тот самый, к которому Ломоносов обратил свое «Слово о пользе стекла», собирался построить трубопровод от озера Эльтон до Дмитриевска на Волге для перекачки соляной рапы, чтобы выпаривать соль у берегов Волги и грузить ее на суда, избежав сухопутных перевозок.

В 1863 году Менделеев впервые в мире предложил пользоваться трубами для транспорта нефти; в 1878 году по его инициативе в Баку был построен четырехдюймовый трубопровод Балаханы — Черный город. Нефть стала поступать с промыслов на перерабатывающие заводы по трубам. До этого ее возили в бочках. Бочек расходовалось огромное количество; одна из бакинских улиц раньше так и называлась — Бондарная, там сплошь были мастерские бондарей...

Девушка за первым столом, смущенная тем, что докладчик смотрит на нее, зашептала с подругой. Ее кудряшки вздрагивали при каждом повороте головы. Почему-то они раздражали Николая. Слишком их много. «А ведь, в сущности, все эти завитки укладываются в несколько не очень сложных уравнений, — подумал он. — За кажущимся многообразием — элементарные кривые... Странно свернулся у нее этот локон. Что за кривая, не могу вспомнить... Всюду теперь мерещится проклятая «сукрутина»!..»

Завуч кашлянул. Николай опомнился. Действительно, слишком затянулась пауза...

— Сооружение трубопроводов всегда было сложной и трудоемкой работой, — сказал он. — Но труднее всего — прокладка трубопровода через водную преграду. Обычно она носит уникальный характер...

И он рассказал о том, как во время ленинградской

блокады в рекордно короткий срок был проложен через Ладожское озеро подводный трубопровод, который обеспечил горючим Ленинградский фронт.

Рассказал, как во время войны наши союзники построили секретный бензинопровод через Ламанш для снабжения горючим танкового десанта — это была так называемая операция «Удар Плутона». С ней они связывали открытие второго фронта во Франции — операцию «Оверлорд». Гибкие трехдюймовые трубы наматывались на огромные плавучие барабаны. При буксировке «нитка» разматывалась и ложилась на дно Ламанша.

И о других интересных случаях рассказал Николай. О том, как в 1942 году, когда фашисты прорвались на Северный Кавказ и перерезали сообщение с Баку, бакинские нефтяники сталкивали в море целые поезда цистерн с бензином. Они были легче воды и не тонули. Буксирные суда волокли их через море; на восточном берегу мощные краны вытаскивали цистерны из воды, ставили на рельсы, и горючее кружным путем шло на фронт.

И о том, как во время освободительной войны, в 1943 году, китайцы сплавляли горючее по реке Цзялин-цзян в козьих мехах — они легко проходили через водопады и скользили поверх подводных скал.

И о том, как в 1950 году бакинские инженеры проложили первый в мире морской трубопровод на автоматической контактно-стыковой сварке. И о плавучих мешках Аршавина. И о многом другом.

— Недавно, — продолжал Николай, — при участии нашего института была проложена первая нитка трубопровода на Нефтяные Рифы. Мы сваривали трубы автоматической контактно-стыковой сваркой, наматывали их на гигантское колесо, лежащее в воде, а потом, выбрав хорошую погоду, сразу протянули трубопровод до места. Если для вас устроят экскурсию, вы сами сможете увидеть, как разматывают с колеса вторую нитку...

Зал заинтересованно загудел. Выждав, пока стихнет шум, Николай стал рассказывать о нынешней работе института, о Трансказпийском трубопроводе. Он увлекся. Шагая взад-вперед вдоль доски, на которой висели карты и схемы разных трубопроводов, он заговорил о проникновении в тайны Вещества. И уже не было ничего вокруг — ни аудитории, ни девушки с кудряшками, ни

Маргариты Павловны. Было лишь одно великолепное видение: бурая струя нефти уходит в воду и, послушная незримому вытянутому электрическому полю, пересекает море. Она свободно проходит сквозь толщу воды. Ее трубопровод — это ее собственная оболочка. Оболочка многократно усиленного поверхностного натяжения...

Прозвенел звонок. Николай на полуслове оборвал свою взволнованную речь. Несколько секунд зал оторопело молчал. И вдруг — прорвалось. Голоса, восклицания, аплодисменты — все сразу. Какие-то юноши сорвались с мест и бросились к Николаю. Мелькнуло в толпе лицо Маргариты Павловны. Николай хотел было шагнуть к ней — какое там! Его окружили, засыпали вопросами...

Минут через пятнадцать, покончив с ответами на вопросы, он вышел из зала. Сразу увидел Маргариту Павловну. Она стояла у дверей — вероятно, ждала его. Он вежливо поздоровался. Она улыбнулась полными губами, сказала:

— Это было очень интересно.

Николай промолчал.

— Неужели то, что вы рассказали, возможно?

— В наш век все возможно, — сказал он.

Рита задумчиво посмотрела на него. Ему показалось, что она хочет о чем-то его спросить.

Но она не спросила.

Из-за двери с надписью «Кабинет биологии» высунулась голова в кудряшках.

— Маргарита Павловна, все в сборе.

— Иду. — Рита кивнула Николаю. И ушла.

Трудно сказать, что больше взбудоражило институт — Транскаспийский трубопровод или рукопись Матвеева, о которой Привалов сделал подробное сообщение. В отделах и лабораториях без конца спорили о Бестелесном и о струе масла, пронзившей толщу воды. Эта струя странным образом как бы связывала рукопись с проблемами трубопровода. В наиболее пылких головах рождались фантастические проекты. К Привалову повадились ходить проектёры из разных отделов института. С одними он спорил, других выслушивал, третьих, разозлившись, выгонял из кабинета.

— Навязались на мою голову! — ворчал он. — Транс-каспийский проектируем из обыкновенных труб, ясно вам?

Напористый Маркарян, человек, пренебрегавший бритьем, кипятился:

— А почему Багбанлы к вам приезжает? Думаете, не знаю? Весь институт знает: вы с ним собираете сверхтаинственную установку! Зачем секрет из этого делаете, спрашиваю? У меня тоже, может быть, есть идея...

— Да поймите вы: проектируем из о-бык-но-венных труб! — плачущим голосом говорил Привалов.

И это было, конечно, чистой правдой. Но правдой было и то, что Багбанлы несколько раз приезжал по вечерам в институт и о чем-то совещался с Приваловым, и что в одной из комнат лаборатории сооружалось нечто удивительное. О «сверхтаинственной» установке могли бы кое-что рассказать инженеры Потапкин и Костюков да еще лаборант Валерка Горбачевский, но им было велено помалкивать.

Что до Колтухова, то он не одобрял «прожектёрской» горячки, охватившей институт. Самых шумливых спорщиков он вызывал к себе в кабинет, предлагал выскакаться, а потом окатывал ушатом холодных сомнений и язвительных замечаний.

— Не уподобляйтесь, — говорил он, — тому мольеровскому герою, который услыхал краем уха, что морские порты приносят большую выгоду, и — хлоп! — тут же предложил проект: «Во Франции все берега пустые король пусть превратит в порты морские — огромный со-берет тогда доход...»

У себя в чуланчике Колтухов продолжал возиться со смолами. Иногда, приготовив новый состав, он отправлялся в Институт физики моря — благо идти было недалеко, — прямиком в лабораторию Опрытина. Распластив смолу в формочке, он помещал ее между обкладками конденсатора, подключенного к сильной электростатической машине. Пока смола заряжалась, Колтухов мирно беседовал с Опрытиным, рассказывал ему всякие случаи из своей жизни.

— Ваша электретная смола — долго она сохраняет статический заряд? — спросил однажды Опрытин.

— Смотря как зарядить, — ответил Колтухов. — Твой директор рассказывал, что ты на каком-то острове

монтируешь установку с генератором Ван-де-Граафа. Вот если от такого генератора зарядить...

— Боюсь, это будет еще не скоро, Павел Степанович, — улыбнулся Опрытин. — Мы только начали монтаж.

— Жаль.

Колтухов очень хотелось получить смолу с сильными электретными свойствами, чтобы применить ее для изоляции подводных трубопроводов. Он полагал, что изоляция, имеющая статический заряд, не даст электрохимическим процессам коррозии разъедать трубы. Тонкий слой такой изоляции будет дешевле и надежнее современных многослойных покрытий.

— Я, конечно, и раньше знал о свойствах электретных смол, — сказал Колтухов, — да в голову не приходило. А тут, видишь, этот... как его... Матвеев надоумил.

— Матвеев?

— Помнишь, я тебе рассказывал про старинную рукопись? На пляже мы еще лежали...

— Помню. — Опрытин насторожился, взгляд его стал внимательным и острым. — А какая, собственно, связь?

— Матвеев пишет, видишь ли, что индусы носили в горы какую-то смолу, — неторопливо сказал Колтухов. — Оставляли ее на высоких вершинах, и там она, дескать, получала «небесную силу». Вот я и подумал: может, индусы, сами не зная, что это такое, использовали энергию космических лучей — ведь на большой высоте она особенно эффективна. А в смолах они толк знали. И, говоря по-современному, получали они мощно заряженные электреты.

— Мощно заряженные электреты, — негромко повторил Опрытин и побарабанил пальцами по столу. — Да, это интересно...

Нас часто поражает прозорливость великих ученых прошлого. На многие десятки лет вперед они умели предсказывать направление развития науки.

Более ста лет назад Майкл Фарадей выразил твердую уверенность в том, что в будущем появится специальная наука о взаимосвязях и управлении. Он даже дал этой «науке будущего» название — «кибернетика»¹.

¹ От греческого слова «кибернос» — рулевой, управляющий.

Он же предсказал, что в электричестве должна быть найдена прямая аналогия с магнетизмом. Магнитный брусков намагничивает железо — передает ему свои свойства, а сам их при этом не теряет. Фарадей считал, что когда-нибудь тело, заряженное электричеством, сможет передавать заряд другому телу, а само при этом не разрядится.

По своему обыкновению, Фарадей дал этому «будущему веществу» название — «электрет»¹.

В двадцатых годах нашего века японские ученые Сато и Эгучи заметили, что некоторые смолы, расплавленные и остывшие в сильном электростатическом поле, между обкладками конденсатора, заряжаются и делаются постоянными, совершенно новыми источниками электричества. Они, подобно магниту, передавали свои свойства, не теряя их. Это и были электреты. Если электрет разрезать, то на новых концах возникают новые полюсы.

В годы войны японцы широко применяли полевые телефоны без батарей, с электретами².

Юра все чаще засиживался в колтуховской «смолокурне». Ему нравилось готовить новые составы пластмасс по рецептам Павла Степановича и производить электрометрические измерения заряженных смол.

Колтухов был доволен своим помощником. Он рассказывал Юре об электретах и, как ему самому казалось, тонко и ловко внушал этому покладистому, немножко легкомысленному парню, что опыты с поверхностным натяжением — затея пустая и, может быть, даже вредная, что вообще надо всегда стоять «на практических рельсах», а не витать в «беспочвенных облаках».

Однажды он послал Юру к Опрытину заряжать очередную порцию смолы.

Опрытин принял Юру любезно, провел в лабораторию, к электростатической машине, сам помог включить ее.

Юра живо осмотрелся. В лаборатории работало не-

¹ По аналогии с английским произношением слова «магнит» — «магнет».

² Электреты большей частью делают из естественных смол, воска, канифоли. В последнее время в поисках мощных электретов ученые приготовляют их из серы, стекла, пластмасс. Электреты применяются и в ядерной технике, для счетчиков.

сколько человек в белых халатах. Один из них, грузный и лохматый, сидел спиной к Юре у стола, на котором стояли аквариум, обмотанный спиралью, и ламповый генератор.

«Хорош генератор, — подумал Юра. — Не то что наша кустарница!»

— Высокой частотой занимаетесь? — спросил он как бы между прочим.

— Одна из наших побочных тем, — ответил Опрытин и внимательно посмотрел на Юру. — А почему вас интересует высокая частота?

— Да нет, просто так...

Тут в лабораторию вошел рослый мужчина в синей спецовке, в котором Юра с удивлением узнал Вову Бугрова.

— Товарищ Бенедиков, — сказал Вова густым, хрипловатым голосом, — получите корм для ваших рыбок.

Лохматый человек, сидевший возле лампового генератора, обернулся, кивнул, принял из Вовиных рук два бумажных пакета. Юра так и впился взглядом в его широкое лицо с припухшими веками.

— Здорово! — Вова направился к Юре, протягивая руку. — Ты чего у нас делаешь?

— Привет, дядя Вова...

Бенедиков, поднявшись, высыпал из пакета в аквариум щепотку корму. Опрытин подошел к нему, они о чем-то заговорили.

— Ты разве здесь работаешь? — спросил Юра, все глядя на Бенедиктова.

— Лаборантом, — сказал Вова. — По науке пошел, понятно? Меня знаешь как уважают? Я тут кружок организовал, классической борьбы. Для научных работников, которые поздоровее. Хочешь, ходи на занятия.

— Слушай, дядя Вова, чем тут у вас Бенедиков занимается? — понизив голос, спросил Юра.

— Бенедиков? Научный работник он, по рыбной части. А еще я знаешь что делаю? — Вова расхвастался не на шутку. — Изобретаю, брат. Электросиломер делаю — во! — Он отогнул кверху большой палец.

Зарядив смолу, Юра кинулся к себе в институт. Он ворвался в лабораторию и заставил Николая оторваться от толстой подшивки трубных стандартов.

— Колька, новости есть!

Глотая в спешке слова, он рассказал о встрече с Бенедиковым, и о ламповом генераторе, и о Вове.

— Высокая частота — и рыбы? — Николай провел ладонью по крутому лбу. — Непонятно. Опрытин ведь уровнем моря занимается...

— Вот бы спросить у этого Бенедиктова про ящики!

— Так он тебе и скажет!

— Не скажет, — согласился Юра. — Зело мрачный у него вид. Ну, я пошел. Пал Степанов ждет.

— Иди, иди, смолокур несчастный!..

— А ты? Знаешь, кто ты такой? Дикий кот.

— Почему? — удивился Николай.

— Есть такой тип ученых — дикие коты. Которые расчитывают на случайность.

— Ладно, ладно, иди, — сердито сказал Николай. — Нахватался у Колтухова словечек!..

К Юре действительно быстро прилипали разные словечки. После знакомства с рукописью Матвеева он стал кстати и некстати вворачивать в свою речь старославянские словечки — все эти «зело», «сиречь» и «дондеже». С его легкой руки они разлетелись по институту. Теперь институтская молодежь называла чертежи не иначе, как «грунт-рисы» и «зейгер-рисы», а масштаб — «мачтапом».

Кроме того, Юра увлекся индийской гимнастикой фиксированных поз — «хатха-йога». Он донимал двух молодых инженеров из Бомбея, проходивших в институте практику, просьбами продемонстрировать «четыре дыхания» и был очень удивлен тем, что индийцы оказались малосведущими по этой части.

Он раздобыл затрапанную книгу индийского йога Рамачарака, изданную в 1910 году в Санкт-Петербурге. Книга пошла по рукам вместе с копиями, снятыми Юрай с фотографий в журнале «Физкультура и спорт», где изображались позы «хатха-йога». Многие увлеклись этой необычной гимнастикой. Но пока один только Юра освоил позу сидящего Будды — «лотос» или, иначе, «падмасану», из которой он, опрокинувшись назад, упервшись в пол теменем и держась руками за ступни скрещенных ног, переходил в великолепную «матсиасану».

А в последнее время Юру будто подменили. Он стал удивительно тихим и молчаливым. Он избегал разгово-

ров и совершенно перестал улыбаться. Не подходил к телефону, когда его вызывала Валя, обеспокоенная затянувшейся размолвкой. Даже с Николаем он почти не разговаривал, а на вопросы отвечал междометиями или кивками.

Вернувшись после доклада в институт, Николай принялся изучать профили дна и сведения о грунтах порученного ему участка.

Звонок возвестил о перерыве. Лаборатория опустела. Но Николай не поднялся из-за стола. Он задумчиво рисовал какие-то завитки и кудряшки. Потом отрезал от края ватмана узкую полоску. Один конец ее прижал к столу, перекрутил второй на полоборота и склеил концы вместе.

Долго смотрел он на получившееся продолговатое звено с перекрученной стороной и думал.

Потом, взяв карандаш, Николай повел черту вдоль звена, пока черта не замкнулась. Она обошла обе стороны бумажной полоски, хотя карандаш не отрывался и ни разу не пересек ее ребро. Это бумажное звено было моделью математического парадокса, известного под названием «поверхность Мёбиуса». С математической точки зрения, такое звено не имело толщины, а его поверхность не делилась на наружную и внутреннюю. Это была поверхность — и только поверхность. Окно в область Неведомого, открытое математикой.

Если б Николай не перекрутил полоску, то получилось бы простое звено — вроде тех, которые клеят для елочных украшений. Оно имело бы внутреннюю и внешнюю поверхности, разъединенные толщиной бумаги.

Николай сделал второе звено с закруткой в ту же сторону, попробовал вложить его в первое. Это оказалось невозможным: ведь, вкладывая одно звено в другое, подобное, мы обращаем внутреннюю поверхность одного звена к внешней поверхности другого. Но если оба звена не имеют ни внешней, ни внутренней поверхности, то как их совместить?

Он взял ножницы и разрезал звено вдоль, но оно не распалось на два узких звена, как можно было ожидать, а просто стало вдвое длиннее, но зато потеряло «одно-поверхностные» свойства. Николай еще раз разрезал

кольцо вдоль — теперь оно разделилось, но оба получившихся звена оказались продетыми друг в друга.

Бросив звенья, Николай подпер голову руками.

А что, если сделать такую «сукрутину»? Взять медную трубку прямоугольного сечения, нагреть ее, перекрутить на полоборота... А дальше? Включить в выходной контур генератора?

Николай встал. Где Юрка? Куда он делся?

Раньше Юра перед звонком на перерыв обычно вытаскивал бутылку кефира и торжественно объявлял: «Время звенеть бокалами». А теперь — просто исчезает.

Николай отправился на поиски.

В коридоре трое молодых техников разбирали хаггардовскую «Дочь Монтесумы».

— «Драв суорд, ю дог», — монотонно читал один из них. — Значит, э-э... «тащите меч, вы собака...»

— Зачем так буквально? — остановился возле них Николай. — Надо по смыслу: «Защицайся, собака!» Вы Костюкова не видели?

— На этом этаже — нет, — ответили ему. — Мы были и в австрии и в кружале.

Значит, в столовую и буфет можно не заглядывать.

Николай поднялся этажом выше и вошел в бильярдовую.

Игра шла на трех столах. Сухо постукивали шары. Ожидающие своей очереди подсказывали игрокам и издавались над неудачными ударами.

Юры здесь не было, но Николай ушел не сразу. Сам он играл неважко, но любил смотреть на эту тригонометрическую игру, требующую верного глаза и твердой руки.

Недаром более ста лет назад Гаспар де Кориолис продолжу наблюдал за игрой знаменитого Менго, автора книги «Благородная игра на бильярде», Менго, впервые снабдившего кий кожаной наклейкой, что позволило применять «крученые» шары. Понаблюдав, Кориолис написал «Математическую теорию бильярдной игры» — книгу, из-за которой до сих пор иные незадачливые студенты проклинают теорию удара упругих тел, поворотные ускорения, Кориолисовы силы инерции и самого Кориолиса с его бильярдом.

До конца перерыва оставалось двадцать минут. Николай махнул рукой на поиски. Купив в буфете бутер-

брод, он вышел во двор. В тенистом уголке между вибрационным стендом и айлантами, что росли вдоль стены, он вдруг увидел Юрь.

Юра сидел на земле, скрестив босые ноги, но не по-турецки, а наоборот, уложив ступни на бедра, подошвами кверху. Ладони на коленях, глаза полузакрыты, голова опущена: это была «падмасана» — поза Будды.

Николай шагнул было к новоявленному йогу, но передумал и тихонько пошел назад. Ему повстречалась уборщица тетя Дуся.

— Что с дружком твоим случилось?

— А что?

— Вон глянь — сидит в том уголку не по-человечьему. Весь перерыв, целиальный час, сидит — не шелохнется. Уже который день. Может, головой повредился?

— Может быть, — кивнул Николай и поспешил в лабораторию.

«Позвонить Вале? Вряд ли она что-нибудь знает: Юрка все еще не помирился с ней. Позвоню его матери», — решил он.

Юрина мать была встревожена. Оказывается, уже несколько дней, как Юра почти ничего не ест. Уходит на работу ни свет ни заря, а возвращается ночью. Вчера вообще не ночевал дома. На вопросы не отвечает.

— Я сама хотела тебе позвонить, Коля. Что с ним творится?

Николай пообещал узнать, что творится, и положил трубку.

После работы он незаметно последовал за Юром. Проследил за ним до пригородного вокзала электрички, сел в соседний вагон и на каждой остановке поглядывал, не выйдет ли он.

Юра вышел на маленькой станции около заброшенного, малопосещаемого пляжа. Николай в два прыжка подскочил к стационарному ларьку и спрятался за ним. Кажется, Юрка не заметил. Он шагал по платформе не обрачиваясь. И походка у него какая-то другая стала — неторопливая, деревянная...

Сонный продавец подозрительно посмотрел на Николая и сказал грубым голосом:

— Чего надо?

Николай купил полкруга кривой и тонкой колбасы. Потом спрыгнул с платформы и, увязая в песке, пошел

к прибрежным скалам, за которыми скрылся Юра. С вершины песчаного гребня он осторожно огляделся. Никого. Только мрачноватые скалы, песок да зеленая вода. Мерные шорохи волн, бесконечно бегущих на берег...

Волоча за собой длинную тень, Николай пошел по гребню дюны. И вдруг замер: в расщелине между скалами, заросшей диким гранатом, что-то мелькнуло. Крадучись, Николай подошел ближе — и увидел Юру.

Он только что разделся и остался в одних трусах. Вот он сел на песок и тщательно, при помощи рук, скрестил ноги — босыми пятками кверху. Морда у него глубоко-мысленная. Зажимая пальцем то одну, то другую ноздрю, делает какое-то особое дыхание. Выучился факирским штучкам... Дальше что? Положил ладони на колени, закрыл глаза, застыл, как изваяние.

Ладно, подождем, решил Николай. Он сел на плоский слоистый камень, взглянул на часы.

Над взморьем прошелся ветер, стало прохладно. Не-бо быстро заволакивалось тучами.

Через полчаса Николай выглянул — Юра неподвижно сидел в той же позе.

Тени удлинялись прямо на глазах, а потом вовсе исчезли: тучи серыми кораблями подплыли к солнцу, низко висевшему над морем, и занавесили его.

Николай прыгнул с камня на мягкий песок и, раздвинув кусты, встал перед Юрой. Тот даже бровью не повел.

— Эй ты, Вишну-Кришну, — сказал Николай, — довольно с ума сходить.

Юра не пошевельнулся. Николай рассвирепел.

— Сейчас же прекрати! — заорал он. — Анахорет!

— Если можно, — тихо сказал Юра, открыв глаза, — не кричи так громко. Мне это неприятно.

— А когда тебя на комсомольское бюро вытащат, приятно будет? А ну, вставай. Живо! На, жри! — Он вытащил из свертка колбасу и сунул ее Юре под нос. — Жри, мерзавец! Я тебе покажу, как плоть умерщвлять!

Юра крутит головой, отворачивался. Произошла короткая схватка, и Николаю удалось запихать один конец колбасы в рот «анахорету».

Юра отчаянно замычал, дернулся, но Николай крепко держал его. Сопротивление было сломлено. Чтобы не задохнуться, Юре пришлось откусить колбасу. Он быстро прожевал кусок, а дальше пошло еще быстрее.

— Не наваливайся, — командовал Николай. — Ешь понемногу, а то подохнешь. Что, вкусно?

— Нет ли у тебя зубочистки? — спросил Юра, покончив с колбасой.

Николай уселся рядом с другом.

— Вчера всю ночь здесь просидел? И сегодня собирался? Ну-ка, объясни, какого дьявола ты ударился в мистику.

— Никакой мистики. Я проводил физиологический эксперимент. А он требует одиночества. Вот и все.

— Что за эксперимент?

Помедлив, Юра потянулся к своим брюкам и вытащил из кармана записную книжку.

— Понимаешь, — сказал он, — я прочитал о системе «раджа-йога». Вот послушай: «Йоги считали «хатхайогу» — «низшую йогу» — не гимнастикой, а подготовкой к высшему сосредоточению, системе «раджа-йога» — «высшая йога», которая основана на том, что при надлежащей тренировке ума можно достичь высоких уровней познания... Дальнейшие стадии йога ведут к интуитивному прозрению...»

— Откуда взял?

— Из Джавахарлала Неру. А вот из Ромена Роллана: «Является ли система йога высшим духовным состоянием, открывшим путь к дальнейшим знаниям, или же это только род самогипноза, я не знаю. Хорошо известно, что чрезмерное увлечение методом йога приводило...» Ну, и так далее...

— Ну-ка, ну-ка? — заинтересовался Николай. — К чему приводило? — Он выхватил у Юры записную книжку и дочитал цитату: — «...приводило к печальным последствиям для разума человека». Очень правильно! — Он выразительно посмотрел на Юру.

— Я подхожу как материалист, — защищался Юра. — Чисто экспериментально и сознательно. Надо отбросить от себя все постороннее и сосредоточиться. Дисциплина тела, минимум движений, минимум еды. Тогда разум обостряется, приходит новая интуиция...

— Чушь! — закричал Николай. — «Интуиция»! Тут и не пахнет материализмом. «Хатха-йога» — дело понятное, мы из нее берем физкультурную часть, отбрасывая оккультно-философскую основу. Но зачем ты полез в «раджа-йогу»?

Юра промолчал.

— Признавайся! — продолжал Николай. — Ты хотел таким диким путем разгадать тайну трех ящиков, да?

Быстро сгущались сумерки, и первые капли дождя упали на песок. Юра встал и, прыгая на одной ноге, на-таянул брюки.

— Знаешь, Колька, — сказал он. — Мне в голову пришло: а вдруг этот Бенедиктов — потомок Бекови-Черкасского? Фамилии у них одинаково начинаются...

Николай захохотал. Он хватался руками за кусты и вытирая глаза и никак не мог остановиться.

— Это... это все, что ты познал?.. — стонущим голосом произнес он наконец. — Своим обострившимся разумом? — Новый взрыв смеха сотряс его.

Юра обиженно моргал. Но потом не выдержал, тоже засмеялся.

Под припустившим дождем друзья побежали к редким огонькам станции. Мокрые, с тяжелыми комьями грязи на туфлях, они поднялись на платформу и укрылись под навесом в ожидании электрички.

— Юрка, — сказал Николай, отдохнувшись немноголи, — ты способен сейчас на серьезный разговор?

— Способен.

— Когда ты перестанешь метаться из стороны в сторону? С кем ты, в конце концов: с Колтуховым или с нами?

— Да у нас не получается что-то...

— Обожди, — прервал его Николай. — Скажи лучше: ты помнишь такую штуку — поверхность Мёбиуса?

Глава четвертая

**Бенедиктову и Опрытину приходит в голову новая идея,
для осуществления которой нужен матвеевский нож**

Вторая цепь сейчас в Лионе, третья — в Анжере, а четвертую, говорят, утащили черти, чтобы связать ею Сатану.

Ф. Рабле, «Гаргантюа и Пантагрюэль»

— Наконец-то! — воскликнул Опрытин, прочитав письмо, отпечатанное на официальном бланке.

Бенедиктов оторвался от микроскопа, взглянул на физика:

— Что случилось?

Тонкие губы Опрытина кривились в улыбке. Он прошёлся по лаборатории, привычным жестом погладил себя по жидким волосам.

— Ничего, — сказал он, покосившись на Бенедикто-ва. — Занимайтесь своим делом.

Чем же обрадовало Опрытина письмо с московским штемпелем?

Еще летом, когда Бенедиктов показал ему ящичек от исчезнувшего ножа, Опрытина взволновали латинские буквы, вырезанные на одной из стенок ящичка. AMDG... Сразу встало в памяти: древний подземный ход в Дербенте, труп диверсанта, небольшое распятие на груди и рядом — толстая пластинка на золотой цепочке и те же буквы, выгравированные на ней... Теперь Опрытин знал, что существует три ящичка. И третий — дербентский — хранил в себе некий «ключ тайны».

Опрытин завязал осторожную переписку — вначале с Дербентом, а потом и с Москвой, потому что диверсантское снаряжение, как выяснилось, было отправлено куда-то в столицу.

И вот — долгожданное письмо: диверсант оказался итальянским морским офицером-подводником из Десятой флотилии торпедных катеров, известной внезапными нападениями человекауправляемых мин на английские военно-морские базы в Гибралтаре, Александрии и на острове Мальте.

В сорок втором году часть флотилии — «Колонну Маккагатта» — перебросили в Крым. А когда гитлеровцы прорвались на Северный Кавказ, «Колонна Маккагатта» сконцентрировала в Мариуполе подводные лодки-малютки и самоходные торпеды, управляемые «подводными всадниками» в аквалангах, чтобы перебросить их к новому морскому плацдарму — на Каспий.

Темной осенней ночью лейтенант Витторио да Кастильоне, офицер Десятой флотилии, прыгнул с парашютом над каспийским побережьем возле Дербента. Вероятно, ему было приказано изучить подводные подходы к порту и наметить объекты для налетов человекауправляемых торпед. Итальянец забрел в старые каменоломни — и нашел там свою гибель. Должно быть, он так и лежал бы, придавленный обвалившимися камнями, если бы Опрытин случайно не наткнулся на него...

Впрочем, Опрытина не слишком заинтересовала история диверсанта. Почему именно у него оказался ящичек, связанный с загадочным ножом, — это тоже не вызвало у Опрытина особого интереса. Гораздо важнее было другое: ящичек не пропал, и Опрытину теперь известно, где он находится.

«Подведем итоги, — подумал он. — В одном ящичке была рукопись Матвеева. В другом — нож. Что же в третьем? Наверное, нечто очень важное, проливающее свет на древнюю тайну».

Что ж, скоро он овладеет этой тайной.

Николай Илларионович удовлетворенно потер руки.

Институт физики моря вел подготовку к подъему уровня Каспия. Это была грандиозная работа, но основывалась она на чрезвычайно простом расчете: проливной дождь может дать 1,5 миллиметра осадков в минуту. Если такой ливень в течение года будет непрерывно низвергаться на участок моря длиной и шириной по тридцать километров, то к концу года уровень моря поднимется на три метра.

Воду для ливневания должно было «одолжить» Черное море — там предполагалось создать мощный ядерный реактор-кипятильник. Новый отечественный способ получения ядерной энергии позволял создать такую установку.

При термоядерных реакциях материя превращается в дикий хаос, в котором свободные ядра и электроны носятся с бешеною скоростью, развивая в веществе температуру в сотни миллионов градусов. Но, использовав идею, высказанную еще в 1950 году Таммом и Сахаровым и несколько позже сформулированную академиком Курчатовым, можно изолировать плазму — электронно-ядерный газ, — придав ей локальную форму мощным магнитным полем. Новая отрасль науки — магнитогидродинамика — позволила приступить к решению этой проблемы.

Когда из глубины Черного моря взовьется гигантский фонтан водяного пара, целая система направленных антенн заставит нескончаемое облако серой змеей ползти над Кавказским хребтом. А каждый кубометр облака — целый грамм воды!

Дойдя до участка ливневания на Каспийском море, облако попадет в зону мощного электростатического поля, и сконцентрированные водяные пары, потеряв тепло и превратившись в воду, ливнем обрушатся в море.

Проблемой занимался большой коллектив ученых и инженеров. Надо было поставить массу экспериментов и разрешить тысячи мелких и крупных вопросов, самых разнородных: как отразится снижение солености моря на самочувствии каспийской сельди; насколько увеличится скорость течения в Босфоре; чем возместить потерю пастбищ — полумиллиона гектаров кормового тростника, которым порос обмелевший северный берег Каспия...

А чего стоили ведомственные разногласия! Нефтяники желали гибели древнему морю: обнажатся новые нефтеносные площади. Химики стояли за немедленный подъем: надо было спасать залив Кара-Богаз-Гол — крупнейшее в мире месторождение мирабилита. А испарение воды в этом мелководном заливе снижает уровень моря на три-четыре сантиметра в год.

— Только три сантиметра, — успокаивали химики.

— Целых четыре сантиметра! — ужасались гидрологи...

Восьмая лаборатория готовилась к экспериментам по конденсации облаков, и у Опрытина, руководителя лаборатории, было много хлопот. Чего стоило одно только создание опытной установки! Сейчас на отдаленном, безлюдном островке заканчивался ее монтаж, и Опрытина лично руководил работами. С островной экспериментальной базой он связывал и некоторые другие планы.

Опрытина в институте уважали за деловитость, но не очень любили за холодно-ироническую вежливость. Как-то раз в предпраздничной стенгазете дали серию дружеских шаржей на сотрудников института. Отношение к Опрытину было выражено двустишием:

Всегда подтянут, всегда опрятен —
Все, что мы знаем о вас, Опрытин.

Николай Илларионович прочел и хмыкнул: шарж ему понравился.

— Холодноватый стиль у вас, — сказал ему однажды директор института. — Вы бы как-нибудь потеплее...

Знаете, совместные обсуждения, беседы, что ли. Это объединяет коллектив...

Опрытин поднял бровь:

— Вы хотите сказать, что мой коллектив недостаточно целеустремлен?

Нет, этого директор сказать не мог. Восьмая лаборатория отличалась превосходным порядком и четкостью.

Появление двух новых сотрудников внесло некоторую дисгармонию в строгую обстановку опрытинской лаборатории. Лохматый, рассеянный Бенедиктов разливал по столам реактивы, бил много посуды и часто устраивал короткие замыкания. Он шумно ругался с Опрытиным, и последний терпеливо сносил это — вот что было особенно удивительно.

С появлением Бенедиктова рыбный вопрос вдруг занял важное место в институте. Во всяком случае, все лучшие места в коридорах: Бенедиктов расставил там свои аквариумы. Он без церемоний брал за пуговицу людей из других отделов и подолгу рассказывал им о тайнах рыбных организмов. Кроме того, он допекал замдиректора по хозяйственной части требованиями на разнообразный корм для рыб.

Кормление рыб входило в обязанности нового лаборанта, здоровенного щекастого мужчины с узенькими глазками и рыжеватым хохолком на макушке. Вова быстро освоился с научной обстановкой. Когда он, мурлыча песенку, возился у спектрографа, казалось, что хрупким кассетам и шлейфам угрожает неминуемая гибель.

— Ну и лаборантика добыл себе Опрытин! — говорили в коридорах. — Типичный гангстер.

Ко всеобщему удивлению, оказалось, что огромные лапы нового лаборанта умеют легко и даже нежно обращаться с точными приборами. Вова прекрасно паял, старательно проявлял спектрограммы и не очень грамотно, но подробно вел журналы установок, — этого не ожидал от него и сам Опрытин.

А когда Вова организовал кружок классической борьбы, к нему прониклась уважением вся институтская молодежь.

Дольше всех с опаской поглядывал на Вову замдиректора по хозяйственной части, так как лаборанту приходилось иметь дело со спиртом-ректификатом. Однако

тайные наблюдения и опрос институтских шоферов и мотористов, быстро сдружившихся с Вовой, показали, что новый лаборант не пьет.

— Удивляюсь, — пожимал плечами замдиректора. — Такая зверюга — и непьющий... Что слышно у вас на острове, Николай Илларионович?

— Заканчиваем монтаж. Завтра как раз собираюсь съездить. Не составите компанию?

— С удовольствием бы, да некогда. Уж очень далеко вы забрались, и сообщение неудобное. Задует норд — сиди потом на острове, как Робинзон...

«Начальство не склонно к поездкам на остров — что ж, тем лучше», — подумал Опрытин.

Быстроходная моторка выбежала из бухты и, задрав нос, потянула за собой пенные усы. Утро было тихое, солнечное, пронизанное октябрьской свежестью.

Вова, надвинув кепку на брови, сидел у мотора и думал о том, что вряд ли удастся на обратном пути заскочить на рыбный промысел. В прошлом месяце ему удалось завернуть туда по дороге, купить по дешевке черную икру и потом, в городе, прибыльно ее продать. Но сегодня Опрытин не собирается ночевать на острове, придется везти его обратно, так что об икре можно не думать.

Вдруг он навострил уши: сквозь мерный рокот мотора до него донесся обрывок интересного разговора.

— Нет, — сказал Опрытин, — не думаю, что они знают про нож.

— Почему же они приходили ко мне? — возразил Бенедиков. — Рита говорит, они интересовались тремя железными коробками. Откуда три? В одной нож, в другой, как вы говорите, они нашли эту рукопись, а что еще за третья?

— Это моя забота, Анатолий Петрович. Вы занимайтесь своим делом.

— Я-то занимаюсь делом, а вы...

— Перестаньте, — прервал его Опрытин. — Мы не одни.

Плавно покачиваясь, бежала моторка по сине-зеленому осеннему, прохладному морю. Ветер струился навстречу. Опрытин плотнее запахнул непромокаемый

Моторка вошла в маленькую бухточку.

плащ. Бенедиктов чиркал спичками; они гасли на ветру, он сердился и бросал их в воду.

Вот и остров. Моторка вошла в маленькую бухточку с пригубым берегом. Заглушив мотор, Вова ловко выпрыгнул на мокрый песок и обмотал фалинъ вокруг компрессорной трубы, которую он вбил в грунт еще в один из первых рейсов.

Этот неуютный необитаемый островок и был экспериментальной базой восьмой лаборатории.

Два месяца назад тупоносая самоходная баржа вылезла плоским брюхом на песчаный берег. Ее передняя стенка откинулась и превратилась в сходню. Морские ужи и черепахи, составлявшие население острова, оторопело смотрели, как из темного нутра самоходки с лязгом и грохотом выползали на берег трактор и гусеничный кран.

Со времен войны на острове остался старый дот. Теперь Спецстрой по заказу Института физики моря оборудовал это приземистое бетонное сооружение под опытную установку конденсации облаков.

Бенедиктов и Опрытин поднялись на невысокий глинистый обрыв и скрылись в бывшем доте. Вова остался внизу. Он походил взад и вперед по песку, разминая ноги, потом сел на камень и задумался.

А задуматься было о чем. Вот уже два месяца он «вкалывает», как никогда раньше, номерок на табель вешает, а толку? Где ножик, ради которого он согласился работать лаборантом? Где красивая афиша, на которой он, Вова, изображен в белой чалме, с ножом, торчащим из шеи?..

Перед дружками совестно. Приходят, смеются: работничек, в науку ударился. Кончай, говорят, лямку тянуть.

Надо кончать. Вот силомер только бы сделать. Занятная будет штука — с кварцевыми пластинами и с этими... тензометрами. Стань на подножку, напряги мышцы — и пожалуйста: прибор силу покажет. Никаких тебе лампочек и звонков — не то что старые уличные силомеры. Наука!..

Ребята из кружка классической борьбы помогают ему с силомером. Хорошие ребята, ничего не скажешь,уважительные. «Владимир Антоныч, Владимир Антоныч»... «Правильно я захват делаю, Владимир Антоныч?» А он

им в ответ: «Думать надо! Куда вы ему руку загибаете? Надо в другую сторону! Мы, научные работники, творчески должны подходить...»

Эту фразу Вова слышал на собрании по перевыборам институтского месткома. Она ему очень понравилась...

Тут он рассердился на собственные мысли. Подумалось, нашел о чем жалеть! Нож — вот что ему нужно. Гастроли с ножиком по районным центрам...

Неподалеку на камень села чайка. Вова свистнул, замахал руками — чайка тяжело взлетела, часто хлопая изогнутыми крыльями.

Вова вскарабкался на обрыв и пошел к доту. Соскочив в траншею, он открыл наклонную стальную дверь и вошел в подземный коридор, заставленный стеллажами с аккумуляторами. Коридор вел в круглое помещение с куполом, где стоял двигатель внутреннего сгорания. Отсюда через узкий проем Вова прошел в каземат.

Здесь было тесно от лабораторного оборудования. Электрокамин светился докрасна раскаленным никромом. За столом в ярком свете аккумуляторной лампы сидели Опрытин и Бенедиктов.

Опрытин вскинул недовольный взгляд на вошедшего:

— В чем дело?

Вова стал посредине каземата — руки в карманах, ватник нараспашку, в глазах непочтительная дерзинка.

— Ножик обещали? Обещали, — сказал он. — Когда готов будет?

Опрытин забарабанил пальцами по столу.

— Вот что, милейший, — сдержанно сказал он, — если будете мне надоедать, вообще не получите ножа. Не видите, что ли, — оборудование еще не полностью установлено. Терпение надо иметь.

— Я имею, —зывающе ответил Вова. — Чересчур даже имею терпение. А только предупреждаю: давайте поскорее.

— Идите, идите, Бугров. Ознакомьтесь получше с силовым агрегатом — вам придется его обслуживать.

Вова сбил кепку на затылок и вышел. Бунт на острове был подавлен.

— Не понимаю, — сказал Бенедиктов, — чего вы нянчитесь с этой гориллой?

— Какая неблагодарность! — Опрытин покачал головой. — Ведь не кто иной, как эта горилла, добывает вам

ваше любимое снадобье. — И в знак того, что это шутка, он вытянутой рукой трижды похлопал Бенедиктова по плечу — так, как это сделал бы робот.

Бенедиктов промолчал, только отодвинул подальше свое парусиновое кресло.

— Он прав: надо поскорее, — продолжал Опрытин. — Мы не всегда будем здесь одни. Конденсацией облаков тоже придется заниматься, значит — будут приезжать сотрудники. Конечно, вниз я их пускать не стану, но все же...

— Послушайте, — прервал его Бенедиктов, — давайте говорить начистоту. Мы с нашими опытами зашли в тупик. Я ищу новые пути, работаю двадцать часов в сутки, а вы... То у вас собрание, то совещание, то вы обхаживаете какую-то девчонку...

— Девочку не трогайте, — холодно сказал Опрытин. — Я у нее выведал весьма полезные сведения.

— Оставим это. — Бенедиктов поднял тяжелые веки и посмотрел на физика. — Помните наш первый опыт? Вы изволили назвать его великой минутой. Как вы его оцениваете теперь?

— Я вам уже докладывал. Проявились силы отталкивания. Но проницаемость была. Пусть на мгновение, но была.

— Почему же нам ни разу не удалось повторить тот результат?

— Очевидно, общая концепция имеет дефект. Сработало нечто, не учченное нами.

— Значит, случайность. А раз так — придется вашу концепцию выбросить в помойную яму.

Опрытин пожал плечом.

— Ценю ваше умение сильно выражаться, — сказал он сухо. — Что вы предлагаете взамен?

— Вернемся к нашему исходному материалу — к ножу. Этим самым ножом, как утверждает Федор Матвеев, он убил какого-то Бестелесного. Как вы объясняете индийское чудо?

— Я не очень-то верю в Бестелесного. Но, поскольку нож — это факт, можно допустить, что вещество ножа относительно вещества Бестелесного было нормально, — медленно сказал Опрытин. — Относительно других тел оно было проницаемо-проницающим. И превращение, очевидно, производилось посредством очень несложного

оборудования. У меня, Анатолий Петрович, появилась новая мысль...

И он рассказал о недавнем разговоре с Колтуховым, об эпизоде из рукописи Матвеева и об электретах.

— Понимаете? Очень возможно, что индусы применили электреты как источник энергии. Есть у электретов одно странное свойство, о котором я много размышляю...

— Какое?

— Перемена полярности. Скажем, вы приготовили электрет, а через несколько часов он начинает терять свой заряд. Заряд снижается до нуля, а потом возникает снова, но плюс и минус меняются местами. И дальше электрет с поменявшимися полюсами существует неопределенно долго. Иногда это бывает, иногда нет... Какие изменения происходят в веществе электрета? Что за нулевой порог, через который проходит его заряд? Вот вопрос...

— Магнит намагничивает, не теряя своих свойств. Электрет заряжает, не теряя заряда, — сказал Бенедиков, прикрыв глаза и будто вслушиваясь в свои слова. — Прекрасно! Это подтверждает мою мысль... Слушайте! Нужно создать установку, в которой нож будет датчиком. Нож будет заряжать своими свойствами другие тела, перестраивать их структуру подобно своей. Точнее — «заражать» проницаемостью.

Несколько мгновений Опрытин молча смотрел на Бенедиктова.

— Заражать проницаемостью, — повторил он негромко. — Нож — датчик... Это идея!

— Слушайте дальше, — продолжал Бенедиков. — Если идти по линии «заражения», то надо учесть, что нож сделан, конечно, не из химически чистого железа, а из стали. Какие еще элементы могут входить в него?

— Ну, прежде всего, разумеется, углерод — постоянный спутник железа. Дальше — вредные, но неизбежные сера и фосфор. Нитраты. Известное количество кислорода. Может быть, хром, никель, марганец...

— Отлично! Надеюсь, вам известно, что все это, в иных пропорциях, встречается и в живых организмах? Так! Теперь рассмотрим их магнитную восприимчивость. Какова она? Это по вашей части.

Опрытин озадаченно смотрел на биофизика:

— Вы куда клоните?

— Извольте отвечать на вопрос.

— Ладно, — подчинился Опрытин. — Вещества бывают: ферромагнитные — с положительной магнитной восприимчивостью, парамагнитные — с ослабленной, и диамагнитные — с отрицательной. Большинство веществ — парамагнетики... Но все это не имеет никакого отношения к живому организму. Белковые соединения обладают особыми свойствами. То, что вы сказали о «зарождении», очень любопытно, но живой организм, дорогой мой, оставьте в покое. Он не поддастся.

— Не поддастся?

Бенедиков выпрямился в кресле.

— Да будет вам известно, — сказал он не без торжественности, — что белок — основа жизни — обладает ферромагнитными свойствами.

— Должно быть, вы переутомились, Анатолий Петрович...

— А вы отсталый человек! Вам, наверное, известно, что если на парамагнитное вещество одновременно наложить два взаимоперпендикулярных поля — сильное постоянное и слабое переменное, — то вещество начнет поглощать энергию переменного поля. Но вы не знаете, что недавно установлено: в белке, в нуклеопротеинах, есть частицы, которые в этих условиях проявляют ферромагнитные свойства...

Бенедиков вытащил из портфеля толстую тетрадь и начал ее перелистывать.

— Вот, я сделал выписки.

Опрытин взял тетрадь и погрузился в чтение. Закончив, он поднял глаза на Бенедиктова:

— А вы молодец!

Он заходил по каземату — прямой, сухощавый, будто приготовившийся к прыжку.

— Выходит, мы и с живой материей справимся? — спросил он.

— Именно с живой. Не зря я возился с рыбами...

Опрытин повернулся на каблуках.

— Подведем итоги, Анатолий Петрович. Мы приготовим электрет с перевернувшейся полярностью, он создаст постоянное поле. Усилим его мощным зарядом статического электричества — генератор Ван-де-Граафа у нас есть. Потом создадим второе поле — переменное, высокочастотное. Соберем установку так, чтобы поля перекрецивались. В одном из узлов перекрецивания поместим

источник «заражения» — матвеевский нож. В другом узле — излучатель. Ультракоротковолновый. Вроде такой клетки... Туда поместим ваших рыбок. Или собачек. Что угодно! Будем менять напряженность полей, искать угол между ними, будем искать, пока не добьемся... — Опрыгин был возбужден как никогда. — Мы заставим нож передать свои свойства другому предмету!

Споря и перебивая друг друга, ученые принялись набрасывать на бумаге варианты будущей установки. Вдруг Бенедиктов отбросил карандаш и встал, хрустнув суставами.

— Нож, — сказал он. — Нужен нож. Без него ничего не выйдет. Вы плохо ищете, Николай Илларионович.

— Я уже трижды обшарил дно в том месте. — Опрыгин помолчал. Потом спросил, понизив голос: — Есть у вашей супруги какие-либо основания препятствовать нашей работе?

— Препятствовать?.. Последнее время она усиленно уговаривала меня бросить опыты, вот и все. А к чему вы, собственно?..

— К тому, что нож не утонул. Сдается мне, Маргарита Павловна спрятала его.

— Не может быть! — Бенедиктов помрачнел. — Зачем ей прятать?

— А почему она отговаривала вас?

Бенедиктов не ответил. Он стоял перед электрокарнином, алые отсветы легли на его хмурое лицо.

— В общем, предоставьте эту заботу мне, — сказал Опрыгин. — Нож я добуду.

*Глава пятая,
в которой Валерику Горбачевскому, а заодно и читателю
позволяется посетить тайную лабораторию в
Бондарном переулке*

Прежде чем перейти к этим опытам, разрешите мне высказать надежду, что никто из вас не наделает беды, пытаясь их повторить для забавы.

М. Фарадей, «История свечи»

Они довольно часто ссорились и быстро мирились. Но эта размолвка была длительной, потому что система «раджа-йога» требовала уединения.

Теперь с «раджа-йоги» было покончено. Юра быстро набрал килограммы, потерянные в дни «совершенствования духа», купил новую, вызывающе яркую ковбойку и с ходу включился в институтский турнир по настольному теннису.

Он позвонил Вале, и ранним вечером они встретились, как обычно, на углу возле аптеки. Юра пришел с гитарой на плече, но Валя была так рада, что даже не сделала ему замечания.

От уличной жаровни шел соблазнительный запах жареных каштанов. Юра купил кулек и вручил его Вале. Она благодарно улыбнулась ему, и они пошли на Приморский бульвар.

Говорили о всякой всячине. Юра, не щадя себя, рассказал о печальном конце «раджа-йоги», и Валя смеялась, и жареные каштаны оказались замечательно вкусными.

Они сели на скамью у фонтана, подсвеченного сквозь воду цветными лампами. Юра взял несколько аккордов и тихонько запел на мотив известного романса из кинофильма «Бесприданница»:

Нежно вибрируют струны гитары,
Трепетно бьется ртутное сердце...

— Фу, какую чепуху ты поешь! — не выдержала Валя.

— Думал, тебе понравится. Ну ладно. — Он положил гитару на скамейку. — Как твои дела?

— Мои дела? Знаешь, Юрик, мне очень помогла рукопись Матвеева. Для раздела моей диссертации о Тредиаковском и реформе письменности...

— Твоя диссертация! Разве ты ее кончишь когда-нибудь?

— Несносная у тебя все-таки привычка — перебивать! — заметила Валя.

— Ну-ну, не будем ссориться, — сказал он примирительно. — Тем более что у меня побольше оснований обижаться.

— Вот как? — Валя вскинула на него недоуменный взгляд. — А конкретно?

Юра отнекивался, но она настаивала — ей необходимо было сейчас же выяснить отношения.

— Хорошо, — сказал он. — В конце концов, почему я должен молчать, когда ты любезничаешь с этим типом?

— С кем я любезничаю? — ледяным тоном спросила Валя.

— С Опрытиным. Может быть, ты скажешь, что не встречалась с ним?

— Да, встречалась. Ну и что же?

— Ничего. — Юра с хрустом разгрыз каштан и стал мерно жевать.

— Как это мило! — скороговоркой сказала Валя. — Ты не желаешь меня видеть, не подходишь к телефону и думаешь, что я обязана из-за твоих капризов сидеть взаперти...

— Я абсолютно не ревную, — официальным голосом сказал Юра.

— Не перебивай, пожалуйста!

С минуту они ожесточенно грызли каштаны.

— Главное — любезничаю! — сказала Валя сердито. — Я шла домой, он шел в ту же сторону. Поздоровался. Пошел рядом. Он очень приличный и знающий человек. И, между прочим, не ходит по улицам с балалайкой...

— С гитарой, — поправил Юра.

— С ним приятно беседовать...

— И в кафе сидеть, — вставил Юра.

— Да, мы ели мороженое. — Валя чуть порозовела. — А следить за мной — это просто отвратительно!

— Я и не думал следить. Ребята видели и рассказали. Мне это глубоко безразлично.

— Ах, тебе безразлично? Так знай, что он ко мне и в университет приходил, за рукописью. И еще раз потом пришел, принес рукопись. И вообще...

— Ты дала ему рукопись? — вскричал Юра.

— Он очень тепло отзывался о тебе...

— Зачем ты дала рукопись?!

— Не кричи, пожалуйста! Он хвалил тебя и Колю за то, что вы ловко расшифровали надписи на ящичках...

— Ты и это рассказала?

— А что такого? Секрет? Просто у вас какое-то предубеждение против этого человека.

— «Предубеждение!» — проворчал Юра. — А ты возьми Рекса: вполне объективный пес, а помнишь, как он зарычал на твоего друга? Он просто не может слышать запаха Опрытина.

— Во-первых, он никакой не мой друг! А во-вторых, при чем тут Рекс?

— Ты разве не знаешь? Собаки здорово разбираются в людях. На хорошего человека воспитанный пес никогда не зарычит, будь спокойна.

— Убийственный аргумент! — Валя засмеялась.

— Конечно, дело не в Рексе, — сказал Юра. — Понимаешь, Опрытин выюном выется вокруг того случая...

Тут он осекся и не пожелал дальше рассказывать. Но Валя была любопытна и настойчива.

— Ладно, — сказал Юра. — Только учти — не для распространения. Хоть секрета особого нет...

Валя нетерпеливо закивала.

— Помнишь, мы шли на яхте, а с теплохода свалилась женщина?

— В красном сарафане? — оживилась Валя. — Явная психопатка. Даже спасибо не сказала.

— Только смотри при Николае не поноси ее. Он... как бы выразиться... В общем, хорошо к ней относится — кажется, есть такой термин.

— Он с ума сошел! У нее какие-то странные глаза.

— Глаза — это полбеды, — заговорщическим тоном сообщил Юра. — Она замужем.

Валя встала. Она просто не могла больше сидеть.

— Валька, но дело не в этом. Ты послушай...

Юра взял ее под руку и повел по аллее. Он рассказал, как Опрытин зачем-то обшаривал морское дно и как они с Колей нанесли Маргарите Павловне неожиданный визит и убедились, что она имеет отношение к трем матвеевским ящичкам...

Вдруг Юра остановился, взглянул на часы.

— Валя-Валентина, извини меня и не обижайся, но я должен тебя покинуть. Мы затеяли одно интересное дело...

— Какое? Опять по шерлок-холмсовской части?

— Нет. По части науки и техники. Понимаешь, сегодня мы ставим один опыт, и ребята ждут меня...

Они расстались на троллейбусной остановке.

Через двадцать минут Юра быстрым шагом пересек Бондарный переулок и вошел во двор дома, где жил Николай. Из-под арки неслись пушечные удары: полная рослая женщина выбивала коврик. Увидев Юру, она заулыбалась.

— Давно вас не видно, Юрий Тимофеевич.

— Добрый вечер, Клавдия Семеновна.

Юра хотел пройти мимо, но женщина, как видно, была расположена к продолжению разговора. Прижав коврик к мощной груди, она сказала певуче:

— Раньше заходили к нам, а теперь гордые стали?

— Да некогда все, — буркнул Юра.

— У Коли сегодня день рождения, что ли? Так и идут к нему. Молодые все, — ласково сообщила женщина. — А мой-то Владимир тоже по научной части теперь работает. Изобретателем.

— Я очень рад. Передайте ему сердечный привет. — Юра наскоро улыбнулся, кивнул и поспешил прочь.

— Непременно передам! — пропела ему вслед женщина и подкрепила свое обещание новым пушечным ударом.

Прыгая через ступеньки, Юра взлетел на второй этаж и рывком распахнул дверь, из-за которой неслись голоса и смех.

Загадочная поверхность Мёбиуса увлекла Николая и Юру. Они перечитали все, что можно было найти, о ее математических свойствах. Тетрадь «Всякая всячина» распухла от формул и эскизов перекрученных колец. Среди прочих сведений в ней появилось краткое жизнеописание Августа-Фердинанда Мёбиуса, немецкого геометра, профессора Лейпцигского университета, который в 1858 году впервые установил существование односторонних поверхностей.

Не забыли и профессора Геттингенского университета Иоганна-Бенедикта Листинга, который, ничего не зная о поверхности Мёбиуса, через семь лет открыл таковую вторично.

Были упомянуты и другие математики, которые построили еще несколько односторонних поверхностей, гораздо сложнее, чем кольцо Мёбиуса. Чего стоила одна «поверхность Клейна» — нечто вроде бутылки, пронзающей изогнутым горлышком собственную стенку...

«Достоинство поверхности Мёбиуса не в том, что она первая, а в том, что она — простейшая из возможных в трехмерном мире и наиболее пригодная для нас», — резюмировали наши друзья.

— Здорово ты придумал, Колька! — восхищался Юра, хлопая друга по спине. — Использовать поверхность об одной стороне! Я уверен: колечко Мёбиуса созадст нам то самое поле.

Николаю было приятно это слышать. Широченная улыбка сама собой раздвигала его губы. Но он гнал ее с лица долой и отвечал:

— Уймись, смолокур. Еще ничего не известно.

— Нет, ты представь себе: никаких труб! Нефтяная струя преспокойно шпарит через море!

Николаю невольно передавалось его волнение.

— Я прикидывал, Юрка: на Транскаспийском отказ от труб даст экономию — двадцать пять тысяч металла...

— Поди ты со своей экономией! — Юру понесло. — Мы научимся управлять поверхностью! Здесь пахнет мировым открытием!

— Прекрати телячки восторги! — рассердился Николай. — Мировое открытие! Думать надо, о чем говоришь. — И уже спокойно добавил: — Мы, с нашими силенками, должны держаться узкой задачи: усилить поверхностное натяжение ртутной капли. Если удастся — перейдем на нефтепродукт.

— И только? — Юра помрачнел.

— Нет, еще одно: не вздумай звонить по институту. И шефу пока ничего не говори. Ясно?

— Конфиденция, — печально вздохнул Юра. — Вот так когда-то инквизиторы давили на Галилея.

Николай засмеялся:

— Ах ты, бедный Галилей Тимофеевич...

Застекленная галерея в Бондарном переулке снова превратилась в лабораторию. Каждый вечер там сверлили, паяли, собирали хитрые электронные схемы. Юре и Николаю помогали еще трое молодых инженеров из отдела автоматики. Часто гас свет, и начиналась возня у счетчика при спичках. Хорошо еще, что мать Николая была женщиной доброй и терпеливой.

Лаборант Валерик Горбачевский был любопытен. Он с интересом прислушивался к разговорам о матвеевской рукописи. Он охотно помогал в сверхурочное время Привалову и Багбанлы: бегал в стеклодувную мастерскую паять стеклянные трубы, помогал затаскивать в одну из комнат лаборатории статор от ржавевшей в институт-

ском дворе старой динамо-машины. Никто не объяснял Валерику, зачем все это нужно. А сам он не лез с распросами: гордость не позволяла.

Кроме того, он побаивался инженера Потапкина. Инженер Потапкин, наверное, думает, что он, Валерик, только и делает, что шляется по бульвару и пристает к девушкам. Ну и пусть думает!

Одно только обидно: на яхту к ним теперь не попадешь. Раньше Потапкин обещал взять его, Валерику, в команду, а теперь, после встречи на бульваре, можно и не заикаться об этом. Плакала яхта.

Ну и пусть!..

Гордый Валерик долго крепился — и не выдержал на конец. Он подошел к Юре, спросил, глядя в сторону:

— Вам по вечерам помогать не надо?

— По вечерам? — Юра внимательно посмотрел на него. — Откуда ты знаешь, что мы делаем по вечерам?

— Не глухой же я... Что вы там делаете, я не знаю. Просто спрашиваю: может, помочь нужно?

— Как твои занятия в школе?

— Я уплотняюсь.

— Ладно, приходи завтра к восьми. — Юра назвал адрес Николая. — Только учи: никому ни слова о том, что ты увидишь. И Борису Ивановичу. Их работа — одно, наша — другое.

Валерик кивнул.

— И еще учи: когда-то Фарадей тоже был лаборантом.

— Фарадей?

— Ага. Правда, не в «НИИТранснефти», в Королевском институте. Так что перед тобой великое будущее.

Валерик ухмыльнулся.

— А как Николай Сергеевич ко мне отнесется? — осторожно спросил он.

— Я буду перед ним ходатайствовать. — Юра доверительно прибавил: — Я тебе сочувствую, потому что в душе я сам стиляга. Но почему-то не люблю стиляг.

— Значит, я приду, — сказал повеселевший Валерик.

Юра распахнул дверь и вошел в галерею. Все уже были в сборе. Николай и еще трое молодых инженеров возились с приборами. Им деловито помогал Валерик,

нимало не подозревавший, что ему суждено стать героем этого дня.

— Где тебя носит? — сказал Николай, оглянувшись. — Мог бы сегодня пораньше прийти.

— Дяди Вовина супруга задержала и велела передать тебе горячий привет, — не задумываясь, ответил Юра.

— А гитару зачем притащил?

— Песни буду вам петь.

— Трепло! Давай-ка проверь соединения.

— Вот зачем гитара. — Юра заговорил серьезным тоном: — У нас камертонный генератор вибрирует под действием электромагнита, так? А электромагнит — лишнее магнитное поле. Паразитные частоты. Вот я и подумал...

— Понятно! — прервал его смуглолицый Гусейн Амирров. — По эталонному камертону можно настроить и гитару и камертонный генератор. Проще, чем электромагнитом. Правильно, дорогой!

— А продолжительность звучания? — спросил Николай.

— А много ли нужно? — ответил Юра. — Я трону гитарную струну, она зазвучит, и сразу завибрирует камертонный генератор. Секунды на две хватит. Для каждой отдельной позиции опыта вполне достаточно. Ну, начнем?

За шторой из голубого пластика, отделявшей часть галереи, на большом столе была собрана установка. Это было все то же «ртутное сердце» и все тот же ламповый генератор с камертонным прерывателем. Но теперь над установкой возвышалось огромное кольцо Мёбиуса — перекрученная петля из прямоугольной медной трубы. К катушкам, окружавшим кольцо, был подключен выходной контур лампового генератора, а внутри кольца помещались весы с «ртутным сердцем».

Одноповерхностное кольцо Мёбиуса! Инженеры полагали, что под действием рожденного им поля натяжение поверхности ртути резко усилится и сожмет каплю так, что она перестанет пульсировать. Тогда можно будет, добавив в нее ртути до восстановления пульсации, вычислить по увеличению веса капли, насколько увеличилось поверхностное натяжение.

А потом, когда будет найдена нужная комбинация частот перейти на опыты с нефтепродуктами...

Николай включил батарею — для этого пришлось

залезть под стол и потревожить Рекса, который мирно спал в углу.

Юра проверил соединения. Неоновая лампочка в рукоятке его отвертки то и дело вспыхивала розовым мерцающим огоньком.

— Все в порядке! — провозгласил Юра. — Начнем! — Он вынул из коробки эталонный камертон «ля первой октавы». — Частота прерывания — четыреста сорок герц...

Еще в XI веке итальянец Гвидо из Ареццо изобрел четырехстрочную систему записи нот. Пятая линейка добавилась на триста лет позже.

Этот же Гвидо назвал ноты первыми слогами строчек шуточного гимна певцов, просящих святого Иоанна убречь их от хрипоты. В гамме Гвидо было только шесть нот; седьмая нота — «си» — была введена только в конце XVI века Ансельмом из Флоренции¹.

В наше прозаическое время эталоны звуков — камертоны — помечают числом герц — колебаний — в секунду. А в будущем наивные «ре-ми-фа-соль» Гвидо из Ареццо будут, вероятно, полностью вытеснены цифрами. И любители оперы, восхищаясь певицей, будут воскликать: «С какой точностью она взяла частоту 1047 герц!»

Данн-дани, — тихонько и нежно вибрировал камертон в тишине галереи.

Юра торопливо подкручивал колки гитары. Потом настроили камертонный прерыватель, передвигая грузики на его ножках.

Теперь стоило тронуть гитарную струну, как контакты камертонного прерывателя начинали четыреста сорок раз в секунду разрывать цепь высокой частоты.

«Ртутное сердце» спокойно пульсировало в недрах загадочного поля кольца Мёбиуса. Наши экспериментаторы знали, конечно, что предстоят долгие и скучноватые поиски режима. Знали, что с первого раза опыт не даст ожидаемого эффекта. И все же... Все же в глубине души жила надежда: а вдруг «чудо» произойдет уже сегодня?

¹ Si — начальные буквы слов «Sanctus Joannes».

«Чуда» не было.

— Надо изменить условия, — сказал Николай. — Валерик, возьми камертон «си».

Дanni, dann...

Юра пощипывал гитарную струну.

Тишина.

И вдруг — резкий стук в дверь.

— Кто бы это? — сказал Николай. — Мать сегодня поздно придет.

Он отогнул занавеску, посмотрел — и сделал знак рукой.

— Конфиденция, — тихо сказал Юра.

Инженеры отошли от приборов и задернули штору. Теперь за шторой, возле установки, остался только Валерка со своим камертоном да Рекс.

— Больше жизни! — крикнул Юра. Ударив по струнам гитары и приплясывая, он запел в бешеном темпе:

Что ты ходишь, что ты бродишь, черноокая моя!

Порошок в кармане носишь, отправить хотишь меня...

Николай открыл дверь, и вошел Вова. На нем была синяя полосатая пижама.

— Привет компании, — вежливо сказал он и оглядел галерею, задержав взгляд на голубой шторе и на обрезках проволоки, разбросанных по полу. Затем он обошел молодых людей и с каждым поздоровался за руку. — Гуляете? — произнес он. — Доброе утро. А я, Коля, к тебе на минутку. — Он вытащил из кармана ржавую пружину. — Подсчитай, какая в ней сила.

— А ты говорил, что перешел на электрические силометры, — сказал Юра.

— Так оно и есть, — с достоинством ответил Вова. — А это, — он кивнул на пружину, — дружки зашли, просят помочь.

Николай быстро измерил диаметр пружины и проволоки, из которой она была свита, и несколько раз передвинул движок счетной линейки.

— Двадцать восемь килограммов.

— Спасибо. — Вова забрал пружину и двинулся к двери.

В этот момент за шторой раздался грохот. Инженеры переглянулись. Вова быстро обернулся и уставился на

штору. Оттуда, стуча когтями, вышел Рекс, потянулся и обнюхал Вовины ноги.

— Пшёл, пшёл, — сказал Вова, отступая к двери. — Я этого не люблю.

Он вышел. Николай запер за ним дверь. Юра на всякий случай отбил еще несколько плясовых тактов и, щелкая басовыми струнами, запел:

Порошок в кармане носишь, отравить хотишь меня,
Паровоз в кармане носишь, задавить хотишь меня!
Тара-дара, тара-дара...

Николай отдернул штору. Пьезо-весы с «ртутным сердцем» были сорваны с места. В лужице разлившегося раствора, среди блестящих капель ртути, лежал опрокинутый камертонный генератор. Рядом на столе сидел Валерка, белый, как молоко. Он держал у лица правую руку с отставленным мизинцем и смотрел на него остановившимися, широко раскрытыми глазами.

*Глава шестая,
главную роль в которой играет мизинец Валерика
Горбачевского*

Не тычь пальцем — обломишь!

Русская поговорка

В тот вечер Привалов и Колтухов засиделись в институте после работы.

— Я перерыл кучу литературы, — рассказывал Борис Иванович. — Многое в экспедиции Бековича непонятно. Некоторые военные специалисты считали, что у него не было надобности дробить отряд в Хиве на пять частей. Кое-кто даже считал его предателем. Насчет Кожина тоже смутно...

— Постой, — прервал его Колтухов. — Не об этом ли Кожине упоминает Соловьев в своей «Истории»? Как он озоровал в Астрахани и въехал во двор бухарского посла на тележке, запряженной свиньями.

— Он, верно. Но учи, что Кожин — худородный дво-

рянин, да еще с неуживчивым характером, а его сослуживцы по Каспию — князья; ясно, что они умаляли его заслуги и возводили поклепы. Кожин прежде всего крупный гидрограф. Он составил первую карту Финского залива. Да и на Каспии...

— Ладно. Не о Кожине речь. Ты нашел что-нибудь о Матвееве?

— Ничего. Никаких упоминаний. Но, поскольку его рукопись — документ подлинный...

— Верю, — сказал Колтухов. — Во все верю. И в электрические цирковые номера в храме Кали верю. Но насчет Бестелесного и прохождения масла через воду — врет твой поручик.

— Ты меня извини, Павел Степанович, но так же выразился бы Матвеев, если б ему рассказали про телевизор.

— Ничуть. Матвеев, вероятно, знал о предположении Ломоносова, что луч может отклоняться под действием электричества, и поверил бы. А вот когда я читаю в фантастическом романе, как телевизор будущего передает запах, — не верю. Запах — явление не волнового происхождения. Про это еще Лукреций писал.

— Вы с Лукрецием ошиблись, — улыбнулся Привалов. — Недавно установили, что запах по частоте колебаний занимает место между радиоволнами и инфракрасными лучами. Когда банку с медом закрывали крышкой, герметичной, но пропускающей инфракрасные лучи, пчелы через эту крышку чувствовали запах...

Колтухов хмыкнул.

— Растолкуй мне такую вещь, — очень внятно и медленно сказал он: — как этот Бестелесный питался? На чем сидел? Как ходил и почему не проваливался сквозь землю? Вот и все. Ты расскажи, а я тихонечко посижу и послушаю.

О таких деталях быта Бестелесного Привалов не задумывался. Машинально он запустил пальцы в шевелюру, чем немало позабавил собеседника.

— Затылок чесать изволите, Борис Иванович? Применяете старый способ интенсификации мышления?

И Колтухов, очень довольный собой, негромко пропел:

На Путиловском заводе запороли конуса,
Мастер бегает по цеху и ерошит волоса...

— Да меня Бестелесный не интересует, — сказал с досадой Борис Иванович. — Мне интересен только факт прохождения масла сквозь воду.

— Факт? — переспросил Колтухов.

— Да, полагаю, что факт. Вряд ли Матвееву нужно было выдумывать эту деталь: по сравнению с другими «чудесами» она малоэффектна. И вообще... Почему-то верю в его искренность.

— Не обижайся, Борис, но ты малость помешался на беструбном трубопроводе.

— Багбанлы, по-твоему, тоже помешался?

Колтухов промолчал.

— Кстати, он должен скоро приехать. — Привалов посмотрел на часы и встал. — Не хочешь ли взглянуть на нашу установку?

— А что, готова уже?

— Почти.

— Ну что ж... В конце концов, должен же я знать, что делается в институте...

Они спустились на первый этаж, прошли по длинному коридору. Привалов отпер дверь одной из комнат. Здесь возвышался статор от крупной динамо-машины. Внутри статора, почти касаясь полюсных башмаков и обмоток, помещалась спираль из стеклянной трубки, заполненная розовой жидкостью; концы спирали соединялись с баком и центробежным насосом.

— Высокочастотный самогонный аппарат, — усмехнулся Колтухов, потрогав холодное стекло.

— На этой установке мы проводим два эксперимента, — сказал Привалов. — Жидкость в трубке — вода. Подкислена, чтобы служила проводником, и подкрашена, чтобы было виднее. Теперь смотри. Первый эксперимент.

Он нажал кнопку магнитного пускателя. С легким воем заработал центробежный насос, прогоняя розовую жидкость через стеклянный змеевик.

— Обмотка статора к сети не подключена, — сказал Привалов. — Она соединена только с вольтметром. Обрати внимание!

Стрелка вольтметра дрогнула и поползла вправо.

— Понятно?

— Чего ж не понять? Жидкость-проводник, пересекая магнитные силовые линии статора, наводит в обмот-

ках электродвижущую силу. Ничего нового: на таком принципе есть счетчик жидкости, идущей через трубу из немагнитного материала.

— Ты прав. Ничего нового. Но в счетчиках напряжение получается ничтожное, а у нас...

— Ого! — воскликнул Колтухов, взглянув на вольтметр. — Как ты этого добился?

— Багбанлы, — коротко сказал Привалов. — Теперь поставим опыт в обратном порядке.

Он выключил насос. Движение жидкости прекратилось, стрелка вольтметра вернулась на «ноль».

— Теперь я просто даю ток в обмотку статора.

Он нажал другую кнопку. Розовая жидкость, не подгоняя насосом, сама побежала по спирали.

— Затрудним ей движение. — Привалов подкрутил маховичок вентиля. — Смотри на манометр. Я бы мог еще увеличить сопротивление и получить более высокое давление. Но меня ограничивает прочность стеклянных трубок. Ты понял, что получается?

Колтухов выглядел озадаченным. Глаза его остро, не мигая, смотрели из-под седых бровей.

— Постой, — сказал он. — Значит, жидкость, находясь в электромагнитном поле, сама начинает двигаться... Это модель движения жидкости в беструбном трубопроводе?

— Да. С той разницей, что трубы будут там заменены поверхностным натяжением жидкости, а обмотки и магниты — направленным полем.

— Совсем небольшая разница. — Хитрая усмешка снова появилась в глазах Колтухова. — Признаюсь, опыт любопытный. Очевидно, вся штука тут в схеме обмоток и в роде электроснабжения. Но там, в море, — Колтухов кивнул на окно, — струя нефти встретит сопротивление воды. Потребуется огромное давление, чтобы гнать струю на триста километров. Выдержит ли его твоя невидимая труба — пленка поверхностного натяжения? Ты представляешь себе, каким колоссальным должно быть натяжение, чтобы заменить стенки стальной трубы?

— Да, представляю. Управлять поверхностным натяжением мы пока еще не можем. Правда, есть кое-какие наметки. Молодежь, по-моему, тоже что-то делает по секрету от меня. Но главное не в этом. Струя нефти на трассе не будет раздвигать воду — она будет проницать

ее. Она не встретит сопротивления. Поэтому ее поверхностьное натяжение будет не таким уж огромным, а просто таким, чтобы держать жидкость в струе...

— Опять начинаются индийские сказки! — ворчливо сказал Колтухов. — Проницаемость! Бестелесность!.. Поручик Киже!

Тут в коридоре послышались быстрые шаги. Дверь распахнулась, вошел Багбанлы.

— А, главный инженер! — сказал он, здороваясь с Колтуховым. — Главный оппонент! Полюбоваться пришел?

— Они изъявили согласие ознакомиться, — заметил Привалов.

— Ну и как? — Багбанлы весело и испытующе посмотрел на «главного оппонента». — Понравилось?

— Да что ж вам сказать, Бахтияр-мюэллим... — Колтухов перешел на «воронежского мужичка». — Я в этих делах нешибко разбираюсь. Трубы или, там, изоляция для труб — тут я, конечно, смыслю немножко. А если труб нету... — Он развел руками. — Тут уж, Бахтияр-мюэллим, вам виднее.

Багбанлы засмеялся:

— Ты бы у Бориса одолжил немножко фантазии.

— А мне она ни к чему. — Колтухов закурил. — От нее одни неприятности.

— Еще с работы снимут, — поддакнул Привалов.

— С работы, может, и не снимут, а вот спокойного сна неохота лишаться.

— Насчет сна, — улыбнулся Привалов, — ты поговори с моей женой. Она тебе расскажет, с каким трудом будит меня по утрам.

— Ты вообще вундеркинд, — проворчал Колтухов, ставя дымовую завесу. — Тебе что проницаемость придумать, что соснуть часок — все едино...

— А ну-ка, садитесь, молодые люди, — сказал вдруг Багбанлы. — Поговорим о проницаемости.

Ему нужно было проверить некоторые свои соображения на этот счет. Он прошелся по комнате — невысокий, коренастый, с крупной седой головой. Вот так же он прохаживался когда-то, читая лекции в институтской аудитории.

Колтухов и Привалов переглянулись. Снова перед ними их грозный учитель...

— Какие мы знаем примеры взаимного проникновения?

— Диффузия, — сказал Привалов. — Диффузия твердых тел.

— Так. Ты, Павел, диффузию признаешь?

— Отчего же не признать, раз она есть?

— Правильно говоришь: она есть. Добавим, что способностью к диффузии обладают не только атомы и ионы, но и целые молекулы. Но для диффузии нужны особые условия. Если плотно прижать друг к другу хорошо пригнанные поверхности свинца и олова, то потребуются годы, пока появится ничтожное проникновение. Но, если сжатый пакет свинца и олова нагреть до ста градусов, через двенадцать часов на их границе появится слой смешанных молекул толщиной в целую четверть миллиметра. Когда-то Рике десять лет пропускал ток через плотно сжатый столбик золотых и серебряных пластинок и не обнаружил ни малейших следов переноса металла. А электрическая искра легко переносит металл через зазор. Что же оказывает сопротивление переходу через зону контакта? — Багбанлы остановился и посмотрел на инженеров. — Поверхность! Загадочный мир двухмерных явлений...

Он снова зашагал по комнате, поглаживая пальцем седые усики под крючковатым носом.

— Есть еще одно явление диффузионного порядка, — продолжал Бахтияр Халилович. — Это контактная сварка. Она дает взаимное проникновение, но требует высоких температур и давлений. Сварку ты тоже признаешь, Павел?

— Отчего же не признать...

— А сварка в вакууме? — сказал Привалов. — Она возможна при очень низком давлении и небольшом подогреве. Причем свариваются самые разнородные материалы, например — сталь со стеклом. Строго говоря, это даже не сварка, скорее — усиленная диффузия.

— Правильно, — кивнул Багбанлы. — А в чем суть? Возможно, в условиях вакуума, когда поверхность, граничащая с пустотой, свободна, она как бы раскрывается. Силы, оберегающие поверхность, расслабляются, открывая вещество. Но диффузии нам мало. Нам нужно, чтобы одно тело свободно проходило сквозь другое без повреждения. Так сказать, усилить диффузию до беспре-

иятственного взаимного проникновения... Как же заставить вещество распахнуть ворота? — Багбанлы нарисовал пальцем в воздухе вопросительный знак. — Когда-то была школьная формулировка: в данный объем может быть помещено только одно тело. Так, ли? Много ли вещества в твердых телах? Очень мало. Кубический сантиметр графита весит два с половиной грамма, а в нем содержатся миллиарды миллиардов атомов. На один атом приходится ничтожнейший объем, но как он заполнен? Ведь вещество сконцентрировано в ядре атома. Это общеизвестно. Даже в отрывном календаре вы можете прочесть, что, если заполнить один кубический сантиметр атомными ядрами, он будет весить добрый десяток миллионов тонн. Ядерное вещество в теле человека занимает меньше миллионной части спичечной головки. С точки зрения заполнения объема все на нашем свете — такое реденько-реденько, как... — Он поискал сравнение. — Как прически у нашего друга Колтухова.

Колтухов ухмыльнулся и невольно провел ладонью по лысой голове.

— Я читал, в созвездии Кассиопеи есть звезда, — вставил Привалов, — в ее центральной части вещество имеет плотность около миллиона килограммов на кубический сантиметр.

— А в окрестностях Солнца, — в тон ему сказал Багбанлы, — есть инфракрасная звезда — на ней плотность вещества всего шесть десятимиллиардных грамма на кубический сантиметр. Поезжай туда и строй свои бесструбные трубопроводы — там это проще, чем съесть арбуз.

— Слишком просто, — засмеялся Привалов.

— Итак, — продолжал Багбанлы, — с позиции механической модели вещество вполне проницаемо. Но на самом деле вещество нельзя рассматривать как механический набор маленьких, далеко расположенных друг от друга шариков. Проникновению мешают мощные внутренние силы, связывающие все элементы. Если бы не эти силы, моя рука свободно прошла бы сквозь металл. — Он упер ладонь в корпус статора. — Ведь возможность встречи физических частиц при этом ничтожна — меньше, чем у двух горстей гороха, брошенных навстречу друг другу.

Багбанлы вытер ладонь носовым платком и строго

посмотрел на бывших своих учеников, будто ожидая возражений.

— Теперь формулирую задачу, — сказал он, как говорил когда-то, читая лекции. — Повесьте уши на гвоздь внимания. Нужно, не меняя механической структуры вещества, так перестроить его связи — межатомные и межмолекулярные связи, — чтобы они при встрече с обычным веществом, на время взаимного проникания, были совершенно нейтральны. Перестроить внутренние связи! Вот тогда будет проникновение.

Некоторое время все трое молчали.

— Формулировка хоть куда, — сказал Колтухов. — Но как вы их перестройте?

— «Как» — этого я еще не знаю. Но поскольку мы имеем дело с энергией — ведь поверхностный слой всегда обладает избытком энергии, — то мы найдем способ воздействовать на нее. Возможно, задача сведется к управлению свойствами поверхности так, чтобы поверхности встречающихся тел как бы взаимно раскрывали ворота своих связей навстречу друг другу и последовательно замыкали их по прохождении. Будем рассматривать массу взаимопроникающих тел как совокупность последовательно возникающих поверхностей...

Старик замолчал. Задумчиво прохаживался он по комнате. Привалов схватил блокнот и торопливо записывал формулировки. Потом он снял очки и, протирая их, сказал, близоруко щурясь:

— Проницаемость... Это ведь не только беструбным трубопроводом пахнет... Придать эти свойства подводной части корабля — и он пойдет, не встречая сопротивления. Не нужны будут ледоколы. А какие скорости!.. Или — свободное проникновение в недра земли, в самую гущу полезных ископаемых...

Колтухов изумленно посмотрел на него. Глаза как у влюбленного мальчишки, даром что до седых волос дожил... Он открыл было рот, чтобы сделать язвительное замечание, но тут зазвонил телефон.

Привалов снял трубку.

— Слушаю... Да, я. Это вы, Коля? Что случилось?.. Говорите спокойнее... — С минуту он слушал. — Что?! — Он переменился в лице. — Сейчас приеду.

Привалов бросил трубку, взглянул на Багбанлы:

— Надо ехать. Скорее.

...Когда Валерика задернули голубой занавеской, он понял, что пришел незваный гость. Отложив контрольный камертон, Валерик от нечего делать начал рассматривать соединения, и не зря: оказалось, что грузик, регулирующий частоту камертонного прерывателя, неплотно закреплен, а пьезо-весы с «ртутным сердцем» слегка съехали с места.

«Вибрация», — подумал Валерик и осторожно подтолкнул мизинцем весы внутри кольца Мёбиуса. Другой рукой он передвинул грузик. В этот момент за голубой шторой брызнул гитарный перебор и Юрин голос громко запел «Сербияночку».

«Устарелый блюз», — привычно подумал Валерик, продолжая подталкивать мизинцем весы. Вдруг он ощутил в пальце легкую мгновенную дрожь.

Током ударило? Но ведь металла он не касался...

На всякий случай он сунул палец в рот. Странное дело! Палец не чувствовал рта, а рот — пальца... Он испуганно посмотрел на мизинец — палец выглядел, как всегда. Снова сунул его в рот — никаких ощущений! Он попробовал прикусить конец пальца зубами — зубы сомкнулись, как будто между ними ничего не было...

Он чуть не заорал во все горло. Но, вспомнив, что в галерее чужой человек, Валерик, как он сам рассказывал после, «железным усилием воли сдержал себя». Он только дернулся на месте, разлил «ртутное сердце» и опрокинул камертонный прерыватель.

Багбанлы, Привалов и Колтухов торопливо вошли в галерею.

— Где Горбачевский? — отрывисто спросил Привалов.

Лаборант выступил вперед. Он был бледен, с него градом катился пот. Николай взволнованно принялся объяснять, что произошло. ·

Багбанлы потрогал Валеркин мизинец. Первые две фаланги были проницаемы — пальцы академика свободно прошли сквозь них и сомкнулись.

— Чувствуете что-нибудь? — спросил Багбанлы.

— Нет, — прошептал лаборант.

Граница проницаемости легко прощупывалась.

— Зажгите спичку, — сказал Багбанлы. — Спокой-

нее, — добавил он, видя, как Николай нервно чиркает, ломая спички. — Так. — Он посмотрел на Валерика. — Теперь попробуйте осторожно ввести конец пальца в пламя.

Все затаили дыхание. У Валерика был вид лунатика. Он медленно ввел мизинец в пламя спички. Язычок пламени слегка колыхнулся, но форма его не изменилась.

— Чувствуете что-нибудь?

— Да, — хрюпло сказал Валерик, держа палец в пламени. — Тепло.

Спичка догорела.

Инженеры оторопело молчали. Завороженные, глядели на мизинец Валерика.

— Воткните палец в стол, — сказал Багбанлы.

Лаборант послушно исполнил приказание. Палец до половины вошел в дерево стола.

— Теперь меньше входит, — сказал он. — Сначала почти весь палец был такой...

Багбанлы переглянулся с Приваловым. Потом принял внимательно рассматривать установку.

— Кольцо Мёбиуса? — спросил он. — Любопытная идея... На каком режиме это произошло?

— Мы не думали о проницаемости, — звенящим голосом сказал Юра. — Мы хотели усилить поверхностное натяжение... Видите — «ртутное сердце»?.. До этого Горбачевский двадцать раз лазил руками внутрь «Мёбиуса» — и ничего... А когда он подвинул грузик, а я в это время заснул на гитаре, что-то срезонировало. Валерик с перепугу опрокинул все, и регулировка невозвратно пропала...

Колтухов оглядел молодых людей, притихших и испуганных.

— Цвет автоматики собрался, — проворчал он. — Тоже мне секретная лаборатория! Разве можно? Тот раз мне смолу испортили, теперь... Могли такого понаворить...

— Гитару не перестраивали? — спросил Привалов.

— Нет, — ответил Юра.

— Сыграйте в точности так, как играли.

— Надо записать звук, — сказал Багбанлы.

— А у нас есть магнитофон. — Юра живо притащил из комнаты громоздкий прибор.

Валерка медленно ввел мизинец в пламя спички.

— Это еще что за зверь? — удивился Багбанлы.

— Моя собственная конструкция. — Юра включил магнитофон и заиграл «Сербияночку».

— Задача! — сердито сказал Багбанлы. — Тут полно трезвучий и прочих, как они там в музыке называются, сектаккордов, что ли. Сложная частотная характеристика... Вы еще пели при этом?

— Пел, — удрученно признался Юра. — И топал ногами...

— Час от часу не легче! Но делать нечего: придется немедленно воспроизвести все в точности и записать на ленту. Если гитара расстроится, вряд ли удастся повторить. А потом придется ваше музыкальное выступление перевести на язык цифр — на частоты — и взяться за математический анализ. До установки не дотрагиваться, пока не запишем и не зачертим все подробности. Но прежде всего запись...

Тем временем палец Валерика постепенно «отходил». Валерик все время пробовал его об стол. В последний раз палец вошел самым кончиком, подушечкой, — и вдруг Валерик почувствовал, что «прихватило». Вскрикнув, он выдернул палец, оставив в дереве лоскуток кожи. Он быстро сунул в рот окровавленный кончик пальца, и лицо его расплылось в радостной улыбке.

— Прошло! — заорал Валерик.

Разошлись в первом часу ночи. В галерее остались только Николай и Юра. Некоторое время они молча ходили взад и вперед, сунув руки в карманы и дымя сигаретами.

У двери сидел забытый, некормленый Рекс и тихонько скулил.

Юра остановился наконец, сунул окурок в переполненную пепельницу и сказал:

— Дай собаке что-нибудь поесть. Да и мне, пожалуй.

Николай принес из кухни хлеб, колбасу и банку баклажанной икры.

— Что теперь скажешь? — спросил Юра с полным ртом.

— Не знаю... Голова трещит. — Николай отрезал большой ломоть хлеба, выложил его кружками колбасы, откусил и снова заходил по галерее. — Когда я потрогал

его палец, — сказал он, — то подумал: сон, бред, с ума схожу...

— Проницаемость, Колька! Мы открыли проницаемость. Знаешь, что будет теперь?

— Не знаю... Теперь — ничего не знаю.

— Бурение скважин!

— Не кричи, мать спит.

Юра снизил тон до заговорщического шепота:

— Колонна проницаемых труб сама пронзит землю до нефтяного пласта...

— А грунт внутри трубы? Как через него нефть пойдет?

— Неуязвимость от пуль! Полный переворот в военном деле!

— Романтика...

Некоторое время они молча ели. Потом Николай снял с вешалки плащ:

— Пойдем на улицу. Все равно спать не смогу.

Долго бродили они в эту ночь по пустынным улицам, и сонный Рекс плелся за ними, не понимая, что стряслось с его хозяевами.

С моря дул свежий ветер, пахнущий солью и водорослями.

— Юрка, не будем заноситься. Не дети же мы... Нет, серьезно. Спокойнее надо... Узкая практическая задача — трубопровод. Больше ничего. Согласен?

Николай крепко потряс руку другу, круто повернулся и пошел домой.

Двор в Бондарном переулке отличался музыкальностью.

По вечерам из всех окон неслись звуки радиол и пианино, лилась протяжная восточная музыка.

Гражданка Тер-Авакян, известная под прозвищем Тараканши, жаловалась, что общий шум мешает ей слушать собственный приемник. Особенно допекал ее ближайший сосед, Вова: каждый вечер он проигрывал по несколько раз любимую пластинку «Мишка, Мишка, где твоя улыбка».

Инженер Потапкин раньше не был замечен в музыкальных излишествах. Но теперь он восстановил против себя весь двор: несколько вечеров подряд из окон его га-

лереи доносились одна и та же надоедливая песенка, сопровождаемая лихим топотом и гитарными переборами:

Порошок в кармане носишь, отравить хотишь меня,
Паровоз в кармане носишь, задавить хотишь меня!

А сотрудники одного академического института с удивлением заметили, что Бахтияр Халилович Багбанлы, известный как большой любитель восточной музыки, часто напевает себе под нос слова, даже отдаленно не напоминающие восточный стиль:

Сербияночку мою работать не заставлю,
Сам и печку растоплю и самовар поставлю!

Тщательно составленное описание установки было послано в Академию наук вместе с подробным докладом и магнитофонными лентами. Молодым инженерам было велено до поры держать все в секрете и прекратить опасные эксперименты.

— Довольно кустарщины, — сказал Колтухов. — Вторгаться в строение вещества — это вам не на гитаре сыграть. Вот, помню, в двадцать седьмом году был со мной такой случай в городе Борисоглебске...

Глава седьмая, в которой Бенедиктов уходит из дома

*Прошла неделя, месяц — он
К себе домой не возвращался.
А. Пушкин, «Медный всадник»*

Рита вернулась из школы раньше обычного. Отперев дверь своим ключом, она вошла в переднюю, сняла пальто — и вдруг замерла, прислушиваясь. Из спальни доносились шорохи и скрип. Скрипела, несомненно, дверца платяного шкафа.

Анатолий Петрович никогда в такое время дома не бывал. Неужели забрался вор?

Рита на цыпочках подошла к двери в спальню. Затаи-

ла дыхание. Да, там явно орудует вор. Закрыть дверь на ключ и кинуться к телефону...

Знакомое покашливание за дверью. Рита влетела в спальню:

— Господи, как ты меня напугал!

Бенедиков, в домашней коричневой куртке, стоял перед раскрытым шкафом и рылся в Ритиных полках — это она сразу заметила. Он не обернулся, услышав ее восклицание. Быстро захлопнул дверцу шкафа и, прихрамывая, отошел к окну.

— Что случилось? — спросила она встревоженно. — Почему ты дома?

— Нездоровится немного.

— Что-нибудь с ногой?

— Да нет, ничего, — нехотя ответил Бенедиков. — Я тут носовой платок искал. Дай мне, пожалуйста.

Рита подошла к шкафу и достала носовой платок.

— Правда, ты плохо выглядишь, Толя. Измерь температуру.

Он отмахнулся и ушел к себе в кабинет.

Рита переоделась и пошла в кухню готовить обед. Надев резиновые перчатки, принялась старательно чистить картошку.

Третьего дня она заметила, что в шкафчике под трюмо ее вещи лежат не так, как обычно. Она не придала этому особого значения. Но теперь она поняла, что он ищет. Ее возмутила его настойчивость: ведь она ясно сказала, что нож утонул. Проклятый нож! Из-за него все беды последних месяцев, из-за него ужасная раздражительность Анатолия и эта возрастающая отчужденность... Сегодня она поговорит с Анатолием. Так дальше продолжаться не может.

Она крупными кружками нарезала картошку над шипящей сковородой. Муж любил жареную картошку.

С грустью и тревогой думала Рита о том, что Анатолий в последнее время почти не разговаривает с ней. Когда она рассказала ему о неожиданном визите двух молодых людей, он страшно вздрогнул. «Надо быть совсем безмозглой, чтобы выбросить ящичек с матвеевской рукописью! — кричал он. — Подарить его каким-то мальчишкам!» Но откуда ей было знать, что в грязном ржавом бруске, который лежал под комодом вместо недостающей ножки, может храниться древняя рукопись? Ни-

чего она не знала и о третьем ящичке, о котором спрашивали «мальчишки»...

После этого неприятного разговора Анатолий еще больше замкнулся и совершенно перестал рассказывать ей о своей работе.

Теперь они работают вдвоем с Опрытиным. Рита давно потеряла веру в успех. Но, может быть, вдвоем они все-таки добьются?.. Может быть, действительно они не могут обойтись без ножа?..

Была еще одна причина для сомнений и тревоги. Этот молодой инженер, «спаситель на море и на суще», Потапкин — теперь она знала его фамилию, — сделал у них в школе доклад. Он говорил о близкой возможности создать такой нефтепровод, в котором струя нефти свободно пройдет сквозь море. Это поразило Риту. Значит, проницаемость — не такая уж фантастически далекая идея?..

Потапкин... Эта фамилия ни о чем не говорила Рите. Но было в лице молодого инженера, в его повадке что-то давно знакомое. Смутное и далекое воспоминание мелькнуло у Риты в голове еще в тот вечер, когда он со своим другом пришел спрашивать относительно ящиков. А слушая его доклад в школе, пристально глядя на него, она, Рита, уже почти догадалась... Сама не зная почему, она гнала прочь эту догадку...

Рита позвала мужа обедать. Бенедиктов отказался. Он лежал в кабинете на диване, глаза у него были воспаленные, лицо красное и мокрое от пота.

— Ты болен! — сказала Рита. — Я вызову врача.

— Никаких врачей. Достань мне пенициллин из аптечки.

Только поздним вечером, когда температура подскочила почти до сорока, он разрешил сделать ему компресс: оказалось, у него на правом бедре огромный нарыв. Но о враче не хотел и слышать.

Вечером следующего дня пришел Опрытин. Он посидел немного у постели Бенедиктова, поговорил с ним о разных делах. Он был чрезвычайно любезен, сказал Рите, что работа хорошо подвигается, хвалил эрудицию Анатолия Петровича.

А через день рано утром заявился здоровенный щекастый малый — уже не в первый раз приходил он со всякими поручениями — и принес пакетик с лекарством для

Бенедиктова. Хриплым басом сказал, что должен отдать лекарство больному лично. Анатолий Петрович спал, Рита отказалась будить его.

Закрыв дверь за несимпатичным посетителем, она развернула пакетик. Там оказалась коробочка с ампулами для подкожного вспрыскивания. Лекарство, которое выдают только по рецепту с печатью...

Рита поняла — и ахнула. Долго сидела в оцепенении у постели мужа. Не плакала, а внутренне сжалась как-то.

Проснулся Анатолий Петрович. Она молча протянула ему коробочку. Он нахмурился, засопел...

Был неприятный разговор.

— Да, да, я понимаю, — говорила она, стискивая руки, и руки были холодные как лед. — Ты хотел увеличить работоспособность и постепенно втянулся в это ужасное дело. Я не понимала раньше, почему у тебя...

— Уйди, — устало сказал он.

Она умоляла:

— Толя, не надо больше! Ты не будешь тайком вспрыскивать себе наркотики, ведь и нарыв у тебя от этого, от грязной иглы... Ты больше не будешь, правда? Ты отвыкнешь, и нам опять будет хорошо...

— Довольно! — крикнул Бенедиктов.

— Я требую, наконец! — сказала она решительно. — Слышишь? Я возьму тебя в руки, если у тебя самого не хватает воли. А про этого толстомордого я сообщу в милицию, так и знай!

Бенедиктов стал подниматься с постели. Рита кинулась к нему, он оттолкнул ее. Молча оделся, молча пошел к двери — страшный, лохматый, неприкаянный. Дверь хлопнула так, что посыпалась штукатурка.

Рита долго стояла, прижав ладони к щекам. Не плакала, нет. Но что-то в ней надломилось.

Анатолий Петрович не вернулся. А через день пришел Вова с запиской за его вещами. Рита подняла с рычага телефонную трубку.

— В милицию? — усмехнулся Вова. — Не советую, Маргарита Павловна. Я «лекарство» не для себя — для него доставал, по его сильным просьбам. Неприятность ему сделаете.

Он был прав. Рита молча сложила в чемодан вещи мужа. Вова забрал из кабинета кое-какие приборы. Ухо-

дя, буркнул, что Анатолий Петрович живет теперь у Опрытина.

Она попробовала увидеться с мужем, звонила в институт—безуспешно. Бенедиков не подходил к телефону.

Когда Бенедиков сказал Опрытину, что ушел из дома, Николай Илларионович поморщился: беспокойного человека послала ему судьба в напарники.

— Что же с вами делать, — сказал он. — Живите пока у меня, места хватит. Ради ее величества науки я готов мириться даже с вашим скверным характером.

— Жить у вас? — Бенедиков намеревался поселиться в гостинице, но теперь он подумал, что в самом деле у Опрытина будет удобнее. В гостинице не очень-то расположишься с приборами... — Хорошо, — ответил он хмуро. — Пошлите Бугрова за моими вещами.

И Бенедиков поселился во второй комнате холостяцкой квартиры Опрытина. В комнате были ковры, кресла, в углах стояли две горки с фарфоровыми статуэтками.

— Коллекционируете? — усмехнулся Бенедиков.

— Моя слабость, — коротко ответил Опрытин. — Как ваш нарыв?

— Лучше.

— Очень рад.

Они сидели в креслах за низеньким столиком.

— Вы что же, насовсем ушли из дома? — спросил Опрытин, наливая в рюмки коньяк.

Бенедиков не ответил. Молча выпил, отвернулся.

— Анатолий Петрович, — мягко сказал Опрытин, — нам нужно форсировать работу на острове.

— Меня подгонять не нужно.

— Знаю. И тем не менее — придется ускорить темпы. Мне стало известно, что Привалов и его оруженосцы ведут работу в том же направлении, что и мы. Они собрали какую-то установку и получили обнадеживающие результаты.

— Откуда вы знаете?

— Неважно. Допустим, от Бугрова. Могу добавить, что они связались через Багбанлы с Академией наук. Консультируются с московскими учеными. Вас это раздует?

Бенедиков не ответил.

— Надеюсь, — продолжал Опрытин, — вам не понравится, когда не ваша, а чужая грудь первой коснется ленточки финиша?

Нет, Бенедикову совсем не улыбалась такая перспектива. Столько мучений, столько жертв — и ради чего? Чтобы уступить первенство? Чтобы очутиться в жалкой роли того чудака, который не так давно своим умом додумался до дифференциального исчисления?..

— Завтра еду на остров. — Он пристукнул ладонью по столу. — Буду форсировать. Но учтите: если мы соберем установку, а ножа к этому времени не достанем, мы сядем на мель.

— Нож будет, — спокойно сказал Опрытин. — И не только нож, но и кое-что другое. Может быть, более важное. В январе я еду в Москву. И Бугрова возьму с собой.

— А кто будет возить меня на остров?

— Любой институтский моторист. В лабораторию, разумеется, его не пускайте. О деталях поговорим перед отъездом.

Одна в пустой квартире...

Днем еще ничего: школа, уроки, разговоры в учительской — все это отвлекает. Но по вечерам Рита не находит себе места. Сидет с книгой в любимой позе, в уголке дивана, — книга падает из рук. Ничто не мило. Позвонить кому-нибудь, пойти в гости? Нет. Не хочется.

Брошенная жена...

В телефонной книге разыскала номер Опрытина. Достаточно пять раз покрутить диск — и услышать его голос... Сказать ему: «Толя, приходи, прости, не могу одна...»

Нет. За что просить прощения? Ни в чем она не прониклась. Он пусть просит.

Но грызет и грызет одна мысль: не додумалась, не остановила вовремя, значит — виновата...

Подруга прислала письмо из Москвы, зовет к себе на каникулы. «Проветришься, по театрам походишь...» Может, в самом деле поехать в Москву?.. А вдруг он вернется? Нет, нельзя уезжать.

Рита вздрагивает от неожиданного звонка. Бежит открыть. Сумасшедше колотится сердце.

Входит Опрытин. Вежливо здоровается, улыбается. Она молча стоит у двери, губы ее дрожат.

Наконец она берет себя в руки, приглашает гостя в комнату.

— Не хотите ли чаю? — спрашивает холодно. Он не должен видеть ее смятения...

Спасибо, чаю ему не хочется. Они пили с Анатолием Петровичем. Да, он здоров, нарыв почти затянулся.

— ...Он у меня под неослабным контролем. Я советовался с опытным врачом. Конечно, нелегко, но он отвыкнет. Уверяю вас, Маргарита Павловна, он понемногу снижает дозы. Конечно, эта привычка требует длительного лечения, но я уверен, что с течением времени он войдет в норму и вернется к вам. Пока вам не следует искать встреч с ним.

Она молчит. Ни на единую секунду этот человек не должен подумать, что ей хочется плакать.

Что он там еще говорит?

— ...Быть может, скоро мы с Анатолием Петровичем заявим о крупном открытии. Это произошло бы еще скорее, если б у нас в руках был известный вам нож. — Он пристально смотрит на нее умными холодными глазами.

Она молчит.

— Маргарита Павловна, — продолжает он. — Это в ваших же интересах. Отдайте нам нож.

— У меня нет никакого ножа, — говорит она ровным голосом. — Вы отлично знаете, что нож упал за борт.

— Он не упал за борт, — тихо отвечает Опрытин. — Но если вы не расположены к этому разговору, то оставим его. Очень, очень жаль... — Он встает, прощается. — Что передать Анатолию Петровичу?

— Передайте привет. Скажите, что я уезжаю в Москву.

— В Москву?

— Меня зовет подруга. Еду на время школьных каникул.

— Разрешите узнать, когда?

— Сразу после Нового года.

— Удивительное совпадение, — говорит Опрытин, улыбаясь одними губами. — Я тоже еду в командировку. Надеюсь, встретимся в Москве, не так ли?

Г л а в а в о с ь м а я ,
**в которой Привалов и Николай Потапкин посещают
Институт поверхности и Николая вдруг осеняет
догадка**

*И как хватит он по струнам,
Как задаст им, бедным, жару!..
Чтоб тебе холера в брюхо
За твой голос и гитару!*

Г. Гейне, «Сосед мой дон Энрикец»

Голубой автобус с прозрачной крышей несся по заснеженному шоссе. Мелькали за окнами березовые рощи, проплывали поля, прикрытие белым одеялом зимы. Автобус миновал небольшой подмосковный город, прогрехал по мосту через замершую реку, и вдруг стало тепло: дорога врезалась в вековой бор.

Николай с любопытством смотрел в окно. Стена мугучих разлапых сосен. Буреломы. Тяжелые ветки тянутся к автобусу и, вздрогнув, осыпают снег. Заповедный лес, в котором некогда охотился на красного зверя царь Иван Васильевич...

Позавчера Николай и Привалов прилетели в Москву по делам Трансаспийского. Вчера весь день они провели в управлении по строительству трубопроводов. Теперь они ехали в Институт поверхности, один из новых академических институтов.

Шершавые стволы раздвинулись, зимнее солнце брызнуло в окна, и в автобусе сразу стало уютно.

— Приехали, — сказал Привалов, складывая газету.

Они вышли из автобуса. Голубой морозный полдень. Тишина и острый запах хвои. Покалывает в ноздрях. Весело хрустит под ногами снег.

На Привалове теплое пальто с меховым воротником и высокая генеральская папаха. Снаряжение Николая куда легче: на нем демисезонное пальто и шляпа.

— Вам не холодно, Коля?

— Нисколько. — Николай косится на приваловскую каракулевую башню: — А вам не тяжело?

— Жарковато, — признается Привалов и поправляет папаху. — Жена заставила надеть. Конечно, из самых лучших побуждений...

Хруп, хруп! — похрустывает снег под ногами.

— Даже странно, — говорит Николай, — шестнадцать градусов мороза, а у меня перчатки в кармане лежат: нет надобности.

— Сейчас жесткость погоды здесь меньше, чем у нас, — замечает Привалов.

— Жесткость погоды?

— Да. Градусы мороза плюс удвоенная скорость ветра.

— Не знал, — говорит Николай. И тут же принимается подсчитывать: — Шестнадцать градусов без ветра, значит, жесткость — шестнадцать единиц. А у нас зимой не бывает ниже пяти градусов, зато ветер — скажем, четырнадцать метров. Значит, жесткость — тридцать три!.. Теперь понятно, почему я не мерзну в Москве.

— И почему москвичи мерзнут у нас, — добавляет Привалов.

Они проходят широкую вырубку, где разместился жилой городок института. Белые двухэтажные коттеджи на зеленом фоне леса — красиво! Неизбежные кресты телевизионных антенн. Дальше лесная полоса, за ней другая вырубка — коммунальная зона. Клуб, магазины, школа, ателье... Еще полоска леса — и вот перед ними широкий проспект лабораторий и производственных корпусов.

— Здорово! — восхищается Николай. — Вот это размах!

— Видите круглое здание? — показывает Привалов. — Там, наверное, ускоритель заряженных частиц. Какой-нибудь бетатрон.

По тропинке, протоптанной в глубоком снегу, они идут к небольшому двухэтажному дому. Войдя в вестибюль. Борис Иванович поскорее стягивает с головы папаху и вытирает платком лоб и затылок.

Зеленая дорожка коридора. Номерки и таблички на дверях. Привалов и Николай вдруг останавливаются: из-за толсто обитой двери со световой вывеской «Не шуметь!» приглушенно доносятся музыка и пение. Они вяжутся со строгой обстановкой Института поверхности не лучше, чем мычание коровы с симфоническим оркестром.

Бренчит гитара. Басовые струны щелкают по медяшкам ладов, и под лихой топот подошв молодой голос задорно выводит:

Порошок в кармане носишь, отравить хотишь меня,

Паровоз в кармане носишь, задавить хотишь меня...

Николай и Привалов переглядываются: Юрин голос... Сверточек ферромагнитной ленты со звукозаписью «обстановки эксперимента» уже попал сюда...

В институте предупреждены о приезде Привалова и Николая. Их ведут в большую комнату без окон. Ее стены сплошь уставлены пультами и панелями приборов. В потолке — широкий овальный световой люк. Голубой глаз неба...

Из-за стола навстречу инженерам поднимается сухощавый человек в черном костюме. У него высокие скулы, резко очерченный нос, аккуратный седой пробор. Николай осторожно пожимает ему руку, запинаясь, называет свою фамилию. Он чувствует себя стесненно: перед ним — ученый с мировым именем.

— Садитесь, товарищи. — Коротким жестом ученый указывает на кресла. — Рад познакомиться с вами. Сейчас подойдут сотрудники и расскажут, что мы тут делаем с вашей музыкой.

Николаю очень хочется провалиться сквозь землю. Вечные Юркины выходки! Полно на свете приличных песен — так нет же, выбирает самую идиотскую! Ему-то, Юрке, хорошо сейчас: он не видит, как вежливо улыбается один из ведущих физиков страны.

— Признаться, если бы не личное свидетельство Бахтияра Халиловича, мы бы не поверили, — продолжает ученый. — Ваш отчет вполне обстоятелен, но мы с интересом послушаем живой рассказ. — Он смотрит на Николая: — Кажется, вы участвовали в опыте с начала до конца?

— Да. — Николай встает.

— Сидите, пожалуйста. Это вы придумали схему установки?

— Мне принадлежит только идея использования поверхности Мёбиуса...

— Как вы к ней пришли?

— Меня навела на мысль рукопись Матвеева. Если помните, Григорий Маркович, он там описывает какую-то «сукрутину»...

— «Сукрутина в две четверти». Помню, — говорит ученый. — Мы тоже заинтересовались этим местом... Как ваше имя-отчество?

— Николай Сергеевич.

— Молодцом, Николай Сергеевич! Превосходная идея.

Николай польщен. На лице его сама собой появляется неприлично широкая улыбка — от уха до уха. С трудом согнав ее, он говорит торопливо:

— Схему установки нам помогли разработать специалисты по автоматике на основе предложения инженера Костюкова. Он же пел. Понимаете, Григорий Маркович; эта песенка... то есть получилось такое стечение обстоятельств...

— Не смущайтесь. — Ученый дружелюбно смотрит на Николая. — В вашем возрасте и я певал «Сербияночку». А про стечение обстоятельств нам известно. Вы поступили правильно: пока проблема не решена, лучше, чтобы о ней поменьше говорили. Во избежание нелепых толкований. Помните статью о «чуде в Бабьевгородском переулке»? Неправильно истолковали коэффициент полезного действия и расписали в газете, что, дескать, на заводе кондиционеров создана установка с КПД больше ста процентов... Ваша-то установка не в переулке ли была? — спрашивает он вдруг.

— В переулке, — немного растерянно отвечает Николай. — В Бондарном переулке...

— Вот видите. — Григорий Маркович негромко смеется. — Чудо в Бондарном переулке.

В комнату входят трое: китаец неопределенного возраста, в восьмиугольных очках, молодой — чуть постарше Николая — невысокий крепыш в спортивной куртке и румяная девушка в сером костюме. Пожимая руку крепышу, Николай замечает у него на лацкане куртки значок яхтсмена-перворазрядника. Крепыш тоже видит такой же значок в петлице Николая. Они улыбаются друг другу. Николай пугается, как бы в его улыбке не проскользнуло чувство превосходства, свойственное морякам соленой воды при встречах с пресноводными коллегами, и гонит ее с лица. Что-то у него сегодня неблагополучно с улыбками.

Николай рассказывает об опыте в Бондарном переулке. Все внимательно слушают. Китаец записывает в блокноте.

— Таким образом, — заключает Николай, — мы вовсе не думали о проницаемости. Мы хотели усилить поверхностное натяжение ртути, и только.

— Картина представляется яснее, — говорит академик. — А теперь послушаем Василия Федоровича.

Крепыш в спортивной куртке раскладывает на столе несколько схем и фотографий. Следует короткое сообщение. Они построили установку, полностью дублирующую опыт в Бондарном переулке. Конечно, она снабжена точными записывающими приборами. Камертонный прерыватель заменен более совершенным устройством. Вот принципиальная схема...

Затем Григорий Маркович приглашает инженеров осмотреть установку. Она в другом здании, так что приходится одеться и выйти.

Снова похрустывает под ногами снег, морозный день искрится и щедро льет смолистый хвойный дух.

Григорий Маркович с Приваловым и китайцем идут впереди. Молодежь немногого приотстала. Николай узнает от своих спутников, что китаец — доктор наук, специалист по поверхности раздела жидкостей, а зовут его Ли Вэй-сэн. И что Василий Федорович недавно защитил кандидатскую диссертацию об электростатических явлениях, возникающих в kleевых пленках при схватывании клея. Румяную девушку зовут Лида Иванова, можно без отчества, она не физик, а инженер из управления по строительству трубопроводов, а здесь она находится для координации вопросов новой техники; ей нравится Ефремов, хотя лично она «Туманность Андромеды» написала бы иначе.

Кроме того, Николай успевает обменяться с Василием Федоровичем мнениями о способах складывания спинакера и договориться на воскресенье вместе поехать в Химки, чтобы Николай попробовал свои силы на парусном буере.

Они входят в небольшое одноэтажное здание. Вот и установка. Николай смотрит во все глаза. Да, это тебе не Бондарный переулок, думает он. Впрочем... Впрочем, в принципе никакой разницы. И здесь, как в переулке, возвышается кольцо Мёбиуса.

Внутри кольца укреплены две штанги, прижатые друг к другу мощными электромагнитами. Когда режим установки создаст условия проницаемости, штанги проникнут друг в друга. Но пока режим не найден. Стрелки приборов стоят на нулях.

В том, первом здании, в звуконепроницаемой комнате

магнитофон воспроизводит злосчастную «Сербияночку». Звук преобразуется в электрические колебания, которые записываются на ферромагнитную ленту в виде, пригодном для обработки на электронно-счетной машине. Числы, обозначающие частоты, переводятся в двоичную цифровую систему, имеющую только два знака: ноль и единицу.

Число, которое в обычной десятичной системе изображается знаком «2», в двоичной системе пишется, как «10», тройка — «11», четверка — «100», пятерка — «101», и так далее. Для людей эта система слишком громоздка: число «16», которое мы обозначаем двумя знаками, в двоичной системе пишется пятью: «10000». Но для электронной машины это очень удобно. Все ее действия основаны на комбинациях: есть импульс — значит, единица; нет импульса — ноль. Когда задача выражена такими цифрами, машина справляется с ней мгновенно.

Институтская электронно-счетная машина имела такую задачу. Она «знала» все параметры схемы, где была только одна неизвестная величина. Если бы Валерик не опрокинул камертонный прерыватель, грузики остались бы в том же случайному положении, когда получилась проницаемость. А теперь приходилось пропускать установку через все частоты, встречающиеся в Юриной музике. Электронная машина непрерывно составляла и решала ряды уравнений; их результаты в виде электрических команд последовательно передавались на установку.

— Человеческой жизни не хватило бы, чтобы перебрать все комбинации, — говорит Григорий Маркович. — У вас получилось случайное совпадение, а повторение случайности — дело практически немыслимое. Будь это лет двадцать назад, пришлось бы просто махнуть рукой.

— Григорий Маркович, разрешите узнать, — осторожно спрашивает Привалов: — у вас уже сложилось мнение относительно... э-э... причин проницаемости?

— Об этом, Борис Иванович, говорить еще рано. Но, полагаю, наш друг Багбанлы в принципе совершенно прав: все дело в перестройке внутренних связей вещества. При перестроенных связях проникновение идет по межатомным и межмолекулярным пустотам, которые огромны сравнительно с элементарными частицами.

— А если орбиты внешних электронов пересекутся при встрече? — спрашивает Николай.

Академик улыбается:

— Жолио-Кюри как-то сказал, что, говоря о структуре атома, надо отказаться от образных представлений. Человеческому воображению это не под силу. Только математика может дать представление о действительности. Но, если попробовать выразить словами, никаких круговых орбит нет. Есть амплитуды колебаний электронов.

— Еще вопрос, — говорит Привалов: — какова, повашему, физическая природа поля кольца Мёбиуса?

Ученый шутливо поднимает вверх обе руки.

А Ли Вэй-сэн, показав в улыбке крупные зубы и тщательно выговаривая слова, замечает:

— Товарищи с юга нетерпеливы. Товарищи с юга не хотят подождать два года или один год.

— Пока что могу сказать вам только одно. — Григорий Маркович, слегка сутулясь, подходит к Привалову и выставляет вперед длинный и тонкий указательный палец. — В обычном кольце токи высокой частоты, текущие по наружной и внутренней поверхностям, проходят разный путь. В кольце Мёбиуса, имеющем одну поверхность, токи текут не обычным путем. Происходят какие-то особые явления. Разумеется, в определенной частотной установке. Ну-с, пойдем дальше. — Он ведет гостей в другое помещение. — Поверхность Мёбиуса в высокочастотном контуре — на редкость счастливая догадка, — говорит он, идя по широкому коридору. — Она открывает отличные перспективы, о которых вы, быть может, и не подозреваете. Но, поскольку выдвинута конкретная задача — подводный нефтепровод, — мы решили на первом этапе привязать работу именно к этой задаче. Собственно, задач у нас две. Усиленное поверхностное натяжение должно придать нефтяной струе локальную форму — это раз. Сопротивление ее движению требуется свести до минимума или вовсе снять за счет проницаемости — это два. Правильно?

— Совершенно верно, — подтверждает Привалов.

— Ну-с, вторая задача — дело еще далекое, а вот первая... Впрочем, смотрите сами.

Он распахивает дверь.

Посреди комнаты — круглый бетонный бассейн диаметром в три с половиной метра, облицованный белым кафелем. Стенки бассейна — почти в человеческий рост. Его опоясывает желтой металлической лентой большое

горизонтальное кольцо, укрепленное на ребристых изоляторах.

— Кольцо Мёбиуса? — нерешительно спрашивает Николай, разглядывая желтую ленту. — Ну да, вот перекрутка... Вот это колечко!

Вслед за Григорием Марковичем они поднимаются на площадку вровень с верхним краем бассейна. Отсюда видно: чаша бассейна залита до половины густой черной жидкостью с зеленоватым отливом.

— Масло, — коротко бросает академик. — Десять тонн. А теперь смотрите.

Он нажимает кнопку на пульте.

Поверхность масла вспучивается в середине, растет... Края начинают отходить от стенок бассейна, обнажая дно... Все быстрее и быстрее... Какая-то могучая сила стягивает черную жидкость в трехметровый шар почти правильной формы. Поверхность его становится глянцевитой, переливчатой, радужной, и в ней отражаются фигуры на площадке — уродливо искаженные, как в «комнате смеха».

Но, конечно, никому и в голову не приходит смеяться.

— О-о! — вырывается у Привалова.

Николай изумленными, счастливыми глазами смотрит на черный шар, лежащий в бассейне.

— Попробуйте проколоть. — Григорий Маркович протягивает Николаю эbonитовый стержень с острым наконечником.

Николай берет стержень и упирает острие в шар. Поверхность не поддается. Он давит изо всех сил. Он чувствует — поверхность шара пружинит. Она лишь слегка прогибается под острием, но не прокалывается, нет!

— Не прокалывается! — кричит он.

Академик тихо смеется. Смеется Лида Иванова, усмеивается Василий Федорович. Ли Вэй-сэн обнажает крупные белые зубы.

Галерея в Бондарном переулке... Пульсирующая капля ртути... Все отодвинулось, заслонилось огромным черным шаром. Так вот ты какое, поверхностное натяжение!

— Частота... На какой ч-частоте? — Николай заикается от волнения.

— Все расскажем. Эта сила пока недостаточна. Она еще не может заменить десятимиллиметровую стенку стальной трубы.

Николай берет стержень и упирает острие в шар.

Академик выключает ток — и шар сразу опадает. Растекается в чаше бассейна. Черная маслянистая поверхность тяжело колыхнулась концентрическими волнами, отраженными от стенок, и застыла.

— Сто тонн, — говорит Привалов. — На погонный метр шестнадцатидюймовой трубы при внутреннем давлении в восемь атмосфер действует сто тонн. Неужели это...

— ...будет, — кивает академик. — Кольцо Мёбиуса даст нам и такое поле усиления. Вы, — он наставляет указательный палец на Николая, — шли правильным путем, мы добавили к вашей схеме совсем немногое.

— Товарищи с юга и-зо-бре-тательны. — Ли Вэй-сэн отчетливо произносит каждый слог. — Увеличение поверхностных сил — крупное открытие. До сих пор мы умели обращаться с жидкостями, только заключая их в сосуды. Теперь... Теперь мы будем уметь больше.

— Верно, товарищ Ли, — говорит Григорий Маркович. — «Будем уметь больше» — сказано хорошо. Кольцо Мёбиуса дает именно поле увеличения поверхностных сил. Но — и это закономерный в физике обратимый процесс — на каком-то узком режиме, который нам еще неизвестен, оно дало прямо противоположный эффект: ослабление, раскрытие связей. Строго говоря, случай с пальцем вашего лаборанта, проницаемость, — явление побочное.

— Паразитное, — вставляет, улыбаясь, Василий Федорович.

— Именно.

Все смеются.

— Кстати, товарищи, — академик переводит взгляд с Николая на Привалова, — вы представляете себе масштаб этого «паразитного» явления?

Николай молчит. Он давно уже дал себе слово не засосаться. Только трубопровод — больше ничего...

— Всего, конечно, себе не представишь, — говорит Привалов. — Но мы думаем... Переворот в холодной обработке металлов — резание без сопротивления...

Академик кивает.

— Строительство шахт и проходка нефтяных скважин проницающим инструментом, — продолжает Привалов, воодушевляясь. — Я даже думал... Только не смейтесь... Думал о метеоритной защите для космических кораблей...

— Может быть, может быть, — медленно, раздумчиво говорит Григорий Маркович. — Но каждый случай практического приме́нения потребует специальных решений. Нелегких решений... Поверхность вещества обладает энергией, и, кажется, она будет у нас в руках...

— Новый вид энергии?! — Привалов запускает руку в шевелюру.

— Новый источник, — поправляет академик. — Более близкий и доступный, чем ядерная энергия.

С минуту все молчат.

— Ну-с, давайте спустимся с небес на землю.

Один за другим они спускаются с площадки. Коридор. Вестибюль. Снова хрустит под ногами снег.

Теперь в кабинете академика они обсуждают программу дальнейших работ.

— Перестроенное вещество... — говорит Григорий Маркович. — Подержать бы его в руках... Когда еще наша установка выдаст первый образец... Жаль, что эффект с пальцем вашего лаборанта оказался нестойким. Вот если бы к нам попал каким-нибудь чудом нож Матвеева. Если, конечно, он существовал в природе...

— А может быть, нож и сейчас где-нибудь валяется? — несмело говорит Лида Иванова. — Ведь Матвеев привез его в Россию.

Нож где-нибудь валяется?..

В памяти Николая живо встает летний день, залитый жарким солнцем. Парусные гонки. Моторка Опрытина, и Вова у борта моторки. Он, Николай, подплывает к ним и слышит, как Вова говорит: «Мне, кроме ножа, ничего не нужно». Что-то в этом роде. У Вовы акваланг. У Опрытина в моторке поисковый прибор. Они ищут в том месте, где упала за борт Маргарита Павловна. Перед этим Опрытин приходил к ним в институт — выведывал координаты места падения. И спрашивал... Да, спрашивал, не было ли в руках у женщины металлического предмета... Нож! Матвеевский нож — вот что они искали! Ведь если ящичек с матвеевской рукописью был выброшен из дома Маргариты Павловны — в этом Николай не сомневался, — то у нее же мог быть и матвеевский нож... Ну конечно, он мог быть в другом ящичке!..

Николай припоминает эскизы на последнем листе рукописи. «Источник» — так назывался ящичек, в котором они нашли рукопись. Потом был эскиз другого ящичка,

под названием «Доказательство». Доказательство! Что, как не этот нож, могло служить лучшим доказательством!..

И еще: Юрка видел у Опрытина в лаборатории ламповый генератор. Юрка уверял, что не для поднятия уровня моря Бенедиктов и Опрытин возятся с высокой частотой...

Наконец-то он, Николай, связал разрозненные впечатления в единую картину. Есть матвеевский нож! О нем знает Маргарита Павловна, его ищут Опрытин и Вова. Или — уже нашли?..

Ему хочется немедленно рассказать о своей догадке, но он сдерживает себя. Здесь не место. Потом.

Он прислушивается к разговору старших.

— ...Если Матвеев мог держать нож за рукоятку, значит, она была из обычного вещества, — говорит Григорий Маркович. — В ноже существовала какая-то переходная зона...

«Дать телеграмму Юрке? — думает Николай. — Пусть попробует выведать что-нибудь у Вовы или у его жены. Надо достать этот нож. Обязательно достать нож...»

Снова он заставляет себя прислушаться к разговору.

Теперь говорит Ли Вэй-сэн:

— Связи в веществе непостоянны. Они находятся в непрерывном изменении...

«Как же мы с Юркой раньше не догадались? — думает Николай. — А тут она сказала, что нож где-то валяется, — и меня осенило...»

— Возможно, нам понадобится практическая помощь вашего института, — говорит академик. — Как отнесется к этому ваше руководство?

— Не знаю, Григорий Маркович, — честно признается Привалов. — Пока мы проектируем Транскаспийский из обыкновенных труб. Срок есть срок, задание есть задание, а идея беструбного нефтепровода — не более чем идея.

— Вам поможет управление по трубопроводам, а точнее — сия девица, представляющая управление. Несмотря на свою привлекательную внешность, она настоящее дитя джунглей. В канцеляриях ей ведомы все шорохи и тропы.

— Григорий Маркович! — восклицает, смеясь, Лида Иванова.

Инженеры прощаются. Привалов со вздохом водру-

жает на голову генеральскую папаху и вместе с Николаем покидает Институт поверхности.

— Борис Иванович, — взволнованно говорит Николай, — девушка права: матвеевский нож существует!

А приехав в Москву, он первым делом бросается на почту и дает фототелеграмму Юре:

«Уверен, что О. и В. искали матвеевский нож. Срочно наведи справки. Попробуй выведать у Вовиной жены. Николай».

*Глава девятая,
в которой Николай получает письмо от старого друга
и встречает старую знакомую*

...Но она так изменилась, так похорошела... Я смотрел на нее и с ужасом чувствовал, что опять превращаюсь в неотесанного деревенского мальчика.

Ч. Диккенс, «Большие надежды»

Люди, командированные в Москву, давно уже привлекают внимание юмористов. С их легкой руки в литературе выработался стандартный тип командированного.

Это несчастный мученик. Шофер такси везет его с вокзала в соседнюю гостиницу вокруг всей Москвы. В гостинице ему не дают номера. Начальство его не принимает. Иногда его даже обворовывают.

Все это не так. Обмануть командированного шофер не может, потому что командированный, как правило, хорошо знает Москву. Несколько раз в день он пересекает огромный город из конца в конец. Из «Гипронефтемаша», что на Шаболовке, он спешит в Химки, в ЦНИИМОД, оттуда — за Крестьянскую заставу, в институт, а попутно успевает забежать на один-два завода и, конечно, в свое главное управление. Каждый вечер он, сидя в гостинице, составляет график завтрашней беготни, с учетом приемных дней и часов.

Несмотря на такую загрузку, он бывает в театрах и музеях чаще среднего москвича.

Подобно жителю Чукотки, безошибочно находящему дорогу в бескрайней снежной пустыне, командированный знает все ходы и переходы в огромных служебных

зданиях. Он ловко обходит референтов и секретарш, оберегающих звуконепроницаемые двери. Он хорошо знает номера телефонов, по которым не отвечают, и другие номера, безошибочные.

Почти не выбиваясь из собственного графика, Привалов носился вместе с Николаем по институтам и лабораториям. Вежливо, но настойчиво он преодолевал секретарские заграждения у дверей нужных кабинетов. Инженеры оформляли договоры со смежными организациями, писали докладные записки, готовили проекты приказов, вели междугородние разговоры...

Николая увлекла эта напряженная жизнь. Ведущие институты раскрыли перед ним многосложность современной науки. Он жадно набрасывался на все незнакомое, исписывал и покрывал эскизами блокноты, ворошил груды информационных бюллетеней.

Настроение у него было приподнятое и радостное. «Молодцом, Николай Сергеевич!...» Приятно было вспоминать эти слова академика.

Нет, он не переоценивал своих возможностей: слишком привык к мысли, что он обыкновенный инженер, какими хоть пруд пруди. Но иногда сам давался диву: как же залетела к нему в голову эта идея? «Превосходная идея!» — он сам слышал, так сказал один из крупнейших физиков страны...

То, что Николай увидел и услышал в Институте поверхности, ошеломило его. Он начал было писать подробное письмо Юре, но бросил, не дописав и до половины. Грандиозные перспективы, вскользь намеченные академиком, не сразу укладывались в голове, нужно было с ними освоиться, «переварить» их.

По вечерам в гостиничном номере они с Приваловым допоздна беседовали об этих перспективах.

— Второй час ночи, — спохватывался Привалов. — Ну-ка, спать, спать!

Сон не шел. Николай лежал с открытыми глазами, ворочался под одеялом. Хотелось курить.

— Борис Иванович, вы спите? — громким шепотом спрашивал он.

— Чего еще? — сонно откликался Привалов.

— Перестроенное вещество, — быстро говорил Нико-

лай, — это ведь совершенно новые материалы, сплавы невиданной прочности, немыслимые до сих пор соединения...

— Да спите вы!

Минут десять было тихо. Потом раздавался голос Привалова:

— Если говорить о химии полимеров, то...

Утром они пили чай у себя в номере. Борис Иванович, прихлебывая из стакана, читал купленного вчера «Эйнштейна» из серии «Жизнь замечательных людей». Дома жена не позволяла ему читать за едой. Зато, выезжая в командировки, Борис Иванович широко пользовался неограниченной свободой.

В дверь постучали.

— Четыреста седьмой, возьмите письма, — сказала дежурная по этажу.

Писем было два: Привалову от жены и второе, с размашистой надписью «Авия», — Николаю от Юры. Николай вскрыл конверт, пробежал первые строчки и ухмыльнулся: Юрка верен себе.

Письмо начиналось так:

«Николасу С. Потапкинсу, эсквайру.

Сэр, почтовый дилижанс наконец притащился к нам на участок. Вместо обещанного подробного письма я получил жалкую депешу. Годдэм, сэр, я простой человек, сэр, и я сожалею, что считал Вас за джентльмена. Но я пишу Вам, хотя правильнее бы взять не перо, а добрый винчестер — лучшее средство против проклятых койотов вроде Вас. Прочтя Вашу депешу, я вскочил в седло и понесся как ветер. Я привязал своего мустанга к кусту чапараля и вошел в ворота Вашего ранчо...»

Видно, у Юры не хватило терпения продолжать в бретгартовском духе, и дальше он писал попросту:

«...Долго торчал в подворотне и ждал, пока дядя Вовина жена выйдет во двор. Тогда я случайно встретился с ней, расшаркался и со страшной силой затрепал языком, наводя ее на вопрос: правда ли, что дядя Вова с помощью нашего акваланга нашел нечто, упавшее в море с «Узбекистана»? «Откуда вы знаете? — спрашивал мадам с подозрительностью во взгляде. — Вы разве тоже были на «Узбекистане»?» Нет, говорю, я на яхте был,

которая подобрала женщину в красном. Тут она берет меня за руку, отводит подальше от окон Тараканши и такое рассказывает, братец ты мой...»

И Юра подробно описал происшествие на борту теплохода.

Прочитав это место, Николай вскочил из-за стола.

— Что случилось? — Привалов поднял на него глаза.

— Читайте, Борис Иванович! Вот отсюда.

Привалов быстро пробежал страничку.

— О-о! — воскликнула он. — Матвеевский нож и вправду существует! Ну-ка, что дальше?

Дальше Юра сообщал, что Вова, оказывается, выехал в Москву вместе с Опрытиным. Затем описывал, как после разговора с Клавдией Семеновной он поднялся наверх, к матери Николая, чтобы передать ей зарплату, полученную по доверенности. Тут Юра внезапно перешел на стиль матвеевской рукописи:

«А матушка ваша убивается, что, слыхать, на Москве морозы лютые, за полсорока градусов по цельзиеву расчислению, вы же не тóкмо валяных сапог, ниже того, теплого споднего взяли с собою не возжелали, матушкины о том немалыя просьбицы отвергнув...»

Привалов засмеялся:

— Узнаю вашего друга. И охота ему язык ломать!

«...Тем часом, — писал Юра, — некто, постучавшись, взошел. И был то муж дебелый, лицом зверовиден и, против указу, не брит и не чесан...»

Действительно, в тот вечер Юра имел разговор с Вовиной женой, а потом зашел к Вере Алексеевне и передал ей зарплату Николая.

Вера Алексеевна угостила Юру чаем с вареньем, а сама села напротив и стала жаловаться на сына, не захотевшего взять с собой теплого белья. Юра ел варенье и утешал Веру Алексеевну, ссылаясь на то, что у Николая молодой и здоровый организм.

Тут раздался стук в дверь, и вошел плотный мужчина средних лет, небритый, взъерошенный. Он кинул мрачноватый взгляд на Юру и Веру Алексеевну, поздоровался, спросил:

— Могу я видеть инженера Потапкина?

— Это я. — Юра сделал за спиной знак Вере Алексеевне.

сеевне. Он узнал незнакомца и решил выведать, зачем тот пришел.

— Моя фамилия Бенедиктов.

— Очень рад. Снимайте пальто, пожалуйста. Садитесь.

Пальто Бенедиктов не снял. Он сел на стул и положил на колени шляпу и перчатки.

— Пришел к вам с ответным визитом, — сказал он. — В общем, без предисловий. Мне говорила жена, что вы интересовались какими-то железными коробками. Не могли бы вы объяснить, что это значит?

— Вы знаете это лучше, чем я, товарищ Бенедиктов, — ответил Юра. — Ящичек с рукописью был выброшен из вашей квартиры. Нас заинтересовала рукопись, и мы решили разыскать другие два ящичка, о которых там упоминалось. Очевидно, в одном из них был матвеевский нож. Очень жаль, что он утонул. Или его уже нашли?

Руки Бенедиктова беспокойно дернулись.

— Хорошо, — сказал он, прокашливаясь. — Если ваша осведомленность простирается столь далеко, то скажите: что спрятано в третьей коробке?

— Не знаю.

Они помолчали немного. Затем Бенедиктов проговорил:

— Насколько мне известно, вы занимаетесь проблемой проницаемости. Мы тоже кое-что делаем в этом направлении. Я слышал, вы собрали оригинальную установку и получили интересный эффект. Если не секрет... — Он замолчал и выжидательно посмотрел на Юру.

— Секрета, конечно, нет, — медленно, выбирая слова, сказал Юра. — Мы занимаемся проектированием нефтепровода. Попутно нас заинтересовал вопрос о диффузии жидкостей. Что касается наших опытов — к сожалению, не могу посвятить вас... Не уполномочен. У нас есть дирекция. Обратитесь с официальным запросом.

— С официальным запросом? — Бенедиктов невесело усмехнулся и встал. — Благодарю за совет, товарищ Потапкин. Рад был с вами познакомиться. — Он нахлобучил шляпу на лохматую голову.

— Я тоже, — любезно ответил Юра, поднял с пола упавшие перчатки и протянул их Бенедиктову. — Это,

кажется, ваши. Вы узнали мой адрес через адресный стол? — спросил он вскользь.

— В этом доме живет один наш сотрудник.

— Ах, ну да, конечно... Между прочим, было бы очень интересно взглянуть на матвеевский нож. Если не секрет.

— Вы сами сказали, что он утонул, — буркнул Бенедиктов.

Юра вышел в галерею проводить гостя. Здесь Бенедиктов немного замешкался, глядя на голубую штору.

— Вы правы, — ответил Юра на его невысказанный вопрос: — Опыт был поставлен именно здесь.

Он широким жестом откинул штору. Бенедиктов невольно шагнул поближе, но увидел только большой стол, на нем — магнитофон причудливой конструкции, а под столом — два-три черных ящика с аккумуляторами.

— Установку мы разобрали, — пояснил Юра. — А знаете что, товарищ Бенедиктов? Если вы работаете в том же направлении, то почему бы нам не объединиться? Зашли бы к нам в институт...

Биофизик взглянул на Юру из-под тяжелых, припухших век. Ничего не сказал. Попрощался и вышел. Юра, отогнув оконную занавеску, смотрел, как он медленно, шаркая ногами, спускается по лестнице.

— Любопытные новости, — сказал Привалов и налил себе еще чаю.

— С самого начала, с того самого дня, я чувствовал, что иеспроста упала она с теплохода. — Николай, зажав в руке Юрино письмо, принялся расхаживать по комнате. — Она нырнула за ножом, это ясно. Если бы она нашла его, то, конечно, отдала бы мужу, ну, а тот работает вместе с Опрытиным... Но Опрытин искал нож на месте ее падения. Значит, Маргарита Павловна не нашла его... Выходит, нож все еще лежит на дне или... — Он замолчал.

— Или? — спросил Привалов.

— Или Опрытину удалось его разыскать.

— В таком случае, — спокойно сказал Борис Иванович, — надо поговорить с Опрытиным и попросить у него нож для исследования. Это очень облегчит нам работу.

— Вряд ли.

— То есть как это — вряд ли? Мы всесторонне исследуем нож и...

— Я не про то, Борис Иванович. Вряд ли Опрытин отдаст вам его.

— Почему? — удивился Привалов. — Я же объясню ему, для чего нужен нож. — Он сделал несколько медленных глотков. — Вот что. Костюков пишет, что Опрытин в Москве. Садитесь-ка за телефон и обзвоните гостиницы. Начните с «Золотого колоса» и «Ярославской».

Это была титаническая работа — обзвонить огромный гостиничный городок. То «занято», то «у нас такие не значатся», а то, не слушая вопроса, говорят «мест нет» и кладут трубку.

Вдруг из седьмого корпуса «Золотого колоса» деловитый женский голос ответил:

— Опрытин? Минуточку... Инициалы?.. Да, есть. Опрытин и Бугров. Сто тринадцатый номер.

Посыпались гудки отбойного зуммера.

— Здорово! — Николай хохотнул. — Живет в седьмом корпусе, напротив нас, а мы и не знали.

Привалов закрыл «Эйнштейна», посмотрел на часы.

— Половина девятого. Рановато, пожалуй, звонить...

Он подошел к окну. На улице вихрилась белая метель. Было еще темно, в окнах гостиничного корпуса напротив горел свет.

— Впрочем, он не из лежебок. — И Привалов решительно набрал номер и попросил дежурную по этажу вызвать Опрытина.

Некоторое время он ждал. Услышав ответ, ожидался:

— Николай Илларионович? Рад приветствовать вас в Москве... Привалов... Да, и более того: живу тоже в «Золотом колосе», по соседству... Откуда узнал? — Привалов запнулся на секунду. — От общих знакомых.

Он сказал, что хотел бы поговорить об одном важном деле, и Опрытин ответил, что будет рад встретиться, только попозже: он должен ехать по делам. Они договорились встретиться в двенадцать в вестибюле метро «ВДНХ».

— Прекрасно! — Привалов положил трубку. — В час

у меня совещание в Главнефтеспецмонтаже — как раз успею. А пока приведу в порядок записи. Вы, Коля, позажайте в управление, пробейтесь к Бубукину и проявите настойчивость. Сегодня проект приказа должен быть завизирован.

Николай горестно вздохнул. Он не любил ходить в управление. Тамошние нескончаемые коридоры угнетали его и вызывали в памяти строчки из Багрицкого:

Ой, чумакие просторы —
Горькая потеря!
Коридоры в коридоры,
В коридорах двери...

— И вот что еще, — сказал Привалов. — Закажите себе билет на среду.

— Себе? А вам?

— Мне придется на несколько дней задержаться. Съезжу в Подольск, на завод, — там полно наших заказов.

— Хорошо, Борис Иванович. Придется на городскую станцию... По телефону только за пять дней, а среда послезавтра...

К полудню метель немного утихла, но все же мело еще порядочно. Пока Привалов, придерживая на голове папаху, шел по дорожке меж сугробов к проспекту Мира, его основательно залепило снегом.

Перейдя проспект, он вошел в вестибюль метро. Его обдало теплым электрическим ветром. Очки запотели. Борис Иванович снял их и протер. Восстановив остроту зрения, он огляделся и почти сразу увидел Опрытина, только что сошедшего с эскалатора.

Опрытин был в элегантном пальто с меховым воротником и пыжиковой шапке. Он устремился к Привалову и поздоровался с ним, как показалось Борису Ивановичу, с преувеличенной радостью.

— Как приятно встретить в московской сутолоке земляка! — Он энергично потряс руку Привалова. — Очень, очень рад, Борис Иванович!

«Что это с ним? — удивленно подумал Привалов. — Всегда такой сдержанный... Впрочем, земляка и впрямь приятно встретить».

Они отошли в сторонку. Обменялись обычными при таких встречах фразами. Потом Опрытин спросил, как бы между прочим:

— Что говорят в академии о записках Матвеева?

— Пока изучают их. Кстати: высказывается предположение, что до наших дней дошли не только записки.

— Что же еще? — Опрытин насторожился.

— Матвеевский нож.

— Вы верите в индийские сказки?

Привалову не понравилось это. К чему увертки? Он решил идти напрямик.

— Николай Илларионович, мы знаем, что матвеевский нож был у вашего сотрудника Бенедиктова. Потом вы искали его в море, на месте падения женщины с «Узбекистана». Если вы нашли нож, то в академии с интересом послушали бы ваше сообщение. Вы же серьезный ученый и понимаете значение для науки...

— Это и есть дело, по которому вы хотели со мной говорить? — прервал его Опрытин. Теперь от него веяло холодом, радостного оживления как не бывало.

— Да, по этому делу.

— Вас неверно информировали, — ледяным тоном сказал Опрытин. — Я не имею ни малейшего представления о ноже.

— Позвольте, но вы искали...

— Мои «розыски», как вы говорите, в море связаны только с проблемой уровня Каспия. Больше ни с чем. Что касается Бенедиктова, то он ведет у нас в институте определенную работу, а чем занимается в неслужебное время, не знаю.

Это была отповедь. Вежливая, но решительная. Привалову стало неловко: действительно, какие основания были у него для подобного разговора? Письмо Костюкова? Болтовня какой-то вздорной «дяди Вовиной супруги»?..

— Извините, — сказал он. — Видимо, меня неправильно информировали.

— Да, неправильно. — Опрытин вдруг заторопился, взглянул на часы. — Должен вас покинуть, Борис Иванович. Дела! — Он улыбнулся одними губами, пожал Привалову руку и быстро пошел к выходу.

Привалов озадаченно посмотрел ему вслед.

Если бы он знал, что в эту самую минуту Опрытин,

иля по дорожке, протоптанной в снегу, и заложив руку за пазуху, нащупывает в кармане рукоятку матвеевского ножа!

Проведя несколько томительных часов в управлении, Николай поехал на Курский вокзал.

У касс предварительной продажи было много народа. Николай стряхнул снег со шляпы и подошел к хвосту очереди.

— Кто последний?

Приземистый гражданин в коричневом кожаном пальто оторвался от газеты и неодобрительно глянул на Николая:

— Я крайний. Только не лично. Лично за мной занимала гражданка... — Он осмотрелся. — Вон она, в черной шубе. Будете за ней.

Николай мельком взглянул на гражданку в черной шубке и белой шапочке. Она стояла спиной к нему у киоска «Союзпечати».

Кожаное пальто, простоявшим потягивая носом, углубилось в международное обозрение. Николай, пользуясь преимуществом роста, от нечего делать стал просмотривать через плечо гражданина газетные заголовки. Его заинтересовала заметка о выставке «Трофейная техника шпионажа и диверсий», открытой недавно после ремонта. В заметке описывались новые экспонаты. Остатки самолета-разведчика одной заморской державы, сбитого нашими летчиками... Бесшумные пистолеты... Портативные радио... Отравленная булавка... Оборудование итальянского диверсанта из пресловутой Десятой флотилии, который погиб в 1942 году в одном из Каспийских портов, — его тело было случайно найдено в прошлом году в подземелье. Диверсант, очевидно, принадлежал к ордену иезуитов, так как носил на шее толстую пластинку с выгравированными начальными буквами...

Что такое?.. Николай подался вперед и впился взглядом в петитные строчки.

«...Начальными буквами девиза иезуитов «AMDG»...

Кожаное пальто раздраженно сказало:

— Не люблю, молодой человек, когда мне в ухо дышат.

— Извините, — пробормотал Николай и кинулся к газетному киоску. — «Московскую правду», пожалуйста!

Он схватил газету и тут же, у прилавка «Союзпечати», стал перечитывать про итальянца.

Вдруг он почувствовал чей-то пристальный взгляд. Досадливо покосился на соседку — ту самую, в черной шубке. И даже головой дернул, как от удара в челюсть: рядом с ним стояла Маргарита Павловна.

— Вы... вы в Москве? — растерянно сказал он.

— Как видите. — Она пристально смотрела на него, глаза у нее были невеселые.

— А я в командировке... — Николай кашлянул и начал складывать газету.

«Дурак! — выругал он себя. — Очень ей интересно, что ты в командировке...»

— Вы едете домой? — спросила Рита, наблюдая за первыми движениями его пальцев.

— Да. Хочу на среду взять билет. А вы?

— Завтра уезжаю.

Николай сунул многократно сложенную газету в карман. Рита повернулась к продавщице:

— Я возьму эти открытки.

Она отложила пять или шесть открыток с цветными репродукциями. Николай рассеянно взглянул на них. К какой-то северный пейзаж. Левитановский «Март». «Вирсавия». Картинка в билибинском духе: корабль с выгнутым парусом, на котором изображено солнце, подходит к пристани, где бородатые люди в длинных кафтанах стоят у пушек, окутанных клубами дыма...

Он сказал первое, что пришло в голову:

— «Пушки с пристани палят, кораблю пристать велят».

— Да. — Рита расплатилась с продавщицей и сунула открытки в сумочку. — С детства люблю эту сказку.

— Я тоже, — сказал Николай. — Когда-то в детстве я перерисовывал эту картинку.

— Перерисовывал? — Рита резко повернулась к нему и посмотрела в упор. — А рисунок никому не дарили?

У Николая перехватило дыхание. Во все глаза он смотрел на это милое, переменчивое, вопрошающее лицо — и вдруг увидел... Проступили давно знакомые черты... задорный нос, обсыпанный веснушками, озорная улыбка, желтые воинственные косички...

— Желтая Рысь? — прошептал он.

**Г л а в а д е с я т а я ,
в которой исчезает „ключ тайны“ и снова появляется
матвеевский нож**

*Черный крест на груди итальянца,
Ни резьбы, ни узора, ни глянца...
Молодой уроженец Неаполя!
Что оставил в России ты на поле?*

M. С в е т л о в , «Итальянец»

Что делала Рита в Москве?

Подруга встретила ее на вокзале и привезла к себе. В тот же день Рита отправилась на Пироговскую и записалась на прием к известному профессору-невропатологу. Профессор принял ее через два дня и внимательно выслушал взволнованный Ритин рассказ.

— Специальный курс лечения, — сказал он. — Только это поможет вашему мужу. Курс нелегкий и длительный, но в нем единственное спасение. У вас в городе успешно практикует доктор Халилов, мой ученик. Вы должны убедить мужа лечь к нему в больницу. Дело в том, что закон разрешает лечение от наркомании только с согласия самого больного. Употребите все свое влияние, чтобы получить согласие мужа. Чем скорее, тем лучше. Я дам вам письмо к доктору Халилову.

Рита встревожилась еще больше. Решила, не дожидаясь конца каникул, выехать домой. Но подруга уговорила ее остаться в Москве еще хотя бы на неделю.

— Сумасшедшая, тебе надо рассеяться, отвлечься, набраться сил, — говорила она. — Посмотри, на кого ты стала похожа. Прежде чем браться за лечение своего муженька, приведи себя в порядок! Свежий воздух и снег — вот что тебе нужно. Завтра мы смотрим чехословацкий балет на льду. В воскресенье возьмем лыжи и поедем за город...

Каждый вечер она водила Риту то на каток, то в театр, то на стадион. Ни на шаг не отпускала от себя. Но днем, когда подруга была на работе, в своей архитектурной мастерской, Рита оставалась одна в пустой квартире. Она читала, слушала утренние концерты по радио или отправлялась бродить по городу.

Дважды к ней наведывался гость.

Опрятин приехал в Москву тем же поездом, что и Ри-

та. Морозным утром, когда поезд стоял в Минеральных Водах и Рита прогуливалась по перрону, Опрытин подошел к ней, заговорил. В Харькове они снова встретились на перроне, и Рита дала ему номер телефона подруги.

Итак, дважды ее навещал Опрытин. В его присутствии она чувствовала себя неспокойно. Казалось, будто за ним стоит тень ее мужа. Что-то грозное, тревожное наплывало вдруг...

Опрытин говорил мягко, сочувственно. Он был согласен с мнением профессора: Анатолию Петровичу следует пройти курс лечения. Он, Опрытин, поможет ему получить отпуск любой продолжительности. Маргарита Павловна не должна беспокоиться: особо тревожных симптомов пока нет. Анатолий Петрович бодр ивлечен работой.

«Работа! — думала Рита. — Каторжная, нескончаемая, бессмысленная. Она отняла у меня Анатолия...»

Опрытин, угадывая ее мысли, говорил:

— Мы сейчас на правильном пути, Маргарита Павловна. Но учтите: срок окончания работы во многом зависит от вас...

В третий раз Опрытин пришел сегодня утром.

За окнами выла метель. В комнате было тепло, из репродуктора лилась беспокойная, напряженная музыка.

— Вальс из «Маскарада», — негромко сказала Рита.

Опрытин сидел на диване, закинув ногу на ногу, и отбивал тakt носком ботинка.

— Маргарита Павловна, — сказал он, когда скрипки, взлетев, оборвали мелодию. — Я рискую надоесть вам, но вынужден снова говорить о ноже Матвеева.

— Это становится невыносимо, — холодно ответила Рита. — Двадцать раз говорила вам: нож утонул.

— Он у вас, — возразил Опрытин. — Не понимаю вашего упрямства. Выслушайте меня и постарайтесь понять. Мы с Анатолием Петровичем создали оригинальную установку. Если исключить тот случайный результат, который наблюдал ваш предок в Индии, никто никогда не подходил так близко к решению проблемы взаимной проницаемости вещества. Мы подошли. Речь идет о крупном научном открытии, Маргарита Павловна. Имя вашего мужа станет в один ряд с самыми блестательными именами эпохи...

— Не хочу! — вырвалось у Риты.

Она, закусив губу, отошла в дальний угол комнаты. И уже спокойней продолжала:

— Не нужно ему никакой славы. Пусть вылечится и вернется домой. И... забудет о проклятом ноже. Только об этом я думаю. Больше ни о чем. И... и оставьте меня в покое.

— Хорошо. — Опрытин встал. — Я оставляю вас в покое. Но Бенедиктов к вам не вернется. Прощайте.

Он пошел к двери.

— Стойте! — крикнула Рита. — Почему... почему он не вернется?

Опрытин резко обернулся.

— Потому что он медленно убивает себя. Потому что дозы, которые он принимает, могут и слона свалить. Потому что он не переживет неудачи. А удача зависит только от ножа. Нож гарантирует решение проблемы и вместе с тем — выздоровление Бенедиктова.

Рита сжала ладонями виски. Глаза у нее были затравленные, больные.

Опрытин ждал. Метель кидала в оконные стекла пригоршни снега, и стекла вздрогивали под ударами.

Деревянными шагами прошла Рита во вторую комнату. Щелкнул чемоданный замочек...

Рита вернулась, бросила на стол нож.

Он упал с легким стуком. Странно легкий стук.

Опрытин неторопливо подошел к столу. Взял нож за рукоятку, впился взглядом в узкое лезвие с дымчатым узором. И вдруг наискось вонзил его в стол. Почти до самой рукояти нож ушел в тяжелую полированную доску. Глаза у Опрытина вспыхнули торжеством.

— Маргарита Павловна, разрешите мне...

— Не надо, — остановила она его. — Уходите.

Она долго стояла у окна. Смотрела с высоты девято-го этажа, как Москву заволакивало снежным дымом.

Потом выбежала на улицу и поехала на вокзал.

— Да, Желтая Рысь... Так прозвали меня в детстве мальчишки с нашего двора... — Она взяла Николая за руку, глаза ее прояснились, будто туманная пелена с них спала. — Ваш рисунок сохранился у меня...

— Меня все время мучило, — сказал Николай сдавленным шепотом. — Все время чудилось что-то знакомое.

— Боже мой, Коля...

— Желтая Рысь...

Пожилая продавщица, глядя на них, заулыбалась:

— Что, встретились, молодые?

— Значит, я не ошиблась... Когда вы делали доклад у нас в школе, я вдруг подумала... Я почти узнала тебя.

— А помните, мы с Юрай пришли к вам...

— Это был Юра? — Рита засмеялась. — Господи, ведь он был такой маленький... Такой отчаянный, с перьями в волосах.

— Ведь мы назвали тогда свои фамилии. Разве вы...

— А ты разве знаешь мою фамилию?

— Нет.

— Ну и я не знала ваших. Кого это интересует в детстве? Если бы мы учились в одной школе, тогда другое дело.

— Мне все время чудилось в вашем лице...

— Почему ты говоришь «вы»?

Действительно, почему? Ведь это Ритка, Желтая Рысь из детства. «Неужели это она?» — изумленно думал Николай, пожирая глазами ее лицо.

— Вы очень изменились... Ты очень изменилась...

Улыбка вдруг сбежала с лица Риты. Она испытующе смотрела снизу вверх на Николая, и ему, как тогда, после доклада в школе, показалось, будто она хочет ему сказать что-то очень важное...

Но она только спросила:

— А ты живешь все там же?

— Да. В Бондарном переулке.

— В Бондарном переулке, — повторила она мягко. — Как будто сто лет прошло...

— Может быть, вы... ты тоже возьмешь билет на среду? — спросил он несмело. — Поехали бы вместе...

Рита помолчала. Еще один день в Москве?.. Нет, она хотела уехать не позднее чем завтра. Нечего ей здесь больше делать. Но неожиданно для самой себя она согласилась:

— Хорошо. Поедем в среду.

Они шли по Садовому кольцу. Рита, заслоняясь варежкой от снега, рассказывала, как уехала тогда, в детстве, с семьей в Ленинград и как началась война и ее

отец, командовавший крупным военным транспортом, погиб при эвакуации Таллина. Она с матерью пережила в Ленинграде всю блокаду, а после войны вернулась в родной город, потому что мать сильно болела и врачи велели ей жить на юге...

— О своем замужестве Рита не стала рассказывать.

— Почему ты ни разу не пришла к нам? То есть в наш двор? — спросил Николай.

— Я заходила однажды, вскоре после возвращения. Разговаривала во дворе с Тараканшой... И про вас с Юрай спрашивала. Она сказала: Юра уехал, не живет здесь. Коля тоже уехал...

— Постой, когда это было?

— В сорок седьмом году. Летом.

— Летом сорок седьмого? Ну да, Юрка тогда уже переехал на новую квартиру. А я... Я уезжал в пионерлагерь, вожатым работал в то лето. Ты просто не поняла Тараканшу.

— Возможно. Заглянула я и в нашу старую квартиру. Там, помню, в галерее сидела толстая женщина и шила. Не очень-то приветливо разговаривала со мной.

— И больше ты ни разу не приходила?

— Нет. Мне было очень тяжело. Слишком все напоминало об отце... Если бы папа был жив, — сказала она, помолчав, — все бы у меня могло сложиться по-другому.

Она зябко повела плечами. Николай решился взять ее под руку.

— Знаешь, — сказал он, — теперь я вспомнил: ведь у вас в комнате на столе лежали два железных бруска с гравировкой. Таинственные буквы... Все время меня мутило, что когда-то я их видел. Ты помнишь? Мы еще поклялись, что разгадаем их тайну...

— Знаешь, как моя фамилия? — спросила она вдруг. — Я Матвеева.

— Матвеева? — растерянно проговорил он. — Позволь, значит, ты...

— Да, Коля. Значит, я. — Рита помрачнела еще больше. — Не надо об этом, — попросила она. — Пожалуйста, не надо! Слишком много для одного дня...

Она осеклась.

Десятки вопросов вертелись на языке у Николая, но он не стал больше говорить о том, что ее тревожило. Он

рассказал ей о себе, и о Юре, и о том, какая у них замечательная яхта. Он не мог понять, слушает ли она его или думает о чем-то другом.

Рита заторопилась домой. Они вошли в троллейбус. И опять Рита испытующе посмотрела на Николая. Открытое лицо, серые внимательные глаза. Уши горят малиновым огнем. Чудак, в такие морозы ходит в легкой шляпе...

— Я очень рада, что встретила тебя, — сказала она тихо. — Мне нужно многое тебе рассказать... Нет, не сейчас. В поезде.

На площади Маяковского он вышел из троллейбуса и вырнулся в метро.

Был уже пятый час, когда Николай вернулся в гостиницу.

— Борис Иванович! — начал он с порога. — Интересные новости!

Привалов, недавно приехавший с совещания, сидел за столом и составлял очередную докладную записку.

— Что Бубукин? — спросил он.

— Завизировал. — Николай вытащил из кармана газету и положил ее перед Приваловым. — Прочтите эту заметочку.

Борис Иванович поднял очки на лоб и быстро пребежал заметку о выставке и ее новых экспонатах.

— Пластинка с надписью «AMDG»... — Он откинулся на спинку стула, и очки сами собой опустились на переносце. — Вы думаете, она имеет отношение...

— Да, Борис Иванович. Та же гравировка, что и на нашем ящичке. А вдруг это «ключ тайны»?

— У итальянского диверсанта? Хм... Сомнительно.

— Де Местр ведь тоже был из Италии, — возразил Николай. — А иезуиты и сейчас существуют. Надо бы съездить, Борис Иванович, посмотреть. Если размеры пластинки совпадут с теми, что на эскизе...

Привалов посмотрел на часы.

— Ладно. — Он встал и сложил бумаги. — Только надо поторопиться, выставка, наверное, рано закрывается.

Через полчаса Привалов и Николай вышли из такси возле старинного особняка в тихом переулке. Посетите-

лей на выставке было немного. У стендса портативными рациями громко спорили, перебивая друг друга, несколько мальчишек. Двое летчиков осматривали остатки заморского самолета, сбитого над нашей территорией.

Во втором зале Привалов и Николай без труда нашли высокую застекленную витрину, в которой стоял в полный рост манекен, одетый в потрепанный костюм, с парашютом на спине. На шее, за расплахнутым воротом, поблескивало маленькое распятие. У ног манекена были разложены плитки взрывчатки, акваланг с гидрокостюмом, пистолет, рация, моток нейлоновой веревки, еще что-то.

Никакой пластинки с надписью «AMDG» не было.

— Странно... — Николай еще раз осмотрел снаряжение диверсанта. — Очень странно. Ведь в газете ясно сказано...

— Обратимся к дирекции, — сказал Привалов.

Они прошли в маленькую, жарко натопленную боковую комнату. Директор выставки, невысокий лысоватый человек в военном кителе без погон, удивился, выслушав Привалова:

— Как это — нет пластинки? Вы, товарищи, просто не заметили. Пойдемте в зал.

Но и директор не обнаружил пластинки с иезуитским девизом. Она исчезла. Лицо директора стало озабоченным.

— Вчера вечером пластинка была на месте, — сказал он отрывисто. — Я экскурсантам ее показывал. — Тут он заметил, что дужка маленького замочка на дверце витрины перерезана. — Кусачками перекусили, — проговорил он и покачал головой. — И цепочку, на которой висела пластинка, тоже, наверное, кусачками.

— Может, на цепочку польстились? — предположил Привалов. — Она золотая была?

— Позолоченная. Нет, тут другое... Распятие — видите? — не тронули, а оно золотое. — Директор посмотрел на Привалова. — Попрошу вас, товарищи, задержаться. Как свидетелей.

Он повел их к себе в кабинет. Сунул желтый от табака палец в телефонный диск, набрал номер и попросил кого-то срочно приехать. Затем вытянул обе руки на столе и попросил Привалова объяснить, почему его интересует именно эта пластинка.

Привалов коротко изложил историю ящиков. Об их содержимом он умолчал, сказал только, что оно представляет интерес для Академии наук.

— У вас, конечно, есть опись имущества диверсанта, — заключил он свой рассказ. — Разрешите взглянуть на описание похищенной пластинки. Нам бы хотелось сверить ее размеры с нашими данными и...

— Минуточку, — сказал директор. — Попрошу предъявить ваши документы.

Он долго и старательно читал документы инженеров. С Привалова градом катился пот. Он снял папаху и вытер платком лоб и шею.

Письмо со штампом Академии наук произвело на директора серьезное впечатление.

— Прошу извинить эту формальность, — сказал он, возвращая документы. — Понимаете, дело не простое...

— Так вы разрешите нам посмотреть опись?

Директор извлек из шкафа зеленую папку, перелистал ее.

— Вот. Только дальше этой страницы попрошу не читать.

Привалов и Николай с изумлением прочли, что труп диверсанта и его снаряжение были найдены в августе прошлого года в окрестностях Дербента кандидатом технических наук Н. И. Опрытиным.

— Всюду этот Опрытин, — негромко проговорил Николай.

— Что-то я слышал насчет его дербентского приключения, — заметил Привалов. — Ну, дальше.

В описи за номером 14 значилась металлическая пластина с вырезанными буквами «AMDG» и ниже и мельче — «JdM». Вес пластинки — 430 граммов. Размеры...

— Те самые, — сказал Николай взволнованно. — Я хорошо помню. Это «ключ тайны», Борис Иванович. Никаких сомнений.

Затем им пришлось повторить рассказ о ящичках приехавшему следователю — черноглазому молодому человеку. Следователь слушал, записывал что-то в блокноте.

— Вы считаете, что кража совершена лицом, которое знало о возможной научной ценности ящичка? — спросил он.

Привалов пожал плечами:

— Во всяком случае, любопытно, что вор взял именно этот ящичек, хотя рядом висело золотое распятие.

— Кто, кроме вас, знает про ящички?

— Знают многие сотрудники нашего института. Знают некоторые ученые. Это солидные люди, все они вне подозрений.

— Безусловно, — согласился молодой человек. — Но все-таки, будьте любезны, назовите их.

Привалов назвал фамилии. Николай попросил записать еще и Опрытина и Бугрова Владимира.

— Кстати, они сейчас в Москве, — добавил он. — Опрытин, конечно, сам не похищал, а вот Бугров... Имею на него подозрение.

— Их адрес?

— Гостиница «Золотой колос», седьмой корпус.

Следователь поблагодарил инженеров и попросил не разглашать историю с кражей, «пока не будут выяснены ее мотивы».

Было уже довольно поздно, когда наши друзья вышли на улицу. Мела поземка. Мороз пощипывал уши.

В полупустом вагоне метро Привалов сказал:

— Вы в самом деле подозреваете Опрытина?

— Он знал об эскизах ящиков. Ну, а диверсанта он, оказывается, сам нашел... И, если он с Бенедиктовым работает над проблемой проницаемости, то, конечно, «ключ тайны» должен его здорово интересовать.

— «Ключ тайны»... Что бы это могло быть? — задумчиво сказал Привалов. — Очевидно, очень важный документ.

— Может быть, описание установки?

— Не успел вам рассказать о встрече с вашим тезкой.

— С моим тезкой? — переспросил Николай. — А, с Опрытиным! Расскажите, Борис Иванович.

— Да что рассказывать? О ноже он ничего не знает. Отверг с негодованием. Когда встретились — сиял улыбкой, когда прощались — волком глядел. Скрытый человек...

Они шли по дорожке, протоптанной в снегу, к гостиничному городку. С одной стороны тянулись заборы, с другой — промтоварные ларьки и киоски. Где-то выла собака. Впереди сверкали освещенными окнами корпуса гостиниц.

«Ну и денек!» — подумал Николай. Только теперь он вспомнил, что не обедал сегодня.

— Пойду в столовую, Борис Иванович.

Проходя мимо седьмого корпуса, Николай вдруг остановился у подъезда.

«А что, если попробовать?.. — подумал он. — Вызвать его из номера, только чтоб Опрытин не знал... Сразу огорчить его вопросом, к стенке прижать...»

Он вошел в вестибюль и попросил дежурного администратора вызвать из сто тринадцатого номера гражданина Бугрова.

— Бугров? — сказал администратор и заглянул в пухлую книгу. — Выбыл Бугров. В шестнадцать двадцать. Опрытин и Бугров. Вызвали такси и уехали в аэропорт.

*Глава одинацкая,
в которой внимание читателя предлагаются дополнительные
сведения из истории рода Матвеевых*

Как прилежно стараюсь я вести рассказ, не останавливаясь, и как плохо мне это удается! Но что же делать! Люди и вещи перепутываются таким досадным образом в этой жизни и сами напрашиваются на ваше внимание. Примем это спокойно, расскажем коротко, и мы скоро проникнем в самую глубь тайны, обещаю вам!

У. Коллинз, «Лунный камень»

Свисток — как удар бича. Поезд послушно тронулся. Поплыл перрон мимо зеленых вагонов, и вместе с перроном стали упывать столбы, киоски, Ритина подруга, машущая рукой, и Борис Иванович в новой коричневой кепке.

Прошай, Москва!

— Молодой человек, поднимитесь с подножки, — строго сказала толстая проводница.

Николай, в последний раз махнув рукой, поднялся и вслед за Ритой вошел в коридор вагона.

За окном все еще текли московские улицы, кварталы новых домов, магазины, троллейбусы. На переездах, за полосатыми шлагбаумами, урча моторами, толпились автомобили.

— Давно я не ездил в поездах, — сказал Николай. — Дикая трата времени. Летать куда лучше.

— А я люблю поезда, — сказала Рита. — Хорошо спится в дороге. И читается. Люблю смотреть в окно.

— Тебе не жаль уезжать из Москвы?

Рита пожала плечами.

В соседнем купе шел громкий спор. Упитанный гражданин средних лет не пожелал уступить женщине нижнее место, мотивируя это тем, что заплатил за него деньги; соседи совестили его. Николай ввязался в спор и упрекнул гражданина в отсутствии гуманизма.

— Ты, оказывается, крупный общественник, — сказала Рита.

— Ничем его не прошибешь, — проворчал Николай. — Сидит с величественным видом в своей пижаме и ухом не ведет.

— Может быть, он начальство?

— Любое начальство, даже самое грозное, на девяносто процентов состоит из воды.

— Не только начальство. — Рита улыбнулась.

В Серпухове Николай выскочил на перрон. Ему очень хотелось купить чего-нибудь для Риты. Но в ларьке, кроме колбасы, консервов и печенья, похожего на круглые кусочки фанеры, ничего не оказалось. Николай нетерпеливо огляделся. Навстречу шла шустрая девчонка в белом халате и огромных валенках.

— Купите мороженое! — взывала она к пассажирам. — Мороженое кому?

— Мне! — не задумываясь, отозвался Николай.

Он вошел в купе и протянул Рите холодный дымящийся пакетик. Рита удивленно посмотрела, подбородок у нее задрожал от сдержанного смеха.

— Ну кто в такой мороз ест мороженое?

— Реклама велит есть мороженое круглый год.

— Ну и ешь его сам. Раз ты придерживаешься требований рекламы.

Николай молча развернул пакетик, откусил. Заныли зубы. Рита взглянула на его огорченное лицо, и глаза у нее стали мягкими и грустными. Она отвернулась и долго смотрела в окно. Там убегали березы — белые на белом снегу. На их голые ветки нанизывались клочья желтого дыма.

Быстро сгущались ранние зимние сумерки. Возникли

и пролетели мимо небольшой поселок, замерзшая речушка и три темные фигуры с удочками над прорубями.

Николай проговорил негромко:

— Рита, ты хотела о чем-то мне рассказать.

— Да.

Мерно постукивали колеса на стыках рельс.

Николай ждал, рассеянно глядя в окно.

— Не знаю, с чего начать, — сказала наконец Рита. — Сложно все у меня... Я ни с кем еще не делилась... — Она тихонько вздохнула. — Ну, слушай. Ты вспомнил, как тогда, в детстве, у папы на столе лежали два металлических брусков. Так вот. Расскажу все, что знаю о них...

Да будет позволено авторам взять на себя этот рассказ. Ибо они имеют основания полагать, что знают историю с ящичками лучше, чем Рита.

РАССКАЗ О ТРЕХ ЯЩИЧКАХ

Слухи о матвеевских чудацствах давно ходили по Петербургу. Говорили, будто еще в царствование Петра Алексеевича один из Матвеевых, флота поручик, вывез из Индии девицу с колдовскими черными глазами и от оной девицы пошла в матвеевском роду порча. Сыновья и внуки в государевой службе до больших чинов не доходили — сами обрывали карьеру прошениями об отставке и уезжали в тверское имение. Там жили аناхоретами, к себе на порог мало кого пускали. От сих немногих, однако, было известно, что будто далеко за полночь из запретной горницы слышатся шорохи, скрежет и разные трески, сыплются адские искры и по дому простирается свежий дух, каковой бывает после грозы.

И еще ходили шепоты, будто хранят Матвеевы волшебный нож, от той индийской девицы в приданое полученный. Что за нож, в чем волшебство, никто толком не знал, пока не настал черед Арсению Матвееву, правнуку флота поручика, выпускаться из Морского кадетского корпуса. Было это еще перед Бонапартовым нашествием. Молодые мичманы сняли у Демута, на Мойке, номер для холостяцкой пирушки по случаю производства в офицеры. За пуншем произносили горячие речи. Вспо-

минали морские походы — всем уже довелось поплавать в бытность гардемаринами. Мечтали о дальних кругосветных плаваниях, подобных тому, что совершили Круzenштерн и Лисянский. Не знали еще, что многим из них судьба приготовила сухопутные баталии....

Раскраснелись от хмеля будущие мореходы, порастегивали новенькие мундиры. В разгар пирушки Арсений Матвеев положил на стол смуглую руку ладонью книзу и по самую рукоять всадил в нее выхваченный из-за пазухи нож. Затем быстро спрятал нож обратно, и... диво дивное — ни кровинки на пораженной руке, ни царапинки! Да полно, не почудился ли сей нож с пьяных глаз молодым вертопрахам?

Весть о чуде в Демутовых номерах разошлась по петербургским гостиным. Говаривали, верно, что в старину и не такое еще бывало. Старики вспоминали отцовы и дедовы рассказы о дивном несгораемом на огне платке, кавовой за тысячу рублей поднесли государыне Екатерине Первой заезжие греческие монахи.

Впрочем, про Матвеева скоро забыли: не до него было. Войско Бонапартово переправлялось через Неман, началась война. Пороховым дымом заволокло эти грозные и славные годы.

Но был один человек в Петербурге, всегда одетый в черное, который не забыл о чуде с ножом. От верных людей он исправно получал сведения об Арсении Матвееве, где бы тот ни был — на Бородинском ли поле, в Тарутинском ли лагере, в Лейпцигском ли госпитале, откуда, оправившись от ранения, уехал Арсений в отцово имение под Тверью, на поправку.

Имя человека в черном было граф Жозеф Мария де Местр, посланник сардинского короля (лишенного своих владений) и значительное лицо в ордене иезуитов.

Перед войной существовал в Петербурге иезуитский пансион — немало отпрысков именитых семей за дорогою плату обучалось в нем латынским молитвам, божественной истории да еще послушанию и смирению. Воспитанники пансиона, выйдя в государственную службу, не забывали своих духовных отцов. Чаще других наведывался к де Местру молодой князь Курасов. Он-то и поведал сардинскому посланнику о прелюбопытном ноже: князь был в числе немногих статских, приглашенных

на мичманскую пирушку, и сам видел, как Матвеев прокинул ножом руку, не причинив ей вреда.

Де Местр, выслушав молодого князя, призадумался. Нож, проникающий безвредно сквозь руку?.. Старый иезуит верил в небесные знамения столь же незыблемо, сколь в славное предначертание общества Иисуса — неусыпного стражи веры и престолов. Поразмыслив, граф острым своим умом постиг: то было знамение свыше. Подобно ножу, проникающему тело, иезуиты беспрепятственно пройдут в покой монархов, в палаты сановников, дабы склонить их к истреблению вольнодумства. Довольно расплодилось богомерзких наук, от коих проистекло диавольское якобинство, разрушающее троны! Настала пора подвигнуть людские сердца к смиренению пред божественным промыслом. Настало время возвысить орден вопреки гонениям, вопреки слепоте иных владык. Ему, Жозефу де Местру, выпала высокая честь — представить сие знамение ордену.

Граф решил не упускать молодого мичмана из виду. От бывших питомцев пансиона знал обо всех превратностях его военной судьбы. Знал граф и то, что Матвеев после ранения и отсидки в тверском имении был отозван в Балтийский флот, произведен в лейтенанты и пребывал ныне в Кронштадте.

В мартовский день 1815 года (тот самый день «страстной недели», когда на другом конце Европы русское войско начало штурм Парижа) возле дома сардинского посланника остановилась карета. Из нее вышел высокий узкодлий человек и, аккуратно обойдя порядочную лужу талого снега, поднялся по ступеням в дом. Он сбросил шубу на руки старому слуге-французу, взбил прическу у висков, оправил серый сюртук и велел доложить о себе посланнику. Граф принял его немедля. Войдя в залу, узкодлий человек почтительно поклонился.

Де Местр сидел в глубоком кресле у камина. Обратив к вошедшему пергаментно-желтое, в крупных морщинах лицо, он жестом указал на стул, сказал тусклым голосом:

— Какие новости, mon prince?

Молодой князь Курасов сел на кончик стула, поджал длинные, обтянутые панталонами ноги.

— Изрядные новости, ваше сиятельство, — ответил он тихо. — Удалось дознаться, что нож Матвеев с собой

не возит, оставил его в Захарьине, отцовском имении. Засим, в Кронштадте снаряжается бриг «Аскольд» для дальнего плавания и обретения новых земель в Великом океане. Матвеев назначен на бриг старшим офицером...

— Это все? — Граф прикрыл глаза веками.

— Нет. Теперь, ваше сиятельство, главная новость. Третьего дни в компании офицеров, таких же умствователей и афеистов, каков он сам, Матвеев произносил крамольные речи: надобно-де в России созвать генеральные штаты...

Де Местр выпрямился в кресле, ударил сухонькой рукой по подлокотнику. Неожиданно молодо и зло сверкнули глаза на желтом лице.

— Полагаю, ваше сиятельство, — осторожно заметил Курасов, — полагаю полезным дать ход делу о недозволенных речах...

Де Местр остановил его жестом. И погрузился в раздумье.

— Нет, князь, — сказал он после долгой паузы, — мы сделаем иначе. Когда отплывает лейтенант на бриге?

— В июне.

— Превосходно! Мы долго ждали, подождем и еще — до июня. Дело должно быть сделано без лишнего шума. Не трогайте Матвеева...

Бриг «Аскольд» вышел из Кронштадта в середине июня. Попутные ветры понесли его по синему простору Атлантики к мысу Доброй Надежды. Плавание было долгим и трудным. «Ревущие сороковые» едва не погубили бриг. Рвались снасти, стонали доски обшивки под ударами волн, и уж не чаяли служители увидеть когда-либо берег милого отечества.

Много чужих земель и портов повидали российские мореходы и многие острова в Великом океане положили на карту.

На третьем году плавания обогнули мыс Горн, поворотили к северу.

В жаркий февральский день «Аскольд», изрядно потрепанный злыми штормами, вошел в «Реку января» — Рио-де-Жанейро (так назвал широкую бухту некий португальский мореход, приняв ее по ошибке за устье реки).

Лейтенант Матвеев, исхудавший, опаленный солнцем и ветрами, стоял на шканцах и смотрел, как медленно проплывает по левому борту знакомая по описанию гора

Сахарная Голова (и впрямь похожа!), а по правому — мрачноватая старая крепость Санта-Круц, стерегущая вход в залив.

На крепостной стене появился человек с большим ру-пором, крикнул что-то по-португальски. Видя, что на бри-ге его не поняли, повторил вопрос по-английски: кто, мол, и откуда и долго ли были в море. Арсений прокричал от-вет, тоже по-английски.

В глубине огромной бухты — островки, еще крепост-ца, тьма-тьмущая купеческих судов. На западном бере-гу, при подошве гор, поросших лесом, белеет средь пыш-ной зелени город Сант-Себастьян. Темной глыбой вы-сится гора Корковадо, проткнув вершиною пухлые не-движные облака. По-над городом, на холмах, — белые стены католицких монастырей. Зелено, солнечно, сине — райская страна, чистая Аркадия...

Пущечно отсалютовали королевскому флагу над кре-постью. Ответствовано было — выстрел за выстрел.

Свистнула боцманская дудка, затопали по нагретым доскам палубы босые матросские ноги. Понаторевшие в долгом океанском плавании служители вмиг убрали па-руса. Грохоча, пошла разматываться со шпиля якорная цепь.

Спустили баркас. Командир брига с Арсением и су-довым врачом съехали на берег — представляясь порту-гальским властям, а заодно и русскому генеральному консулу — Лангсдорфу Григорию Ивановичу.

Вблизи город не столь красив. Набережная, верно, хо-роша, дома стоят добрые, иные в три и четыре этажа. А дальше — узкие улочки, с грязью и воностью. Пестрая, шумная толпа, монахи, одноколки, запряженные му-лами...

Из раскрытых дверей какой-то лавки несутся топот ног и заунывное пение.

— Невольничий торг, — поясняет Лангсдорф.

Арсений заглядывает внутрь. Десятка два полуголых, покрытых коростой негров приплясывают средь низень-ких скамеек. Бородатый белый человек в широкополой шляпе наблюдает за ними. Кто не довольно резво пля-шет — вмиг взбадривает того палкой. Тут же двое белых покупателей: щупают мускулы, заглядывают невольни-кам в рот — целы ли зубы...

В темных глазах Арсения — ярость и гнев. И здесь...

рабство. Мерзостное торжище... Доколе же будет прости-
ваться позорнейший из позоров на совести человече-
ства!..

Уже пали сумерки, когда Лангсдорф повел офицеров к своему дому. Приключилась неприятность: с верхнего этажа кто-то выплеснул на улицу нечистоты — чуть-чуть не на голову. Арсений, отскочив, оглядел забрызганные сапоги, возмущенно повернулся к Лангсдорфу.

Григорий Иванович качает головой, смеется:

— От пакостного сего обычая местные жители никак не отстанут. По вечерам с великою оглядкою надобно ходить...

Григорий Иванович Лангсдорф — хозяин рачительный. Сладким вином, дивными фруктами потчует он гостей, да и послушать генерального консула — удовольствие. Консул он по должности, а по духу, по страсти — натуралист, путешественник, с самим Иваном Федоровичем Круzenштерном по морям хаживал.

Только не слушает Арсений добродушного консула. Хмурясь, читает письмо от отца — оно почти два года, оказывается, ожидало его здесь.

Вот что писал старик:

«По праву отеческому должен бы в первых строках преподать тебе некую нотацию, сиречь поучение: пошто своим вольномыслием на дом отеческий злое навлек. Однако ж не возмогу на тебя иметь сердца, ибо ведаю, каков ты, и мыслям твоим не супротивник. К тому ж хвораю я и об одном молю господа — твоего возвращения из дальних морей дождаться.

Изложу кратко о напастях, посетивших дом наш не волею божию, а единственно от злого умыслу иных людышек.

Из приятелей твоих бывших ведом тебе конешно князь Курасов. Благонравием и почтительностью оный Курасов ныне до чинов дошел и, как слышно, к тайной канцелярии некое причастие имеет. По злобе ли на тебя — может, какое амурное ривалите меж вами было или еще по какому резону, — только донес он на тебя, Арсюша, все, что ты по отроческой горячности не таясь сказывал и какие книги читывал. А по тому доносу нагрянули в Захарьино служивцы и, обыск учинив, весь дом кверху дном поворотили, разыскивая якобы крамольные бумаги.

Только сдается мне, что иное им потребно было. Ибо таковых бумаг не нашед, оные псы в особливой нашей горнице с превеликим тщанием рылись и электрические машины кругом обсматривали, а известную тебе рукописную повесть о индийском вояже моего деда, а твоего прадеда, Федора Арсентьевича, с собою унесли, также и прехитрый нож его...»

Дочитав до сего места, Арсений дернулся в кресле. Сквозь загар пропустила бледность.

— Неужто печальная весть? — участливо спросил Григорий Иванович.

— Батюшка хворает, — сказал Арсений. И, достав красный фуляр из кармана, вытер взмокший лоб...

В начале июня 1818 года — без малого через три го-да! — «Аскольд» вошел на большой рейд Кронштадтской гавани.

На другой день, спозаранку, камердинер доложил князю Курасову, что желает его видеть лейтенант Матвеев. Князь сидел в халате, с намыленными щеками, отдавшись во власть брадобрею.

— Скажи, нет дома, — велел он.

Послышался шум, камердинеровы вопли. Распахнулась дверь, и на пороге встал Арсений, загорелый до черноты, в мундире, при шпаге. Курасов оттолкнул руку брадобрея, медленно поднялся, стирая со щеки мыльную пену. Арсений устремил на него горящий взгляд:

— Так-то, князюшка, встречаешь старых друзей?

— Подите прочь, сударь, — холодно молвил князь. — И благодарите всевышнего, что легко отделались в вашей крамоле...

Арсений положил руку на эфес шпаги, проговорил со-держаненным бешенством:

— Извольте сей минут вернуть мне сувениры, взятые в отцовом имении!

Узкое лицо князя стало белее кружевных манжет. Он медленно отступил к задернутой пологом постели, потянулся к шнуре — позвонить... В два прыжка Арсений подскочил к нему с выхваченной шпагой.

— Ну, тать ночная! — крикнул он.

Брадобрей с визгом выбежал из комнаты.

Князю стало не по себе. Спотыкаясь на словах, он признался, что те сувениры после обыска были отданы графу де Местру, бывшему сардинскому посланнику...

— Где проживает езuit? Сказывай живо!

— В прошлом году граф покинул Россию, — сумрачно ответил Курасов. — Где он сейчас, мне не ведомо...

Недолго пробыл Арсений в Петербурге. Подав прошение об отставке, уехал в Захарьино.

Прошло три месяца с лишком.

Теплый сентябрьский день угасал. В небольшом белоснежном доме, стоявшем средь сада на окраине одного североитальянского города, зажигали свечи. Их колеблющийся свет отражался в темно-красных панелях, что опоясывали стены кабинета. Возле изящного стола, опервшись на него, стоял худощавый старик в черном. Он рассматривал пергаментный лист, близко поднеся к глазам. Другой человек, несколько помоложе и дороднее, ожидал, стоя в сторонке.

Старик положил пергамент на стол и сказал:

— Мои друзья не ошиблись, рекомендовав мне вас и вашу ученость. Я доволен вашей работой, синьор.

Ученый с достоинством поклонился. Старик достал из ящика стола кошелек:

— Вы оказали большую услугу ордену.

— *Ad majorem Dei gloriam*, — проговорил ученый, принимая кошелек. — Желаю графу спокойной ночи.

Старик отпустил его. Затем кликнул слугу, велел запереть все засовы в доме и затопить камин: на старости лет граф де Местр стал сильно зябнуть.

Он сел за стол и еще раз просмотрел пергамент. Он был доволен: старой загадке, вывезенной из холодной России, дано превосходное толкование. Настанет великий день — и слава ордена Иисуса воссияет, как никогда прежде. Он, граф Жозеф де Местр, не зря потрудился на долгом своем веку...

Где-то неподалеку прозвучал и оборвался цокот копыт по каменистой дороге.

Граф открыл резной ларец, извлек оттуда рукопись, свернутую и перевязанную лентой, и нож с костяной рукояткой. Затем из ларца же вынул один за другим три железных ящичка. Полюбовался их сверкающими гранями. Опытный туринский мастер сработал их по его заказу, и на каждом резец оставил четкие буквы — начальные буквы великого девиза:

A M D G.

А ниже — графская корона и его, Жозефа де Местра, инициалы:

J d M.

Он положил свернутую рукопись в один из ящиков и пробормотал при этом:

— Источник.

Затем осторожно взял нож за рукоятку и отправил его во второй ящичек:

— Доказательство... А это, — он аккуратно сложил пергамент, оставленный синьором ученым, — это будет ключ тайны...

Внезапно он оглянулся на темное окно: показалось, будто хрустнул песок под чьей-то ногой... Нет, все тихо.

Граф положил «ключ тайны» в третий ящичек. Осталось только закрыть крышки и велеть зачеканить. Но он медлил. Придвинул к себе чистый лист бумаги и начал писать послание одному из друзей. Он любил писать длинные письма и достиг в этом многотрудном жанре изрядного искусства.

Перо на разбеге строки брызнуло чернилами. Граф поморщился. И верно, куда удобнее писать этими новомодными грифелями, заделанными в дерево.

Снова шорох за окном. Привратник бродит там, что ли?..

Граф подошел к окну, распахнул его — и отпрянул с коротким криком. Из тени старого граба на него смотрел человек в плаще и широкополой шляпе. В следующий миг незнакомец перемахнул через подоконник. Он был смугл и молод, темные глаза его смотрели яростно...

— В вашем доме, граф, бдительная стража, — сказал он по-французски. — Мне не оставалось ничего иного, как прыгнуть через забор. Успокойтесь, я не разбойник.

— Кто вы такой, сударь? — спросил де Местр, несколько оправившись от испуга. — Что вам нужно в моем доме?

— Я Матвеев. И этим сказано то, что мне нужно.

Желтое лицо де Местра перекосилось. Вдруг с неожиданной для его старого тела прытью он метнулся к столу, к ящику с пистолетами.

— Ни с места, граф!

Из-под плаща незваного гостя на де Местра уставился черный зрачок пистолета. Граф отступил на шаг.

Поняв, что дело проиграно, старый иезуит заговорил ласковым тоном:

— Сын мой, не пристало вам грозить оружием старику. Очевидно, вас ввели в заблуждение...

— Молчите! — прервал его Матвеев. — Не затем изъездил я Францию и Италию, разыскивая вас, чтобы слушать ваши жалкие увертки. Нож и рукопись на стол! Я считаю до трех...

— Нет нужды, — тусклым голосом отозвался граф. — Они на столе...

Арсений шагнул к столу. Радостно сверкнули его глаза при виде ножа.

— Рукопись в том ящичке, — сказал де Местр. — Третий не трогайте. Это мое.

— Я не иезуит, мне чужого не надобно, — отрезал Арсений по-русски. — А за коробки железные получите.

Он кинул на стол золотую монету. Затем захлопнул крышки и сунул ящички с ножом и рукописью в карманы.

— Не вздумайте поднимать шум, вы, старая лисица, — сказал он на прощанье, — иначе не миновать вам дырки в сюртуке.

С этими словами Арсений выпрыгнул в окно. Зацокали, удаляясь, копыта по каменистой дороге...

Что было дальше?

Вернувшись в Россию, Арсений так и не смог всерьез, как мечталось, заняться разгадкой тайны, вывезенной прадедом из Индии. Другие дела поглотили его. Похоронив отца, он дал вольную немногим своим крестьянам, оставил имение младшему брату. Ящички надежно зачеканил. Сам же поселился в Петербурге. Вступил в тайное общество...

После 14 декабря неожиданно, ночью порой, прискакал Арсений в Захарьино. А наутро в дом ворвались жандармы. Выходя под стражею, он успел лишь шепнуть брату:

— Те ящички храни пуще глазу... Прощай, Павлуша...

Арсений Матвеев был сослан в Нерчинские рудники. И не вернулся оттуда.

— Вот и все, — сказала Рита. — Он привез из-за границы две железные коробочки, и с тех пор их хранили в семье Матвеевых. Просто в качестве какой-то релик-

вии. Никто не знал, что внутри что-то есть... А когда мы с мужем стали переезжать на новую квартиру, из одного ящичка вдруг высунулся этот нож... Второй ящичек мама выбросила вместе с хламом — он был грязный и ржавый и лежал под комодом вместо ножки. Кто ж мог знать, что в нем рукопись...

— Значит, ты никогда ничего не слыхала о третьем ящичке? — спросил Николай.

— Нет. Потому я и удивилась, когда вы с Юрой тогда пришли ко мне и спросили... А что ты знаешь о нем?

— Только то, что он существует.

И Николай рассказал Рите про итальянского диверсанта и кражу в музее.

— В этом ящичке лежит нечто очень важное, — проговорил он в заключение. — Де Местр назвал его «ключом тайны».

— Кто же мог его украсть?

— Не знаю. — Николай не стал делиться с ней своими подозрениями. Да и насколько они обоснованы? Ведь о ящичках знал не только Опрытин. Знали многие. Не поторопился ли он, высказав следователю свои подозрения?..

Вагон уже спал. Из соседнего купе доносился богатырский храп. Толстая проводница подметала коридор.

А они все стояли у окна и смотрели, как летит за окном снежная ночь, отмеряя телеграфными столбами.

Николай изумленно думал о том, что вот она стоит рядом, локоть к локтю, больше уже не чужая и недосыгаемо далекая, а давно знакомая Желтая Рысь из детства — и все-таки чужая и незнакомая.

— Послушай, Коля, — сказала она вдруг, прижавшись лбом к стеклу и закрыв глаза, — я могу тебе доверять?

Он хотел сказать в ответ, что готов сию минуту выпрыгнуть на полном ходу из поезда, если она прикажет...

— Да, — сказал он.

Рита помолчала. Потом вскинула голову:

— Кажется, я сейчас разревусь, если не расскажу...

И она, не таясь больше, рассказала ему о несчастье, которое обрушилось на нее. О том, как Анатолий Петрович начал исследовать нож, а она подогревала его честолюбие. И как он, желая увеличить работоспособность,

понемножку стал наркоманом. И о том, как она прыгнула тогда с теплохода за упавшим ножом, поймала его в прозрачной воде и спрятала на груди, а мужу сказала, что нож утонул, потому что — так ей казалось — без ножа он не сможет продолжать исследования. И о том, как она уговаривала Анатолия бросить эти проклятые опыты, а он связался с Опрытиным и изнуряет себя работой и наркотиками, и как он ушел из лому... И, наконец, о том, что позавчера она отдала Опрытину нож в надежде, что это ускорит окончание работы и вернет ей Анатolia...

— Ты отдала нож Опрытину?! — вскричал Николай.

Она посмотрела на него долгим взглядом.

— Ты должен дать мне слово, что никому — слышащий? — никому об этом не расскажешь. Даже Юре.

— Почему, Рита? Почему я должен молчать? Наоборот, надо действовать. Надо убедить твоего мужа, что такие опыты не делаются в одиночку. Пусть он придет к нам.

— Нет, — сказала она. — Он не станет даже слушать. Только разозлится еще пуще.

— Меня, конечно, не станет слушать. А Привалова и Багбанлы послушает...

— Нет. Ты не знаешь его. — Рита настойчиво повторила: — Дай слово, что будешь молчать. Я требую.

— Хорошо, — понуро сказал Николай. — Обещаю.

Часть четвертая

ОСТРОВ ИПАТИЯ

*Подымали тонки парусы полотняные.
Побежали по морю Каспийскому...
Из былины «Василий Буслаевич»*

Глава первая
О том, как лаборатория Приввёла временно вышла из строя

Эту энергию земной шар удерживает пленинной и конденсированной в грубых клетках вещества. Мое дело, следовательно, свелось только к тому, чтобы устранить это препятствие.

Жюль Верн, «Погоня за метеором»

В это прекрасное июньское утро Валерка Горбачевскому казалось, что его бутылочно-зеленые защитные очки «бабочка» стали розовыми. Отпуск для сдачи экзаменов кончился, все обошлось благополучно, если не считать тройки по английскому.

Впервые после двадцатидневного перерыва Валерка шел на работу. Он торопился: пришлось к восьми забежать в библиотеку, чтобы сдать учебники, и теперь он побаивался, что ему влетит от инженера Потапкина за опоздание.

Обогнув клумбу гладиолусов, Валерка влетел в вестибюль. Он пробежал сквозь ветвистые никелированные заросли гардеробной и мимо закрытой табельной доски, надеясь за счет высокой скорости избежать встречи с табельщицей.

Однако маневр не удался. Табельщица, хорошенъкая Надюша, была на месте. А около нее почему-то сидел инженер Костюков, недосягаемо прекрасный в кремовых брюках и новой зелено-желтой ковбойке навыпуск. Он неторопливо развлекался, отпуская девушке комплименты в духе XVIII века: увлечение Матвеевым еще не прошло. Надюша не все понимала, но ей очень нравилось: она прыскала в ладошку.

При виде Валерки Юра величественно взглянул на часы и сказал:

— Надин, отметьте, пожалуйста, — опоздал из отпуска на одиннадцать минут и имеет нераскаканный вид.

«Ты-то что здесь делаешь?» — неподумательно подумал Валерка, но вслух сказал первое, что пришло в голову:

— Юрий Тимофеевич, троллейбус...

— Ах, троллейбус! — Юра понимающе закивал. — Конечно, конечно, я как-то не подумал. Есть прекрасные стихи: «Почему же, отчего же опоздал на час Сережа? Мы в трамвае ехали, собаку переехали...» Ну, и так далее; там очень интересно получилось. Впрочем, судьба милостива к лодырям. Придется с Агни Барто переключиться на Николая Тихонова...

Тут Юра откинул голову, простер длинную руку и продекламировал:

Слушай, Денисов Иван!
Хоть ты уже не егеръ мой,
Но приказ по роте дан,
Можешь идти домой.

Валерка озадаченно моргал, ничего не понимая. Надюша тряслась от смеха, зажимая рот. Юра вытащил из нагрудного кармана сложенную бумажку:

— На, получай выписку из приказа.

— Очередной отпуск? — изумился Валерка, прочитав бумажку. — Но я не просил...

— Администрация в некоторых случаях имеет право предоставить отпуск независимо от желания трудящего-

ся, — нудным голосом сказал Юра. — Я тоже не просил. И все наши не просили.

— Как — все наши? Вся лаборатория?

— В девять придет кассирша, получишь отпускные. И не задавай лишних вопросов. Видишь, я ничего не спрашиваю, и ты помалкивай.

— Я пока в лабораторию пройду, — сказал Валерка.

— Не ходи. Видишь, я не иду — и тебе не надо.

Юра был прав: администрация имеет право в случае возникновения обстоятельств, временно препятствующих производству работ, уволить в отпуск тех, кого это коснулось.

А обстоятельства сложились именно так.

Одним из результатов зимней командировки Привалова в Москву было включение в институтский план темы, связанной с бесструйным нефтепроводом. Задача осталась достаточно скромная: основные работы вел Институт поверхности. Тем не менее осторожный Колтухов воздерживался от постановки опытов.

— Ну вас к лешему, — ворчал он в ответ на доводы Привалова, — с вашей милой привычкой совать пальцы куда не нужно! Завтра твой лаборант голову сунет в индуктор, а Колтухов отвечай?

Молодые инженеры осуждали Колтухова. Особенно кипятился Юра. Он снова вспоминал, как инквизиторы давили на Галилея, и дело дошло до того, что Колтухов вызвал его к себе и закатил выговор «за разболтанность».

Николай тоже плохо переносил оттяжку работ по бесструйному. Теперь, после того что он увидел и услышал в Институте поверхности, он дал волю своей фантазии. Почти все вечера он просиживал с Юрай за какими-то планами и расчетами. Они спорили и кричали друг на друга, и теперь уже Николай нередко обвинял Юру в «узости мышления».

— А давно ли ты, — ехидно спрашивал Юра, — давил на меня, как...

— Ладно, ладно. Тебя задавиши! — отвечал Николай.

Они вдруг увлеклись проблемой противометеоритной защиты космических кораблей: при встрече в пространстве установка автоматически срабатывает, поверхности

сдна за другой раскрываются, и метеоритное тело свободно проходит сквозь корабль, не причинив ему вреда...

Наши друзья с жадностью набросились на астрономию и космонавтику. Многое было им не по зубам. Они повадились ходить к Привалову домой. Борис Иванович охотно выкладывал им все, что знал о проблемах времени, пространства и тяготения, и снабжал книжками.

— Я катастрофически поумнел, — говорил Юра, осилив очередную книгу. — Хоть в академию меня бери ученым секретарем.

— Ученым котом, — смеялся Николай.

Но шли месяцы, и Юра стал замечать, что его друг проявляет все меньше и меньше интереса к «проблемам». Николай не желал по вечерам вылезать из дома, только в кино иногда ходил. Поостыл к научным книжкам, перечитывал свои любимые «Путешествия на берег Маклая», с легкой руки Бориса Ивановича принялся «освежать в памяти» Жюля Верна.

— Что за черная хандра у тебя? — допытывался Юра. — Что с тобой происходит?

Николай отмахивался, помалкивал.

В конце апреля пришел из Москвы объемистый пакет. Директор института заперся с Колтуховым и Приваловым. Несколько позже приехал академик Багбанлы и тоже скрылся за массивной, обитой кожей директорской дверью. Совещание длилось долго. В кабинет таскали то чай, то боржом.

После перерыва в приемную заявился Юра. Он покрутил носом и сказал, поглядывая на непроницаемую дверь:

— Пахнет жареным!

— Идите, идите, Юрочка, — посоветовала секретарша, не переставая стучать на машинке. — Там без вас обойдется.

Юра помчался к себе в лабораторию.

— Колька, что-то происходит! — зашептал он другу. — С утра совещаются, Борис Иванович даже кефира не пил в перерыв. Не иначе, какая-то новость из Москвы... Да оторвись на минутку от счетной линейки! Что с тобой творится?

Николай промолчал. Он с преувеличенным вниманием рассматривал незаконченный чертеж. Только что по-

строенная кривая напоминала парус, надутый ветром... И вот уже возникает в памяти высокий белый борт теплохода и красный сарафан, летящий вниз... И грустные темные глаза...

Николай провел ладонью по лбу.

Раньше Рита была просто незнакомкой, чужим человеком, — можно было понемногу забыть ее, напрочь выбросить из мыслей. Но теперь... Теперь все перепуталось. Избегай не избегай ее — все равно никуда не уйдешь. Нет больше незнакомки. Есть Желтая Рысь из детства. Она отнеслась к нему с доверием, как к настоящему другу, она сделала его причастным к своей трудной судьбе.

Николай почти не видел ее со дня возвращения из Москвы. Несколько раз Рита звонила ему на работу. Он деревянным голосом спрашивал, что у нее нового. Новости были. Анатолий Петрович вернулся домой и обещал Рите пройти курс лечения, как только завершит работу. Работа же у него хорошо продвинулась. Рита рассказывала об этом весело, оживленно, и Николай порадовался за нее. Но в то же время каждый ее телефонный звонок причинял ему боль. Лучше бы она не звонила вовсе.

Однажды Рита пожелала познакомить мужа с друзьями своего детства и пригласила их, Николая и Юру, на чашку чая.

Так Николай впервые увидел Бенедиктова. Он поразился нездоровому цвету его лица, отекам под глазами, потухшему взгляду. В свою очередь, Анатолий Петрович удивился, когда Николай назвал себя.

— Позвольте, — сказал он. — Разве вы Потапкин, а не... — Он посмотрел на Юру.

— Простите мне невольную мистификацию. — Юра смущенно улыбнулся. — Если б я тогда сказал, что Потапкина нет дома, вы бы ушли, а мне очень хотелось поговорить с вами... Моя фамилия — Костюков.

Бенедиктов хмыкнул. Рита поспешила пригласить гостей к столу.

Пили чай с тортом. Юра вспоминал золотое детство, индейские игры, многострадальные фикусы Тараканши. Николай оживился, стал рассказывать о Жюле Верне.

— Я недавно перечитал «С Земли на Луну», — говорил он. — До чего мудрый был старик! Он даже угадал место, откуда американцы будут запускать космические ракеты: Флориду. А траектория жюль-верновской ракеты,

облетевшей Луну, почти совпадает с путем, пройденным нашей ракетой...

— Поразительно! — сказала Рита.

Николай заметил, что она тревожно взглянула на мужа.

Анатолий Петрович вяло ковырял ложечкой торт и не принимал участия в разговоре. Николая так и подмывало спросить про матвеевский нож, но этот вопрос и многие другие, которые вертелись на языке, были заперты тяжелым замком обещания, данного Рите.

Вдруг Бенедиков уставил на Николая тусклый взгляд:

— Ваша установка — вы добились на ней длительного эффекта проницаемости?

Николай чуть не поперхнулся от неожиданности. Торопливо прожевав кусок торта, он ответил:

— Право, не знаю. Мы передали все материалы Академии наук.

— А сами бросили это дело?

— Нет, почему же... Просто в Институте поверхности больше возможностей для систематического исследования.

— А у вас как дела, Анатолий Петрович? — любезным тоном спросил Юра. — Когда можно будет вас поздравить?

— Где уж нам тягаться с целой Академией наук! — невесело усмехнулся Бенедиков.

— Зачем же тягаться? — Юра поиграл желтыми бровями. — Присоединяйтесь к нам, и дело с концом. Времена ученых затворников прошли. Современные научные проблемы настолько...

— Вы еще молоды, товарищ Костяков... — прервал его Бенедиков.

— Костяков, — поправил Юра.

— Слишком молоды, чтобы указывать мне, какие времена прошли, а какие нет.

Бенедиков наступил. За столом возникло неловкое молчание. Рита поспешила переменить тему:

— Ребята, вы идете завтра в филармонию слушать Каминку?

Каминка не помог. Вечер был испорчен. Анатолий Петрович встал из-за стола и, сославшись на головную боль, вышел.

Конечно, Юра понимал, что творится с Николаем, но впервые за многие годы дружбы не знал, чем ему помочь. Он даже советовался с Валей, но не нашел у нее сочувствия. Вале почему-то не нравилась новоявленная подруга детства. Напрасно он убеждал ее, что Рита для него — все равно что двоюродная сестра.

— Ах, сестра!! — Валя рассердилась. — Ну и нечего спрашивать у меня совета, спроси уж прямо у сестрички. — И тут же она припомнила французскую поговорку, вычитанную из «Войны и мира»: — «*Cousinage est un dangereux voisinage*»¹!

— Это злостный выпад, — оскорбленно заметил Юра. — Я, как и жена Цезаря, вне подозрений. Что до Кольки, то его отношение вне твоей компетенции, потому что ты не знаешь математики.

— При чем тут математика?

— А при том, что отношение «а» к «в» есть их зависимость. Если Колькино «а» равно какой-то конечной величине, то Ритино «в» равно нулю. А отношение нуля к конечной величине — тот же нуль.

Валя озадаченно помигала.

— Ну, знаешь, — сказала она возмущенно, — я эту математику лучше тебя понимаю! Твой Коля типичный идиот. И вообще, я знаю, что нужно делать.

В ближайший воскресный вечер после этого разговора Юра и Николай поджидали Валю возле аптеки, чтобы вместе идти в кино. Валя пришла не одна: с нею была круглоголая девушка в зеленом платочек и сером пальто-колоколе.

— Знакомьтесь, — сказала Валя и со значением посмотрела на Николая, — это Зина, моя подруга.

Затем Валя взяла Юру под руку и увлекла его вперед. Николаю ничего не оставалось, как идти рядом с новой знакомой. Зина оказалась неглупой и начитанной девушкой. Они говорили о книгах, и Николаю пришлось признаться, что многих новинок он не читал.

В кино они не попали и пошли на Приморский бульвар. Дул холодный северный ветер, стучала о фонарь ветка акации. Под акацией стояла скамейка — та самая, возле которой прошлым летом Николай повстречал Риту...

¹ «Двоюродное родство — опасное соседство» (франц.).

Он вдруг остановился. Ему очень жаль, но дома его ожидает срочная работа: Привалов велел к понедельнику перевести статью из «Pipe line news»¹.

— Помнишь? — сказал он Юре. — Еще в начале недели он просил.

— Да, — кивнул Юра, который впервые слышал об этом. — Тебе многое еще осталось?

— На полночи хватит.

Валя посмотрела на Николая уничтожающим взглядом и взяла Зину под руку.

Николай попрощался и ушел.

В пакете, присланном из Института поверхности, и в самом деле оказалось интересное сообщение: диапазон частот, повлиявший на установку в Бондарном переулке, был уточнен. Схема, которая смутно проглянула из неуклюжего опыта молодых инженеров, теперь заговорила языком формул и цифр. Москвичи получили первый результат: сжатые в поле кольца Мёбиуса штанги проникли друг в друга — неглубоко, но все же проникли. Григорий Маркович считал, что теперь южане могут своими силами поставить опыт с жидкостью.

И осторожный Колтухов сдался: разрешил Привалову готовить опыт.

Тема шла в закрытом порядке, и мало кто знал, что скрывается за не очень выразительным ее номером, но весь институт чувствовал, что ожидается необычный эксперимент. Все приваловские заказы проходили в мастерской вне очереди. Ходили слухи о некоем затейливом кольце.

С кольцом Мёбиуса было особенно много хлопот. Тогда, в Бондарном переулке, на столе красовалось колечко, сделанное по наитию.

Теперь, когда форма рабочего поля поддалась расчету, геометрические размеры кольца были увязаны с параметрами поля.

...Когда-то Фарадей обнаружил, что электрические заряды собираются только на внешней поверхности проводника. Для доказательства великий англичанин построил камеру, покрытую со всех сторон металлической

¹ «Трубопроводные новости», американский журнал.

сеткой, которая соединялась с электростатической машиной. Вблизи камеры электроскопы показывали наличие заряда: их листки расходились. Но, если человек с электроскопом входил в камеру — ее теперь называют «клеткой Фарадея» — и закрывал за собой сетчатую дверцу, электроскоп не показывал внутри камеры никакого заряда, как бы сильно ни раскручивали статический генератор там, снаружи.

Итак, электрические заряды собираются на наружной поверхности проводника. Но кольцо Мёбиуса имеет только одну поверхность — не внешнюю и не внутреннюю. По мнению московского академика, именно эта загадочная особенность порождала перестройку внутренних связей вещества. Во всяком случае, из этого исходила программа эксперимента, составленная Приваловым и Багбанлы.

Подготовка опыта заняла весь май и половину июня.

Читатель, вероятно, помнит, что в одной из комнат лаборатории Привалова была собрана установка со спиралью из стеклянной трубы внутри статора электрической машины. Теперь рядом со статором возвышалось кольцо Мёбиуса — полутораметровая перекрученная петля из желтоватого металла. Позади кольца матово поблескивал алюминиевый диск — экран-конденсатор, соединенный с мощным электростатическим генератором.

Стеклянная спираль с водой была подведена к нефтяному бачку.

По замыслу, в поле кольца Мёбиуса должна была возникнуть проницаемость: нефть пройдет по спирали сквозь воду. Это и будет желанная модель беструбного нефтепровода, полная диффузия жидкостей с перестроенными внутренними связями: частицы нефти свободно пройдут между частицами воды.

Москвичи писали, что в «пусковой момент» необходимо некоторое возбуждение поля извне. Григорий Маркович считал подходящим для этого пучок жестких гамма-лучей. Вот почему рядом с кольцом был укреплен свинцовый контейнер с ампулой радиоактивного препарата.

Управление и измерительные приборы Колтухов велел вынести в соседнее помещение, а комнату с установкой самолично запер и опечатал.

Уже несколько дней установку «гоняли» на разных режимах. Пока ничего не получалось: нефть, нагнетаемая

насосом, просто вытесняла воду из стеклянной спирали. Привалов нервничал и даже порывался войти в помещение установки, но Колтухов не давал ему ключа.

— Не дури! — ворчал он. — Все приборы здесь, значит, отсюда виднее. С лучевой опасностью шутить не позволю. Имей терпение.

В этот день все началось, как обычно. Инженеры заняли места у приборов. Юра включил телепередатчик на установке. На экране телевизора возникли кольцо Мёбиуса и стеклянная спираль.

— Внимание, начинаем, — сказал Привалов. — Констейнер!

Электрик нажал кнопку. В соседней комнате сильный электромагнит снял крышку со свинцового контейнера, и поток гамма-лучей устремился на стык воды и нефти. Вспыхнул рубиновый глаз указателя радиоактивности.

— Статический заряд!

Щелкнул тумблер, взвыл за стеной генератор. Перед Николаем в круглом донце катодной трубки осциллографа возник зеленый зигзаг и медленно пополз вправо мимо делений отсчетной сетки. Николай повернул ручку, удержал зигзаг на месте.

— Николай Сергеевич, вводите наложенную частоту. Дайте двести тридцать, — скомандовал Привалов и пошел к самопишущим приборам.

Дрожащие лиловые линии ползли за треугольными перьями, медленно тянулась графленая лента.

— Двести сорок!

Переходя с позиции на позицию, Привалов терпеливо прощупывал намеченный на сегодня диапазон.

Вдруг Юра подался вперед, к экрану: граница темной нефти и прозрачной воды потеряла четкость, размылась.

— Пошли! — сдавленным шепотом сказал он.

Все взгляды устремились на экран: действительно, было похоже, что теперь нефть не давила на воду, гоня ее перед собой, а пошла сквозь нее...

Привалов так и прилип к дистанционному манометру. Сопротивление явно падало. Сто двадцать... Семьдесят... Пятьдесят два грамма на квадратный сантиметр... Снова кинулся к телевизору. Стеклянная спираль замутнилась полностью.

— Проницаемость, Борис Иванович! — Юра счастливо засмеялся.

Сопротивление воды быстро падало. Желанный нуль приближался. Колтухов встал и подошел к манометру.

— Н-да, — сказал он. — Вроде получается...

Тридцать пять... Тридцать... И вдруг стрелка, задрожав, остановилась на двадцати семи.

Привалов нетерпеливо постучал ногтем по стеклу манометра. Стрелка будто уперлась в невидимую преграду.

— Коля, прибавьте пять десятых, — негромко сказал он.

Николай слегка повернулся рукоятку напряженности поля. Зеленый зигзаг на экране осциллографа вырос. Стрелка манометра не шевельнулась.

— Какой-то порог, — сказал Привалов. — Еще пять десятых!

— Борис Иванович! — позвал вдруг электрик. — Гляньте-ка сюда.

В окошке счетчика расхода электроэнергии цифры бежали быстрее обычного. Сотых нельзя было рассмотреть вовсе — они сливались.

Привалов взглянул на амперметр: стрелка стояла почти на нуле, как будто установку выключили. Но колесики счетчика вращались все быстрее. Было похоже, что электрическая энергия сети исчезала в бездонной пропасти.

Подошел Колтухов.

— Как в прорву! — сказал он. — В чем дело?

Телефонный звонок прервал его. Он снял трубку.

— Да, Колтухов... Нет, ничего нового не подключали... Что? Да, придется. Позвоню через пять минут. — Он положил трубку и повернулся к Привалову. — На подстанции беспокоятся. В районе падает напряжение. Они подключили резерв, но защита не срабатывает. Чудовищная, непонятная утечка энергии. Остановим?

Зигзаг на осциллографе рос в высоту, хотя режим не менялся.

— Нет! — Привалов не сводил глаз с зигзага. — Дайте еще одну сотую!

Зеленый зигзаг подскочил до рамки. В счетчике будто сирена взвыла, цифры слились в серые полосы. Со звоном вылетело стекло, брызнули дождем зубчатки счетчика, — электрик еле успел прикрыть рукой глаза.

Экран телевизора залило ярким светом. Юра невольно отскочил назад.

Привалов бросился к главному пускателю, чтобы выключить установку вручную. Но не успел. За стеной коротко и басовито грохнуло, штукатурка посыпалась на головы, пол вздрогнул. Привалов рванул пускатель и, размазывая рукавом по лицу известковую пыль, огляделся. Все были целы и, кажется, даже не успели испугаться — так быстро все произошло.

— Включите телевизор, — хрипло сказал Привалов. — Только телевизор.

Матово засветился экран, расчерченный строчными полосками. Изображения не было. Юра повертел ручки и сказал тихо:

— Видно, передатчик того. И, наверное, в той комнате все — того.

— Закройте контейнер, — велел Колтухов.

Электрик нажал кнопку, но лампочка продолжала гореть рубиновым огнем.

— Не закрывается, — сказал электрик. — С электромагнитом неладно...

— Дрянь дело, — проговорил Колтухов. — Ну, товарищи, попрошу всех выйти.

Коридор гудел встревоженными голосами. С лестницы торопливо спускался директор.

— Что случилось? — спросил он.

Колтухов и Привалов, отведя его в сторону, коротко рассказали о произошедшем.

— В помещении открытый контейнер, — добавил Колтухов. — При взрыве ампула могла вылететь и разбиться. Стены толстые, но — все-таки тысяча пятьсот миллиграммов радиоактивного вещества...

— Опечатайте лабораторию, — распорядился директор. — И вызовите аварийную команду.

Механические последствия взрыва были сравнительно невелики. Обуглилась часть пола, осыпалась штукатурка, рухнула аппаратура. Но, как и предполагал Колтухов, медный патрончик с ампулой вылетел из свинцового контейнера, расплющился о стену, и радиоактивное вещество распылилось. Этой комнатой, а также двумя смежными и еще тремя на втором этаже, расположенными над местом взрыва, нельзя было пользоваться до полного обезвреживания.

Вся лаборатория Привалова временно вышла из строя.

Вот почему Валерка Горбачевский, прибывший с опозданием на одиннадцать минут из внеочередного отпуска, не успел и глазом моргнуть, как угодил в отпуск очередной.

Впрочем, он все еще подозревал, что инженер Костюков разыгрывает его. Он решил все же подняться наверх и занес было ногу на ступеньку, как вдруг увидел Привалова.

Борис Иванович с чемоданчиком и плащом, перекинутым через руку, спускался с лестницы. Он протянул Валерке руку и почему-то сказал:

— До свиданья.

Затем он попрощался с Юрай и вышел из вестибюля.

— Юрий Тимофеевич! — взмолился Валерка. — Да что произошло, в конце концов?

— Борис Иванович улетает в Москву, — сказал Юра.

— Зачем?

Этого Юра тоже не знал. Он знал только, что Привалов и Колтухов, которые в защитных костюмах входили после взрыва в помещение установки, обнаружили там нечто такое, что потребовало срочного вылета в Москву. И еще он знал, что в Москву был отправлен тяжелый ящик, окованный стальными полосами.

Глава вторая

Пятеро, не считая собаки, отплывают на яхте навстречу новым приключениям

Я вышел из этой гавани, хорошо снабженный всякого рода пропасами...

Христофор Колумб, «Дневник»

Было около пяти часов утра. Город, полукольцом охвативший бухту, еще спал. Дымка стлалась над серой водой, над гаванью, над черными силуэтами барж на рейде, но на востоке уже разгорался, алый с золотом, костер нового дня.

Николай и Юра с чемоданчиками в руках, сопровождаемые Рексом, подошли к воротам яхт-клуба. Их уже

поджидал Валерик Горбачевский, оснащенный патефоном и спиннингом.

— Ит из э гуд уэзер ту-дэй¹, — старательно выговарил он заранее подготовленную фразу.

Юра усмехнулся. Накануне он ругал Валерку за тройку по английскому языку.

Молодые люди зашагали по бону яхт-клуба. Рекс побежал за ними. На дальнем конце бона, прислонившись спиной к опрокинутой шлюпке, сидел боцман Мехти. Его крупное, обожженное солнцем лицо казалось отлитым из старой темной меди. Седой венчик окружал кругую коричневую лысину. В неизменной полосатой тельняшке, с серьгой в ухе, с замысловатой татуировкой на руках, с ножом, зажатым в кулаке, — боцман Мехти будто сошел на палубу яхт-клуба прямо со страниц Стивенсона.

Перед ним на чистом белом платке в большом порядке были разложены сыр, астраханская вобла, жестянка с мелко наколотым сахаром. В кружке дымился крепко заваренный чай. Боцман крупными ломтями нарезал свежий чурек.

— Сюркуф, гроза морей, пьет утренний грог, — тихо сказал Юра.

Мехти был очень стар. В молодости он рыбачил на Каспии, потом плавал на океанских линиях русского добровольного флота, на греческих парусниках, на английских пароходах. Не было на свете порта, в котором не побывал бы старый Мехти. Вернувшись на родину, он долго работал на промысловых судах Каспия. Выйдя на пенсию, Мехти не усидел дома — пошел боцманствовать на яхт-клубе.

Он никогда и ничем не болел. В какой бы ранний час ни пришел иной яхтсмен, он всегда заставал грозного боцмана на месте.

— Доброе утро, Мехти-бабá², — почтительно сказал Юра.

Боцман скосил на молодых людей умный черный глаз, кивнул.

— Мы вчера приготовили яхту к походу, — доложил Николай. — Все в порядке.

— Это по-твоему в порядке, — строго сказал Мех-

¹ Сегодня хорошая погода (англ.).

² Б а б á (азерб.) — дедушка.

ти. — Когда посмотрим, тогда видно будет. Садись кушай.

Молодые люди подсели к нему и получили по кружке чая. Боцман посмотрел на патефон и спросил:

— Музыку с собой берешь?

Юра искательно улыбнулся:

— Какая там музыка! Несколько старых морских песен...

Мехти промолчал. Он отправил в рот изрядный кусок сыра и неторопливо прожевал его.

— В городе люди неправильно живут, — сказал он вдруг, указав на дома нагорной части, слабо освещенные восходящим солнцем. — Еще два часа спать будут. Завтракать надо, когда солнце только хочет вставать, тогда человек сильный будет.

Эта здравая мысль ни у кого не вызвала возражений.

— Что теперь читаешь, Мехти-баба? — спросил Юра, увидев около чайника книгу, заложенную кусочком пеньки.

Мехти читал только морские книги. В портовой библиотеке для старого боцмана всегда держали что-нибудь наготове. Мехти мог объясняться с представителем любой национальности, пользуясь невероятной смесью разноязычных слов, но одинаково медленно читал на русском, азербайджанском и английском языках.

Боцман молча показал обложку книги.

— «Грин, «Бегущая по волнам», — прочел Николай. — Нравится?

— Он море любил, — ответил Мехти. — Только парусное дело плохо знает. Есть книги, писал Джек Лондон, еще Соболев, еще один, я с ним вместе плавал, — Лухманов такой, Дмитрий Афанасьевич. Они — парус знали, очень хорошо писали. Этот товарищ Грин — парус плохо знает, а море любит. Хорошо понимает. Про эту женщину правду говорит. Которая бегает по волнам.

— Ты ее когда-нибудь видел? — спросил Юра.

— Сам не видел, а старые моряки видели. Давай пойдем яхту смотреть.

«Меконг» стоял на бочке метрах в двухстах от яхт-клуба. Боцман валкой походкой подошел к краю бона и прыгнул в шлюпку. Молодые люди последовали за ним.

До сих пор Мехти не обращал на Рекса ни малейше-

го внимания. Но, когда пес тоже прыгнул в шлюпку, боцман искоса посмотрел на него и коротко бросил:

— Собачку давай обратно.

— Почему? — Юра сстроил наивную мину. — Это хорошая собачка.

— Хорошая собачка дома сидит, в море не ходит.

— Мехти-баба, она умрет, если мы ее оставим дома.

— Раньше не умирала, когда ты в море ходил, и теперь не сдохнет.

— Мехти-баба, — умоляюще сказал Юра. — Это сучень, очень хорошая морская собачка...

— У тебя патефон — морской, собачка — морской, ты еще ишака приведи, скажи, он тоже морской! — рассердился Мехти. — Давай обратно!

Пришлось высадить Рекса. Валерка, давясь беззвучным смехом, отвязал носовой фалинь, и дружные удары весел погнали шлюпку к яхте.

Осмотр продолжался долго. Мехти придиরчиво проверял каждый узел и каждый талреп.

— В море идешь, не на бульвар, — ворчал он. — Как сложил штормовой стаксель? Все три угла снаружи должны быть. Ночью штормовать будешь — не найдешь, время потеряешь. Складывай, как я учил!

Николай и Юра послушно развернули и переложили парус.

Потом оставили Валерку на «Меконге» и вернулись на яхт-клуб.

Мехти надел очки и развернул вахтенный журнал.

— Пиши, — сказал он Николаю и ткнул железным ногтем в чистую страницу. — Сколько человек, как зовут, куда, зачем, сколько дней. Распишись — получил разрешение порта, сводку, карту...

По случаю неожиданного отпуска наши друзья решили «учинить добрый морской вояж»: пройти на яхте к устью Куры, а если будет подходящий ветер, то и дальше на юг, к Ленкорани, чтобы осмотреть тамошний субтропический заповедник. По пути они собирались заглянуть на островки архипелага.

Валерка, недавно включенный в экипаж «Меконга», отнесся к экспедиции с неприличным восторгом. Он останавливал на улицах знакомых и, обильно оснащая речь

морскими терминами, доказывал преимущества парусного спорта над всеми остальными. Он чуть ли не наизусть выучил учебник морской практики, взятый у Юры.

Валя тоже охотно согласилась участвовать в экспедиции. Правда, ей пришлось выдержать крупный разговор с матерью, которая не питала доверия к морю, этой коварной стихии.

Как-то вечером, за два дня до отплытия, друзья сидели у Юры — уточняли маршрут, составляли списки снаряжения и продовольствия. Вдруг Николай отодвинул карту и потянулся за сигаретой.

— Юрка, — сказал он закурив, — давай пригласим еще одного пассажира.

— Что ж, давай. — Юра сразу понял, о ком идет речь. — Звони.

— Лучше ты. У тебя убедительнее получится.

Рита ответила сразу.

— Мне очень приятно, что вы меня не забыли, — сказала она, выслушав Юрино приглашение, — но я не могу надолго отлучаться из города.

— Всего на неделю, Рита. У тебя же начались каникулы...

— Юрочка, не настаивай. Не могу. Я очень рада, что ты позвонил. Передай привет Коле.

Она положила трубку. Села, поджав ноги, на любимое место — в уголке дивана, — раскрыла книжку. Глаза скользили по строчкам, но смысл их не доходил до Риты.

Опять она одна... Уже вторую неделю Анатолий Петрович не появлялся дома. Нет, они не поссорились. Она заботилась о нем, как только могла, не тревожила никакими расспросами. Готовила его любимые кушанья, но с ужасом убедилась, что он совершенно потерял аппетит. Она понимала, что Анатолию Петровичу стыдно пользоваться при ней своими убийственными снадобьями, но обходиться без них он уже не мог. Ему приходилось часто и надолго выезжать в какую-то специальную лабораторию. Что-то у него опять не ладилось с работой. Ночует он у Опрытина. Там ему никто не мешает...

Наутро она поехала в Институт физики моря. Ей пришлось довольно долго ждать в вестибюле, пока выясняли, где Бенедиктов.

— Вы к Анатолию Петровичу? — раздался вдруг чей-то голос у нее за спиной.

Рита обернулась. Перед ней стоял Вова.

— Да, — сухо ответила она.

— Сейчас вызову, — сказал он с готовностью, и Рита заметила, как на его физиономии появилось не то сочувственное, не то виноватое выражение.

Через десять минут Бенедиктов спустился в вестибюль.

— Умница, что пришла, — сказал он, забирая ее руку в свою потную ладонь. Глаза его потеплели.

Они вышли в институтский двор и сели на скамью возле газона.

— Придешь сегодня? — спросила Рита.

Он помрачнел.

— Понимаешь, очень горячие дни... Главного мы добились, только вот — закрепить эффект... Еще несколько недель, Рита...

Его веки нервно подергивались, лоб блестел от пота. Рита вынула из сумки платочек, вытерла ему лоб.

— Хорошо, — сказала она грустно. — Я подожду.

— На днях я опять поеду в лабораторию, — сказал он. — И если не удастся, то тогда... Я соберу все материалы и... сделаю по-другому. Сделаю по-другому, — повторил он, и в голосе его послышалась угрожающая нотка, будто он спорил с кем-то.

— Я заходила к доктору Халилову, — сказала Рита. — Он готов принять тебя в любое время. Толя, чем скорее ты это сделаешь...

— Знаю, знаю. Только подожди немного. — Бенедиктов опять взял ее руку. — Ты уже в отпуске?

— Да. — Рита вдруг вспомнила о вчерашнем телефонном разговоре. — Знаешь что, Толя? — сказала она. — Меня пригласили совершить прогулку на яхте. Как ты думаешь?

— Кто? — спросил он. — Эти... твои друзья детства?

— Да. Поход займет неделю.

— Конечно, пойди. Проветришься немного... Помнишь, как мы в прошлом году плыли по Волге?..

Рита попрощалась с ним и пошла к выходу. У ворот она оглянулась. Бенедиктов стоял возле газона, залившего солнцем, и смотрел на нее. Руки у него были опущены.

Вернувшись домой, Рита позвонила Юре и сказала, что согласна.

Николай сделал запись в вахтенном журнале, размазисто подписался, и в этот момент раздался быстрый стук каблуков.

— Валька бежит, — сказал Юра. — Привет, Валя-Валентина!

— Здравствуйте, мальчики. — Валя запыхалась от быстрого бега. — Боялась, что опоздаю... Здравствуйте, товарищ Мехти!

Мехти кивнул и, забрав журнал, ушел в шкиперскую.

— Чудная погода, — оживленно говорила Валя. — Я ужасно боялась опоздать, Коля так грозно предупредил вчера... Ну, что же вы стоите, семь часов уже, пора отплывать.

— Немножко подождем, — пробормотал Николай и, отойдя к краю бона, оглядел пустынную аллею Приморского бульвара.

— Понятно. Подруга детства... — Валя сделала гримаску и взглянула на Юру. — Вы все-таки пригласили эту психопатку?

Юра укоризненно развел руками.

У Вали мгновенно испортилось настроение.

— Ну и ждите, а я пошла домой, — заявила она и двинулась было к воротам яхт-клуба.

Но Юра подскочил, взял ее за руку и горячо зашептал что-то убедительное.

— Идет! — воскликнул Николай.

В конце бульвара показалась фигура в красном сарафане.

— Не очень-то она торопится, — враждебно сказала Валя.

Рита пришла, спокойная, улыбающаяся, поздоровалась со всеми, потрепала Рекса по голове. Пес лизнул ей руку и завилял обрубком.

— Вы немного опоздали, — не удержалась Валя от замечания.

— Ничего страшного, — поспешил сказал Николай.

Спустились в шлюпку. Пользуясь отсутствием Мехти, Юра прихватил Рекса и велел ему лежать на дне шлюпки. Валя спросила:

— Без Рекса не могли обойтись?

— Собакам необходима смена впечатлений, — объяснил Юра.

Подошли к яхте.

— «Меконг», — прочла Рита. — Это та самая яхта?

— Та самая, — весело отозвался Николай и помог ей взобраться на борт.

— Так, весь экипаж в сборе, — сказал Юра. — Имею честь представить нашего юного друга. Иди сюда, Валерка.

Валерка уставился на Риту и покраснел. Рита не поняла его смущения, спокойно протянула руку, назвала свое имя.

— Не узнала? — Николай усмехнулся.

— А разве мы... — Рита внимательно посмотрела на лаборанта. — Действительно, где-то я вас видела...

Валерка насупился. Николай, щадя его, не стал напоминать Рите о давнем происшествии на Приморском бульваре. Он велел Валерке отвести шлюпку к бону и вплавь вернуться на яхту. У Николая было сегодня на редкость хорошее, даже праздничное настроение.

— Стоять по местам! — распорядился он, когда Валерка подплыл к яхте и влез на палубу. — Команде ставить паруса!

Выбирая гротафал, Юра и Николай делали вид, что им очень трудно. Они затянули старую матросскую рабочую песню, не раз слышанную от Мехти:

Sail to haven a black clipper.
Push, boys, push, boys!

При каждом «пуш» они дружно тянули ходовой конец гротафала, и парус полз все выше.

Will you tell me who is skipper?
Push, boys, push, boys, push! ¹

— Прямо пираты какие-то, — сказала Валя.

— Они делают это со вкусом, — улыбнулась Рита.

— Еще бы! Яхта — это их пунктик.

Закреплены шкоты, упруго выгнулся парус, и «Меконг», слегка накренившись, пошел полным бакштагом.

¹ Входит в гавань черный клипер.
Дай, братцы, дай!
Интересно, кто там шкипер?
Дай, братцы, дай, братцы, дай!
(англ.)

Николай сидел у румпеля. Юра встал, широко расставив ноги, вытянул вперед руку и звучным голосом прочел:

Неповторимая минута
Для истинного моряка:
Свежеет бриз, и яхта круто
Обходит конус маяка.
Коснуться рук твоих не смею,
А ты — любима и близка.
В воде, как золотые змеи,
Блестят огни Кассиопеи
И проплывают облака...

Валерка восхищенно смотрел на Юру. Рита слушала с улыбкой. Ей было хорошо на белой яхте, уходящей под ветром в звонкую синеву утра.

— Приступим к распределению судовых работ, — провозгласил Юра. — Нас ведет в морские дали отважный коммодор Потапкин. — Он отвесил Николаю церемонный поклон. — Старший помощник, он же неустранимый штурман, — с вашего разрешения, это я. Юнга Горбачевский — палубные работы и бдительное смотрение вперед. Млекопитающий Рекс — в случае бунта на судне кусает виновных за нижние конечности.

Рекс, услышав свое имя, лизнул Юрину босую ногу.

— А мы? — сказала Валя. — Безобразие какое: нам ты отводишь место в своей глупой иерархии после Рекса?

— Наоборот! — ответствовал Юра. — Вы с Ритой обеспечиваете личный состав горячим питанием, а свободное время используете для защиты кожных покровов от палящих лучей тропического солнца посредством на克莱ек бумажек на носы.

Валя как раз была занята этим важным делом: приложившись к носу клочок газеты. Она засмеялась и потянулась к Юре, чтобы ушипнуть его за руку. Юра, отбиваясь, отступил к каюте и скрылся в ней. Через несколько минут он снова появился на палубе. Голова его была повязана красной косынкой, в руке — зажато что-то черное.

Он повозился у мачты, быстро выбрал спинакер-фал — и на мачту взлетел черный флаг с грубо намалеванным белым черепом и скрещенными костями.

— Мой купальник! — ужаснулась Валя.

— Это «Веселый Роджер», — объявил Юра. — Сама

обозвала нас пиратами, так вот — получай «Веселого Роджера».

— Чем ты его измазал, противный?

— Мелом, не бойся.

— Сейчас же сними! Слышишь? Я буду жаловаться коммодору!

— Штурман, спустить флаг, — распорядился коммодор. — Иначе я прикажу вздернуть вас на рею.

Под дружный смех Юра спустил «Веселого Роджера».

Яхта вышла из бухты. Синяя-синяя ширь, и парус, полный ветра, и город, уходящий в голубую дымку...

Юра растянулся на палубе рядом с Николаем и негромко сказал:

— То самое место, Колька. Неужели ножик все еще валяется на грунте?

Николай промолчал. Потом он скомандовал к повороту. Яхта легла на новый курс.

— Давай прокладку, Юрка.

Юра взглянул на очертания берега, спустился в каюту и разложил на столе карту. Найдя свое место, он отметил вторую точку и провел по линейке черту. Затем «прошагал» параллельной линейкой до градусного кружка.

— Курс сто девять! — крикнул он.

— Сколько этим курсом бежать? — спросил Николай. Юра измерил расстояние на карте.

— Тридцать шесть миль. — Он вышел из каюты. — Ход у нас — верных пять узлов. Значит... значит, к трем часам дня дойдем, если ветер удержится.

— А куда мы идем? — спросила Валя.

— На остров Нежилой. Посмотрим на трубопровод, там сейчас шестую нитку готовят. Переночуем в общежитии, а утром двинем дальше, к архипелагу.

— Давно хочу тебя спросить, — продолжала Валя: — почему на суше вы, как все люди, измеряете расстояние в километрах, а в море у вас обязательно мили?

— Валерка! — крикнул Юра.

— Есть! — отозвался «юнга», добросовестно «смотревший вперед» с носа яхты.

— Объясни, почему мы, моряки, измеряем расстояние в милях.

— В милях удобнее, — сказал Валерка, высунув голову из-под стакселя.

— Изложи популярно.

— В морской милю 1852 метра, — смущенно стал объяснять Валерка. — Это соответствует длине минутной дуги меридиана. Значит, не нужно пересчета в градусы и обратно.

— А я думала, что миля — семь километров, — сказала Валя.

— Это географическая миля, — возразил Николай. — То есть одна пятнадцатая градуса экватора, иначе говоря — четыре минуты. А знаешь, откуда произошло слово «миля»?

— Нет.

— Эх ты, а еще филолог! — Николай любил науку о мерах и теперь оседлал своего конька. — Миля произошла от древнеримской меры *«milia passuum»*, что означает «тысяча шагов».

— Тысяча шагов? Какой же это шаг — почти два метра!

— Римляне за шаг считали два — правой и левой ногой. И вообще римская миля была короче морской — полтора километра.

— А что такое узел? — спросила Валя.

— Валерка! — крикнул Юра. — Объясни, что такое узел.

И Валерка, ухмыльнувшись, объяснил, что узел — это единица скорости, миля в час.

— Почему же не говорить просто и ясно — миля в час? — не унималась Валя. — Зачем нужен какой-то узел?

— А вот слушай, — со вкусом сказал Юра. — Это было очень давно. Для замера скорости мореходы пользовались простым лагом. Это была веревка с узлами через каждые пятьдесят футов, с секторной дощечкой на конце. Веревку бросали в воду. Судно шло, дощечка в воде оставалась неподвижной, а веревка тянулась за ней. Бородатый дядя в тельняшке смотрел на полминутную склянку — это такие песочные часы были — и одновременно считал, сколько узлов уходит за борт. Пол минуты — одна стодвадцатая часа, а пятьдесят футов — одна стодвадцатая мили. Значит, сколько узлов пройдет за полминуты, столько миль в час пройдет судно. Смоталось, скажем, за борт пять узлов — так и говорили: судно идет со скоростью пять узлов. Понятно?

Вале морская наука давалась с трудом. Она махнула рукой на узлы и мили, достала книжку и улеглась с ней на крыше каюты, огражденной низенькими поручнями.

— Тебе не скучно, Рита? — спросил вдруг Николай.

— Нет. Очень интересно, — сказала она, улыбнувшись ему. — И вообще — хорошо... Ты обещал научить меня управлять яхтой.

Николай передал ей румпель и объяснил, как нужно держать на курсе по компасу.

— Это, оказывается, не просто, — сказала Рита через несколько минут. — Яхта меня не слушается.

— Не дергай, отводи потихоньку. Теперь влево. Вот так.

— Крепче сжимай руль, — посоветовал Юра.

— Зачем? — Рита не сводила глаз с компаса.

— Так полагается в морских романах.

— Не слушай его, — усмехнулся Николай. — Сжимать руль — пустое и трудное занятие, потому что руль находится над водой. А эта штука называется — румпель.

Около трех часов дня «Меконг» ошвартовался у маленького пирса острова Нежилого.

Нежилой лежал почти на середине пути между материком и Нефтяными Рифами. Еще сравнительно недавно этот безлюдный, бесприютный клочок глинистой земли вполне оправдывал свое название. Но с десяток лет назад на острове поселилось отважное племя морских нефтяников. Выросли дома, поднялись нефтяные вышки, в их переплетах каспийские ветры запели новую песню. Вокруг Нежилого возникли стальные островки — основания морских скважин. К группам вышек протянулась эстакада — стальная улица над морем. На морское дно легли нитки подводных трубопроводов.

Теперь на Нежилом заготавливали очередную нитку труб для внутренних коммуникаций морского нефтепромысла.

Экипаж «Меконга» сошел на берег. Валерка и женщины отправились осматривать остров. Юра и Николай, сопровождаемые Рексом, пошли настройплощадку.

Из поселка на дальную группу вышек отправлялся автобус с промысловиками. Валя, Рита и Валерик влезли в автобус. Попутчики охотно рассказывали им, как строился здесь поселок и как у моря отвоевывается нефть.

Было странно и необыкновенно интересно ехать по многокилометровой эстакаде над морем и слушать пересыпаемые шутками объяснения нефтяников — молодых парней в брезентовых спецовках, от которых остро пахло мазутом.

Потом они долго стояли на ветру у перил и смотрели, как на ближней скважине спускали в тысячеметровую глубину колонну труб. Волны с гулом разбивались о стальные ноги эстакады.

— Подумать, что эти чудеса у нас под носом, а мы только случайно попали сюда! — сказала Валя, восторженно глядя по сторонам.

— Да... изумительно, — отозвалась Рита.

Валерка ничего не сказал. Он думал о том, что пройдет еще немало лет, пока он станет инженером.

Они вернулись в поселок и разыскали Юру на стройплощадке возле маленькой бухты.

Юра, голый по пояс, копался во вскрытом чреве сварочного автомата. Его руки до самых плеч были коричневыми от масла. На потном лбу тоже лоснилось масляное пятно.

— Юрик, ты что делаешь? — Любопытная Валя заглянула в темное отверстие, где, отражаясь в масляной ванне, поблескивали шлифованные зубья передач.

— Смяло шестерню, — сказал Юра и рывком головы откинулся на лбом. — Удачно, что мы заглянули сюда: в мастерской сегодня выходной, и машина простояла бы до завтра... Валерка, сбегай вон туда — видишь, домик продолговатый? — и скажи Николаю Сергеевичу, чтобы сделал на две десятых короче.

Рита и Валя пошли вслед за Валеркой. Они обогнули штабель труб и вошли в прохладную мастерскую. У токарного станка работал Николай.

Выслушав Валерку, он толкнул ручку фрикциона, и почти оконченная заготовка новой шестерни завертелась. Быстрые повороты маховиков продольной и поперечной подачи, шорох срезаемой стружки... Все. Николай снял заготовку и перенес ее к фрезерному станку.

Выйдя из мастерской, женщины присели на скамейку в тени.

— Почти два года я знаю ребят, — сказала Валя как бы про себя, — а увидела впервые.

Рита не ответила.

Г л а в а т р е т ъ я,
**в которой авторы, вспомнив о своем обещании, устраивают
кораблекрушение**

*И мачты рухнули за борт
В кругой водоворот;
Бриг разломился, как стекло,
Средь грохотовших вод.*

*Г. Лонгфелло.
«Гибель «Вечерней звезды»*

Много тысячелетий назад, задолго до появления человека, Средиземное, Черное, Каспийское и Аральское моря представляли собой один гигантский водоем. Среди бескрайней воды островками возвышались вершины Карпат и Кавказа.

Медленно шло разделение морей. То разделяясь, то вновь соединяясь, они приближались к современным очертаниям.

Под действием могучих тектонических сил колоссальные пласти коренных пород становились дыбом, ломались и образовывали новые горы. Многоводные реки размывали берега, пробивали себе дорогу к морям.

В эпоху, когда образовывалась так называемая продуктивная толща, Каспийское море было гораздо меньше современного: существовала только его южная часть. Нынешний южный берег Апшеронского полуострова был северным берегом моря; здесь в него впадала древняя Волга — Палеоволга. Южнее бассейн питала Палеокура — устье ее почти не отличалось от устья современной Куры. А на восточном берегу в море впадал Палеоузбой — ныне сухая долина Узбоя.

Пространство между Апшеронским полуостровом и устьем Куры до наших дней сохранило вулканический характер. Берега здесь — скопление грязевых вулканов. Широко раскинулись у этих берегов островки и банки древнего архипелага — продукты извержений подводных вулканов.

Извержения и сейчас не редкость. Чаще всего это грифоны — тихое, длившееся подчас годами истечение перемятых пород из трещин. Но бывает и так: проснется иной вулкан, выбросит с ревом огненный факел — за десятки километров видно тогда зарево, вставшее вполнеба.

Плавать в этих водах опасно. «Извещения мореплава-

телям» постоянно предупреждают о капризной изменчивости глубин.

С тех пор как «Меконг» вошел в воды архипелага, Юра не расставался с «Лоцией Каспийского моря».

— Остров Кумани! — провозгласил он, когда однажды утром открылась в дымке серо-желтая полоска земли. — За последние сто лет появлялся и исчезал пять раз. Вновь появился после подводного извержения совсем недавно — в декабре 1959 года. Открыт капитаном гидрографической шхуны «Туркмен» Кумани в 1860 году. Потом Кумани возил сюда знаменитого геолога Абиха.

— Кумани? — переспросил Николай. — Постой, Кумани командовал клипером «Изумруд», который вывез Миклухо-Маклая с Новой Гвинеи. Тот самый, что ли?

— Наверно. Поплавал на Каспии, получил повышение по службе, ушел в океан. Фамилия редкая — тот самый, конечно.

Уже несколько дней яхта находилась в открытом море. Рита и Валя привыкли ходить по наклонной палубе и научились лежать в «гамаке», то есть завалившись за гик в «брюх» паруса, в углубление у галсowego угла. Они перестали побаиваться примуса, который качался в люльке карданного подвеса, и поверили наконец, что качается яхта, а примус почти неподвижен. Обед готовили по Юриному рецепту: из сваренных вместе пшена и мелко нарезанной картошки; сюда же вываливалась банка мясных консервов. Получалась полужидкая масса, которую экипаж «Меконга» хлебал с большим аппетитом.

— Это блюдо, — объяснял Юра, отправляя в рот дымящуюся ложку, — не имеет научного названия. В петровском флоте оно называлось просто «кашица», а в наше время известно в глубинных сельскохозяйственных районах под названием «кондёр».

— Сам ты «кондёр»! — смеялась Валя.

— Возьмись-ка, Валентина, за исследование этого термина — диссертацию защитишь, в люди выйдешь. Эх, был бы я филологом!

— Такие, как ты, филологами не бывают.

— Почему?

— Потому что ты яхтсмен. А филология — дело серьезное.

— Вы слышите, коммодор? — воззвал Юра к Николаю. — Нас публично поносят!

— Сейчас разберемся, — сказал Николай, ставя на раздвижной столик пустую миску. — Валерик, будь добр, назови серьезных яхтсменов.

Валерка нес вахту у румпеля и с улыбкой прислушивался к разговору. Он начал перечислять:

— Джек Лондон, Жюль Верн, Мопассан, Серафимович, Куприн, Хемингуэй...

— Эйнштейн, — добавил Юра.

— Достаточно, — заключил Николай и не без ехидства посмотрел на Валю. — Что вы скажете теперь, сеньорита?

— Конечно, попадались и среди яхтсменов некоторые исключения, — промямлила Валя и вдруг напустилась на Юру: — И нечего ухмыляться с победоносным видом!

— Действительно, — заметила Рита. — Трое против одной — разве можно так спорить?

После обеда складывали посуду в сетку-авоську и спускали на веревке с кормы. Миски бренчали в тугой кильватерной струе и вымывались дочиста.

Погода стояла великолепная. Все пятеро не носили ничего, кроме купального минимума и защитных очков, и основательно загорели.

— Прав был Чарлз Дарвин, — заметил однажды Николай. — Помните «Путешествие на Биггле»? Он пишет, что белый человек, когда купается рядом с таитянином, выглядит очень неважно. Темная кожа естественнее белой.

Валя подняла голову от книжки, хотела было возразить, но, взглянув на коричневые плечи Николая, промолчала.

Когда солнце слишком уж припекало, коммодор Потапкин приказывал становиться на якорь. Мигом пустела палуба «Меконга». Купались, ныряли, гонялись друг за другом в прозрачной воде. По очереди надевали маску и ласты и путешествовали по песчаному морскому дну. Осваивали самодельное пружинное ружье для подводной стрельбы.

— Конечно, — говорил Юра, — охота на рыбу с дыхательными приборами запрещена, но нам можно.

Втроем гонялись по очереди за одним и тем же сазаном — и никто не попал...

Холодок в отношениях между Валей и Ритой понемногу таял. Из женской солидарности Рита поддерживала

Валю в частых спорах. Иногда они уединялись, насколько возможно это на тесной яхте, и подолгу разговаривали о чем-то своем. Вернее — Валя рассказывала о себе, о диссертации, о том, какой Юра бывает противный и невнимательный. Рита слушала улыбаясь.

Море, солнце и движение делали свое дело. Рита повеселела, загорела и сама ужасалась своему аппетиту. Город, тревога, огорчения последних месяцев — все это отодвинулось, задернулось синим пологом моря и неба.

Был лунный вечер. Черное небо — сплошь в серебряных брызгах звездной росы. Слегка покачиваясь, бежал «Меконг» по черной воде, оставляя за собой переливающееся серебро кильватерной дорожки.

Рите не хотелось спать. Она сидела в корме, обхватив руками колени. Рядом полулежал Николай. Его вахта подходила к концу, но он не торопился будить Валерку, спавшего в каюте.

Тишина, море, вечер... Николай закрыл глаза. «Коснуться рук твоих не смею», — всплыл вдруг в памяти обрывок стиха.

— Я вспомнила детство, — сказала Рита. — Только в детстве были такие вот тихие звездные ночи.

Ее голос наплыval будто издалека.

— Какая странная сила у моря, — медленно продолжала она. — Оно словно смывает все с души...

«Коснуться рук твоих не смею», — беззвучно повторял он.

— Ты слышишь меня?

— Да. — Николай открыл глаза.

— Только теперь я, кажется, поняла, почему в моем роду было много моряков...

А на носу «Меконга», за стакселем, облитым лунным светом, сидели Валя и Юра. Валя положила черноволосую голову на Юрино плечо и зачарованно смотрела на море и звезды.

— Смотри, какая яркая, — шепнула она, указав на золотистую звезду.

В той части горизонта небо было чуть светлее и отсвечивало синевой.

— Это Венера, — сказал Юра. — А знаешь, греки считали Венеру за две звезды: вечернюю, западную — Весппер, и утреннюю, восточную — Фосфор. Правда, Пифагор еще тогда утверждал, что это одна планета.

— Вечно ты со своими комментариями! — недовольно протянула Валя. — Не можешь просто сидеть и смотреть на природу...

Вдруг она оглянулась и высунула из-за стакеля любопытный нос.

— Интересно, о чем они разговаривают? — прошептала она. — Как ты думаешь, какие у них отношения?

— Не знаю.

— Юрик, умоляю!

— Говорю — не знаю. — Юра счел нужным добавить: — У вас есть женская классификация: ходят, встречаются, хорошо относятся, еще что-то. Все это не подходит. Лучше всего — не вмешивайся.

— Ну и глупо!

Валя отодвинулась. Рекс, лежавший рядом, вильнул обрубком хвоста. Она машинально погладила пса по теплой голове.

Юра торопливо спустился в каюту и вынес фотоаппарат.

— Редкий документальный кадр, — пробормотал он, нацеливаясь объективом на Валю и Рекса. — Всегда была против пса, и вдруг... Вот что делает лунный свет...

Он щелкнул затвором и сказал:

— Если что-нибудь выйдет, я увеличу этот снимок и сделаю на нем надпись:

Ночь светла; в небесном поле
Ходит Веспер золотой.
Старый дож плавает в гондоле
С догарессой молодой.

— У Пушкина не дож, а дож, — поправила Валя. — Венецианский дож.

— А у нас — дож. Правда, не старый, но все же дож. В переводе с английского — пес.

Валя махнула рукой и пошла спать.

Опаленный солнцем архипелаг...

Миновали остров Дуванный, где некогда вольница Степана Разина «дуванила» — делила трофеи персидского похода. Побывали на богатом птичьими гнездовьями острове Булла. Высаживались на острове Лось, усеянном

грифонами. Здесь в кратерах — иные были до двадцати метров в диаметре — постоянно бурлила горячая жидкость. Кое-где она переливалась через края, бурыми ручьями стекала в море.

— Как странно, — говорила Рита: — я представления не имела, что у нас под боком такая дикая и грозная природа...

Теперь «Меконг», обогнув остров Обливной, шел к Погорелой Плите — каменистому острову, издали похожему на парусник. Когда-то Погорелая Плита была подводной банкой; в 1811 году (это Юра вычитал из лоции) корвет «Казань», наскочив на нее, потерял руль. После Погорелой Плиты намеревались взять курс прямо к курийскому устью.

— Юрик, здесь опасно плавать? — спросила Валя.

— Не очень. — Юра углубился в лоцию. — Слева от нас остров Свиной, это местечко невеселое: девяносто штормовых дней в году.

— А вулканы есть?

— В лоции написано, что на Свином крупное извержение с землетрясением произошло в 1932 году. Был поврежден маяк. Контуры острова изменились. Огненный столб горящих газов был виден издалека. Вот и все.

— Приятное местечко, — сказала Валя.

Юра посмотрел на паруса, затем лизнул языком палец и поднял его вверх.

— Ветер стихает, — сказал он озабоченно.

Был полдень, и солнце палило вовсю, когда ветер стих. Паруса слабо заполоскали и обвисли. Юра бросил в воду спичку. Она спокойно лежала на гладкой зеленой поверхности, не удаляясь от яхты.

— Валерик! — позвал Юра. — Посмотрим, как ты усвоил парусные традиции. Что надо делать, чтобы вызвать ветер?

Валерка поскреб ногтями гик и хрипловато затянул:

Не надейся, моряк, на погоду,
А надейся на парус тугой!
Не надейся на ясную воду:
Острый камень лежит под водой.

— Скреби, скреби, — сказал Юра. — Без этого заклинание не действует.

Мать родная тебя не обманет,
А обманет простор голубой...

Николай дремал в каюте после ночной вахты. Услышав знакомое заклинание, он вышел на палубу, опытным взглядом сразу оценил обстановку.

В недвижном горячем воздухе струилось марево. Горизонт расплылся в легкой дымке, нигде не видно было земли.

— Почему не слышно на палубе песен? — сказал коммодор. — В чем дело? Нет ветра — постоим. Команде купаться!

После купанья Юра и Николай улеглись на корме и развернули свежий номер «Petroleum engineer»¹.

Валерка углубился в «Приключения Жерара» — адаптированное издание Конан-Дойля на английском языке. Заглядывая в словарь в конце книжки, он упорно одолевал фразу за фразой, бормоча себе под нос. Рита и Валя тоже улеглись с книжками.

Рексу было скучно и жарко. Он постоял немного возле Юры, потом залез в каюту и пару раз брехнул оттуда, словно жалуясь: «Устроили, тоже, на яхте читальню, а про меня забыли! До чего дожили — вам даже лень потрепать меня по голове...»

Валя подсела к инженерам:

— Что вы тут бормочете? Дайте-ка я вам переведу, дилетанты несчастные.

— Ладно, — с готовностью согласился Юра. — Только сперва немножко проверим тебя. — Он перелистал несколько страниц и ткнул пальцем в одну из фраз: — Переведи вот это, например.

— «Naked conductor runs under the carriage», — прочла Валя и тут же перевела: — «Голый кондуктор бежит под вагоном...» Неприлично и глупо!

Инженеры так и покатились со смеху.

— Послушай, как нужно правильно, — сказал Юра, отсмеявшись: — «Неизолированный провод проходит под тележкой крана». Американский технический язык — это тебе, Валечка, не английский литературный. Здесь навык нужен...

Инженеры долго трудились, разбирая статью о про-

¹ «Инженер-нефтяник», американский технический журнал.

хождении жидкости через непористую перегородку. «Пермеация»¹ — проникание — так назывался этот процесс.

— Значит, они делают тонкую перегородку из пластмассы, — сказал Николай. — Этот полимер растворяет жидкость, а сам в ней не растворяется. И растворенная жидкость проходит сквозь структуру перегородки — молекулы жидкости между молекулами перегородки... Любопытно.

— Молекулярное сито, — сказал Юра. — Эта штука близко подходит к нашей проблеме, верно?

Николай перевернулся на спину, прикрыл рукой глаза.

— Хотел бы я знать, — сказал он негромко, — что делает сейчас Борис Иванович в Москве?

— И что за ящик отправили в Институт поверхности...

Они снова — в который уже раз! — принялись обсуждать недавний опыт и спорить о возможных причинах взрыва в лаборатории.

— Ребята! — позвала вдруг Рита с носа яхты. — Смотрите, земля!

Все повскакали с места. Впереди в дрожащем мареве виднелась полоска земли, покрытая кудрявой зеленью.

— Ближайшая от нас зелень — в устье Куры, — сказал Николай.

— Значит, мы недалеко оттуда? — спросила Рита.

— Нет, далеко. Это рефракция.

— Мираж, — подтвердил Юра. — В лоции написано, что на Каспии бывают такие штуки. В двадцать каком-то году с одного гидрологического судна видели Куринский камень за сто десять миль.

Минуты через три зеленая коса исчезла.

— Мираж, — задумчиво сказала Валя. — Прямо как в пустыне... А что делают, когда долго нет ветра? — спросила она, помолчав.

— Разве ты не читала морских романов? — откликнулся Юра. — Доедают съестные припасы, а потом бросают жребий — кого резать на обед.

Пошли разговоры о том, сколько может прожить человек без пищи и воды, о четверке Зиганшина, об Алене Бомбаре и Вильяме Виллисе. Вспомнили, как несколько лет назад рыбака-туркмена унесло течением в лодке без

¹ Пермеация — от латинского слова «permittio» — проницаю.

весел из Красноводской бухты. Несколько сырых рыбешек, завалившихся на дне лодки, служили ему пищей и питьем, хотя туркмен, вероятно, не читал Бомбара. Три недели мотало его по морю; обессиленный, измученный, он впал в беспамятство. Очнулся он от толчка: лодка ударила о сваю. Обрывком сети туркмен привязал к ней лодку и снова потерял сознание. Нефтяники заметили лодку, привязанную к свае морского основания нефтяной вышки. Так туркмен пересек Каспий с востока на запад и оказался в госпитале.

— Я бы не смогла есть сырую рыбу, — сказала Валя.

— Если подопрет — скучаешь и облизнешься еще, — возразил Юра. — А насчет воды — у нас кое-какие чудеса припасены.

— Какие?

— Ионит. Ионообменная смола, которая превращает морскую воду в пресную. Впрочем, до этого не дойдет, не волнуйся.

— А я не волнуюсь.

Ветра все не было. Небо стало белесым, будто выцвело. С севера полз туман.

— Не нравится мне этот штиль, — тихо сказал Юра Николаю. — Давай положим якорь, а то здесь к вечеру течение бывает, снесет еще куда не надо...

Вода, гладкая и словно бы тоже выцветшая, без плеска поглотила якорь.

Туман надвинулся и окутал яхту дымным желтоватым одеялом.

— Валерка! — крикнул Юра. — Приведи в действие материальную часть по твоей бывшей специальности.

— Патефон, что ли? — догадался Валерка.

— Не патефон, а портативный граммофон, — поправил Юра. — Патефон ты разве что в музее найдешь.

— Наоборот, — возразил Валерка. — Граммофоны в музее. У которых здоровенная труба торчит.

— Массовое заблуждение, дорогой мой. Знаешь, как было? На Парижской всемирной выставке 1900 года фирма Патэ демонстрировала новую систему записи на пластинки — от центра к краю. По имени фирмы эта система называлась «патефон». Она себя не оправдала. Но, так как патефон имел трубу, скрытую внутри ящика, в быту начали портативные граммофоны обзывать патефонами. Ясно? Ставь пластинку погромче — вместо туманной си-

рены будет. А то как бы кто-нибудь не наскочил на нас.

«Если бы парни всей земли...» — понеслось над морем. Странно было слушать голос Бернеса, приглушенный туманом, здесь, на яхте, застывшей без движения.

Стемнело. Все вокруг стало призрачным. Клубился туман, цепляясь за мачту «Меконга». Гремела танцевальная музыка — Валерка ставил пластинку за пластинкой.

Николай прошел на бак, осмотрел якорный канат, уходивший через полуклюз в воду.

— Юрка, иди-ка сюда, — позвал он. — Посмотри на дректов.

Юра потрогал канат босой ногой и тихонько свистнул.

— Здорово натянулся. Течение появилось... Чего ты там разглядываешь? — спросил он, видя, что Николай перегнулся через борт.

— А ты взгляни как следует.

Теперь и Юрка увидел: на поверхности воды у самого борта яхты возникали и лопались пузырьки.

— Газовыделение?

Николай кивнул.

— Час от часу не легче... И ветра нет...

Друзья сели рядышком, свесив ноги за борт. Они слышали, как на корме Валерка, меняя пластинку, объяснял женщинам, что сигнал бедствия «SOS» означает вовсе не «save our souls» — «спасите наши души», а просто «save our ship» — «спасите наш корабль». Валя оспаривала это утверждение, но Валерка, хорошо усвоивший уроки своих руководителей, был непоколебим. Потом в разговор вмешалась Рита, послышался смех. Красивый низкий голос запел под граммофонной иглой:

Ночью за окном метель, метель...

«Они спокойны, — подумал Николай. — Они полностью нам доверяют. Это хорошо».

— Что будем делать, Юрка?

Юра не ответил. Он затянул унылым голосом:

Билет... билет... билет выправляли,

Билет выправляли, в дяревню езжали...

Николай привычно вступил:

В ляре... в ляре... в ляревню езжали,

В дяревню езжали, мятелки вязали...

Рекс, просунув голову под Юрин локоть, старательно подывал хозяевам.

Вдруг граммофон умолк. Валя крикнула с кормы:

— Ребята, что случилось?

Она хорошо знала привычки друзей и, услыхав заунывные «Метелки», сразу насторожилась.

— Да ничего, просто петь охота, — ответил Юра.

Тут Николай толкнул его локтем в бок:

— Слышишь?

В наступившей тишине с моря донеслось легкое гудение.

— Подводный грифон, — тихо проговорил Николай. — Надо сниматься с якоря.

— И дрейфовать? — с сомнением сказал Юра. — Сейчас мы хоть место свое знаем, а течением занесет к черту на рога. Долго ли в тумане на камень напороться?

— Услышим буруны — отрулимся.

— Такие грифоны не обязательно связаны с извержением.

— Все равно нельзя рисковать. В любую минуту может трахнуть из-под воды.

— Что ж... Давай сниматься.

Они подтянули якорный канат, но якорь не освободился: что-то держало его. Юра прыгнул в воду. Придерживаясь одной рукой за канат, он разгребал густой ил и ракушки, но якоря не нашупал. Вода замутилась.

Он вынырнул, глотнул воздуху, сказал:

— Якорь засосало.

— Залезай на борт. Это все грифон. Придется резать канат.

— Запасного-то якоря у нас нет.

— Все равно. Раз с дном что-то делается, надо уходить.

Канат обрезали. «Меконг» развернулся на течении и медленно поплыл в туманную мглу.

Шторм с севера налетел сразу. Шквальный ветер в клочья разорвал туман, завыл, засвистел по-разбойничьи в снастях.

Николай всем корпусом навалился на румпель, удерживая яхту против ветра. Юра с Валеркой заменили ходовой стаксель штормовым — хорошо, что послушались

старого Мехти, сложили стаксель как надо... Затем, балансируя на уходящей из-под ног палубе, стали брать рифы на гроте¹. Тугая парусина рвалась из рук, Валерку чуть не смыло за борт. Стонали под ударами ветра штаги и ванты.

С наглоухо зарифленным гротом «Меконг» понесся на юг, зарываясь носом в волны. Волна за волной накатывались, стряхивали на яхту белые гребни, и пена шипела и таяла, растекаясь по палубе.

Рита и Валя сидели в кокпите². Они прижались друг к другу и молча смотрели на взбесившееся море.

Юра с помощью Валерки мастерил на заливаемом волной баке плавучий якорь из багров и весел, завернутых в стаксель.

Нестись в неизвестность, в ревущую ночь, когда море усеяно банками и подводными камнями... Николай, с трудом удерживая румпель, пытался ходить вполоветра взад и вперед короткими галсами. На поворотах яхта ложилась набок, купая зарифленный грот в волне. Николай знал тяжесть киля и не боялся перевернуться.

— Рита, Валя! — кричал он. — Держитесь крепче!.. Не бойтесь! Сейчас выровняемся...

Чудовищного напряжения стоил каждый поворот. Ныли мышцы, пот струился со лба...

Он наваливался на румпель, одолевая яростное сопротивление воды.

— Скоро вы там? — кричал он Юре сквозь рев ветра.

Внезапный удар сотряс яхту. Скрежет под килем, треск ломающихся досок, грохот рухнувшей мачты заглушили короткий вскрик. Но Николай его услышал. Он рванулся вперед по кренящейся палубе, оттолкнул Валерку и прыгнул за борт. Прибойная волна захлестнула его, понесла, но он успел нащупать ногой дно и увидеть близкий, слабо чернеющий берег.

Волна откатывалась. Вмиг Николай снова очутился возле «Меконга», нырнул, зашарил по грунту, усеянному камнями... Еще минута — и он показался над беснующейся водой, держа на руках Юру. Не удержался, упал...

¹ Взять рифы — уменьшить площадь паруса, отшнуровать ее короткими завязками — риф-сезнями. Штормовой стаксель — малейший, особо прочный парус.

² Кокпит — углубление в палубе между каютой и кормовой частью.

Снова поднялся — по грудь в воде, крикнул, задыхаясь:

— Всем на берег!.. Здесь мелко!.. Обвязаться!

И, спотыкаясь, волоча безжизненное тело друга, сбиваемый с ног волнами, побрел по отмели в сторону берега.

«Меконг» валился набок. Те, кто остался на борту, цеплялись за что попало. Скулил Рекс, повисший на поручнях каюты.

Валерка услышал голос Николая и опомнился от испуга. Теперь он был старшим на яхте.

— Слушай меня! — заорал он. — Все в порядке! Идем на берег!

Он обвязал себя, Риту и Валю концом шкота, зацепил его за ошейник Рекса и первым прыгнул за борт. Поддерживая друг друга, падая под ударами волн, они цепочкой потянулись к берегу. Рита несла Рекса на руках.

Наконец-то суша! Не развязываясь, они поднялись на глинистый увал, за которым оказалась впадина, защищенная от ветра. Здесь песок был неожиданно теплым. На песке лежал Юра. Николай сильными взмахами делал ему дыхательные движения.

— Юрка! — Валя бешено рванулась вперед.

Глава четвертая **Про кольцо Мёбиуса, которое „утонуло“ в бетоне**

Строители каналов пускают воду, лучники подчиняют себе стрелу, плотники подчиняют себе дерево, мудрецы смиряют самих себя.

«Дхаммапада»¹, VI, 80

Скажем сразу, чтобы не причинять читателю излишних волнений: Юра останется жив.

А теперь перенесемся в Москву и посмотрим, что там делает Борис Иванович Привалов.

Накануне отъезда в Москву у Бориса Ивановича разболелся зуб и на щеке сделался флюс. Флюсы случались

¹ «Путь закона» (язык пали), буддийский сборник изречений.

Падая под ударами волн, они цепочкой потянулись к берегу.

у него и раньше и тоже всегда не ко времени. Но этот был особенно некстати. Борис Иванович нервничал. Целый день он отлеживался дома, глотая пирамидон с анальгина и нежно прижимая к щеке мешочек с горячей солью. Раза два звонил к нему Багбанлы, который тоже собирался лететь в Москву.

— Слушай, флюсовик, — говорил он, — пришли мне на всякий случай материалы опыта. А то, я вижу, придется мне завтра одному лететь.

— Я полечу, Бахтияр-мюэллим, — отвечал Привалов, придерживая трубку плечом и поглаживая небритую вздувшуюся щеку. — Полечу обязательно.

Вечером заявился Колтухов, который жил в этом же доме, только в другом блоке.

— Пришел зубы тебе заговаривать, — сказал он, усаживаясь возле Привалова.

Борис Иванович криво улыбнулся. Он лежал на диване и грел флюс синим светом. Лицо у него было измученное, потное.

— Вы бы, Павел Степанович, отговорили его, — сказала Ольга Михайловна, размешивая в кружке какое-то снадобье. — Куда он с такой щекой полетит?

— Ничего, пусть летит. Вот у меня знаете какой был случай?

И Колтухов, покуривая, покашливая, рассказал, как в тридцать шестом году он ездил в командировку в Мариуполь и по дороге его прихватили сразу ангину и аппендицит.

— Ты приготовила шалфей, Оля? — Привалов взял у жены кружку и ушел полоскать рот.

— Хочу дать тебе поручение, Борис, — сказал Колтухов, когда тот вернулся и снова лег на диван. — Зайдешь в Москве в Госкомитет по изобретениям, узнаешь, как там с моим авторским свидетельством на электретное покрытие для труб.

— Ладно. — Привалов проглотил очередную таблетку. — Скоро твоим трубам конец. Вместе с электретным покрытием.

— Э, пока вы с беструбным возитесь, мои электреты еще послужат. Занятная это штука, Борис...

И Колтухов углубился в любимую тему: дескать, недооценивают еще электреты... А ведь если их можно зарядить...

Борис Иванович слушал не очень-то внимательно: не в первый раз рассказывал ему Колтухов об электретах. Хотелось спать. То и дело Борис Иванович осторожно шупал флюс: не умёньшился ли?

Проснувшись рано утром, он сунул ноги в туфли и поспешил к зеркалу. Опухоль заметно спала, хотя полной симметрии, конечно, еще не было.

— Оля! — бодрым голосом позвал Привалов. — Приготовь, пожалуйста, чемоданчик. Лечу!

Они с Багбанлы прилетели в Москву, на несколько дней обогнав тяжелый ящик, окованный стальными полосами.

Из аэропорта поехали прямо в Институт поверхности — там, в гостинице научного городка, для них был приготовлен номер.

— Что вы скажете теперь, Григорий Маркович? — спросил Привалов, когда академик ознакомился с материалами опыта.

Но Григорий Маркович не торопился с выводами.

— Прежде всего посмотрим на ваше новое чудо, — сказал он. И обратился к Багбанлы: — Давненько не были вы в Москве, Бахтияр Халилович...

И вот настал день: в институтскую механическую мастерскую въехал грузовик. Мостовой кран снял с него тяжелый ящик. Когда отодрали доски, взгляду сотрудников института предстал бетонный блок. Во время опыта он служил подставкой для кольца Мёбиуса. Теперь из верхней поверхности блока торчала, наподобие дужки ведра, желтоватая металлическая дуга. Остальная часть кольца Мёбиуса «утонула» в бетоне.

Григорий Маркович медленно провел рукой по дуге, торчащей из блока. Рука свободно прошла сквозь металл, ощущив как бы легкое теплое дуновение. Ощущение было не внове для ученого: институтская установка уже «выдала» несколько образцов перестроенного вещества.

Блок разрезали. Та часть кольца, которая «утонула» в бетоне, оказалась непроницаемой. Но анализ показал, что в объеме, занятом кольцом, заключались и все элементы, входящие в бетон. Атомно-молекулярные системы бетона замещали межатомные пустоты в металле. Это было проникновение.

— Дикая, небывалая смесь, — сказал Григорий Маркович, просматривая следующим утром материалы анализа. — И все же — реальная.

— Мы считаем, что кольцо попало в зону собственного влияния, — сказал Багбанлы. — Потому и провалилось.

— Верно. Кольцо поглотило само себя.

— Но почему оно застряло? — спросил Привалов. — Почему не провалилось глубже, сквозь пол, сквозь землю, наконец? Как на него действовала сила тяжести?

— Сила тяжести! Много ли мы знаем о ней? Физическая сущность земного и мирового тяготения еще неизвестна... Можно, конечно, предположить, что кольцо, опускаясь, дошло до какого-то предела, где его встретили силы отталкивания.

— Энергетический предел проницаемости, — сказал Багбанлы.

— Да. Именно энергетический. — Григорий Маркович вытащил из папки лист миллиметровки и положил его на стол перед собеседниками. — Я попросил наших энергетиков составить этот график по fazам вашего опыта. — Он ткнул карандашом в чертеж: — Здесь отсчет расходуемой мощности. А этот волнообразный участок отражает момент бешеного расхода энергии.

С минуту длилось молчание. Все трое внимательно разглядывали график.

— Точнее — момент поглощения веществом энергии, — продолжал Григорий Маркович. — Если хотите — энергетический провал. У вас просто не хватило энергии, чтобы заполнить его...

— А если бы хватило? — быстро спросил Привалов.

— Если бы хватило — думаю, опыт прошел бы спокойно до конца. — Академик наставил на Привалова длинный палец: — Вы не довели до конца процесс перехода вещества в новое качество, процесс перестройки внутренних связей. Поэтому процесс бурно пошел обратно, возвращая энергию — не только затраченную вами, но и высвобожденную энергию поверхности.

— Энергия поверхности? Значит, мы...

— Да, Борис Иванович. То, что вы назвали взрывом, было именно высвобождением энергии поверхности. Помните, зимой я говорил о новом источнике энергии? Так вот: вы его получили.

За окном шелестел летний дождь. Привалов крепко потер лоб ладонью. Нелегко было сразу «переварить» сжатый вывод ученого. «Как свободно парит его мысль!» — подумал он с уважением.

Багбанлы постучал по графику ногтем:

— Этот отрезок кривой надо превратить в точку.

— Верно, Бахтияр Халилович. Сократить процесс во времени — для этого потребуется независимый и достаточно мощный источник энергии.

— Какой? — спросил Привалов.

— Пока не знаю. Электронно-счетная машина прорабатает данные вашего опыта и уточнит энергетический режим.

Григорий Маркович подошел к окну, распахнул его. В комнату вместе с шорохом дождя вошел запах мокрых трав, смолистый лесной аромат.

— Так или иначе, — негромко сказал он, глядя в окно, — мы познаем свойства превращенного вещества. Мы научимся управлять энергией поверхности.

Вечером того же дня Григорий Маркович позвонил в гостиницу и вызвал Багбанлы.

— Какие у вас планы на вечер, Бахтияр Халилович?

— Кроме телевизора, никаких.

— Тогда берите Бориса Ивановича и выходите, я вас встречу. Мы пойдем к Ли Вэй-сэну. Наш китайский коллега сегодня возвратился из отпуска и привез какую-то интересную вещь. Он приглашает нас на чашку чая.

Ли Вэй-сэн приветливо встретил гостей в палисаднике маленького коттеджа и провел их в скромно обставленную гостиную. Подвижной, сухонький, он захлопотал, поставил на стол вишневое варенье, принялся заваривать чай.

— Настоящий китайский чай, — проговорил Григорий Маркович. — Не каждый день бывает...

Он с наслаждением потягивал чай из маленькой тонкой чашечки. Южане тоже похвалили нежно-розовый напиток.

— Нет, — сказал Ли Вэй-сэн, морща лицо в улыбке. — Вижу по вашим лицам, что чай вам не по вкусу.

— Почему же, — вежливо ответил Багбанлы. — Чай хорош. Но у нас на юге заваривают его по-другому.

— О варвары! — смеясь, сказал Ли Вэй-сэн. — Грубый кирпично-красный настой, который щиплет язык, вы предполагаете... Нет, пред-по-читаете легким, ароматным ощущениям. Я извиняю вас только потому, что мы пьем чай на одну тысячу с половиной лет больше, чем вы.

— Изумительный чай, — сказал Григорий Маркович. — Налейте-ка еще, дружище Ли.

— А в Москве и вовсе не умеют заваривать чай, — вставил Привалов. — Пьют подкрашенную водичку.

— Жареную воду, — кивнул Багбанлы. — Впрочем, *de gustibus non est disputandum*¹.

— Вот именно, — подтвердил китаец. — А теперь, товарищи, я хочу познакомить вас с одной историей. У себя на родине я нашел старую сказочку, которая... Впрочем, выводы я предоставлю сделать вам самим.

Он раскрыл папку. Гости принялись разглядывать листочки фотокопий с рукописи, вышитой иероглифами на шелку.

— Итак, слушайте, — сказал Ли Вэй-сэн.

И, заглядывая в листки фотокопий, он начал рассказывать.

СКАЗАНИЕ О ЛЮ ЦИН-ЧЖЕНЕ — ИСКАТЕЛЕ ПОЛНОГО ПОЗНАНИЯ.

Лю Цин-чжен посвятил свою жизнь исканию Истины и Познания. Он познал все учения и все элементы природы: металл, дерево, огонь, воду и землю. Он знал, что наша Земля — огромная плоскость, в середине которой возвышается гора Сумера, окруженная четырьмя материками. Он знал, что существуют три мира: Пожеланий, Цвета и Бесцветия.

По ночам он часто смотрел на Луну. В ясные ночи он видел там нефритового зайца, который толчет в ступе снадобье; Лю Цин-чжен знал, что человек, отведав этого снадобья, может стать бессмертным. Но далека была Луна, а еще дальше — мудрость Полного Познания.

Лю Цин-чжен часто перечитывал буддийские тайные книги, некогда вывезенные Сюань-цзаном из Индии. Но не всю мудрость Будды вывез Сюань-цзан...

¹ ...о вкусах не спорят (лат.).

Там, на западе, в далекой Индии, за высокими горами, стоит таинственный храм Раскатов Грома, где обитает Будда-Татагата и хранятся книги о небе, трактаты о Земле и сутры о злых демонах; одна только книга «Обо всем, еще небывалом» состояла, по слухам, из 1110 тетрадей. Воистину лишь там можно познать все. Ведь Лю Цин-чжен знал многое. Он знал Способ Ковша Большой Медведицы, дающий тридцать шесть превращений, и Способ Звезды Земного Исхода, таящий семьдесят два превращения. Но, зная все это, Лю Цин-чжен не мог совершить даже простое превращение — в облако или в сосуд с водой. Видно, не хватало последнего звена знаний.

И Лю Цин-чжен пошел на запад, в Индию, пешком — ибо это угодно богам. Тысячи ли¹ прошел он, питаясь подаянием и довольствуясь тем, от чего отказывались другие. Он изведал жажду песков, страх лесов и голод бесплодных равнин. Он перешел высокие горы из шершавого камня, о которые в бурные ночи злые духи точили свои медные мечи. И наконец, пройдя восемь последних перевалов и девять ущелий, он вошел в Индию, в год Металла и Тигра. А вышел он из родного монастыря в год Земли и Мыши — два долгих года был он в пути.

Лю Цин-чжен нашел храм Воплощения с особыми местами для самосозерцания. Ему поведали, что в горах живет некий ученый индус. Соблюдая умеренность в пище, воздержание в речах и отказ от деятельности тела, он углубляется в себя, достигая третьей степени святости — Бодисатвы.

И Лю Цин-чжен отправился в страшные горы. Их вершины вздымались выше неба, которое, как известно, отстоит от земли только на девять ли. Он шел по вечным снегам, над глубокими пропастями. По ночам его старались напугать злые духи гор в образе волосатых людей со ступнями, вывернутыми назад.

Наконец Лю Цин-чжен разыскал пещеру, где индийский мудрец углублялся в себя, отрешаясь от кажущегося нам мира.

И мудрец не отверг Лю Цин-чжена. Он рассказал ему об учении Санкхья Карика, о восьми гранях неизвестности, восьми гранях заблуждения и восемнадцати гранях

¹ Ли — 0,644 километра.

совершенной тьмы. Он обучил его Четырем Дыханиям и всему, что дает человеку власть над телом, — тому, что составляет науку «хатха-йога». И обучил его науке власти духа над окружающим — науке «раджа-йога».

Лю Цин-чжен жил в пещере, неподалеку от индийского мудреца, не мешая ему, не видя его телесно, но общаясь на расстоянии силой духа. Он научился отрешаться от земного. Безразличны ему были смены времен года, ненастье, ветер и снег.

Но однажды небо потемнело, потоки горячего воздуха полились вниз по склонам гор, гоня перед собой потоки мгновенно растаявшего снега, и страшный жар опалил Лю Цин-чжена, и ощущил он трепет вздрогнувших гор. И увидел он, как с неба спустился один из Пяти Зверей — зверь Единорог.

Был зверь в длину более трехсот чи¹ и не менее восьмидесяти в обхвате. Тело его было покрыто золотистой чешуей. Зверь лежал без движения. Потом он вздохнул, и шипение воздуха из ноздрей его было столь громким и ужасным, что Лю Цин-чжен, не выдержав одиночества, пробрался к учителю — индусу. Замирая от страха, смотрели они на знамение, ниспосланное небом, и непрерывно взывали к Будде святыми словами: «Ом мани падмэ хум».

А потом пасть чудовища разверзлась и выпустила человека. Хотя был он ростом более семи чи и тело его было лишено одежд и покрыто прозрачным сосудом, а кожа красна, как медь, — он был существом двуногим, с девятью отверстиями, значит — человеком.

Краснокожий человек шел, осматриваясь по сторонам. И нес он оружие — трезубое копье — и вонзал его в скалы, не оставляя на них знаков. И вернулся в пасть зверя, а потом снова вышел, и с ним — шесть ему подобных. Они ходили меж скал и вонзали в скалы трезубцы, а из трезубцев ударяли зеленые молнии, и зелеными молниями краснокожие люди дробили скалы.

Лю Цин-чжен и индийский мудрец содрогались от страха, но боги избавили их от ударов молний. А когда много скал было избито молниями в мелкий щебень, краснокожие люди вынесли из пасти зверя свиток, развернули его и превратили в дорожку, которая бежала сама собой,

¹ Чи — 0,373 метра.

оставаясь на месте. И хотели они кормить зверя битым камнем, но камень не давался им в руки и падал сквозь ладони, как вода сквозь решето. Тогда принесли они золотые и серебряные прутья и сделали из них клетку и поставили над кучей щебня. И вытянули из тела зверя красные жилы и привязали их к клетке. И услышали Лю Цин-чжен и его учитель долгий вопль дивного зверя и видели сияние вокруг клетки, и ноздри их обоняли свежесть небесной грозы. Битый камень стал послушен рукам краснокожих людей, и бросали они его на бегущую дорожку, и камни неслись в пасть зверя, и глотал зверь камни. А потом скрылись люди в звериной пасти и унесли все прутья от клетки, и страшно рычал зверь от удовольствия, переваривая камни. А потом отрыгнул зверь остатки съеденных камней, и были они черные и обожженные утробой его, и зеленый дым шел от них. И с камнями изверг зверь железные короны, похожие на цветки со многими лепестками, и захлопнулась пасть его. И зверь поднялся на хвост свой, извергая огонь, взлетел вверх и, опираясь на огонь, долго стоял над горой.

Лю Цин-чжен и учитель его пали на землю, ибо воздух стал горячим и тяжелым и палил их и угнетал. А когда они осмелились поднять глаза, зверя не было, лишь на дне ущелья лежали горелые камни — остатки его пищи.

Долго сидели Лю Цин-чжен и индус, его учитель, и молча углублялись в себя, дабы познать происшедшее.

И встал индус и хотел взять руками остатки пищи небесного зверя и железные цветки, но пальцы его проходили сквозь них, и не держались они в руках его.

И еще три дня углублялись они в себя. А наутро четвертого дня индус сказал:

— Неправы мы, считая окружающее за Майю, за кажущееся. Нет Майи, а есть вещи — зримые или слышимые, или иные, но все — вещи. Взгляни на эти камни. Были они ощутимы и зримы для нас, а для небесных пришельцев были зримы, но не ощутимы. Но они имели знание. Знанием изменили они сущность камня и ощутили его. Горе мне! Сколько лет потерял я на поиски познания! Не там я его искал! Человек властен над вещами. Он плавит руду и получает металлы, он рубит деревья и варит смолы. Нет Майи, есть вещи и власть человека над ними.

И ушел. А Лю Цин-чжен был тверд духом. Он записал виденное и, освободив ум свой, углубился в себя и вернулся к созерцанию. Вновь он обрел покой, и вновь покой был нарушен: учитель его вернулся в ущелье.

Был он богато наряжен и явился со многими слугами. Слуги поставили богатый шатер и осквернили воздух запахом пищи, а бывший учитель прельщал Лю Цин-чжена, совращая его с пути. И Лю Цин-чжен, чтобы не слышать его, читал на память сутру Прагна Парамита о небытии Явлений, Форм и Вещей.

Индус опечалился и оставил Лю Цин-чжена. Слуги поставили перед ним черный круг с золотыми пластинками и долго вращали его подобно молитвенному колесу, и сыпались искры с круга, и далеко пахло свежестью. И, подражая посланцам небес, индус ставил над камнями и железом — остатками пищи небесного зверя — золотую клетку и повторял дела их, и стали камни ему послушными, и он брал их руками.

— Лю Цин-чжен, — воззвал он. — Некий знатный человек дал мне слуг, и пищу, и утварь, и буду я жить в доме его и искать Власть над Вещами. Ты следовал мне ранее, последуй же и сейчас.

Но Лю Цин-чжен не слушал святотатца. Знал он, что индус, и слуги его, и горы, всё — Майя, мир призрачный.

И индус ушел со слугами, унося камни и железо небесных пришельцев. А Лю Цин-чжен долго еще оставался в горах, а потом спустился в долину, в храм Воплощения. И, обретя святость, вернулся на родину, чтобы учить людей кротости и смиренению, ибо мир чувствования — лишь Майя, кажущееся, небытие.

А тот индус, как было слышно, войдя в дела земных владык, познал нечто тайное и потому был умерщвлен. И дух его получил дурнёе перевоплощение, уйдя вниз по Лестнице Совершенствования. И так будет со всяким, кто не поймет, что чудеса и знамения неба нельзя истолковывать как вещественное, что такое толкование оскорбляет богов, ибо мир вещей — лишь Майя, кажущееся.

Ли Вэй-сэн умолк. Он аккуратно сложил фотокопии в папку, затем снял свои восьмиугольные очки и протер их платком.

За окном медленно угасали последние отблески зака-

та. Где-то в сосновом лесу крикнула птица. Наплыvalа синяя тишина подмосковного вечера.

Странное очарование сказки овладело гостями Ли Вэй-сэна. Первым нарушил молчание Багбанлы. Он встал, прошелся по комнате.

— Индус из сказочки, — сказал он, — смахивает на ученого старца из матвеевских писаний. К какому времени относится ваша сказка?

— Не раньше шестого века по европейскому летосчислению. Герой сказки читал книги, вывезенные Сюань-цзаном из Индии, а Сюань-цзан жил в шестом веке.

— Позвольте, в сказке упомянут год.

— Да, Лю Цин-чжен пришел в Индию в год Металла и Тигра.

— Что это значит?

— По старой системе это двадцать седьмой год цикла, а в цикле — шестьдесят лет. Первый год цикла — год Дерева и Мыши.

— А если перевести на нашу систему?

— Пожалуйста, — сказал китаец. — В цикле, в котором мы живем, год Металла и Тигра был в 1951 году. Теперь возьмем интервал в шестьдесят лет. Годы Металла и Тигра приходятся, следовательно, на 1891, 1831, 1771, 1711...

— Тысяча семьсот одиннадцатый? — прервал его Привалов. — Этот год вполне вяжется с рукописью Матвеева. Сказочный Лю Цин-чжен мог встретиться с ученым индусом, который несколько лет спустя сделал нож Матвеева проницаемым.

Ли Вэй-сэн улыбнулся:

— Может быть, может быть...

— А что? — сказал Привалов мечтательно. — Представьте себе, что где-нибудь в Гималаях совершил вынужденную посадку космический корабль из далеких миров. Из мира, где связи вещества носят другой характер. Космонавтам понадобилось, скажем, пополнить запас ядерного горючего. Земные горные породы оказались для них достаточно активными. Они наломали камня электроискровым способом...

— По методу Лазаренко? — ехидно спросил Багбанлы.

— По методу своего Лазаренко¹. Но земные предметы были для них проницаемы. Тогда они собрали какую-то установку и изменили свойства камня — сделали его непроницаемым для себя, — значит, проницаемым для земных людей, — и по ленточному конвейеру погрузили его на корабль. Потом... Потом они подремонтировались, заменили какие-нибудь шестерни, а негодные выбросили — это и были «железные цветы» — и улетели, так сказать, к месту назначения.

— Тебе бы научно-фантастические романы писать, Борис, — засмеялся Багбанлы.

Григорий Маркович помалкивал. Он рисовал в блокнотике причудливую голову бородатого старика с орлиным носом. Казалось, ученый был всецело поглощен рисованием. Вдруг он поднял голову и посмотрел на Багбанлы.

— А почему бы и нет, Бахтияр Халилович? — сказал он. — Все возможно на этом свете. Самая дерзкая фантастика не может сегодня удивить науку.

— Не спорю. Но космический корабль в Гималаях...

— Индус случайно оказался в горах, — спокойно продолжал Григорий Маркович. — Он наблюдал за пришельцами из космоса. Вероятно, он и раньше занимался физикой. Перестроенное вещество камней он, быть может, использовал как источник для переноса их свойств на другие предметы.

— Для переноса свойств? — Привалов вскочил со стула. — Какая странная мысль!

— Отнюдь, — возразил ученый. — Если бы у нас был предмет из вещества с измененными связями, ну хотя бы этот легендарный матвеевский нож, мы бы прежде всего стали искать способ передачи его свойств.

— Значит, мы идем неверным путем? — Привалов был взволнован: — Значит, «сукрутина в две четверти», описанная Матвеевым, была не кольцом Мёбиуса, а чем-то иным?

— Мы идем верным путем, Борис Иванович. Что до «сукрутины», то кто ее знает?.. Просто какая-то деталь установки. Важно, что самое это слово навело вашего Потапкина на превосходную мысль. Впрочем, — добавил

¹ Б. Р. и Н. И. Лазаренко — создатели промышленного метода электрон скровой обработки.

ученый, помолчав немного, — все это не более как предположения. Могло и не быть космического корабля, который так не нравится нашему другу Багбанлы. Сказочка, привезенная нашим другом Ли, быть может, просто плод богатого воображения. Одно несомненно: в Индии начала восемнадцатого века работал безвестный великий ученый. Он намного обогнал свое время, и судьба его была трагичной.

В наступившей тишине раздался голос Ли Вэй-сэна:

— Правильно, коллега! В глубинах истории таится много подобных трагедий. Я со скорбью думаю о мудрецах моей страны, чьих имен не сохранила история. Я с гневом думаю о том, сколько сил предоставило... то есть положило человечество на выдумывание религий, на поиски того, чего нет. Врата Полного Познания! Воистину мы должны работать как одержимые, чтобы распахнуть их.

Китаец подошел к двери, щелкнул выключателем. Яркий белый свет залил комнату.

Борис Иванович думал о Лю Цин-чжене и индийском мудреце. Его мысленному взору предстали грозные отроки Гималаев. Измученные люди приносили с горных вершин какие-то смолы... О них упоминал Матвеев, и это навело Колтухова на мысль о мощно заряженных электретах. «Недооценивают еще электреты», — всплыл в памяти скрипучий голос Павла Степановича...

Он вслушался в беседу ученых. Ли Вэй-сэн рассказывал что-то из китайской истории. Воспользовавшись первой паузой, Привалов сказал:

— Товарищи, а что, если «заткнуть» энергетический провал электретами?

— Электретами? — Григорий Маркович удивленно посмотрел на него. — Но это очень слабенький, хотя и неиссякаемый источник.

— Слабенький? А вот послушайте! — И Привалов рассказал об эпизоде из матвеевской рукописи и о предположении Колтухова, что люди Лал Чандра заряжали смолу космическими лучами.

— Да, припоминаю этот эпизод, — заметил академик, — но, признаться, не приходило в голову... Ну-ну, продолжайте.

Борис Иванович воодушевился и подробно рассказал об опытах Колтухова с электретными покрытиями для труб.

Китаец быстро покрывал блокнот строчками иероглифов.

— Это мысль, — сказал Багбанлы, когда Борис Иванович умолк. — Клянусь аллахом, неплохая мысль! Академия располагает самым мощным в мире электростатическим генератором. Давайте зарядим от него смолу по колтуховскому рецепту.

— Мощная, неиссякаемая батарея электретов, — задумчиво проговорил Григорий Маркович. — Хорошо, попробуем. В крайнем случае мы свяжемся с нашей высокогорной станцией на Памире, которая изучает космическое излучение... — Он помолчал немного. — Частотный режим нам ясен. Теперь займемся энергетическим. Вот что мы сделаем. Построим вашу модель беструбного нефтепровода, Бахтияр Халилович, только без стеклянных трубок, а в небольшом бассейне.

— Как у Лал Чандра? — спросил Привалов.

— Примерно. Только без театральных эффектов вроде горящей воды. Лал Чандр, очевидно, разлагал воду в бассейне электролизом и поджигал выделяющийся водород искрой. Нам это ни к чему. А вот прокачка масла сквозь воду — ею мы и займемся. Мы оборудуем в бассейне кольца Мёбиуса — приемное и передающее. Поставим установку энергетического луча. Испытаем электреты... Ну-с, и попробуем прогнать струю нефтепродукта сквозь воду. Посмотрим, как поведет себя перестроенное вещество в рамках усиленного поверхностного натяжения. Мне бы хотелось, товарищи южане, задержать вас на месяц-полтора в институте. Не возражаете?

— Со мной просто, — сказал Багбанлы. — Письмо президиума академии — и все. Но вот юноша, — он кивнул на Привалова, — представитель промышленности. С ним посложнее.

— Завтра позвоню Лиде Ивановой, — сказал Григорий Маркович и сделал пометку в записной книжке. — Она уладит это через главное управление. Так вот. Думаю, что осенью мы сможем перекинуться к вам, на Каспий. Выберем подходящий участок моря и поставим опыт уже в естественных условиях.

— В промышленных, — заметил Привалов.

— Верно. Кстати, мне нужно побывать на Каспии не только по трубопроводным делам. Есть еще одна задача, не менее важная.

— Не секрет? — спросил Привалов.

— Вы, должно быть, знаете эту проблему: повышение уровня моря проливным дождем.

— Наслышаны, — сказал Багбанлы. — Кипятильник на Черном море, паропровод над Кавказским перешейком, конденсация облаков над Каспием и ливень вроде библейского. Не знал, что вы имеете отношение.

— Частично. Там есть у вас Институт физики моря. Мы дали им некоторые исходные данные для опытной установки по конденсации облаков. Они собрали установку на каком-то необитаемом островке. Работу эту ведет некто Опрятин, кандидат наук.

— Знаем Опрятина, — сказал Привалов.

— Что-то затянул работу сей муж, — продолжал Григорий Маркович. — Впрочем, я их не тороплю. У нас тут возникла, видите ли, новая идея. Пожалуй, можно будет обойтись без ливня... Но это пока секрет. — Он встал. — Итак, друзья, завтра с утра прошу ко мне. Займемся электретами.

Глава пятая, в которой экипаж „Меконга“ осваивает необитаемый остров

*Не хочешь ли жениться во синем море
На душечке, на красныя девушки?*

Былина «Садко, богатый гость»

Первый день

Руки вверх-вниз, вверх-вниз... Стоя на коленях возле Юриной головы, Николай ожесточенно бросал его руки вверх-вниз...

Валя стояла рядом. Ее тряслось. Прижав ладони к щекам, она бормотала как помешанная:

— Нет... Нет...

Вдруг Юра коротко простонал. Валя припала к нему, всхлипнула.

— Отойди! — крикнул Николай, с новой силой набрасываясь на Юру.

Вверх-вниз, еще... еще...

Юра дернулся, открыл глаза. Вздохнул. Его стало рвать.

А буря неслась над островом, дико завывал ветер, и грохотал, разбиваясь о камни, прибой. Ложбину заносило песком. Песок скрипел на зубах, забирался в уши.

— Жив, — сказал Николай и без сил повалился на песок.

— Голова трещит, — пробормотал Юра, вглядываясь в темные фигуры, обступившие его. — Два, три, четыре, — сосчитал он. — А Рекс? Ага, тут... — Он закрыл глаза.

Валя крепко держала его за руку.

— Об кнхт головой ударился, — сказал он немного погодя. — Когда меня стакселем сшибло...

— Коля тебя из воды вытащил, — сказала Валя.

Крупные слезы бежали у нее по щекам. Юра промычал что-то, ей показалось: «Правильно сделал».

Когда рассвело, экипаж «Меконга» поднялся на увал. Увидели полоску пляжа, заваленную круглой галькой. Кое-где торчали из песка пучки высокой и жесткой травы бурого цвета. На каменистой отмели боком лежал «Меконг». Без мачты он казался мертвым, обезглавленным. Волны перекатывались через него. Море было темно-серое, злое, в белых барашках. Юра негромко сказал:

— Раздался страшный скрежет, и трехмачтовый барк «Аретуза» резко накренился...

Длинный, в трусах и неизменной красной косынке, он стоял рядом с Валей. Он заметно осунулся и побледнел за ночь и время от времени морщился: голова мучительно болела.

— Посмотреть, что с яхтой, — сказал Николай и сбежал на пляж.

Юра двинулся было за ним, но Николай оглянулся и крикнул:

— Тебе нельзя. Валерка, пошли!

Вдвоем с Валеркой они побрали по отмели против тяжелых, холодных волн. Дно было усеяно крупными обломками песчаника.

Яхта плотно засела килем между подводными камнями. Сломанная мачта, державшаяся на форштаге, билась о белый борт.

Николай и Валерка вскарабкались на палубу «Меконга» и пробрались в каюту, до половины залитую водой.

Все здесь было неузнаваемо: иллюминаторы выбиты, на поверхности плавали чья-то туфля, несколько бубликов, связка лука. В правом борту, скрытом под водой, зияла пробоина шириной в четыре доски: Николай обнаружил это, угодив в нее ногой.

— Плохо дело, — проворчал он. — Застряли мы здесь...

Он нырнул и зашарил руками в затопленном углу каюты. Вытащил брезентовый мешок с инструментом.

— Теперь на душе полегче, — сказал он отфыркиваясь.

— И спиннинг уцелел! — воскликнул Валерка. Ночью он был молчалив и немного напуган, а теперь повеселел. — Рыбу будем ловить, заживем робинзонами!

Они вытащили наверх все, что не унесла вода через пробоину. Освободили стлани и решетки, собрали из них плотик, погрузили на него спасенное имущество. Груз крепко привязали веревками и потащили на берег.

— Эй, сухопутная партия! — крикнул Николай. — Разбирайте и сушите имущество!

По пляжу с веселым гавканьем носился Рекс. Должно быть, он начисто позабыл о ночном приключении.

Николай с Валеркой совершили второй рейс к яхте и вернулись, сгибаясь под тяжестью намокших парусов. Затем они притащили на берег мачту.

Разостлали для просушки паруса, придавив по углам камнями, чтобы не унесло ветром. Разложили на прибрежной гальке спасенное имущество — одежду, продовольствие. Валерка озабоченно осмотрел патефон, вылил из него воду, вынул из мокрой коробки чудом уцелевшие пластинки. Юра порылся в карманах своих брюк, с которых ручьями бежала вода, и извлек отвертку. Он любовно оглядел ее, подбросил и поймал за цветную рукоятку. Впервые за это утро на его бледных губах появилась довольная улыбка.

Шторм не утихал. Ветер с воем гнал на остров низкие косматые тучи, кружевной пеной закипала на отмели беснующаяся вода.

Клочок невзрачной, неуютной земли среди яростного моря. И пятеро на берегу. Пятеро, не считая собаки.

Рита, осторожно ступая босыми ногами по гальке, подошла к Николаю:

— Что будем делать, коммодор?

— Завтракать, — сказал он. — Прежде всего — завтракать.

Они перешли в ложбинку между увалами — здесь было тише. Юра вскрыл ножом три банки мясных консервов, позвал:

— Товарищи робинзоны, прошу к столу.

— А разогреть их нельзя? — спросила Валя.

— Ты сможешь зажечь примус без керосина и спичек?

— Неужели спички исчезли? Как же теперь без огня?..

— Огонь будет, — пообещал Юра. — Не в каменном веке живем.

Ели молча. Два ножа, две отвертки и Юрин «Дюрандаль» заменяли столовые приборы.

— Закурить бы теперь, — сказал Николай, отбрасывая пустую банку. — Да весь табачный запас смыло за борт... Ну ладно.

Он коротко доложил экипажу «Меконга» обстановку:

— Яхта разбита, посему дальнейшее плавание отменяется. Придется немного ложиться на острове. В архипелаге часто бывают рыбаки и суда морской нефтегазоразведки, так что беспокоиться нечего. По ночам будем жечь сигнальный костер. Продовольствие придется взять на строгий учет...

— Зачем же дали псу целую банку? — спросила Валя.

— Потому что пес ничего не читал о кораблекрушениях и не поймет, почему он должен страдать, — возразил Юра. — Давайте подсчитаем, что у нас есть. Уважающие себя робинзоны всегда начинали с этого.

Из продовольствия уцелело: девять банок мясных консервов; четыре коробки сардин, жестяная банка с сухарями; три пачки концентрата «суп-пюре гороховый» в бумажных расползающихся обертках; двадцать семь картофелин; шесть пачек печенья «Привет», раскисшего в тесто; связка лука. Безвозвратно исчезли мука, сахар, пшено и сливочное масло. Сохранились, правда, две бутылки подсолнечного.

— А как с водой? — спросила Рита.

— Воды хватит. — Николай ткнул ногой в деревянный анкерок. — Здесь литров тридцать, хватит на добрых десять дней. Да еще ионообменная смола — она даст лит-

ров двадцать опресненной морской воды. Вот с едой у нас похуже.

— Рыбу будем ловить, — сказал Валерка.

— Верно. Устроим рыбный стол. Консервы побережем на крайний случай. В общем, не пропадем.

— Мы-то не пропадем, а вот соль пропала, — заметил Юра, роясь в продовольственных запасах. — Уплыла в герметичной банке.

— По крайней мере, она не промокнет, — вставил Валерка.

Юра ухмыльнулся:

— Малыш делает успехи.

Валерка просиял: не часто он удостаивался похвалы.

Еще уцелели: Ритин сарафан, одна Валина босоножка на правую ногу и одна Валеркина туфля — на левую, одеяла, примус, патефон, акваланг, фотоаппарат, спиннинг, бинокль и компас. Из книг — лоция и «Исполнение желаний» Каверина; ветер равнодушно листал их страницы. Размокшая карта сушилась на берегу, обложенная камешками. Из посуды — котелок, кастрюля и брезентовое ведро. В инструментальном мешке, кроме двух ножей и отверток, оказались: топорик, плоскогубцы, зубило, ножовка, гвозди, жестянка с нитками и парусными иглами и банка с пастой «Нэдэ» для чистки медных частей яхты. Этикетка извещала, что паста предназначена для чистки драгоценностей, зубных протезов, унитазов, самоваров, духовых музыкальных инструментов и троллейбусов.

— Самое смешное, — сказал Николай, повернувшись к руках, — что все это правда. Жаль, у нас нет ни троллейбусов, ни драгоценностей.

Часы были у всех, но шли только у Риты и Валерика. У Николая они шли только при раскачивании, а пылевлагонепроницаемые противоударные часы Юры не реагировали даже на раскачивание.

— Это в соответствии с паспортом, — объяснил Юра. — Там сказано: беречь от ударов и попадания влаги.

Он принялся изучать карту, водя пальцем по еще не просохшему листу. Николай подсел к нему, спросил:

— Куда нас выбросило?

— По-моему, это остров Ипатия, — сказал Юра. — Нас снесло к югу, крутились мы вот здесь... Да, остров

Ипатия. — Он полистал лоцию. — Он всего сто пятьдесят лет, как вылез из воды. Раньше здесь была мель, ее называли Чертовым Городищем.

— Почему? — спросила Валя.

— Видишь, остров состоит из ряда параллельных гребней и ложбин? Когда он был подводной мелью, промеры показывали резкое чередование глубин. Вот и решили, что это дома и улицы затонувшего города. Ходили слухи, что кто-то в тихую погоду видел этот город сквозь воду и слышал плач его жителей.

— Юрик, а теперь остров необитаем?

— Теперь! — усмехнулся Юра. — Да, Валечка, мы первые обитатели Чертова Городища.

К полудню ветер утих, и стало теплее. Робинзоны принялись строить жилье. Мачту уложили на гребне увала так, чтобы конец ее метра на три выступал над ложбиной. Основание мачты завалили камнями, а выступающий конец подперли скрещенными баграми. Этот каркас покрыли спинакером, края его привязали к колышкам, вбитым в грунт. Часть палатки отгородили для женщин штормовым стакселем. Сложенный гrot служил «полом», вход в палатку завесили ходовым стакселем.

— Вигвам получился что надо. — Юра поцокал языком. — Я, может, с детства мечтал пожить в таком уютном вигвамчике.

— Так, — сказал Николай. — Следующая проблема — огонь. Вроде бы проясняется малость. Как только выгляднет солнце, будет огонь. А пока давайте соберем дровишек для костра.

— Можно подумать, что для нас тут припасли дрова! — Валя пожала плечами.

— Море припасло. Учти, что к северу от острова — материк, густо населенный людьми. Господствующие ветры — северные. Наш лагерь — на северном берегу острова. Значит, дрова есть.

Валерке поручили выбрать место потише и попытать счастья в рыбной ловле. Остальные пошли по берегу.

— Дрова номер один, — воскликнул Николай, поднимая с песка старую, потрескавшуюся шлюпочную решетку.

Потом стали попадаться ящичные доски, обломки брусьев, балберки рыбачьих сетей. Была здесь рамка от форточки, кусок шлюпочного транца с полуустертыми бук-

вами и рулевой петлей, спинка стула и даже резное деревянное блюдо с надписью: «Хлѣбъ-соль ѿшь, а правду рѣжь». Чего только не нанесло море за многие годы!

Когда, нагруженные дровами, возвращались к лагерю, в просветах туч проклонулась голубизна. Робко выглянуло солнце и тут же снова нырнуло в тучу.

Валерка притащил первый улов: несколько тощих бычков и здоровенного сазана. Юра осмотрел сазана и сказал:

— Это тот самый, за которым мы тогда гонялись с ружьем.

— Узнал приятеля? — засмеялась Рита и, забрав сазана, начала его чистить.

Туча сползла с солнца. Юра вывернул из фотоаппарата объектив и, направив его на солнце, поджег наципанные волокна веревочной пеньки. После энергичного раздувания занялись щепки. И вот в ложбинке, весело потрескивая, запыпал костер.

— С вами не пропадешь, — заулыбалась Валя.

Она налила в кастрюлю воды из анкерка.

— Стоп! — вмешался Николай. — Много льешь.

Несмотря на Валины протесты, он подмешал в пресную воду немного морской.

— Во-первых, экономия пресной воды, — говорил он. — Второе — у нас нет соли, а в морской воде она есть. Рыбу будем есть вареную — она лучше насыщает и меньше будет хотеться пить. Воду будем пить в горячем виде — это лучше утоляет жажду.

Наточив ножи на плоской гальке, парни вырезали из балберок пять предметов, более или менее похожих на ложки.

Обедали с большим аппетитом.

— В жизни не ела более вкусной ухи! — призналась Рита. — Просто стыдно: не ем, а жру...

После обеда стало клонить ко сну: давала себя знать бессонная, тревожная ночь.

— Залезайте в вигвам, — распорядился Николай. — А я посижу, мне неохота спать.

Он долго сидел один, подбрасывая доски в костер. Под боком у него дремал Рекс.

Николай был рад тому, что женщины не проявляли беспокойства, полностью доверяя ему и Юре. Но самто он понимал, что нельзя особенно рассчитывать на

помощь извне: вряд ли кто-нибудь посещает этот островок. Надо что-то придумать...

Глухо ворчал прибой в первобытной тишине. На западе небо очистилось и стало золотым и оранжевым от закатного солнца.

Надо что-то придумать...

Он задремал. И вдруг вскинул голову, услышав шорох. Рита вышла из палатки, зевнула, села рядом.

— Коля, — сказала она, пересыпая песок сквозь пальцы, — мы надолго здесь застряли? Мне важно знать.

— Не знаю. Что-нибудь придумаем... Ты жалеешь, что пошла с нами в поход? — спросил он, помолчав.

— Нет. Но мне надо поскорее вернуться в город.

— Что-нибудь придумаем, — повторил он. — Нет безвыходных положений.

— Придумай, пожалуйста. — Она улыбнулась ему.

Вечером Валерка завел патефон. Потом пели хором. Покатываясь со смеху, разучили подходящую к обстоятельствам папуасскую песню, вычитанную Николаем у Миклухо-Маклайя. Несколько однообразный текст песенки излагал технику приготовления пищи из сердцевины саговой пальмы. Юра дирижировал, и все пели, взявшись за руки и приплясывая вокруг костра:

Бам, бам, марапé,
Марапе, тамолé.
Мара, мара, мараре,
Бам, бам, мараре.

Рекс добросовестно подывал, задрав морду. Ему было все равно, чему подывать. Он был хороший, вежливый пес.

Распределили дежурства на ночь — по два часа. Дежурный должен был поддерживать огонь сигнального костра на гребне увала.

Юра вызвался дежурить первым. Валя села рядом с ним. Отблески огня пробегали по их лицам.

— Сильно болит голова? — спросила Валя.

— Нет. Меньше.

— Подумать только: если бы не Коля... — Она замолчала, придвинулась к нему. Он обнял ее за плечи.

Костер — одинокий светлячок в безбрежной ночи. Двое у костра. Вдвоем в целом мире...

Юра сказал незнакомым ей голосом:

— Валька, знаешь что?.. Давай поженимся.

Он не видел, как вспыхнуло ее лицо. Сыпались из костра искры. Юра подался вперед, бросил в огонь обломок доски.

Валя тихо засмеялась:

— Надо еще выбраться отсюда...

— Ты согласна?

Она быстро поцеловала его и встала.

— Спокойной ночи, Юрик.

И пошла к палатке, счастливо улыбаясь в темноту.

День второй

Утром шторма как не бывало. Море синее и гладкое — ни морщинки. В голубом небе — редкие белые паруса облаков.

Первым проснулся Валерка. Он взял спиннинг и, насыпывая вчерашнюю песенку, отправился удить рыбу. Валерка был доволен приключением и заранее предвкушал, как будет рассказывать о нем своим городским друзьям.

Затем из палатки вылезли Юра и Николай. Они пошли по отмели к «Меконгу» и, тщательно осмотрев его, убедились, что своими силами заделать пробоину и поднять яхту с камней не удастся. Нужны два понтонов и катер, чтобы отбуксировать ее на яхт-клуб.

Они вернулись на берег. Николай медленно оглядел в бинокль горизонт.

— Глянь-ка туда. — Он передал Юре бинокль.

В окулярах обозначился ажурный чертежик, будто тушью сделанный на голубом шелке неба. Это была верхушка буровой вышки.

Выпуклость земного шара позволяет наблюдателю, стоящему на берегу, видеть на расстоянии около двух с половиной миль. Скрытая за горизонтом часть вышки с основанием имела высоту около сорока метров: значит, с поверхности моря ее можно было бы увидеть за тринадцать миль. Тринадцать миль, да еще две с половиной, — пятнадцать с половиной миль открытого моря отделяло вышку от наших наблюдателей.

Юра сбежал в палатку за картой и компасом. Ориен-

тировав карту, он убедился, что видит одну из разведочных морских буровых возле острова Черепашьего.

— Ну, правильно, — сказал он. — Мы на острове Ипатья. Если плыть по прямой к Черепашьему, миль пятнадцать будет. Ориентир есть — вышка. Рискнуть, а?

— Нет. Далеко, и течение встречное... Вот что: надо строить плот.

— Плот?

— Ага. С парусом и выдвижным килем вроде «Кон-Тики». Выберем день с южным ветром — при северном на плоту байдевинд не пойдешь... Часов за восемь дойдем до Черепашьего. А там, может, геологи работают, значит, будет рация. Сообщим в город, с яхт-клуба моторку пришлют.

— А если геологов не будет?

— Пойдем дальше. От острова к острову.

— Ладно, — сказал Юра. — Плот так плот. Сегодня и начнем. Видел вчера бревна на той отмели?

— Ага. И еще знаешь что, Юрка? Ни слова женщинам о серьезности положения. Держим такую линию: мы потерпели кораблекрушение не посреди Тихого океана, а на Каспии, в десяти милях от ближайшей бухгалтерии.

— Ну, потонуть на Каспии — удовольствие не большее, чем на Тихом океане. Но я согласен: настроение — веселое!

После завтрака наши робинзоны отправились в обход острова, чтобы исследовать свои новые владения и поискать материал для постройки плота.

Среди босоногой команды «Меконга» одна Валя была обута: на правой ноге у нее была босоножка, на левой красовалась Валеркина туфля. Она спокойно шагала по галечному пляжу, в то время как другие робинзоны спотыкались с непривычки на обломках песчаника.

Северный берег острова был богат плавником. Попадались и бревна, оторванные штормами от «морских сигар», — в них торчали крепежные скобы. Парни выкатили на берег повыше те бревна, которые годились для плота.

Через полкилометра пологий берег свернул к югу и сделался круче. Здесь вода была голубовато-серая, и в ней бурлили, лопаясь на поверхности, крупные газовые пузырьки.

— Опять грифон! — воскликнул Юра.

— А вот его сухопутный брат, — добавил Николай.

Действительно, на берегу, в десяти метрах от воды, что-то бурлило и фыркало. Вершина небольшого бугра была покрыта теплой, полужидкой грязью, медленно сползавшей вниз. Временами на вершине бугра возникал и с шумом лопался грязевой пузырь.

Николай поднялся к кратеру, скинул рубашку и наложил в нее серой плотной глины.

— Зачем, Николай Сергеевич? — спросил Валерка.

— Печку сложим.

— Ты испортишь рубашку, — сказала Рита.

— Наоборот. У этой глины хорошие моющие свойства.

— Никогда бы не подумала...

Южный берег оказался крутым, обрывистым, окаймленным узенькой прибрежной полосой. Мелкая галька, валуны. Песка здесь совсем не было.

— Хорошее место — с моря подходить, — заметил Николай, когда они вышли к маленькой бухточке. — Смотрите, глубина прямо от берега, можно подойти вплотную.

— Да сюда и подходят, — подтвердил Валерка, показывая на забитую в береговую гальку причальную трубу.

Молодые инженеры осмотрели трубу и обнаружили на ней клеймо Южнотрубного завода и ряд понятных им цифр: размер, номер плавки, марку стали и год выпуска.

— Прошлого года! — воскликнул Юра.

— Значит, здесь бывают геологи. — Николай посмотрел на Риту. — Я же говорил, что долго не засидимся.

— Но плот все равно будем строить? — спросил Валерка.

— Будем. На всякий случай.

Обход острова не занял много времени: длина береговой линии не превышала трех километров.

— Теперь, товарищи, за работу, — сказал Николай, когда экипаж «Меконга» вернулся в лагерь. — Валерка, забрасывай спиннинг. Пошли, Юрка, бревна таскать.

С помощью женской половины экипажа Юра и Николай скатили бревна, найденные на северном берегу, в воду, связали их веревками и отбуксировали к лагерю. Попутно Николай прихватил короткий обрубок бревна, полусгнивший и покрытый толстым налетом соли.

— Зачем тебе эта гниль? — спросила Валя.

— Потом узнаешь.

Наскоро выкупавшись, парни сложили из обломков песчаника печку и обмазали ее вулканической глиной.

— Оно конечно, костер романтичнее, — говорил Юра, — но ка-пе-де¹ у него поганый, и дров много жрет. В конце концов, мы не первобытные люди...

Пришел Валерка со свежим уловом. За ним бежал Рекс, с интересом обнюхивая рыбью хвосты, волочившиеся по гальке.

Пока варились уха, Юра скрутил фитилек из расщипанной веревки, сунул в пустую консервную банку и налил подсолнечного масла. Поднес горящую головешку — фитилек слабо вспыхнул.

— На случай пасмурной погоды, — объяснил Юра. — Пусть горит, чтоб дрова зря не жечь.

— Масло тоже надо экономить, — заметила Валя.

— Коптилка много не съест. А вы, между прочим, знаете, товарищи, историю подсолнечного масла?

— Расскажите, Юрий Тимофеевич, — попросил Валерка.

Юра развалился на песке и начал со вкусом:

— Родина подсолнуха — древнее Перу. Перуанцы называли его цветком солнца...

— Неужели инки лузгали семечки? — засмеялась Валя.

— Наоборот. Они поклонялись божественному цветку, который всегда смотрит солнцу в глаза. Потом Перу завоевали испанцы. Вместе с золотишком они вывезли в Европу и золотой цветок. В Россию подсолнух ввез Петр Первый из Голландии. Его сажали в садах для крахмала. Позднее люди открыли свойство жареных подсолнечных семян — способствовать тихому душевному разговору... — Юра воодушевился: — Это дивное лакомство стало лучшим украшением летних вечеров. А в 1835 году воронежский крестьянин Бочкарев первым начал давить из подсолнечных семян масло. Прекрасное, золотистое, как солнце, масло, нужное и для пищи и для приготовления мыла и красителей...

— Откуда ты знаешь все это? — удивленно спросила Валя.

— Я хожу по жизни с открытыми глазами, — гордо ответил Юра и повернулся с живота на спину.

¹ КПД — коэффициент полезного действия.

Он не пожелал признаться, что еще недавно, занимаясь пластмассами, прочитал под нажимом Колтухова несколько книг о естественных смолах и маслах.

Между тем Николай поджег гнилую деревяшку и, когда она сгорела, собрал золу в консервную банку. Попробовал на вкус, удовлетворенно кивнул и высыпал щепотку золы в кастрюлю с поспевающей ухой.

— Что ты сделал? — в ужасе закричала Валя. — Су-
масшедший!

— А ты попробуй. — Николай протянул ей банку.

— Стану я всякую гадость пробовать!

Рита сунула палец в банку, лизнула, изумленно сказала:

— Соль!

— Опять же Миклухо-Маклай помог, — серьезно сказал Николай. — Он писал, что на Новой Гвинеи едят золу дерева, долго пролежавшего в морской воде.

— Я читала Маклайя, но совершенно не помню этого. — Рита засмеялась. — Да, с вами не пропадешь...

После обеда вскипятили воду, и каждый получил свою порцию. Рексу налили, как обычно, в банку воды из анкерка. Но пес не стал пить. Он растянулся в тени палатки и вывалил язык на передние лапы.

Юра и Николай переглянулись.

— Что с ним случилось, Колька? С утра пес не пил...

— А вдруг он взбесится? — забеспокоилась Валя. — Что тогда?

Николай повернулся к Рите:

— Может, посмотришь его? Ты же биолог.

Рита подозвала Рекса, взяла его голову обеими руками, тщательно осмотрела глаза и нос, раскрыла ему пасть.

— Более здорового пса я не видела. — Она ткнула Рекса носом в банку. — Пей, собачка. Ну пожалуйста.

Но Рекс осторожно высвободился и убежал.

— Не нравится мне это, — сказал Юра. — Где он там бегает? Пойду посмотрю.

Он направился в глубь острова. Остальные робинзоны последовали за ним. Поднялись на возвышенность и увидели еще один грифон. У его подножия росла бурая скучная трава. Поблизости, между невысокими параллельными увалами, стояли лужи воды. А между ними бродил Рекс.

— Вот оно что! В бочонке вода несвежая, а он, видно, еще утром нашел источник. Ну-ка... — Юра горстью зачерпнул из лужи немного воды.

Валя подскочила к нему:

— Не смей пить!

— Это чистая вода, Валентина. Она вместе с глиной выходит из грифона и фильтруется через гальку. О мудрейший из псов! О почтеннейший! Дай пожать твою честную лапу!

Рекс с достоинством протянул лапу.

— Хороши робинзоны! — продолжал Юра. — Обошли берег, а середину острова не осмотрели. Хорошо, хоть Рекс за нас думает.

Робинзоны обогнули грифон и вышли к увалу, за которым синела та самая бухточка с причальной трубой. И тут они увидели железобетонный купол, выступающий из серой глины. Рядом торчал бетонный вывод вентиляции, забранный железной решеткой. По другую сторону купола из земли выходила труба, покрытая окалиной.

Николай потрогал ее шершавую поверхность, сказал:

— Очень похоже на выхлопную трубу двигателя.

В склоне бугра было углубление, которое вело к массивной стальной двери. На двери висел большой замок, завернутый в промасленную тряпку. В ушках засова болталась свинцовая пломба.

— Дело серьезное, — сказал Юра, осмотрев пломбу: — Что все это означает, хотел бы я знать...

— Посмотрите на Рекса! — воскликнула Рита. — Почему он такой беспокойный?

Пес кружил возле двери, обнюхивая песок, и тихонько рычал. Потом отбежал в сторону, стал разгребать лапами гальку.

— Это сооружение похоже на дот, — задумчиво сказал Николай. — Может, во время войны здесь была зенитная установка. А теперь дот приспособили для чего-то другого... Склад, что ли...

— Идите сюда! — крикнул сверху Валерка. — Здесь локатор!

Действительно, метрах в двадцати от купола высовывалась из небольшого углубления решетчатая металлоконструкция — шаровой сегмент со срезанными краями. Решетка держалась на телескопической тумбе; видимо, ее можно было изнутри поднимать вверх.

Углубление вело к массивной стальной двери.

— Не похоже на локатор, — сказал Николай, потрогав решетку. — Она не вращается. Ее можно только выдвигать и опускать.

— Пойдемте-ка, братцы, отсюда, — сказал Юра. — Здесь что-то секретное. Не нашего ума дело.

— Почему собака все время рычит? Рекс, ко мне! — позвала Рита. — Успокойся. Пойдем домой, собачка.

Вернулись в лагерь. До вечера парни обсуждали, как лучше строить плот, спорили, чертили щепками на песке.

После ужина зажгли сигнальный костер, расселись кружком. Это уже начинало входить в обычай — вечерняя беседа у костра. Валерка притащил брезентовое ведро с морской водой для мытья того, что женщины называли «наша посуда». На плече он нес подобранный на берегу обломок старого весла.

— Что за лопату несешь на блестящем плече, чужеземец? — спросил Юра, придерживаясь декламационной школы Сурена Кочаряна.

— Это не лопата, а весло, — ответил Валерик несколько удивленно.

— Вернемся в город — дам тебе Гомера почитать, — сказал Юра. — Старика надо знать.

— Подумаешь, запомнил одну строчку из «Одиссеи» и бахвалится! — сказала Валя, ополаскивая кастрюлю.

— Ах, одну строчку? — У Юры в глазах появился охотничий блеск. — А можно, товарищ филолог, задать вам один маленький вопросик на классическую тему?

— Хоть двадцать один.

Юра подмигнул Николаю и сказал медленно и немноговидно:

— Тогда, будь добра, скажи мне, как в «Одиссее» освещен вопрос термической обработки инструментальной стали.

— Вот еще! — Валя озадаченно посмотрела на Юру. — У Гомера ничего подобного нет.

— Ах, нету? — Юра был страшно доволен. — А ты вспомни то место, где Одиссей вонзает горящий кол в глаз циклопа Полифема. — И он прочитал нараспев:

Так расторопный ковач, изготовив топор иль секибу,
В воду металл, на огне раскаливши его, чтоб двойную
Крепость имел, погружает, и звонко шипит он в холодной
Влаге — так глаз зашипел, острием раскаленным пронзенный...

Несколько мгновений длилось молчание. Валя сердито вытирала кастрюлю обрывком Юриной рваной рубахи.

— Еще можно спросить? — ласково осведомился Юра.

— Спрашивай.

— Подожди, Юрка, теперь моя очередь, — сказал Николай. — Ты «Мертвые души» хорошо помнишь, Валентина?

— Конечно. — На сей раз Валин голос прозвучал менее уверенно.

— Тогда ответь: что говорит Гоголь о способах защиты строительных сооружений от коррозии?

— Я недавно перечитывала «Мертвые души», но ничего подобного не помню, — сказала Рита улыбаясь.

— Эти черти такое выкапывают... — отозвалась Валя, морща лоб от напряжения.

— Во втором томе, — уточнил Николай. — Чичиков едет к генералу Бетрищеву. Ну?

— Ничего там нет о коррозии.

— Есть. Помнишь, Гоголь описывает резной фронтон генеральского дома, опиравшийся на сколько-то коринфских колонн? И дальше — дословно: «Повсюду несло малярной краской, все обновляющей и ничему не дающей состариться». Вот тебе и защита от коррозии.

— Ну, так ставить вопрос нельзя, — заявила Валя.

— Почему нельзя? — возразил Николай. — Просто мы по-разному читаем книги. Ты следишь за психологией и прочими душевными переживаниями, а мы читаем инженерному, на детали обращаем внимание.

— А ну-ка, еще вопросик! — Юра развеселился. — Уж «Евгения-то Онегина» все знают, верно? Я спрашиваю: что сказал Пушкин о текущем ремонте на транспорте? И что он считает причиной выхода из строя транспортных средств?

Валя опять задумалась. Она шевелила губами, перебирая в уме пушкинские строки. Юра был в восторге. Он собрал в ладонь загривок Рекса вместе с ушами и трепал его, приговаривая:

— Не знаешь классиков, собачье мясо! Я тебя!

Рекс жмурился от удовольствия.

— Пушкин про транспорт не писал, — несмело сказал Валерка. — У него про любовь...

— Пушкин про все писал, — отрезал Юра. — Ну, хватит вам томиться. Читаю это место:

...Меж тем, как сельские циклопы
Перед медлительным огнем
Российским чинят молотком
Изdelье легкое Европы,
Благословляя колеи
И рвы отеческой земли.

Валерка засмеялся:

— Три: ноль в пользу «НИИтранснефти»!

— Юрик, — сказала Валя неожиданно задушевным голосом. — Напомни, пожалуйста, как написано в «Онегине»: «Любви все возрасты покорны», — а дальше?

Ее порывы благотворны
И юноше в расцвете лет... —

не задумываясь, продолжил Юра и вдруг осекся.

— Ага, попался! — радостно закричала Валя. — Это в опере поют, а у Пушкина совсем другое:

Любви все возрасты покорны,
Но юным девственным сердцам
Ее порывы благотворны,
Как бури вешние полям!

— Да знаю я, — оправдывался Юра. — Просто машинально сказал. С языка сорвалось...

— Проиграл, Юрочка, проиграл! — Рита захлопала в ладоши. — И нечего оправдываться.

— Попался, всезнайка хвастливый! — вторила ей Валя.

Литературная викторина продолжалась почти до полуночи. Было весело и интересно спорить и вспоминать прочитанные книжки, сидя у сигнального костра на необитаемом острове, и смотреть, как костер выстреливает золотые искры в огромное черное небо, а небо роняет в ответ падающие звезды...

Рекс тоже сидел у костра. Собачья этика не позволяла ему спать, когда люди сидят и оживленно беседуют. А спать чертовски хотелось. Иногда он ронял голову на грудь, но тут же рывком подымал ее, зевал и потягивался, изо всех сил тараща закрывающиеся глаза.

Наконец люди утихомирились и пошли в палатку спать. Рекс еще слышал, как Николай негромко сказал Юре:

— А островок у нас заковыристый...

*Глава шестая,
в которой появление нежданных пришельцев клвдет
конец робинзонаде*

В конце концов я решил подстеречь дикарей, когда они высадятся на остров, представив остальное слушаю и тем соображениям, какие будут подсказаны обстоятельствами.

Д. Де Фо, «Приключения Робинзона Крузо моряка из Йорка»

Прошла неделя. Безоблачно было небо над островом Ипатия и — увы! — пустынно море вокруг. Ни дымка, ни паруса в синем пространстве. Коммодор Потапкин не расставался с биноклем — он висел у него на шее или лежал рядом на песке, когда коммодор работал на постройке плота. То и дело Николай поднимался на увал, оглядывал в бинокль горизонт.

По ночам несли вахту у сигнального костра.

Было похоже, что там, на Большой земле, люди начисто забыли о существовании архипелага...

Между тем жизнь на острове шла своим чередом. Был уже основательно наложен робинзоновский быт.

Утро начиналось с зарядки. Валерка наскоро повторял упражнения из «Гимнастики по радио», Валя занималась по женскому календарю, Николай — по системе Анохина, а Юра был верен системе «хатха-йога». К общему удивлению, оказалось, что Рита тоже сторонница индийской гимнастики. Правда, Юре до нее было далеко: гибкое тело Риты вытягивалось и сгибалось так, будто у нее не было костей. Проделав сложный комплекс упражнений, она ложилась на песок и полностью расслабляла мышцы — это была «савасана», «поза мертвого тела».

— Где ты научилась индийской гимнастике? — спросил Юра, когда Рита в первый раз проделала свои упражнения.

— Меня с детства приучил к ней отец, — отвечала она. — По-моему, в нашей семье это повелось с Федора Матвеева, моего далекого предка. Ведь он был женат на индуске.

— Вспомнил! — закричал Юра. — Ты еще в детстве всех нас во дворе удивляла: втягивала живот до самого позвоночника, помнишь? Правда, тогда мы не знали, что это называется «хатха-йога».

— Название я сама только недавно узнала, когда про йогу стали писать в журналах.

— А «раджа-йогой» ты, случайно, не занималась? — спросил Николай.

— Это же мистика. — Рита пожала плечами.

— А я знал одного балбеса, — продолжал Николай серьезнейшим тоном, — «раджа-йога» была его любимейшим занятием. Он достиг бы в ней высокого совершенства, если бы его не соблазнили куском колбасы.

— Ладно, ладно, — проворчал Юра.

— Так это был ты, Юрочка? — Рита засмеялась. — Зачем тебе понадобилась «раджа-йога»?

Юра ухмыльнулся, махнул длинной рукой:

— Пройденный этап...

— И тебя отвадили от нее колбасой? — Рита смеялась от души. — Я вспомнила записки Гумбольдта. Ты не читал их? Прочти обязательно. В Астрахани, на индийском торговом дворе, он видел факира. Этот факир несколько лет неподвижно сидел на месте, но охотно принимал в дар нюхательный табак.

Валерка захочотал. Юра сердито показал ему палец. Смешливый лаборант залился еще пуще.

— Табак! — вздохнул Николай.

После утренней ухи и кипятка с сухарями робинзоны принимались за работу.

Сооружение плота из-за разнокалиберности бревен и неопытности строителей подвигалось не очень-то быстро. После долгих трудов и споров удалось подобрать бревна и накрепко связать их по всем правилам: кольцо троса охватывало два смежных бревна, огибалось через попечечную ронжину и закреплялось деревянным клином, вбитым между ронжиной и бревнами. Много возни было с выдвижными килями, сделанными из обломков досок.

Мачтой плота служил яхтенный гик, укрепленный ве-ревочными вантами и штагом. В кормовой части сделали

рулевое весло из двух длинных шестов и сиденья стула — и то и другое было найдено в числе прочих даров моря.

С утра до вечера с отмели, на которой покачивался плот, неслись тюканье топора, визг ножовки и удалые песни.

Валерка, по просьбе женщин, стал обучать их технике спиннинга. Рита быстро овладела этим несложным искусством.

— Все хочу спросить вас, Валерик, — сказала она однажды, забросив спиннинг с прибрежной скалы. — Еще перед отплытием, помните, Коля сказал, что я должна была вас узнать. А я никак не могу вспомнить, где я вас видела раньше?

Валерка залился краской.

— Не дергайте! — буркнул он. — Рыбу напугаете... — И вдруг решительно добавил: — Вы на бульваре сидели. Прошлым летом... А мы подсели... Приставали, в общем...

Рита изумленно посмотрела на него:

— А!.. Это были вы? — Она тихонько засмеялась. — Ну, что было, то было. Забудем.

Она вспомнила тот давний вечер — и погрустила, задумалась.

Когда дело дошло до оснастки плота, Юра стал обучать женщин, как он выражался, благородному боцманскому делу. Они довольно легко выучились делать сплесни и огоны¹. Валя удивилась, когда Юра показал ей, как вязать рифовый узел:

— Так просто? Я думала, что морские узлы такие, что трудно завязать и невозможно развязать.

— Наоборот! Они рождены тяжелой морской практикой парусного флота, — сказал Юра. — Морской узел рассчитан на то, что его вяжет или отдает человек, висящий на огромной высоте под ветром и снегом, в кромешной темноте. Иногда у него к тому же свободна только одна рука.

— Завтра, ребята, садимся за шитье, — сказал Николай. — Для плота придется перешить паруса.

— Что ж, шитье — это наше, женское дело, — заметила Рита.

Юра посмотрел на нее, прищурив глаза:

¹ Сплесень — соединение концов веревки без узла. Огон — плетеная проушина: петля на конце веревки.

— А знаешь, как боцман Мехти говорит, когда кто-нибудь плохо наложит латку на парус?

— Откуда мне знать?

— Он говорит... Только не обижайся. «Эх, ты! — говорит он. — Баба и та шить умеет!»

Рыба ловилась хорошо. На всякий случай ее заготавливали впрок, развесивая на веревках. Солнце и ветер — вот все, что требуется для изготовления этого древнейшего вида консервов. Кроме вяленой рыбы, заготовили копченую. Для этого сложили из камней конуру и жгли в ней щепки и водоросли, дающие много дыма.

Но пытаться одной рыбой...

— Это полезно, ребята, — говорила Рита, глядя, как Юра отбрасывал недоеденный кусок. — В рыбе много фосфора, а он полезен для мозга.

— Лучшая рыба — это колбаса, — вздыхал Юра.

Пробовали приправлять осточертевшую рыбную похлебку водорослями, которых было немало на отмелях; некоторые из них были сравнительно съедобны. Впрочем, решили просто ограничиться признанием этой возможности. Зато водоросль зостера, известная под названием «морская трава», сослужила другую службу: ее собирали, промывали, просушивали на солнце — и в палатке у всех появились мягкие постели.

От сухопутной растительности толку не было никакого. В жесткой траве, что росла на склонах большого грифона, наши робинзоны нашли множество гнезд чаек, но яиц в гнездах не оказалось: не сезон.

Однажды Валерка, сияя, приволок с западного берега черепаху. Она была невелика, не более тридцати сантиметров в диаметре, но панцирь ее оказался необычайно крепким. Вскрыли панцирь с трудом, но уж зато полакомились черепашьим супом всласть.

Рексу тоже надоела рыбная диета. Он бегал по острову, охотился за ящерицами и водяными змеями — отчасти из спортивного интереса. Будучи хорошо воспитанным псом, он не раз приносил в зубах ящерицу и клал ее перед Юрай.

— Убери эту гадость! Скорее! — кричала Валя.

И Рекс с недоумением и грустью смотрел, как ящерица, подхваченная Юрай за хвост, плюхалась в море.

Иногда Рекс кружил возле железобетонного купола и раскидывал лапами гальку — всегда на одном и том же

месте. Николай и Юра заинтересовались странным поведением собаки. Они углубили яму, выкопанную Рексом. Почти на метровой глубине в глинистой почве обнаружили труп собаки.

— Вот так штука! — Юра присвистнул. — Ее вскрывали!

— Необитаемый остров — и опыты на собачках, — сказал Николай. — Хотел бы я знать, кто здесь экспериментирует...

Они расширили яму и убедились, что там похоронено еще несколько собачек. Рекс то рычал, то жалобно скучил, жался к Юриным ногам. Яму засыпали и утрамбовали.

Когда Николай, вернувшись в лагерь, рассказал о странной находке, Рита немного переменилась в лице.

— Опыты на собаках? — переспросила она.

Весь день Рита была молчалива. А вечером, оставшись вдвоем с Николаем у сигнального костра, она сказала:

— Больше не могу. Мне нужно в город.

— Плот готов, — отозвался Николай. — Как только будет южный ветер...

— А если его не будет еще неделю?

Николай не ответил. Что он мог сказать? Дни стояли безветренные. Вон даже пламя костра какое-то ленивое, почти неподвижное...

Ни разу за все эти дни ни одним словом не вспомнили они Анатолия Петровича. Но Николай знал, что Рита думает и беспокоится о нем. И это было так. Он держался с Ритой по-товарищески, даже суховато немного, и полагал, что ему удается скрыть от нее свое безнадежное чувство. Но это было не так. Его отношение давно уже не составляло секрета для Риты. Она сознавала, что привыкла к нему. Подсознательно она начинала беспокоиться, когда он в маске и ластах, бывало, надолго уходил под воду. Лежа в палатке, на «женской половине», она, закрыв глаза, представляла себе, как Николай в эту минуту стоит на гребне увала, длинный, коричневый от загара, давно не бритый, и медленно оглядывает в бинокль пустынный горизонт. Ей было спокойно, когда он рядом сосредоточенно возился со снастью или обтесывал бревно. Спокойно — и в то же время тревожно.

В красном свете костра лицо Николая казалось за-

мкнутым, отчужденным. Рита тоскливо огляделась. Ночь, привычный шорох слабого прибоя...

— Он тоже ставил опыты на собаках, — тихо сказала она.

— Тоже?.. — Николай взглянул на Риту и быстро отвел взгляд. Странная мысль мелькнула у него. А что, если...

Рита тоже думала об этом «если». Анатолий Петрович часто и надолго уезжал в какую-то секретную лабораторию, но никогда он не говорил, где она находится...

Николай сказал, глядя в костер:

— Рита, ты взяла с меня слово, и я молчу. Но это неправильно! Нужно обо всем рассказать. Привлечь их обоих к нашей совместной работе. Или хотя бы одного Анатолия Петровича...

Она долго не отвечала.

— Должно быть, он сам это сделает, — сказала она наконец. — Я больше не могу здесь сидеть. Ты обещал что-нибудь придумать — так придумай же!

Николай хотел сказать, что южного ветра он не может придумать, но промолчал.

Южный ветер! Все ждали его с нетерпением. Теперь, когда плот был готов... В городе, наверное, уже беспокоятся о них. Валя с ужасом думала о переживаниях матери. Парни гадали, вернулся ли уже из Москвы Привалов и с какими новостями. Строили планы будущих опытов. Николай, развалившись на песке, снова и снова рассказывал об Институте поверхности, о московском академике...

— Новый источник энергии! Представляешь, Юрка? Любую поверхность можно будет заставить отдать энергию.

— Даже этот камень?

— Ага.

— Это еще не скоро, — говорил Юра задумчиво. — А вот нефть сквозь воду скоро погоним... Надоело торчать здесь...

Николай не ответил. Ему тоже хотелось быстрее вернуться в город, к работе, но... Это значило, что опять он месяцами не будет видеть Риту. А может, оно и к лучшему, что не будет видеть... Да, надо скорее возвращаться. Где же ты, южный ветер?..

Робинзонада затягивалась.

Каждое утро из-за моря вставало равнодушное солнце и превращало остров Ипатия в раскаленную жаровню. По галечному пляжу можно было ходить, только приплывая. Чуть ли не весь день экипаж «Меконга» плескался в воде.

А ветра все не было — ни южного, ни какого другого.

На исходе одиннадцатого дня, после ужина, когда жара немного спала, Валя оглядела парней и расхочатась.

— Какие вы небритые, чумазые, прямо пещерные люди! — Она потрогала пальцем мягкую рыжеватую бородку Юры.

Юра мотнул головой и щелкнул зубами. Валя отдернула палец.

— Ты совсем одичал! — воскликнула она.

— Мы, Валечка, выглядим не лучше, — заметила Рита, взглянув на свои руки в ссадинах и царапинах, на обломанные ногти.

— Да. — Валя пригорюнилась. — Ах, хорошо бы вымыть голову горячей пресной водой! И чуть-чуть надушиться...

— А знаешь что? Давай завтра прогоним ребят, согреем воду и помоемся.

— Рита, ты гений! — вскричала Валя. — Так мы и сделаем. Закатим мытье и грандиозную стирку.

И настал двенадцатый день. День, в который на острове Ипатия произошли важные события.

Валерка только что сфотографировал Юру в эффектной позе — в маске и ластах, с пружинным ружьем наперевес. Затем Юра сбросил доспехи, взял фотоаппарат и посмотрел на счетчик кадров.

— Последние полпленки остались, — сказал он озабоченно. — Побережем для отплытия с острова.

Утром, после завтрака, парни натаскали к очагу водорослей и нажгли целую кучу золы. Они принесли пресной щады грифонного происхождения, наполнив всю посуду. Затем мужская часть экипажа была изгнана из лагеря. Рита и Валя принялись за мытье и стирку, используя вместо мыла золу водорослей и вулканическую глину.

А парни купались на южной оконечности острова, ныряли, упражнялись в подводной стрельбе.

Последним вылез из воды Николай. Все трое разлеглись на берегу бухточки. Рекс погнался за ящерицей вверх по склону увала.

— Я заплыл за тот мысок, — сказал Николай, — там вода в глубине здорово бурлит. Сильное газовыделение.

— Живем на вулкане, — проговорил Юра. Он лежал на спине, закрыв лицо выгоревшей красной косынкой. — Ох, и печет сегодня зверски! — добавил он. — Не к перемене ли погоды?

Они лежали, разморенные жарой и долгим купаньем. Вдруг в мертвой тишине полудня до слуха донесся слабый оборвавшийся звук.

— Что это? — Николай сел, прислушался. — Вроде мотор стучит.

Через минуту звук снова повторился — и снова умолк.

Николай прихватил бинокль и вскарабкался на гребень увала. Юра и Валерка последовали за ним.

С запада к острову шла лодка. Она была еще далеко. В светло-фиолетовом поле линз рисовались три фигуры. Одна из них равномерно наклонялась и откидывалась назад.

— Не пойму: вроде бы, моторная лодка, а идут на веслах, — сказал Николай.

— Дай-ка. — Юра забрал у него бинокль. — Сюда идут... Провалиться мне, если это не дядя Вова сидит на веслах! — пробормотал он.

Николай выхватил у него бинокль.

Да, это был Вова. Он сидел спиной к наблюдателям, но раза два ~~глянулся~~, и Николай узнал его. Сильными гребками Вова ~~гнагал~~ моторку к острову. Теперь Николай разглядел и двух других пассажиров. В корме сидел Опрятин. На нем была тенниска салатного цвета и соломенная шляпа. Третий, грузный, лохматый, сгорбился на носу лодки. Николай видел только спину, обтянутую белой рубашкой, но узнал его сразу: это был Бенедиктов.

Николай молча передал бинокль Юре.

— Понятно? — спросил он.

— Вот кто орудует здесь! — проворчал Юра. — Ничего не скажешь, хорошее местечко нашли для своих опытов... Объявимся?

Николай ответил не сразу. «Дать знать Рите?» — подумал он. Из лагеря, расположенного в ложбине на северо-восточном берегу, женщины не могли видеть шлюпку,

приближающуюся с запада. Пожалуй, не следует торопиться. Лучше понаблюдать немного. А уж потом...

— Подождем, — сказал он. — Посмотрим, что они будут делать.

Юра кивнул.

— Верно. Неспроста они здесь уединились. Пошли, ребята, на большой грифон, там трава высокая и видно хорошо...

Кликнули Рекса и залегли на склоне грифона. Солнце жгло спину, царапалась жесткая, колючая трава, но зато позиция для наблюдения была — лучше не найдешь. Маленькая бухта лежала внизу как на ладони.

Лодка вошла в бухточку. Рекс вдруг напрягся, задвигал ноздрями, глухо зарычал.

— Молчать! — зашипел Юра. — Лежать смирно!

Между тем лодка подошла к приглубому берегу, Вова выпрыгнул и закрепил носовой фалинь за кольцо на причальной трубе.

Опрятин и Бенедиктов сошли на берег. Бенедиктов сразу полез на увал, тяжело дыша и часто останавливаясь. Опрятин немного поговорил с Вовой.

— Хорошо еще, что возле острова скис, — донесся грубый Вовин голос. — Придется зажигание разобрать...

Опрятин что-то ответил и двинулся вслед за Бенедиктовым к железобетонному куполу. Вот они скрылись из виду — спустились в углубление перед дверью дота. Лязгнул засов, заскрипела и тяжело захлопнулась массивная дверь.

Вова закрепил кормовой конец за большой камень и плотно прижал лодку к берегу. Затем вывалил из нее стальную бочку и покатил вверх по откосу. Его обнаженная спина блестела от пота, вздулись бугры мышц на плечах, на мощных татуированных лапах.

— Вот машина! — прошептал Юра не без восхищения.

Неподалеку от входа в дот Вова расшвырял гальку, поискав что-то, потом вывернул из бочки пробку и начал сливать остро пахнущую жидкость — казалось, прямо на землю.

— Соляр, — шепнул Юра, потянув носом. — Подземный бак у них...

Вылив соляр, Вова пхнул бочку ногой, и она, грохоча, покатилась с увала вниз, на узенькую полоску пляжа. Он спустился и закатил пустую бочку обратно на лодку. За-

тем он занялся мотором, вынес на пляж распределитель зажигания и положил на расстеленный брезент.

Некоторое время робинзоны наблюдали, как Вова воился с мотором. При этом он напевал, отчаянно фальшивя:

Как у нас в садочке, как у нас в садочке
Роза расцвела...

Томительно текло время. У робинзонов затекли руки и ноги. Хотелось пить.

Красную розочку, красную розочку
Я тебе дарю, —

неслось с пляжа.

— Мне надоел концерт, — тихо сказал Юра. — Хватит в кошки-мышки играть. Давайте объявляться, братцы.

— Подожди, — упрямо сказал Николай.

— Тогда перейдем в тень. Я сварился совсем.

— Вон туда, — поддержал Валерка, указав на скучую полоску тени от бугорка позади дота.

Николай приподнялся на локтях, измерил взглядом расстояние. Посмотрел на Бову — тот сидел к ним спиной.

— Ладно, побежали...

Пригнувшись, они бесшумно обогнули грифон и побежали в тень, к тому месту, где торчал бетонный вывод вентиляционной шахты. Здесь было не так жарко. Из темного, забранного решеткой окошка шахты тянуло прохладой подземелья. Слышались неясные шорохи.

Вдруг донесся голос Бенедиктова, да так отчетливо, что парни вздрогнули и невольно пригнули головы.

— Обойдется без меня, — вот что сказал Анатолий Петрович. — А я знаю, что надо делать.

— К Багбанлы пойдете? К Привалову? — Голос Опрытина звучал глуше.

Николай и Юра еле различили его. Они придвинулись к решетке, обратились в слух...

— Да, пойду. Передам им все материалы, вместе будем работать.

Спокойный голос Опрытина:

— Вы не вправе этого делать без моего согласия.

— А вы вправе использовать служебную лабораторию

рию и заказывать на государственные средства дорогое оборудование для посторонних целей?

Небольшая пауза.

— Вот как ставите вопрос, — сказал Опрытин. — Очень мило. Почему же вы считали возможным работать здесь? Где была раньше ваша щепетильность?

Бенедиков что-то проворчал, закашлялся.

— И потом учтите, — продолжал Опрытин. — Важен результат. Никто не поставит нам это в вину, когда мы заявим о крупном научном открытии. Победителей не судят.

— Пока заявлять не о чем. Открытия нет.

— Открытие есть. Проницаемость в наших руках.

— Да, как граната в руках ребенка. Стабильности нет, сущи явления не познали...

— Еще месяц, два, и мы добьемся стабильности эффекта.

— Самообман! — рявкнул Бенедиков.

Рекс тихонько рявкнул в ответ и получил тумак от Николая. К счастью, там, внизу, ничего не услышали.

— Мы зашли в тупик, — говорил Бенедиков. — Топчемся на месте. Надо вылезать из этого проклятого погреба и писать в академию. Давно я это понял, только упрямился...

— Не имеете права, — жестко сказал Опрытин. — Мы работали вдвоем.

— Хорошо. Я умолчу о вашей схеме, можете ею подавиться. Но мысль об «установке заражения» принадлежит мне. Я заберу нож и подготовлю сообщение о своей работе...

Юра сделал большие глаза и ткнул Николая локтем. Нож!..

— Вы забываете, Анатолий Петрович, что нож достал я, — сдержанно заметил Опрытин.

— Она отдала вам нож не ради ваших прекрасных глаз, а ради меня... И вообще, если б я ее раньше послушался... Э, да что говорить!.. Послушайте, чего вы упираетесь? — продолжал он, помолчав. — Работу мы, конечно, проделали огромнейшую. Идемте и честно скажем: вот это сделали, а это не можем, давайте теперь навалимся сообща... Почестей и славы от вас не убудет...

— Довольно! — прервал его Опрытин. — Надоело нянчиться с вами. Вы жалкий наркоман!

— Мерзавец! — закричал Бенедиктов. — Не вы ли снабжали меня этой отравой? Вам было выгодно... чтоб держать меня в руках... Но Бенедиктов еще не конченный человек! Я лягу в клинику и... И подите к чертям. Можете прихватить с собой ваш «ключ тайны»!

— Ступайте наверх! Мы возвращаемся в город.

— Ну нет! Мне нужно завершить последний опыт. Сейчас спущусь вниз, отдохну немножко в прохладе, а потом...

— Я отстраняю вас от работы.

— Вы — меня? — Бенедиктов невесело засмеялся. — Не валяйте дурака. Уходите, а завтра пришлите за мной катер...

— Я пришлю приказ о вашем увольнении.

Голоса смолкли. Видимо, оба ученых перешли в другое помещение.

— Ты слышал? Ты слышал? — жарко зашептал Юра. — У них матвеевский нож и «ключ тайны»... Мы не ошиблись: это они стащили из музея «ключ тайны»...

— Молчи!

Некоторое время они выжидали, прислушивались.

— Колька, нужно вмешаться! Здесь уголовщиной пахнет.

— Пока что пахнет озоном...

— Озоном? — Юра принюхался. Из шахты потянуло свежим предгрозовым запахом. — Высокое напряжение... — пробормотал он.

По ту сторону дота заскрипела и хлопнула дверь.

Николай, пригнувшись, побежал к телефону, Юра и Валерка — за ним. Ползком добрались до своего прежнего укрытия.

Они увидели, как Опрытин с черным чемоданчиком в руке спустился с увала на пляж и подошел к Вове.

— Чего вдруг? — донесся снизу Вовин голос. — На три дня приехали ведь.

Опрытин что-то тихо ответил.

— А он остается? — спросил Вова.

— Да.

— Ну, обождите немного. Сейчас мотор соберу.

— Поживее!

Опрытин принял нервно расхаживать по пляжу.

— Что будем делать, Колька? — прошептал Юра. — Ждать, пока они вернутся за Бенедиктовым?

— А черт их знает, когда они вернутся. Ждать нельзя.

— Тогда — делать нечего — пошли к ним. Пусть хотя бы одного из нас подбросят в город.

— Не хочу, чтоб Опрытин узнал, что мы здесь.

— И я не хочу, а что поделаешь?

— Раздует еще, будто мы шпионим за ним. Лаборатория-то у него секретная.

— Слышал? Он ее не по назначению использует...

— В том-то и штука, — сказал Николай. — Он переполошится, если нас тут увидит, и Бенедиктову какую-нибудь пакость устроит...

— Знаешь что? Пусть Валерка спустится, скажет, что потерпел здесь крушение. Валерку ведь Опрытин не знает...

— Нет. Мы сделаем по-другому. Он ничего не знает.

Юра посмотрел на друга, недоуменно помигал.

— Валерка, не в службу, а в дружбу, сбегай в лагерь, возьми баллоны акваланга, — сказал Николай. — И подсолнечное масло захвати. Мы будем ждать вон там.

— Ты что задумал? — сказал Юра. — Ты хочешь...

— Да, — кивнул Николай. — Прицеплюсь к моторке под водой и...

— Не сходи с ума!

— Беги, Валерка, быстрее! Только женщинам ни слова. Ни слова, понятно?

— Есть! — пробормотал юнга немного растерянно.

Он юркнул за склон грифона и, спустившись к восточному берегу, побежал к лагерю.

— Не будь идиотом, — зашипел Юра. — До города пятьдесят миль!

— Знаю. Воздух в баллонах почти не израсходован. Я привяжусь под носом моторки, буду дышать через шноркель.

— Ты замерзнешь на полдороге.

— Маслом натрусь.

— Все равно не пущу! — Юра приподнялся на локтях. — Пойду к Опрытину. Черт с ним...

Николай с силой надавил на его плечо:

— Слушай, старик, все будет в порядке, за меня не беспокойся. Когда уплывем, ты пойди к Бенедиктову, поговори с ним. И Рита... пусть с ним встретится. А я сегодня же вечером пришлю за вами яхтклубовский катер. В крайнем случае, завтра утром. Все.

Спорить было бесполезно: Юра хорошо знал упрямство друга.

Они переползли на противоположный склон большого грифона — здесь текли теплые грязевые ручьи — и спустились к пляжу восточного берега.

Прибежал Валерка.

— Ничего не спрашивали? — сказал Николай, забирая у него спаренные баллоны.

— Валя спросила, зачем масло понадобилось.

— А ты что?

— Сказал — потом объясню. Они стирают там...

Николай налил из бутылки на ладонь янтарной жидкости и начал втирать ее в кожу. Тело его стало блестящим и скользким. Посмотрел на манометр акваланга: сто сорок атмосфер, почти полный запас. Затем он закинул баллоны за спину, Юра помог ему застегнуть ремни и пояс со свинцовыми грузами.

— Ну... — Николай стиснул Юрину ладонь, потом пожал руку Валерке. — До встречи, ребята.

— Смотри, Колька...

Только это и смог сказать Юра. Вид у него был несчастный. Николай хлопнул его по спине, улыбнулся.

Он смочил в воде маску и взял в зубы загубник, от которого к легочному автомату шли два гофрированных шланга, а вверх отходила трубка-шноркель для обычного дыхания. Натянул маску, закрывшую нос и глаза. Затем, укрепив на пояссе кусок веревки, он, неуклюже переступая ластами, вошел в воду.

Когда вода дошла до подбородка, Николай переключил дыхание на баллоны, нырнул и поплыл над самым дном, усеянным мелкими ракушками.

Он обогнул обрывистый берег мыска и оказался в южной бухточке. Медленно, экономно расходуя воздух, он плыл вдоль берега, пока не увидел над собой темное, обросшее зеленью дно моторки. Тогда он подвсплыл, осторожно повел рукой по скользкому днищу. В носовой части он нашупал спасательный леер, свисавший с правого борта.

Вдруг моторка закачалась, грузно осела на корму: видимо, те двое вошли в нее.

«Только бы пузырьков не заметили», — подумал Николай, крепко ухватившись за леер.

Г л а в а с е д ь м а я

На острове Ипатия происходят важные события

Я уже сказал и должен повторить еще раз — это было непостижимо и чудовищно.

Д. Лондон, «Рейс на «Спарк»

Некоторое время Юра молча стоял на берегу, глядя на пузырьки воздуха, отмечавшие путь Николая под водой.

Валерка тронул его за локоть:

— Ветерок поднимается, Юрий Тимофеевич.

Юра послюнявил палец, поднял его вверх.

— Верно, — сказал он тусклым голосом. — Есть небольшой. Только, похоже, северный.

— Он ведь хороший пловец, правда?

— Угу.

Тишина взорвалась: в бухточке застучал мотор.

Юра встрепенулся и полез вверх на увал. Галька шуршала под его босыми ногами, сыпался песок.

Они взобрались на склон большого грифона и увидели, как моторка выходит из бухточки. Вот она скрылась за мыском. Снова появилась. Мотор застучал чаще, лодка задрала нос и быстро стала удаляться от острова.

Юра прилип к биноклю. Вова и Опрытин сидели в корме. А под носом моторки торчала над самой водой голова в маске.

— Ловко пристроился, — пробормотал Юра.

— Ау! Мальчики! — донесся из глубины острова Валин голос. — Где вы?

Она и Рита появились на гребне соседнего песчаного увала. Юра встал, помахал им рукой.

Женщины вскарабкались на склон грифона.

— Какой-то звук, — выдохнула Рита. — Мы услышали, будто мотор стучит...

Валерка молча показал на моторку — темный штришок на синей воде.

— Это шлюпка? — воскликнула Валя. — Она идет сюда?

— Наоборот, — сказал Валерка.

— Так почему же вы не сигнализировали?

— И где Николай? — добавила Рита.

— Слушайте! — И Юра коротко рассказал о событиях, которые произошли сегодня на острове.

— Так Анатолий здесь?.. — Рита сорвалась с места и побежала вниз, к железобетонному куполу.

Он на острове!.. Это он экспериментировал тут — она сразу подумала об этом, когда узнала о зарытых трупах собак...

Рита спрыгнула в углубление перед входом в дот — и остановилась, переводя дыхание. Страшная бледность проступила сквозь загар на ее щеках. Стальная дверь была заперта на замок, в ушках засова болталась свинцовая пломба...

Прибежали остальные.

— Заперто! — изумился Валерка. — Как же так?..

— Значит, он передумал и ушел с теми. Мы же не видели, как они садились в моторку, — сказал Юра.

— Как садились, не видели, — сказал Валерка, — но... Юра перебил его:

— Наверное, он прилег отдохнуть на дне моторки.

— Ты уверен? — Рита беспокойно посмотрела на Юру.

— Куда ж еще ему деваться?

— А вдруг Опрятин запер его здесь? — Рита забаранила кулачками в стальную дверь.

— Не выдумывай! — сердито сказал Юра. — Они ругались, это верно, но запереть его... Чепуха!

— Где вы слушали их разговор?

— Там. — Юра мотнул головой. — С той стороны.

Они обогнули купол и подошли к шахте вентиляции.

— Толя! — крикнула Рита сквозь решетку в темный провал шахты. — Толя!

Гулко откликнулось эхо. Тишина...

— Я говорю тебе, он уехал, — сказал Юра.

«Бенедиктов мог выйти из дота позже, — лихорадочно соображал он. — Когда мы обряжали Кольку на бегреку. В моторке его, правда, не видно было, но он действительно мог прилечь на дно...»

— Юра, я должна попасть сюда.

— Пломбу срывать нельзя.

— Я не успокоюсь, пока не посмотрю сама.

В темных глазах Риты была тревога. Юра отвел взгляд. Потрогал рукой ржавую вентиляционную решетку. Постоял в раздумье.

— А, была не была!..

Юра огляделся, взгляд его упал на обломок старого весла. Он вставил его меж прутиков и стал их расшатывать. Решетка заскрипела и подалась. С помощью Валерки он вывернул расшатанные прутики из бетона и отогнул их кверху. Теперь в шахту можно было пролезть...

Юра чувствовал за спиной напряженное дыхание Риты.

— Я полезу! — азартно сказал Валерка.

— Нет. Полезем я и Рита, — ответил Юра. — Конечно, и ей не следовало бы, руки и плечи обдерет, но раз она настаивает...

— Мы все полезем, — заявила Валя. — Нам тоже интересно. И не командуй, пожалуйста!

— Все с ума посходили сегодня! — проворчал Юра. — Ладно... Валерка, тащи веревку.

Он привязал веревку к бетонной трубе и спустил ее в шахту.

— Лезть будете по моему сигналу, — сказал он. — Валерка полезет последним.

Он протиснулся в отверстие и, перебирая руками веревку, полез в прохладную тьму. Он сразу ободрал плечи и локти о шершавый бетон. Мешал фотоаппарат, висевший на шее. Шахта оказалась неглубокой — метра два с половиной. Дальше она поворачивала горизонтально. Прижимаясь к бетону, Юра пополз ногами вперед. Ползти пришлось недолго, ноги ощутили пустоту. Согнувшись и держась за веревку, он выполз из шахты и спустился в темное помещение. Ага, вот и пол. Юра стал на ноги, вытер тыльной стороной ладони пот с лица.

— Юра! — услышал он взволнованный Валин голос. — Почему ты молчишь?

— Все в порядке! — крикнул он. — Сейчас осмотрюсь!

Глаза немного привыкли к темноте. В слабом сумеречном свете, проникавшем сюда сквозь вентиляционную шахту, простили неясные очертания приборов на полках. Юра осторожно шагнул и ударился босой ногой об что-то твердое. Чертыхнулся. Нашупал стол, зашарил руками. Бумаги... Книги... Кубики какие-то... Ага, настольная лампа! Он нажал кнопку. Вспыхнул свет. Юра живо огляделся...

— Ты зажег свет? — донеслось сверху. — Ну, можно наконец?

— Лезьте! — крикнул Юра и, подойдя к отверстию

шахты, которое зияло под низким потолком, объяснил, как нужно ползти.

Первой приползла Рита. Он помог ей выбраться из шахты.

— Ты все уже осмотрел? — спросила она, оглядываясь.

— Нет. Подожди немного.

Приползла Валя, а за ней Валерка.

Все были исцарапаны, на загорелых руках и ногах белели полоски ссадин.

Осмотрелись. На стеллажах, вделанных в стену, стояли электроизмерительные и оптические приборы, банки с химикатами, катушки с сердечниками и без сердечников («бессердечные», как их называют *лаборанты*), панели электронных приборов и множество других предметов лабораторного обихода. Длинный стол был завален книгами, белыми кубиками, свертками миллиметровки, исчерченной графиками. Раскладное парусиновое кресло довершало убранство помещения.

— Вот что, — сказал Юра. — Прошу ничего не трогать.

Он был серьезен и озабочен, сознавая, что взял на себя большую ответственность. Никому не дозволено совать нос в секретные лаборатории. Даже если они используются не по назначению...

Узкий проем вел в другое, темное помещение. Рита решительно направилась туда.

— Подожди, — сказал Юра. — Первым иду я.

Он осторожно спустился в проем — здесь было несколько ступенек — и нашупал на стене выключатель. Сильные лампы вспыхнули под сводчатым перекрытием — очевидно, тем самым куполом, что выходил наружу. Помедлене круглого каземата стоял двигатель внутреннего сгорания, соединенный через муфту с электрическим генератором.

Юра наклонился к фирменной табличке генератора: ого, шесть тысяч вольт!

Дальше узкий длинный коридор вел к лестнице, упирающейся в стальную наклонную дверь — ту, что снаружи была запломбирована. В коридоре стояли стеллажи с аккумуляторами — вот откуда свет!

— Да, — сказала Рита, — его здесь нет.

«Спущусь вниз», — вспомнил Юра подслушанные сло-

ва Бенедиктова. Он вернулся в круглый каземат, поискав взглядом. Так и есть: люк в бетонном полу! Он решительно потянул за кольцо, крышка люка откинулась. По скобам, вделанным в стену, Юра спустился в нижнее помещение. Здесь горел свет.

— Спускайтесь! — крикнул он и стал осматриваться.

За низкой перегородкой высились две белые колонны изоляторов. Верхушки колонн уходили в перекрытие и там, в особой камере, увенчивались большими металлическими шарами. Внизу, в глубокой яме, у основания колонн, виднелся электромотор с валиком, через который была перекинута широкая шелковая лента.

Мотор работал, слышался слабый шелест бегущей ленты. В помещении пахло озоном.

— Это Ван-де-Грааф? — почему-то шепотом спросил Валерик.

Юра кивнул.

Электростатическая машина Ван-де-Граафа построена на принципе, открытом Фарадеем: электрические заряды всегда скапливаются только на внешней поверхности проводника.

Электромотор приводил в движение бесконечную шелковую ленту, вертикально растянутую на двух валиках. Верхний валик помещался внутри большого полого металлического шара. Напряжение от генератора, расположенного наверху, в круглом помещении, подавалось через металлическую щетку на шелковую ленту, которая несла заряды вверх, внутрь шара. Так между внешней поверхностью шара, где собирается заряд, и землей создается разность потенциалов в несколько миллионов вольт.

— Не подходить близко! — крикнул Юра. — Ничего не трогать!

«Странно, странно, — думал он. — Уехали, а генератор оставили включенным. Даже свет не погасили... А это что?»

Рядом с генератором Ван-де-Граафа на подставке из высоковольтных изоляторов возвышалась стопка толстых, по виду пластмассовых дисков диаметром около метра. На верхнем диске лежал медный лист, от него к белому щиту управления шел кабель невиданной толщины.

— Ах, черт! Смотрите! — Юра протянул отвертку

«Дюрандаль». Неоновая лампочка-индикатор в ручке отвертки светилась розовым светом. — Ничего не трогать! — повторил он. — Кажется, это батарея электретов с колоссальным зарядом от Ван-де-Граафа. Здесь все под током. — Электреты? — спросил Валерка. — Это которыми Колтухов занимается?

Юра не ответил. Он был необычно молчалив и озабочен.

«Ничего себе! — думал он. — С каким напряжением дело имеют. Серьезная установочка. Опрятин, кажется, занимается конденсацией облаков. Должен заниматься! Ну да, снаружи антenna торчит, похожая на локаторную, — наверное, для этой самой конденсации. Для отвода глаз, вернее... Проницаемость у них в руках... Где же самое главное? Пока что сплошная энергетика...»

Он подошел к белому щиту с приборами и рукоятками управления. Поблескивали донышки электронно-лучевых трубок. Рядом на изоляторах помещалась спираль. Внутри спирали был подвешен нож среднего размера с желтоватой ручкой.

— Мой нож! — Рита шагнула к спирали, протянув руку...

— Назад! — заорал Юра. — С ума сошла? Смотри! Лампочка в рукоятке «Дюрандая» светилась «не своим голосом».

«Вот он, главный узел, — подумал Юра. — А эти провода куда ползут?»

От спирали провода тянулись к большой клетке из вертикальных медных трубок. Клетка была пуста, только из бетонного пола торчали две палки, соединенные перекладиной. Через перекладину был перекинут кусок не то презента, не то парусины.

Юра поднес отвертку к одной из трубок клетки — индикатор продолжал светиться.

— Что это? — Валя указала на полуоткрытую картонную коробочку, которая лежала возле клетки.

Юра поднял коробочку. В ней поблескивали стеклянные ампулы. Не успел Юра прочитать латинское название на синей этикетке, как Рита выхватила у него из рук коробку. Посмотрела — и отшвырнула. Губы у нее задрожали. Она отвернулась. Валя и Валерка, ничего не понимая, удивленно смотрели на нее.

И один только Юра увидел, куда упала отброшенная

коробочка. Пролетев между трубками, она упала на пол внутри клетки и... исчезла. Провалилась, утонула в бетоне, будто и не было ее...

Юра оторопело смотрел на место ее падения. Так вот оно что! Да, проницаемость у них в руках...

— Я хочу забрать нож, — услышал он Ритин голос.

Юра обернулся к ней.

— Нет. Брать ничего не будем.

— Но это мой нож! — Рита повысила голос. — И потом, ты сам сказал, что Анатолий решил порвать с Опрятным и забрать нож.

— Хотел, но не забрал же...

— А я заберу.

Юра пожал плечами. В конце концов, это ее право...

— Ладно, — сказал он. — Но сперва я сделаю снимки.

Он нацелился фотоаппаратом и несколько раз снял загадочную клетку, и торчащие из пола деревяшки, и щит управления с ножом и спиралью.

Затем он внимательно осмотрел установку. Из рукоятки ножа выходил провод со штепсельем, вставленным в гнездо щита управления. Прежде всего Юра выдернул штепсель. Почитав надписи над кнопками, он нажал одну из них, в центре белого щита. Осторожно выключил магнитный пускател. Поднес отвертку к спирали — теперь индикатор не светился.

— Ну, так...

Волнуясь, он освободил рукоятку ножа из зажимов и вынул его из спирали.

Валерка жарко дышал Юре в плечо.

— Это и есть матвеевский нож? — прошептал он.

Матвеевский нож! Так вот ты какой... Пожелтевшая от времени слоновая кость рукоятки, дымчатый булатный узор клинка. Клинок, который поразил Бестелесного в храме богини Кали...

Юра провел ребром ладони по лезвию. Рука свободно прошла сквозь сталь. Валерка попытался схватить клинок, но зажал в кулаке пустоту. Глаза его сияли.

— Дай-ка мне. — Валя потрогала нож. — Значит, все правда?.. — Она тихонько и радостно засмеялась, захлопала в ладоши, потом обняла Риту.

— Здраво! — сказал Валерка. — А как же он с проводом соединен?

— А вот смотри, — ответил Юра. — Проницаемость

лезвия кончается за сантиметр от рукоятки, чувствуешь? А рукоятка насажена на хвостовик из обыкновенного вещества. Они, должно быть, сняли рукоятку, просверлили ее и пропустили провод. Припаяли его к хвостовичку, потом рукоятку посадили на место — и пожалуйста... Возьми. — Он протянул Рите нож. — Смотри не теряй больше... Теперь ты успокоилась?

— Да, — сказала Рита. — Он был здесь и уехал. Пойдемте отсюда.

— Как только вернемся в город, отдай нож Анатолию Петровичу, — сказал Юра, — а то неприятностей не оберешься.

— Хорошо.

— Смотри не забудь.

— Я же сказала. — Только теперь Рита вспомнила о Николае.

— А Коля... Это очень рискованно — висеть так долго под лодкой? — спросила она.

— Доберется.

Они поднялись на верхний этаж лаборатории. В помещении, откуда выходила вентиляционная шахта, Юра задержался у стола, разглядывая кучки белых кубиков, разбросанных возле микроскопа.

— Что за кубики, не пойму, — сказал он.

— Это гистологические препараты, — объяснила Рита. — Кусочки тканей, вырезанные из организма и залипанные в парафиновые блоки.

— Понятно. Иначе говоря — детали тех бедных собачек, которых оплакивал Рекс...

Юра еще раз оглядел стол. Его взгляд задержался на полуоткрытой бумагами небольшой плоской железной коробочке. Одна из ее стенок была снята, и коробочка, казалось, злобно скалилась шипами «ласточкиного хвоста».

Юра схватил коробочку.

— Так и есть! — крикнул он. — «Ключ тайны»!

Да, это был последний из трех ящиков, эскизы которых некогда сделал де Местр на последнем листе матвеевской рукописи. Ящичек, похищенный с московской выставки! Вот и знакомая гравировка на крышке:

A M D G

J d M

— Товарищи! — сказал Юра немного торжественно. — Это «ключ тайны». Здесь должен быть какой-то документ, объясняющий загадку матвеевского ножа.

— Так чего же ты тянешь? Давай посмотрим.

— Я не имею права пройти мимо этого «ключа», поскольку...

— Юрка, не тяни! — воскликнула Валя.

— Хорошо. Будьте свидетелями, товарищи.

И Юра, бледный от волнения, вынул из коробочки плотный желтоватый лист, сложенный несколько раз.

Лист не шуршал.

— Пергамент!

— Правильно, — подтвердила Валя, пощупав лист. — Телячья кожа, да какой тонкой выделки! Такую употребляли для очень важных документов...

Юра развернул лист. Его выгоревшие добела брови недоуменно поползли вверх.

Странный чертеж: семиугольная звезда, обведенная кругами, радиальные линии, цифры, рисунки...

— Знаки зодиака, что ли, — пробормотал Юра.

— Ну-ка, — Валя забрала у него пергамент. — Ой, это гороскоп!¹

— Гороскоп? — изумился Юра.

— Да, самый настоящий. Наверно, гороскоп важного вельможи. Как чудесно!

— А зачем он? Какое имеет значение... — начал было Валерка.

Валя уничтожающе посмотрела на него:

— То есть как это — какое значение? Это же великолепный документ тех времен. Любой специалист по истории научных заблуждений с ума сойдет от восторга, когда увидит его.

Юра вдруг захотел.

— Чего ты? — спросила Валя.

— Гороскоп... — простонал Юра. — Вот за чем гонялись... — Новый взрыв хохота. — Всех... Всех обманул старый прохвост...

Валерка тоже заливался, хотя не совсем понимал, в чем дело. Он был юманейским парнем.

— Какой прохвост? — спросил он сквозь смех.

¹ Гороскоп — чертеж расположения небесных светил в момент рождения человека. Составляется для предсказания судьбы и будущих событий по правилам астрологии — лженауки о звездах.

— Жозеф де Местр... — Юра немного успокоился. — Это он назвал гороскоп «ключом тайны»...

Валя не разделяла их веселья.

— Перестаньте гоготать! — сказала она. — А вдруг здесь что-нибудь зашифровано? Видите? Латинский текст внизу.

Объяснительный текст под гороскопом начинался словами: «*Anno Domini MDCCCXV*».

— Это значит: год тысяча восемьсот пятнадцатый, — сказала Валя. — А в середине текста еще цифры: «*MCMXV*» — тысяча девятьсот пятнадцатый. Какой-то столетний срок.

— Ты можешь перевести латынь? — спросил Юра.

— Со словарем — пожалуй.

— Здесь и на обороте какой-то чертеж, — сказала Рита, рассматривая пергамент. — Что это? — воскликнула она. — Моя фамилия...

Оборотная сторона пергамента была густо испещрена кружками, соединенными линиями. В верхнем кружке было четко написано:

Theodor Matvejeff + 1764¹.

А в самом нижнем кружке стояло:

Marguerite Matvejeva.

— Генеалогическое дерево семьи Матвеевых, — задумчиво сказал Юра. — Начиная от флота поручика и кончая тобой...

Рита встревоженно посмотрела на него:

— Иезуиты столько лет следили за нашей семьей?..

— Разберемся. — Юра забрал у нее пергамент, сложил его и засунул в железную коробочку. Затем закрыл ее крышкой и постучал по ней, чтобы шипы стали на место. — Семь бед — один ответ, — сказал он. — Я забираю эту штукку. Она украдена из музея.

Он обмотал цепочку, к которой была прикреплена коробочка, вокруг ремешка фотоаппарата. Еще раз огляделся.

— А теперь — лезем наверх. Иди первым, Валерка.

¹ Знак + означает: «умер».

— Больше ничего смотреть не будем?

— Нет. Хватит с нас.

Валерка ухватился за веревку, подтянулся и исчез в вентиляционной шахте. Вслед за ним полезла Валя. Рита подошла к стене, взялась за веревку и вдруг оглянулась. Ее поразило выражение Юриного лица — растерянное и напряженное. Глаза у него были остановившиеся. Рита проследила направление его взгляда, но не увидела ничего, кроме раскладного кресла.

— Что с тобой, Юра?

— Лезь наверх, — ответил он негромко.

А смотрел Юра именно на раскладное кресло. Две палки с перекладиной, обернутой парусиной... Там, внизу, в клетке, торчит из бетонного пола верх спинки такого же кресла. Кресло утонуло в бетоне! Так же, как коробочка с ампулами, только не до конца...

Что за страшная мысль! Юра даже зажмурился и помотал головой. Нет! Не может быть...

Ему стало жутко. И душно. Душно в этом холодном подвале.

— Юра! — донесся из шахты Валин голос. — Юра!

Он опомнился. Погасил свет, медленно подошел к стене, нашупал веревку.

Наконец он выбрался наверх.

Солнце висело уже над самым горизонтом. Длинные тени увалов лежали на песке.

— Какие мы грязные, исцарапанные! — сказала Валя. — Зря мы с тобой купались, Рита.

— Коля уже добрался, как вы думаете? — спросила Рита.

— Наверное, — отозвался Валерка.

— Почему он пошел на такой риск?

— Он сильный пловец. И выдержка у него знаете какая?

Рита благодарно посмотрела на Валерку.

Пошли к лагерю. Обеденный час давно прошел, впору было ужинать. Вдруг Юра остановился:

— Где Рекс? — Он свистнул в два пальца. — Рекс!

Собаки нигде не было видно.

— Ладно, вы идите, готовьте ужин, — сказал Юра, — а мы с Валеркой поищем.

Они нашли Рекса на берегу южной бухточки. Пес сидел у самой воды. Он лишь на мгновение обернулся,

когда Юра позвал его, беспокойно перебрал лапами и снова уставился в воду.

Юра и Валерка сбежали с увала на пляж — и остановились пораженные: вся бухта кишила водяными змеями. Подняв над водой головы, они уплывали в открытое море. А с берега сползали еще десятки, а может быть, сотни змей. Они торопились, свивались в клубки, мешали друг другу.

Водяные ужи — отличные пловцы. Они часто кочуют с острова на остров в поисках птичьих яиц и могут проплыть большие расстояния. Но такое массовое переселение...

— Странное бегство, — сказал Юра. — И Рекс какой-то неспокойный.

Он лег на песок рядом с Рексом — и вдруг ощутил слабые и редкие подземные толчки. Юра вскочил на ноги. Чертов островок!..

— Пошли на большой грифон, — сказал он. — Рекс, за мной!

Обычно из кратера грифона ползла, медленно переваливаясь через край воронки, серая и теплая вулканическая грязь. Сейчас она застыла: выделение прекратилось.

— Грифон закрылся, — сказал Юра. — Привет!

— А это плохо? — спросил Валерка.

— Плохо. Пошли посмотрим тот, что поменьше.

Второй грифон тоже не пульсировал. Юра лег и прислонил ухом к пласту застывшей грязи. Он услышал глухой рокот: будто глубоко в недрах земли шла танковая колонна.

Они сбежали к восточному берегу — здесь всегда бурлила вода, лопались пузырьки газа. Теперь поверхность воды была спокойной и гладкой: закрылся и подводный грифон.

— Дело дрянь, — бросил Юра.

Вернулись в лагерь. Женщины возились у очага; Валя рассказывала что-то о гороскопах, Рита слушала, наблюдая за тем, как поспевает уха.

«Они спокойны, — подумал Юра. — Тем лучше. Не стоит их пугать преждевременно. Может быть, еще обойдется. Во всяком случае, до прихода катера... Катер сегодня вряд ли придет. Скорее, завтра утром. Как там Колька? Упрямый, дьявол!.. Ну и денек, однако!..»

Ели осточертевшую рыбью похлебку.

— Что с Рексом? — спросила вдруг Валя. — Не ест, и вообще... какой-то бледный, если так можно выразиться о собаке.

— Он немного переутомился, — сказал Валерка.

Валя засмеялась:

— Не иначе. — Она оглядела компанию. — Да что вы все скисли, товарищи робинзоны? Завтра мы будем дома! Подумать только: горячий душ, чистые простыни, еда, не пахнущая рыбой...

— Подожди, Валюша... — Рита напряженно выпрямилась, прислушиваясь к чему-то. — Не знаю, может у меня галлюцинация, но, по-моему, земля дрожит.

Некоторое время у очага было тихо.

Юра прервала молчание.

— Послушайте, ребята, — сказал он, ковыряя рыбьей костью в зубах. — Нет смысла скрывать от вас...

И он коротко изложил обстановку. Что-то произошло в недрах земли, и грифоны — отдушины для газа, сжатого огромным пластовым давлением, — закрылись. Теперь в глубине газ клокочет и ищет выхода...

— И где он найдет выход? — спросила Валя.

— Если бы знать, где!.. И когда... Может, еще сто лет ничего не случится, а может — каждую минуту. — Юра встал. — В общем, так, — сказал он, помолчав. — Забираем шмотки и перебираемся на плот. Оно спокойнее будет.

Через полчаса лагерь был свернут. Население острова Ипатия со всем своим имуществом перекочевало на плот.

Дул легкий северный ветер. Море было спокойное, чуть колыхался на отмели плот. В сгустившейся темноте неподалеку от плота слабо белел «Меконг».

— Давай отплывем, Юрик, — тихо сказала Валя.

— Подождем. Ветер с севера, на плоту против ветра не попрешь. Да ты ложись, спи. До утра, пожалуй, ничего не случится. А утром катер придет.

Медленно текло время.

Подземный рокот вдруг резко усилился. Рекс прижался к Юриной ноге и заскулил. Во время стихийных бедствий самые смелые собаки падают духом.

Страшный удар потряс остров. Из развороченной земли с ревом вымахнул призрачно-белый столб газа. Дождь

гальки и кусков глины забарабанил по плоту. Свирепым жаром опалило лица. Полыхнуло огнем...

Гигантский ревущий огненный факел взметнулся в небо.

Глава восьмая

Про воду и огонь

Я стоял с сигарой у левого борта, наблюдал, как за окончностью Апшеронского полуострова исчезает бакинский порт. От моей сигары остался лишь окурок. Затянувшись последний раз, я бросил его за борт. И в ту же минуту корпус «Астры» окружили огненная пелена.

Ж. Верн, «Клодиус Болебарнак»

Когда моторка осела на корму, Николай подождал немного и осторожно высунул голову у самого форштевня. Он знал, что сидящие на корме не могли его заметить.

Концы уже были отданы; с кормы доносилось железное позвякивание: должно быть, Вова сажал на место распределитель зажигания.

Николай услышал ворчливый Вовин голос:

— Рыбку хотел половить — так нет!.. Вечно горячку порете!.. Здесь рыбки полно. Видали, сколько пузырьков на воде?

Жесткий голос Опрытина:

— Меньше разговаривайте.

Так. Они ничего не подозревают. «Не теряй-ка времени, — скомандовал себе Николай. — Надо получше устроиться под форштевнем».

Он тихонько пропустил один конец захваченной с собой веревки за спасательный леер, свисавший с правого борта моторки. Затем проделал то же самое с леером на левом борту. Связав под водой концы, он пролез между днищем и веревкой. Она пришлась на уровне груди. Теперь заспинные баллоны акваланга уперлись в дно моторки так, что килевой брус вошел в промежуток между ними.

«Удобно получилось, — подумал Николай, взявшись за веревку полусогнутыми руками. — Меньше будет болтать».

Гигантский ревущий огненный факел взметнулся в небо,

Несколько раз «чихнул» мотор. Николай вдруг испугался: а что, если с мотором все еще неладно и они опять вылезут на берег?

Но вот мотор ровно загудел. Лодка пошла — сперва тихо, потом все быстрее. Проплыл и исчез мысок.

Теперь, когда мотор работал на полных оборотах, нос лодки задрался, и Николая чуть ли не по грудь подняло над водой. Он дышал через трубку, не расходуя воздуха из баллонов. Он испытывал чудесное, ни с чем не сравнимое ощущение полета над водой. Ему пришла в голову забавная мысль: он сейчас выглядит, должно быть, как аллегорическая фигура, какие во времена парусного флота помещали у княвдигеда¹, под бушпритом корабля...

Николай проделал в уме небольшой расчет: до города около пятидесяти миль. Часов за пять моторка дойдет. В баллонах акваланга около двух тысяч литров воздуха. Когда он добирался до моторки под водой, он израсходовал примерно двести литров. Акваланг работает, пока давление в баллонах не опустится до тридцати атмосфер, — значит, еще четыреста литров нельзя использовать. Вблизи города придется отцепиться и плыть минут десять под водой. Итак, на дорогу останется около тысячи литров — иначе говоря, немного больше тридцатиминутного запаса воздуха. Это на случай, если встречная волна не даст дышать через шноркель. Надо держаться неподвижно и экономить дыхание: меньше чем на тридцать литров воздуха в минуту человек не проживет.

Вначале все шло хорошо. Николай, идя бреющим полетом над гладкой водой, получал только удовольствие от водяных струй, с силой обтекавших его тело. Ноги, поддерживаемые широкими ластами, волоклись по воде. Спина через баллоны плотно упиралась в киль.

Но вскоре пошла встречная волна. Моторка ритмично плюхала по волне, то опускаясь, то поднимая нос. Пришлось приноровиться и делать вдох только в момент подъема носа. Но все-таки вода попадала в шноркель, и Николай не всегда успевал продуть трубку.

В один из моментов, когда нос моторки высоко поднялся над водой, Николай увидел слева черные камни, окруженные белым кружевом прибоя и ярко освещенные солнцем.

¹ Княвдигед — деревянная наделка форштевня под бушпритом.

Камень Персианин!

Казалось, он бесконечно долго несся под килем, захлестываемый волнами, — а пройдено всего пять миль! Десятая часть пути...

Нет, он не жалел, что затеял это дело. Знал, что потребуется предельное напряжение сил. Но только теперь он представил себе, что предстоит ему вынести...

Волна была небольшая, но корпус моторки гнал перед собой высокий бурун. Скорость шлюпки складывалась со встречной скоростью ветра. Он притерпелся к ударам волны, но тело его, непрерывно омываемое водой и обвеваемое потоком воздуха, быстро теряло тепло. Масло, впитавшееся в кожу, видимо, начало смываться. Николай мерз. Веревка, за которую он держался, резала ладони. И ветер свистел в ушах.

Николай потерял чувство времени.

Резкая боль скрутила большой палец левой ноги и быстро перекинулась на икру. Переменить положение!.. Николай с трудом повернулся на правый бок. Сгибая и разгибая ногу, он отчаянно боролся с судорогой.

Дышать, лежа на боку, было легче — трубка шноркеля реже захлестывалась водой, но положение было неустойчивым, приходилось сильно напрягать руки, а судорога в руках — самое страшное...

Он начал устраиваться по-старому, как вдруг услышал: такты мотора стали реже. Нос опустился, и Николай погрузился под воду. Моторка остановилась.

Дыхание сразу стало свободным, а неподвижная вода показалась теплой. Николай осторожно высунул голову из воды.

— Что за прихоть? — услышал он раздраженный голос Опрытина. — Неужели нельзя потерпеть?

— А чего терпеть, если жарко? — возразил Вова. — Да я быстренько окунусь. Видите, слева остров Булла? Значит, полдороги.

— Полдороги? Что-то очень медленно сегодня.

— Медленно, — согласился Вова. — Не пойму почему.

Снова раздался голос Опрытина:

— Между прочим: где к вам сел в городе Бенедиктов?

— Как я с ним говорился, у шестнадцатой пристани, — ответил Вова. — А потом за вами пошли, на двадцать четвертую.

— Там никого больше не было, на шестнадцатой? Видел вас кто-нибудь?

— Вроде нет. А что?

— Ничего. Быстрее купайтесь.

Моторка накренилась, раздался всплеск — это Вова прыгнул в воду с кормы. Николай высвободился из-под веревки, переключил кран на баллоны и, перевернувшись головой вниз, нырнул поглубже.

Вова плескался возле кормы. Николай держался в стороне, на трехметровой глубине. Из-за того, что этому бегемоту жарко, приходилось растрачивать драгоценный воздух. Впрочем, нет худа без добра: можно хоть немногого размять затекшие руки и ноги. Согреться немногого. Вот только не обратили бы они внимание на пузырьки... Не опоздать бы занять свое место. Впрочем, будет слышно, когда он станет заводить мотор: с полуоборота не заведется... Пить хочется. С утра не пил и не ел ничего. Во рту мерзостно: наглотался соленой воды... Полдороги еще. Часа два? Это немногого. Это страшно много... Горячего бы чаю сейчас! Как у Мехти на яхт-клубе. Крепкого горячего чаю...

В шлюпке что-то загремело. Николай, сильно работая ластами, подвсплыл и ухватился за свою веревку. Бочку, что ли, перекатывают? Да, наверное, Вова переложил пустую бочку из-под соляра поближе к носу.

Затарахтел мотор. Николай занял свое место и переключил дыхание на шноркель.

Теперь, после перекладки бочки, нос моторки не так высоко задирался. Над водой торчала только макушка Николая да дыхательная трубка. Дышать стало труднее: бурун, идущий перед форштевнем, и встречные волны все чаще заливали трубку. Он не успевал вовремя продувать ее и опять наглотался воды. Несколько раз Николай переключался на баллоны, чтобы хоть немногого передохнуть.

С каждой минутой ему становилось холоднее: организм не успевал восполнять потерю тепла, уносимого быстрым встречным потоком.

В плексигласовом окошке маски плескалась прозрачная кромка воды. Иногда, подтянувшись на руках, он поднимал голову из воды. Море потемнело. И небо потемнело. Слева висело над морем предзакатное багровое солнце.

Вдруг перед глазами мелькнуло что-то черное. И сразу — болезненный удар в левое плечо.

Это был топляк. Бревно тяжелой породы дерева, долго пробыв в море, пропитывается водой, тяжелеет и плавает, скрываясь под поверхностью. Наскочить на него на быстром ходу опасно — можно получить пробоину.

Удар пришелся боком, и бревно, ободрав плечо Николая, слегка стукнуло моторку по левой скуле.

«Хорошо отделался!» — подумал Николай.

Он не видел крови, сочившейся из раненого плеча. Он не знал, что хуже: судороги, непрерывно сводившие ноги, или тошнота, вызванная потерей крови, холодом, жаждой и тем, что он сильно наглотался морской воды.

Высвободив одну руку, Николай расстегнул головной ремень и вынул загубник. Но рвоты не было; были только судороги в горле и в желудке. Вставляя загубник обратно, он больно прищемил десну и снова глотнул воды.

Конечно, был очень простой выход из положения: сдаться в плен. Но, когда инстинкт самосохранения подсказал эту мысль, Николай со злостью вспомнил чей-то афоризм о том, что мозг не имеет стыда.

Держись, Колька, мало осталось...

И он держался за вёревку онемевшими руками.

Тошнота, и судороги, и рвущая боль в плече. И холодная вода, с бешеною скоростью несущаяся вдоль измученного тела...

Сознание затуманилось.

«Ты хотела, чтобы я придумал что-нибудь... Ну вот, я придумал. Я все для тебя придумаю... Хорошо было сидеть с тобой у костра. Коснуться рук твоих не смею... Коснуться рук не смею...»

Не разжимай пальцев!

Скороговорка мотора откуда-то со стороны врываеться в гаснущее сознание.

Страшным усилием воли он заставил себя поднять голову.

Огни! В сумерках мигают красные и белые огни фарватерных буев. Сейчас моторка пересечет фарватер.

Город уже зажег огни...

Ну, пора!

Он переключил дыхание на баллоны, выбрался из-под вёревки. Упервшись ластами в дно моторки, сильно оттолкнулся...

Какая черная вода! Вдох — выдох... Вдох — выдох... Он вынырнул. Вытащил изо рта загубник. Моторки уже не видно — далеко ушла.

Влево. Плыть влево, к яхт-клубу. Не больше мили.

Проклятая тошнота! Опять судорога. Он перевернулся на спину, чтобы отдохнуть немного, и при первом же вдохе глотнул горько-соленой воды. Приступ кашля раздирал грудь...

Боцман Мехти в этот вечер, как обычно, сел в ялик и отправился проверять, хорошо ли закреплены яхты на рейдовых буйках.

Настроение у старого Мехти было паршивое. Яхта «Меконг» ушла на неделю. Уже почти две недели прошло — «Меконг» не вернулся. Потапкин хороший яхтсмен, парус знает. Но почему не сообщил о задержке? Он, Мехти, вчера звонил в Ленкорань, тамошняя охрана рейда сообщила, что в устье Куры яхта «Меконг» не заходила. Обещали выслать катер в архипелаг. Посмотрим, что завтра сообщат.

На яхт-клубе работать нельзя: все время звонки. Особенно одна женщина беспокоится. Плачет в трубку. Ее дочь на «Меконге». Зачем плакать? Потапкин хороший яхтсмен. Только зачем женщин взял? Где женщины, там слезы. Э, давно известно...

Мехти подогнал ялик к буйку номер двенадцать. Яхта «Ураган» была хорошо закреплена. Но Мехти сразу заметил, что на ее палубе с правого борта лежит человек — на спине баллоны, на ногах ласты.

— Эй, ты! — сердито крикнул Мехти. — Тебе здесь дом отдыха?

Человек не отозвался. Старый боцман взобрался на яхту.

Человек лежал ничком, зажав в откинутой руке маску. Мехти перевернул его на спину.

— Потапкин?! — изумленно пробормотал он.

...Минут через двадцать Николай пришел в себя. Он беспокойно дернулся. Свет резал глаза. Он хотел сбросить с груди одеяло, но рука не повиновалась. Откуда одеяло?...

Вдруг он понял, что лежит в шкиперской яхт-клуба. Он увидел склонившееся над ним лицо боцмана Мехти.

Услышал знакомый ворчливый голос. С трудом ворошая языком, Николай прохрипел:

— Остров Ипатия... Пошлите катер... Остров Ипатия...
И снова потерял сознание.

С набережной просигналила машина «скорой помощи», вызванная боцманом. Николая увезли.

Мехти связался по телефону с портом, чтобы получить разрешение на выход моторки в море.

Он не мог понять, как Потапкин оказался в бухте. С острова Ипатия проплыть с аквалангом? Э, чепуха!.. В старину, верно, бывали чудеса на морях, но теперь... Ясно одно: с «Меконгом» что-то случилось. На всякий случай Мехти отнес в моторку аптечку. Он возился в моторке, готовил ее к походу, как вдруг увидел зарево.

В южной части вечернего неба дрожали розовые отсветы далекого пожара.

Мехти вылез из моторки на палубу бона, постоял в раздумье, шевеля узловатыми пальцами. Надо узнать, где горит. Он направился в дежурку, но не успел снять телефонную трубку, как раздался звонок.

— Мехти-бабá? — спросила трубка. — Говорит дежурный по порту Селезнев. Вы говорили, с вашей яхтой что-то случилось у Ипатия? Так вот: в тот район отправляется торпедный катер. Выяснить причину пожара. Можете пойти с ними, если хотите.

— Пойду, — сказал Мехти.

Через полчаса торпедный катер подошел на малом ходу к бону яхт-клуба.

— Давай скорее, товарищ Мехти! — крикнул из рубки катера высокий капитан-лейтенант в шлеме.

Мехти прыгнул на палубу катера.

— Здравствуй, Костя, — сказал он, пожимая руку капитан-лейтенанту. — Давно не видались.

— С прошлогодней регаты. Как живешь, старина?

Взревели моторы. Волоча за собой длинные «усы», катер побежал к выходу из бухты.

Мехти присел на низкое ограждение рубки. Рядом стояли двое штатских, а внизу, в крошечной каюте, сидело еще несколько человек. Мехти знал, что это нефтяники и пожарные специалисты.

Вышли в море. Капитан-лейтенант кивнул старшине, стоящему рядом. Тот отжал рукоятки акселераторов. От мощного рева моторов заложило уши. Катер птицей рва-

нулся вперед. У его нога встал стеклянный бурун — неподвижный и розовый от зарева.

Вибрировала под ногами палуба, тугой встречный ветер врывался в легкие. На боевой скорости катер несся туда, где вполнеба стояло зарево. В реве моторов не слышно было слов. Капитан-лейтенант, обернувшись, улыбнулся Мехти и поднял два пальца. Мехти понимающе кивнул: две тысячи оборотов. Правильно, давай быстрей.

Мехти спустился по крутым трапу в каюту, сел на свободную разножку. Здесь было немного тише, чем на верху. Нефтяники перебрасывались короткими фразами. Припоминали извержения на Черепашьем, на Песчаном, на Лосе. Это было много лет назад, тогда тоже здорово горело. Вспоминали более редкие и давние случаи — пожары на танкерах и на морских буровых.

Но танкеры в том районе, где полыхало зарево, не ходили. Может быть, пожар на острове Высоком? Там морской нефтепромысел, крайний в архипелаге...

В каюту спустился капитан-лейтенант.

— Мой радиострелок связался с Высоким! — прокричал он. — Там все в порядке, зарево видно на юго-востоке. А рыбный промысел в устье Куры сообщает, что видит пожар на северо-востоке.

Он разложил на столе карту и посмотрел, где скрещиваются эти пеленги.

— Горит где-то у Ипатия, — сказал он.

Мехти поднялся наверх. Грозным красным светом были залиты море и небо. С каждой минутой становилось светлее. И когда миновали камень Персианин, то увидели огненный столб.

Сомнений больше не было: горел остров Ипатия.

Мехти молча смотрел на гигантский факел, рвущийся из моря.

— Твои ребята были здесь? — прокричал ему в ухо капитан-лейтенант.

Боцман не ответил. Его лицо, освещенное пожаром, окаменело.

Катер на малом ходу подошел с наветренной стороны к тому, что еще недавно было островом. У подножия газового факела бурлила и бесновалась вода.

— Ушел Ипатий под воду, — хмуро сказал кто-то.

— Надо тушить, — отозвался один из нефтяников,

закрывая лицо рукой от жара. — Если усилится ветер, может донести огонь до буровых на Черепашьем. А там газ...

Катер пошел вокруг остатков острова. Валило с борта на борт: процесс изменения дна еще не закончился, море было неспокойное.

— Дай бинокль, — сказал Мехти капитан-лейтенанту.

Он навел бинокль на отмель и увидел черный остов яхты. По обгоревшим доскам еще пробегали языки пламени. Мехти опустил бинокль. Лицо его было неподвижным. Только крупные капли пота катились по жестким щекам.

Через час подошел вызванный по радио отряд пожарных катеров — маленькие верткие суденышки с высокими надстройками. Там на поворотных турелях были установлены крупные брандспойты с прицельными устройствами. Они напоминали корабельные пушки.

Катера окружили огненный столб. Мощные струи воды вырвались из стволов брандспойтов и скрестились у основания факела, как мечи титанов.

Битва с огнем началась...

В праздничные вечера морские пожарники нередко выходят на середину бухты. Высокие фонтаны воды бьют в небо, струи сверкают и переливаются в свете цветных прожекторов. Толпы горожан собираются на Приморском бульваре, чтобы полюбоваться зрелищем изумительной красоты.

Но здесь было пустынное море. Ревел фонтан горящего газа, рычали мощные двигатели, шипели и обволакивались паром водяные струи, и багровые отсветы причудливо играли на облаках пара и дыма.

Огонь яростно сопротивлялся воде. Он то отступал, колеблясь, то вдруг набрасывался на суда. Лопалась и свертывалась в трубы краска на бортах катеров, дьявольский жар опалял моряков, одетых в асбест. Катер «Саламандра» вдруг охватило пламя. Заглохли дизеля, лишенные кислорода. Но отчаянные машинисты не растерялись: переключили воздухоприемники на кислородные баллоны, вырвались из огня. Соседний катер, «Полундра», снизив давление насосов, окатил «Саламандру» потоком пенной воды, сбил огонь. Окутанная паром «Саламандра» снова бросилась в битву.

Катера плясали на волнах, их швыряло из стороны в

сторону, но стволовые — по большей части бывшие морские артиллеристы — не отрывались от штурвалов на водки и скрещивали струи на основании факела, чтобы оторвать пламя от поверхности моря.

Ночь или уже день? Не понять...

Но вот клинки водяных мечей срезали под корень огненный столб. В последний раз пламя взметнулось к небу — и потухло.

И сразу — темно. Нет, не темно: уже занимается рассвет. Неужели целая ночь прошла?..

Еще ревел потухший фонтан, но рев ослабевал с каждой минутой. Море успокоилось, стало гладким. Только в месте выхода газовых струй еще бурлила вода.

Боцман Мехти попросил капитан-лейтенанта подойти как можно ближе к отмели. Он долго разглядывал черный остов яхты.

Капитан-лейтенант тронул его за плечо. Мехти молча отдал бинокль. Медленно спустился в каюту, лег на маленький диванчик, повернувшись к стене.

Взревели моторы. Катер пошел прочь от острова Ипатия, которого больше не существовало.

*Глава девятая,
в которой Юра, подобно Александру Македонскому, раз-
рубает веревку, чтобы выйти из затруднительного
положения*

*Хочешь послушать, как дрались в старину
на морях?*

*Хочешь узнать, кто выиграл сражение при
свете луны и звезд?*

Уолт Уитмен, «Песня о себе»

Юра лежал на шершавых бревнах, закинув руки за голову и глядя в ночное небо. Над обвисшим парусом медленно плыл желтый и словно бы надутый ветром парус луны. Легкие дымчатые облачка то и дело наползали на полумесяц. Там, в вышине, ходил ветерок. Но вину, над морем, было тихо.

Третья ночь на плоту...

Не забыть ту ночь, когда огненный столб встал над

Ипатием. Он, Юра, изо всех сил наваливался на рулевое весло, чтобы быстрее отогнать плот от острова. Ветер гнал их на юг, вдоль восточного берега Ипатия. Нестерпимый жар опалял лица и кожу. Валерка схватил брезентовое ведро и, беспрерывно черпая воду, окатывал всех. Один раз плот чуть не занялся: огоньки пробежали по доскам, зашипела кора бревен.

— Парус! — заорал Юра. — Обливай парус!

Если бы сгорел парус — тогда конец. Тогда — прыгай в воду. А долго ли продержишься?.. Валерка ведро за ведром выплескивал на парус. Молодец, не растерялся. Женщины помогали ему — зачерпывали воду котелком и кастрюлей. Дымились бревна. Юра повис на рулевом весле, пытаясь хоть немного отжать плот к востоку.

И вот пылающий остров остался за кормой. Они плыли в ночь, в неизвестность. Сидя и лежа на бревнах, долго смотрели туда, на север, где вполнеба размахнулось зарево.

На рассвете зарево потухло. Плот уже был далеко от острова. В девятом часу утра парус заполоскал и обвис. Плот неуклюже развернулся боком и медленно поплыл по течению. Без ветра управлять им было невозможно.

Томительные, жаркие, безветренные дни...

Еды было достаточно. Хуже было с водой. Постспешное бегство помешало им наполнить анкерок, и там осталось на дне совсем немного. Теплую затхлую воду разбавляли морской. Она почти не утоляла жажду. К счастью, сохранилась ионообменная смола. Вчера обработали ею морскую воду — получилась относительно пресная, но противная на вкус вода. А когда и она кончится?..

— Перейдем на методы Бомбара, — сказал Юра. — Сырую рыбу будем кушать.

Валя сделала брезгливую гримасу.

А Валерка вспомнил зимний дрейф четверки наших солдат в Тихом океане.

— Ребята семь недель выдержали! — сказал он. — И в каких условиях: шторм, холод... Нет, нам все ж таки полегче. Каспий — не Тихий океан.

«А если налетит шторм? — подумал Юра. — На Тихом океане ходят волны-горы длиной метров в четыреста, их крутизна не грозит плоту опрокидыванием. Другое дело — каспийская волна, короткая, крутая, злая. Еще неизвестно, где опасней...»

Но вслух он этого не сказал.

Однажды далеко в стороне прошел вертолет. Прошел и скрылся, не заметив плота.

— Нас, конечно, ищут, — говорил Юра. — Колька всех там на ноги поднял.

Он водил пальцем по истрепанной карте. Свое место он знал только приблизительно: по компасу определял направление дрейфа, но скорость движения даже на глаз не мог прикинуть, потому что плот двигался вместе с течением и был неподвижен относительно воды.

— Нас несет к иранскому берегу. Вот сюда, наверное, в район Шахсевара, — говорил Юра, тыча пальцем в самый низ карты.

— И что тогда? — спросила Валя.

— Ты же знаешь фарсидский язык?

— Чуть-чуть понимаю, но разговарить не могу.

— Ничего, столкнемся. Английский немного знаем. Свяжемся с нашим посольством...

Но Юра знал и другое: течение следует вдоль береговой линии и может скоро повернуть к пустынному восточному берегу...

Этого он тоже не сказал вслух.

И вот — третья ночь на плоту...

Валя откинула одеяло, села рядом с Юрой.

— Не спится. — Она тихонько вздохнула. — Страшно подумать, как там мама...

Он взял ее руку, погладил. Валя заглянула ему в лицо.

— Усатый, бородатый... Озабоченный... — Она прижалась к нему теплым плечом. — О чем ты думаешь?

— О нас с тобой, — сказал он. — И о Кольке.

— Скучно тебе без него?

— Непривычно.

— Скажи мне что-нибудь...

— Ты и так знаешь.

— Нет, скажи.

— Ты — хорошая, — шепнул он ей в ухо.

Валя закрыла глаза. Лицо ее, слабо освещенное лунным светом, было усталое и счастливое. Они долго сидели, прижавшись друг к другу, и молчали. Плот медленно несло в неизвестность.

Валя задремала. Юра прикрыл ее одеялом. Он посидел еще немного, потом разбудил Валерку.

— Твоя вахта, — сказал он, передавая ему часы. — В пять разбуди меня.

— Зачем?

— Кажется, на рассвете должен пролететь спутник. Хочу посмотреть.

— Ладно, — сказал Валерка.

Он потрогал обвисший парус, прошел в носовую часть плота и сел, обхватив руками колени. Мучительно хотелось пить. Но пить можно будет только в семь утра — три глотка противной теплой воды...

Рита слышала, как Юра попросил Валерку разбудить его. Она невольно улыбнулась: такая обстановка, такая опасность, а он беспокоится, как бы не проспать пролет спутника. Великовозрастный мальчишка... Впрочем, такое мальчишество от возраста не зависит. Юру, должно быть, и в пятьдесят не покинет вот этот неистребимый интерес к жизни.

Вот он спит на голых бревнах, посреди кипаризного, переменчивого моря. Что ему снится? Спутник? Трубопровод? Ремонт яхты? Межпланетные путешествия?..

И Николай такой же. Посерьезнее немного, но, в сущности... Зачем он предпринял этот рискованный, безрассудный заплыв? Добрался ли?.. Что он делает сейчас? Мечется, наверное, по морю со спасательной партией...

Как там Анатолий? Нелепо разминулись они на острове... Слава богу, он развязался с Опрытиным. Лаборатория их погибла. Тем лучше! Теперь она, Рита, возьмется за его лечение. Он тоже беспокоится там, дома... Ох, скорей бы уж добраться домой...

Рита отбросила одеяло, села. О, какой туман наплывает!

Ей в плечо ткнулось что-то влажное и холодное. Это проснувшийся Рекс приветствовал ее, тронув носом. Она потрепала собаку за уши. Но Рекс вдруг решительно высвободился, отошел, насторожился. Ноздри его раздувались.

— Валерик, посмотри на собаку, — тихо сказала Рита.

Туман наполз и поглотил плот. Ничего не видать. Но в собачьем носу помещалась чувствительная приемная станция, и в радиусе этой станции было нечто заслуживающее внимания. Рекс стоял в напряженной позе и внюхивался в туман,

Валерка тронул Юру за плечо.

— Что случилось? — Юра вскочил на ноги.

Валя тоже проснулась. Валерка молча кивнул на пса.

— Да, что-то есть, — сказал Юра. — Он чует. Может, нас несет к берегу? Тогда надо ждать, пока рассеется туман. А если судно — надо поднимать шум. Впрочем, сейчас...

И не успела Валя ахнуть, как он прыгнул с плота в воду. Через минуту он вынырнул и, отфыркиваясь, взобрался на плот.

— Это не судно, — сказал он, сгоняя ладонями воду с тела. — В такую тихую погоду я бы услышал шум винтов.

— Обязательно для этого надо было прыгать? Сумасшедший! — сказала Валя.

— Обязательно. В воде звук распространяется впятеро быстрее, чем в воздухе.

Рекс тихонько рычал, стоя на краю плота.

— Почему ты не умеешь говорить, старина? — Юра положил ладонь на голову собаки.

Вдруг раздались какие-то металлические звуки, приглушенные туманом и расстоянием. Нет, это был не колокол, обязательный для судна, стоящего на якоре в тумане. Звуки падали в туман неравномерно — они были похожи на звяканье металла о металл. Кто-то хрипло откашлялся... Отчетливый возглас:

— Загер мард!

— Иранская речь, — негромко сказала Валя. — Загер мард — это, кажется, яд змеиный. В общем, ругательство...

Тот же голос, злобный и высокий, произнес длинную фразу. В ответ послышался другой голос — хриплый, виноватый.

— Переругиваются, что ли? — сказал Валерка.

— Погоди! — Валя напряженно вслушивалась в чужую речь. — «Лживый сын собаки, ты говорил, что понимаешь мотор», — перевела она. — А второй отвечает: «Я не виноват, хозяин... Это наделал поганый иноземец, когда чинил его...» Что-то еще — не поняла...

Иранское судно, болтающееся в море с испорченным двигателем!

— Давайте крикнем, ребята, — сказал Юра: — «Эй, на судне!» Три-четыре!

— Эй, на судне! — прокатилось над морем.

Металлический стук и перебранка сразу смолкли.

— На судне!

Томительная пауза, потом — негромкий гортанный окрик.

— Они стоят без хода, — сказал Юра. — Кажется, недалеко. Попробуем подгрести к ним.

Гребли чем попало: досками, стланями. Гребли на звук, стоя по краям плата на одном колене, как на каноэ. Через четверть часа в клубящемся тумане смутно пропал низкий борт судна, стоящего без огней. Человек в мягкой шляпе перегнулся через фальшборт, пытаясь разглядеть людей на плоту.

— Скажи ему: «Потерпели крушение, просим помощи», — шепнул Юра Вале.

Она, запинаясь, произнесла несколько слов. Получилось нечто довольно бессвязное, но, кажется, человек в шляпе понял. Он немного помедлил, потом кивнул и сделал рукой жест: поднимайтесь, мол.

Плот приткнулся к борту.

Валерка ступил на привальный брус судна и, легко перемахнув через фальшборт, помог женщинам взобраться на палубу. Юра быстро завернул немногочисленное имущество в одеяла, обвязал сверток веревкой и передал его Валерке.

Человек в мягкой шляпе исчез куда-то. Юра высадил Рекса на палубу, взобрался сам и живо осмотрелся. Затем он сунул сверток с вещами в закоулок за носовым трапом и велел Рексу сидеть там.

Иранец вернулся с фонарем. Он приоткрыл заслонку и бегло оглядел пришельцев. Валя и Рита были одеты кое-как: одна в рваном красном сарафане, вторая — в одеяле, накинутом на плечи, но обе автоматическим жестом поправили волосы. Парни были в купальных трусах.

Лязгнула заслонка, луч света погас. Иранец спросил высоким, резким голосом:

— Урус, совет?

— Да, — ответил Юра. — Советские.

Он вглядывался сквозь пелену тумана в лицо иранца. Темная широкая полоска бровей, мелкие, но правильные черты, лицо смуглое, симпатичное и даже красивое.

Юра ткнул себя пальцем в грудь, сказал:

— Юра.

Иранец повторил Юрин жест и представился:

— Фармаз.

— Куда идете? — спросил Юра. — Пехлеви, Шахсевар, Бендер-Гязь?

— Бендер-Гязь. — Иранец быстро закивал. И добавил еще что-то.

— Он говорит, что они рыбаки, — перевела Валя. — У них мотор испортился, и ветра нет.

Фармаз внимательно посмотрел на Валю и улыбнулся ей.

— Спроси, не могут ли они подбросить нас в Астару, — сказал Юра.

— Астара? — переспросил Фармаз и опять закивал. Потом показал на обвисший парус, развел руками: — Мотор, мэшин мифахман?¹ — сказал он и покрутил пальцем в воздухе. — Бр-ррр!

Юра утвердительно кивнул. Фармаз дружелюбно похлопал его по голому плечу и сделал жест в сторону кормы, приглашая следовать за собой.

— Подожди, приятель. — Юра тронул его за локоть. — Дай нам сначала напиться. Воды, понимаешь? — Он сложил ладонь горстью, поднес к губам и втянул воздух.

Фармаз понял. Он подошел к носовому люку и властно крикнул вниз:

— Аб бэдэхид!²

Из люка высунулась чья-то всклокоченная голова. Затем появилась рука с жестяным бидоном.

Юра передал бидон женщинам, потом Валерке. Напился сам, вытер губы, крякнул:

— Вот теперь веселее стало! Ну, показывай мотор, приятель. — Он повторил жест Фармаза: — Брр!

Но тот снова посмотрел на Валю и что-то сказал.

— Он спрашивает: не хотят ли женщины отдохнуть, — проговорила Валя.

— Отдохнуть? — Юра замялся в нерешительности.

— Я не хочу отдыхать, — тихо сказала Рита.

— Почему? — возразила Валя. — Я страшно устала.

— Ладно, — решил Юра. — Посмотрим, что за каюта у него.

¹ Мотор, машину понимаете? (иранск.)

² Подай воду! (иранск.)

Они спустились вслед за Фармазом по крутому трапу в носовой кубрик с тремя двухэтажными койками и подвесным столиком, над которым горела тусклая масляная лампа. На койках лежало двое. Воздух в кубрике был спертым, насыщенным сладковатым запахом.

Фармаз отворил дверцу в глубине кубрика, пропустил гостей и зажег карбидный фонарь.

Это была крохотная треугольная каютка в самом носу судна. Над головой проходил стекл¹ бушприта, прикрепленный скобами к бимсу². Койка, застеленная красным одеялом, столик, стенной шкаф. На столе стоял кальян с длинной трубкой и медным горлышком, инкрустированным мелким голубым бисером.

Здесь было почище, но пахло тем же сладковатым запахом.

Фармаз достал из шкафа глубокую миску с холодным пловом и поставил ее на стол. Приветливо улыбнулся женщинам, указал на медную задвижку на двери и несколько раз щелкнул ею.

— Может, Рекса привести? — тихо сказала Рита Юрэ.

— Пусть сидит наверху. Вы запритесь и отдыхайте. А мы, как только закончим возню с мотором, постучим к вам.

Мужчины поднялись наверх и пошли на корму.

Судно было небольшое. За носовым люком — трюм, наполовину закрытый лючинами и брезентом. Дальше — кормовой люк, ведущий в моторный отсек. Надстроек на палубе не было. Мачта с неубранным парусом, свернутые сети с грузами и поплавками, ручная лебедка — вот и все, что смог рассмотреть Юрэ, сделав два десятка шагов от носового люка к моторному.

Пахло рыбой. На корме, возле румпель-талей, неподвижно стоял рослый человек. Рулевой, должно быть.

«Судно стоит без огней, туманных сигналов не подает, — подумал Юрэ. — Впрочем, чего ж требовать от иранской рыбачьей шхуны... Может, не следовало оставлять женщин одних? Пожалуй, надо было Валерку с ними оставить... Нет, главное — запустить мотор, вдвоем быстрее управимся. Все правильно. Этот Фармаз, видно, хозяин судна. Вроде, симпатичный малый...»

¹ Степс — место крепления основания мачты или бушприта.

² Бимс — поперечная балка.

Вслед за Фармазом они спустились в кормовой отсек. В белом свете карбидного фонаря, висевшего на переборке, они увидели старый двигатель, укрепленный на дубовых брусьях. Перед ним сидел на корточках человек в замасленной рубашке из американского ситца. Чего только не было изображено на рубашке! Танцующие пары, бутылки, обезьяны, пистолеты...

Валерка усмехнулся, сказал Юре:

— Вот это рубашечка! Наши чуваки подохли бы от зависти.

— А ты на шапку погляди!

На голове моториста красовалась облезлая баранья папаха, не слишком гармонировавшая с пестрой рубахой. Моторист оглянулся и медленно встал. Лицо у него было желтое, нездоровое, с тусклыми стекляшками глаз. Он не выразил ни малейшего удивления при виде двух полуугольных незнакомцев. Молча отошел и прислонился к закопченной переборке.

— Посмотрим, что мог натворить такой механик, — проговорил Юра. — Придвинь-ка, Валерка, ящик с инструментом. И давай понимать, в чем дело... Та-ак. Крышку он, по-моему, снимал зря. Вот что: начнем с того, что поставим все на место.

Фармаз стоял рядом, внимательно наблюдал за работой.

— Стоит над душой! — проворчал Юра и мельком взглянул на иранца.

В прищуренных глазах Фармаза почудилось что-то жесткое и злобное. Впрочем, Фармаз тут же улыбнулся Юре.

Механик в бараньей шапке закурил сигарету. В отсеке распространился горьковатый полынный запах. Фармаз бросил механику несколько резких слов. Тот пробормотал что-то хриплое и маловразумительное.

— Загер мард! — сквозь зубы присизнес Фармаз.

Механик нехотя притушил сигарету о переборку.

«Анашу¹ курил, — подумал Юра. — И морда у него анашиста».

Конечно, дело было в зажигании. Но этот горе-механик все испортил тем, что переставил шестерни ротора и

¹ А на ша — одно из названий гашиша, наркотика из индийской конопли.

распределителя. Теперь приходилось заново подбирать угол размыкания прерывателя. Уже несколько раз Валерка вставлял ломик в дыру на ободе маховика, дергал, но безуспешно: двигатель не запускался.

— На этом моторе еще Ноев ковчег ходил! — ворчал Юра, снова меняя зазор в контактах прерывателя. — Битый час возимся...

— Кажется, ветер поднялся, — сказал Валерка, задрав голову к люку. — Качнуло немного...

— Проверим еще раз.

Валерка рванул ломик. Двигатель фыркнул и пошел. Юра выпрямился, отбросил волосы со лба, поскреб рыжеватую бородку.

Фармаз провел взад-вперед ручку газа. Мотор послушно прибавил и сбросил обороты. Фармаз улыбнулся Юре и похлопал его по плечу. Затем подошел к трапу и гортанно крикнул что-то наверх. Там, наверху, завизжали блоки: видно, рулевой перебирал румпель-тали, ставя ожившее судно на курс.

Механик в бараньей шапке занял свое место у мотора. Юра и Валерка поднялись наверх. Фармаз вежливо пропустил их и поднялся за ними.

Туман немного рассеялся. Он рвался на дымные клочья, уползая белыми змеями, обнажая черную поверхность воды. Дул слабый ветер.

Юра посмотрел, как Фармаз с помощью бритоголового матроса ставит парус. «Торопится, — подумал он. — Под мотором и под парусом сразу... И почему идет без огней?..»

Впрочем, на корме горел слабый, еле заметный огонек — огонек масляной лампочки в нактоузе, у компаса. Юра шагнул, мельком взглянул на компас. Тут же высокая фигура стала между ним и нактоузом, загородив спиной компас. Юра поднял глаза на рулевого, и ему стало жутковато: на него смотрело лицо, обезображенное длинным шрамом — наискось, от уха до подбородка.

Юре все меньше нравилось это судно. Он подошел к Фармазу, который стоял возле трюмного люка, и спросил:

— Куда идешь? — Он показал на компас: — Астара? Фармаз закивал:

— Астара.

«Врешь, собака, — подумал Юра. — Если бы ты шел

в Астару, на компасе было бы двести семьдесят или в этом роде. А ты держишь десять. На север идешь...»

— Астара, — сказал Юра. — Мне нужно в Астару, понимаешь?

Фармаз вдруг махнул рукой кому-то за Юриной спиной. Юра не успел оглянуться. Сильный удар в спину сбил его с ног. Он полетел вниз, в зловонную темноту трюма.

Когда мужчины вышли из каюты, Рита прежде всего заперла дверь на задвижку.

— Напрасно Юра сделал это, — тихо сказала она. — Нам нужно держаться вместе.

— Ты думаешь, есть какая-нибудь опасность? — спросила Валя.

— Надеюсь, что нет.

— Я ужасная трусиха, — призналась Валя. — Уж ты меня не пугай, Рита.

— Я не пугаю. Но Юрик бывает очень беспечен.

— Это правда. — Валя села на табурет и повертела в руках гибкую трубку кальяна. — Он легкомысленный, и вообще...

— И вообще тебе будет с ним хорошо, — улыбнулась Рита.

— Ты думаешь? — Валя наклонила голову и тихонько засмеялась. — Посмотри, какой шикарный кальян. А ведь простые рыбаки...

Они расстелили Валино одеяло поверх койки и легли, обнявшись.

Было тихо. Из-за двери неслись неясные шорохи, слабо плескалась вода за бортом. Прошло полчаса или больше. Судно качнуло, и из-под койки выкатился алюминиевый бидон. Он ударился о табурет, соскочила крышка. Рита встала, подняла бидон. Лицо ее стало со средоточенным.

— Что ты там нашла? — сонно спросила Валя.

— По-моему, это опий. — Рита показала ей бидон с коричневой пастой, издающей сладковатый запах.

— Опий? — удивилась Валя. — Никогда не видела. Он похож скорее на клубничный джем.

— Опий для курения, — сказала Рита. Она нагнулась под койку. — О, здесь полно бидонов! — воскликнула

она. — Вот еще опий. Шарики, чтобы глотать... А в этом бидоне анаша. Видишь? Желтая крупка...

— Зачем им так много опия? — растерянно сказала Валя, вставая с койки.

Рита распахнула дверцу стенного шкафа. Полки были набиты бело-синими картонными коробочками. Рита взяла одну, посмотрела и швырнула ее обратно.

«Такая же коробочка с ампулами, какая была там, в подземной лаборатории», — подумала Валя. Она знала от Юры о пристрастии Ритиного мужа к этому снадобью.

— Это судно набито наркотиками, — с ненавистью сказала Рита. — Негодяи! Никакие они не рыбаки.

— Ты думаешь, они...

— Конечно! — У Риты глаза потемнели от гнева. — Они везут эту отраву к нам. Контрабандисты проклятые! Надо сейчас же разыскать Юру.

Она направилась к двери, но Валя схватила ее за руки и зашептала:

— Умоляю тебя, не будь безрассудна! Подождем, пока Юра и Валерка вернутся.

— Нет, — сказала Рита. — Мы должны их немедленно разыскать. Это бандитское судно, понимаешь?

Она прикрутила кранник карбидной лампы и бесшумно подошла к двери. Прильнула к замочной скважине.

В соседнем кубрике было двое. Один из них, с черной всклокченной головой, сидел на корточках, привалившись спиной к мачте, основание которой проходило сквозь кубрик. Второй, тощий, с бритой головой, слез с койки, достал что-то из кармана и положил в рот. Затем опустился на корточки рядом с черноволосым и угостиł его тоже.

— Что ты видишь? — прошептала Валя. — Что они там делают?

— Погоди...

Несколько минут те двое молча сидели на корточках. Вдруг они очнулись от дремоты, подняли головы, тихо заговорили. Встал на ноги один, потом второй. Беззвучно смеясь, они принялись подталкивать друг друга. Черноволосый, тихо напевая, начал приплясывать на месте, бритый щелкал в такт пальцами и притопывал босой ногой.

— Дай мне посмотреть, — шепнула Валя.

Она заглянула в скважину и отпрянула от двери:

страшная пляска, лица, искаженные нечеловеческим ве-
сельем, испугали ее.

— Они нажрались наркотиков, — тихо сказала Рита. — Сейчас у них эйфория, возбуждение... Ах, прокля-
тые!

Двое за дверью кружились в дикой пляске. Черново-
лосый хрюплю запел:

Ач хурджини,
Ал бычагы,
Кэс алманы,
Вэр яра дилин!

Бритый подхватил, щелкая пальцами:

Дилин, дилин, дилин, дилин!¹

Вдруг застучал мотор, палуба мелко задрожала под ногами. Плясуны остановились, прислушались. Перекинулись нескользкими словами. Затем бритый нехотя полез по трапу наверх. Черноволосый снова уселся на корточки.

— Караулит нас, — прошептала Рита.

— Ты слышишь? — радостно сказала Валя. — Ребята пустили мотор. Сейчас они вернутся, нам не надо выходить...

— Надо, — сказала Рита. — Надо.

Она еще раз заглянула в замочную скважину, затем решительно выдвинула из-под койки бидон и набрала горсть опийных шариков.

— Не бойся и иди за мной, — шепнула она Вале.

И, резко откинув задвижку, шагнула в кубрик. Черноволосый вытаращил на нее глаза, поднялся и хрюплю крикнул по-русски:

— Назад!

Рита протянула ему ладонь с шариками. Черноволосый, увидев предмет своей страсти, щелкнул языком. Глаза его загорелись. Но он еще колебался.

— Фармаз-ага, — проговорил он, нерешительно оглядываясь на трап.

— Возьми! — повелительно сказала Рита.

¹ Открой мешок, достань нож, разрежь яблоко, дай милой лом-
тик! (азерб.)

Иранец схватил шарики с ее ладони и отвернулся.
Сверху донесся топот, глухие удары, выкрики. Что-то загрохотало.

Женщины побежали к трапу. Рита бесшумно поднялась и осторожно выглянула из люка.

Рослый рулевой со шрамом через лицо ударом в спину сбросил Юру в трюм и обернулся к Валерке. Валерка с силой ударил рулевого ногой в живот и кинулся к носовому люку. Но Фармаз с неожиданной ловкостью дал ему подножку, и Валерка растянулся на палубе. «Рекс!» — хотел крикнуть он, но не смог: чьи-то пальцы сдавили горло. Он отбивался руками и ногами. Но силы были неравны. Валерку схватили и бросили в трюм. Сразу загремело над головой: люди Фармаза закрывали трюмный люк досками, а поверх них задвинули в скобы тяжелый бимс.

Трюм был завален рыбой, и это смягчило падение. Юра, тяжело дыша и оскальзаясь, поднялся на ноги.

— Ты цел, Валерка?

— Цел...

В кромешной тьме, выставив руки вперед, Юра побрел по трюму. Рыба, должно быть, лежала давно и издавала страшное зловоние. Юра наткнулся на низкую перегородку, перелез через нее, нашупал груду сетей. Выхода не было. Кругом — прочные деревянные переборки...

От вони кружилась голова. Юра нашупал ступеньки крутого трапа, прислонился к ним.

— Будь я проклят! — вырвалось у него. — Идиот несчастный... Это я, я во всем виноват!..

— Юрий Тимофеевич, — отозвался из темноты Валерка. — Может быть, еще не все...

— Перестань величать меня по отчеству! — заорал Юра. — Дай мне в морду, Валерка!

— А что толку? — проворчал лаборант.

— Ты представляешь, что теперь будет с ними?! — Юра вскарабкался по трапу и бешено заколотил кулаками по доскам трюмной крыши. — Мерзавцы! — орал он исступленно. — Откройте! Откройте!

— Юра! — крикнул снова Валерка. — Посмотри, что я нашел...

Шаря руками в углу трюма, Валерка наткнулся на

что-то гладкое и холодное. Это был тяжелый нож с широким лезвием, каким пользуются при разделке рыбы.

Юра взял нож из рук Валерки, пощупал ост्रое лезвие. Задыхаясь от ярости и отчаяния, он начал рубить доску над головой. Трещало дерево, летели щепки, заноны впивались в руку...

Рита осторожно выглянула из носового люка. Туман почти рассеялся. Шхуна, слегка накренившись, ходко шла полным бакштагом, под двойной тягой паруса и мотора. Надутый ветром грохот был далеко вынесен за борт. Журчала вода вдоль бортов.

Глаза Риты освоились с темнотой. Она различила высокую фигуру возле трюма. Человек что-то укреплял на крыше трюма — задвигал в скобу брус. Затем он злобно выругался и пошел на корму.

— Иди за мной, — прошептала Рита Вале.

Одна за другой они легко скользнули наверх, за буточку ограждения носового люка. Здесь лежал сверток с их вещами, и верный Рекс сторожил его. Пес слышал Юрин голос на палубе, слышал шум борьбы и, должно быть, чувствовал, что творится неладное. Но Юра велел ему сидеть смирно, новой команды не поступило, и Рекс только беспокойно перебирал лапами и втягивал ноздрями воздух. Он не имел права отойти от свертка.

Рекс обрадовался приходу женщин. Лизнул им руки, завилял обрубком хвоста. Валя погладила его по голове, шепнула:

— Хорошо, что хоть ты с нами...

Она была напугана. Ее страшила тишина на палубе.

И тут раздался отчаянный стук. Кто-то барабанил кулаками в дверь или стенку. Вслед за стуком донесся приглушенный Юрин голос: «Откройте!»

— Они их заперли! — с ужасом сказала Валя. — Мы пропали!

Рекс напрягся и тихо зарычал.

— Молчать! — прошипела Рита.

Она выглянула из-за ограждения. Стук несся явно из трюма. Их бросили в трюм... Спокойно! Только не поддаваться страху. Мысль работала четко. Сколько их там, на корме? Рита вгляделась. На фальшборте сидело трое. Они курили. Три малиновых огонька в слабом предут-

реннем свете. Три огонька и горьковатый запах, приносимый ветром...

Стук прекратился. Один из тех, в шляпе, кажется, Фармаз, плонул в сторону трюма и засмеялся. Другой, здоровенный, высокий, громко сказал что-то...

Валя прильнула к Рите.

— Знаешь, что он сказал?.. — зашептала она, дрожа и всхлипывая. — Ритка, я прыгну за борт!..

— Не сходи с ума! — Рита сжала ей руку.

Из трюма донесся треск расщепляемого дерева.

— Они там, в трюме, — сказала Рита. — Возьми себя в руки и слушай! Дорога каждая минута. У нас есть мой нож и Рекс...

— Твой нож? Бесполезная игрушка...

— Молчи! Перестань дрожать. У нас единственный выход...

Рита быстрым шепотом изложила свой план.

— Понятно? Не бойся. Главное — ошеломить их. Ну, пошли.

Рита храбро пошла в сторону кормы. Контрабандисты увидели ее. Фармаз соскочил с фальшборта и крикнул:

— Вайста!¹

И пошел ей навстречу. Рита выхватила из-за пазухи нож, громко засмеялась и несколько раз вонзила нож себе в грудь.

Фармаз попятился назад.

— Аман, ханум!² — вырвалось у него.

Тем временем Валя подбежала к трюму, ухватилась за бимс и стала дергать, пытаясь высвободить его из скобы. Тяжелый бимс не поддавался. Изнутри доносился треск дерева...

Рита шагнула ближе к Фармазу и всадила нож себе в шею. Ее неуязвимость и злобный смех произвели именно то впечатление, на которое она рассчитывала: суеверных иранцев охватил ужас. Они прямо-таки окаменели. Перед ними былаperi-джаду, женщина-оборотень, злой дух...

Валя, плача и обрывая ногти, изо всех сил дергала неподатливый бимс.

¹ Стой! (иранск.)

² Помилуй, госпожа! (иранск.)

— Юрик, сейчас!.. — крикнула она.

Фармаз опомнился. Злая гримаса исказила его лицо.

Он выхватил из заднего кармана пистолет...

— Рекс! Фас! — закричала Рита.

Мелькнула мысль: а вдруг пес не послушается?..

Но Рекс послушался. Не успел Фармаз щелкнуть предохранителем и поднять пистолет на уровень глаз, как Рекс вымахнул из-за ограждения. Всю свою силу и злость он вложил в прыжок. Фармаз, дико вскрикнув, упал навзничь, сбитый с ног. Острые клыки впились ему в горло, когти раздирали одежду на груди.

— Вай, джулбарс!¹ — не своим голосом заорал бритоголовый матрос, в ужасе пятясь к борту при виде зверя с черными поперечными полосами на светлой шкуре.

Рита подбежала к Вале. Вдвоем они сразу вырвали бимс из скоб. Теперь — расшвырять доски...

Юра выскочил из трюма, за ним — Валерка. Держа нож у бедра, Юра пошел на рослого рулевого со шрамом. И вдруг остановился: на него смотрело черное дуло автомата.

Когда Рекс прыгнул на Фармаза, рулевой метнулся в кормовой люк и тут же вернулся на палубу с автоматом. Он прицелился в Рекса, но стрелять было нельзя: под собакой корчился и хрюпал Фармаз. Тогда рулевой навел автомат на Юру.

Прикрывая собой женщин, Юра и Валерка попятились к корме. Иранец с автоматом наступал на них. В слабом сумеречном свете лицо его было страшным, нечеловеческим...

Четверо сбились на корме. Дальше отступать некуда. Все кончено. Вот-вот грянет автоматная очередь...

Юра увидел, как бритоголовый поднял пистолет, выпавший из руки Фармаза, и стал тщательно прицеливаться в Рекса.

...Потом Юра рассказывал, что действовал инстинктивно. Наверное, так оно и было. Инстинкт отметил, что шхуна на быстром ходу, на полном бакштаге склонна к уваливанию под ветер и только руль, закрепленный румпель-талями, удерживает ее. Еще раньше он заметил, что грота-фал не добрал до места и гик висит ниже чем надо...

¹ Тигр! (иранск.)

Прежде чем все это оформилось в ясную мысль, Юра полоснул ножом по тугому шкоту румпель-талей.

Все произошло мгновенно. Освобожденный руль больше не сопротивлялся воде, нос шхуны резко покатился под ветер, и огромный парус махнул через всю палубу, как крыло сказочной птицы Рук. Тяжелый гик перекинулся на другой борт и смел с палубы контрабандистов. Бритоголовый, вскрикнув, полетел за борт. Рослый иранец покатился к фальшборту. Он успел нажать спусковой крючок прежде, чем выронил автомат. Прогремела короткая очередь — пули свистнули мимо...

Валерка кинулся поднимать автомат. Юра нагнулся над рулевым — тот лежал без сознания, оглушенный ударом. Под его головой растекалась лужица крови.

— Заглуши мотор и выведи механика! — крикнул Юра Валерке, а сам подошел к Рексу.

Рекс, повинуясь команде, неохотно разжал челюсти. Он продолжал скалиться и рычать. Фармаз с трудом приподнялся на локтях. Его грудь была залита кровью. Он злобно покосился на Юру и прохрипел:

— Загер мард...

Подбежали Валя и Рита. Смеясь и плача одновременно, Валя прижала к себе голову пса.

— Милая моя собачка, — бормотала она. — Умница моя...

Между тем мотор смолк. Валерка вывел наверх мордочку в пестрой рубашке и бараньей шапке, тыча ему в спину дулом автомата. Лицо механика не выражало ни страха, ни удивления. Он просто покорно шел, куда велят.

— В трюм, живо! — скомандовал Юра.

Механик спустился в трюм. Фармаз понуро занес ногу на ступеньку трюмного трапа. Вдруг он обернулся и проговорил на чистом русском языке:

— Отпусти, начальник... Деньги дам. Много денег...

— Д-давай вниз, бандюга! — заорал Юра, заикаясь от злости.

Валерка подтолкнул Фармаза автоматом, и тот скрылся в трюме.

За бортом барабанчился и кричал бритоголовый. Ему бросили с кормы длинный канат. Он взобрался на палубу. Его била дрожь. Он беспрерывно кланялся, прижимая руки к груди. Его тоже отправили в трюм.

Рослому иранцу пришлось перевязать разбитую голову. Он пришел в себя, когда Рита накладывала ему повязку. Встал, шатаясь, и, бормоча проклятия, поплелся туда, куда Валерка указал ему автоматом, — в трюм.

— Да, там еще один, в кубрике! — вспомнила Рита.

Черноволосый «страж» спал младенческим сном. Его растолкали, он сел, блаженно улыбаясь и тараща глаза.

— Фармаз-ага? — пробормотал он и огляделся.

— Начальство ищет! — Валерка засмеялся и выпалил азербайджанскую детскую «дразнилку»: — Фармаз-ага гетты багá, гуш тутмагá, тут емэгá!¹

Теперь вся команда шхуны была в трюме, и трюм был прочно задраен. Юра облегченно вздохнул и обвел взглядом друзей.

— Ну вы, черти босоногие, — сказал он, улыбаясь, — дайте поглядеть на вас... Здорово напугались?

Валя подошла к нему, провела пальцем по его бородке.

— Фу! — сказала она, сморщив нос. — Ты прямо благоухаешь рыбой.

— А вы молодцы, девчонки. Считайте, что я вас поцеловал.

— Это Ритка молодец, — заметила Валя, обняв подругу. — Отчаянная такая... Если б не она...

— Рекс — вот кто молодец, — улыбнулась Рита.

— Все вы молодцы, — заявил Юра. — А мне дайте как следует по шее. Каюсь, это я во всем виноват. — И он нагнулся голову, вытянув шею. — Ну-ну, давайте, все по очереди. Я очень прошу.

И все, смеясь, легонько стукнули его по шее.

— А это за то, что ты нас спас, — сказала Рита и вдруг поцеловала Юру.

— А меня? — сказал Валерка и покраснел от собственной дерзости.

Рита засмеялась и поцеловала его тоже, чуть дернув за ухо. Валерка просиял.

— А знаете, что самое смешное? — сказал он возбужденно. — Я совсем не умею обращаться с этой штукой. — Он протянул автомат. — Как из него стреляют?

Юра взял автомат, повертел в руках:

— Английская машинка. А стреляет, наверное, так.

¹ Фармаз-ага пошел в сад ловить птиц и кушать тут (азерб.).

Он высоко поднял автомат и выпустил длину оче-
редь в воздух.

— Салют! — сказал он и отбросил автомат в сторо-
ну. — А теперь пойдем домой. Стоять по местам!

Через полчаса шхуна, кренясь под свежим ветром, по-
бежала на север.

Г л а в а д е с я т а я, в которой снова появляется Бестелесный

— Вы не понимаете, — сказал он, — кто я
и что я такое. Я покажу вам. Как бог свят,
я покажу вам!

Г. Уэллс, «Человек-невидимка»

В наш век подсчитано все, даже скорость распространения слухов. Знаменитый популяризатор Я. И. Перельман приводит такой расчет: новость, известная одному человеку, через два с половиной часа будет известна пятидесяти тысячам при условии, что каждый узнавший новость расскажет о ней только троим.

Пожалуй, с еще большей скоростью в городе распространился слух о появлении на улице человека-призрака...

— Полноте! — говорили одни. — В наш век среди бе-
лая дня призрак разгуливает по городу? Ну, знаете...

— Невероятно, но факт! — говорили другие. — Чело-
век в обычной одежде, не в какой-нибудь там белой про-
стыне, прошел сквозь мчащийся автобус. Люди видели
своими глазами!

Особенно много пересудов шло о странной гибели че-
ловека-призрака. Правда, многие утверждали, что он во-
все не погиб. Говорили, что он...

Впрочем, расскажем все по порядку.

Опрытин сидел на Приморском бульваре. Мимо сплошным потоком шли гуляющие: в жаркие летние ве-
чера весь город устремлялся к морю.

Из тира доносились сухие щелчки пневматических ру-
жей. Из музыкальной раковины плыли могучие звуки
Первого концерта Чайковского. Охрипший голос, усилен-

ный динамиком, извещал, что морская прогулка — лучший вид отдыха. То ли реклама действовала, то ли погода, но у катерного причала стоял длинный хвост желающих прокатиться по бухте.

На скамейках — ни одного свободного места. Слева от Опрытина ели мороженое и смеялись. Справа — грызли семечки и смеялись. «Весело им! — с неприязнью подумал Опрытин. — Сидят и гогочут!»

Вообще он выбрал не слишком удачное место. Рядом кучка парней обступила пружинный силомер. Они по очереди пытались соединить тугие рукоятки, не сводя выпущенных глаз с пестрого циферблата со стрелкой. Стрелка указывала силу в неизвестных единицах.

Звонил звонок, радостно мигали лампочки силомера, парни выщучивали и подстрекали друг друга.

Николай Илларионович никак не мог собраться с мыслями. Такого с ним никогда еще не бывало, и это злило его.

Всего два часа назад он возвратился с острова. Сойдя с моторки на причал, он сразу взял такси и поехал домой. Здесь была его крепость. За ее надежными стенами он отдыхал от дневных дел и забот, от глупцов и завистников, каковыми считал он большую часть рода человеческого.

Но сегодня одиночество не принесло ему обычного спокойствия. Он был потрясен случившимся...

Холодный душ не помог справиться с сумятицей мыслей. Вдруг Опрытин обнаружил, что под левым глазом неприятно бьется жилка. Он внимательно посмотрел на себя в зеркало. Прижал пальцем жилку; она продолжала пульсировать.

Он постоял перед шкафчиками с фарфором. Повертел в руках маленького Будду китайской работы — гордость своей коллекции.

Нет, невозможно одному...

Он поставил Будду на место и, стараясь не смотреть на диван, вышел в переднюю.

На диване еще совсем недавно спал Бенедиктов.

Надо куда-то идти. Опрытин надел соломенную шляпу и пошел на бульвар.

Шарканье ног по аллеям, обрывки разговоров, музыка, всплески смеха. Звонки силомера. Кажется, Бугров имел какое-то отношение к уличным силомерам.

Подозревает ли что-нибудь эта горилла?

Нет. Конечно, нет. Не в первый раз Бенедиктов остается один в островной лаборатории.

Как же это случилось?

...Когда Бенедиктов спустился вниз, он, Опрытин, некоторое время просматривал наверху графики последних опытов. Он был взбешен разговором. Жалкий наркоман! Отдать другим все, что достигнуто с таким трудом! Ну нет, милейший, не выйдет. Придется вам прежде всего расстаться с институтом. Директора он, Опрытин, сумеет убедить. Формулировка? Ну, это просто: непригодность. Директор еще тогда, когда по настоянию Опрытина зачислял Бенедиктова в штат, высказывал сомнение в необходимости приглашать специалиста-биофизика для разработки ограниченной задачи — сохранения рыбы в условиях ионизации. Задача решена, надобность в специалисте отпала. Очень просто. Затем — обезоружить Бенедиктова. Забрать все бумаги, дневники. Забрать нож. В сущности, нож уже не нужен — есть «зараженные» куски металла, есть портативная установка...

Опрытин собрал нужные бумаги. Вот только общей тетради в клеенчатой обложке не видно. Бенедиктов вел в ней свои записи. Должно быть, оставил тетрадь в институтской лаборатории.

Затем Опрытин спустился вниз, чтобы забрать портативную установку.

Бенедиктов спал, развалившись в парусиновом кресле. Опять забрался в рабочую клетку. Нечего сказать, уютное местечко... Ну конечно, уже впрыснул себе снадобье. Опрытин отбросил ногой коробочку с ампулами, валявшуюся на полу. Хмуро посмогрел на Бенедиктова. Отекшее лицо, спутанные волосы, тяжелое, хриплое дыханье... Полутруп, в сущности...

Опрытин взял черный чемоданчик с портативной установкой. И вдруг услышал легкий шелест и потрескивание. Он взглянул на пульт управления и выругался сквозь зубы: генератор Ван-де-Граафа был включен. Бесконечная шелковая лента, шелестя, бежала со шкива на шкив и несла наверх, в шаровые наконечники, поток статических зарядов. А шары и без того были сильно заряжены...

Маньяк! Опять он, видимо, пытался наладить установку за счет повышения напряженности поля.

Перестроенное вещество не должно было проваливаться вниз: гравитационное поле земли отталкивало его. Так было вначале. Но в последние недели установка словно взбесилась: бетонный пол клетки глотал все, что ни кинь...

Бенедиктова в последнее время будто магнитом тянуло к этой клетке. Возился там часами, переставлял трубы, переключал проводку. Завел даже скверную привычку — отдыхать в клетке. Сколько раз он, Опрытин, убеждал его не залезать туда: долго ли при его рассеянности забыть выключить установку?

Вот и сейчас: проделал очередной опыт, установку, верно, выключил, а вот про генератор Ван-де-Граафа забыл...

Опрытин шагнул к пульту, чтобы выключить генератор, — и замер на месте. Где-то наверху раздался негромкий треск. Из шахты колонн генератора со свистящим звуком скатился ослепительно белый шар величиной с футбольный мяч.

Шаровая молния!

Опрытин оторопело уставился на ее светящуюся, как бы растресканную поверхность. Раскаленный сгусток энергии, разбрызгивая искры, двинулся прямо к его ногам. Дохнуло жаром. Опрытин попятился к лестнице, ведущей в люк. Крышка люка открыта, молния с током воздуха может устремиться туда. А если она взорвется?..

Огненный шар колыхнулся, плавно взмыл вверху, чуть ли не к лицу Опрытина... Поплыл вдоль пульта управления...

Опрытин нашупал рукой за спиной скобу лестницы. Повернулся и стремительно полез наверх. Но не успел он выскочить из люка, как вспыхнул мгновенный слепящий свет, раздалось короткое шипение и резкий металлический щелчок. Спину Опрытина опалило жаром...

Он заставил себя оглянуться. Шаровой молнии не было — она распалась без взрыва.

Клетка была пуста. Только торчала верхняя перекладина кресла...

Ужас охватил Опрытина. Он закрыл глаза. Неистово стучало сердце.

Он вышел из лаборатории и минуты две стоял перед

дверью, чтобы справиться со своим лицом и руками. Когда руки перестали дрожать, он запер и опечатал дверь...

...Бесконечное шарканье ног. Пестрая оживленная летняя толпа.

Что же делать? Как объяснить исчезновение Бенедиктова? Сказать всю правду? Не поверят. Шаровая молния бывает только во время грозы. А грозы не было. Еще никому не удавалось получить шаровую молнию искусственно... Никому... А тут... Кто поверит, что молния возникла из саморазряда генератора Ван-де-Граафа?

Опрытин вздрогнул, вспомнив яркую вспышку и металлический щелчок. Молния, проплывая мимо пульта, замкнула магнитный пускатель установки...

Несчастный случай при опыте? Но тогда начнется расследование, обнаружат установку, не имеющую отношения к конденсации облаков... Возникнет вопрос: где тело Бенедиктова?.. Нет, только не это!

А если так: Бенедиктов остался на острове завершить опыты, пошел купаться и утонул. Труп унесло в море... Но Бугров прекрасно знает, что Бенедиктов терпеть не мог купаться. Поговорить с Бугровым?.. Этот подонок последнее время волком смотрит. Он, видите ли, решил покончить со своим прошлым, а его заставили вскрыть музейную витрину...

Сказать всю правду... В конце концов, он, Опрытин, ни в чем не виноват. Он уже пришел к крупному научному открытию. Не его вина, что Бенедиктов пал жертвой собственной рассеянности. Да, сказать всю правду. Будь что будет...

Вдруг он услышал встревоженные голоса. Поднял взгляд. Южный горизонт был охвачен дрожащим заревом. Далеко в море что-то полыхало.

Поток гуляющих устремился к морю. Опрытин тоже встал и подошел к балюстраде приморской аллеи.

Пожар на морской буровой? Загорелся танкер? Выброс газа? Такие вещи не раз случались на Каспии. У большинства гулявших по бульвару были родные или друзья на танкерах, на морских промыслах. Тревожное настроение охватило город.

Опрытин выбрался из толпы и поехал домой. Всю ночь он не сомкнул глаз. Ходил из угла в угол, валился в кресло, снова вскакивал...

Рано утром зазвонил телефон. Опрытин услышал в трубке звонивший голос директора института.

Мощный выброс грифона на острове Ипатия. Остров Ипатия больше не существует...

Несколько мгновений Опрытин оторопел молчал. Провел ладонью по воспаленным глазам.

— Это ужасно, — сказал он наконец в трубку. — Там остался Бенедиков...

Ипатий больше не существует!

Опрытин принял душ, тщательно побрился, тщательно оделся. Неторопливо пошел в институт — как всегда, подтянутый и аккуратный.

А через четыре дня в бухту вошла грязная рыбачья шхуна. На сигнальном посту охраны рейда безуспешно пытались прочесть в бинокль ее название или номер. К шхуне, вошедшей без оповещения, побежал юркий катерок. Старшина подозрительно оглядел полуоголых, дочерна загорелых людей на борту шхуны и прокричал в мегафон:

— Застопорить мотор!

Шхуна была отбуксирована к таможенному причалу. Портовики изумленно смотрели, как с нее сошли на берег четверо странных людей: долговязый рыжебородый парень в трусах и выцветшей косынке, с ремешками фотоаппарата и бинокля крест-накрест; круглолицый чернявый юноша в синих плавках, со спиннингом в одной руке, патефоном — в другой, с автоматом на шее; белокурая молодая женщина в рваном и кое-как сколотом булавками красном сарафане и большеглазая смуглая брюнетка, которая, несмотря на жаркий день, куталась в зеленое одеяло с двумя желтыми полосами. Все были обожжены солнцем и босы. Только на девушке, задрапированной в одеяло, имелась обувь: босоножка на одной ноге и мужская туфля — на другой. Шествие замыкал здоровенный бульдог с полосатой, как у тигра, желтой шкурой. Он был немедленно и яростно обляян лохматой портовой собачонкой, которая раз в пятьдесят уступала ему в объеме, но не удостоил ее даже мимолетного взгляда.

Экипаж шхуны скрылся в домике управления, а бульдог улегся возле крыльца, в тени, и закрыл глаза, словно

ему было больно смотреть на глупость лохматой соплеменницы.

Вскоре в домик скорым шагом прошел яхт-клубовский боцман Мехти, хорошо знакомый работникам порта. А немногого погодя приехала крытая машина. Из нее вышли лейтенант погранохраны и два автоматчики. Лейтенант тоже вошел в домик, а автоматчики присели на ступеньку крыльца — по другую сторону от бульдога — и дружно задымили папиросами.

Потом произошло еще более странное событие. Лейтенант в сопровождении долговязого парня в трусах и автоматчиков прошел на шхуну. Они скрылись в каюте. Через полчаса они снова поднялись на верхнюю палубу и выбили бимсы из скоб трюмного люка. И тогда из трюма вылез еще один экипаж шхуны. Пятеро хмурых людей, щурясь от солнечного света и издавая острый запах гнилой рыбы, сошли на берег. Когда их вели мимо домика, бульдог пружинно встал и зарычал, оскалив клыки.

Один из пятерки, человек в мягкой шляпе, оглянулся, красивое лицо его исказилось злобой

— Затер мард! — бросил он сквозь стиснутые зубы.

Долговязый парень крикнул собаке:

— Рекс, сидеть!

У ворот лейтенант пожал долговязому руку, и тот сказал что-то, и лейтенант засмеялся. Пятерых обитателей трюма посадили в крытую машину и увезли.

Затем к домику подкатила портовая «Волга». Четверо странных молодых людей сели в нее. Бульдог тоже, с некоторой опаской, забрался в машину. Лохматая собачка проводила «Волгу» истерическим лаем. Выгнав таким образом чужих со своей территории, она вернулась, победно закрутив хвост кренделем, тщательно обнюхала то место у крыльца, где лежал бульдог, затем отбежала к чахлому деревцу и приставила к нему заднюю ногу.

Первой доставили домой Валю. Она наспех попрощалась и, придерживая на плече одеяло, юркнула из машины в подъезд. Она торопилась к матери, которая уже несколько дней оплакивала ее. Затем отвезли Риту.

Валерка попросил остановить машину возле старень-кого одноэтажного дома. Под восторженные крики

мальчишеск, игравших возле дома в футбол, он вбежал во двор. Юра видел, как навстречу Валерке бросилась пожилая толстая женщина.

— Вот мы и приехали домой, старина, — негромко сказал Юра Рексу, когда «Волга» остановилась у подъезда его дома. Он поблагодарил шофера и вбежал по лестнице на четвертый этаж. Рекс прыгал и крутился возле двери. На звонок никто не отозвался. «Еще не приехали», — с облегчением подумал Юра. Его родители как раз накануне отплытия «Меконга» уехали в Кисловодск, в санаторий. Хорошо, что они еще не вернулись...

Юра позвонил соседям. Седоусый старик с газетой в руках открыл дверь.

— А, появился! — сказал он, глядя на Юру поверх очков. — Тут слух прошел, что ты погиб на каком-то острове.

— Нет, не погиб, — довольно глупо сказал Юра.

— Молодец. Жена хотела твоим телеграмму дать, но я отговорил. Я слухам не верю.

— Правильно делаете, — нетерпеливо ответил Юра.

— Ты про события в Конго читал?

— Антон Антоныч! — взмолился Юра. — Ключ от нашей квартиры у вас?

— Так бы и сказал сразу. Вот ключ.

Первым делом — в ванну. Юра яростно скреб тело жесткой мочалкой. Стекала черная от грязи вода. Фыркая, он стоял под душем, снова и снова мылился. Наконец тело заскрипело под пальцами. Насилу отмылся!

Он немного постоял перед зеркалом, с интересом разглядывая усы и бороду, посветлевшие после мытья. Похож на кого-то. Ага, на Стриженова в роли Афанасия Никитина. Побриться? Нет, потом.

Юра оделся и заглянул на кухню. Рекс дремал на своей подстилке. При виде Юры он встал и протяжно зевнул.

— Ты посиди дома, — сказал ему Юра, — а я сбегаю к Кольке, понятно? И притащу тебе чего-нибудь пожевать. Рыбки хочешь?

«Гав!» — с негодованием ответил Рекс.

Минут через двадцать Юра вышел из троллейбуса и зашагал к Бондарному переулку. Там, как всегда, в тени акаций сидели два старика в бараньих шапках и со стуком играли в нарды.

«Ничто не переменилось в этом мире, — подумал Юра. — Что им бури, что им вулканы. Они играют».

— Здравствуйте, дядя Зульгэдар, — сказал он, по-правившись с игроками. — Здравствуйте, дядя Патвакан.

Бараны шапки враз кивнули. Юра направился к арке ворот.

— Эй, молодой! — крикнул ему вслед дядя Патвакан. — К Николаю идешь? Ничего не знаешь?

Юра уже знал от боцмана Мехти, что Николай лежит больной.

— Знаю, — сказал он.

— Ты плохой товарищ, — заметил дядя Зульгэдар. — Николай в море плавал, совсем утонул. Теперь в больнице лежит.

— В больнице? — Этого Юра не знал. — В какой больнице?

— Где его мама работает.

Юра помчался в больницу. Он попросил вызвать медсестру Потапкину. Вскоре Вера Алексеевна спустилась в вестибюль.

— Юрочка! — Ее усталое лицо просияло. Она обняла Юру и немножко всплакнула. — Извини меня, не сдержалась... Тут ведь говорили...

— Знаю, Вера Алексеевна. Как Коля?

— Сейчас лучше. Вчера только пришел в себя, а то все бредил, метался. У него ведь воспаление легких было.

— Говорил я ему, черту упрямому: не затевай такое дело...

— Да еще ему плечо ободрало бревном, много крови потерял, — продолжала Вера Алексеевна. — Все про тебя спрашивает, а я ему говорю: здесь Юра, только не разрешают пускать к тебе... Я эти дни сама не своя. Не может быть, думаю, чтобы Юрик... — Глаза ее опять наполнились слезами.

— Вера Алексеевна, мне нужно с Колькой поговорить.

— Не сегодня, Юрочка. Слаб он еще. Приди завтра.

— А записку передать можно? Понимаете, срочное дело.

— Ну пиши.

Юра вырвал листок из записной книжки и быстро написал:

«Привет, старики! Мы все живы и ждем тебя. Сейчас же ответь: был Бенедиктов в моторке или нет?»

Он передал записку Вере Алексеевне:

— Пусть он ответит одним словом: да или нет.

«Последняя надежда», — думал Юра, нервно вышагивая по вестибюлю в ожидании Веры Алексеевны. Хоть бы он ответил: да. Можно будет сразу выкинуть из головы эту страшную перекладину, торчащую из бетона. Хоть бы!..

Вернулась Вера Алексеевна и подала Юре его записку. Поперек записи стояло крупными буквами:

НЕТ

Войдя в квартиру, Рита сразу увидела, что Анатолий Петрович был здесь. Неубранная постель, пижама, брошенная на спинку стула, стакан с недопитым чаем и сахарница на столе... Очевидно, во время ее отсутствия он жил дома, а не у Опрытина.

Она позвонила в Институт физики моря, но ей никто не ответил: рабочий день уже кончился. Рита постояла в раздумье, потом набрала номер Опрытина. Спокойные, неторопливые гудки. Нет дома. Где же Анатолий?

«Приму ванну... — решила Рита. — Нет, сперва зайду к соседям».

Она вышла на лестничную площадку и позвонила у соседней двери. Открыла девочка с большим белым бантом на голове. Она не знала, где дядя Толя, она его не видела уже несколько дней, а ее мама и папа ушли на футбол.

— А кошка ваша у нас. Вы ее заберете? — с сожалением спросила девочка.

— Поиграй с ней еще. Потом заберу.

Рита вернулась к себе. Мать гостила у родственников в Ростове, вот ее письма в почтовом ящике. Кому же еще позвонить?.. Она вспомнила этого неприятного типа, Владимира. Кажется, он живет в том же доме, что и Николай. Как жаль, что у Коли нет телефона...

Рита приняла ванну, потом снова позвонила Опрытину. На этот раз Николай Илларионович оказался дома.

— Маргарита Павловна? — сказал он изумленно. — Вы в городе?

— Да, как видите. Где Анатолий?

— Простите... — Опрытин запнулся и помолчал не

много. — Вы спрашиваете, где Анатолий Петрович? Разве вы не знаете?..

— Что случилось? — крикнула она в трубку, прижимая ладонь к груди.

— Анатолий Петрович работал в нашей островной лаборатории. Мне больно говорить... Он погиб при неожиданном извержении...

— Вы лжете! Его не было в лаборатории!

— Я понимаю ваше состояние, — мягко и сочувственно сказал Опрятин. — Поверьте, я самым искренним образом...

— Ложь! — закричала она яростно. — Он уехал с острова вместе с вами! Что вы с ним сделали, негодяй?

— Я не могу продолжать этот разговор.

В трубке щелкнуло, посыпались частые гудки отбоя.

Рита медленно опустила трубку на рычаг. Минуту или две она стояла, уронив руки, в мертвой тишине пустой квартиры. В открытую форточку влетела муха и стала биться о стекло.

— Точить ножи-ножницы! — донеслось со двора.

Рита схватила трубку и быстро набрала Юрин номер. Неторопливые гудки. Выждав немного, она снова закрутила диск. Юра не отвечал.

Из больницы Юра примчался домой на такси. Он заился в ванной, погасил свет и принялся проявлять последнюю фотопленку.

За дверью скулил голодный Рекс. Надрывался телефон. Юре было некогда. Валька, наверное, звонит. Погоджет. Потом он ей сам позвонит.

Выхватив мокрую пленку из фиксажа, он зажег свет и нетерпеливо просмотрел ее кадр за кадром. Странно выглядели негативы снимков, сделанных в островной лаборатории. Вот! Клетка, перекладина, торчащая из пола, а ниже — какое-то смутное белесое пятно... Что за чертовщина! Аппарат схватил то, что было под бетоном?!

Юра включил вентилятор, чтобы быстрее высохла пленка.

Теперь — печатать. Он продернул пленку сквозь увеличитель так, чтобы кадр с клеткой стал перед окошком. Подложил бумагу, дал свет. Бросил бумагу в проявитель. В красном свете фонаря на бумаге медленно, слов-

но нехотя, простила клетка, потом верхняя перекладина кресла... Смутные контуры самого кресла и...

У Юры по спине пробежали мурашки.

На снимке простили туманные очертания человеческого тела. Оно полулежало в кресле, снятое странным ракурсом — сверху вниз.

Вова чувствовал себя скверно. Официальное лицо, вызвавшее его к себе повесткой, знало многое из его биографии. Знало даже о том недолгом периоде, когда Вова после демобилизации сделался автоинспектором...

Тогда он, Владимир Бугров, любил стоять на шоссе вблизи колхозного рынка. Он хозяйски оглядывал проносящиеся мимо машины и останавливал иные из них мановением руки. Просмотрев документы шоferа, он говорил:

— Ты хороший мужик. Езжай себе. Только сначала давай выпьем.

Они шли к ларьку. Вова заказывал себе двести граммов, а шоferу пить было нельзя: за рулем не положено. Шоfer только платил. Вова залпом выпивал стакан, молодецки крякал, возвращался на шоссе и выбирал очередную жертву.

Вскоре стоустая молва донесла до управления милиции весть о богатыре-автоинспекторе, который целый день глушит водку чайными стаканами без закуси и при этом сохраняет бодрость и зоркость. Начальство, зная, что Бугров человек непьющий, заинтересовалось. Выяснилось, что Бугров заключил с ларечником соглашение, по которому ему наливалась чистая вода, в то время как шоferы платили за водку. На этом автоинспекторская карьера Вовы кончилась...

— Давно было, — угрюмо сказал Вова, когда официальное лицо напомнило об этом печальном эпизоде.

— Согласен. А спекуляция икрой?

— Тоже бросил...

У официального лица манеры были добродушные, голос тихий и даже задушевный, но Вове от этого легче не стало. Наоборот, у него на душе вовсю скребли черные кошки.

— Допустим, — опять согласилось официальное лицо. — А наркотики?

Вова молчал, царапая ногтем край следовательского стола.

— Я спрашиваю: у кого вы покупали наркотики?

— Фамилию не знаю. Махмудом его зовут, — хмуро сказал Вова.

— Это на углу Девятой Параллельной? Возле авто-колонки?

— Да.

— Арестован ваш Махмуд. И его ленкоранские сообщники арестованы. Там рыбачок один был, принимал в море иранскую контрабанду. Распутали наконец узелок...

Вова исподлобья взглянул на следователя:

— Я, между прочим, не для себя покупал.

— Знаю. — Голос у официального лица вдруг стал жестким. — Покупали не для себя, а человека угробили Вова так и подскочил на стуле.

— Кто угробил? — выкрикнул он. — Сам он себя угробил. Вы, товарищ следователь, бросьте... Я по его сильным просьбам покупал... Думаете, мне...

— Успокойтесь, — негромко сказал следователь. — Я не обвиняю вас. К сожалению, он не мог обходиться без этого... Вы мне расскажите, какие были отношения между Опрятином и Бенедиктовым.

— Не было у них отношений, — твердо сказал Вова. — Грызлись они меж собой. Как на остров идем, так всю дорогу грызня.

— Из-за чего?

— Это — не знаю. За науку не могу сказать. Меня дальше отсека, где двигатель стоит, Опрятин не пускал. По-моему, не клеилось у них что-то.

Следователь предложил Вове подробно рассказать о последней поездке на остров.

— Значит, вы оставили Бенедиктова в лаборатории, — заметил он, когда Вова кончил рассказ, — запломбировали дверь и уехали, так?

Вова с искренним удивлением уставился на официальное лицо:

— Кто ж будет пломбировать дверь, если внутри живой человек остался?

— Н-да, живой человек... — Следователь внимательно разглядывал щекастую физиономию собеседника. — Перед отплытием с острова вы к доту не подходили?

- Нет, я с мстором возился.
- А какой у вас с Опрытиным разговор был на обратном пути?
- Броде не было никакого. Молчал он как сыр...
- Был разговор. Когда вы остановили моторку, чтобы выкупаться.
- Вова еще больше удивился.
- Верно, — вспомнил он. — Говорили, что медленно сегодня идем.
- А еще?
- А еще он спрашивал, на какой пристани сел ко мне Бенедиктов. И не видел ли кто.
- Вот-вот, — кивнул следователь и записал что-то.
- «Так говорит, будто в моторке был с нами, — подумал Вова. — А может, Николай Ларионыч ему рассказал?.. Ну нет, станет такой гусь по следователям ходить, как же...»
- Следователь осторожно вынул из ящика стола плоскую железную коробочку на цепочке и положил ее перед Вовой:
- Узнаете?
- Вову прошиб пот. «Влип!» — подумал он и полез в карман за платком.
- Лично мне, — сказал он скучным голосом, — эта железка не нужна. Я ее для научных целей взял.
- Украл, — поправил следователь.
- Пусть по-вашему... — Вова презрительно откинул мизинцем цепочку. — Я ее чуть кусачками тронул — и все... Не для себя брал.
- За кражу из музея придется отвечать.
- Вова отвернулся к окну. Вот на чем попался...
- Весьма печально, Бугров. Отзывы о вас в институте положительные... Ну ладно. Пока идите. Вот здесь — подпишите о невыезде.

Опрытин побарабанил пальцами по черному чено-данчику, который лежал у него на коленях, и сказал ровным голосом:

— Вы не смеете возводить на меня такое обвинение. Это клевета.

Следователь молча положил перед собой папку. Немало дней прошло, немало изучил он документов и по-

размыслил над ними, прежде чем вызвал на допрос Опрытина.

— Предупреждаю — вы понесете ответственность за клевету.

— Отвечайте на вопросы, гражданин Опрытин, — сухо сказал следователь. — Часто ли вы ссорились с покойным Бенедиктовым?

— Это не имеет значения. В любой работе бывают разногласия, тем более — в научной.

— Почему вы заперли и запломбировали дверь, когда уезжали с острова?

— Неправда. Ключ и пломбир я оставил Бенедиктову.

Следователь тяжелым взглядом посмотрел на Опрытина. Тот спокойно выдержал его взгляд.

— О чем вы спрашивали Бугрова, когда тот на обратном пути остановил моторку для купанья?

— Ни о чем.

Следователь нажал кнопку и сказал вошедшему сотруднику:

— Свидетеля Бугрова.

Вошел Вова. Опрытин даже не взглянул на него.

— Спрашивал, видел ли кто, как Бенедиктов ко мне в моторку садился, — ответил Вова на вопрос следователя. — Они на разных пристанях сели...

— Такого вопроса я не задавал, — спокойно сказал Опрытин.

— Как это — не задавал! — вскричал Вова.

Но следователь жестом остановил его.

— Есть еще один свидетель, — сказал он и опять нажал кнопку.

В кабинет вошел Николай Потапкин. Опрытин смерил его безразличным взглядом, потом демонстративно посмотрел на часы.

Николай подтвердил, что разговор между Опрытиным и Бугровым был.

— Смешно и нелепо! — Опрытин пожал плечами. — Даже если между нами был какой-то разговор, то как мог его там, посреди моря, слышать этот молодой человек?

— Свидетель Потапкин плыл с острова Ипатия дого-
рода, прицепившись к носу вашей шлюпки, — сказал следователь. — Это проверено. Еще вопрос, товарищ

Потапкин: какой разговор произошел между Опрытиным и Бенедиктовым в подземной лаборатории перед... перед исчезновением последнего?

Николай подробно рассказал. Вова недоуменно смотрел на него, приоткрыв рот.

— Признаете, что был такой разговор? — спросил следователь, в упор глядя на Опрытина. — Признаете, что вы крупно поссорились с Бенедиктовым?

Опрытин ответил не сразу. Пальцы его нервно барабанили по чемоданчику. Мальчишки были на острове?.. Он не ожидал этого. Никак не ожидал... Смутное беспокойство не покидало его с того момента, когда жена Бенедиктова позвонила ему и крикнула, что он лжет. Он не стал ее слушать, отнес ее выкрик за счет расстроенных женских нервов... Но теперь оказывается... Что они могли еще видеть там? Впрочем, в лабораторию-то они никак не могли проникнуть... Нет у них никаких доказательств. Лаборатория погибла, и Бенедиктов тоже...

— Н-не было такого разговора, — глухо сказал Опрытин.

— Может, вентиляционной шахты тоже не было в вашем доте? — зло выкрикнул Николай.

Следователь нажал кнопку и вызвал остальных свидетелей. Вошли Юра и Валерик. Каждый из них подтвердил сказанное Николаем.

Все взгляды были устремлены на Опрытина. Он медленно провел ладонью по жидким влажным волосам. Медленно, подбирая слова, проговорил:

— Хорошо. Допустим, мы по-поссорились с Бенедиктовым... (Спокойнее! Взять себя в руки!) Что из этого? Мы поссорились, я уехал, а он остался завершить работу. В тот же день произошло извержение, выброс газа. Лаборатория погибла, и Бенедиктов тоже...

— Вы его убили! — крикнул Юра.

— Ложь! — Опрытин повернулся к нему бледное лицо. — Это ложь! — с силой повторил он. — Подлая ложь!

— Вы включили установку и убили его! — Юра шагнул к столу. — Покажите ему снимки!

— Не торопитесь, Костюков, — властно сказал следователь. — Гражданин Опрытин, в вашей лаборатории были устройства, не имевшие отношения к конденсации облаков. У меня есть фотоснимки оборудования и заключение вашей дирекции. Извольте посмотреть.

Он стал аккуратно выкладывать перед Опрытиным крупные фотоснимки. Опрытин молча скользил по ним взглядом. Вдруг у него задрожали веки. Остановившиеся глазами смотрел он на последнюю фотографию. Клетка, смутные контуры кресла, очертания человеческого тела, снятого странным ракурсом — сверху вниз...

Он прижал пальцы к глазам. Под левым глазом билась жилка. На выбритых щеках его проступила синева.

Следователь кивком отослал свидетелей за дверь.

— Ну? — сказал он.

Опрытин сидел, странно поджав ноги так, что они не касались пола. Он уже справился с волнением: лицо было спокойное, мрачное. Только рука нервно теребила никелированную застежку чемоданчика, лежавшего у него на коленях. Застежка резко щелкнула.

— Ну? — повторил следователь.

Опрытин молчал. Он сидел в напряженной позе, глядя в одну точку. Чуть шевелились его губы, будто отсчитывали секунды.

«Спятил, что ли?» — подумал следователь и нажал кнопку.

Вошел рослый сержант и остановился у двери.

— Уведите арестованного.

Опрытин встал со стула — как-то странно, скакком.

— Вы еще услышите обо мне, — сказал он следователю глухим и каким-то далеким голосом и пошел к двери.

— Вы арестованы. Сержант, задержите его.

Сержант загородил собою дверь и поднял руку. Опрытин на мгновение остановился, затем шагнул в сторону, к стене рядом с дверью, вошел в стену и исчез за ней...

Сержант оторопело посмотрел на следователя, потом метнулся в коридор. Следователь выскочил за ним. Они увидели, как Опрытин шел по коридору. Он шагал, как робот, мерно и как-то деревянно переставляя ноги, ставя их на всю ступню — будто испытывал прочность пола. В правой руке он по-прежнему держал черный чемоданчик.

Сержант догнал его, схватил — но руки прошли сквозь плечи Опрытина, как сквозь пустоту. Только легкое теплое дуновение ощущил он...

— За ним! Не спускать глаз! — крикнул следователь.

Николай, Юра и Валерка остановились в вестибюле, услышав несущиеся сверху шум и крики. По лестнице спускался Опрытин. Он шел прямо на них. Они стали, сомкнув плечи, у него на пути. Опрытин не свернул. Он прошел сквозь них, сквозь осталбеневшего дежурного, который пытался его задержать, и очутился на улице.

Он шел, не сторонясь прохожих, и лицо его было напряженное и белое. Он не замечал, как шарахались от него люди. Не обращал внимания на следователя и сержанта, на «приваловских мальчишек», которые чуть ли не вплотную шли за ним.

Впервые в жизни Николай Илларионович жестоко ругал себя. Что с ним творится? Одна идиотская ошибка за другой... Надо было сразу признаться: да, в лаборатории велись внеплановые эксперименты, но зато сказано новое слово в науке. Рассказать всю правду — так, как он хотел вначале... Всю правду — об установке, о неосторожности Бенедиктова, о шаровой молнии... Внезапная гибель лаборатории сбила его с толку. Но кто мог знать, что проклятые мальчишки заберутся в лабораторию?.. И, конечно, не надо было идти к следователю, когда пришла повестка. Что может понять рядовой следователь в таком серьезном деле? Для него это только уголовщина. Здесь нужна комиссия из ученых. Надо было сразу идти в высокие сферы. Прийти и доложить: достигнут небывалый научный результат... Но и теперь еще не поздно. Через полчаса он доберется до высоких сфер. Он скажет, что просто от испуга умолчал о гибели Бенедиктова... Там сразу поймут. Назначат комиссию. Ему дадут возможность довести дело до конца...

Он дошел до перекрестка и, не глядя по сторонам, шагнул на мостовую, запруженную машинами. Прямо на него надвигался автобус; шофер с перекошенным лицом пытался затормозить, но было уже поздно. Опрытин испытал мгновенный ужас, но в следующий момент...

Пассажиры увидели, как чисто выбритый, хорошо одетый человек, срезанный до колен полом автобуса, пронесся сквозь них, никого не задев, и исчез, оставив слабый запах шипра. Они не успели даже вскрикнуть от испуга и изумления. Только пожилая дама в пенсне оторвалась на миг от книги в пестрой обложке и сказала вслед человеку-призраку:

Тело человека-призрака повисло на передке машины.

— Хулиган!

Между тем Опрытин, совершенно невредимый, пересек улицу и пошел дальше, размахивая чемоданчиком в такт своим деревянным шагам. Он не обращал внимания ни на людей, ни на машины. Последний переход, а там уж рукой подать...

Он медленно переходил наискосок улицу, когда из-за поворота выехал тяжелый грузовик. Опрытин даже не взглянул на него.

Чей-то крик полоснул по ушам. Взвизнули покрышки по асфальту. В двигателе коротко громыхнуло. Грузовик остановился так резко, что водитель, ударившись грудью о баранку, потерял сознание.

Толпа прохожих стеной окружила грузовик.

Тело человека-призрака, неестественно вывернувшись, повисло на передке машины. Правая рука по плечу была скрыта в капоте двигателя...

Поодаль, метрах в двух, лежал черный чемоданчик, наполовину утонувший в асфальте.

Действие проницаемости внезапно прекратилось, и тело Опрытина приобрело обычные свойства в тот самый момент, когда правая рука проникла в пространство, занятное работающим двигателем. Их частицы перемешались, слились в небывалой смеси. Мотор сразу заглох.

Николай и Юра протиснулись к грузовику и — остановились, пораженные страшным зрелищем.

Долгий тревожный сигнал: карета «скорой помощи», медленно раздвигая толпу, подъехала к месту происшествия.

*Глава одиннадцатая,
в которой невиновность Опрытина устанавливается
несколько необычным образом*

Я увидел эту спину, этот тучный торс сзади, в солнечном свете, и чуть не вскрикнул. Спина выдала все.

Ю. Олеша, «Зависть»

Субботний вечер. Привалов лежит на диване с книгой в руках. Рядом, на стуле, — пепельница и пачка сигарет «Автозаводские». Борис Иванович курит и читает; наслаждаясь покоем.

Впрочем, абсолютного покоя не бывает — даже кратковременного.

— Борис, — говорит Ольга Михайловна, нарезая ровными прямоугольниками арахисовый торт. — Борис, ты что же — весь вечер намерен пролежать на диване?

— А что? — Привалов переворачивает страницу.

— Пойдем в кино. Все видели...

— Не могу, Оля. Сейчас Колтухов придет.

— Опять Колтухов! Чего ему дома не сидится!

— У нас дело, Оля.

— Не стряхивай, пожалуйста, пепел на ковер.

— Извини, нечаянно.

— Дело! Вечно дело!.. Просто с ума вы все посходили! — Ольга Михайловна ощущает потребность высказаться. — Мало того, что на работе засиживаешься дотемна, так еще и дома каждый вечер производственные совещания! Приходят, курят, курят — вся квартира пропахла табачищем.

— Курим только мы с Колтуховым, — уточняет Привалов. — Ребята не курят. Они, пока сидели на острове, разучились.

— Раньше хоть на яхт-клуб ходил, а теперь вовсе не бываешь на свежем воздухе.

— Оля, ты же знаешь, мы должны к приезду москвичей подготовить все для испытания. А времени осталось в обрез... — Привалов переворачивает страницу. Разговаривая, он не перестает читать: привычка, достигнутая многолетним упражнением.

Недавно из Москвы пришла весть: в Институте поверхности провели удачный опыт. Струя масла прошла сквозь воду в трехметровом бассейне. Теперь предстояло поставить опыт с нефтью в натуральных условиях — на море. Испытание было назначено на октябрь. В «НИИ-Транснефти» шла напряженная подготовительная работа: собирали сложнейшие схемы, монтировали нестандартное оборудование. Строймонтажный трест выполнял срочный заказ: готовил металлоконструкции.

Особенно много хлопот было с энергетическим узлом. Расчетом этого узла и занимались инженеры, а руководил работой Багбанлы — руководил жестко и придирчиво.

Павел Степанович Колтухов, с тех пор как пошла в дело его электретная схема, стал чуть ли не главным

энтузиастом беструбного нефтепровода. Его кабинет лустовал целыми днями: Колтухов пропадал в лаборатории Привалова. Знаменитая «смолокурня» теперь перекочевала из чуланчика под лестницей в специально оборудованное помещение — там Павел Степанович испытывал новые образцы мощно заряженных электретов.

Кроме того, нужно было подыскать подходящий участок моря: достаточно уединенный, чтобы скрыть ответственный опыт от любопытных глаз, и в то же время достаточно снабженный электроэнергией. Инженеры Костюков и Потапкин уже вторую неделю мотались по ближним побережьям в поисках такого участка. Осторожный Колтухов на всякий случай послал их даже на восточный берег — посмотреть, не найдется ли там чего получше.

Думая о тех краях, Борис Иванович испытал неодолимое желание перечитать «Кара-Бугаз». Он взял с полки коричневый томик Паустовского — и мысленно унесся к мрачным плоским берегам, покрытым бело-розовыми отложениями мирабилита.

... — Не хотела я этого, а все же придется покупать телевизор, — говорит Ольга Михайловна.

Звонок. Поджав губы, она идет открывать.

Входит Колтухов, на ходу расстегивая воротничок и оттягивая галстук. Он садится, вставляет в рот папиросу и начинает рассказывать о том, как сегодня вдрызг разругался с управляющим строймонтажным трестом.

— Чай будете пить? — сухо спрашивает Ольга Михайловна.

— Обязательно. — Колтухов окутывается дымовой завесой. — Слышишь, Борис? Я ему говорю: вы мне со сроками не крутите, я в ваши мысли проникаю отличнейшим образом. И что ты думаешь? Он уставился на меня и спрашивает этак, с опаской: то есть как проникаете? — Колтухов смеется дребезжащим смешком.

Привалов усмехается:

— После истории с Опрытиным проницаемость у всех на языке.

— Еще бы! — замечает Ольга Михайловна, наливая чай в стаканы. — По всему городу ходят слухи о человеке-призраке. Садитесь к столу. Борис, отложи книгу. Не могу понять, — продолжает она, — как он сделал себя

бестелесным? Борис говорил, что на острове у него было какое-то устройство. Хорошо, согласна. Но в кабинете у следователя ведь не было этого устройства? Или он уже с острова приехал в таком... бестелесном виде?

— У него был чемоданчик, — говорит Колтухов, с интересом приглядываясь к арахисовому торту. — По-видимому, портативная установка. Жаль, в таком состоянии, что ничего не удалось понять. Перемешалась, понимаете ли, с асфальтом.

— Должно быть, он выронил чемоданчик, когда на него наехал грузовик, — говорит Привалов. — Поэтому и прекратилась проницаемость... Как он? Не пришел еще в себя?

— Нет, — отвечает Колтухов. — Тяжелый шок. Руку по плечо отняли, несколько ребер переломано...

— Ужасная история! — вздыхает Ольга Михайловна. — И этот Бенедиктов так страшно погиб... Как могло на фотографии получиться его тело, скрытое в бетоне?

— Тоже пока загадка, — говорит Привалов. — Старатик Бахтияр полагает, что превращенное по их методу вещество давало жесткое излучение, действующее на фотопленку.

— Ужасно! — повторяет Ольга Михайловна. — Просто не укладывается в голове, что Опрытин мог совершивший убийство. Так жестоко, хладнокровно...

С минуту все трое молчат. Затем Колтухов отодвигает недопитый стакан, лезет в карман за папиросами.

— Не верю я, — говорит он, занавешивая глаза морщинами бровями. — Не верю в убийство. Знаю Опрытина. Замкнутый человек, со странностями, характер тяжелый, но — убийство? Как хотите — не верю.

— Отчего же тогда погиб Бенедиктов? — спрашивает Привалов. — Ведь доказано, что он погиб до извержения вулкана...

— Не знаю. Несчастный случай какой-то. Сложная установка, превращенное вещество, высокое напряжение... Мало ли что? Вспомни мизинец Горбачевского.

— Бенедиктов никак не мог сам включить установку. Колтухов молчит. Дымит папиросой.

— И потом, — продолжает Привалов, — поведение Опрытина у следователя... Если он невиновен, зачем было врать?

— Мне очень хочется, — помолчав, говорит Колтухов.

хов, — зайти в эту... как ее... электрофизиотерапевтическую... тьфу, не выговоришь... В больницу, где он лежит.

— Не пустят.

— К нему — конечно... Там, видишь ли, работает знакомый медикус, мы в сорок втором в одной части служили. Поговорить с ним хочу. Как и что... Давай сходим завтра, а?

В палату к Опрытину не пускали по двум причинам. Во-первых, он лежал в беспамятстве: тяжелый шок еще не прошел. Во-вторых, он находился под следствием по подозрению в убийстве Бенедиктова Анатолия Петровича, биофизика, кандидата наук.

Все это сообщил Привалову и Колтухову пожилой добродушный врач, давний приятель Павла Степановича. Заложив руки за спину, в распахнутом белом халате, он ходил по кабинету и рассказывал, перемежая речь задумчивыми паузами:

— Случай из ряда вон... Что произошло в организме в результате изменения связей вещества? Не знаем... Физиологическая загадка, дорогие товарищи... Изучаем, конечно. Клинически — очень сложная картина. Резкие сдвиги в формуле крови... Я бы сказал — скачкообразные... Ну, и другие странности... На спине, например, — темная пигментация странной формы. Похоже на геометрический узор... Исход? Ничего нельзя сказать определенно. Пока удается поддерживать деятельность сердца, но что будет дальше... — Врач развел руками. — Не знаю. Глубочайшее, небывалое потрясение...

Возвратившись домой, Привалов засел за расчет подводных излучателей. Работа что-то не клеилась. Он взял томик Паустовского и лег на диван. Глаза скользили по строчкам, но их смысл почему-то не доходил до Бориса Ивановича.

Странный геометрический узор на спине... Это беспокоило Привалова. Это наводило на размышления.

Он постоял на балконе под жарким солнцем полудня. Потом решительно направился к телефону, разыскал в справочнике номер больницы и, вызвав давшего врача, попросил его подробнее рассказать об «узоре» на спине Опрытина.

— Пожалуйста, — несколько удивленно ответил

врач. — Темные пятна цвета загара. Какие-то линии и зигзаги на фоне, знаете ли, этакого восходящего солнца...

— Благодарю вас. — Борис Иванович положил трубку и взволнованно заходил по комнате. Порылся в книжных полках, перелистал несколько книжек. Затем позвонил Ольге Михайловне в библиотеку. — Оля, ты скоро придешь?.. Как всегда? Принеси, пожалуйста, все, что есть в вашей библиотеке про молнию. Про мол-ни-ю. Да-да, про обыкновенную молнию.

А раним вечером Привалов, тяжело дыша после быстрого подъема по лестнице, вошел в квартиру Колтухова. Павел Степанович, поливавший цветы на балконе, глянул на него и обеспокоенно спросил:

— Что еще случилось?

— Павел, ты слышал, что молния иногда оставляет следы на теле жертвы? — выпалил Привалов.

Это случается редко, но — случается: молния оставляет на стене дома или на теле человека характерные следы. Обычно эти следы представляют собой многолучевую звездообразную фигуру, но бывает и так, что на коже человека получается как бы фотография окружающей обстановки. Иногда на коже остается отпечаток предмета, находящегося в кармане: ключа, монеты...

Предполагают, что поток электронов и отрицательных ионов, сопровождающий молнию, отражает окружающие предметы в виде теней.

— Позволь, — усомнился Колтухов. — Все это так, но, насколько я знаю, нынешним летом на Каспии не было ни одной грозы. Откуда же молния?

— А ты помнишь фотоснимки Костюкова? — сказал Борис Иванович. — Помнишь описание их лаборатории, составленное Костюковым? Генератор Ван-де-Граафа, разрядники, батарея электретов... Высочайшее напряжение, Павел! Саморазряд генератора — вот тебе и молния. Шаровая молния.

— Ну, это ты брось. Шаровую молнию как будто еще никто не получал искусственно...

— Верно! Гезехус, Чирвинский, Науэр пытались получить ее, но не добились. А вот тебе последние данные: академик Капица установил, что время высвечивания шаровой молнии превосходит энергетические возможно-

сти ее объема, и заключил, что она питается энергией со стороны, сантиметровыми радиоволнами. Капица считает...

— Сантиметровыми радиоволнами? — перебил его Колтухов. — Кажется, у них в лаборатории был генератор сантиметровых волн.

— В общем, Павел, надо нам самим посмотреть. Надо добиться разрешения. Звони старику Бахтияру!

«Геометрический узор» на спине Опрытина был тщательно обследован в присутствии следователя и опытных экспертов. Темные пятна и линии были сопоставлены с фотографиями и описанием установки, и вот в результате экспертизы выявились следующие факты.

Странный отпечаток на спине подследственного оказался не чем иным, как тенью клетки с человеческой фигурой, наполовину погрузившейся в бетон. Кроме того, различалась слабая тень спирали «индуктора превращений» и четкий профильный силуэт пульта управления.

Причиной отпечатка была шаровая молния, которая возникла, по всей вероятности, от мощного саморазряда генератора.

Накануне катастрофы Бенедиктов сидел в кресле внутри рабочей клетки. Клетка включена не была.

Опрытин находился у выходного люка, спиной к пульту управления, очевидно желая выбежать из помещения. За время между включением клетки и погружением Бенедиктова до половины Опрытин никак не мог добраться от пульта до выходного люка, так как процесс проникновения идет мгновенно.

Вывод (подтвержденный положением тени пакетного выключателя на профиле пульта управления): *магнитный пускателю сработал от приближения шаровой молнии*, находившейся в этот момент между пультом и Опрытиным.

Вечером следующего дня Колтухов снова сидел за чаем у Приваловых и рассказывал Ольге Михайловне о результатах экспертизы.

— Если бы светлая голова этого старого фантазера, — он кивнул на Бориса Ивановича, — так бы и висело над Опрытиным страшное обвинение.

— Выходит, Опрытин лгал следователю только потому...

— Боялся, что ему не поверят, — подтвердил Колтухов. — Не знал же человек, что носит на собственной спине этакое доказательство!

— Наверное, отпечаток был не болезненный, — заметил Привалов. — Кожа на спине совсем не повреждена. Молния-то была искусственная, слабенькая.

— Слабенькая, а на магнитный пускатель силы хватило...

— Кстати, Павел, — сказал Борис Иванович. — Присмотрел я тут несколько книг про молнию. Любопытные вещи с точки зрения истории техники. Оказывается, четыре тысячи лет назад в Египте Рамзес Третий приказал поставить вокруг храма Эдфу сорокаметровые деревянные мачты, обитые позолоченной медью, для защиты от «небесного огня». Каково?

— Изрядно, — откликнулся Колтухов. — А вот послушай, как мы в детстве однажды...

— Погоди, — прервал его Борис Иванович. — Еще интересная деталь. Оказывается, древние жрецы в том же Египте делали какие-то штуки, заряжавшиеся от атмосферного электричества, и током убивали людей. Жертвоприношения небесным силам. А сами, представь, во время этой гнусной церемонии надевали металлические латы и заземляли их.

— Изрядно, — повторил Колтухов. — Давненько; однако, род человеческий балуется электричеством...

Окончив чаепитие, они заговорили о текущих делах.

— Ты показал Бахтияру последний расчет? — спросил Привалов.

— Да. Между прочим, зря ты не поехал сегодня со мной к старику. Он у себя целый консилиум собрал по гороскопу.

— Зачем?

— Вот и я спрашиваю его: «Зачем вам эта мистика Бахтияр-мюэллим?» «Интересно, — говорит. — Там историк один сидел, ловко, собака, прочитал гороскоп».

— А ну-ну? — заинтересовался Привалов.

— Оказывается, гороскоп вот для чего составлен...

РАССКАЗ О ТРЕХ ЯЩИЧКАХ. ОКОНЧАНИЕ

...Когда умолк стук копыт, граф де Местр упал в кресло. Сухонькие руки впились в подлокотники так, что по-

белели суставы пальцев. Острая боль в груди... Граф застонал и закрыл глаза. Когда боль отпустила, он кликнул слугу, велел снять нагар со свеч и принести горячего кофе.

Послать погоню? Нет смысла. Дерзкий русский уже, конечно, далеко. Да покарает его господь!

В России остались верные слуги ордена, он им напишет. Они не спустят глаз с Арсения Матвеева, вольнодумец не уйдет от возмездия.

Главное — ключ тайны. А ключ тайны — у него в руках. Де Местр взял со стола пергамент, взгляделся в круг генитуры, в знаки зодиака и знаки металлов. Работа учёного-астролога вызывала уважение. Итак, ровно через сто лет после того, как волшебный нож попал в его, де Местра, руки, родится тот, кто овладеет тайной ножа и принесет новую славу ордену Иисуса. Могущество ордена станет безграничным, а больше ему, де Местру, — видит бог! — ничего не нужно.

Счастливый избранник рождается в тысяча девятьсот пятнадцатом году... Синьор астролог хорошо вычислил расположение звезд в день рождения мальчика, указал приметы, по которым его можно будет разыскать, детально изучил его судьбу. Счастливая, завидная, необыкновенная судьба!..

Старый граф медленно сложил пергамент и спрятал его в плоский железный ящичек с четкой гравировкой на крышке: «AMDG»...

Завещание графа де Местра не было забыто. Сто лет спустя отцы-иезуиты, пользуясь приметами, указанными в гороскопе, выбрали новорожденного и убедили родителей поручить воспитание ребенка иезуитскому колледжу.

Витторио да Кастильоне родился смышленым, но замкнутым подростком. Не по-детски холодно и равнодушно смотрели его глаза на суетный мир, простиравшийся за стенами колледжа.

А когда избраннику исполнился двадцать один год, ему в торжественной и мрачной обстановке рассказали о высоком назначении, предначертанном в прошлом веке. Юный иезуит узнал, как достопамятный де Местр позаботился о грядущем величии ордена и как некий русский вольнодумец похитил у него тайную рукопись и волшебный нож. Теперь он, Витторио, обязан вернуть ордену источник и доказательство великой тайны с тем, чтобы

лучшие умы католического мира проникли в нее *ad majorem Dei gloriam* — к вящей славе господней.

И он узнал все о семье Матвеевых — сведения, тщательно собранные орденом, были записаны на обратной стороне гороскопа. Он повесил плоскую железную коробочку с пергаментом себе на шею, рядом с маленьким золотым распятием, и преклонил колени и торжественно поклялся исполнить свою миссию.

Витторио да Кастильоне усердно готовился к своему часу. Он изучил русский язык и овладел морским делом в школе «подводных всадников» в Ливорно. А когда дивизии Гитлера, а вслед за ними и дивизии Муссолини двинулись на восток, молодой офицер-подводник Витторио да Кастильоне отправился в составе Десятой флотилии на русский фронт.

Он побывал в Севастополе и Мариуполе. В конце августа 1942 года Витторио оттолкнулся от крыла «Юнкерса» и смело прыгнул с парашютом в ночную мглу. Его сбросили в горной местности возле Дербента. Здесь, на берегу Каспия, он должен был выбрать место для базирования своей флотилии, а затем пробраться с важным диверсионным заданием на юг, в крупный приморский город. Там, по его сведениям, жили нынешние потомки Федора Матвеева — их имена он твердо помнил.

Близился его великий час...

В пустынных каменоломнях близ Дербента, стариинного города Железных Ворот, Витторио искал укромное месечко, чтобы спрятать на время свой груз — радио, акваланг и прочее. Внезапно земля ушла из-под ног, и он полетел вниз и был придавлен тяжелым камнем, выдолбленным и залитым свинцом древними мастерами мифического царства ассасинов...

Так погиб, к вящей славе господней, Витторио да Кастильоне, двадцати семи лет от роду, избранник иезуитов.

Ольга Михайловна подставила Колтухову пепельницу и сказала:

— Какая грустная история! Неужели в наш атомный век еще возможен средневековый религиозный фанатизм?

— Чего там говорить об иезуитах! — Привалов захо-

дил по комнате. — В наш атомный век есть на Западе вполне образованные физики, которые всерьез рассуждают о четвертом измерении, населенном духами.

— И о свободной воле электрона, — добавил Колтухов. — А у нас, дражайшая Ольга Михайловна? Вы думаете, у нас перевелись гадалки и знахари? И не думайте, что это старорежимные замшелые старушки. Мне рассказывали об одной гадалке — она принимает клиентов в белом халате и перед гаданием измеряет им кровяное давление.

— Ну ладно. — Привалов включил лампу над письменным столом. — Давай-ка займемся подводными излучателями.

Глава двенадцатая, приводящая наших героев на остров Птичий Камень

*Так вот ты какая!..
Направо — жара, солончак, барханы,
Налево — бархан, солончак, жара.*

Н. Тихонов, «Полустанок в пустыне»

Ранним утром два долговязых молодых человека вышли из здания аэропорта и сели в автобус.

Незачем пояснять, что это были инженеры Костюков и Потапкин. Самолет только что доставил их из Краснодарска.

Казалось бы, что трудного — найти небольшой участок моря меж двух берегов, если есть подобнейшие морские карты. Но вот уже сколько времени рыщут Николай и Юра по побережьям, а такого участка, который подошел бы по всем статьям, не нашли.

Вот и за море они слетали, осмотрели пролив между Челекеном и островом Огурчинским и другие места — тоже ничего подходящего. В последний день командировки молодые инженеры решили съездить на Краснодарскую косу. Долго бродили они по унылым прибрежным пескам и возле поселка Кызыл-Су вдруг наткнулись на каменный обелиск, увенчанный пушечным ядром и крестом. Памятник окружала ограда из якорных цепей, ступени его были занесены мелкими песчаными волнами.

«Красноводскій отрядъ — сподвижникамъ Петра Перваго», — прочли они потемневшую надпись. Потом шли даты, среди них — «1719». Еще надпись:

Въ пустынѣ дикой
Васъ, братья, мы нашли
И теплою молитвою
Вашъ прахъ почли.

— Постой, 1719 — это, случайно, не дата гибели экспедиции Бековича-Черкасского? — вспомнил Николай.

— Кажется, — сказал Юра. — Не знал, что участникам экспедиции памятник здесь поставлен... Видишь дату — 1872? Должно быть, в том году соорудили.

Они постояли перед обелиском, сфотографировали его и попутным катером вернулись в Красноводск. Задумчиво смотрели с кормы на уплывающую в вечернюю дымку косу, и воображение их рисовало старинные корабли у этих плоских песчаных берегов, сумрачного князя Черкасского с приставленной к глазу подзорной трубой, беспокойного, колючего гидрографа Кожина, склонившегося над картой, веселого, ясноглазого Федора Матвеева, не догадывающегося еще, какая трудная и необычная судьба его ожидает...

«Въ пустынѣ дикой васъ, братья, мы нашли...» Строки, высеченные на обелиске, не выходили из головы. Странное дело: и раньше Николай и Юра не сомневались в достоверности матвеевской рукописи, но герои ее рисовались их мысленному взгляду как бы черно-белыми отисками старинных гравюр; теперь они вдруг встали перед ними во плоти — обожженные солнцем пустыни, истомленные жаждой, в пропахших потом рубахах...

Итак, прилетев рано утром из Красноводска, наши друзья сели в автобус и поехали в город. Они молча смотрели в окно на знакомый с детства пейзаж: лес нефтяных вышек, серебристые резервуары, небольшие озера, окаймленные коричневой полосой мазута, бесчисленные переплетения труб. Юра задремал, свесив голову на грудь. Николай толкнул его локтем в бок, сказал грубо:

— Очнись, сонная тетеря. Что начальству докладывать будем?

— Вот я доложу тебе сейчас по шее! — проворчал Юра и снова закрыл глаза.

— Из всего, что мы видели, лучшее место — это все-таки Птичий Камень, — продолжал Николай. — Недалеко, и глубины подходящие. Слышишь, Юрка? — Он опять ткнул его в бок.

— Самое паршивое место Птичий Камень! — сердито сказал Юра, отодвигаясь от Николая.

— Почему?

— Потому что голое, необорудованное.

Через некоторое время, когда автобус уже катил по улицам города, Юра сказал:

— Вообще, конечно, лучше Птичьего Камня не найти.

— Не подойдет твой Птичий Камень, — отозвался Николай.

— Почему?

— Гиблое место. Необорудованное.

— Ну, ты как хочешь, — заявил Юра, — а я буду докладывать о Птичьем Камне.

Они договорились через час встретиться в институте и разошлись по домам — помыться с дороги и позавтракать.

Бондарный переулок еще спал. Утренний ветерок робко шелестел в пыльных ветвях акаций. Где-то в открытом окне засиял будильник.

Николай прошел под аркой. Во дворе он увидел Вову. Атлет не спеша приседал и выпрямлялся, в руках у него были крупные гантели. Он таинственно подмигнул Николаю, потом поманил его пальцем и сказал громким шепотом:

— Позавчера у нас в институте собрание было. На поруки меня взяли, понял?

— То есть как? — не понял Николай.

— Тugo до тебя доходит. Не выспался, что ли? Ты московскую железку помнишь, которую я в музее взял?

Николай кивнул.

— Ну вот. Под суд хотели меня, понял? А за что? Для себя я, что ли, брал? Мне она нужна была, как петуху тросточка. Собрание меня уважило: на поруки взяли. Единогласно, понял? Только замдиректора по хозяйственной части воздержался.

— Поздравляю, — сказал Николай.

— Спасибо! — Вова поиграл гантелями. — А Опрытина-то — слышал? — оправдали вчистую.

— Оправдали?

— Ага. Анатолия Петровича знаешь что убило? Шариковая молния.

— Что-о?..

— Шариковая, говорю, молния. Научное явление, понял?

Николай махнул рукой и взбежал по лестнице к себе.

Пока он умывался, покряхтывая и разбрызгивая воду, мать хлопотала у газовой плиты, рассказывала о домашних делах.

— Вот голова! — воскликнула она вдруг. — Самое главное забыла сказать. Вчера вечером приходила Рита.

Плеск и кряхтение разом прекратились. Николай повернулся к матери намыленное лицо.

— Рита?..

— Да. Пришла и говорит: «Здравствуйте, я Рита, которая когда-то жила в вашем доме. Матвеева». А я говорю...

— Зачем она приходила? — нетерпеливо прервал ее Николай. Мыльная пена щипала ему глаза, он тер их пальцами.

— Не знаю. Просила, чтобы ты позвонил, когда вернешься.

Николай поспешил закончил умыванье, вытерся, натянул рубашку и кинулся к двери.

— А завтрак? — крикнула мать вдогонку. — Куда же ты?

— Звонить! — уже с лестницы донесся голос Николая.

Занятия еще не начались — стояла вторая половина августа, — но Рита ежедневно ходила в школу. Она затянула переоборудование кабинета биологии, расширяла школьный опытный участок, — работы хватало. В этом было ее спасение.

Валя часто забегала к ней по вечерам. Несколько раз приходили Николай и Юра. А однажды нагрянул весь экипаж «Меконга». В этот вечер героям был Валерка Горбачевский. Он уже третий день не расставался с номером академического журнала, в котором была по-

мещена небольшая статья Багбанлы о перестройке внутренних связей вещества. В статье упоминался «эффект Горбачевского» — так назвал старик Бахтияр памятный случай с Валеркиным пальцем. Валерка, сияя, показал Рите статью. Рита ничего в ней не поняла — статья почти сплошь состояла из формул и пучков кривых в координатных угольниках, — но поздравила Валерку, который и сам ничего не понимал в статье. Юра подшучивал над ним, утверждал, что слепок с Валеркиного пальца, а может быть и сам палец, скоро будет выставлен в Москве, на Выставке достижений народного хозяйства.

Но вечера, когда Рита оставалась наедине со своим горем...

Она не находила себе места. Бродила по комнатам, бесцельно трогала и переставляла вещи. Подолгу стояла у книжных полок, листала его книги. Ей попадались карандашные пометки на полях, сделанные его рукой, — она всматривалась в них, пытаясь разгадать смысл отчеркиваний и значков.

Она видела Анатолия таким, каким он был в начале их любви, — веселым, увлеченным, общительным. Он умел безудержно фантазировать и посмеиваться над собственными фантазиями. Да, именно таким он жил теперь в ее памяти.

Иногда — гораздо реже — Рита вспоминала последнюю встречу с Анатолием во дворе Института физики моря. «Помнишь, как мы в прошлом году плыли по Волге?» — грустно спросил он тогда. Это были его последние слова — последние, которые она слышала. Уходя, она оглянулась. Он стоял возле газона, залитого солнцем, и смотрел на нее, и руки у него были опущены...

Она гнала прочь это воспоминание. Она не хотела плакать.

Однажды Рита наткнулась на общую тетрадь в синей клеенчатой обложке, затиснутую меж двух толстых книг. Стала листать ее. Это было нечто среднее между дневником и рабочей тетрадью. Заметки для памяти чередовались с записями хода экспериментов, формулами, схемами. Были здесь и записи другого рода, какие поверяют только дневнику. Вначале — стремительный, четкий почерк, точные формулировки, аккуратные схемы, в конце — неразборчивые каракули, нанесенные неверной, трясущейся рукой, пытавшейся догнать горячеч-

ные мысли, которые рождались в перевозбужденном мозгу.

Забившись в уголок дивана, Рита читала и перечитывала тетрадь. И — не выдержала: упала ничком, разрыдалась. Кот Пронька недоуменно щурился на нее из своего угла. В первый раз она плакала — горько, безутешно. Ее бил озноб.

Утром она позвонила Юре, ей сказали, что он уехал в командировку. Она пошла на работу и до вечера провозилась на школьном участке. А потом, медленно идя по шумным и жарким улицам, вдруг поняла, что не может просто не прийти сейчас домой в пустую квартиру...

Рита пошла в Бондарный переулок. Вот и знакомый двор. Она остановилась, вся во власти щемящего чувства. Какой он стал маленький и старый, двор ее детства! Вот лестница. И фикусы, выставленные для поливки. Застекленная галерея их старой квартиры... Сколько раз она выбегала отсюда навстречу отцу, кидалась ему на шею... Сейчас здесь висит вывеска «Ремонт капроновых чулок», а за распахнутой дверью ходит дородная женщина в пестром халате, и половицы скрипят под ее грузными шагами. Да, да, там и раньше скрипели половицы...

Медленно, как во сне, поднялась Рита на второй этаж. Ей открыла пожилая женщина с добрым и знакомым лицом.

— Здравствуйте, Вера Алексеевна. Я Рита, которая жила когда-то в этом доме. Рита Матвеева...

— Ни за что бы не узнала! — Вера Алексеевна обняла ее, повела в комнату. — Жаль, Коли нет. В командировку уехал.

— И он в командировке?..

Вера Алексеевна не отпустила ее, усадила пить чай. Рита пила чай с вареньем и все косилась на большой фотопортрет в рамке. Насупленный чубатый мальчишка в белой рубахе с высоко закатанными рукавами — это Коля. Такой, каким был тогда...

Она долго просидела у Веры Алексеевны. Хорошо было слушать ее неторопливый разговор. Уходя, сказала тихо:

— Спасибо вам.

— За что? — удивилась Вера Алексеевна.

Звонок. Кто бы это в такой ранний час? Рита выскочила из ванной комнаты, побежала к телефону. В трубке — знакомый глуховатый голос:

— Извини, что так рано... Понимаешь, только что приехал из командировки, мать мне сказала...

— Ничего, Коля. Я уже не сплю. Здравствуй.

— Здравствуй. — Неловкая пауза. — Забыл даже по здороваться...

Она улыбнулась:

— Ничего. Мне нужно поговорить с тобой.

Они встретились на троллейбусной остановке возле Ритиной школы. Николай с нескрываемой тревогой взглянул на Риту:

— Что-нибудь случилось?

— Я нашла тетрадь Анатолия. Его рабочие записи. Я много не поняла, но... Может быть, вам они пригодятся. — Она вынула из портфеля тетрадь в синей обложке. — Вот, возьми. Почитай сам, можешь дать Привалову или этому московскому академику, которому вы послали нож.

— Хорошо, Рита. Я сегодня же прочту.

— И еще... — Она понизила голос и на секунду закрыла глаза. — Имя Анатолия связывают с гадкими слухами. Коля, ты должен сделать так, чтобы его имя... Чтобы узнали правду.

«Ах, если бы ты разрешила мне сделать это раньше! — подумал он. — Если бы тогда, в поезде, не связала меня обещанием. Какую ошибку ты совершила!..»

— Хорошо, Рита, — сказал Николай. — Я сделаю все, что смогу.

Она быстро пожала ему руку:

— А теперь иди. И не исчезай надолго. Звони.

Николай помчался к себе в институт. Юра уже сидел в кабинете у Привалова и излагал свои соображения относительно Птичьего Камня.

А во второй половине дня Юра и Николай на институтском катере отплыли на Птичий Камень — небольшой остров в нескольких милях от берега.

Островок был плоский и круглый, как тарелка. С на ветренной стороны возвышалась черная скала, обкатанная прибоем. Эта скала, в которой гнездились чайки, и дала имя островку.

До вечера наши друзья размечали площадку для бу

дущих сооружений. Катер должен был вернуться за ними лишь на следующий день.

Они разбили палатку, разожгли примус, наскоро приготовили испытанный «кондёр». Затем Николай вытащил из рюкзака тетрадь в синей клеенчатой обложке. Друзья легли рядом на песок и принялись читать.

ИЗ ДНЕВНИКА БЕНЕДИКТОВА

12 мая

Пока ничего не получается. Но я чувствую, что прав. Биотоки должны быть основой. Их природа настолько своеобразна, что получить их искусственно нельзя. Времени мало, приходится работать дома, по ночам. Если бы иметь свою лабораторию! Но об этом заявлять еще рано. Не примут всерьез. Не приняли же мою статью.

19 мая

Сон — бессмысленная трата времени. К трем часам ночи слипаются глаза. Попробовать разве?.. Буду осторожен. Один укол, половина куб. см в день — и мозг ясен, усталости как не бывало. Доза безопасная. Ритке, конечно, ни слова.

3 июня

Сегодня размечтались с Ритой. Великое Проникновение в глубь Вещества!

7 июня

Рита требует, чтобы я взял отпуск. «Переутомился, первые вспышки...» В самом деле, стал раздражительным. Чуть-чуть увеличил дозу. Ничего, не страшно. Вчера попробовал новый режим облучения рыб. Кажется, обнадеживающий результат. Искать дальше!

28 июня

Тупик. Иногда кажется, что я совершенная бездарность. Устал. Придется взять отпуск. Рита хочет ехать по Волге.

15 августа

Идиотская история на теплоходе. Сам не понимаю, как получилось. Вспылил. Черт бы побрал этого рецензента! Нож утонул. Что теперь делать? Нож все время нужен для проб. Рита кинулась за борт. Не нашла, конечно. Разве найдешь? Проклятая вспышка! Теперь все погибло.

17 августа

Продолжаю работать. Ведь тот, кто сделал нож проницаемым, тоже начал на голом месте. А впрочем, кто его знает: может, у него был какой-то исходный материал?

24 августа

Неделя больших событий. Работаю с Опрытиным. Я не хотел, но... Так получилось. Пороху он, пожалуй, не выдумает, но мыслит остро. А мне нужен именно физик. Да, правильно сделал, что согласился. Поставили очень интересный опыт. Игла вошла в металл — и сразу тряхнуло. Силы отталкивания? О. считает эту минуту великой. Сейчас попробую восстановить в дневнике все фазы опыта...

11 сентября

Перешел в Институт физики моря. Работаю в лаборатории О. Удобно во многих отношениях. Главное — лаборатория на острове Ипатия. Никто не мешает опытам. Собираем оборудование. О. разработал солидную энергоустановку. Узнал, что в мое отсутствие приходили приваловские мальчишки. Они нашли рукопись Матвеева. Теперь ищут нож?

2 октября

Никак не удается повторить тот эффект. Случайность?.. Без ножа — как без рук. О. уверяет меня, что нож не утонул. Он искал в том месте. Где же он? У Риты? Не может быть. Правда, она усиленно уговаривает меня бросить опыты. Но прятать нож?..

9 октября

Шесть ампул в день — без этого я не человек. Бугров достает где-то. Дерут бешеные деньги. Отвыкать бу-

дет трудно: хлористый кальций, горячие ванны... Но пока не могу обходиться. С Ритой — разлад у нас. Плохо. Ладно, кончу работу — все наладится. О. настаивает, что нож у нее...

15 октября

Нож! Нужен нож. Теперь я убежден: он может передать в соответствующих условиях свои свойства. Установка «заражения»! Да, это мысль. Имел на острове разговор с О. Установка «заражения», перекрещ. поля, электреты... О. собирается в Москву за каким-то «ключом тайны». Чепуха.

22 октября

Те, приваловские, добились какого-то интересного эффекта проницаемости. На квартире у Потапкина — это сосед Бугрова. Каким путем они идут? У них мощная поддержка — ак. Багбанлы. Надо торопиться. Нет ножа! Искал дома, все перерыл. Нет. О. обещает добыть.

18 декабря

Ушел из дома. Живу у О. Рита узнала об уколах. Скверно получилось. И еще этот проклятый нарыв. Лаемся с О. ежедневно. Рита звонила. Я не подошел к телефону. Старый упрямый идиот! Рита, ты потом все узнаешь — и простишь!

10 января

О. прилетел из Москвы с ножом! Она отдала ему нож. Поняла, что я все равно не брошу поиски, и отдала. Спасибо тебе, родная! Теперь — за работу! А «ключ тайны» оказался каким-то нелепым гороскопом. Надо было видеть, как бешено ругался О. Черт с ним. За работу!!

1 марта

Не вылезаю с острова. Установка «заражения» работает. Собаки в клетке становятся проницаемыми. Не могу понять: почему проницаемые собаки едят непроницаемую похлебку? Куски мяса пытаются схватить, но толь-

ко щелкают зубами. А похлебку жрут. Дышат, пьют и едят похлебку. Если бы узнать, как питался Бестелесный Федора Матвеева! И еще загвоздка: проницаемость, достигнутая нами, кратковременна...

27 марта

Вернулся домой. Обещал Рите: как закончу работу, пойду к д-ру Халилову. Сам чувствую: здоровье пошатнулось. Проницаемость есть — нет стабильности. Все чаще приходит в голову: зачем мучиться в одиночку? Привалов, Багбанлы и москвичи повели работу широким фронтом. Пойти к ним?.. Нет, не пойду. Да и осталось немного.

12 апреля

Опрыгин сделал портативную установку. В чемоданчике — мощная батарея электретов. Она дает постоянное поле, а собственные биотоки того, в чьей руке чемоданчик, — переменное поле. То же, что в большой установке, только проще. Источник «заражения» — кусок превращенной меди. Правая застежка чемодана включает установку, левая — дает обратное превращение. Пробовали установку. Вокруг человека, по контуру — превращенная зона до 6 см. Одежда попадает в зону. Странное ощущение. Ходить надо, опуская ступни плашмя. На некотором расстоянии от гравитационной массы — земли — превращенное вещество притягивается к ней. При соприкосновении с ней (с ближайшей по вертикали к центру земли точкой) отталкивается. Надо учиться ходить в таком состоянии. Чтобы сесть на стул, надо слегка подпрыгнуть и садиться в тот момент, когда ноги отрываются от земли. Иначе зад проваливается сквозь стул. Отталкивается от гравитационных опор только ближайшее к ним. Чемоданчик хорош. Почему проклятая стабильность в руки не дается?

28 мая

Все время неожиданности. Вчера собака провалилась сквозь бетон. Бугров бунтует: не хочет возить на остров собак. Жалеет, сентиментальный идиот. Привез пять коробок ампул и заявил, что больше не хочет доставать.

10 июня

Клетка взбесилась. Глотает все. Целыми днями торчу в клетке. Ни черта не понять. Скверно себя чувствую. Хватит. Надо собрать материалы и идти к Привалову.

24 июня

Сегодня Рита приходила в институт. Будто из другого мира пришла... У нее грустные глаза. Скоро, скоро, милая. Подожди еще чуть-чуть. Ее пригласили совершить прогулку на яхте. Пусть сходит, проветрится.

13 июля

Дома духота, все окна закрыты, пылища. Рита уехала. Завтра еду на остров в последний раз. Заберу нож и материалы последних опытов. Подготовлю сообщение для академии. Это не победа, когда идешь на ощупь и не понимаешь сути явления. Сколько сил потрачено! Сколько тяжких жертв! Нет, я еще не конченый человек. Лягу в больницу к Халилову. Решено!

*Глава тринадцатая,
завершающая книгу, но открывающая новые перспективы*

Император Клавдий передает, что от Киммерийского Боспора¹ до Каспийского моря 150 000 шагов и что Селевк Никатор хотел прокопать этот перешеек, но был в это время убит Птоломеем Керавном.

Плиний Старший, «Естественная история»

Трасса опытного участка проходила между материком и Птичьим Камнем. На ее концевых точках уже были закончены дноуглубительные работы и установлены в воде башни опорных металлоконструкций для крепления передающего и приемного излучателей.

На материке к отправной станции тянулся обыкновенный стальной трубопровод. Круто изогнувшись, он уходил по решетчатой металлоконструкции вертикально

¹ Керченский пролив.

вниз, в воду. На глубине двадцати метров под водой он оканчивался пластмассовым коленом, обращенным широким раструбом в открытую море. На раструбе помещались, одно за другим, два больших, надежно изолированных кольца Мёбиуса. Позади колена в герметичной камере стоял генератор необычной конструкции, соединенный с кольцевой решетчатой антенной, которая окружала раструб. От колец и генератора шли толстые кабели к щитам береговой станции, где находилась сложная электронная аппаратура управления.

Такое же сооружение было смонтировано на Птичье Камне. Оба раструба — у материка и у Птичьего Камня — располагались строго на одной оси. Это была трудная, «ювелирная» работа — поставить их так, чтобы они в упор смотрели друг на друга через семикилометровый пролив. Геодезистам и водолазам пришлось немало помучиться с установкой.

Замысел заключался в следующем. Береговой трубопровод направит нефть под воду. Выйдя из раструба, нефтяная струя пройдет сквозь поле первого кольца Мёбиуса и приобретет свойство проницаемости, а поле второго кольца сожмет поверхность и даст струе точные очертания. Кольцевая подводная антенна создаст энергетический луч между материком и Птичьим Камнем. Под действием статического поля нефтяная струя побежит сквозь воду вдоль этого энергетического луча. Пройдя через поле приемного кольца Мёбиуса у Птичьего Камня, включенное «на обратное превращение», нефть вновь приобретет обычные свойства. Она войдет в приемный раструб, и насосы перекачают ее в резервуар.

Юра и Николай в эти последние, предпусковые дни безвылазно сидели на Птичье Камне: им была поручена приемная станция. С ними был и Валерка Горбачевский.

И вот закончена сборка аппаратуры. Монтажники уехали на материк. Птичий Камень опустел. На нем остались, кроме наших друзей, лишь дежурный инженер и радиист.

Юра вышел из палатки радииста, который только что принял радиограмму с материка.

— Велено сидеть и ждать, — недовольно сказал Юра. — Чего там мудрит Борис Иванович? Делать-то больше здесь нечего.

— А ты полови рыбку, — посоветовал Валерка.

— У меня в городе тысяча дел! — ворчал Юра. — Мне, может быть, жениться нужно. В этой чертовой спешке в загс сходить — и то некогда.

— А ты женился заочно, — сказал Николай. — Пошли через Бориса Ивановича радиограмму в загс. В Аргентине так принято, я сам в кино видал.

— Плевал я на ваши советы! — Юра кинулся на песок. — Буду спать. А вы как хотите. Какое мне дело до вас до всех... А вам — до меня...

Через час к Птичьему Камню подошел катер. Несколько человек сошли на берег и направились к небольшому зданию приемной станции. Увидев троих загорелых молодых людей, крепко спящих на песке, они остановились.

— Как после Мамаева побоища, — проговорил один из них, усмехаясь.

— Притомились ребята после бессонных ночей, — сказал другой. — Николай Сергеевич! — повысил он голос. — Юрий Тимофеевич!

Николай открыл глаза и сразу вскочил на ноги.

— Извините, — сказал он охрипшим со сна голосом, отряхивая песок с тела.

Перед ним стояли директор института, Привалов, Колтухов и высокий худощавый человек в сером плаще и шляпе.

— Здравствуйте, Григорий Маркович, — смузенно сказал Николай, пожимая ученому руку. — Простите, что в таком виде...

Валерка тоже проснулся и хотел было незаметно улизнуть, но Привалов окликнул его и представил Григорию Марковичу:

— Лаборант Горбачевский.

— А! — Ученый пощупал Валеркин мизинец, уважительно сказал: — Этот самый?

Валерка покраснел и прошептал:

— Да...

Между тем Николай будил Юру. Зная привычки друга, он старался держаться на некотором отдалении от его ног. Юра брыкался и ни за что не хотел открывать глаза. Наконец до него дошло, что приехало начальство. Он встал и, не протирая глаз, сердечно улыбнулся Григорию Марковичу.

— Инженер Костюков, — представился он. — Очень рад. Вы давно приехали?

— Утром прилетел, — ответил академик, улыбаясь. — Рад познакомиться с вами, инженер Костюков. — Он пожал Юре руку и добавил: — А с музыкальным слухом у вас все-таки неважно.

Юра растерянно вздернул выгоревшие, на солнце брови.

— Гитара-то была расстроена, — пояснил Григорий Маркович. — Не вся, конечно, а четвертая струна. Электронно-счетная машина, обрабатывая частотные характеристики вашей музыки, нашла диссонанс в тридцать пять сотых периода в секунду. Так-то, друг мой!

Все засмеялись. Колтухов совсем уже собрался было рассказать похожий случай, произошедший в тридцать первом году во время лагерного сбора под Харьковом, но тут Григорий Маркович сказал:

— Начнем осмотр, товарищи.

Молодые инженеры мигом натянули брюки и рубашки и через минуту уже показывали москвичу аппаратуру приемной станции. Григорий Маркович вел осмотр дотошно, вникал во все детали. В заключение он попросил радиоровать на материковую станцию, чтобы там включили установку энергетического луча. Индикаторная лампа на пульте вспыхнула зеленым светом, сигнализируя о том, что луч, посланный с материка, принят.

— Как будто все в порядке, — сказал академик. — Выключайте. С электретами не было неприятностей? — спросил он у Привалова. — Энергетический провал не повторялся?

— Нет. Электреты надежные, спасибо Колтухову. И схема Бахтияра Халиловича безупречна.

— Ну что ж, завтра начнем испытание.

Григорий Маркович перекинул плащ через руку и, увязая в песке, пошел к маленькой пристани, возле которой покачивался катер. Все последовали за ним.

— Вечером у нас совещание, — сказал директор, когда катер отплыл от острова. — Надеюсь, вы будете, Григорий Маркович?

— К сожалению, не смогу. У меня вечером дела в Институте физики моря. — Ученый помолчал, глядя на синюю равнину моря, на упывающую скалу Птичьего

Камня, мягко освещенную предзакатным солнцем. — Экая теплынь! — сказал он негромко. — В Москве дожди, холод, а у вас благодать.

Ранним утром вдоль берега мчались машины. Миновав небольшое селение, утонувшее в зеленом раздолье виноградников, они сворачивали с шоссе и по накатанной колее ехали к пляжу. У дощатого забора, под купой старых тутовых деревьев, машины останавливались.

Здесь собирались участники испытания — все знакомые нам и многие незнакомые сотрудники «НИИТранснефти» и других институтов.

Несколько катеров стояло у причала. На одном из них прибыл низенький полный человек с курчавой седеющей головой. За ним сошел на берег Вова — серьезный и важный, с чемоданчиком в руке.

Григорий Маркович приветливо поздоровался с курчавым человеком и подвел его к Привалову.

— Вы знакомы? — спросил он. — Это товарищ Рустамов, директор Института физики моря.

— Знакомы, — улыбнулся Привалов. — Мы соседи.

— У вас впереди большая совместная работа, — сказал академик.

Привалов вопросительно посмотрел на него, но Григорий Маркович уже отошел к Багбанлы. А Рустамов хитро усмехнулся: он знал, на что намекал москвич.

Вова величественно кивнул Николаю и Юре:

— Здорово, молодежь. И вы здесь?

— Мы-то здесь, — ответил Николай, — а вот ты, дядя Вова, какими судьбами?

— Судьба ни при чем, — сказал Вова, щуря узкие глазки. — Меня с директором нашим пригласили. Я подводными делами теперь заведую, понял?

Участники испытания направились в здание главного пульта управления. Пульт состоял из трех щитов: на первом были сосредоточены приборы управления генератором проницаемости, соединенные с кольцом Мёбиуса на подводном растробе; на втором — управление насосами, подающими нефть в растроб; на третьем — контроль энергетического луча.

Сейчас возле третьего щита хлопотали электрики. Что-то у них не ладилось. За перегородкой глухо жуж-

жали генераторы, но стрелка измерителя напряженности поля стояла на нуле. Привалов нетерпеливо постукивал ногтем по стеклу прибора.

— Ну, в чем дело? — резко спросил Григорий Маркович.

— Не понимаю, — пробормотал Привалов. — Вчера все было в порядке...

— Запросите Птичий Камень.

Через несколько минут радиист доложил:

— Птичий Камень ответил: индикаторная лампа не горит.

— Очевидно, раструб плохо закрепили, и течение повернуло его, — сказал Колтухов. — Поэтому луч не попадает в антенну Птичьего Камня. Оси подводных раструбов смещены.

— Надо было сделать регулировку с поверхности. Спускайте водолазов, — распорядился Григорий Маркович.

— Вчера отпустили водолазную партию... — Привалов, расстроенный и подавленный, снял очки, принялся протирать их.

— Эх, вы! — Старик Багбанлы поднялся со стула и пошел к двери. — Вам не испытания проводить, а чай распивать в чайхане! — бросил он на ходу.

— Минуточку, Бахтияр-мюэллим, — вмешался Рустамов, — разрешите предложить. У меня на катере есть два комплекта аквалангов. Если объяснить моему работнику, что надо делать, он выполнит. Заодно, если разрешите, он заснимет на пленку момент пуска.

— Где ваш ныряльщик? — спросил Григорий Маркович.

Вова, кашлянув в кулак, шагнул вперед. Ученый окинул взглядом его могучую фигуру.

— Посмотрите на его руки, — сказал Багбанлы, улыбаясь. — Он же поломает установку.

— Разрешите нырнуть вместе с ним, — выступил вперед Николай. — Я покажу ему на месте и помогу закрепить...

— Тебе нельзя, — сказал Юра. — После воспаления легких — придумал тоже! Я нырну, Борис Иванович.

— Хорошо. Только побыстрее.

— Пошли! — Вова хлопнул Юру по спине.

Они разделись на стальном мостице, соединявшем

берег с решетчатой башней, сквозь которую уходила вниз, под воду, труба нефтепровода. Высокий, мускулистый Юра выглядел подростком рядом с Вовой.

Николай помог им надеть акваланги. Юра привязал к руке разводной ключ, а к поясу — сигнальную веревку и договорился с Николаем о сигнализации. Затем он пролез под перилами мостика, спустился по стальной лесенке и попробовал ногой воду. Вода была холодноватая.

— Врут биологи, — проворчал Юра. — Не могла жизнь зародиться в море... Дядя Вова! — крикнул он наверх. — Держись возле меня. Мимо отверстия растрuba не проходи, а то включат, и станешь ты бестелесным. Как твой бывший шеф.

— Ладно, меньше разговаривай, — ответил Вова.

Он бережно извлек из чемоданчика новенькую кинокамеру для подводной съемки.

— У нас оборудование — во! — сказал он Николаю и, отставив вверх большой палец, воспроизвел древнеримский знак одобрения.

Юра натянул маску, взял в рот загубник, включил легочный автомат и ушел под воду. Вова булыхнулся вслед за ним.

Медленно опускались они вниз головой, скользя в холодном зеленом полумраке вдоль косых крестов опорной металлоконструкции. У Юры закололо в ушах. Он сделал глотательное движение — боль прошла.

Ручной манометр — указатель глубины — показал двадцать метров. Плавно загребая руками, Юра подплыл ближе к башне и увидел торчащее из нее колено с широким раструбом. Вот и кольца Мёбиуса, и антенна излучателя.

Юра помахал Вове рукой и пролез сквозь решетку внутрь башни. Он ослабил ключом гайки крепления колена, и Вова начал осторожно поворачивать раструб в тугом шарнире. Это было нелегким делом. Течение отжимало Вову к стальному переплету башни, он шевелил ластами, нащупывая опору для ног. Юра показывал ему жестами: чуть-чуть левее... Не так сильно! Еще немножко... Юра знал: при длине луча семь километров поворот раструба на один градус дал бы отклонение луча у Птичего Камня больше чем на сто метров. Поворачивать надо было очень осторожно...

Вдруг Юра почувствовал два сильных рывка сиг-

нальной веревки: это Николай сообщил, что луч принят на Птичьем Камне — оси раstrубов совпали. Тут же Юра дал Вове знак остановиться и начал одну за другой закреплять гайки. Потом Вова забрал у него ключ и «дожал» гайки. Глядя, как вздуваются его плечевые мышцы, Юра подумал, что теперь никакое течение не свернет раstrуб.

Он дернул три раза веревку: мол, все в порядке, можно давать питание на кольца Мёбиуса и включать насос. Затем он обхватил стальные перекладины башни руками и ногами и стал ждать. Вова пристроился рядом, отвязал от пояса кинокамеру, направил ее на раstrуб.

Минута томительного ожидания. И вот башня завибрировала. Донесся смутный гул: это наверху включили насос и он теперь продавливал легкую нефть вниз по трубе, выгоняя воду.

Из широкого раstrуба выскоцила резвая стайка бычков.

«Они прошли сквозь кольцо, — подумал Юра. — Теперь они, наверное, проницаемы...»

Застрекотала кинокамера: Вова снимал бычков.

Вдруг из отверстия раstrуба вырвался темный столб толщиной с человеческое тело. Будто кто-то невидимый медленно вытягивал из колена трубы толстое бревно. Оно становилось все длиннее и длиннее... Четырнадцатидюмовая нефтяная струя шла сквозь воду — шла ровно, не размываясь, с четко ограниченной поверхностью, окруженной слабым фиолетовым сиянием. Юре показалось, что он слышит однотонный и долгий певучий звук...

Так вот оно! Уже не в мечте, не странным и далеким видением, не на листе ватмана — наяву шла сквозь море струя нефти. Это было чудо. Чудо, созданное их руками!

Юре хотелось крикнуть, кувыркнуться через голову, смеяться. Он помахал рукой Вове, но тот был занят: снимал струю. Застрекотала кинокамера.

Юра четыре раза дернул сигнальную веревку, чтобы дать знать Николаю: струя пошла. Тотчас он получил ответ — его сигнал был принят. Юра отвязал веревку от пояса и, оттолкнувшись от башни, поплыл неподалеку от струи. Он без особого труда обогнал ее. Установка работала на медленном режиме, скорость струи была невелика — меньше метра в секунду. Вот когда вступит в строй

Трансказпийский, можно будет дать струе огромную, небывалую скорость: ведь она проникает воду свободно, не испытывая сопротивления...

Юре захотелось наверх, к людям. Он сделал знак Вове, и они, медленно перебирая ластами, всплыли на поверхность. Юра сорвал маску с лица, сказал:

— Повезло нам с тобой, дядя Вова! Мы первые и единственные свидетели чуда.

С мостика им махал рукой и что-то кричал Николай. Лицо у него было сияющее.

Приемочная комиссия отплыла на большом белом катере к Птичьему Камню. Времени было достаточно: нефтяная струя дойдет до острова не раньше чем через два с половиной часа.

Над черной скалой кружили встревоженные чайки; в последнее время им не стало житья от людей.

А люди неторопливо сошли на песчаный берег острова. Осмотрели стальной открытый резервуар. Не всем верилось, что нефть, пройдя без труб семикилометровую морскую трассу, заполнит этот резервуар. Внимательно слушали инженера Костюкова, который снова и снова принимался рассказывать, как он увидел струю, вытягивающуюся из расструба отправной станции.

На пульте управления все было в порядке. Зеленый глаз индикаторной лампы показывал, что энергетический луч, питаемый батареей электретов, надежно соединяет оба берега. Напряженность поля вокруг луча была нормальной.

Но стабильно ли действие поля кольца Мёбиуса? А вдруг нефтяная струя, пройдя километр-два, перестала быть проницаемой? Тогда энергетический луч не удержит ее на глубине. Нефть не сможет преодолеть сопротивление воды и всплынет, растекаясь на поверхности моря густым черным пятном...

Привалов выехал на трассу. Катер с полчаса «утюжил» пролив. Синяя гладкая вода была чиста — никаких нефтяных пятен. Борис Иванович вернулся на остров, закурил, принялся вышагивать по песчаному пляжу.

— Перестань! — раздраженно сказал ему Колтухов. — Ходишь маятником — у меня голова от тебя кружится!

Когда остались считанные минуты, Григорий Маркович велел включить насос. В резервуар хлынула, пенясь, струя воды. Нефти пока не было. Пришлось остановить насос.

Юра не выдержал. Он молча разделся, зажинул за спину баллоны акваланга, натянул маску и кинулся в воду. Вова тоже надел акваланг и, прихватив кинокамеру, вошел в воду.

Почти сразу Юра увидел струю. Она шла на него тупым темным концом, похожим на орудийное жерло. Как и прежде, ее окружало слабое фиолетовое сияние.

Странное и жутковатое зрелище... Юра рванулся вверх. Остро кольнуло в ушах. Он поплыл медленнее. Мелькнула стекловидная граница воды и воздуха, ярко освещенная солнцем. Вырвав изо рта загубник, Юра засорал людям, стоящим на берегу:

— Идет! Включайте!

И, торопливо сунув загубник в рот, снова нырнул и поплыл к решетчатой башне. Там уже сидел Вова со своей кинокамерой.

И они увидели: нефтяная струя прошла сквозь кольцо Мёбиуса и преспокойно втянулась в широкий раструб. Точнёхонько! Как по ниточке...

Юра в восторге хлопнул себя по ляжкам. Хлопка не получилось, он только провалился метра на два в глубину. Работая руками и ногами, Юра принял всплыть.

А там, наверху, на площадке у верхнего края резервуара, столпились участники испытания. Пока насос гнал воду, белую от пены. Но вот вода потемнела... Рассыпая радужные брызги, мягко шлепнулась на дно резервуара бурая маслянистая струя.

Колтухов, стоявший ближе всех к патрубку, сунул в струю палец. Нефть! Да, это была нефть. Она без труб пересекла семикилометровый пролив в «бесплотном», перестроенном состоянии, свободно пронзая морскую толщу, и здесь, пройдя сквозь поле приемного кольца Мёбиуса, снова стала осязаемой, «нормальной».

Багбанлы притянул к себе Привалова, чмокнул его в губы:

— Поздравляю, Борис!

— И вас тоже, — ответил Привалов, охрипший от волнения и счастья.

Участники испытания, радостно возбужденные, сели на катер и отправились на материк. Опыт был повторен в обратном порядке. И снова нефть, на этот раз отправленная с Птичьего Камня, прошла сквозь пролив и заполнила приемный резервуар.

— Так, — сказал Григорий Маркович. — Считаю, что опыт прошел удовлетворительно. Проследите, Борис Иванович, чтобы собрали ленты со всех записывающих приборов. И на сегодня хватит.

«На сегодня хватит! Только и всего, — подумал Привалов. — Других слов не нашел. Как будто сегодня не свершилось небывалое, невероятное... Впрочем, у них, ученых, иные масштабы. Для них сегодняшний опыт — очередной шаг в ряде других, не более...»

Между тем народ разъехался. Рустамов тоже попрощался было, но Григорий Маркович придержал его:

— Не торопитесь, Джафар Алиевич. Нам нужно поговорить. Но, может быть, сперва съездим куда-нибудь пообедать?

— Здесь промысел недалеко, в десяти минутах езды, — сказал Привалов. — Там столовая.

— Отлично. Надеюсь, в столовой, расположенной у моря, найдется уха из свежей рыбы.

— Уха? — вмешался Юра. — Вряд ли там есть. А мы сами, если хотите, приготовим уху. Рыбы наловить не долго.

— Еще лучше, — сказал Григорий Маркович.

Валерка побежал за спиннингом и, усевшись на краю пристани, метнул в воду длинную леску. Вова тоже взял на катере свою удочку и пристроился рядом. Вполголоса, чтобы не напугать рыбу, он стал рассказывать Валерке о своем «электро-тензо-пьезометрическом силометре», которым, по его словам, заинтересовался завод медицинского оборудования.

В помещении пульта остались Григорий Маркович, Багбанлы, Привалов, Колтухов, Рустамов и Николай с Юрай. Они сидели возле белых щитов. За раскрытым окном шелестели листвою на ветру старые тутовые деревья. Изредка в комнату залетали желтые листья и, медленно спланировав, ложились на пол у подоконника.

— Подведем некоторые итоги, — сказал москвич. — Нам удалось содрать с вещества кожу поверхности и перестроить его внутренние связи. Непроницаемое стало

проницаемым. Проблема сама по себе не нова. Если помните, на заре нашего века Владимир Ильич писал, что исчезают такие свойства материи, которые казались раньше абсолютными и неизменными, а теперь обнаруживаются как относительные, присущие только некоторым состояниям материи. К числу этих свойств Ленин относил и непроницаемость.

У себя в институте, — продолжал ученый, — мы давно занимаемся этой проблемой. Мы основательно изучили взаимопроницаемость — диффузию газов, жидкостей и твердых тел. Три принципа казались нам решающими: электростатическое поле, высокая частота и эффект клетки Фарадея — свойство зарядов собираться на внешней поверхности. Кроме того, мы считали, что «взорвать» поверхность можно будет только в условиях сильного разгона частиц. Однако Николай Сергеевич, — тут ученый взглянул на Николая, — предложил остроумное решение — использование свойств кольца Мёбиуса, не имеющего ни внешней, ни внутренней поверхности. Это была счастливая догадка...

— Если бы не матвеевская рукопись, — сказал Николай, покраснев, — не было бы никакой догадки. Просто я ломал голову над «сукрутиной в две четверти»...

— Было бы что ломать, — засмеялся Бахтияр Халилович. — Голова сама по себе — тоже вещь немаловажная.

— Итак, — сказал Григорий Маркович, — кольцо Мёбиуса, генератор, созданный в лаборатории Бориса Ивановича, и частотные характеристики полей, найденные в Институте поверхности, предопределили успех сегодняшнего опыта. Очень интересен, товарищи, такой вопрос: взаимодействие проницаемости с гравитационным полем земли. Мы тщательно проанализировали тот случай в нашей лаборатории, когда кольцо «утонуло» в бетоне. Из дневника Бенедиктова мы знаем, что у них бетонный пол «глотал» превращенное вещество. Да и сама трагическая смерть Бенедиктова... — Ученый коротко развел руками.

Помолчали немного.

— Чем все-таки вы объясните, Григорий Маркович, — спросил Привалов, — что в одном случае проницаемое или, точнее, проникающее удерживается на поверхности, а в другом — проваливается?

— Пока я представляю себе эту штуку таким образом. Перестроенное вещество, как и обычное, обладает массой и, следовательно, тяготеет к центру земли. Но если на пути тяготения появляется перегородка из обычного вещества, — ну, скажем, пол, сиденье стула или сама поверхность земли, — то перегородка эта превращается в «заслонку тяготения». Свойство проницаемости проявляется во всех направлениях, кроме строго вертикального. Но в известных условиях, — немного помолчав, продолжал академик, — взаимодействие «поля превращения» и гравитационного поля может сложиться так, что действие «эффекта перегородки» смеется по вертикали вниз. В этом случае, как мы видели, произойдет «утопание».

— Нужна строгая увязка параметров установки с силой тяжести данного географического пункта, — заметил Багбанлы. — Предварительные гравиметрические измерения нужны.

— Верно, Бахтияр Халилович. Кстати, должен признать: ваша энергетическая схема превосходно выдержала испытание.

— Спасибо за доброе слово. — Багбанлы приложил руку к сердцу. — Но для Транскаспийского, вообще для больших расстояний, потребуется новая схема. Не забудьте, что придется искривить луч в соответствии с формой Земли. Старик Бахтияр не сможет этого сделать, даже если повиснет на другом конце луча.

Москвич засмеялся, дружелюбно тронул старика за плечо:

— Мы навалимся на ваш луч сообща. Авось искривим. Принципиально важное достижение, — продолжал он, — это электреты товарища Колтухова. Неиссякаемый источник тока в виде электретной батареи не допустил возможного энергетического провала.

— У Опрытина на острове, — вставил Юра, — тоже была батарея электретов.

— Там ее использовали для другой цели, — сказал Багбанлы. — Она служила для передачи свойств ножа другим предметам.

— Григорий Маркович, — сказал Привалов, — вы упоминали о дневнике покойного Бенедиктова. Что, если воссоздать его «установку заражения»? По-моему, это облегчит работу.

— Безусловно, — согласился академик. — Бенедиктов провел, я бы сказал, блестящую работу. Очевидно, и роль Опрятинова в этом деле весьма значительна... Помните, я весной высказывал мысль о возможности передачи свойств предмета с перестроенными связями другим предметам? Бенедиктов сделал это. Не исключено, что и безвестный индийский ученый шел таким же путем. Ну, об этом мы уже говорили у нашего друга Ли Вэй-сэна, если помните... Бенедиктову не удалось добиться стабильности — очень, очень жаль, что он работал без контакта с нами. В его записях много интересного. Кстати, я ходатайствовал перед президиумом академии об издании его сохранившихся трудов.

— Правильно! — вырвалось у Николая.

Тут послышались торопливые шаги, и в комнату вошел Вова. Хохолок на его голове стоял дыбом. Он держал наперевес бамбуковое удилище, на конце лески болтался толстый сизо-серебристый бычок. Вова остановился посредине комнаты, лицо его выражало крайнюю степень изумления.

— Для ухи, пожалуй, маловато, — проговорил Григорий Маркович, критически оглядев бычка.

— Какая там уха! — грубо сказал Вова.

Он поднял леску и схватил рыбку рукой. Кулак его сжался, пальцы прошли сквозь бычка, как сквозь пустое место.

— Видали?!

— Рыбка прошла через кольцо Мёбиуса! — воскликнул Привалов. — Она проницаема!

— Нетрудно догадаться, — проворчал Колтухов. — Только вот как она на крючке держится? Крючок-то из обычного вещества...

Григорий Маркович взял леску, внимательно осмотрел бычка, потрогал пальцем крючок. Затем он прошелся по комнате, немного сутулясь.

— Бахтияр Халилович, — сказал он, остановившись перед стариком, — помните, Бенедиктов писал в дневнике, что проницаемые собачки без труда лакают непроницаемую жидкую похлебку?

— Помню.

— Это, — москвич ткнул пальцем в бычка, — из того же ряда явлений. Кажется, я начинаю понимать.

Багбанлы почесал мизинцем густую бровь.

— Вы хотите сказать, — начал он, — что если широко разинуть пасть...

— Да! — Григорий Маркович заговорил быстро и оживленно. — Ведь свойство проницаемости не существует само по себе. Оно проявляется лишь при встрече с обычным веществом. Так, Бахтияр Халилович? Это же ваша мысль: защитные слои поверхности один за другим раскрываются навстречу проницанию. Но этот эффект, очевидно, имеет только одно направление: снаружи внутрь. Понимаете, товарищи? Если двигаться из середины вещества наружу — ничего не выйдет. Поверхности не будут раскрываться. Когда проницаемые собаки Бенедиктова хватали куски мяса, их зубы, расположенные близко к наружным полостям, не могли удержать мясо — оно проваливалось сквозь челюсти. А жидкая пища сразу попадала в глубокие полости горла, где проницаемости изнутри наружу не было. Так же и здесь: рыба с широко раскрытым пастью полезла на крючок, и он оказался достаточно глубоко. Рыба дернулась, но осталась на крючке, потому что он не мог пронизать ее в обратном направлении — изнутри наружу. Разумеется, это лишь предположение. Но стоит о нем серьезно подумать.

— Подумать стоит, — согласился Багбанлы. — Но не сейчас. Когда желудок пустой, голова прислушивается только к его голосу. — Он посмотрел на Вову: — Будет уха или нет?

— Будет, — пообещал Вова и вышел.

— Это тоже, кажется, одна из идей Бенедиктова, — сказал Николай. — Проницание нерестовых рыб сквозь плотины на реках.

— Верно, — сказал Григорий Маркович. — Эта задача на очереди. А теперь, поскольку речь зашла о проблемах, послушаем товарища Рустамова.

Директор Института физики моря провел ладонью по курчавой голове, откашлялся и начал:

— Товарищи, проблема повышения уровня Каспия...

— Погоди, сынок, — прервал его Багбанлы. — Ты красноречив, я тебя давно знаю. Излагай самую суть. Нам проблема известна.

— Знаем, знаем, — поддержал Колтухов. — Кипя-

тильник на Черном море, облакопровод над Кавказским хребтом, искусственное ливневание...

— Очень хорошо, — кивнул Рустамов. — Тогда скажу коротко. На образование нескольких не очень крупных облаков, обычных во второй половине летнего дня, природа расходует десятки миллионов киловатт-часов солнечной энергии. Это вы, конечно, тоже знаете. — Он хитро прищурился.

— Конечно, — сказал Колтухов, впрочем, не совсем уверенno.

— Очень хорошо. Сейчас, при наличии атомной энергетики, нам доступна такая энергия. Но — дорого, товарищи! Длительный искусственный ливень — очень дорогое удовольствие. Все же мы вели подготовительные работы, потому что подъем уровня моря оправдал бы любые затраты. Летом на острове Ипатия у нас погибла опытная конденсационная установка. Это вы тоже знаете... Так вот, Григорий Маркович предложил новую идею: вместо облакопровода Черное море — Каспий создать под Кавказским перешейком подземный морепровод...

— Морепровод?.. — переспросил Привалов, поднимаясь со стула.

Молодые инженеры тоже повскакали со стульев и уставились изумленно на Рустамова.

— Да, товарищи, морепровод, — негромко сказал Григорий Маркович. — Примерно на сорок второй параллели, между Поти на Черноморском побережье и Дербентом на Каспии. Сегодня мы гнали нефть сквозь воду. А морепровод сделаем так: струя черноморской воды пойдет сквозь земную толщу в Каспий.

С минуту в комнате было тихо. Инженеры, ошеломленные гигантским замыслом, и слова вымолвить не могли.

— Я сегодня прикинул, — деловито сказал Рустамов: — будет гораздо дешевле. Раньше, правду скажу, сомневался, а сегодня увидел. Хорошая идея.

— Хорошая? — вскричал Привалов. — Вы говорите: хорошая? Да это же грандиозно!

— Не горячитесь, Борис Иванович, — сказал москвич. — Морепровод — не такая уж грандиозная проблема по сравнению с тем, что сулит нам проницаемость. Будет еще много удивительного, неожиданного... Могу

сообщить: у нас в институте ведутся многообещающие опыты по высвобождению энергии поверхности.

Николай и Юра оживленно шептались о чем-то у окна. Колтухов кивнул на них, тихо проговорил:

— Эти уже обсуждают детали проекта. Посмотрите, какие у них глаза шальные...

Вечер за окном наливался синевой, высветил небо серебряной звездной пылью. Потрескивал, постреливал малиновыми искрами костер, и от костра плыл вкусный запах поспевающей ухи.

Уха удалась на славу.

И вот уже катер резво побежал, наискосок пересекая лунную дорожку.

Молча сидели в катере пассажиры, утомленные длинным и трудным, интересно прожитым днем.

Плыли навстречу огни большого города. Дружелюбно подмигивали красные и белые глаза фарватерных буев.

— Борис Иванович, — негромко сказал вдруг Николай, — а помните, с чего все началось?

— Что — все?

— Ну... опыты с поверхностным натяжением и прочее.

— С чего началось? — Привалов задумался. — В самом деле, с чего?.. Помню, был какой-то разговор на яхте...

— Еще раньше, Борис Иванович! Помните толкучку? Мы стояли перед картиной «Леда и лебедь», и вы...

— А! — Привалов засмеялся. — Верно, верно. Дурацкая картина, а поди ж ты — навела на мысль...

И он стал рассказывать Григорию Марковичу о давнем случае на толкучке. Москвич тоже посмеялся. А потом сказал, помолчав:

— Картина — случайный толчок. Важно другое... — Он мог бы многое сказать об этом «другом», но ограничился тем, что просто похлопал Бориса Ивановича по руке.

Большой белый теплоход, сверкающий огнями, пересекал курс катера. Из открытых иллюминаторов салона неслась танцевальная музыка.

Вова, стоявший у штурвала, развернул катер в разрез волны, поднятой винтами теплохода.

Юра обернулся и прочел надпись на высокой корме корабля, освещенной фонарем:

— «Узбекистан»... Колька, «Узбекистан»!

Николай не ответил. Он смотрел вслед огням теплохода. Долго смотрел.

А Колтухов сказал, дымя папиросой:

— Красавец корабль. Новой постройки... А вот в двадцать шестом году, когда я рыбачил в Астрахани, был такой случай...

ЭПИЛОГ

Мы долго думали: нужен ли эпилог?

И решили, что нужен. Ничего не поделаешь, правила хорошего тона требуют, чтобы кто-нибудь из героев закатил в конце романа веселую свадьбу — а ведь давно известно, что лучшего места для свадьбы, чем эпилог, не найти.

Это — первое веское соображение.

Что до второго, то оно очень простое: в романе нет пролога, так пусть будет хоть эпилог.

Итак, начнем.

Был ранний зимний вечер. Ленивыми хлопьями падал снег и тут же таял на черных мокрых тротуарах.

Рита сидела, поджав ноги, в уголке дивана и медленно листала небольшую книгу в скромной бумажной обложке.

Она всматривалась в строчки знакомых и незнакомых формул, с острым интересом читала описания опытов — некоторые из них, первоначальные, она хорошо помнила. Еще раз посмотрела на обложку. Вверху стояло: «А. Бенедиктов». Ниже: «К вопросу об изменении внутренних связей вещества».

Книжку сегодня прислали ей из Москвы. Она только что вышла из печати небольшим тиражом, рассчитанным на ограниченный круг научных работников. Книга была отредактирована Григорием Марковичем, ему же принадлежали вступительная статья и комментарии.

Тишина. Круглый свет торшера, бесшумное движение рыбок в аквариумах, неприкаянный, одинокий ми-

роскоп на столе... И надпись на обложке: «А. Бенедиктов...»

Брызнул звонок. Рита вскочила, побежала в переднюю, на ходу запахивая халатик. Давно уже никто не звонил у этих дверей.

Под ногами вертелся черный кот Пронька. Рита отперла дверь и просияла, увидев Юру и Валю.

Вслед за ними в переднюю вошел, стуча когтями, Рекс.

— Как я рада! — сказала Рита, здороваясь с гостями. — Какие вы молодцы...

Она хотела потрепать Рекса по голове, но пес вдруг рявкнул и, вырвав из Юриной руки поводок, кинулся в глубь квартиры. Лай, шипение, грохот опрокидываемых стульев...

— Эта собака отравляет мне жизнь, — плачущим голосом сказала Валя.

Они поспешили в столовую. Пронька стоял на буфете, распушив хвост и злобно шипя. Рекс бесновался и прыгал, пытаясь достать представителя вражеского племени.

— Я тебя! — закричал Юра, хватая Рекса за ошейник. — Распустился, мерзавец!

Проньку отослали на кухню, Рекс виновато вильнул обрубком. Порядок был восстановлен.

— Ты чудесно выглядишь, — сказала Рита Вале. — Прямо расцвела после свадьбы.

(Да простит нас читатель! Мы поленились описывать свадьбу Юры и Вали, которая состоялась около месяца назад. Скажем только, что свадьба прошла очень весело. В числе других гостей был, конечно, экипаж «Меконга» в полном составе. Валерик изрядно захмелел. Он танцевал «стилем», пел странную папуасскую песню и хохотал до колик в животе, когда Юра изображал в лицах потасовку с контрабандистами. Это была на редкость веселая свадьба — пусть читатель поверит нам на слово.)

— Как же, расцветеца тут! — сердито ответила Валя. — И вообще, я удивляюсь своему терпению. Этот тип... Я просто слов не нахожу! — Она сделала гримаску в сторону Юры.

«Тип» величественно сидел в кресле-качалке. На нем был новый черный костюм с покатыми плечами и ослепительная рубашка.

— В чем дело, Юрочка? — улыбаясь, спросила Рита. — Почему ты изводишь жену?

— Никто ее не изводит, — заявил Юра, раскачиваясь в кресле. — Просто она дала мне почитать свою диссертацию...

— Нет, ты подумай, — перебила его Валя. — У меня скоро защита. Я даю этому типу прочесть диссертацию и жду от него дельных замечаний. А он...

— Неужели порвал? — ахнула Рита.

— Хуже! Он ее читал и комментировал, читал и комментировал. Ты же знаешь Юрку!

Рита смеялась. На душе у нее было тепло.

— Как я рада, что вы пришли! — сказала она. — Сейчас буду поить вас чаем.

Она побежала на кухню, но Юра догнал ее в коридоре, схватил за руку.

— Рита, не хлопочи. Мы зашли за тобой, чтобы вместе пойти к Николаю.

— Зачем? — Рита снизу вверх посмотрела на Юру.

— Просто так. Рядовой визит. Колька и раньше был порядочным домоседом, а теперь и вовсе... Острый приступ меланхолии. Сидит дома как сыр, в кино и то на аркане приходится тащить. Пойдем проведаем старика, а?

— Хорошо, — сказала она, помолчав.

Ленивый снежок падал на мокрые тротуары и таял. Но на садовой ограде он лежал тонким рыхлым слоем. Юра сгреб немного снега и замахнулся на Валю.

— Юрка, не смей! — закричала она, прячась за Риту. У Вали было новое модное пальто.

Юра кинул снежок в Рекса. Рекс, у которого не было нового пальто, никак не боялся испортить свою прекрасную желто-полосатую шкуру. Он весело тявкнул и поймал зубами полу Юриного пальто.

В Бондарном переулке горел подслеповатый фонарь. Бараны шапки по случаю непогоды перебрались, должно быть, со своими нардами на зимние квартиры.

Из-под знакомой арки вышел рослый человек в широком пальто и кепке.

— Привет, дядя Вова!

— А, это ты... Здравствуйте. — Вова степенно поздравился со всеми за руку.

— Куда собрался?

— В библиотеку. — Вова показал стопку журналов «Огонёк»: — Видишь, поменять хочу.

— Дело! — одобрил Юра. — А мы — к Николаю. Ну, пока.

Они поднялись на второй этаж, позвонили. За белой занавеской метнулась длинная тень. Дверь распахнулась...

Теперь давайте попрощаемся с нашими друзьями и последуем за Вовой.

Ему повезло: в библиотеке было немного народа. Пожилая дама в пенсне, поджав губы, перебирала книги на столе выдачи.

— Про шпионов ничего нет? — спросила она строгим голосом.

— К сожалению, сейчас ничего, — ответила библиотекарша, хорошо знакомая со вкусом дамы.

Вова осторожно потянул из стопки толстую книгу в пестрой обложке.

— Минуточку, — сказала дама, сверкнув пенсне, и отобрала у Вовы книгу. — Я, кажется, раньше пришла.

Она раскрыла книгу на первой странице и прочла вполголоса:

— «Раздался страшный скрежет, и трехмачтовый барк «Аретуза», шедший с грузом копры с Новых Гебрид, резко накренился. Бушующие волны перекатывались через...» Хорошо, — сказала она неуверенно и протянула книгу библиотекарше: — Запишите эту.

О Г Л А В Л Е Н И Е

<i>Часть первая</i>	
«Ртутное сердце»	5
<i>Часть вторая</i>	
Флота поручик Федор Матвеев	101
<i>Часть третья</i>	
Сокрутина в две четверти	221
<i>Часть четвертая</i>	
Остров Ипатия	353
<i>Эпилог</i>	539

К ЧИТАТЕЛЯМ

Издательство просит отзывы
об этой книге направлять по
адресу: Москва, А-47, ул. Горь-
кого, 43. Дом детской книги.

Для среднего и старшего возраста

Войскунский Евгений Львович,
Лукодьянов Исаи Борисович

ЭКИПАЖ «МЕКОНГА»

Ответственный редактор А. Н. Стругацкий
Художественный редактор А. В. Пацина
Технические редакторы
Т. М. Токарева и Т. В. Перцева
Корректора
Э. С. Ульянова и М. Б. Шварц

Сдано в набор 19/II 1962 г. Подписано к
печати 19/V 1962 г. Формат 84 × 108^{1/32} —
17 печ. л. = 28,56 усл. печ. л. (27,99 уч.-
изд. л.). Тираж 115 000 экз. А04176.
Цена 1 р. 09 к.

Детгиз. Москва, М. Черкасский пер., 1.

Фабрика детской книги Детгиза.
Москва, Сущевский вал, 49. Заказ № 2322.

